

Рязанский этнографический вестник

ISSN: 1819-2246

Е.А. Самоделова

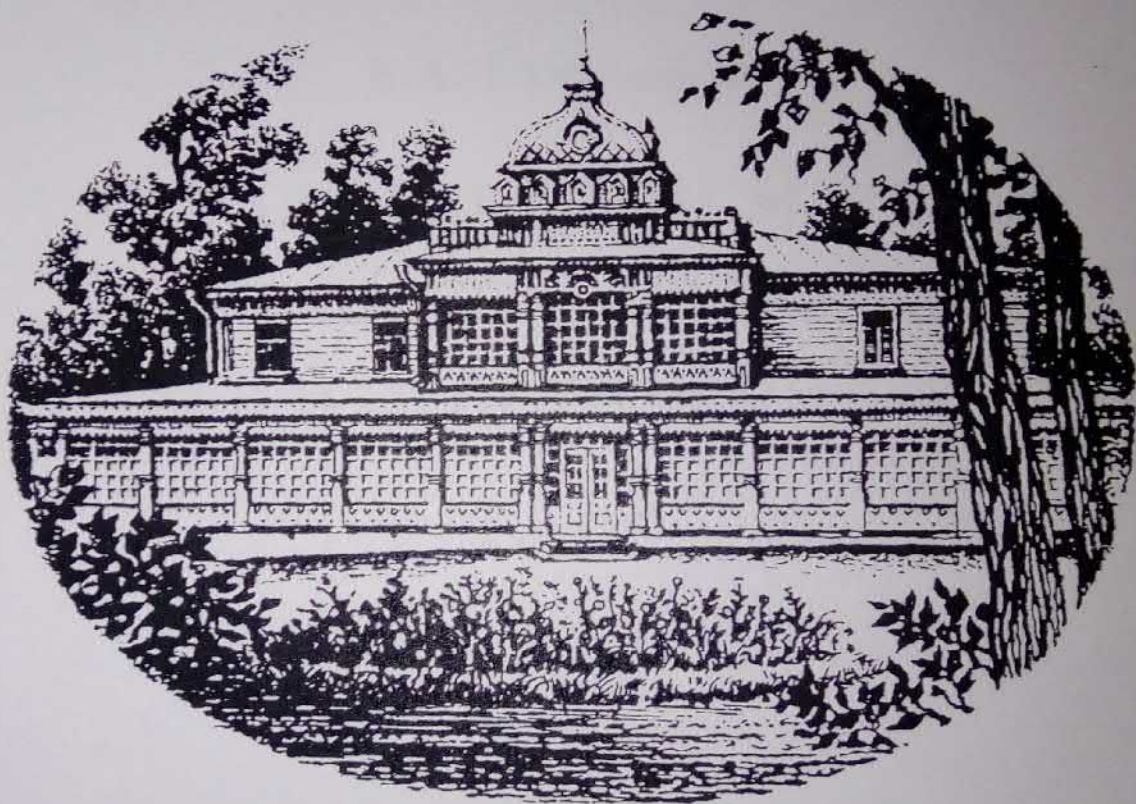
ОБРАЗ РЕБЕНКА
И МАТЕРИ
В РЯЗАНСКОМ
ФОЛЬКЛОРЕ
И ЭТНОГРАФИИ

Том 2

Рязань, 2019

«РЯЗАНСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Автор и руководитель проекта В.В. Коростылёв

Рязань

«РЯЗАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.В. КОРОСТЫЛЁВ

61

Е.А. Самоделова

**ОБРАЗ РЕБЕНКА И МАТЕРИ
В РЯЗАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
И ЭТНОГРАФИИ**

Том 2

Рязань, 2019

Журнал "Рязанский этнографический вестник" № 61, том 2

Учредители:

1. В.В. Коростылёв

2. Рязанский областной научно-методический центр народного творчества

Зарегистрирован Министерством печати и средств массовой информации Российской Федерации 04.02.1994 г., рег. № 012372

Редакция: г. Рязань, ул. Урицкого, 72. Тел. (4912) 25-64-76, e-mail: cnt@post.rzn.ru

Главный редактор **В.В. Коростылёв**

Ответственный секретарь **Е.М. Шановская**

Тираж 50

Цена свободная

Отпечатано в ИП Издательство Викулов К.В.
390000 Рязань, ул. Урицкого, 45, кв. 16

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 26

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук
ОБРАЗ РЕБЕНКА И МАТЕРИ В РЯЗАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЭТНО-
ГРАФИИ. ТОМ 2.

Научное издание.

Том 2 монографии продолжает тему материнства и детства, посвящена жеребьевкам, считалкам и играм, детским посвященным ритуалам и отображению образа ребенка в обрядовом и необрядовом фольклоре. Рассматривается роль сказок и страшилок, молчанок и дразнилок. Изучается влияние девичьих альбомов и настенных граффити на воспитание подростка и становление его характера. Анализируются детские ролевые игры и игрушки девочек и мальчиков, в том числе глиняные свистульки — изделия народных промыслов.

Книга написана на основе полевых материалов автора, архивных рукописей, труднодоступных материалов периодической печати и с привлечением художественной литературы с краеведческим компонентом.

Том 1 был посвящен магическим приемам определения пола будущего ребенка, родильному обряду с инстинктом повивальных бабок и колыбельными песнями, ритуалам появления первых признаков роста (новых волосиков, первых слов и шагов, постоянных зубиков) и предметов обихода (рубашки, пояса). Исследовались магические свойства первенца и последнего ребенка, народные обозначения разновозрастных детей, мифические способы наведения болезней на младенца и приемы лечения, проблемы наказания подростков и влияние школы на воспитание.

Рецензенты:

Воронова О.Е., доктор филол. наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А.Есенина;

Горбунов Б.В., доктор истор. наук, профессор Рязанского института развития образования.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Работа защищена законом об авторских правах.

Любое копирование издания допускается только с письменного разрешения редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN: 1819-2246

© В.В. Коростылев, — проект «Рязанская этнографическая энциклопедия», 2019.

© ГБУК «Рязанский областной научно-методический центр народного творчества», 2019.

© Е.А. Самоделова — текст, 2019.

Глава 38. Роль рассказывания сказок в воспитании детей

Сказки (наряду с другими жанрами фольклора) служили средством развлечения детей и взрослых. В д. Деулино Рязанского р-на эти произведения назывались «кázky» – от диалектного глагола «казать», то есть ‘говорить, сообщать что-либо; выражать какое-либо мнение’ (ССРНГ, 215). Местная жительница рассказала, что дети очень любят слушать «кázky» (сказки): «Как дóбрай пр’ишóл, с’ид’ёл [внук]... Кáск’и йим [внукам] раскáзывала» (ССРНГ, 215).

Проф. Д. И. Ростиславов в 1868 г. описал процесс рассказывания сказок в семье священника во время поста в с. Шеянки Касимовского у.:

«Сидели обыкновенно не молча, а разговаривали, пошучивали и, главное, певали песни. <...> И вот, бывало, шесть и более певиц начинают петь русские заунывные песни стройно, чинно, даже с чувством, – заслушаешься. <...> Песни иногда наскучивали, или их нельзя было петь, например, в посты; тогда кто-нибудь рассказывал русские сказки; матушка моя их знала много. Дедушка тоже иногда говаривал о старинном житье-бытье»¹.

Историк С. Д. Яхонтов описал в мемуарах обычай рассказывания сказок дедушкой и другими старшими родственниками, сидя на разогретой печи в с. Ухорь Пронского у. в 1860-е гг.:

«Вот тут, “на” семейном очаге, сказывались по вечерам сказки, приключения, бивальщины и т.п. Целый сказочный мир овладевал маленьким душонками детишек (да и взрослых) и иногда настраивал воображение до того, что пойти для <до?> ветру на двор – пройти в одиночку чрез темные сени, даже в темный угол избы – в одиночку боялись. “Мама, проводи!” Я сам испытывал эту “жуть”. Идешь туда ничего... а оттуда спешишь за собою затворить поскорее дверь... Кто-то как будто хватает за ноги сзади. Чуть пятки не прихлопнешь»².

В другом месте мемуаров С. Д. Яхонтов повторяет ту же мысль о ценности народных сказок, услышанных на печке: «А на полатях, на которые влезать можно было чрез печные грядицы – приступки. Там тепло и душно. Одна опасность – для вскакивающих во сне можно было убиться. Но зато там – сказки»³ (с. Ухорь Пронского у.).

Помимо рассказывавшего сказки дедушки, С. Д. Яхонтов назвал еще одного словоохотливого человека, память о котором сохранилась с детства в с. Ухорь Пронского у.: «<...> Тарас-балагур – старик-крестьянин. Он бывал везде, и в Сибири, где “пчела с воробья”»⁴.

Сергей Есенин в стихотворении «Бабушкины сказки» (1913-1915) отразил подобный крестьянский обычай рассказывать внучатам сказки зимними вечерами, что он наблюдал в родном селе Константиново Рязанского у.:

Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака (Есенин IV, 53).

В автобиографии 1923 г. Есенин вспоминал, как он в детстве слушал сказки бабки и «усовершенствовал» их на свой лад: «Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад» (Есенин VII (I), 11).

Брату вторила сестра Е. А. Есенина, которая сама не преобразовывала сказки матери, но обращалась к ней с просьбой исполнять фольклорные произведения менее художественно: «Аленушка так жалобно звала своего братца, что мне становилось не в мочь, и я со слезами просила мать не петь этого места, а просто рассказывать. Мать много рассказывала о святых, и святые тоже у нее пели»⁵.

По сведениям старожила Н. И. Титова из с. Константиново Рыбновского р-на, Сергей Есенин в детстве мог слышать сказки при ночном выпасе лошадей в лугах: «И сказки, разные необыкновенные случаи рассказывали у костра...»⁶

Другой старожил с. Константиново также подтвердил бытование обычая рассказывать сказки летом в ночном:

«Сказок было очень много, – вспоминает Василий Степанович Ефремов. – Мой отец крестный, Дорожкин Яков Федорович, сказочником был. Сам пастух. Жил в Матове. Ребятам в ночном все сказки рассказывал. Бывало, всю ночь просидит.

Алеша Гришин еще сказками славился. Тоже матовский»⁷.

Но не все мальчики любили стеречь лошадей в ночном. С. Д. Яхонтов, будучи сыном дьячка в с. Ухорь Пронского у. и стремясь как можно лучше учиться и больше сил отдавать учебе, не уделял внимания романтике ночного выпаса лошадей в 1860-е годы: «Братья любили ездить в “ночную”, а я нет. Ночное у нас после покоса стереглось в “Вязях”, а после уборки хлеба в полях редко мне приходилось бывать в ночном, и поэзии его я мало ощущал. Я не имел дружбы с крестьянскими ребятами, поэтому ни разговоры их, ни рассказы не привлекали меня»⁸.

В крестьянской семье уроженца с. Кривское Сараевского р-на П. С. Каданцева детей также развлекали сказками, но уже перед Великой Отечественной войной, и они – подобно ребяташкам Есениным – не желали слушать несчастные концовки:

«А вот русские народные сказки впервые мной услышаны от отца. Знал он их множество и охотно рассказывал длинными зимними вечерами. Прочитав печатные издания некоторых из них, понял, что он зачастую переиначивал их по-своему, а также сочинял собственные. Страшные сказки (как сейчас принято говорить, “ужастики”) я не любил, плохие концы в них тоже. Видимо, потому, что и того, и другого хватало и наяву. Но любителей пощекотать нервы себе или другим понимаю: сдвинутые – и потому жалею их»⁹.

Отметим, что мнение о переделке опубликованных в книжках русских народных сказок по-своему является типичным для родившихся в 1930-е и последующие десятилетия сельских жителей – и неверным. Фольклористы прекрасно знают, что устные сказки всегда существуют в вариантах и даже версиях, различающихся важными сюжетными моментами и некоторыми персонажами, и не все бытующие в народной среде сказочные тексты уже записаны собирателями и опубликованы. Приведенная ошибочная точка зрения обусловлена достигнутой к 1930-м годам всеобщей грамотностью, приобщением к книжной культуре и даже переоценкой ее, а также постепенным снижением доли фольклорного знания в общей системе ценностей. К сожалению, П. С. Каданцев не расспросил отца, откуда тот узнал сказки: может быть, перенял от собственного отца или деда, услышал от однополчан в армии или познакомился с ними в иной устной передаче. Также П. С. Каданцев не сообщил, владели ли подобным сказочным репертуаром другие его родственники и односельчане, что свидетельствовало бы о наличии местной сказочной традиции.

В своих воспоминаниях П. С. Каданцев сделал акцент на другом, а именно на том, как воздействует сказочная поэтика на формирование эстетических взглядов ребенка и на

его дальнейшее приобщение к классической литературе, в том числе к литературной сказке, приключенческим и фантастическим повестям и романам. П. С. Каданцев писал: «Меня пленял волшебный мир рассказываемых отцом русских народных сказок, думается, именно они подвинули мой читательский интерес к классической литературе – сначала к стихотворениям и сказкам А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке, о царе Салтане, о золотом петушке, а потом и к другим произведениям великого русского поэта»¹⁰. И далее: «<...> именно русские народные сказки вызвали у меня интерес также к приключенческой и фантастической литературе, особенно поучительно-познавательной»¹¹. П. С. Каданцев обосновал свою точку зрения: «Ведь сказка – это живой рассказ о выдуманном событии, носящем фантастический, приключенческий характер. Однако ее материал – вполне реальная действительность и действуют в ней не только фантастические персонажи, а вполне достоверные короли, воины, разбойники и др.»¹².

На Рязанщине, как и по всей России и за рубежом, сказочный репертуар, приспособленный взрослыми сказочниками к детскому восприятию, имел свои особенности как по отбору сюжетов, так и по стилистике. Так, в волшебной сказке «Про Бабу-Ягу, костяную ногу» (СУС 327 А = К 327 Е*; ср.: СУС 327 С, F) из с. Тимошкино Шиловского р-на в соответствии с сюжетом персонажами оказываются малыши: «*Дети* по лесу ходят, она их поймает и жаривает, этих *детей*-то. Печку натопит жарко. И она туда его – и жарит – этого-от *мальчика* или *девочку* ли»; однако делается сильный крен в сторону осовременивания произведения – «Вот один шёл, в свитере был...» и превращения его в предание с указанием точного и будто бы реального места действия – «Она и сейчас тама цела. Вот зайдите, посмотрите, какая это Баба-Яга. <...> Вы идите туда, там есть. На автобусе ехать: Авдотьянка, Желудёво, потом Ибрётка. До Ибрётки»¹³. Сказочница назвала существующие населенные пункты: д. Авдотьянка, с. Желудёво и д. Ибердь или д. Иберда (известно и как Ибердка) Шиловского р-на, расположенные сравнительно недалеко от места исполнения сказки¹⁴.

Мысль о пользе учебы может облекаться в сказочный «пример из жизни», когда главный герой – ребенок – осознает нужность обучения и просит научить его. Это наиболее ярко заметно в указанной сказке «Про Бабу-Ягу, костяную ногу» из с. Тимошкино Шиловского р-на¹⁵. Для пушей доходчивости и убедительности типичный сюжет сказки получает конкретную географическую привязку к знакомой рассказчице соседней местности, что переводит типологию сказочной канвы в подобие назидательной житейской истории. Рассказчица уточняет, что в ее детстве (начало XX века) сказки являлись одним из самых доходчивых воспитательных приемов и широко применялись старшим поколением: «Тогда много было ска́зков, полно. Сейчас никто их не рассказывает. У нас бабка была, на печь сядет и рассказывает»¹⁶.

В другой сказке подчеркивается смекалка и предприимчивость ребенка, сумевшего найти выход из сложной ситуации. Это сказка с условным названием «<Про девочку и медведя>» (ср.: СУС 311), бытовавшая в Шиловском р-не:

«Девочка в лесу заблудилась. И попала в дом к медведю. Он её – она там всё прибрала, всё приготовила – ему еду, печку истопила. Он говорит: “Живи ты у меня, девочка”. А ей хочется к бабушке, к дедушке – в деревне были. Ну, чего? Она: как мне отсюда уйти? Она решила опять напечь пирожков – к бабушке пойти. Отнесёт он бабушке пирожки. Вот там дом в деревне, пятый дом с краю. А сама вместо пирожков села в корзинку: “Только смотри, не съешь пирожка!” Он идёт: “Ох, съесть!” Она: “Не садись на пенёк, не ешь пирожок!” – ему с корзинки. “Ой! И тут видит!” – Далеко отошёл-то он. Ну, что ж? К бабушке, к дедушке пришёл он: вот вам от внучки гостинчик принёс. Открыли – а там внучка сидит! Уж как она обманула! Ну и что? И ушёл обратно в лес, внучку оставил бабушке с дедушкой!»¹⁷

Здесь правдоподобие сказки также подчеркнуто топографически – «пятый дом с краю», хотя классический сказочный жанр не предполагал правдивости, а, наоборот, основан на художественном вымысле.

С удовольствием рассказывая сказки о животных и бытовых предметах («Колобок» – СУС 2025 = АА*296; про петушка, кота, зайца и лису – СУС 61 В = АА*61 П), уроженка Шиловского р-на охарактеризовала в 2000 г. адресацию фольклорного текста – детям: «Ну, тоже детская такая сказочка»¹⁸.

Интересна отмечаемая исполнительницей с. Константиново Рыбновского р-на детская реакция на сказку про петушка, кота, зайца и лису: ребенку не нравился трагический конец сказки, в которой на третий раз кот все-таки не успевал спасти неразумного петушка и того съедала лиса (по другой сюжетной версии – возможно и оптимистическое разрешение событий). В памяти осталась просьба впечатлительного мальчика:

«А у нас один Серёжка, он скажет: “Ой, бабуля, не надо такую, она плохая!” Она начнёт это:

Петь-петь, петушок,
Золотой уребешок...

Начнёт это:

Выуляни в окошко.

А он: “Бабуля-бабуля, не надо такую! Это плохая!” Он запоминает, там жалко ему – приходит, он видит, он знает, что жалко-то»¹⁹.

Сказочники уже с помощью присказки могли заинтересовать малыша и настроить его на восприятие дальнейшей сказки. В с. Озёрки Сараевского р-на бытовала присказка про известных ребенку животных:

Расскажу я сказку
Про звезду Алмазку,
И про белочку-касатку,
Про улиточку хвостату²⁰.

Записан вариант этой присказки, бытовавшей в д. Лубянки Ухоловского р-на. Так, бабушка Л. В. Родионовой в 1960-е годы самый обычный объект быта умела воплотить в сказку:

«Сказки про всё – про кота, который лапой умывается. Это же не сказка – кот на печке! Но внуки просили рассказать сказку. “Ну, садитесь!” – брала на колени одного, гладила и приговаривала:

Я сейчас расскажу тебе сказку
Про звезду Алмазку,
А ты бай-бай, засыпай!

Все остальные дети сидели рядом. Бабушка рассказывала про чугуны, про огонь в печи»²¹.

Рассказывание сказок служило и средством успокаивания плаксивого малыша. В с. Константиново Рыбновского р-на в 2000 году сообщали: «Ну, когда я с внуком – он у нас кричал, безбожно плакал, это невозможно! Ничего не болело, а такой крикун, что ль, был! Ему сейчас всё говоришь: “Серёжа! Ну как же ты у нас плакал!” Мать работала ходила, мама работала, а я ходила его всё нянчила – и он у меня вырос, до школы только. <...> Был невозможный! <...> Сказки рассказывала»²².

Рассказчики и слушатели сказок осознают наличие специфически детского сказочного репертуара. С. А. Есенин отмечал это обстоятельство в «Автобиографии» (1924): «Нянька, старуха-приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети» (Есенин VII (1), 14).

Есенин отразил в повести «Яр» (1915) особенности воспитания детей на сказках. В этом отношении показателен диалог девушки Лимпиады и мальчика Юшки во время приведения в порядок его рыжих волос:

«– Ложись, ложись, – тянула она его к себе. – Я расскажу тебе сказку.
– Ты знаешь про Аленушку и про братца-козленочка Иванушку? – прищепывая губами, выговаривал Юшка. – Расскажи мне ее... мне ее, бывалоча, мамка рассказывала» (Есенин V, 27).

Помимо сказки об Аленушке и братце Иванушке (СУС 450), еще один сказочный сюжет представлен в «Яре» Есенина: племянник мельника Афоньки мальчик Кузька был взят из родной семьи «на прокорм», чтобы сестре было легче воспитать остальных шестерых детей. Мальчик сначала боялся бора, а потом вспомнил способ ориентирования, известный ему по сказке (возможно, СУС 327 В):

«– Я, дяденька, не боюсь теперь, – смышлено качал желтой курчавой головой Кузька. – Ты разя не знаешь сказку про мальчика с пальчик? Когда его отвели в лес, он бросал белые камешки, а я бросаю калину, она красная, кислая, и птица ее не клюет» (Есенин V, 34).

Сам Есенин тоже любил слушать сказки и просил друзей сказывать их, однако мальчишки знали о его увлечении стихосложением и в ответ требовали почитать стихи собственного сочинения. Д. А. Воробьев (1901-1983), односельчанин и сосед Сергея Есенина, вспоминал: «А то посадит мальчишек в кружок и велит сказки рассказывать или песни петь. Мы ему говорим – свои стишки расскажи. Так нет, ни в какую, отнекивался, свои не любил рассказывать»²³.

Сестра Сергея Есенина вспоминала о том, как знание народных сказок дети приобрели от матери: «Когда мы учились, она следила за тем, чтобы мы делали уроки, а если мы читали художественную литературу, она ворчала: “Опять пустоту листаешь. Читала бы нужную книжку, а то ерундой занимаешься”. И сама же она бессознательно прививала нам любовь к литературе. С раннего детства мы слышали от нее прекрасные сказки, рассказывать которые она была большая мастерица, а когда мы подрастали, то выясняли, что часто пела она переложенные на музыку стихи Пушкина, Лермонтова, Никитина и других поэтов»²⁴.

На Рязанщине отмечены и «скрещенные жанры» (так называемые кросс-жанровые, или межжанровые, образования): например, совмещение колыбельной песни с докучной сказкой. Такое произведение записано в с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на:

Баюшки-баю,
Течёт речка,
Через речку – мостик.
Бежит овечка,
А у овечки – хвостик.

Пересохла речка,
Обломился мостик,
Умерла овечка,
Оторвался хвостик²⁵.

В 2006 г. Алексей Акимович Аксёнов, 1926 г. р., фронтовик, житель г. Ряжск, вспоминал о рассказывании сказок взрослыми конюхами в ночном, причем сказки стояли в одном ряду с несказочной прозой:

«И вот в ночную всегда угоняли. Значит, как мы угоняли? Значит, взрослые, конюхи что ли, они, два конюха сопровождают, лошадей охраняют. А мы, пацаны, лошадей, которые приходят с работы, с работы надо отвести на пастбище в ночное. Мы, значит, отправляли и примерно часов до двух, до часу там с этими конюхами дежурили. Костры разжигали. Вот эти сторожа что-нибудь рассказывали, кто в Гражданской войне участвовал, рассказывал какое-то бытё, ну там, события всякие, вот события в деревне, ну, из старых таких рассказов. Вот так вот. Ну, сказки некоторые рассказывали, пожилые которые. А мы, пацаны, что же? Ну, любили слушать. Рот разинешь, слушаешь!»²⁶.

Смысл рассказывания сказок в ночном был просветительским, однако А. А. Аксёнов больше запоминал рассказы о событиях, которыми ветераны Гражданской войны делились со школьниками. Услышанную в ночном сказку про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку (СУС 450) он вспомнить не смог.

В с. Константиново Рыбновского р-на ребенок сызмальства воспитывался на речитативном приговоре, вычленном из сказки и часто исполнявшемся как самостоятельное произведение типа пестушки. Когда в 2005 г. велись записи детского фольклора от старожилов сел Константиново и Кузьминское Рыбновского р-на в присутствии детей, они сначала внимательно прислушивались, а потом начинали предлагать известные им тексты, иногда совершенно незнакомые старшему поколению, как ни странно это звучит.

В с. Урядино Касимовского у. в 1923 г. были записаны два фольклорных произведения, обозначенные их собирателем А. Т. Харитоновой как «сказки»; вероятно, они имели песенный напев или исполнялись речитативом. Мы бы их отнесли к сказкам-потешкам. Приведем одну из них:

Турушок, осиновый гребешок,
Куда стадо гонишь?
На красную улицу,
На красной улице дуб стоит.
Там дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова моя тёща,
Синичка – сестричка,
Залётная птичка,
Ты где была?
У царя гуляла.
Что царь делает?
Туроношку пишет,
На красненьком стулочке,
На жёлтеньком блюдечке.
Блюдечком махает,
Яйцом катает,
Блином поминает²⁷.

¹ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. Июнь. С. 215.

² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 37.

³ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 52.

- ⁴ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 54.
- ⁵ Литературная Рязань. Альманах. 1957. Кн. 2. С. 310.
- ⁶ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 223.
- ⁷ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 225.
- ⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 47.
- ⁹ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2008. С. 229.
- ¹⁰ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 229-230.
- ¹¹ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 231.
- ¹² Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 231.
- ¹³ Записи автора. Тетр. 8. № 98 – Червякова Анна Кузьминична, 1910 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и А. В. Беликов 26.08.1990. Оpubл.: Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты /Рязанский этнографический вестник. 2013. Вып. 51. Т. 1. № 73. С. 84.
- ¹⁴ Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) /Рязанский этнографический вестник. 2004. Вып. 32. С. 8, 128, 146.
- ¹⁵ Записи автора. Тетр. 8. № 98 – Червякова Анна Кузьминична, 1910 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Самоделова Е.А. и Беликов А.В. 26.08.1990. Оpubл.: Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1. № 73. С. 84.
- ¹⁶ Записи автора. Тетр. 8. № 98 – Червякова Анна Кузьминична, 1910 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Самоделова Е.А. и Беликов А.В. 26.08.1990. Оpubл.: Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1. № 73. С. 84.
- ¹⁷ Записи автора. Тетр. 8. № 194 – Поликушина Клавдия Алексеевна, 1928 г. р., уроженка Шиловского р-на, зап. в с. Константиново Рыбновского р-на, 10.09.2000. Оpubл.: Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1. № 66. С. 75-76.
- ¹⁸ Записи автора. Тетр. 8. № 203 – Поликушина Клавдия Алексеевна, 1928 г. р., уроженка Шиловского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 10.09.2000.
- ¹⁹ Записи автора. Тетр. 8а. № 339 – Ерёмина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.
- ²⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 67 – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на; жила в Москве, октябрь 1981 г. Оpubл.: Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1. № 2. С. 5.
- ²¹ Записи автора от Родионовой Людмилы Валентиновны, 1957 г. р., г. Москва, апрель 2006.
- ²² Записи автора. Тетр. 8а. № 416 – с. Константиново Рыбновского р-на, 2000.
- ²³ Цит. по: Титова У.А. «На земле, мне близкой и любимой...» Династия Воробьёвых – Титовых в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 157.
- ²⁴ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 55.
- ²⁵ Записи автора. Тетр. 6. № 143 – Бёдгер Валентина Ивановна, 1923 г. р., с. Чулково-Лухарево Скопинского р-на, 08.07.1989.
- ²⁶ Записи автора. Звуковой файл VA0004.mp3 – Аксёнов Алексей Акимович, 1926 г. р., фронтовик, г. Рязск, запись Е. А. Самоделовой и С. П. Сорокиной 13.07.2006.
- ²⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/510. Кн. III. Ед. хр. 82. Л. 3 об. – Харитонов А.Т. Этнографический материал по селу Урядино Китовской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г.

Глава 39.

Воспитательная роль песенных и речитативных жанров
детского фольклора: игры-потешки, скороговорки

Воспитательная идея о пользе учебы, обучения, овладения бытовыми навыками и ремеслом прослеживается в разных фольклорных жанрах: песнях, пословицах и поговорках, сказках. Идея воспитания детей согласно народным представлениям о разных гендерных ролях звучит в свадебной песне с. Озёрки и д. Дмитриевка Сараевского р-на «На горе-то калина...» – в наставлении жениха невесте: «Учи сына в грамоту, // А дочерю – шёлком шить»¹.

В поговорках и пословицах наизидание о необходимости учиться может исходить из тезиса «от противного»: «Учиться, работать не хотел – стал гоголем»² (с. Тимошкино Шиловского р-на); «Учи ребёнка, пока поперёк лежит, как вдоль легло – поздно»³ (с. Озёрки Сараевского р-на).

Вероятно, первые песенки, исполнявшиеся матерями, бабушками и старшими сестрами для малышей, были зафиксированы в середине XIX века. По данным Д. К. Зеленина, описавшего архив Русского географического общества (РГО) в 1916 г., «детские песенки» в количестве 12 штук зафиксировал в г. Данков в 1859 г. Т. Т. Соловьев. Среди них обнаруживаются как чрезвычайно популярная до сих пор песня-потешка «Сорока», так и редкие и исчезнувшие к настоящему времени произведения. В этом же списке помещены колыбельные песни, не выделенные в отдельный жанр⁴.

Следующим собирателем песенок для детей на Рязанщине стал В. Д. Рудинский, записавший в 1881 г. в с. Заболотное Данковского у. «песни детские», также в количестве 12 штук (тоже хранящиеся в архиве РГО). Он же привел 9 колыбельных песен⁵. Может быть, этот В. Д. Рудинский являлся братом епархиальному наблюдателю уездных училищ, которому Сергей Есенин посвятил два стихотворения – «И. Д. Рудинскому» и «И. Д. Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17-го ноября 1911 г. (Есенин IV, 9, 270, комм. 339, 471)?

Такой способ представления вперемешку или по соседству песен-потешек и колыбельных песен, как в архиве РГО, показывает, что в начальной истории фольклористики материнский и детский фольклор считался объединенным разделом устного народного творчества, сгруппированным вокруг образов матери и ребенка – исполнительницы и адресата песенок.

Жизнь ребенка проходит в игре – сначала со взрослыми, которые учат его постигать мир играючи, потом со сверстниками и разновозрастным коллективом.

Даже процесс просыпания ребенка связан с пением ему специальных песенок, цель исполнения которых – разбудить малыша.

С одной стороны, матери старались не будить младенца, чтобы он успел выспаться и не плакал, не мешал домашним работам: «Нет, пусть он лучше спит, а потом проснётся! А если его разбудишь, это бодрости не будет! Это будут слёзы!»⁶ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

Действительно, когда ребенок просыпался, он издавал характерные звуки, по которым мать определяла, что ее малыш уже не спит. У куршаков для этой ситуации имеется специальный глагол: «Загурнучить (зыгурнучат') – залепетать (о ребёнке)»⁷. В д. Андронове Клепиковского р-на говорили: «Знать, праснұлси, зыгурнұчал, ни сьпұт...»⁸.

Немного подросший ребенок пытался говорить – сначала нечленораздельно, нечетко произнося слова: применительно к такой «темной» детской речи в д. Деулино Рязанского р-на использовали диалектный глагол «натёмливать». Местные жители рассказывали:

«Д'эвч'къ нат'эмл'иваит', а ч'ústь н'и уутáр'ит', анá с'а нь н'авó пахóд'ит', на ццá н'амóва»; «Шыпкь н'а мóжът' выу́вар'ит', а с'ó-тк'и нат'эмл'ивы́т' [о маленькой девочке]»; «Ч'о ш он н'и рьзúвар'иваит' у т'иб'ё? – Дь он нат'эмл'иваит'» (ССРНГ, 328).

П. В. Шейн объединил в общий раздел песни для детей, которые он противопоставил по различию целей – ввести ребенка в сон и, наоборот, разбудить: «Колыбельные и потешные. Первыми убаюкивают детей младенцев, укладывая их спать, а последними их потешают, забавляют во время их бодрствования, – когда оне гúлят»⁹.

Женщины признаются, что песенку про петушка исполняли детям по утрам – например, в с. Ленино Александрo-Невского р-на:

«Это мы пели. “Масляна головушка...” Мы пели. <...> Ой, я уже не помню. <...> Я вспоминаю. Я вот пела, я про петушка обязательно, давно пела. <...>

Петя-петя-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь?
Антошке, моему сыночку, спать не даёшь! (хором)»¹⁰.

Сюжет этой песенки перекликается с сюжетом песенной вставки в сказке про кота, петуха и лису (СУС 61 В = АА*61 II), распространенной и на Рязанщине. Эта сказка про зверей записана в с. Константиново и с. Федякино Рыбновского р-на. В сказке с. Константиново Рыбновского р-на (куда она попала с переселенкой из Шиловского р-на) фигурирует следующий вариант подобной песенки:

– Петя-петя-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шёлкова борода!
Выйди-выйди на дорожку!
Ехали бояре,
Горох растеряли –
Некому собрать¹¹.

В сказке «Кот и петух» с. Федякино Рыбновского р-на, унаследованной от бабушки родом из с. Ходяйново того же района, имеются два варианта песенки:

– Кукарéку, петушок,
Золотой мой гребешок!
Мáсляна головушка,
Шёлкова бородушка!
Выгляни в окошко –
Дам тебе горошку!

– Кукарéку, петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко –
Дам тебе горошка!
Вон бояре ехали –
Пышенó рассыпали,
Некому подбирать!¹²

Два варианта этой песенки – «Кукуреку, кочеток, золотой гребешок» и «Туру-турусок, на улице петушок, золотой гребешок»¹³, отнесенные собирателем к двум разным жанрам – к песням детским и колыбельным, – были записаны в 1881 году в с. Заболотное Данковского у. В. Д. Рудинским.

Некоторые матери вместо исполнения песни про петушка и подобных будили детей ласками и приговариванием нежных слов:

«Всё собираем (1-я женщина). Я до сих пор утром бужу, всё собираю! И давай поцелуем то-то, и это, ой-ой-ой! Чтобы разбудить! (А про поцелуй – это что? – Е.С.) А, ну, это чтоб проснулся и без писка, чтоб улыбался. Так. “Где наш маленький носик? Давай поцелуем носик!” Он начинает во сне носик тебе совать! “А где там наша жопка маленькая? Давай поцелуем жопку!” Он – начинает тебе жопку! Ха-ха-ха! А сам ещё спит! И вот так, пока всё не расцелуешь, дальше он сам по себе проснётся. (Это сколько ему лет? – Е.С.) Пятый год уже. <...> Да-да. В садик так водим, да-да. Да. Это чтобы в настроении встал ребёночек. А то встанет без настроения в садик – он плохо будет: в садик – нет! Если не поцелуешь, в садик пойдёт недовольный. Да! (2-я женщина)»¹⁴ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

С проснувшимся ребенком родители занимались детским массажем с использованием простых физических упражнений, которые можно делать прямо в кровати, на лавке или иной горизонтальной поверхности. Массажные действия сопровождалась «потягушками» – речитативными стихотворными произведениями наподобие «специальных песенок, которые превращали физические упражнения в развлечение для матери и ребенка»¹⁵.

В Сараевском р-не «распеленав ребенка, мать укладывала его на подушку, поглаживала его, потягивала ножки, ручки и говорила: “На кисеньку потягушеньки, на Петеньку порастушеньки”»¹⁶.

Применялся также более длинный стишок, тоже произносившийся речитативом, нараспев:

Потягушеньки, порастушеньки,
 Поперек толстушеньки,
 А в ножки – ходунушки,
 А в ручки – хватунушки,
 А в роток – говорок,
 А в головку – разумок¹⁷
 (Сараевский р-н).

Если ребенка специально расположили на подушке, чтобы матери удобнее было сделать ему утренний массаж, то после легких физических упражнений возникала необходимость снять малыша с такого возвышения и не допустить при этом его плача от расставания с пушистой, мягкой поверхностью. Для этого в Сараевском р-не употреблялся текст «потягушки», являющийся как бы парным по отношению к уже произнесенному начальному массажному тексту, завершающим физкультуру. Итак: мать, «катая ребенка по подушке, чтобы он мог размяться, пела:

Тушки!
 Тутушки!
 Сели
 На подушки.
 Пришли
 Подружки,
 Столкнули
 С подушки»¹⁸
 (Сараевский р-н).

Рязанский этнограф Н. И. Лебедева приводила зачин потешки, которую ее забавлял отец в детстве, примерно в 1896 г.: «Я была – старшая и уже “большая” – поэтому папа любил со мной возиться, часто таскал на руках и мне пел: “А ду-ду, сидит ворон на дубу, он играет во трубу”, – мне это нравилось»¹⁹.

Во множестве вариантов записана на Рязанщине старинная детская игра “Сорока” с вождением взрослым пальцем по ладошке ребенка и с загибанием его пальчиков по очереди. Вероятно, первый известный по времени записи вариант – это текст «Сорока дуда, где ты была?», зафиксированный Т. Т. Соловьевым в г. Данков в 1859 г. (по данным Д. К. Зеленина, описавшего архив Русского географического общества в 1916 г.)²⁰.

В с. Константиново Рязанского у. в конце XIX века бытовал текст с концовкой – легким ударом по лобику ребенка:

– Сорока, сорока,
Где была?
– Далеко.
– Чего пила?
– Бражку.
– Чего ела?
– Кашку.
Кашку варила,
На порог становила,
Кашку студила,
Деток скликала.
Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца.
А ты мал-мал был,
Никуда не ходил,
Тебе кашки не дадим.
Ты дров не рубил,
Ты печь не топил,
Ты воду не носил,
Ты кашку не варил,
На порог не становил,
Ты деток не скликал,
Ты хлеб не пек,
Тебе – шишок»²¹.

В 2010 г. от 83-летней жительницы с. Константиново Рыбновского р-на (б. Рязанского у.) мы записали эту игру со словесным текстом и вождением взрослым человеком пальцем по ладошке ребенка с загибанием его пальчиков по очереди:

Сорока-ворона по лесу летала,
Кашку варила, деток кормила.
Этому дала, этому дала,
Этому дала, этому дала,
А этому не дала:
Он мал и ленив,
За водой не ходил
И кашу не варил»²².

В Шиловском р-не в середине XX века припевался усеченный (редуцированный) вариант:

Сорока-белобока
Кашку варила,
Деток кормила,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала.
Почему?
Он воду не носил²³.

В с. Гавриловское Спасского р-на в 2008 г. мы записали другую версию детской потешки, в которой главным персонажем выступает птица с двойным именем, отражающим сразу две птичьих породы, а концовка приводит к щекотанию ребенка:

Сорока-ворона
Кашу варила,
Деток кормила:
Этому дала
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала.
А этому не дала:
Ты мал, недорос,
Ты водички не принёс.
Тут пень, тут колода,
Тут кривая изгорода,
А тут глубокая водичка.
(И щекочут его под мышкой)²⁴.

В с. Агро-Пустынь (Аграфенина Пустынь) Рязанского р-на в первой половине XX века детская потешка «Сорока» имела еще одну версию:

Сорока-сорока,
Куда летишь? – Далёко.
Прыг-скок другая.
– Куда летишь, кривая?²⁵

Другое действие заключалось в том, что взрослый человек или старший брат либо сестричка брали ладошки ребенка в свои и производили ими хлопанье в потешке с. Озёрки Сараевского р-на:

Ладушки, ладушки!
Где были? – У бабушки!
– Что ели? – Кашку!
– Что пили? – Бражку!
– Что на закуску?
– Хлеб да капустку!²⁶

Детские потешки исполняются нараспев, поэтому начальные строки многих текстов являются звукоподражаниями музыкальному инструменту – конкретно тому, о котором пойдет дальше речь в сюжете. Вот два примера из с. Агро-Пустынь Рязанского р-на и с. Се-

кирино Скопинского р-на, аналогичные приведенному фрагменту из мемуаров Н. И. Лебедевой:

Ду-ду-ду, ду-ду-ду,
Потерял мужик дуду.
Шарил-шарил – не нашёл,
Заругался и пошёл.
Ай ля-ля, ой ля-ля.
Вот штаны-штаны-штаны,
Потерял старик штаны.
Сам шарил – не нашёл,
А бабка пошла,
Штаны нашла²⁷
(с. Агро-Пустынь Рязанского р-на);

Ай дуду, ай дуду,
Потерял мужик дуду.
Шарил-шарил – не нашёл,
И заплакал и пошёл²⁸
(с. Секирино Скопинского р-на).

Вариант этого же произведения – «Ой дуду, дуду, дуду, потерял мужик дугу» – был записан В. Д. Рудинским в 1881 году в с. Заболотное Данковского у.²⁹

Изображение музыкальной инструментовки с помощью языка, своеобразные звуко-подражания музыкальным инструментам (это еще практикуется при исполнении частушек в отсутствии гармониста) содержатся в зачинах следующих двух песенок-потешек:

О ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Ой лялюшки, ой ляля,
Вот ребята, вот и я³⁰
(с. Агро-Пустынь Рязанского р-на);

Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота,
За Кота Котовича,
За Иван Петровича³¹
(с. Озёрки Сараевского р-на).

Характер мелодии является крайне примитивным, архаичным в своей простоте, напоминающим мотив колыбельной песни, за которой он и следует хронологически, в соответствии с возрастом подрастающего малыша. Поэтому неслучайно героями потешек оказываются уже привычные персонажи колыбельных песен (потом они будут востребованы в сказках о животных) – например, кот и кошка в с. Агро-Пустынь Рязанского р-на. Возможно, это даже произведения двойной жанровой природы – синтез колыбельной и пестушки:

Как кот кошке
Купил полсапожки.
А мы их не носим,
Галошек не просим³².

Записанный Л. А. Худзинской в 1927 г. в с. Сапожок вариант текста отнесен к частушкам (см. выше).

Звукоподражаниями хозяйственных дел (вероятно, исторически предшествующими звукам музыкальных инструментов) полна потешка с. Секирино Скопинского р-на:

Ай чучу-чучу-чучу,
Я горошек молочу.
Ко мне курочка ряба.
Я по курочке цепом.
А из курочки перо
Под Ивана веселó
<Под Иваново село>.
А Иван с Москвы
Потерял носки.
А носки красные,
Шапка плисовая³³.

В с. Секирино Скопинского р-на в 1989 г. зафиксирован конечный фрагмент некой потешки (или колыбельной песни), начало которой исполнитель не вспомнил; произведение иронически повествует о бытовых трудностях:

Сварил кашку крутую,
Купил ложку худую,
Почерёг <почерпнул> со дна –
Там крошечка одна³⁴.

При сопоставлении этого фрагмента с произведением, записанным П. Ф. Ивановым в 1928 г. в д. Ровное Рязанского у. и отнесенным им к разряду «старых колыбельных песен», становится понятным полный сюжет, хотя вопрос о жанровой принадлежности (несмотря на утверждение собирателя) остается не до конца проясненным:

Живет мужик бедный:
Сделал котел медный;
Варил кашу крутую,
Сделал ложку большую,
Он задел из-под дна,
Там крупиночка одна³⁵.

В г. Рязань в конце 1920-х годов Л. А. Худзинская записала детскую игру (или игру взрослого или более старшего с маленьким ребенком) со щелчком по голове, как это наблюдалось в одном варианте игры в «Сороку»:

«Нискладушки, ниладушки,
Прямо Кóлю па макушки.
(Детская поговорка. При этом щёлкают названного по голове)»³⁶.

Краевед из пгт Сараи Г. А. Кармацкая и школьница Н. Плахотина сообщают, что в Сараевском р-не «общеупотребительными были игры “в кулачки” и в “шильце”»³⁷. Досадно, что исследователи не пояснили, какие действия совершаются в этих играх, сопровождаются ли они словами. Мы предполагаем следующее содержание одной из этих игр. При игре «в шильце», вероятно, малыш протягивает ладонь вперед, внутренней стороной кверху, а родитель или старший ребенок дотрагивается до центра ладошки указательным пальцем. Ребенок должен всеми своими пальчиками раскрытой ладошки захватить палец взрослого, а тот нарочно сначала на одну-две секунды задерживал свой палец и уже потом отдергивал. Когда малыш более-менее научился ловить палец взрослого, тогда менялись ролями,

и уже ребенок протягивал свой пальчик и пытался увильнуть от захватывающей ладони старшего игрока. Повторим: это только наше предположение.

Школьница Н. Плахотина из пгт Сарай сообщает о потешке, которая сопровождала раскачивание маленького ребенка на коленях у взрослого человека или старшей сестры:

«Мою бабушку нянька сажала на колени, подражая качке при езде на лошади, и пела, “приговаривала”:

Поехали, поехали
В лес за орехами.
По кочкам, по кочкам,
По кривенькам дорожкам.
В речку – бух! Из речки – плюх!»³⁸

Эта же школьница записала от других жителей Сараевского р-на потешку с иным сюжетом, но с одинаковой концовкой – «бух!» – и также с обязательным подбрасыванием на коленях взрослого человека и с завершающим падением:

«Ребенка подбрасывают на коленях, а затем делают вид, что роняют:

Дорога гладкая,
Дорога гладкая,
Чтой-то стала хуже,
Чтой-то стала хуже,
Бух! Упала Танюшка!

При этом смеялись»³⁹.

К разряду довольно простых в исполнении игр с наклонами, прыжками, подскоками и приседаниями относится следующая сценка из с. Озёрки Сараевского р-на:

Баба сеяла горох,
Прыг-скок, прыг-скок.
Обвалился потолок,
Прыг-скок, прыг-скок.
Баба шла, шла, шла,
Пирожок нашла,
Села, поела, опять пошла.
Баба встала на носок,
А потом на пятку,
Стала «русскую» плясать,
А потом – вприсядку»⁴⁰.

Такая же приговорка-потешка записана в 2005 г. в с. Кузьминское Рыбновского р-на; отличается она только одним стихом – «Она встала на мысок»⁴¹, что свидетельствует о большой стабильности произведения и по хронологии исполнения, и по территории распространения.

Еще одна подобная потешка (похожая на дразнилку), записанная в Сараевском р-не и сопровождаемая обучением малыша телодвижениям, звучит иронически:

«Ребенка берут за ручки и заставляют танцевать, плясать:

Ну-ка, Таня, попляши,

Твои ножки хороши,
Нос крючком,
Голова горшком,
Жопка ящичком»⁴².

Совсем маленьких детей забавляли, стараясь вызвать улыбку у ребенка и научить его уклоняться в разные стороны от опасно надвигающегося объекта – импровизированных козых рогов, сооруженных из кисти руки взрослого или старшего человека: «<...> изображая “козу”, указательным пальцем и мизинцем “бодали” ребенка, приговаривая: “Забодаю, забодаю, забодаю!”»⁴³ (пгт Сарай).

В Сараевском р-не, когда «ребенок начинает ходить, приговаривают:

Большие ножки
Шли по дороге <д.б.: дорожке>:
Топ-топ,
Топ-топ.
Маленькие ножки
Бежали по дорожке:
Топ-топ-топ-топ-топ,
Топ-топ-топ-топ-топ!»⁴⁴.

Когда в с. Сергиевка-2 Шиловского р-на в кирпичном доме раскулаченного крестьянина Горохова организовали ясли-сад примерно в 1931 году, там «няньки играли с детьми в народные игры-потешки»⁴⁵.

Ребятишек постарше обучали правильно говорить на примере *скороговорок*, относя этот фольклорный жанр к детским забавам. Собиратель А. Г. Трофеева в д. Часлово Гавринской вол. Касимовского у. в 1923 г. отмечала игры детей зимой, в том числе увлечение малышей разными фольклорными жанрами – напр., скороговорками: «В снежки; катаются на салазках; рассказывают сказки; загадки; скороговорки»⁴⁶.

Собирательница записала 5 скороговорок в д. Часлово Касимовского у.:

- «1) Из-под топота копыт пыль по полю несётся.
- 2) Шил колпак не по-колпаковски.
- 3) Свинья рыла, рыла, вырыла полрыла да пость <часть? пол?> ребра.
- 4) В избе не без поплескушек.
- 5) Полчетверти четверика гороху без червоточинки»⁴⁷.

Уточним: поплескушки – лужи выплеснувшейся, разлитой воды⁴⁸.

Исключительно детской, без участия взрослых, являлась хороводная (или игровая) песня про «пана» и «черного барана», сопровождавшаяся показом обозначенных игровых действий:

«Ребята поменьше такую игру затеют. Выберут “черного барана” и хозяина его – “пана”. Обступят их, запоют:

– Где же ты был, наш черный баран?
Где же ты был, наш черный баран?

– На мельнице, на мельнице, наш милостивый пан.
– Что же ты там делал, наш черный баран?

– Что же ты там делал, наш черный баран?
– Муку молот, муку молот, наш милостивый пан.

- Как же молол ты, наш черный баран?
– Как же молол ты, наш черный баран?
- То рожками, то ножками, наш милостивый пан.
Кто ж тебя выгнал, наш черный баран?
- Кто ж тебя выгнал, наш черный баран?

Когда молол “черный баран”, все руками, ногами застучали»⁴⁹ (с. Константиново Рыбновского р-на).

Вариант этого же произведения, отнесенного собирателем, школьной работницей А. Т. Харитоновой, в 1923 г. к разряду «детских игр с песнями», записан в с. Урядино Китовской вол. Касимовского у.:

«Водят хоровод. В кругу хоровода. ходит один человек. Все хором поют: “Где же ты был, наш черный баран?” Человек в кругу отвечает: “На мельнице муку молол”. – “Кто же тебя выгнал, наш черный баран?” – “Мельник-бездельник”. – “Чем же тебя били, наш черный баран?” – “Ножками, рожками, палками, скалками”»⁵⁰.

¹ Записи автора. Тетр. 1. № 31 – Янчева Екатерина Дмитриевна, 1912 г. р., с. Озёрки Сараевского р-на, 18.08.1982; Зборнов Иван Петрович, 1909 г. р., д. Дмитриевка того же района, 20.08.1982.

² Записи автора. Тетр. 8. № 87 – Глотова Екатерина Сергеевна, 1911 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и А. В. Беликов 26.08.1990.

³ Записи автора. Тетр. 1. № 77 – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на; жила в Москве, октябрь 1981 г.

⁴ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географического общества: В 3 вып. Пг.: Типогр. А. В. Орлова, 1916. Вып. 3. № 17. Стб. 1174.

⁵ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географического общества. Вып. 3. № 15. Стб. 1173.

⁶ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина Оксана Борисовна, 34 г., соцработник; Черемисина Любовь Григорьевна, сотрудник клуба, 1962 г. р.; Наумкина Галина Михайловна, ок. 47 лет, сваха Л. Г. Черемисиной; Антипова Валентина Анатольевна, ок. 47 лет; Федулóва Светлана Анатольевна, 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочки и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Николай Родионович, 53 г., муж, баянист; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрo-Невского р-на, 03.08.2014.

⁷ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 130.

⁸ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 130.

⁹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 3.

¹⁰ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина О.Б., 34 г.; Черемисина Л.Г., 1962 г. р.; Наумкина Г.М., ок. 47 лет; Антипова В.А., ок. 47 лет; Федулóва С.А., 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет; Проскунин Н.Р., 53 г.; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрo-Невского р-на, 03.08.2014.

¹¹ Записи автора. Тетр. 8. № 203 – Поликушина Клавдия Алексеевна, 1928 г. р., родом из Шиловского р-на, в гостях у Есиной Марии Яковлевны (1927-2004), с. Константиново Рыбновского р-на; и соседка Александра, 10.09.2000.

¹² Записи автора. Аудиофайл WS_30193.wma; Lipatova.txt – Липатова Татьяна Ивановна, 1957 г. р., учительница начальных классов, окончила педучилище в г. Спасск, род. в с. Ходяйново

Рыбновского р-на, живет в с. Федякино, запись В. И. Кочанова и Е. А. Самоделовой 04.10.2012. Сказку переняла от бабушки Елисеевой Марии Ивановны (1890-1982), уроженки с. Ходяйново.

¹³ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императ. Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. № 16. Стб. 1173 – Рудинский В.Д. Сборник песен и причитаний крестьян Данковского уезда села Заболотного. 1881.

¹⁴ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина О.Б., 34 г.; Черемисина Л.Г., 1962 г. р.; Наумкина Г.М., ок. 47 лет; Антипова В.А., ок. 47 лет; Федуллова С.А., 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет; Проскунин Н.Р., 53 г.; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁵ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 86.

¹⁶ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86.

¹⁷ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86.

¹⁸ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86.

¹⁹ Лебедева Н.И. Этнологические материалы /Рязанский этнографический вестник. 1997. С. 127.

²⁰ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географического общества. СПб., 1916. Вып. 3. № 17. Стб. 1174.

²¹ Архипова Л.А. Хранители частушки // «У меня в душе звенит тальянка...» Частушки родины Есенина – села Константинова и его окрестностей. Фольклорное исследование Лидии Архиповой, главного хранителя Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. Челябинск, 2002. С. 330-331. Зап. от С. П. Митрофановой-Есениной, внучки Т. Ф. Есениной (дев. Титовой).

²² Записи автора. Видеофайл mvi_4969.avi – Александра Васильевна (Цариха), 83 г., на центральной площади в с. Константиново Рыбновского р-на 09.10.2010; расшифровка – файл konst2010video.

²³ Записи автора. Тетр. 8. № 205 – с. Константиново Рыбновского р-на, 2000.

²⁴ Записи автора. Тетр. 35. С. 11 – с. Гавриловское Спасского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 16.07.2008.

²⁵ Записи автора. Тетр. 3. № 169 – Хломцова Анна Степановна, 1919 г. р., с. Агро-Пустынь Рязанского р-на, 25.07.1985.

²⁶ Записи автора. Тетр. 1. № 60 – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве, октябрь 1981 г.

²⁷ Записи автора. Тетр. 3. № 168 – Хломцова Анна Степановна, 1919 г. р., с. Агро-Пустынь Рязанского р-на, 25.07.1985.

²⁸ Записи автора. Тетр. 6. № 271 – Митяева Ксения Герасимовна, 1923 г. р.; Матюшина Мария Гавриловна, 1923 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

²⁹ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императ. Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. № 16. Стб. 1173 – Рудинский В.Д. Сборник песен и причитаний крестьян Данковского уезда села Заболотного. 1881.

³⁰ Записи автора. Тетр. 3. № 166 – Хломцова Анна Степановна, 1919 г. р., с. Агро-Пустынь Рязанского р-на, 25.07.1985.

³¹ Записи автора. Тетр. 1. № 63 – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве, октябрь 1981 г.

³² Записи автора. Тетр. 3. № 167 – Хломцова Анна Степановна, 1919 г. р., с. Агро-Пустынь Рязанского р-на, 25.07.1985.

³³ Записи автора. Тетр. 6. № 6 – Стенина Екатерина Матвеевна, с. Секирино Скопинского р-на, 01.07.1989.

³⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 272 – Митяева Ксения Герасимовна, 1923 г. р.; Матюшина Мария Гавриловна, 1923 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 121. Л. 2 – Иванов П.Ф. Старые и новые частушки дер. Ровное <...> Рязанского у. Рукоп. 1928 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

³⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 6 об. – Худзинская Л.А. Частушки. Запись 1929 г., г. Рязань.

³⁷ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 87.

³⁸ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86.

³⁹ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 87.

⁴⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 69 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., была в 1941-1942 гг. в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

⁴¹ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 91 – Окошина Тамара Фёдоровна, 1941 г. р., с. Кузьминское Рыбновского р-на, 05.08.2005.

⁴² Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 87.

⁴³ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86.

⁴⁴ Кармацкая Г.А., Плахотина Н. Младенец, его развитие и воспитание в контексте традиционного народного уклада жизни села. С. 86-87.

⁴⁵ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 411.

⁴⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/510. Кн. III. Ед. хр. 73. Л. 4 об. – Трофеева А.Г. Краеведческие сведения о дер. Часловой Гавринской волости Касимовского уезда. Запись 1923 г.

⁴⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/510. Кн. III. Ед. хр. 73. Л. 4 об. – Трофеева А.Г. Краеведческие сведения о дер. Часловой Гавринской волости Касимовского уезда. Запись 1923 г.

⁴⁸ См.: СРНГ. СПб., 1995. Вып. 29. С. 321.

⁴⁹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 2. С. 22.

⁵⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/510. Кн. III. Ед. хр. 82. Л. 4 – Харитонова А.Т. Этнографический материал по селу Урядино Китовской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г.

Глава 40.

Познавательная роль жанра загадок и вопрос о детском языке

История собирания загадок на Рязанской земле полностью пока не изучена, не проведены вариативные соответствия текстов с аналогичными версиями и вариантами соседних и отдаленных русских территорий и дружественных народов (в первую очередь, исторически населяющих Рязанщину финно-угорских и тюркских народностей – мордвы, касимовских татар и др.). Не составлен тематический каталог бытовавших и бытующих в Рязанской губ. / обл. загадок, не прослежена вариативность произведений и отгадок; не разъяснена обусловленность разницы в репертуарах детей разных возрастных групп, различных населенных пунктов. Не выявлено влияние книжных источников, детсадовского воспитательного процесса и школьной программы на овладение детьми неодинаковыми структурными и тематическими разновидностями данного фольклорного жанра; не установлено процентное соотношение различных видов загадок в детском устном репертуарном комплексе. Не исследованы пути передачи всего бытующего в определенной местности реестра загадок: от взрослых людей к детям (с уточнением конкретики научения бабушками-дедушками, родителями, соседями, отдельными односельчанами, родственниками и знакомыми из окрестных селений, приезжими и т.п.); от подростков к малышам; друг от друга в дружеских компаниях и т.д. Не изучены бытовые ситуации курсирования загадок в детской и взрослой среде, сезонность или круглогодичность их употребления, влияние праздничного досуга и повседневности, важность или необязательность определенного времени суток для сообщения загадок, наличие или отсутствие состязательности в исполнении загадок и т.п. Не проанализированы генетические связи ряда загадок с обрядовым фольклором (например, свадебным). Не выявлено в полной мере знание рязанскими писателями загадок, бытовавших при их жизни на их «малой родине»; не установлены пути усвоения ими произведений этого жанра, не описаны философские основания для включения литераторами народных текстов в собственные художественные сочинения, не изучены приемы трансформации фольклорных загадок.

Назрела необходимость проследить в историческом развитии неизбежную изменчивость репертуара и текстуальную (языковую) вариативность загадок, влияние на них целого ряда фундаментальных факторов: смены эпох, усиления миграционных процессов, возрастания грамотности населения, воздействия современной медиа-среды (телевидения, интернета, досуговой клубной деятельности в сельской местности). Вероятно, какая-то часть поставленных задач не будет решена из-за недостаточного количества фиксаций загадок, произведенных на протяжении большого исторического времени, но другая часть задач может быть успешна реализована при введении в научный оборот имеющихся данных и при тщательном их анализе.

Дети любят загадки, хотя этот фольклорный жанр не является исключительно детским (он активно бытует на молодежных вечеринках, включен в волшебные и бытовые сказки, активно вводится в современный свадебный фольклор). Некоторые взрослые загадки стоят на грани фривольности, когда в загадываемом тексте нет ничего нецензурного, но создается впечатление обшечного характера отгадки, которая на самом деле оказывается вполне приличной. В детских загадках, то есть в загадываемых детям загадках, ничего подобного нет.

Мы уже утверждали, что жанр загадки ориентирован на знание, а вовсе не на отгадывание, хотя с первого взгляда это кажется не так. И все-таки загадка может быть отгадана лишь тогда, когда отгадчик изначально знает предмет отгадки, поскольку цель всего содержания загадки заключается не в помощи ребенку или взрослому разрешить умственное за-

труднение, а наоборот – вызвать его¹. Именно поэтому загадки включались в состав волшебных сказок, где они загадывались герою вышестоящей персоной – обычно царем, а за незнание отгадки или неумение выполнить загаданное дело была уготована смертная казнь. И тогда на помощь герою приходила его волшебная супруга (выступавшая в роли персонажа-помощника в данном случае) или какой-нибудь «низший персонаж», которому герой успел оказать важную услугу. И вот такая помощь герою отнюдь не умаляет его умственные способности, но показывает жанровую суть загадок как задачи-испытания, как произведения, ориентированного на знание отгадки, а не на проверку ума.

Есенин в повести «Яр» (1915) устами проезжего старика трактует загадывание загадки взрослым «сельским дурачком» другому мужчине как инфантильность: «Отгадай загадку, – гаркнул он, взбираясь на верхушку. – *За белой березой живет тарарай*» (Есенин V, 82). Писатель не дает отгадки, то ли полагая ее всем известной, то ли, наоборот, отсутствием ответа придавая таинственность ситуации. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приведен вариант этой загадки: «За белыми березами тарара живет (язык)»². По свидетельству друга детства поэта – «Из моих воспоминаний о Сергее Есенине» (1926) Н. А. Сардановского, в с. Константиново Рязанского у. (ныне Рыбновского р-на) мальчики и юноши «уже в постелях выслушивали сказки или загадывали загадки. Особенно много загадок знал Сергей...»³

А. Г. Трофеева в д. Часово Гавринской вол. Касимовского у. в 1923 г. в числе игр детей зимой отметила загадки: «В снежки; катаются на салазках; рассказывают сказки; загадки; скороговорки»⁴.

Собирателями загадок на Рязанщине с середины XIX века были П. И. Якушкин, И. А. Худяков, П. В. Шейн, А. В. Марков – их фундаментальные подборки загадок с указанием мест бытования опубликованы. П. И. Якушкин записал 42 загадки в сельце Гололобово Зарайского у. в начале августа 1847 г., впервые напечатанные лишь в 1983 г.⁵

Интересно, что П. И. Якушкин (по известным на сегодня данным) не произвел записей никаких других произведений детского фольклора, кроме загадок; очевидно, он относил этот жанр, условно говоря, ко «взрослому фольклору» (об этом свидетельствуют и нецензурные словечки в фольклорных текстах). Если наше предположение верно, то история загадок за период их научной фиксации в чуть более чем два столетия прошла путь от жанра взрослого фольклора до «опускания» в разряд детского фольклора. Из включенности загадок в ряд сюжетов волшебных сказок, где они играют роль «трудных задач» с целью испытания героя, следует, что произведения этого жанра входят в состав инициации юноши. Также возможно исконное подразделение жанра загадок на две категории или жанровые разновидности, различающиеся по возрасту исполнителей и адресатов (эти лица могут совпадать в ситуации состязания в загадывании загадок): это загадки из взрослого и детского фольклора или, иначе говоря, взрослые загадки и детские загадки.

Пока остаются в рукописях загадки из Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края, записанные в 1920-1930-е годы: С. С. Камышовым в с. Лихунино Касимовского у. в 1923 г. (РИАМЗ, ед. хр. 25), Д. И. Мануевым в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского у. в 1923 г. (ед. хр. 38), неизвестным собирателем в д. Анемясево Погостынской вол. Касимовского у. в 1923 г. (ед. хр. 40), О. А. Морозовой в д. Акулово Дубровской вол. Касимовского у. в 1923 г. (ед. хр. 42), И. Г. Рожковым в д. Анатольевка Шостынской вол. Касимовского у. в 1923 г. (ед. хр. 63), Иваном П. (фамилия неразб.) в Ерахтурской вол. (ныне Шиловского р-на) в 1923 г. (ед. хр. 66), К. В. Скорняковой в д. Сергеевка Дубровской вол. Касимовского у. в 1924 г. (ед. хр. 70), А. Г. Трофеевой в д. Часово Гавринской вол. Касимовского у. (ныне Клепиковского р-на) в 1923 г. (ед. хр. 73), М. Ф. Ястребовой в с. Шостье Касимовского у. в 1923 г. (ед. хр. 98), Татьяной Ивановой в с. Вышгород Рязанского у. в 1927 г. (ед. хр. 123), И. М. Конопальцевым в д. Елизаветинка Тырново-Слободской вол. Спасского у. в 1923 г. (ед. хр. 134), Г. С. Масловой в Архангельской вол. Рязанского у. / р-на в 1930 г. (ед. хр. 361 или 360?), Л. А. Худзинской в г. Рязань в 1929 г. (ед. хр. 493).

В Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва) хранится подборка из 25 загадок, записанных М. И. Костровой в с. Ижевское Спасского р-на в 1924 г. на диалекте (с использованием транскрипции, но без указания ударений)⁶. Вероятно, в других архивах также могут найтись подборки рязанских загадок.

Как видим, территория фиксации загадок ограничена Касимовским, Спасским и Рязанским уездами, однако это не означает, что на других территориях Рязанщины этот фольклорный жанр отсутствует; просто там записи таких произведений почему-то либо не производились, либо пока не обнаружены в архивах исследователями.

Хотя архивные подборки загадок сравнительно небольшие (максимально насчитывают около трех десятков), однако, вместе взятые, они прекрасно дополняют дореволюционные опубликованные собрания, демонстрируют «загадочный срез» 1920-х годов (в том числе и тексты, типичные для школы и, вероятно, книжного происхождения) и перекидывают мостик к послевоенным публикациям произведений этого жанра. Безусловно, эти подборки нуждаются в филологическом анализе и введении в научный оборот.

Вероятно, первыми по времени фиксации в Рязанской губ. оказываются загадки в записях П. И. Якушкина в селе Гололобово Зарайского у. в 1847 году (но это предположение нуждается в проверке). Эта подборка из 42 загадок не могла быть опубликована при жизни собирателя и вообще в Российской Империи по цензурным соображениям: в текстах содержатся непристойные слова; некоторые произведения намекают на сексуальные действия, хотя отгадка оказывается вполне приличной; одно произведение отличается большой фривольностью, и даже отгадка при печати в 1983 году была заменена на угловые скобки с многоточием. Однако данная подборка ценна не только тем, что являет собой первый пример собирания жанра загадок в их региональном варианте, с топонимической, хронологической и социальной привязками, с фиксацией на диалекте (к сожалению, не везде проставлена буква «ё», поэтому запись не передает точного звучания текстов). П. И. Якушкин записывал загадки как прозаический текст, не разбивая строки на стихи (вероятно, ему было некогда задумываться о стихотворном построении произведений; может быть, он оставил процесс разбиения на стихи и уточнения простейшей транскрипции для подготовки к печати).

Среди загадок в записи П. И. Якушкина имеются достаточно редкие, в которых отгадками выступают не предметы, как обычно в жанре загадок, а процессы (с указанием действующих лиц или переданные с помощью глаголов в неопределенной форме). Например, № 24 – о паренье банным веником:

Пришел баярин в зиленом кафтане.
Я яму дала, кверху ноги задрала;
и зудить, и балить, ищо хочица. (Париться)⁷.

Еще в одной загадке разыгрывается целый диалог, причем персонажами являются не люди, а сельскохозяйственные объекты, получившие персонификацию и очеловеченность, вовлеченные в событийный процесс:

Заинька-палегаинька,
палижи на мне,
падиржись на мне.
Тибе дурна, а мне харашо
(Рожь говорит снегу. Ржи под снегом хорошо, а снег-то мороз жмет)⁸.

Подборка загадок отражает ту последовательность, в которой П. И. Якушкину сообщали эти произведения. Так, видно, что разные сюжеты загадок про один и тот же предмет оказываются записанными не друг за другом, что было бы логично, а в некотором отдале-

нии. Например, номера 12 и 38 посвящены овину, хотя основаны на разных смысловых моментах:

12. Поверху дарога,
в п... ярманка (Овин).

38. Стоить баба на ярú,
растапыривши дыру (Овин)⁹.

Номера 9 и 15 иносказательно повествуют про жернова:

9. Карова риветь,
хвост до неба диреть (Жирнава).

15 Два баравкá дирутца,
прамежду их пена бижить (Жирнава)¹⁰.

В сборнике И. А. Худякова (1861) представлены аналогичные варианты из с. Жолчино Рязанского у. Про первый вариант собиратель сообщил: «Распространена», и привел начало варианта из с. Жолчино: «Две свинки...»¹¹. Итак, первый вариант:

Два барашка грызутся,
Промеж их пена валит. Жернова¹².

Второй вариант И. А. Худяков записал тоже в с. Жолчино Рязанского у.:

Корова ревет,
Кверху хвост дерет. Жернова¹³.

В подборке П. И. Якушкина встречаются и последовательные записи загадок, посвященных общему объекту: например, ветру (№№ 2-3), огурцам (№№ 29-30), пчелам (№№ 31-32).

В сборнике «Великорусские загадки» (1861) И. А. Худяков опубликовал загадки, собранные им уже в целом ряде селений – в с. Мишино Зарайского у., с. Жолчино Рязанского у., г. Зарайск, Рязанском у. Условно к «рязанским» произведениям (исключительно в рамках изучения этого регионального фольклора) можно также отнести загадки с пометами «общеизвестна» и «распространена».

«Великорусские загадки» И. А. Худякова – первый капитальный опубликованный сборник, посвященный одному фольклорному жанру (указанному в названии книги) и представляющий произведения с вариантами, записанными на большой территории России, с сопоставлением с малорусскими (украинскими) и иными текстами, с комментариями собирателя. Это первый классический сборник загадок, не утративший научного значения до сих пор.

Интересно, что из двух загадок про пчел у П. И. Якушкина один сюжет совпадает с записанным И. А. Худяковым произведением (при лексическом различии вариантов), что может объясняться территориальной близостью селца Гололобово Зарайского у. и села Жолчино Рязанского у., а также общностью народного женского костюма, возвеличенного в паремии (можно сказать, в кратком нарративе, или, точнее, свернутом до поговорки):

31. В темной избушке все панёвы ткуть (Пчелы)¹⁴,

Сидит баба в темненькой избушке,
Поневки ткет. (Пчелы)¹⁵.

Другие сюжеты загадок про пчел у П. И. Якушкина и И. А. Худякова не совпадают, что свидетельствует о разнообразии форм мыслительного процесса, приводящего к широкому множеству художественных образов в фольклоре. Приведем другую загадку про пчел в записи П. И. Якушкина в сд. Гололобово Зарайского у.:

32. Литить птичка-звирок
чириз божий домок,
сама сабе гыварить:
«Тут маё сердца гарить» (Пчела)¹⁶.

Зато похожий вариант загадки записала Татьяна Иванова в с. Вышгород Рязанского у. в 1927 г.:

Летит зверёк
через божий домок,
летит, говорит:
моя силка горит (Пчела)¹⁷.

И. А. Худяков в 1861 г. показал свой набор загадок про пчел, записанных в с. Жолчино Рязанского у.:

Семидевки шли,
Семикрасны шли,
Волосник нашли;
Семишёлком шит,
Всему городу узор. Пчелы.

Расставляю я ворота,
Выпущу кобелей бесхвостых. Пчелы¹⁸.

Т. Иванова в 1927 г. в с. Вышгород Рязанского у. зафиксировала еще одну загадку про пчел:

Что за зверь:
и людей питает,
а в церкви освещает (Пчела)¹⁹.

Интересно, что сюжеты загадок про огурцы у П. И. Якушкина и у И. А. Худякова различаются: это демонстрирует многообразие логических приемов, на основе которых построено конкретное содержание произведений. Итак, загадки из сельца Гололобово Зарайского уезда у П. И. Якушкина:

29. Полно корыто м... намыто (Огурцы).
30. Без йякошек, без двирей
пална церква людей (Огурцы)²⁰.

Вторая загадка записана Т. Ивановой в 1927 г. в с. Вышгород Рязанского у.:

Без окон, без двирей
полна церкова людей (Агурец)²¹.

Версию этой загадки — с указанием иного помещения — зафиксировала М. И. Кострова в с. Ижевское Спасского у. в 1924 г.:

Б'э"з акон, б'э"з д'в'э"р'эй
Пална үор'н'иць л'уд'эй [Аүур'эц]²².

Приведем загадки про огурцы (огурец) у И. А. Худякова, в которых уже множественное или единственное число загадываемого предмета влияет на содержательное разнообразие произведений из с. Жолчино Рязанского. у.:

Между грядок
Лежит гусь гладок. Огурец;

Телятки гладки
Привязаны к грядке. Огурцы²³.

Подобное сопоставление загадок в записях П. И. Якушкина и И. А. Худякова можно продолжить.

И. А. Худяков соединил в одном собрании рязанские загадки с записанными в других местностях, в том числе в Татарии и в Сибири; в г. Тихвин; в приходе Станиловский на р. Сить в Моложском у. Ярославской губ.; в с. Хорошилово Дмитровского у. Московской губ.; в г. Москва; в Ефремовском у. Тульской губ.; в Чернском у. Тульской губ.; в Воронежской губ.; в Шадринском у. Пермской губ.; в г. Казань; в г. Тобольск. В ряде случаев к рязанским загадкам он привел варианты из других губерний России (так же составитель поступал со многими другими произведениями, находя им географические соответствия и вариации). Тем самым И. А. Худяков продемонстрировал широту распространения загадок в Российской Империи, показал типичность рязанских текстов и их вариативность. Как уже говорилось, это первый сборник русских загадок, построенный на более-менее широком географическом материале, причем каждый (или почти каждый) текст снабжен пометой о месте записи.

Более того, И. А. Худяков был уверен в общем индоевропейском происхождении загадок (как и других фольклорных жанров): «Если к иным русским загадкам мы и не можем, за недостатком под руками материалов, отыскать соответствующие им загадки других народов, то тем не менее древнее индоевропейское происхождение многих загадок, даже таких, к которым не имеем вариантов, не подлежит сомнению»²⁴. Объясняя, что он не проводил специальной разыскательской работы, И. А. Худяков тем не менее указывал на общность европейских загадок, включая русские (в том числе рязанские): «При наших ничтожных средствах мы можем, однако, найти для многих великорусских загадок варианты у других народов»²⁵. Составитель привел параллели к некоторым загадкам и иным фольклорным произведениям в малорусском, немецком и греческом фольклоре: в частности, на примере загадки о человеке, показанном в разном возрасте («Утром на четырех ногах и т.п.»), и предания о сфинксе.

И. А. Худяков также поместил загадку про человека в основной корпус и снабдил пометой — «распространена»:

Утром на четырех,
В полдень на двух,
Вечером на трех (Человек)²⁶.

Вариант этой загадки, как бы в доказательство ее распространенности, записала М. И. Кострова в 1924 г. в с. Ижевское Спасского у.: «Утръм нь ч'э"тыр'ох, ср'эд'и дн'а на двух наүах, а в'эч'э"ръм на тр'ох [Ч'э"лав'эк]»²⁷.

По нашему наблюдению, такой текст-инвариант (не определяемый уже как загадка) образует сюжет сказки о животных – «Настоящий человек: волка (медведя, льва) предупреждают, что человека нужно бояться; идет мальчик – будущий человек, старик – бывший человек, охотник (солдат) – настоящий человек» (СУС 157), бытующей в России, Белоруссии и на Украине.

В отличие от П. И. Якушкина (не доведшего свое собрание загадок до публикации), у И. А. Худякова при печати соблюдено разделение текста на стихотворные строки.

И. А. Худяков отметил вхождение загадок не только в систему фольклора, но и в состав литературы:

«Загадки можно встретить и в древней нашей письменности. Например, в старинной русской повести о купце Басарге, Несмеян загадывает Борзомуслу следующие загадки: 1) <...> 2) “Что днем десятая часть в миру убывает, а ношью десятая часть в мир прибывает?” – “То, царю, днем десятая часть солнцем воды усыхает из моря, из рек, из озер, а ношью десятая часть в мир прибывает, ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашедшу и не сиявшу”. Эта загадка встречается и в “Беседе трех святителей”, которая вся состоит из вопросов и ответов. Эта “Беседа” была в старину популярным чтением и потому приняла в себя народные загадки и, наоборот, пустила в народ многие свои загадки, которые еще и теперь можно слышать в разных концах России»²⁸.

Иногда в одном и том же селе бытовали разные варианты и версии одной загадки, и тогда И. А. Худяков обязательно отмечал это. Вот пример двух вариантов загадки о булавке, сходных по зачину, структуре и короткому объему, которые были записаны в с. Жолчино Рязанского у.: «Жолтенькой жучок, // На кончике червячок» и «Жолтенькая собачка, // На хвостике желвачок»²⁹. Или формально похожий пример из двух вариантов об огне, также зафиксированных в с. Жолчино: «Красенький петушок // По жердочке бежит»; «Красенькой жучок // По жечинке шел»³⁰ («жичинка» = прутик, которым «жикают» – слегка удаляют, легонько бьют).

Самое большое число вариантов, стилистически похожих, имеется у загадки про смерть, записанной И. А. Худяковым в одном селении – в с. Жолчино Рязанского у.

На поле на Ордынском
Стоит дуб Таратынский;
Сидит птичка Веретено;
Она хвалится, похваляется:
От меня никто не уйдет:
Ни царь в Москве,
Ни король в Литве,
Ни рыба в море:
И та в божьей воле³¹.

На горе Волынской
Стоит дуб Ордынской,
На нем сидит птица Веретено,
Сидит и говорит:
Никого не боюсь,
Ни царя в Москве,
Ни короля в Литве³².

На поле Волынском
Стоит дуб Таратынский;
На нем птичка Вертяничка.
Ее никто не уймет:

Ни царь Москвич,
Ни король Лукич (Литвич?)³³.

Сидит утка на тату-плату,
Всяк ее боится;
Никто от нее не уйдет:
Ни царь в Москве,
Ни король в Литве,
Ни рыба в море,
Ни заяц в норе³⁴.

Вероятно, в этом сюжете загадки ее стилистическое разнообразие, создающее вариативность, стало возможным из-за сравнительно большой длины ритмизованного текста, который сложно запомнить дословно, и потому допускаются близкие перечислительные ряды. Одновременно в том же с. Жолчино Рязанского у. бытовала еще одна загадка про смерть – с совершенно другим сюжетом, в котором иносказательно описываются похороны:

Пометушки метут,
Поскребушки скребут,
Сухое дерево несут;
Не пышет, не дышит,
Живую душу берет. (Смерть)³⁵.

Подобный вариант в 1847 г. в селе Гололобово Зарайского уезда зафиксировал П. И. Якушкин, точно запечатлев смысл отгадки:

Пытякушки тикуть,
пырявышки рявуть,
суху деривцу нисуть.
Ни пышит, не дышит,
ни души в нем нет (Мертвеца несут)³⁶.

Вариантом к этой загадке выступает еще одно произведение про мертвеца, записанное И. А. Худяковым опять же в с. Жолчино Рязанского у.:

Бегут бегунчики,
Ревут ревунчики,
Не дышат, не пышат,
По сухому дереву бежат (Мертвец)³⁷.

Еще в одном сюжете загадки имеется незначительная вариативность в текстах, обусловленная разницей в отгадке – в частности, в численности предметов, которое наблюдается в двух произведениях про огурец и огурцы в с. Жолчино Рязанского у.:

Между грядок
Лежит гусь гладок. (Огурец);

Телятки гладки
Привязаны к грядке (Огурцы)³⁸.

И. А. Худяков отметил: «Некоторые загадки разгадываются двояко или даже трояко»³⁹ – и привел примеры отгадок. И в с. Жолчино Рязанского у. собиратель записал загад-

ку: «Лето и зиму на одном полозе ездит» с отгадкой – «Окно волоковое»⁴⁰. В комментариях он указал: «Также загадывается дверь, перекладыны в оконных рамах»⁴¹.

Или другой пример – тоже с разными отгадками, причем это неприличный на слух текст, но с вполне пристойными отгадками, с указанием И. А. Худякова – «в с. Жолчино <Рязанского у.> она разгадывается – замок»⁴²:

Тычу, потычу,
Ночью не вижу,
Дай днем попытаю. (Жбан с квасом)⁴³.

Близкие варианты с разницей в одно слово и с такой же отгадкой записал Д. И. Мануев в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского у. в 1923 г.:

Тычу-потычу,
ночью не вижу,
дай молодушку в день (днём) попытать. (Замóк)⁴⁴.

И. А. Худяков неоднократно приводил по два варианта загадок, записанных в разных селениях. Например, он опубликовал два варианта загадки про редьку, зафиксированных в с. Жолчино Рязанского у. и с. Мишино Зарайского у.: «Черная блоха // Толкача родила» и «Брошу с блоху <д.б.: блошку>, // Вырастет с лутошку»⁴⁵. Также собиратель поместил в своем сборнике два варианта загадки про яйцо, которые курсировали в тех же селах – с. Жолчино Рязанского у. и с. Мишино Зарайского у.:

В одном штофе два вина⁴⁶.

Царево вино,
Царицыно вино,
В одной склянке стоит,
Не смешивается⁴⁷.

При внимательном прочтении загадок из сборника И. А. Худякова становится очевидным, что в сельской местности бытовали не только произведения о предметах крестьянского быта, но и о дворянском имуществе. Так, в с. Жолчино Рязанского у. имелась загадка про шпагу, причем на первый взгляд совершенно неприличная:

Повыше пупенца,
Пониже коленца,
Висит, как поленце⁴⁸.

Интересно, что школьный работник С. С. Камышов записал в 1923 г. в с. Лихунино Касимовского у. подобную загадку, но с другой отгадкой (вполне крестьянской) и текстуально более пространную:

Повыше колена,
пониже пупка
стоит ступка,
снимай портки,
всю ночь толки (Квашня)⁴⁹.

Вариативная повторяемость текста с разницей в отгадке показывает историческую изменяемость сюжета загадки. Очевидно, что более древней является отгадка про квашню, а

загадка о шпаге вторична и имеет редуцированный текст, поскольку важна была именно его начальная часть.

В словесную ткань загадок, бытовавших у русских крестьян, входили наименования представителей высшего сословия братского народа, однако, живущего на большом расстоянии от места записи произведений: напр., польские паны упоминались иносказательно в с. Жолчино Рязанского у. –

Пан пановал<,>
В воду упал,
А воды не взмутил (Лист древесный)⁵⁰.

Можно предположить, что включение в народную загадку наименований иных народов и атрибутов их национальной культуры возникло по одной из двух причин: 1) проводилось перемещение крестьян их помещиком в другие имения с деревнями, отстоявшими на многие сотни верст от Рязанской губ. и оказавшимися близко расположенными к территории другого народа, с которым устанавливались близкие связи; 2) происходило нападение соседнего народа на русских, временная оккупация части земель Российской Империи, взятие рязанцев и жителей других местностей в плен. Такие непосредственные контакты русских крестьян с представителями иных народов могли породить загадки с использованием заимствованной лексики. Причем контакты могли осуществляться непосредственно рязанцами или русским населением других губерний, у которого жители Рязанщины перенимали загадки во время службы в армии, при отходничестве, при осуществлении торговых связей, при переселении «чужаков» в Рязанскую губ. и т.п.

И. А. Худяков записал максимально большое количество загадок в с. Жолчино Рязанского у. (№№ 5, 15 вар., 28, 33-34, 38, 41, 43, 46, 52-53, 56, 59, 66, 73, 76-77, 80, 98, 101 вар., 103-104, 105 вар., 106, 110, 112, 114, 116, 120, 134, 143-145, 149, 155, 157, 158 вар., 161-164, 165 и 165 вар., 172 вар., 178 вар., 182-184, 190 вар., 193, 200, 207 вар., 222, 242, 263-264, 271 вар., 279 вар., 280 вар., 288, 297, 299, 304, 308 вар., 318 вар., 327, 328 вар., 331 вар., 332, 338, 341 вар., 364, 366, 372, 375, 380-381, 396-397, 399, 403-305, 408, 412, 417, 419, 433, 435, 441 вар., 449, 457, 469, 473, 486-487, 488 вар., 489, 499-500, 513, 518, 524, 527-529, 534-537, 539-541, 555, 563 и 563 вар., 564 и 564 вар., 566, 569, 581, 585, 601, 607, 614 вар., 620-621, 648, 666, 668, 671-672, 675, 685, 693, 697); всего их оказалось 136 штук. Гораздо меньше загадок приведено из с. Мишино Зарайского у. (№№ 11, 22, 54, 71, 123, 242, 316, 328 вар., 330, 336, 377, 519, 530, 542, 546, 579, 620 вар., 641, 645, 698); всего 20 текстов. Эти загадки (общим числом 156) находятся в основном корпусе сборника и в примечаниях, где помещены варианты.

Итак, самое большое число загадок зафиксировано И. А. Худяковым в с. Жолчино Рязанского у., где собиратель также записал множество сказок, о чем сообщил 10 сентября 1860 г. в предисловии к сборнику «Великорусские сказки» (1861). Очевидно, этот рекорд по части загадок побить уже не удастся, поскольку традиция в большом количестве загадывать загадки по вечерам и по праздникам осталась только в истории, хотя немногочисленные произведения этого жанра имеются в репертуаре любого человека.

Для фольклористики, диалектологии, этнолингвистики, а также для всех ценителей краеведения и народной истории драгоценным является тот факт, что И. А. Худяков привел некоторые тексты на диалекте – именно так, как они бытовали у крестьян: напр., «Что чажее горы? (Язык)»⁵¹ (с. Жолчино Рязанского у.). В дальнейшем некоторые собиратели рязанского фольклора последовали его примеру (скажем, упомянутая М. И. Кострова).

Образцы загадок, записанных разными фольклористами-собирающими на Рязанщине, демонстрируют преимущественно рифмованную структуру произведений этого жанра.

Существует множество загадок, которые начинаются с упоминания некоего персонажа по имени-отчеству (или по их подобию, или даже сразу двумя именами-отчествами и их

аналогами). Понятно, что такой персонаж оказывается иносказанием какого-то предмета – обычно неодушевленного, но имеющего собственную историю, подобную биографии человека. Так, И. А. Худяков представил три варианта такой загадки про мак, который сначала назван Андроном Андроновичем⁵², потом двумя именами-отчествами сразу – Дреном Дреновичем, Иваном Ивановичем, затем также двойными именами – Иваном Ивановичем, Макаром Макарычем:

Дрен Дренович,
Иван Иванович
Сквозь земли прошел,
Огонь пронес⁵³
(с. Жолчино Рязанского у.)

Иван Иваныч,
Макар Макарыч
Из земли выходит,
На себе огонь выносит⁵⁴
(с. Мишино Зарайского у.).

Указанные имена несут добавочную семантическую нагрузку. Так, имя Андрон Андронович в загадке может отражать известный с 1840-х годов в Рязанской губ. смысл: «Андрона подпускать», то есть ‘лгать, хвастать’; «Андроны едут-поедут» – говорили в ответ на неправду; «Андроны / Андрона подпускать», то есть ‘зазнаваться, важничать’ (СРНГ, вып. 1, с. 258-259). Среди «Пословиц русского народа» (подготовлен к 1853 г.) В. И. Даля имеется такая: «Крестись – Андроны едут (Курск.)»⁵⁵.

Имя Макар Макарыч также обладал сходным дополнительным смыслом – ‘пройдохи, ушлого человека, хитреца’: «Макарами» в Рязанской губ. еще в середине XIX века называли плутов и лицемеров («Смотреть Макаром»; «Макарку подпустить»), а также занятых отхожим промыслом людей и торговцев в питейных заведениях (кабатчиков, целовальников) (СРНГ, вып. 17, с. 307-308). Среди «Пословиц русского народа» В. И. Даля указаны следующие: «Доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал»; «На бедного Макара и шишки валятся» (2 раза)⁵⁶. Там же представлено фольклорное предание о том, почему появилось это коллективное прозвище: «Дедновцы <Дединовцы – от с. Дединово?> – Макары. (Когда Петр I был в Рязанской губернии, то на вопрос его дедновцы, один за другим, назвались Макарами, потому что первому государь сказал: хорошо.) Целовальники; «Макары до икрынки рыбу вылавливают» и «Где Макар побывал, семь лет рыба не ловится. (Они сьмают рыбную ловлю в речках и озерах и мастера вылавливать всю рыбу.)»⁵⁷. И далее: «Друг всем Макарам (т.е. рязанским рыболовам), а уху не видал»⁵⁸. Также приведена поговорка: «Писал Макарка своим огарком»⁵⁹.

Имя Иван Иваныч несет в себе такой же смысл: «Строить из себя Ивана», то есть ‘важничать’; «Сам себя иванит», то есть ‘превозносит’; «иваниться» – ‘форсить, модничать; задаваться, ломаться’, однако зафиксированный не на Рязанщине, а за Уралом (СРНГ, вып. 12, с. 53, 55). Среди «Пословиц русского народа» В. И. Даля отмечены (без привязки к территории бытования) следующие поговорки, имеющие похожий смысл: «Он и Ивашка, да не промашка», «Черт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает», «Всякий черт Иван Иванович»⁶⁰. Конечно, поговорок про Ивана и производных от него имен у В. И. Даля – великое множество, но их генезис различный: ведь это имя в XIX – начале XX вв. являлось самым частотным у русских людей, присвоено многим героям сказок и других жанров фольклора.

Очевидно, к настоящему времени подобные выражения уже сделались историзмами, а с тем же семантическим полем осталась известной лишь поговорка, употребляемая в качестве второй части при каком-либо суждении: «Куда Макар телят не гоняет»⁶¹, а также вы-

ражение «Хватит Ваньку валять» (часто применяемое по отношению к уголовникам). Таким образом, вовремя записанные загадки сохраняют в себе аллюзии на «смысловые поля» других фольклорных жанров – в частности, бытовавших прежде поговорок и иных народных словесных выражений, причем с географической привязкой таких «диалектных фраз».

Интересно, что в загадках встречаются персонажи с необычными именами, однако с прозрачной семантикой, обусловленной их действиями: «Пометушки метут, // Поскребушки скребут»; «Бегут бегунчики, // Ревут ревунчики» (см. выше). Получается, что имя персонажа и его действие образуют тавтологию: вероятно, это является продуманным приемом фольклорной поэтики, причем характерной только для жанра загадок (хотя этот тезис нуждается во всесторонней тщательной проверке). Подобные имена (хотя и не все) не выходят за жанровые рамки, не обладают самостоятельностью и не употребляются в иных контекстах; они являются элементами фольклорного идиостиля. Примеры таких имен приведены в «Словаре русских народных говоров», но почерпнуты из загадок из других географических регионов, без учета Рязанской губ.⁶² К типу таких имен из загадок близки именованная персонажей в других жанрах небольшого объема – напр., в поговорках и присловьях прозвищного типа: «Расхлебай Похлёбкин»⁶³; «Кто он? – Прише́й-пристеба́й»⁶⁴ – обе из с. Озёрки Сараевского р-на (см. главу 62 «Коллективные (групповые) и метафорически-абстрактные прозвища: способы образования и особенности функционирования»).

Показательно, что зафиксированные на Рязанщине загадки повествуют о космосе и мироздании, о календарно обусловленных важнейших крестьянских занятиях, о хозяйственных делах. Загадки с таким содержанием относятся к числу древнейших.

И. А. Худяков в 1861 г. писал: «Для разъяснения мифов, дошедших до нас в народном эпосе, необходимо, по нашему мнению, изучение загадок, потому что загадки в нескольких словах выражают миф с объяснением его (разгадкой). Само собой разумеется, что наши слова относятся только к загадкам мифологическим»⁶⁵.

Загадка о севе в 1981 году записана от уроженки с. Озёрки Сараевского р-на:

Загадаю загадку,
Кину на грядку.
Загадка в год пойдёт,
Годовик найдёт⁶⁶
(Годовик – однолеток).

Еще в 1861 г. И. А. Худяков опубликовал три варианта этой загадки. Первый вариант собиратель пометил как «общеизв.»:

Загадаю я загадку,
Брошу за грядку,
В год пушу,
Годовик рошу. Хлеб⁶⁷.

Второй и третий варианты И. А. Худяков поместил в комментариях:

Загану загадку,
Кину чрез грядку,
Год я жду,
Годовик возьму. <Хлеб>;

Загану загадку,
Закину за грядку;
В год пушу,
В другой выпущу. Хлеб ржаной⁶⁸.

От той же уроженки с. Озёрки Сараевского р-на в 1981 г. зафиксирована еще пара загадок – 1) о начальной подготовке конопляных стеблей для изготовления пряжи и 2) о прохождении человека через дверной проем:

Стоит у бани,
Щелкаёт зубами⁶⁹
(Мялка – мять коноплю. Мяли вне дома, во дворе на улице).

Два лежат,
Два стоят,
Один ходит,
Другой водит,
Третий песенки поёт⁷⁰
(О пороге, двух боковых досках, двери, притолоке и человеке).

В с. Секирино Скопинского р-на записаны две загадки о космических объектах, чрезвычайно важных для человека и опоэтизированных во многих других жанрах фольклора:

Колотят,
Ворочают,
Режут –
Я всё терплю
И всем добром плачу.
(Земля)⁷¹

Когда я молод был,
Светло светил.
Как старым стал,
Меркнуть стал
(Месяц)⁷².

Некоторые загадки, записанные И. А. Худяковым в Рязанской губ., звучат в свадебном обряде – в составе молодежной обрядовой игры или при дарении даров. Такова, например, загадка: «Коровий глаз в избе? (Сук)»⁷³ (с. Жолчино Рязанского у.). Приведем сначала эту загадку в составе молодежной игры в предсвадебный период, что было записано М. Л. Марьюшкиным в д. Нефедово Киструсской вол. Спасского у. в 1925 г. – уже по воспоминаниям старожилов, как существовавшую лет 40 назад после «кладов» в доме невесты:

«Невеста же и ее подруги встречают жениха с товарищами. Снова ставится угощение, молодежь играет в карты “в короли”: король задает задачи – поцеловать коровий глаз, достать пяткой потолок и т.п.»⁷⁴.

«Коровий глаз» оказывается иносказанием сучка в бревенчатой стене избы.

Загадка про «коровий глаз» звучала и в составе ритуала дарения даров на свадебном пиру после венчания молодых. В 1927 г. в с. Мелехово Сасовского р-на (б. Касимовского у.) Б. М. Назьмов и С. А. Мансуров записали свадебный обычай, когда после венчания молодых на обеде в их честь проводятся «дары», на которых звучит подобный текст:

«<...> к столу, где сидят молодые, подходят по очереди гости, им подносят браги, за что каждый кладет на тарелку деньги и получает подарок от молодой. Выпивая, приговаривают, например: “Иду я по дороге, лежит коровья голова, а в голове глаз, а вам поцеловаться двенадцать раз”. Молодые должны исполнять»⁷⁵.

В 1991 г. от уроженки с. Озёрки Сараевского р-на мы зафиксировали свадебную «предсказку» того же содержания: «Ой, коровий глаз, коровий глаз, – поцеловаться 40 раз»⁷⁶.

В 1961 г. С. И. Дмитриева из Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в с. Чернава Милославского р-на записала загадку от О. Г. Крутолянова, 82 лет, острослова и знатока прибауток, сказочника и певца. Судя религиозному сюжету, отгадке и почтенному возрасту рассказчика, такая загадка бытовала до Октябрьской революции 1917 г. и являла собой занимательную школьную задачу по арифметике (ср. картину «Устный счет. В народной школе С. А. Рачинского» Н. П. Богданова-Бельского, 1895):

«Пошёл мужик в монастырь Богу молиться. Взял на дорогу денег. Идёт и думает: “Господи, дай мне столько денег, сколько взял, дойду до первой церкви – свечу в 3 рубля поставлю”.

Смотрит – узелок на дороге, а там столько денег, сколько он из двора взял. Дошёл до церкви – поставил свечку в 3 рубля. У него деньги остались. Он другой раз нашёл деньги и опять свечу в 3 рубля поставил. Опять у него остались деньги. Он третий раз просит Бога.

Когда он в третий раз поставил свечу в 3 рубля – у него ничего не осталось. Сколько он взял из двора денег?

Ответ: 2 р. 62 коп. с половиной»⁷⁷.

Современным школьникам было бы полезно посостязаться в умении считать в уме (или хотя бы на бумаге) со своими сверстниками, жившими более ста лет назад. К сожалению, нынешние ученики безусловно проиграли бы своим предкам, поскольку привыкли пользоваться электронными калькуляторами и доверять им, а не собственным умениям. Но и предыдущее поколение школьников вряд ли одолело бы сложный устный счет, поскольку привыкло считать на бумаге в столбик: а это тоже прием механизации при умственных занятиях!

В 1923 г. Д. И. Мануев в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского у. записал 7 фривольных загадок (причем частично – с диалектным произношением), у которых отгадками оказываются обыкновенные бытовые предметы, вовсе не засекреченные, не табуированные и не постыдные. Очевидно, такие загадки загадывались старшими подростками более младшим в период полового созревания либо вообще бытовали в среде взрослых людей с целью их увеселения. Приведем эти записи, хранящиеся в архиве Общества исследователей Рязанского края в РИАМЗ:

а) Пришёл дедушка Сидор,
Залез на бабушку сизу,
Ей показалось гоже,
Она стала лёжа (Сон).

б) Стоит баба на юру,
Растопырила дыру,
Кто ни пройдёт,
Всяк в неё швырнёт (Колодец).

в) Помочú, помочú,
Да ещё дальше заколочу
(Помело для очистки от золы пода <печки> перед посадкой хлебов).

г) Чёрный пёт Марфу трёт,
Марфа хохочет – ещё хочет (Телега и дёготь).

е) В праздник годовой
Парень молодой
Сопит и вздыхат –
Далеко пихат (Сапоги).

г) Лес-куролес,
На двух баб залез
(Ушат, котор<ый> несут две бабы)⁷⁸.

Еще одно псевдофривольное произведение (если можно так выразиться) из этой семерки загадок приведено без отгадки; очевидно, отгадка относится к сапожному ремеслу:

ф) Развалю галяшки,
Пуцу толстяка промеж ляшек⁷⁹.

Подобные как бы неприличные загадки не только хранятся в архивах, но и опубликованы – например, в уже упомянутом сборнике И. А. Худякова помещена загадка из с. Жолчино Рязанского у.:

Между двум морям,
По мясным горам
Гнутой мостик лежит. (Ведро с водой и коромысло)⁸⁰.

Школьный работник С. С. Камышов, давая «Ответы на вопросы по анкете Ученой Архивной комиссии <...>» в 1923 г. и приводя бытующие в с. Лихунино Касимовского у. неприличные по словесному наполнению загадки, просил прощения и одновременно высоко оценивал поэтику этого народного жанра: «Примечание: <...> за загадки извиняюсь, но это ведь не мое творчество, хотя можно ему и позавидовать»⁸¹.

Между тем варианты одних и тех же «неприличных» загадок бытовали во многих селениях Рязанщины и были записаны в одно время разными собирателями. Например, С. С. Камышов в 1923 г. в с. Лихунино Касимовского у. записал следующую загадку:

Ногами прут,
животом тру,
а как раздвинется –
воткну. (Тканьё хлопста)⁸².

Д. И. Мануев в том же 1923 г. в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского у. зафиксировал вариант этой же загадки:

Брюхом трёт,
ногами прёт,
как очерится,
тогда воткнёт.
(Ткацкий стан и челнок)⁸³.

Традиционные загадки с отгадками про старинные предметы крестьянского быта исчезают из обихода, потому что утрачиваются породившие их сельские реалии. Теперь чаще всего такие старинные загадки встречаются на школьных уроках по краеведению, звучат как словесные раритеты в музеях этнографической направленности.

Безусловно, наряду с загадками, наполненными арифметическим и онтологическим смыслом, в Рязанской обл. встречаются и более новые и совсем современные произведения.

Загадки до сих пор остаются на Рязанщине (и по всей России) активным и популярным фольклорным жанром, который бытует в детской и юношеской среде. Так, в 2002 г. сержант расквартированной в Рязани воинской части и сам рязанец, шофер Владимир загадал несколько загадок-издёвок, которыми военнослужащие обмениваются между собой. Вот одна: «Какой рукой чай размешиваешь? – Правой. – А все ложкой»⁸⁴. Другая загадка: «Какой будет синий платок, если опустить его в Красное море? – Мокрым»⁸⁵.

Такие загадки основаны на разнице в логических системах координат, в которых мыслят загадывающий загадки человек и отгадчик таких произведений. Подобные загадки были известны более полутора веков назад. Так, в сборнике загадок И. А. Худякова помещена аналогичная по смысловой модели загадка, записанная в с. Жолчино Рязанского у.:

От чего гусь плавает? (От берега)⁸⁶.

Особой научной проблемой остается вопрос о путях проникновения загадок в литературные произведения. Так, один из первых фольклористов, исследовавших фольклоризм Есенина, Б. В. Нейман в 1929 г. в статье «Источники эйдологии Есенина» усматривал истоки целого ряда его художественных образов в жанре народной загадки, причем возводил их не к исконному знанию поэтом с детства фольклорных произведений в с. Константиново Кузьминской вол. Рязанского уезда (и в окрестных деревнях), но к ведущему сборнику «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова (СПб., 1901)⁸⁷, который мог читать поэт⁸⁸. Аналогично рассуждал фольклорист Н. И. Кравцов в 1929 г. в статье «Есенин и народное творчество» (со ссылкой на свой доклад 1926 г.)⁸⁹. Наконец, В. В. Коржан в 1969 г. в монографии «Есенин и народная поэзия» также указывал сборник загадок Д. Н. Садовникова как предтечу определенного мифологического пласта художественной образности Есенина⁹⁰.

Интересно, что все указанные ученые сопоставляли поэтические образы Есенина с фольклорными загадками из сборника Д. Н. Садовникова, подчеркивая черты народности в авторской поэтике уроженца Рязанщины. Однако исследователи не обратили внимание на достаточно большую подборку загадок в хронологически раннем и репрезентативном сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля, подготовленном к 1853 г. и изданном в начале 1860-х гг. У В. И. Даля произведения указанного жанра разнесены по соседним рубрикам: «Загадки» и далее (через рубрику пословиц-поговорок «Животное – тварь») «Вселенная», «Погода – стихии», «Растение – земледелие», «Езда – повозка», «Скот – животное»; проблема заключается в то, что первая рубрика должна бы являться разделом, объединяющим (за выпуском второй рубрики) остальные рубрики. Кроме того, почти в начале сборника еще имеется рубрика с жанровым подзаголовком – «Вера (загадки)», а в конце ряда других рубрик также встречаются загадки, никак жанрово не обозначенные (напр., при рубрике «Двор – дом – хозяйство» и др.). Поскольку из-за неверного полиграфического оформления с первого взгляда жанр загадки обнаруживается только в «жанрово озаглавленной» рубрике, то вероятно, что остальные указанные рубрики на предмет разыскания в них этих произведений ученые и не рассматривали.

Между тем, загадка Есенина «Лысый мерин через синее // Прясло глядит» (Есенин V, 207), приведенная в «Ключах Марии», имеет параллели у Даля: «Сивый жеребец через ворота глядит (месяц)», «Лысый мерин под (через) ворота глядит (месяц)», «Белоголовая корова в подворотню смотрит (месяц)»⁹¹. Другая загадка Есенина из тех же «Ключей Марии» – с образом Зари-заряницы (с отгадкой про росу – Есенин V, 207-208) – также сопоставима с двумя вариантами у Даля, напечатанными без разбиения на стихи: «Заря заряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, месяц видел, а солнце скрало (роса)» и «Заря зарянка ключи потеряла, месяц пошел, не нашел, солнце взошло, ключи нашло (роса)»⁹².

И пока никто из филологов (!) не предпринял никаких усилий, чтобы попытаться обнаружить художественное и мировоззренческое родство творчества поэта с загадками из

более раннего сборника И. А. Худякова, который привел подавляющее число устно-поэтических текстов из Рязанской губ., причем именно с тех территорий, которые располагались по соседству с «малой родиной» Есенина: это уже упомянутые с. Жолчино Рязанского у., с. Мишино Зарайского у., г. Зарайск и Рязанский у. (без конкретизации). Если бы у поэтических образов Есенина были найдены прообразы из сборника И. А. Худякова (причем в убедительном количестве), то уже на основании этого книжного собрания можно было бы рассуждать о региональном компоненте в творчестве поэта, подчеркивать рязанские (а не обобщенно русские) корни его литературных сочинений.

Безусловно, Есенин, окончивший Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, обучавшийся в Московском городском университете им. А. Л. Шанявского, много читавший и посещавший Румянцевскую библиотеку в Москве, бравший книги у друзей и содержавший вместе с А. Б. Мариенгофом книжную лавку, был очень начитанным человеком.

С. И. Субботин, написавший так называемый «реальный комментарий» к «Ключам Марии» (1918) для Полного собрания сочинений С. А. Есенина (1995-2001), отмечал, что примеры загадок и порядок их цитирования поэтом восходят к статье Ф. И. Буслаева «Эпическая поэзия» (1859) и к трехтомнику «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869) А. Н. Афанасьева (Есенин V, 489 – коммент.).

Тем не менее важно подчеркнуть, что у Есенина могли быть на слуху многие загадки из его детства в с. Константиново Рязанского у. Доказательством правомочности такого предположения служит запись 1923 г. в д. Анемнясево Погостынской вол. Касимовского у. загадки: «Сивый мерин через ворота глядит. – Месяц»⁹³. Касимовский уезд граничил с Рязанским уездом (сейчас выделен еще Клепиковский р-н в дополнение к двум районам, бывшим уездам). В сборнике «Великорусские загадки» И. А. Худякова (1861) помещен вариант, помеченный указанием собирателя – «общеизвестна»: «Сивый жеребенок // Через прясло глядит. Месяц»⁹⁴. Кроме того, у И. А. Худякова имеется версия загадки из с. Мишино Зарайского уезда с другой отгадкой: «Бурая корова через прясло глядит. Солнце»⁹⁵.

Безусловно, не эти конкретные варианты, а инвариант – условный собирательный текст загадки, известной с детства Есенину и хранящейся в его подсознании, побудил поэта в 1918 г. при обращении к трудам Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и других ученых (И. А. Худякова, В. И. Даля) обратить внимание на подобный текст и процитировать его (без указания источника) в «Ключах Марии».

В своей теоретической статье «Ключи Марии» Есенин рассуждал о роли загадок в народном мировоззрении:

«Создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи – тайна для нас не новая. Она характеризует разум, сделавший это, лишь как ларец, где лежат приборы для более тонкой вышивки. Это есть сочинительство загадок с ответом в середине самой же загадки. Но в древней Руси, да и по сию пору в народе, эта область творчества гораздо экспрессивнее. Там о месяце говорят:

<...>

Лысый мерин через синее
Прясло глядит» (Есенин V, 207).

Показательно, что на Рязанщине бытовали многие загадки, которые записал И. А. Худяков и опубликовал в сборнике «Великорусские загадки» (1861), а Есенин мог ознакомиться с ними (несмотря на безусловное обращение поэта к статье Ф. И. Буслаева «Эпическая поэзия» с теми же загадками). Сборник И. А. Худякова появился после статьи речи Ф. И. Буслаева и раньше трехтомника А. Н. Афанасьева. И. А. Худяков и А. Н. Афанасьев могли черпать загадки из статьи Ф. И. Буслаева и дословно их цитировать, а Есенин брал произведения данного фольклорного жанра уже из статьи и трехтомной мо-

нографии этих ученых-мифологов, причем приводя фольклорные тексты неточно. Итак, в сборнике И. А. Худякова содержится следующая загадка:

Заря заряница,
Красная девица,
К церкви ходила,
Ключи обронила,
Месяц видел,
Солнце скрало. (Роса)⁹⁶.

И. А. Худяков не указал место записи этой загадки (очевидно, считая ее распространенной), но привел вариант из г. Тихвин – «Заря заряница, // Красная девица, // По миру ходила...»⁹⁷ – и сделал примечание: «Ср. Сементовского Малорусские и Галицкие загадки, № 36». Можно также предположить, что он взял эту загадку из статьи-речи Ф. И. Буслаева. И. А. Худяков в «Великорусских загадках» обращался к работам Ф. И. Буслаева: в частности, в комментарии к загадке № 444 про водяную плотину он процитировал вопросно-ответную форму из его «Речи о народной поэзии в древней русской литературе»⁹⁸.

Сергей Есенин в статье-трактате «Ключи Марии» (1918) следующим образом процитировал загадку: «Роса там определяется таким словесным узором, как

Заря заряница,
Красная девица,
В церковь ходила,
Ключи обронила,
Месяц видел,
Солнце скрало» (Есенин V, 207-208).

Таким образом, первый научный сборник загадок, который подготовлен И. А. Худяковым на основе собственных записей, сделанных во многих регионах России и особенно на Рязанщине, является существенным вкладом в отечественную филологию.

К загадкам близок особый *детский язык*, который также напоминает специальные языки ремесленников (напр., офеней, валяльщиков валенок и портных). Назначение такого языка – разговаривать на нем между собой так, чтобы посторонние люди не догадались о содержании беседы.

Детские языки бывают разные, выстроенные по различным моделям. О двух таких языках поведали современные жители с. Ленино Александрово-Невского р-на. Один язык представлен следующей моделью:

«У нас был! Лично у меня был: задом наперед слова! Это было, да. (А сейчас можете? – Е.С.) Ну, сейчас, наверно, плохо скажу. Но до такой степени легко мы на нём разговаривали! Вот Оксана – Ана́ско! Это вот запомнила, а счас... Был-был! Короткие – да: “было” – “олыб”. Ну мы прям целые предложения – подошли и называли, говорили!»⁹⁹.

Второй язык представлен другой моделью:

«А у нас был: значит, между слогами вставлять вот “ка”! Вот в слог – “ка”. Например: я Галя. Ка-га-ка-ля! И там вот “ка”! Ну да! Это вот у нас было! Вставлять между слогами вот этот слог “ка”»¹⁰⁰ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

Показательно, что на приведенных детских языках разговаривали девочки. Следовательно, детский язык обладает гендерной и возрастной спецификой (сравните: «взрослые»

ремесленные языки построены на основе профессионального братства, которое тоже почти всегда создано по принципу единства пола).

Детский язык похож на диалект в том плане, что он распространен на узкой территории (например, в пределах одного селения). Детский язык действует в определенный исторический и лично-хронологический период: иначе говоря, даже в одном населенном пункте и в одной семье мама могла владеть специфическим девичьим языком в своем детстве, а ее дочь – или уже не применяла этот язык (и вообще язык такого типа), или пользовалась другим.

Детский язык не обладает собственной историей, не наследуется; он легко конструируется по определенным принципам, о которых дети договариваются между собой.

Кроме целых детских языков имеются отдельные специфические слова, употребляемые некоторыми группами ребятишек, чаще всего объединенных тоже по гендерному, возрастному, социальному и территориальному признакам. По сообщению Коли Бельского, ученика 6 группы I-й советской школы, в 1931 г. в Рязани у мальчишек бытовало одно конкретное словечко, обладающее окказиональным смыслом, отличающимся от типового словарного: «Вместо “хорошо” мальчики говорят “Самара”. Хорошо нарисовал – “Самара”. Хорошо ответил – “Самара”»¹⁰¹. Такое словечко, представляющее собой окказиональный (или локальный) омоним, маскировало смысл ответа и оценку во фразе собеседника, защищало и отделяло «посвященных» от «непосвященных».

Помимо «полноценного» детского языка, дети любят применять особенный счет – обычно от одного до десяти. Такой счет приобретает вид считалки и, организованный в возрастающую последовательность цифр, часто становится произведением этого жанра (см. главу 45 «Считалка как жанр детского фольклора и предварение игры»). Утверждать, что непонятный набор некоего подобию слов представляет собой какой-то счет, помогает ритмика считалки, возможность разложить текст на десять частей, а также омофонное звучание отдельных слогов и даже некоторых слов, расцениваемых как имена числительные.

Жительница с. Ленино Александрово-Невского р-на рассказала:

«Я когда ездила в Волгоград в седьмом классе, со школы нас посылали, жили на турбазе. И там вот ребята тоже, с какого, я даже не помню – откуда, счёт нам один <показали>. Я его – тоже до десяти; я не знаю – чей он. Может быть, он даже матом! Но я его и посейчас помню! Просто с какого-то народа или ещё чего, может, матом такой?! (Скажите! – Е.С.)

Одноре, дворе, три, чельче,
Под, лата, кокур, дыче,
Дёзл, дес!

Помню с седьмого класса вот это и не знаю, что это такое! (О. Проскунина) Ну как это? (Н. Р. Проскунин) Ха-ха-ха! Вот, Коля: скажет, да не поймёшь! (2-я женщина)

Одной, двой, три, чельч,
Пад, ла, кукур, дыч,
Дёзл, дес!

Может, даже как-то матом! Но вот это да! Я и девчонкам своим: я не знаю, что это за язык!»¹⁰²

Подобные считалки известны, по крайней мере, в записях с XIX века; вероятно, они возникли в среде семинаристов, вынужденных заучивать непонятные им «мертвые» языки (латынь и древнегреческий).

¹ См.: Самоделова Е.А. Фольклорные сокровища Московской земли: В 5 т. Т. 4. Детский фольклор. Частушки /Вступ. ст. (1 п. 1 ч. и 1 п. 2 ч.), составление (1 ч. 2 разд.; 1 разд. – в соавторстве), коммент. (к 1 ч. 2 разд.; к 1 разд. – в соавторстве), указатель. М.: Наследие, 2001.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.: Типогр. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. Стб. 391.

³ ИМЛИ РАН. Рукописный отдел. Фонд Есенина – Сардановский Н.А. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. 1926.

⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/510. Кн. III. Ед. хр. 73. Л. 4 об. – Трофеева А.Г. Краеведческие сведения о дер. Часловой Гавринской волости Касимовского уезда. Запись 1923 г.

⁵ См.: Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Л., 1983. Т. 1. С. 199-200.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1547 (ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 7.

⁷ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Л., 1983. Т. 1. С. 200. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

⁸ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 199. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

⁹ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 200. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

¹⁰ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 199-200. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

¹¹ Худяков И.А. Великорусские загадки. М.: В тип. Грачева и комп., 1861. С. 94. № 165.

¹² Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 28. № 165.

¹³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 94. № 172.

¹⁴ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 200.

¹⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 107 – к № 488 вар.

¹⁶ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 200. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 123. № 55 – Иванова Т. Частушки, пословицы и загадки, записанные в селе Вышгороде. Рукоп. 1927 г. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

¹⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 61. №№ 486, 487.

¹⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 123. № 58 – Иванова Т. Частушки, пословицы и загадки, записанные в селе Вышгороде. Рукоп. 1927 г. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

²⁰ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 200. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

²¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 123. № 11 – Иванова Т. Частушки, пословицы и загадки, записанные в селе Вышгороде. Рукоп. 1927 г. (Деление на стихи наше. – *Е.С.*).

²² РГАЛИ. Ф. 1547 (ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 26. № 2 – Кострова М.И. Песни, частушки, анекдоты, загадки, записанные в с. Ижевском, Спасского уезда, Рязанской губ. 1924.

²³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 53. №№ 403, 404.

²⁴ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 4.

²⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 5.

²⁶ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 81. № 677.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1547 (ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25. № 4 – Кострова М.И. Песни, частушки, анекдоты, загадки, записанные в с. Ижевском, Спасского уезда, Рязанской губ. 1924.

²⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 7.

²⁹ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 14. №№ 33-34 – с. Жолчино Рязанского у.

³⁰ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 52. № 396-397 – с. Жолчино Рязанского у.

³¹ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 68-69. № 563 – с. Жолчино Рязанского у.

³² Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 69. № 564 – с. Жолчино Рязанского у.

³³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 110, вар. к № 564 – с. Жолчино Рязанского у.

³⁴ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 110, вар. к № 563 – с. Жолчино Рязанского у.

³⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 69. № 566 – с. Жолчино Рязанского у. (с ошибками: «по метушке», «по скребушке»).

- ³⁶ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 199. (Деление на стихи наше. – Е.С.).
- ³⁷ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 102, вар. к № 341 – с. Жолчино Рязанского у.
- ³⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 53. №№ 403-404 – с. Жолчино Рязанского у.
- ³⁹ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 8.
- ⁴⁰ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 53. № 408 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁴¹ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 103 – примеч. к № 408, с. Жолчино Рязанского у.
- ⁴² Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 94. № 164 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁴³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 28. № 164.
- ⁴⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 38 – Мануев Д.И. Этнографический материал, собранный в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).
- ⁴⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 64. №№ 518-519 – с. Жолчино Рязанского у. и с. Мишино Зарайского у.
- ⁴⁶ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 83. № 697 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁴⁷ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 83. № 698 – с. Мишино Зарайского у.
- ⁴⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 82. № 685 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁴⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 25 – Камышов С.С. Краеведческие сведения о с. Лихунине Касимовского уезда. Запись 1923 г.
- ⁵⁰ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 100, вар. к № 308 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁵¹ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 83. № 693 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁵² Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 45. № 328.
- ⁵³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 101, вар. к № 328 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁵⁴ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 101, вар. к № 328 – с. Мишино Зарайского у.
- ⁵⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984. Т. 1. С. 266.
- ⁵⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 50, 110. Т. 2. С. 174.
- ⁵⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 367.
- ⁵⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 374.
- ⁵⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 327.
- ⁶⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984. Т. 2. С. 137, 140, 173-174.
- ⁶¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 172.
- ⁶² Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. С. 172 – Бегунчики; Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. С. 11 – ревунчик (2).
- ⁶³ Записи автора. Тетр. 1. № 540 – Трушечкин Михаил Федосеевич (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на; Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь, г. Москва, 02.11.1991.
- ⁶⁴ Записи автора. Тетр. 16. № 392 – Самоделова А.М., 1929 г. р., со слов мамы Трушечкиной Матрёны Ивановны (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, зап. в Москве в 2005 г.
- ⁶⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 3.
- ⁶⁶ Записи автора. Тетр. 1. № 71 – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве с середины 1920-х годов, октябрь 1981 г.
- ⁶⁷ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 77. № 650.
- ⁶⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 113. № 650.
- ⁶⁹ Записи автора. Тетр. 1. № 72 – Трушечкина М.И. (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве с середины 1920-х годов, октябрь 1981 г.
- ⁷⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 73 – Трушечкина М.И. (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве с середины 1920-х годов, октябрь 1981 г.
- ⁷¹ Записи автора. Тетр. 6. № 124 – Ларюшкина Ксения Сергеевна, 1927 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 04.07.1989.
- ⁷² Записи автора. Тетр. 6. № 125 – Ларюшкина К.С., 1927 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 04.07.1989.
- ⁷³ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 72. № 601 – с. Жолчино Рязанского у.
- ⁷⁴ Мансуров А.А. Описание рукописей Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 17-18.

⁷⁵ Мансуров А.А. Описание рукописей Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 27. № 44.

⁷⁶ Записи автора. Тетр. 1. № 502 – Маслобойникова (дев. Астахова) Анна Николаевна, 1927 г. р., родом из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в г. Рязань, конец мая 1991 г. Опубл.: Самоделова Е.А. Поэтика рязанского свадебного фольклора. Часть 3 /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. С. 179; Самоделова Е.А. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 7. Традиционные формы досуга: История и современность. Сб. науч. трудов. М.: ГРЦРФ, 1996. С. 134-158.

⁷⁷ ИЭА. Фонд РОКЭ. 1961. № 33. Л. 50 – Собр. С. И. Дмитриева от Крутолянова Онисима Григорьевича, 82 лет, в с. Чернава Милославского р-на в феврале 1961 г.

⁷⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 38 – Мануев Д.И. Этнографический материал, собранный в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

⁷⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 38 – Мануев Д.И. Этнографический материал, собранный в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

⁸⁰ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 15. № 43 – с. Жолчино Рязанского у.

⁸¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 25 – Камышов С.С. Краеведческие сведения о с. Лихунине Касимовского уезда. Запись 1923 г.

⁸² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 25 – Камышов С.С. Краеведческие сведения о с. Лихунине Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

⁸³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 38 – Мануев Д.И. Этнографический материал, собранный в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

⁸⁴ Записи автора. Тетр. 23. Ч. 2. С. 49 – сержант Владимир, около 20 лет, родом из г. Рязань, в этнографической экспедиции под рук-вом к. и. н. С. А. Иниковой (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), 02.07.2002.

⁸⁵ Записи автора. Тетр. 23. Ч. 2. С. 49 – сержант Владимир, около 20 лет, родом из г. Рязань, в этнографической экспедиции под рук-вом к. и. н. С. А. Иниковой (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), 02.07.2002.

⁸⁶ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 11. № 5 – с. Жолчино Рязанского у.

⁸⁷ См.: Нейман Б.В. Источники эйдологии Есенина // Художественный фольклор. М., 1929. № 4/5. С. 206-207.

⁸⁸ См. об этом: Самоделова Е.А. Гастрономическая поэтика С.А.Есенина и народная пищевая культура /Рязанский этнографический вестник. 2012. № 48. Глава 2. URL: <http://biblio.imli.ru/index.php/folklor/594-Samodelova-EA-Gastronomicheskaya-poetika-SA-Esenina>; Самоделова Е.А. История изучения фольклоризма Сергея Есенина (от первой статьи Н. И. Кравцова до современных исследований) // Российская славистическая фольклористика: Пути развития и исследовательские перспективы. Мат-лы Междунар. науч. конференции к 100-летию со дня рождения профессора Н. И. Кравцова (Москва, 9-10 ноября 2006 г.) /Отв. ред. А. В. Кулагина. М.: МАКС-Пресс, 2007. С. 185-196.

⁸⁹ См.: Кравцов Н.И. Есенин и народное творчество // Художественный фольклор. М., 1929. № 4/5. С. 198.

⁹⁰ См.: Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л., 1969. С. 138.

⁹¹ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984. Т. 2. С. 361.

⁹² Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. С. 364.

⁹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 40 – Материалы по народному творчеству д. Анемнясево Погостынской вол. Касимовского у. Запись 1923 г.

⁹⁴ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 49. № 365.

⁹⁵ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 70. № 579.

⁹⁶ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 62. № 501.

⁹⁷ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 107 – коммент. к № 501.

⁹⁸ Худяков И.А. Великорусские загадки. С. 105 – коммент. к № 444.

⁹⁹ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»), участница фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александро-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁰⁰ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Наумкина Галина Михайловна, ок. 47 лет, участница фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александро-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁰¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 20 – Худзинская Л.А. Частушки. Запись 1929 г., г. Рязань.

¹⁰² Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина Оксана Борисовна, 34 г., соцработник; Черемисина Любовь Григорьевна, сотрудник клуба, 1962 г. р.; Наумкина Галина Михайловна, ок. 47 лет, сваха Л. Г. Черемисиной; Антипова Валентина Анатольевна, ок. 47 лет; Федулóва Светлана Анатольевна, 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Николай Родионович, 53 г., муж, баянист; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александро-Невского р-на, 03.08.2014.

Глава 41.

Девичьи игры в куклы, в «школу», в «магазин», в «секретики»

В куршацких селениях, расположенных рядышком в Клепиковском р-не, зафиксированы словечки, используемые при общении взрослых с малышами и обозначающие аксессуары для детей: «Бóбка, бóбочка – детская игрушка»¹.

Девочки обменивались игрушками и другими ценными для них предметами, сопровождая обмен фольклорной формулой наподобие заговора и заклички: «“Чур, менка – не обманка”, – при дележке говорят девочки»² (Рязанский у., 1920-е гг.).

Первые игрушки для малышей делали дедушки с бабушками, родители и старшие братья и сестры. Когда в с. Сергиевка-2 Шиловского р-на в кирпичном доме раскулаченного крестьянина примерно в 1931 году организовали ясли-сад, то привлекли родителей и нянечек к изготовлению куколок: «Игрушками служили тряпичные и соломенные куклы, которые делали родители и няньки»³. В 1950-е годы в яслях соседнего населенного пункта каждого ребенка снабжали уже покупными игрушками: на фотографии ясельной группы с воспитателями в 1955 году в пос. Аделино Шиловского р-на видно, что у всех 10 девочек в руках находится по кукле, у 2 мальчиков – по машинке, у 1 – мяч, остальные без игрушек⁴.

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина указывают: «Игра в куклы, пошив для них одежды и обращение с предметами кукольного хозяйства приучали девочку к труду женщины-хозяйки»⁵.

Взрослые иногда забавляли детей. Н. И. Лебедева (1894-1978) сообщает о внимании к ребенку со стороны П. А. Титова – друга отца, пришедшего в гости: «Дядя Поликаша (Поликарп Алексеевич; я так его звала) начинает играть со мной, двигая стулья, пряча куклы и т. д.»⁶.

Уроженка с. Константиново Рыбновского р-на и жительница д. Демидово того же района М. И. Васильева рассказывала об игре в куклы с сестрой Есенина и о вмешательстве поэта:

«Моей подружкой в детстве была Катя Есенина. С ней мы часто играли в куклы, люльки для них мастерили, платьица шили, известно – девчоночьи забавы. <...> Потом надоест, видно, размяться ему <Есенину> охота, и ну к нам приставать, куклы отбирать. Мы визжать, драться с ним. Он смеется, дразнит: “Катка! Мотька! Куклы ваши сейчас вот Рябке брошу, ей тоже поиграть хочется”. Катя видит, что добром не возвернет, к матери бежит: “Ма, а Сергей опять к нам привязывается, куклы грозится Рябке кинуть, она ж их разорвет, растреплет! Скажи ему, чтоб не лез”»⁷.

Другая сестра Сергея Есенина – Александра – вспоминала об игре в куклы в раннем возрасте: «Может быть, я не запомнила бы, что я рано научилась петь, но в моей памяти сохранился отцовский смех, когда однажды, приехав домой в отпуск, он услышал, как я, играя на печке в куклы, распевала совершенно правильно “Бродяга, судьбу проклиная, тащится с сумой на плечах”... А мне в это время было четыре-пять лет»⁸.

А. А. Есенина – младшая сестра Сергея Есенина – описала в мемуарах «Родное и близкое» обычай девочек с. Константиново Рязанского у. создавать кукол из тряпочек и других подручных средств и играть с ними:

«Очень любила я играть в куклы. Мы делали их сами.

Были у нас они без рук, без ног, вместо лица просто белая тряпица, а мужчины от женщин отличались лишь цветом одежды да тем, что голову женщин покрывали платком и сзади на голове делали прическу – “пук”.

Чаще в куклы играли зимой и осенью»⁹.

В этом сообщении интересны два момента: гендерная природа и разновозрастная характеристика кукол, осознаваемая маленькими девочками, живущими в традиционном патриархальном обществе в селе. Подчеркнем: девочки подразделяли кукол на женщин и мужчин. С такими взрослыми куклами можно играть в гости, в сватовство и свадьбу, в супругов и т.д. Это сродни кукольному театру, в котором роль кукловода не входит в сценарий, она как бы техническая, а «актерами» на сцене являются исключительно куклы.

Более часто встречается игра в куклы, в которой действуют куколки-«девочки» и дети, играющие роль их мам: такая игра обычно называется «в дочки-матери».

Ольга Ивановна Брежнева, сестра друга детства Есенина из с. Кузьминское Рязанского у., вспомнила рассказ своей мамы с эпизодом о том, как «Оля сидела рядом с нею и шила новый наряд для своей куклы»¹⁰.

Н. И. Лебедева в «Мемуарах» также неоднократно вспоминала об игре в куклы как о типичном занятии девочки: «Я копошусь с куклами» и «Делала попытки шить куклам, но не очень удачные»¹¹.

В 1956 г. Н. И. Лебедева отмечала сохранность старинных приемов деревенского натурального хозяйства в кукольной игре – как последнюю стадию исчезающего домашнего производства: «<...> в конце прошлого века употребление крапивы для пряжи было известно в детских играх. В деревнях Рязанской губ. девочки пряли волокна крапивы для получения ниток, которыми шили из тряпочек платья для кукол, – готовых ниток матери не давали (Астромино Рязанского района и Городецкое Старожиловского района)»¹².

В куршацких селениях – в с. Малахово, д. Андроново Клепиковского р-на – взрослые говорили: «Кўклу адбирў у рябят, вить зыцакаўт, истрёпют», то есть опасались, что дети могут «зачекать – резким движением руки или ноги начать отодвигать что-либо»¹³.

Краевед Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина привели сообщение жительницы пгт Сарай об игре в куклы в 1940-е гг.: «Мать мая убегала на работу до свету. Я осталась у неё одна-разъездная. Строго-настрога мне запрещали уходить из избы. Так мне достался тряпишный куклёнок, глянуть была не на что. Вот ведь как я таво куклёнка любила. И пареву над ним, и паиграю, и пабалтаю, и засну, и все припаски припасну. Глянь, от день и паходить»¹⁴.

Фраза Есенина, адресованная подруге его сестры спустя много лет, показывает крестьянское понимание девичьей игры в куклы как подготовку к материнству: «Раз, помню, встретился со мной на улице, улыбается: “Моть, а ты все в невестах? Все с куклами играешься? Тебе бы живую куколку давно пора. Найти, что ли, жениха?”»¹⁵.

Н. Н. Сарычева, жительница с. Ленино Александро-Невского (б. Новодеревенского) р-на, заведующая сельской библиотекой, запечатлела в 2011 году в рукописи воспоминание из собственного детства о девичьей игре в «Дочки-матери» и о давней семейной традиции: «Нет, пожалуй, ни одной девочки на свете, которая не играла бы в куклы. Бабушка рассказывала, что у неё была кукла, сделанная из тряпочек. Тряпочку скручивали, связывали, подвязывали сверху платочек, а внизу пеленали. Вот и куколка-младенец готова. А ещё куколки делали из кукурузных початков <так!> и мерились, у чьей куклы волосы длиннее. Это уже потом пошли настоящие куклы, кровати, посудки»¹⁶.

В этом сообщении (помимо ценных сведений о домашней технологии изготовления кукол из подручных предметов) интересно два момента. Во-первых, изготовление кукол из кукурузных початков, то есть из местных материалов, что было возможным из-за выращивания кукурузы на юге Рязанщины, последовавшего после непродуманного указа Н. С. Хрущёва в 1950-е годы (эта зерновая культура вызревает до молочной спелости и предназначается на корм скоту до сих пор в Александро-Невском р-не¹⁷).

Во-вторых, представление рассказчицы о том, что «настоящие куклы» изготавливаются на фабрике детских игрушек и продаются в магазинах. Следовательно, с позиций со-

временного человека прежние самодельные куклы, созданные вручную из подсобных средств, относятся к «ненастоящим куклам»; иначе говоря, появилось противопоставление – «настоящие / ненастоящие куклы» (и вообще «настоящие / ненастоящие игрушки»).

В прежние времена противопоставление «магазинные / самодельные игрушки» (они же «настоящие / ненастоящие») имело другое семантическое наполнение, характеризующее социальное и, соответственно, имущественное расслоение людей: у помещичьих детей имелись игрушки фабричного производства, в том числе даже выписанные из-за границы и привезенные из других стран, а у крестьянских детей были самодельные игрушки, сделанные их родителями, старшими братьями и сестрами, бабушками и дедушками.

В июле 2002 г. в с. Чернава Милославского р-на мы неоднократно слышали обращение мужчины к девушке – «кукла» (женщина обращалась к девушке – «ягодка»)¹⁸, основанное на критерии красоты.

Школьница из пгт Сараи Е. Ермихина эмпирическим путем, на основе опроса старожилов Сараевского р-на об их детских забавах, создала классификацию игрушек, справедливо считая, что «игрушки, сделанные из бросового, отработанного в быту, природного материала, можно отнести к самодельной игрушке»¹⁹.

В двух местах статьи «Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл» Г. А. Кармацкая и Е. Ермихина дают несколько различающиеся перечни материалов, из которых сооружались детские игрушки. Сначала авторы пишут: «На “изготовление” такой игрушки применялось следующее сырьё и материалы: дерево, металл, ткань, лоскут, бумага и картон, осколки керамики, фарфора и фаянса, глина, стекло, снег, шерсть животных, другой бросовый материал»²⁰. Затем они дополняют список материалов, частично повторяя уже приведенные субстанции: «Самодельной игрушкой могли быть: угольки, щепки, старые газеты, засохшие цветы, листья деревьев, растений, битая посуда, палки, снег, глина. Игрушкой могли быть цветы, растения, мох»²¹.

Н. Н. Сарычева из с. Ленино Александр-Невского р-на сообщает подробности игры в куклы; эта забава включает самодельную игровую атрибутику, копирующую реальный домашний быт: «Я помню, как в детстве мы с подругами строили настоящие кукольные дома. Готовили угощения (а продуктами были разные травы, семена, коренья и т.д.), укладывали своих дочек спать, беседовали с ними, учили их, ходили друг к другу в гости»²². Показательно, что автор упоминает «настоящие кукольные дома», не относя их к самodelкам; следовательно, в 2011 г. (это время создания рукописи) в Новодеревенском (ныне Александровском) р-не еще не были известны кукольные домики фабричного производства, либо девочки строили жилища для кукол из детского конструктора. К сожалению, в рукописи не описаны подробности «кукольного домостроения».

Автор рукописи Н. Н. Сарычева делает вывод о пользе игры в «Дочки-матери» для духовного развития ребенка, для его социализации: «На мой взгляд, эта игра прививает настоящую культуру общения»²³.

Однако имеются сведения о дифференцированном подходе некоторых девочек к разным куклам. Рассуждения уроженки г. Рязань о куклах, в которые она играла в детстве в конце 1960-х – начале 1970-х годов, особенно касаются тех куколок, какие чрезвычайно напоминают людей и своим внешним сходством с ними вызывают отторжение. Приведем пересказ этих рассуждений.

Итак, с детства Елена не любила кукол и даже боялась их. Наверное, это произошло после того, как пошла с отцом – участником Великой Отечественной войны (она младшая дочь в семье) в госте к одному дяде – другу отца и увидела у него немецкую большую гипсовую куклу, покрытую лаком. У куклы были большие выразительные глаза, похожие на человеческие, и была ранена голова. Вероятно, она была пробита при каком-то падении куклы. Девочка попросила у дяди разрешения взять куклу на некоторое время домой, чтобы поиг-

рать с ней. У дяди были свои дочери, но он разрешил забрать куклу с собой. Вечером Лена перебинтовала кукле голову бинтом и уложила ее спать рядом с собой в кровать. Но вскоре поняла, что ей страшно спать с куклой, как будто кукла живая, как человек, и способна совершать какие-то действия, поступки. И утром девочка упростила отца отнести эту куклу раньше времени обратно к дяде.

Уже став взрослой, Елена часто задумывалась о том, почему она не любит играть в куклы. И пришла к выводу, что среди других кукол именно эта гипсовая кукла, похожая на живого человека, вызывала в ней неприязнь и чувство отторжения. Другие куклы были устроены иначе. Они были сделаны из тонкой пластмассы, руки и ноги внутри туловища скреплялись резинками, необходимыми для того, чтобы кукла совершала движения частями тела. Еще одни советские куклы были изготовлены из толстой пластмассы, их руки-ноги ввинчивались в туловище по специальной резьбе. Обе эти разновидности кукол было сложно повредить, их почти всегда можно было починить, если только они не разбивались совсем. И все-таки в памяти впечатлительной девочки всплывал образ той гипсовой куклы, слишком похожей на человека. Маленькая Лена не любила ходить в магазины игрушек и просила не покупать ей кукол. Исключение она делала только для маленьких пупсиков, которые продавались в больших целлофановых запечатанных пакетах вместе с разными видами одежды для них; таких целлулоидных пупсов можно было переодевать и играть с ними в разные игры. Но больше всего девочка любила мохнатых и пушистых зверей – особенно плюшевых мишек. Однажды ей подарили небольшого мишку, который не умел шевелить руками и ногами (она так и сказала – “руками и ногами”, а не лапами), зато был любимого оранжевого цвета с белыми лапками. С детства Елена любила оранжевый и желтый цвета. Этого мишку она укладывала с собой спать.

Став взрослой, Елена случайно наткнулась по телевизору на какой-то американский фильм про кукол, которые по ночам оживали и вели себя совершенно ужасно: нападали на взрослых, ранили их и даже пытались убить! Это был настоящий ужастик! Елена подумала, что гипсовая кукла из ее детства неосознанно не нравилась ей: она как будто тоже могла не подчиняться своей хозяйке! И когда Елена вышла замуж, они как-то с мужем Володей зашли в магазин игрушек и увидели там фарфоровых зарубежных кукол, которые, по их общему мнению, были очень похожи на уменьшенные копии людей, имели почти человеческие глаза.

И далее, когда дочь Елены уже выросла и дружила с одним парнем, он подарил ей такую фарфоровую куклу. И Елена даже расстроилась по этому поводу и подумала, что фарфоровой кукле не место в их квартире. А дочка сначала считала, что эта кукла красивая, а потом поссорилась с парнем и вернула ему подарок. И Елена подчеркивает, что она не против резиновых и целлулоидных кукол, которые выпускались в советское время и были настоящими детскими игрушками, а не имитировали людей. Она против тех нарядных фарфоровых кукол, которые так похожи на людей, что, рассматривая их, даже порой забываешь, что они все-таки куклы!²⁴

Краевед пгт Сараи Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина указывают в отношении женщин Сараевского р-на, родившихся в 1920-1950-е гг. их увлеченность в детстве коллективными играми: «Играло это поколение и в ролевые игры: в <...> школу, дочкаматери»²⁵.

Эти же исследователи описали атрибутику игры «в магазин» в Сараевском р-не: «В качестве атрибутов игры применялся, например, кирпич, листья деревьев, цветы, газеты, отходы домашнего обихода. Кирпич, который ставили на ребро, служил в магазине весами. Поперёк него устанавливали досочку (дощечку), на края досочки устанавливали консервные банки, или большие щепки, старые жестяные тарелки. Вместо гирь употребляли гальку»²⁶.

Жительница с. Красная Вершина Сараевского р-на вспоминает о девичьей игре в 1950-е гг.: «Мы любили летом играть в магазин. Взамен конфет рвали ромашки, цикорий, мелкую пижму превращали в горошек»²⁷.

Та же жительница с. Красная Вершина Сараевского р-на поведала правила игры:

«Мы становились в очередь в магазин, ругались, как все бабы за товар. За сухофрукты у нас сходили перегоревшие в печи уголья. Конфеты заменяли головки цветов: ромашка, цикорий, ноготки и т.д. Речной песок или даже дорожная пыль заменяли сахарный песок, соль. Обрезок бруса или какая другая деревяшка могли быть пачкой папирос, пачкой киселя. Если под рукой была какая-нибудь коробочка, то она могла быть пачкой чая»²⁸.

Жительница с. Ремизово Сараевского р-на Н. И. Лексакова сообщила о других подручных предметах, нахождение которых могло ситуативно повлечь за собой ту же самую игру в конце 1950-х годов:

«Весной, када аттаивал снег, мы шли па задним дварам и глядели, ни вытаить ли чаво из-под снега. Есля находили кансервную банку, то начинали играть в магазин. А то и чаво прощи: начинали готовить в ней обед. Ну, и пашла игра. Тут жа нахадиле угли и складывали их в баначку – эта и была картошка. Готовай абеда могли разлажить на щепки, да на что пад руки попадётся»²⁹.

Уроженка пгт Сарай рассказала о символической замене денег в игре «в магазин» в конце 1950-х годов: «Листья у нас заменяли деньги. Лист черёмухи – рубль. Лист тополя – десятка. Лист акации – копейка, мелочь. Стали постарше, брали настоящую денежку, натирали её химическим или простым карандашом – вот и настоящие деньги»³⁰.

Игра продолжает жить и в современности. В 2006 г. в г. Рязьск в районе с многоэтажными домами с народным названием Высотка дети от 3 до 7 лет играли в «магазин»: разложили на лавочке листья разных растений, вели беседы³¹.

Заметим, что игра «в магазин» стала актуальной для сел и особенно деревень сравнительно поздно, а именно тогда, когда туда проникли сначала купеческие лавки, а потом и магазины. Вероятно, игра «в магазин» более характерна для городов, где она появились раньше – в связи с возникновением магазинов. Более древний аналог магазина – базар. Упоминание о нем содержится в детских считалках: «Там на базаре // Коза в сарафане и т.д.»³²; «Аты-баты, шли солдаты, // Аты-баты, на базар»³³ и др. Во многих деревнях Рязанщины, к сожалению, до сих пор отсутствуют магазины, и туда приезжают автолавки один-два раза в неделю.

Показательно, что «магазин» в игре – продуктовый: об этом свидетельствует игровая символика. Так сложилось исторически: пищевым продуктам всегда придавали сакральный статус, ведь еда является основой жизни.

Очевидно, игра «в магазин» имела две вариации: 1) играли только дети, принимая на себя разные роли – продавца, покупателей, родителей с детьми и т.п.; 2) дети считались «взрослыми» участниками игры, а куклы – «детьми», и они вместе ходили за покупками.

А. А. Есенина, сестра поэта Сергея Есенина, вспоминала о целом комплексе ролевых игр с подручными средствами; такие игры бытовали в 1910-е годы и были построены по аналогии с крестьянской жизнью во многих ее типовых проявлениях:

«Летом нас занимали другие игры на улице, где действующими лицами были мы сами. Из палочек, вбитых в землю, мы городили себе по нескольку комнат с коридорами, с дверями и окнами. Были у нас коровы – кирпичи, и мы их доили: терли один кирпич о другой, и кирпичный порошок был у нас молоком. Покупали селедки – листья от ветел, из глины пекли пирожки»³⁴.

Как видим, игра «в магазин» (в торговую лавку) являлась составной частью такой многосложной, многоходовой игры с распределением ролей.

М. В. Бабкин поставил игру «в магазин» / «в торговлю» на шестое место по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 6) “В торговлю” <...>»³⁵.

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина обращают внимание на местные названия детских игр, приводя в качестве примеров наименования самых распространенных игр девочек: «Игры сараевских детей имели как общероссийские, так и локальные названия. Например, “дочки-матери” – “мамки-дочки” в сёлах Сараевского района. В “семью” чаще называли игрой в “хазяв”»³⁶. Эти названия очень показательны: для патриархального мировосприятия первостепенное значение играют роли матери и хозяев дома (в том числе матери-хозяйки); дети воспринимаются естественным продолжением родителей, а не выступают на первый план, как в современном урбанизированном обществе или даже как это было в городской среде XX века.

Эти же исследователи описали игру «в хозяев», которая имитировала действительные отношения в патриархальной семье: «В игре в “хазяв” обязательно был ребёнок. “Ребёнка” делали из старого платка: платок складывали треугольником и одну из вершин перехватывали шнурком или шерстяной нитью. Это была голова. Мамка или нянька укачивали младенца, пели колыбельные. “Отец” строго кричал: “Матэрь, успокой малого”»³⁷.

Сараевские исследователи подчеркивают половозрастные различия в детских играх: «Состав игр детей младшей возрастной группы отличался от состава игр детей среднего или старшего возраста. Дети до пяти лет охотно играли, “ганкали” на лозинах от ивы. Дети старше шести лет уже с увлечением играли, например, в “хазяв”, “мамки-дочки”, “магазин”»³⁸ (Сараевский р-н).

В 1930-1940-е гг. в с. Озёрки Сараевского р-на пользовалась популярностью игра «в кольцо», которую можно отнести к подвижным играм с обязательным атрибутом. Разумеется, настоящего венчального кольца не было, применялось какое-либо подручное средство, а сама игра «спустилась» с возраста девушек-невест к девочкам:

«Мы сидим вот так <показывает ладони, прижатые одна к другой внутренней стороной> и держим вот так руки. А кто-то водит. Рассчитались, кому водить. Вот он водит. У него там какое-нибудь зёрнышко или какая-нибудь палочка, или какой-нибудь листочек – у него в руках. И вот она <водящая> ходит и в каждую – вот ты руки держишь, она так рассекает твои <ладони> – показать? Ну вот рука, а она кладёт свою руку сюда, и вот так ты приоткрываешь, а она туда кладёт или не кладёт <показывает>. И она каждому так делает. И мы не знаем, у кого это. И она говорит: “Кольцо налицо!” А, это в кольцо! Это кольцо! “Кольцо налицо!” И тот вскакивает с кольцом. А другие стараются задержать. Думаешь: я держу вот этого, а она оказывается... А кольцо там! Там кто-то держит или не держит! И вот это не успел... А, нет! Она как только скажет: “Кольцо налицо!” – мы должны держать! Она: “Кольцо налицо!” Та быстро вскакивает – мы не успеваем держать! А иногда, а чаще всего задерживаем! Потому что стараемся заранее держать! Руки высовываем!»³⁹.

По сообщению старшеклассника Зарёвской школы Михайловского р-на начала XXI века Андрея Демина, 16 лет: «Девочки плетут из одуванчиков и других цветов венки, браслеты, короны. Из цветных кусков материи они шьют различные игрушки. Наши девчонки также могут вязать» (ответ на анкету Е. А. Самоделовой 2004 г.).

Краевед пгт Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина рассказали и об игре «в секретки»: «Атрибутом игры могли стать открытки, стёклышки, бусины, или тот предмет, который, по мнению одной из играющих девочек, мог стать “секретиком”»⁴⁰. Сюжет игры был прост: «секретик» надо сначала спрятать, а затем или найти, или хозяйка его могла открыть и показать.

Исследователи привели сообщение Н. И. Лексаковой из с. Ремизово Сараевского р-на об игре «в секретки» в 1950-е годы: «Мы с подружкой играли так. Вот у меня появляется открытка новогодняя. Не такая, как у всех. Мне её гости из Москвы привезли. Так я её

прятала в коробочку и закапывала в песок, или в землю. И говорила подружке: «У меня есть секрет. Вот он. Только ты никому не рассказывай». И вынимала коробочку с секретом из укрытия. Почему так играли, не могу сказать. Но любила я эту игру»⁴¹.

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина перечисляют наиболее популярные у девочек Сараевского р-на игры: в «секретики», «кармычки» (классики, черепки), «бисюрьки» (бусины, стёклышки), «мамки-дочки», «магазин» и др.⁴²

Школьница Е. Ермихина, изучив устные повествования старожилов Сараевского р-на о самодельных игрушках 1940-1950-х годов из подручных средств, пришла к выводу о том, что о них сохранилась лишь народная память – причем людей старшего возраста: «Ещё стоит сказать о том, что наше поколение зачастую не понимает, о какой игрушке идёт речь»⁴³. Это мнение показательно тем, что подчеркивает разницу в мировосприятии детей из патриархальных больших семей и современных немногочетных, имеющих несравнимо разный достаток, и потому более обеспеченные люди обычно не прибегают к изготовлению самодельных игрушек, если только не преследуют историко-познавательные или иные развивающие цели.

Не менее важными оказываются региональные условия и городская / сельская среда, породившие разные народные традиции в изготовлении игрушек детьми. Действительно, мы прежде ничего не слышали об изготовлении импровизированных шкатулок девочками, как об этом в 2017 г. рассказала сотрудница гостиницы «Учитель» в г. Рязань, лет 60-ти. По ее словам, девочки в ее детстве делали шестигранные «шкатулки», со дном и крышкой из открыток, сшитых особым швом. Сейчас она увидела по Интернету хозяйственную сумку, сделанную из лент, вырезанных из пластиковых бутылок, причем ленты были сшиты тем же швом, что и давняя детская «шкатулка» из открыток. Сотрудница заинтересовалась этим фактом и задумалась над тем, что не понимает, как из закругленной бутылки получается прямая плоская лента (как из плоскостных открыток), чем выправляют ее⁴⁴.

Начиная с XX века (более ранних данных нет), девочки любят играть в прыгалки, которые в д. Деулино Рязанского р-на называются «сигálки» (с'иуáлк'и): «С'иуáлк'и, с'иуáйт' ан'ú с'о...» (ССРНГ, 512). Неосторожность в игре могла привести к повреждению организма: «Ан'ú с'иуáлк'им'и иуáл'и, анá с'иунúла и масóл-ть п'ир'илам'úла» (ССРНГ, 512). Диалектологи, зафиксировавшие это словечко, поместили его как «новое».

Несмотря на исчезновение отдельных подвижных игр и утрату представлений о технологии изготовления некоторых самодельных игрушек, наши экспедиционные наблюдения (в том числе приведенные выше) свидетельствуют о достаточно большой устойчивости целого ряда народных игр с подручными средствами, об их активном бытовании именно в сельской местности в середине XIX – начале XXI веков; сохранность части игр поддерживалась и продолжает поддерживаться воспитателями детских садов и школьными учителями.

¹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 43.

² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/511. Кн. IV. Ед. хр. 85. Л. 10 – Рязанский у., 1920-е гг.

³ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 411.

⁴ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 412.

⁵ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 99.

⁶ Лебедева Н.И. Этнологические материалы /Рязанский этнографический вестник. 1997. С. 127.

⁷ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986. С. 113.

- ⁸ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 26.
- ⁹ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 29.
- ¹⁰ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. С. 160.
- ¹¹ Лебедева Н.И. Этнологические материалы. С. 127.
- ¹² Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Лебедева Н.И. Науч. труды: В 2 т. /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. Т. 2. С. 6.; 1-я публ.: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белоруссов в XIX – начале XX в. /Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. сер. Т. 31. М.; Л., 1956. С. 461-540.
- ¹³ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 144.
- ¹⁴ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.
- ¹⁵ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. С. 114.
- ¹⁶ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись, присланная на Краеведческий конкурс «Это Родина моя» из Ленинской сельской библиотеки.
- ¹⁷ Записи автора – личные наблюдения Е. А. Самоделовой в фольклорной экспедиции в Александро-Невском р-не в августе 2014 г. с А. С. Щетининой, методистом РОНМЦНТ.
- ¹⁸ Записи автора. Тетр. 23-А. С. 153 – с. Чернава Милославского р-на, 08.07.2002.
- ¹⁹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.
- ²⁰ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.
- ²¹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 101.
- ²² Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011. Рукопись.
- ²³ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011. Рукопись.
- ²⁴ Записи автора. Файл ryazan-child-dop.doc – Коренева Елена Васильевна, 1964 г. р., г. Рязань, 28.08.2017.
- ²⁵ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.
- ²⁶ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 103.
- ²⁷ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 101.
- ²⁸ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 103.
- ²⁹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 101-102.
- ³⁰ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 103.
- ³¹ Записи автора. Фото Е. А. Самоделовой в фольклорной экспедиции в г. Рязск летом 2006 г.
- ³² Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 34. № 189.
- ³³ Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Этнография Ермишинского края. Ермишь, 1997. С. 53. № 11; Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.
- ³⁴ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 29.
- ³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

³⁶ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.

³⁷ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 103.

³⁸ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.

³⁹ Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., играла в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг., г. Москва, 07.02.2015.

⁴⁰ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 104.

⁴¹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 104.

⁴² См.: Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.

⁴³ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 104.

⁴⁴ Записи автора. Тетр. с выписками из рукописного архива РИАМЗ (фонд ОИРК). С. 26 – сотрудница гостиницы «Учитель», лет 60-ти, г. Рязань, 12.07.2017.

Глава 42.

Мальчишеские игрушки и детские сооружения типа домика

У мальчиков имелись свои игрушки и игры. В. Влазнев, уроженец с. Белоомут Зарайского у., писал в 1892 году о таких развлечениях детей, которые в определенной степени являются сельскохозяйственной работой – по крайней мере, ее уменьшенной и упрощенной копией:

«Детские местные игры, выражающие артель, состоят в том, что с тележками, ящиками и лаптями, привязав к ним веревочки или пояски, они гурьбою едут на выгон, где втыкают хворостинки, как это практикуется у косарей для определения ширины участка, рвут руками траву, кладут в копны и стоги, а потом привозят ее домой; более взрослые дети ездят с самодельными тележками в ближайший лес за дровами – сучками»¹.

Историк С. Д. Яхонтов в мемуарах вспоминал об импровизированной игре – подобию работы в сенокосную страду в с. Ухорь Пронского у.:

«Зато любил я хозяйственные игры. С лаптем (а их было много в нашем доме, где все обувались в лапти в рабочую пору особенно) я ездил с товарищами на воображаемый сенокос: нагрузив травы по всем правилам навивки сена на воза, тащил лапот[ь] (а то и несколько) по пыльной дороге в устроенную ригу»².

Краевед пгт Сараи Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина рассуждали в 2016 г.: «Игры с “сельскохозяйственными” игрушками воспитывали в крестьянском мальчишке будущего хозяина, работника на селе. Игры с военной игрушкой – будущего воина»³.

Помимо коллективных игр сельскохозяйственной тематики, у крестьянских и поповских детей существовали индивидуальные игры, придуманные мальчиками. С. Д. Яхонтов сообщил о персональной игре, проводившейся мальчиком в зимнюю пору:

«Еще живее работала эта духовная сила, когда разводил зимой сады, наполнял их соловьями и другими птицами; и даже зверями. Зимой, когда к “придою” приносил корове сено в кошелке, я спешил выбирать из сена цветки, красивую травку. Словом, все более или менее характерное из растительност[и]. Все это расставлял по окнам, как мне казалось, бывает в саду, в цветнике, в лесу. Напускал туда тараканов-“прусаков” (а их множество водилось в нашей избе) и следил, как они лазали по воображаемым мною деревьям»⁴ (с. Ухорь Пронского у.).

Та же игра летом имела свои нюансы, обусловленные календарным сезоном: «Летом еще удачнее выходило. В церковной ограде рассаживались сады, куда налавливал букашек и т.п. Особенно подходящим для этого была “божья коровка”. Она послушная, летает неохотно, а все ползает. То и любо!»⁵.

С. Д. Яхонтов опоэтизировал летне-осенние забавы мальчиков, связанные с бытовой практикой ухода за домашней скотиной и с сезонными природными явлениями:

«Из детских лет особенно ярко помнятся мне дни мойки овец осенью и ловля бабочек во время цветения подорожниц. Большой выгон на селе покрывался в августе и сентябре желтыми цветами. Бабочки – большие любительницы их. Ловить их доставляло нам большое удовольствие»⁶ (с. Ухорь Пронского у.).

Если Степан Яхонтов ловил бабочек, то спустя почти столетие подросток из с. Озёрки Сараевского р-на увлекался поимкой птичек: «Ловили воробьёв в соломе крыши пацаны: руку запускали и хватали, потом отпускали»⁷. Это было своеобразное мальчишеское состязание на ловкость.

С. Д. Яхонтов привел сведения об изготовлении мальчиками самодельных игрушек из подручных материалов – в сущности, из отходов домашнего хозяйства:

«Разделка туши – интересно, а получить пузырь, особенно бычачий – было “вожделением”. Высушить его, натерев золой, насыпать в него гороху, и носиться по комнате с ним, а то и ударить братишку. Из гуся было интересно вынуть горло и сделать из него трещотку»⁸.

В повести «Яр» (1915) Сергей Есенин показывает мальчишескую забаву на примере умственно-отсталого ребенка: «Откуда-то выбежал сельский дурачок и, погоняя хворостинного коня, помчал к лесу» и «Дурак, – крикнул он, злобно вытаскивая затиснутую палку, и, сунув ее меж ног, поскакал на гору» (Есенин V, 81, 82).

Автобиографизм скакания персонажа на воображаемом коне из хворостины засвидетельствовал Н. И. Титов, современник, односельчанин и дальний родственник Есенина: «Любовь к лошадям в крови деревенских мальчишек. Совсем маленькие были, оседлаем палки, вообразим, что мы на лошадях, бежим по селу, ржем. <...> Сережка тут непременно»⁹.

Дети в своих играх с игрушечным или воображаемым конем подражали лошадиному ржанию, употребляя междометие «игого» звукоподражательного характера для обозначения звуков игривой лошади: «Милуза с’о кричит: игогó, как жырпцы ржут...»¹⁰ (с. Малахово Клепиковского р-на).

Традиция изготавливать игрушку-коня из подручных средств продолжала бытовать на Рязанщине и в середине XX века. Краевед пгт Сараи Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина пишут об игрушке-коне, ссылаясь на воспоминания старожилов Сараевского р-на: «Дети сами её изобретали из того материального, вещного мира, который их окружал. Бежит ватага мальчиков по пыльной деревенской дороге, а кругом осокорь растёт, хват, срезали по лозинке – и уже лошадка готова. “Иго-го-го”, – поскакали на лошадке по дороге, только пыль под голыми пятками! Все – игрушка готова. Ни денег, ни поиска оной не потрачено. Зато сколько радости и смекалки, как развивалась фантазия!»¹¹.

Н. И. Титов также вспоминал о детских игрушках Есенина, включая игрушечного коня:

«Я в доме Федора Андреевича Титова. Играем в игрушки Сергея. У него деревянный конь, редкостная по тогдашним временам игрушка. На колесиках, с гривой. Не очень большой. Не очень дорогой. Но конь.

Второе – пароход. И это была редкостная, привлекательная для нас игрушка»¹².

Очевидно, пароход – знаковая игрушка для самого дедушки Титова, который водил барки по Оке и одно время даже владел двумя такими речными судами, но потом разорился (Есенин VII (1), 386, комм.).

Безусловно, конь – любимая игрушка мальчишек. Об этом также рассуждает Н. Н. Сарычева – заведующая сельской библиотекой в с. Ленино Новодеревенского (сейчас Александрово-Невского) р-на в своей рукописи 2011 г.: «<...> не было в старину покупных игр. “Игрушки мастерили сами”, – вспоминают старики. “Оседлает мальчик палочку верхом, да так и поскачет на своей коняшке, что за ним и не угнаться!”»¹³.

Историк С. Д. Яхонтов, вспоминая о своем детстве в 1860-е годы в с. Ухорь Пронского уезда, также сообщал об игрушечном импровизированном коне:

«Лошадьми были палки. На палку становился верхом.

Скакание на палочке – обычно в детстве. Целая коллекция палок, разноцветных: буланых, гнедых, вороных, пестрых, которым даны были свои имена. Их гоняли в ночную свою на пастьбу. Их воровали друг у друга, или торговали; их наказывали. Тут уж фантазии не оберешься. Все было живо, все одухотворялось»¹⁴.

С. Д. Яхонтов показал, что с началом школьного (училищного) обучения детская забава с игрушечными конями переставала быть актуальной: «Однако только год я пробыл в школе, а уже я почувствовал в себе перемену. Детство мое окончилось. Лапти-пылевозы, тройки из палочек – в сторону, уже не занимали меня. И в кругу бывших товарищей игр я потерял свое место, верховодил второй брат – Петруха»¹⁵ (с. Ухорь Пронского у.).

С. Д. Яхонтов сообщал о детской радости, когда родители поручали мальчикам пасти домашнюю скотину. Простой атрибут для пастьбы скотины расценивался как рабочий инструмент и одновременно увлекательная игрушка:

«Стережение скотины доставляло удовольствие, если в руках был длинный пастушеского типа кнут. Непередаваемое удовольствие доставлял кнут, и чем он был длиннее, тем ценность его в ребяческих душах была выше. Развернуть, свернуть, хлопнуть, сбить лопух, крапиву и т.п. – да это одна прелесть! Кнутами похвальба друг пред другом, кто хлопнет громче. На деревне слышались хлопанья. Друг с другом – пари. По получаса упражнение в хлопанье. Все возможные ухищрения делались, чтоб придать громоподобность хлопанью. Кнут котировался на ребяческом “международном” рынке. Слабые, равнодушные натуры эксплуатировались на кнутах.

Кнуты были ременные, моченцовые, плетеные (плеть), витые. Идеалом служил кнут конюхов, для больших барских табунов. Пастушеский кнут – демократичнее. Почти всегда моченцовый, тяжелый, длинный. Подарить кому-нибудь плеть – кнут – было счастьем немало разряда для благодетельствованного. Им можно было искутить самого строгого мальчонку»¹⁶ (с. Ухорь Пронского у.).

Виртуозное владение кнутом являлось гордостью мальчишек, а сам пастушеский атрибут был предметом купли-продажи – об этом писал С. Д. Яхонтов в мемуарах, вспомнив про справедливое родительское наказание:

«Меня раз искусили чрез посредство одного товарища купить плеть за 20 к. Я не помню, откуда я добыл этот капитал, но хорошо помню, что не успел я насладиться хлопаньем, как приехал с поля отец. Увидел мои упражнения. “Откуда у тебя кнут?” – Должен был сознаться, что купил за 6 коп. Взял отец этот кнут, да и давай его пробовать на мне... Так дороги тогда были деньги и преследовались самовольные покупки. А главное, – пастух обманул меня. Я что-то дал ему еще в придачу»¹⁷ (с. Ухорь Пронского у.).

С. Д. Яхонтов сообщил о специальном крестьянском празднике, посвященном лошадям и другой домашней скотине. Историк почему-то отнес освящение лошадей в с. Ухорь Пронского у. к Первому Спасу, хотя обычно оно проводилось на День святых Флора и Лавра (может быть, это ошибка памяти?):

«Уже с Выселок, с Лоши, ухорские с Вязьев – скачут ребята на своих лошадях. Пыль столбом. Сегодня они задержались в “ночной”, чтобы успеть к водоосвящению. Сегодня кропят св. водою лошадей.

Для нас, мальчиков, “глядеть” на деревенские скачки, на выстраивание на церковной площадке, пред нашим домом, лошадей в руках хозяина; иногда их до 3-5-6. Вся эта возня с недисциплинированными гнедками и саврасками очень занимала нас. А еще интересно, когда после крестного хода на Ухорку – священник ходил и кропил лошадей водой. Лошади шарахались, поднимали на поводьях хозяина с картузом в руке. Отец пел “Спаси, Господи”, а ребята шумели – “Тпру!”.

Хаос этот нравился нам. А разъезд еще лучше: когда разъезжавшиеся старались перегнать <друг> друга. Гиканье, маханье как крыльями локтям всадников... Куда как весело!...»¹⁸.

Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» также показал скачки на лошадях как любимую забаву всадников любого возраста, но особенно подростков, когда окропляли святой водой скотину на Духов день, освящая ее для летнего выпаса:

«На другой день с самого утра валом валит суда разряженная публика – все больше мужики да молодежь, одни на лошадей поглядеть, другие себя показать. Ребяшня верхом – красные да синие рубашонки пузырем дуются на спине, в конских гривах ленты вплетены, на лошадях ватолы разостланы, а то и одеяла, что твои чепраки! Гарцуют друг перед дружкой, то цугом пойдут, то в ряд разойдутся. Слово всякому показать хотят: “Берегись, кому жизнь дорога!”

Но вот все съехались в конец села, сгрудились бестолково у церковной ограды и долго, шумно, с матерком разбирались – каждый норовил попасть в головную часть, чтобы поскорее окропиться и ускакать снова на прогон»¹⁹.

Уроженец с. Троица Спасского р-на В. С. Юханов писал о катании мальчишек на конях как о самом увлекательном занятии: «Когда становилось не интересно, скучно, бежали в табун – покататься верхом на лошадях»²⁰.

Механический аналог коня – автомобиль, который очень интересовал мальчишек, особенно сельских.

П. С. Каданцев описал восторг мальчика из с. Кривское Сараевского р-на при виде «железного коня»: «Другим развлечением были автомобили. Когда мы замечали столбы пыли на грунтовых дорогах из Ухолова и Черной Речки, то бежали к плотине, перегораживавшей пойму Вёрды, в надежде, что они пройдут мимо. И если такое случалось, то мы без преувеличения чувствовали себя счастливыми»²¹. П. С. Каданцев сообщил о пристрастии к определенному виду машин:

«Особенно нравились “паровоз-машины”; так мы называли газогенераторные автомобили. Каюсь, мы радовались, когда в ненастье или после сильного ливня в разбухшем месиве, в которое превращалась проезжая часть грунтовок, застревали грузовики. Их водителям горе, нам, зрителям, бесплатное кино. (Любовь к автомобилям во мне осталась навсегда. И она была вполне удовлетворена: изучением и вождением их в военном училище и армии, своими “Жигулями”...)»²².

Как уже было сказано, большинство игрушек дети мастерили из подручных средств. Известно, что и во времена детства Есенина в начале XX века мальчики любили запускать бумажного воздушного змея. А. И. Мамонов в 1962 г. вспоминал о сооружении Есениным змея из лубочной картины «Страшного суда Господня», за что был сурово наказан дедушкой Ф. А. Титовым:

«<...> однажды в летний ветреный день пришла нам в голову мысль позабавиться запуском бумажного змея, но из чего его сделать – вот загвоздка, газет в те времена в деревне никто не читал и никакой другой бумаги под рукой не оказалось, а позабавиться и поиграть в запуск змея очень хотелось. Вот и стали мы думать да гадать, где же взять бумагу? И вдруг неожиданно для меня Серега ударил себя в лоб кулаком и сказал: “Нашел выход”. У него в избе под образами приклеена святая картина Страшного суда. “Я ее сдеру, и мы склеим змей”. Сказано – сделано. Сергей быстро умчался в избу и, выждав момент, когда в избе никого не стало, содрал со стены святую картину, и во дворе у меня смастерили змей, а затем, раздобыв у своих бабушек суровых ниток, отправились на Кострюковский бугор запускать свой змей.

Натешившись досыта запуском змея, мы отправились по домам»²³.

Некоторые мальчишки играли в придуманные ими игры с другом на пару, поскольку это соответствовало их характерам. Например, об игре – подражании гармонисту – сообщает уроженец с. Троица Спасского р-на В. С. Юханов, 1944 г. р., ставший композитором и дирижером в г. Рязань:

«Маняся – Толька Юханов – был старше меня на три года. Его родители крестили меня маленького в сельской церкви. Отец его, Сергей Николаевич, доводился двоюродным братом моей маме. Освободившись от домашних обязанностей, Толька спешил к нам. Взяв в руки деревянные маленькие скамеечки, мы усаживались на ступеньках широкого деревянного порога, ведущего в небольшой хозяйственный двор, прижав ровной, гладкой поверхностью скамейки к животу, быстро перебирая по краям доски пальцами, изображали гармонистов и орали на всё село: “Ты-на, ты-на, да, ты-на, ты-на и т.д.”, – отчего куры со страху разлетались в разные стороны и в панике не соображали, куда деться. Наоравшись, нахотавшись, мы бежали на луг к истоку»²⁴.

Как уже говорилось, существовали также индивидуальные игры мальчиков, придуманные ими соответственно своему характеру, созданные на основе детских наблюдений над поведением и даже внешним обликом взрослых, особенно редких представителей определенных профессий. Одну из таких игр придумал мальчик Толя Чижов, 1940 г. р., уроженец д. Добрые Пчелы Захаровского р-на. Будучи взрослым, окончив исторический факультет Рязанского государственного педагогического института и уже проучившись в духовной семинарии (но не став священником), А. Г. Чижов-Добропчельский описал эту детскую игру в поэме «Захаровский паломник» (2013):

Я в церковь часто с матерью ходил,
Смотрел на службу, затаив дыханье.
Я с малых лет священников любил,
Их в серебре и злате одеянья.

Я ризу из платков и покрывал
С любовью делал, фартук – полотенце.
Я с детских лет в священника играл
С восторгом в мыслях и с любовью в сердце²⁵.

С. Д. Яхонтов, уроженец с. Ухорь Пронского у. и ученик Скопинского духовного училища, вспоминал о своем мальчишеском пристрастии к забавам с камешками: «Зубрили здорово и даже беспощадно, и лишь идиллическая игра в камушки отвлекала от книг и тетрадок... Какая это была скромная, женственная, игра в камушки!.. Я любил играть в них. Целые коллекции их, разных цветов, хранились у меня. Симпатии к ним сохранились у меня и доселе. На берегу Черного моря, в Сочи, я ежедневно собирал их в 1930 году»²⁶.

Помимо увеселений для детей, периодически устраиваемых взрослыми, существовали детские игры, которыми дети забавляли себя сами. Дети перенимали эти игры от взрослых или младшие ребята – от подростков.

В с. Секирино Скопинского р-на до Великой Отечественной войны (возможно, и позже) практиковались игры в пашки и шлюшки, то есть в крупные и мелкие косточки домашних животных, оставшихся после их убоя; это архаические, изначальные варианты разных видов игральные костей: «Пашки – побольше ноги свиньи, шлюшки – поменьше»²⁷.

В с. Ухорь Пронского уезда во второй половине XIX века любимым развлечением мальчишек была игра в самодельные бирюльки:

«Мы, мальчики, любили “бирюльки”, если находились для этого подходящие условия. Во-первых, если стол не качался и некому было его толкать, и, во-вторых, если материал для бирюлек был налицо. Бирюльки – это не иное что, как твердые, не мятые соломинки, нарезанные в величину $\frac{1}{4}$ аршина. Один из играющих брал их (пучком) в руку и легонько бросал на стол, так чтобы соломинки-бирюльки далеко не разлетались по столу, а в беспорядке наваливались одна на другую. Игроки, вооруженные крючком вязальным, или вязальной спицей, старались один за другим “утаскивать” из сваленной кучи бирюльку к себе, но с тем, чтоб не зацепить, не тронуть другую. Иначе отбой и следующий очередной проделывал ту же операцию. Чем более кто натаскал из кучи бирюлек, тем в большем выигрыше считался. Весь интерес игры был не в какой-либо премии, а в ловкости, верности глаза, твердости руки, в расчетливости – как выхватить бирюльку из-под навалившейся на нее другой так, чтоб верхняя не тронулась. А иногда над единственной бирюлькой, к которой можно было приступить, лежала нагроможденная куча их в самых неприступных позах – целая постройка на одной бирюльке внизу. И, однако, находились мастера выхватывать ее, не разрушая надстройки. Со сдержанным дыханием играющие следили за этой операцией, и когда она не удавалась и бирюльки обрушивались (солома свежая скользкая), все приходили в восторг он неудачи противника: хлопали в ладоши и иначе выражали свое “злорадство”; а в свою очередь – подвергались и сами такому же “посмеянию”. Чем больше было играющих, тем веселее. Иногда старшие, привлеченные шумом и раскатистым смехом “ребят”, подходили к ним, пытались давать совет и тем или иным способом вступали в игру, и чаще всего терпели неудачу. Привыкшие к большой работе пальцы не вовремя вздрагивали и... Затем поражение... Ну, уж тут восторгу ребятишек не было пределов. Ведь дети любят видеть “банкротство” старших в играх... А в жизни-то!.. Ведь и жизнь – игра в бирюльки!..»²⁸.

С. Д. Яхонтов, сообщивший о мальчишеской игре в бирюльки, рассказал и об основном использовании сельскохозяйственного материала, из которого изготавливались крошечные детские игрушки: «В большие зимние праздники пред обедней в горницу приносили вязанки чистой ржаной соломы и ею устилали предварительно чисто вымытый пол. А нам, детворе, изо всего потеха. Любо было покататься по пышно настланной соломе, помять ее. Нас не страшило, что она прямо со двора и холодная, морозовая... Вот и ковры у нас были!»²⁹ (с. Ухорь Пронского у.).

Константин Иванович Комаров, 1926 г. р., родом из с. Кипчаково Ряжского у., ныне Кораблинского р-на, вспоминал о необыкновенном подарке, о котором мечтают все мальчишки:

«Иногда взрослые ездили в Кораблино на базар. А мы, детвора, с нетерпением ожидали их возвращения в предвкушении гостинцев. Однажды я дождался особенно дорогого гостинца – ружья. Ружье стреляло метра на 2-3 деревянной пробкой – полная имитация убийности. В одной из поездок в Чернаво мы проезжали мост через нашу реку. У моста под кустами копошились утки. Конечно, утки были домашние, но тут все закричали: “Костя! Утки, утки!” Впопыхах я не сразу мог найти завалявшееся на возу ружье, а когда отыскал – поздно, проехали. В досаде я жутко сожалел. Найди я ружье вовремя, уткам из моих рук живыми бы не уйти»³⁰ (д. Чернаво / Чернава Ряжского р-на).

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина также указывают на актуальность игрушечного ружья, хотя бы самодельного: «Очень востребованной у мальчишек военной и послевоенной поры была игрушка-оружие. В ход шла старая доска, жердь, срезанная с дерева, обрезок металлической трубки»³¹.

Исследователи приводят сообщение жителя с. Сысои Сараевского р-на об изготовлении разного рода игрушечного оружия представителями старшего поколения совместно с младшим: «Мой дед был мастер вырезать абрезы, автоматы, пистолеты прям-таки из чьяво-ничаво. Из завалящей доски. Хорошую не брал: в хазяйстве сгодится. Вот делай абрез, а к

нему веревкой из пеньки приматаить дуло. А мы с рыбятми найдём кусок провалки, нагнём скоб и палим из него. А то проста из рагатки»³².

В какой-то мере прообразом оружия являлась «чвика́лка» («чикáлка») – «детская игрушка: полая трубочка с поршнем, которая стреляет струей воды» (ССРНГ, 594 – д. Деулино Рязанского р-на). Взрослые (особенно женщины) неодобрительно относились к использованию детьми такого самодельного стреляющего оружия: «Хвát'ит' вам ч'в'ика́лк'и! Йа вам зарán' упр'ажда́йу!»; «Бúд'и вам ч'ика́лк'им'и б'лава́цца, рас'ч'ика́л'ис'!» (ССРНГ, 594).

Как уже было сказано, у мальчишек существуют свои забавы. Часть из них – сезонные. Так, по сообщению Андрея Демина, 16 лет, ученика Зарёвской школы Михайловского р-на:

«Когда наступает весна и начинают течь ручейки, мы устраиваем гонки на кораблях. Кораблями может быть что угодно: бутылки, палочки, щепки, в общем, то, что может плыть. Мы делаем плотину, нагоняем перед ней воду, ставим туда кораблики, и спускаем её. И тут начинается азартная игра, переживание за свой “фрегат”. Каждый корабль имеет свое название. Сколько бывает радости, если твой корабль выигрывает гонку!» (ответ на анкету Е. А. Самоделовой 2004 г.).

Еще одно развлечение связано с праздничной подготовкой к Новому году: «Из бумаги делают кораблики, пилотки, а под Новый Год – снежинки и множество других интересных штучек» (ответ на анкету 2004 г., пос. Заря Михайловского р-на).

Юноша видит разницу в отношении двух ближайших поколений детей к летающим игрушкам – самодельным и покупным: «Сейчас только покупных змеев все запускают, да и то редко. А вот раньше мы всегда воздушных змеев делали сами. Постоянно копались в библиотеке, искали в журналах и находили <чертежи>. Работа по изготовлению змея очень кропотливая и долгая. Зато как приятно потом поглядеть своё творение в небе» (ответ на анкету 2004 г., пос. Заря Михайловского р-на). Вспомните изготовление Сергеем Есениным змея из бумажной репродукции картины (см. выше)!

Воздушные змеи являются предшественниками самолетиков, о которых рассуждает школьник: «Самолётики делали во все времена и везде. Сейчас научились делать их различных моделей, вплоть до самых современных. Интересно запустить самолетик с крыши или ещё откуда-нибудь повыше. Смотреть приятно, даже дух захватывает» (ответ на анкету 2004 г., пос. Заря Михайловского р-на).

Взрослые делают для детей спортивные снаряды, тренирующие и развивающие их. Умение передается от деда или отца к сыну. Андрей Демин, 16 лет, сообщает о местной рукодельной традиции: «Самокаты самодельные сейчас уже никто не делает. Но бывает, что иногда делают самодельные лыжи или ещё что-нибудь. Значит, народных дел мастера не перевелись ещё у нас» (ответ на анкету 2004 г., пос. Заря Михайловского р-на).

Имеются сведения об особой группе детских игрушек – импровизированных, сделанных самими детьми из подручных средств. Интересно, что такие игрушки иногда являются съедобными. Немаловажно и то, что изготавливались они даже в самый голодный период – во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на рассказывала собственной дочери о детских забавах своего младшего брата – будущего художника: «Из ломтя хлеба в три с половиной года дядя Витя вырезал санки – с полозьями, отрезанные кусочки отдавал нам, сам съел только готовые санки»³³. Виктор был 1938 года рожд. и развлекался таким образом в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. Вообще простой черный хлеб считался вкуснейшим лакомством в войну, и неразумный отказ малыша Вити от своей порции можно объяснить лишь его малолетством и увлеченностью художественной натуры. Рассказчица же подчеркивала в своем сообщении эстетические наклонности

брата, проявленные уже в раннем детстве и развившиеся в дальнейшем в дар художника-полиграфиста.

Более старший по возрасту брат (1935 г. р.) в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на развлекался процессом искусственного дозревания помидоров и тоже не воспринимал их как полезный продукт – об этом рассказала своей дочери его сестра: «В семь лет дядя Петя собирал зелёные помидоры. У печки между трубой и стеной на полочке завязывал помидор в тряпочку, мы даже не знали. Потом я нашла их: “Ой, помидоры! Откуда?” Тётя Валя: “Петя положил. Давай съедем, а ему новых зелёных положим, на огороде нарвём”. Съели пару штук, подложили, а Петя удивлялся: почему не созревают? Я тогда не понимала, почему краснеют помидоры: они же зелёные! – в ответ на предложение тёти Вали: “Они покраснеют”»³⁴. Брат Пётр и дальше проявлял склонность к точным научным дисциплинам, особенно к математике, и стал военным программистом. Младшая сестра Валентина, 1931 г. р., лучше разбиравшаяся в биологии, получила специальность химика-технолога.

В повести «Я люблю Кольку» А. И. Осипова описана типичная для Рязанщины 1920-1930-х годов ситуация с помидорами: многие рязанцы, а особенно дети, впервые видели эти диковинные овощи и не понимали их вкуса. Вот этот эпизод:

«Однажды из города привезли красных помидоров, которых до этого мы не видавали.

– Заморские, – сказала мать, обделяя нас красными сочными плодами.

Мне достался самый крупный. Не дожидаясь других гостинцев, я тут же откусил половину. И чуть не задохнулся. Помидор показался очень кислым и пах клопами. Сестры тоже отвернули носы, есть не стали.

– Глупые, – стыдила мать. – Их в городе корзинами едят.

Не знаю, куда девали сестры свои помидоры, а я вышел на улицу и запустил второй помидор к соседу во двор, а надкусанный бросил курам. Но и те, понюхав, есть не стали.

Дуська весьма деловито заметила:

– Лутсе бы один албус на всех, чем каждому по две помидолины»³⁵.

Историк С. Д. Яхонтов в дневнике описал покупку частного дома в г. Рязань и разведение во дворе сада с огородом, в котором в конце XIX века появились помидоры. Томаты были известны по Екатеринославу, где историк прежде преподавал, но отсутствовали в более северном губернском городе: «А жена заложила парник, благо, попался какой-то был<ой> дворовый огородник; он и устроил нам все. Так что мы кушали уже и овощи свои и впервые вывели помидоры, с которыми познакомил нас этот чудесник, и мы стали впервые продавать их соседям по 7 к. – 10 к. фунт. Это в Рязани было новостью, их не знали еще в Рязани»³⁶.

Чрезвычайно важной игрой с особым устройством игрового пространства являются импровизированные самодельные домики. Дети очень любят организовывать замкнутое пространство, соразмерное их росту. Они строят домики из подходящего природного материала, имеющегося под рукой. По сообщению старшеклассника Зарёвской школы Михайловского р-на Андрея Демина, 16 лет:

«Раньше мы часто ходили в лес и строили шалаши, землянки, а зимой – снежные дома. Но один раз мы заделали между деревьями трехэтажный дом (шалашом его уже не назовешь). При постройке не было использовано ни одного гвоздя, все было на проволоке и из дерева. Высотой он был не меньше 5-6 метров. Мы и сейчас делаем различные постройки – будки, навесы, “хаты”. В этих постройках мы интересно и весело проводим свободное время с друзьями, когда играем, когда просто общаемся на интересующие нас темы» (ответ на анкету 2004 г.).

В 2007 г. в с. Корневое Скопинского р-на молодой батюшка о. Константин, родом из пос. Октябрь, рассказал, что в детстве, как многие мальчишки, он любил лазить по разрушенным домам³⁷. Сейчас батюшка является самым уважаемым человеком в селе, пользуется заслуженной любовью местных жителей и платит им заботой и вниманием.

Игра в дом не является исключительно мальчишеской прерогативой. Девочки тоже любят строить домики, но, в отличие от мальчиков, располагают их на земле, а не на высоте. Построенные девочками дома существенно менее сложны в конструктивном плане.

В с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.) летом 2008 г. девочки лет 10-ти, приехавшие на лето к бабушкам, показывали нам целую серию домиков, сооруженных ими в бурьяне, под деревьями и около разрушенных домов. Все домики являются тайными, строятся они по мере необходимости: детям хочется новизны и надоедает играть в одном и том же строении³⁸.

Так летом 2008 г. в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.) мы оказались наблюдателями детской игры «в дом», причем играли девочки. Две сестрички какой-то степени родства – Полина и Юля, дошкольницы или младшеклассницы – рассказали, что у них есть несколько домиков. Первый домик расположен в бурьяне и соединен со вторым домиком тайным ходом. Второй домик находится около заброшенного дома, среди деревьев. Там верёвочные качели типа тарзанки на дереве, висит телевизор (рама от него), лежит кукла, а рядом – живой щенок с верёвкой на шее (он приبلудный). Есть отдельная стопка (горка) посуды у кирпичей, которые являются столом. Кроме этих двух домиков у девочек еще много домов – они запасные. Так, третий домик, как и первый, тоже в бурьяне; четвёртый – у «Страшного дома»³⁹.

Девочки объяснили, почему дом называют страшным: он заброшен; там они схоронили умершего цыплёнка, птичье яйцо разбитое, найденное в курятнике, и какой-то третий предмет. Но потом то ли собаки, то ли какой-то другой зверь разрыл могилы. В Страшном доме могут быть привидения – это умершие люди, их души мог унести ворон насовсем или вернуть обратно (об этом они читали в книгах). Ещё там висела живая летучая мышь вниз головой – они её видели один раз. Потом перестали бояться. Таков рассказ девочек.

Девочки рассказали, что их пятый домик находится у колонки с водой⁴⁰. Полина и Юля пригласили фольклористов в свои домики и показали их «интерьер» и игрушечных обитателей. Интерьер домиков различный: в одном из них есть телевизор (передняя панель телевизора), стол из кирпичей и кровать с одеялом для кукол, там же расположены верёвочные качели на дереве (см. выше); в другом домике имеются скамьи из небольших бревен; в третьем домике нет никакой мебели, однако он надежно укрыт от посторонних глаза и в нем очень уютно (и т.д.)

Н. Н. Сарычева, жительница с. Ленино Новодеревенского (ныне Александровского) р-на, в 2011 г. в рукописи поведала о местном традиционном варианте игры в «Дом»: «В старинных семьях у ребятишек всегда были маленькие лопатки, грабельки, ухватки, кочерёжки. Они хороши для игры в дом. А что-то из таких игрушек годилось и для посильной работы. Ведь пусть лопатка мала, а всё равно можно ей почистить заснеженную дорожку от дома до калитки»⁴¹. Глубокий смысл такой игры и реального игрового действия-работы автор подкрепляет поговоркой: «Как говорили в старину: *“Дитя тешится, играет – взрослому долю к себе примеряет”*»⁴².

¹ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. 425 (?). Л. 45 – Влазнев В., с. Белоомут Зарайского уезда, 1892.

² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 49.

³ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 99.

- ⁴ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 50.
- ⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 50.
- ⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 51.
- ⁷ Записи автора от Прошина Льва Анатольевича, 1965 г. р., родом из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 13.05.2018.
- ⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 54.
- ⁹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 132 – со сноской на Н. И. Титова.
- ¹⁰ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 150.
- ¹¹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.
- ¹² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 129 – со сноской на Н. И. Титова.
- ¹³ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись, присланная на Краеведческий конкурс «Это Родина моя» из Ленинской сельской библиотеки.
- ¹⁴ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 49.
- ¹⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 91.
- ¹⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 46.
- ¹⁷ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 46.
- ¹⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 69.
- ¹⁹ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 125.
- ²⁰ Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. Рязань: Контраст, 2013. С. 20.
- ²¹ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2008. С. 215.
- ²² Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 215.
- ²³ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 89 – со сноской на архив ИМЛИ, ф. 32.
- ²⁴ Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. С. 20.
- ²⁵ Чижев-Добропчельский А.Г. Захаровский паломник (Религиозно-философическая поэма). Рязск, 2013. С. 11.
- ²⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 90-91.
- ²⁷ Записи автора. Тетр. 6. № 176 – Лушанкины Екатерина Васильевна, 1927 г. р., родом из с. Корневое Скопинского р-на, и муж Василий Федотович, 1928 г. р., с. Секирино того же района, 05.07.1989.
- ²⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 39.
- ²⁹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 55.
- ³⁰ Комаров К.И. Жизнь // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 376 – д. Чернаво (д. Чернава) Рязского р-на.
- ³¹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.
- ³² Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.
- ³³ Записи автора. Ежегодник 2013-2015, под 24-25 июня – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 07.01.2014.
- ³⁴ Записи автора. Ежегодник 2013-2015, под 25 июня – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 07.01.2014.
- ³⁵ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1972. (1-е изд.) С. 70-71.
- ³⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 12 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 57. С. 60.
- ³⁷ Записи автора. Тетр. 30 – отец Константин, настоятель церкви в с. Корневое Скопинского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 22.07.2007.

³⁸ Записи автора. Фотографии Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой в августе 2008 г. в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.).

³⁹ Записи автора. Тетр. 35. С. 50-52 – Полина и Юля, дошкольницы или младшекласницы, с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.), зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 06.08.2008.

⁴⁰ Записи автора. Тетр. 35. С. 52-53 – Полина и Юля, дошкольницы или младшекласницы, с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.), зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 06.08.2008.

⁴¹ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись, присланная на Краеведческий конкурс «Это Родина моя» из Ленинской сельской библиотеки.

⁴² Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись.

Глава 43. Глиняные игрушки. Свистульки

В крестьянской семье традиционными игрушками были глиняные изделия, в том числе и свистульки. Повсеместно игрушки сопровождали горшечный промысел. На Рязанщине гончарный промысел особенно известен в Касимовском, Шацком (затем в Чучковском), Сапожковском и Скопинском р-нах.

В д. Александро-Прасковьянка (бывш. д. Глинки) Сапожковского р-на мелкие свистульки в форме птичек именовались «улютки»¹. Это звукоподражательное название, происходящее от «улюлюканья»: «у-лю-лю!». В д. Вырково Касимовского р-на большие свистульечные формы назывались «дудки»².

В с. Демидово Шацкого р-на производились «черные и раскрашенные свистульки, куклы и животные»³.

В д. Александро-Прасковьянка еще в 1970-е годы бытовал гончарный промысел: «Вместе с ними <горшечниками> женщины лепили копеечные маленькие свистульки (“улютки”) в виде птичек и коней с едва намеченными фигурками всадников. Расписывали их анилиновыми красками – полосками в один-два цвета»⁴. Обычно это было сочетание малиновой или оранжевой краски с синей.

Существовал и другой вид окраски игрушечных изделий в д. Александро-Прасковьянка: «Особенно хороши были обливные игрушки, покрытые красивой зеленой поливой»⁵. Однако с точки зрения местных крестьянок, высоко ценящих яркий народный костюм и праздничные расшитые полотенца, более интересна нарядная раскраска игрушек. Так, «мастерицы считают, что обливают игрушки “по бедности”, когда краски нет, а с краской в деревне трудно»⁶.

В д. Вырково Касимовского р-на свистулька также была глазуrowана: «Украшена вырковская керамика скромно – поливой из белой или желтой глины и свинцового сурика. <...> Блестящая полива обволакивает прежде всего головки фигурок, украшает главные детали и одновременно выделяет естественную красоту глины»⁷. Однако здешние игрушечники высоко ценят именно такой тип украшения свистульки: «“Без нее светлоты нет и ласки”, – говорят мастера»⁸. Нижняя часть свистульки и собственно свисток не покрываются поливой.

Технология в 1920-1930-е годы в д. Вырково была такова:

«Гончарной работой в деревне занимались всегда мужчины, а женщины и дети, начиная с восьми-девяти лет, помогали и лепили ручную игрушки. Пользуясь палочками, они искусно проделывали отверстия для свистков, протыкали фигуркам глаза, украшали птички гребешки. Налепают, бывало, много игрушек и сушат их на сковородах в русской печи вместе с горшками. После просушки “пишут” изделия жидкими глинами разных оттенков: белой, желтой, зеленой, темно-коричневой. В росписи употребляют “кистки”, сделанные из палочки со щетиной или тряпочкой на конце. Глины для раскраски мелют жерновами, разводят водой и “муравят” горлышки горшков и кринок, головки игрушечных коньков, фигурки людей и птиц. Обжигали игрушки тоже вместе с горшками в огромных горнах прямо посреди деревни. “Горнушки” были по всей деревне, про них говорили: “144 завода и все на ходу...” – так ладно они работали»⁹. После первого обжига шел дальнейший технологический процесс: «Свинцовый сурик для “поливы” тоже готовили сами: пережигали на огне, разбавляли с водой, пропускали через жернова. “Политые” из деревянного ковша игрушки обжигали повторно в течение 2-3 часов»¹⁰.

В литературных воспоминаниях «Словно вчера» Георгий Киселев (Герольд) писал о рязанском поэте А. Сенине, который в последние годы любил читать «Свистульки» с фрагментом про продажу свистулек в г. Касимов:

На Касимовском базаре,
где не считаны рубли,
где козырными тузами
проплывают куркули,
где завал гармоней тульских,
патефонов и гитар,
продает свои свистульки
предприимчивый гончар¹¹.

Свистульки расходились по округе:

«Этот товар сбывали “тряпошникам” (так называли местные жители старьевщиков из села Еголдаево Сапожковского <прав.: Рязского> района). “Тряпошники” же меняли “звонкую” детскую игрушку на утиль. Свистом они оповещали жителей деревень о своем прибытии. Нередко случались и скандалы. Ребята, так любившие веселые свистульки, вместе с тряпьем прихватывали и нужные в хозяйстве вещи. От рассерженных матерей попадало не только детям, но и старьевщикам»¹².

С. Б. Нестеров вспоминал со слов своих родственниц из с. Нагайское Рязского р-на о свистулке как о подарке с ярмарки: «Деревянные ложки продавали скопинские мужики. Дед когда покупал десяток деревянных ложек, то обязательно для нас, детей, покупал по свистулке. И весь день взрослые закрывали уши от нашего свиста»¹³.

П. С. Каданцев вспоминал: «Недоступной роскошью были тогда для меня и моих сверстников Васи Пахомова и Саши Попова покупные детские игрушки. Как царские подарки воспринимались нами даже самые дешевые из них, например, разукрашенные глиняные свистульки в форме какой-либо зверушки. Обычно обходились самоделками – вырезанными из зеленокорых веток осокоря дудочками или пищалками, в которые за минуту превращались кусочки полого стебля, стрелки лука или цветоножки одуванчика»¹⁴ (с. Кривское Сараевского р-на).

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина также описывают модельные свистки, сделанные из гибких древесных веток: «Мальчики в качестве игрушки использовали лозу, из которой делали свистки: срезали лозину, посередине делали отверстие, сзади косой срез»¹⁵. Исследователи указывают возраст детей, увлеченных такими свистками из природного материала: «Дети до пяти лет охотно играли, “ганкали” на лозинах от ивы»¹⁶ (Сараевский р-н).

Уроженка с. Озёрки Сараевского р-на, в середине 1920-х годов переехавшая в Москву, даже спустя много десятилетий не утратила детских навыков изготавливать модельные свистки: она брала еще зеленый стручок желтой акации, откусывала или отрезала ножом (если он был под рукой) кончик и надрывала его другой конец – так получался импровизированный свисток, в который можно было посвистеть только сразу же после его изготовления¹⁷.

По свидетельству коллекционера А. Н. Фрумкина, «крупную сюжетную игрушку» мастера «раньше специально выполняли для ярмарок»¹⁸. Мастерицы из д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на вспоминали «“барынь” с перьями в шляпах, “медведей” и больших “всадников”»¹⁹. Среди мастериц д. Александро-Прасковьянка особым умением отличались в конце 1960-х годов Ольга Ивановна Бородулина (1925 г. р.) и Марфа Ивановна Сычева (1912 г. р.), а примером мастерства для них являлась Анна Алексеевна Кондрашова: «И мы, – говорили они, – можем сделать такие, но лучше всех лепила Седиха»²⁰.

По мнению коллекционера А. Н. Фрумкина, традиционные глиняные игрушки и свистульки, выполненные во второй половине XX века в Сапожковском р-не, сохранили архаику: «Глубокой стариной, древними поверьями, заговорами и ведовством веяло от глиняных женских фигур, монументальных и статичных, от фантастических, сказочного вида медведей, от магических крестов, которыми были украшены птицы»²¹.

Один из любимых свистулечных образов – медведь. Вот как его описывает коллекционер А. Н. Фрумкин: «Традиционный герой сапожковской игрушки – медведь, сидящий на задних лапах и на хвосте. В передних лапах он обычно что-нибудь держит: гусли, гармошку или мячик. По форме медведи напоминают сосуды из гутного стекла, так называемые “медведихи”, в прошлом очень распространенные на Украине и в России»²². В другой локальной традиции (в Касимовском р-не) медведи не менее выразительны: «Замечательны вырковские фигурки мужичков и медведей: курильщики, вожак медведей, сценки пляски или борьбы вожака с медведем. (“Медвежья комедия” издавна принадлежала к числу наиболее любимых и распространенных забав в России.)»²³.

Искусствовед Г. Л. Дайн рассуждала о добродушии медведей, выполненных мастером из д. Вырково Касимовского р-на И. Л. Листовым: «Посмотрите, каков медведь в схватке с охотником. Да только вовсе это не жестокая борьба, а скорее танец, где человек и лесной зверь обнимают друг друга»²⁴.

Другой не менее любимый образ игрушек – «бабы» («барыни»). Коллекционер А. Н. Фрумкин сообщал: «Сапожковские “барыни” изображаются с детьми, собачками, с птичками подмышкой, с блюдом пирогов или зонтиком. Но эти бытовые подробности не снижают производимого общего впечатления: игрушки кажутся древними ритуальными фигурками, имевшими некогда магический “обережный” смысл. Именно такие игрушки слепила Марфа Ивановна Сычева. Ее “бабы”, подобно языческим идолам, строго фронтальны (рассчитаны на восприятие только анфас), колоколом расширяется книзу платье, грудь сильно увеличена, головной убор иногда украшен символическим ромбом»²⁵.

С точки зрения А. Н. Фрумкина, другая разновидность «барынь» отличается глубокой архаичностью: «Сапожковские мастерицы лепят редко встречающийся в других регионах тип “барыни” с двумя детьми на руках. Здесь определенно прослеживается распространенный у многих народов мира отголосок культа близнецов, которые, как повествуют мифы и легенды, были наделены божественным откровением, способствовали плодородию, умели изменять погоду и исцелять недуги»²⁶. Коллекционер утверждал: «Рязанские глиняные “бабы” с близнецами на руках, несомненно, донесли до нас остаток древнего верования, причем, очевидно, в иконографически примитивном виде»²⁷. Однако возможно и иное объяснение смысла двух запелёнутых младенцев в руках женских фигурок: последние – это кормилицы, воспитывающие своего ребенка и барского. Соответственно, художественный образ «бабы» с двумя младенцами должен быть сравнительно поздним, обусловленным бытом помещичьих усадеб, а также влиянием города.

В с. Демидово Шацкого р-на Аграфена Ивановна Устинкина (1912-1985) в начале 1970-х годов создавала своих уникальных «баб»: «Птичку-свистульку они держат не подмышкой, а прижимая к груди. Юбка разделана росписью, как домотканая панева, клеткой»²⁸.

В с. Демидово Шацкого р-на керамические (глиняные) свистульки, как и в других селениях, явились «ответвлением» гончарства, его производной частью. Уже в начале 1960-х годов местные жители говорили следующее: «Время возникновения гончарного промысла никто не помнит. Гончары потомственные. До революции гончарством занималась половина села. Они назывались горшечниками. Крестьяне, занимавшиеся гончарным промыслом, были государственные. В 1928 году была организована кооперативная артель. В нее вошло 30 человек. Она существовала до 1945 года, после чего была переведена в село Чучково. В селе Демидово гончарное производство заглохло»²⁹. Старожилы вспоминали о черных и раскрашенных свистульках, представлявших собой кукол и животных³⁰.

В игрушках А. Л. Обориной (1890-1974), А. И. Устинкиной (1912-1985) и Марии Савельевны Королевой (1910 г. р.) из с. Демидово Шацкого р-на искусствоведы находят динамичность фигурки, ощущение быстрого движения.

Третий популярный персонаж игрушечников – это конь. У касимовских мастеров большой любовью пользовался конь: «Лишь касимовских коней отличает законченность, отработанность, доводящая образ до символа. Крутогривые, на крепко расставленных ногах, они монументальны и потому выдерживают любое увеличение. Примером может служить уникальный, почти полуметровый конь из собрания Музея игрушки»³¹. Искусствовед Г. Л. Дайн отмечает пристрастие мастеров д. Вырково Касимовского р-на к коням: «Особенно “уважают” здесь конька-“дудку” – свистульку. Бывает он двух- и трехголовый, будто едет пара или тройка коней. Полон движения вырковский конек. Круто выгнута длинная шея с изящной головкой, энергично выставлены вперед ноги-подставки, и от короткого узкого туловища устремлен назад свисток-“дудка”. И вот перед нами скачущие, бегущие, прыгающие коньки. Таких делали только в Выркове»³².

Четвертый излюбленный образ, воплощенный в глиняной свистулке, – всадник. Это более сложный образ, состоящий из двух или хотя бы полутора фигур: коня и собственно всадника; более архаический тип всадника плотно прилеплен к коню, может быть лишь обозначен с помощью туловища и головы. По словам М. И. Сычевой из д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, всадник – это «“лихой чапаевец”, боком сидящий на коне и растянувший мех гармошки»³³. С помощью этого примера коллекционер А. Н. Фрумкин подчеркивает, что «стремление реалистически осмыслить забытую символику наблюдалось и наблюдается во всех видах народного искусства»³⁴.

Пятый свистулочный образ, причем самый древний, – это птичка. Очевидно, именно образ свистящей птицы послужил основой для придумки свистульки. По форме самая простая свистулька напоминает птичку. Однако мастера-свистулечники старались разнообразить «птичий ряд» свистулек, по-разному украшая их, прилепливая крылышки или обходясь без них, иногда ставя птичек на подставки или помещая их на гнезда с птичьими яичками. О разнообразии творческих подходов мастеров к птичкам свидетельствует искусствовед Г. Л. Дайн на примере игрушек д. Вырково Касимовского р-на: «Старательно и с выдумкой сделаны птички-свистульки Михаилом Яковлевичем Васиным (1921-1944), когда ему было двенадцать лет. У всех фигурок разные гребешки: волнистые, ребристые, хохлом, венчиком, и смотрят птички по-разному: глаза то наклепные, то с бровью, как у человека, то проткнуты глубокой ямочкой или вдавлены кружочком»³⁵.

Крестьянские мастера не только бережно сохраняли исконную традицию, но и обогащали, модифицировали ее. А. Н. Фрумкин отмечал: «Кроме таких “древних” фигурок лепили сапожковские игрушечники и разных животных. Здесь и лиса, и тигр, и черепаха, и пингвин. Грубоватые по форме, они очень забавны. Заморских зверей М. И. Сычева “в телевизор выглядела, а какие в книжках смотрела”»³⁶.

Еще в начале XX века практиковалась лепка фигур, подсмотренных мастерами на городских улицах. По мнению коллекционера А. Н. Фрумкина, в касимовской игрушке «видимо, сказались впечатления от ближайшего шумного города с его базарами и ярмарками, праздничными гуляньями и развлечениями. Оттуда “верблюды” (на которых приезжали купцы из Астрахани и Средней Азии), глиняные карусели, “вождение медведей” и пр.»³⁷.

Женское творчество более тяготеет к традиционному, а мужское – к новаторскому: «Игрушки, сделанные мужчинами, обычно современнее и разнообразнее, в них больше выдумки, но при этом они часто утрачивают совершенство выношенной веками скульптурной формы, приобретая многословную повествовательность»³⁸.

Тимофей Андреевич Кондрашов (1913-2013), лауреат премии «Душа России» из д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, придумал забавную композицию «посиделки», однако хороши в его исполнении и традиционные «стройные, политые яркой глазурью зеленого цвета “бабы”»³⁹. Эта деревня – выселки из с. Морозовы Борки того же района,

состоит из двух параллельных улиц, на которых нашелся лишь один дом, где в XX веке не было гончаров. В 2009 г. и в последующие годы многие женщины (в том числе Фёкла Алексеевна Абалишина, Мария Степановна Кондрашова и Анна Тихоновна Наумушкина) из д. Александро-Прасковьянка могли показать всю технологию лепки глиняных свистулек, хотя устроенные неподалеку от деревни в специально отведенном месте горны уже успели зарости непролазной травой – огромной, одревеневшей, в рост человека и с колючками,⁴⁰.

Интересно было проследить, как работает дед Тимофей – Т. А. Кондрашов: он «тростью»-ножом вырезал из юбки «барыни» кусок глины, из него потом сделает свистульку, проткнет пальцем правый или, реже, левый бок юбки и воткнет в него свисток; вода при лепке не употреблялась, при необходимости использовалась слюна, нанесенная на палец. Юбка «барыни» должна быть тонкой, чтобы не растрескалась при обжиге; глазурь делалась из собственноручно растертого в порошок пережженного свинца, опасного при нагревании из-за ядовитых паров. Дочь Нина пыталась воспроизвести технику лепки отца, сделала одну птичку-«улютку», но она не свистит. Так было в 2009 г.; хотелось бы надеяться, что Нина Тимофеевна, живущая в Москве, все-таки освоит отцовское свистульческое искусство⁴¹.

Показательно, что Т. А. Кондрашов в начале 3-го тысячелетия проводил мастер-класс в средней школе с. Морозовы-Борки Сапожковского р-на: он лепил из пластилина свистульки, демонстрируя, как и из этого пластичного материала можно создать детскую игрушку и одновременно произведение искусства. Этот мастер-класс запечатлен в видеофильме «В гостях у деда Тимофея», снятом местным учителем информатики; много информации о Т. А. Кондрашове содержится в Интернете.

Житель д. Чёрная Речка Сапожковского р-на Александр Николаевич Конарев специально обучался свистульческому мастерству у Т. А. Кондрашова, ездил к нему на личном автомобиле (когда имел машину). А. Н. Конарев может слепить птичку-«улютку», барыню и других традиционных персонажей, но предпочитает создавать собственные авторские фигурки, обжигая их в обычной печке⁴². Он был заведующим клубом и для привлечения ребят, для обучения их мастерству лепки в собственной обычной печке обжигал свистульки. Его работы продавались на ярмарке на Троицу в с. Отрада Путятинского р-на во время Первого открытого районного фестиваля резчиков по дереву «Рязань косопузая» с 30 мая по 3 июня 2012 г.⁴³, но потом, по слухам, мастер перестал заниматься любимыми игрушками деревенских ребятшек.

Гончары из д. Вырково Касимовского р-на Иван Леонтьевич Листов (1909-1990) и из д. Ерыгино того же района Павел Иванович Тарасов (1910-1975) стремились одушевить фигурки: «Собачки с хвостами трубой, зайцы, верблюды, коровы с медведями были очень выразительны. Вылепили мастера и смешные жанровые сценки: медведь борется с человеком, дровосеки, пляска под гармошку»⁴⁴.

Искусствоведы и коллекционеры рассуждают о реалистичности ряда персонажей, созданных в 1930-е годы касимовскими гончарами: «Волк, стрелой вытянувший хвост, вот-вот завоет. Еще секунда – и собака, испуганно прижавшая уши, с напряженными лапами, отпрыгнет и затавкает»⁴⁵.

В начале 2000-х годов традиции глиняной свистульки в д. Вырково еще продолжал Василий Петрович Есин, участник Великой Отечественной войны. В 2009 г. в художественном салоне в г. Касимов продавались его круглобокие птички-свистульки с традиционной бело-красной росписью, а в самой деревне в его доме на окнах были расставлены недавно слепленные, но необожженные игрушки, новаторские по своей образности: зайцы и другие звери⁴⁶. Традиционную пластику свистулек В. П. Есина продолжает Дмитрий Лебедев – художник из г. Касимов, он же и обжиг в горне последнюю партию птичек-свистулек деревенского мастера.

В 1920-е годы в д. Вырково и д. Ерыгино Касимовского р-на мальчики начинали лепить глиняные свистульки с 11 лет. Особых успехов достигали подростки: «Один слепил лошадь, по-настоящему впряженную в глиняный возок на колесах со шкворнем и чекой.

Другие сочиняли жанровые композиции»⁴⁷. Дети участвовали во всей технологической и экономической цепочке: «“Мальчишками мы сами продавали свои дудки за гроши, по копейке за штуку на леденцы”, – припоминают деревенские старожилы»⁴⁸.

Коллекционеры и искусствоведы отмечают необыкновенную музыкальность касимовских свистулек и правдивость звучания, соотносящуюся с характером персонажа: «Особенно искусно выполнялись свистки: свинья натурально хрюкала, петух кукарекал, а “бабы” издавали трель звуков, как бы подражая скороговорке или болтовне»⁴⁹. А. Н. Фрумкину вторит Г. Л. Дайн: «Петух давал два звука, высокий и низкий, будто кукарекал, медведь – низкий и долгий, напоминающий рев. Свинья издавала короткие и низкие звуки, похожие на хрюканье, а бабы пускали музыкальную трель, словно болтали, скороговорили»⁵⁰. Вероятно, мастера при демонстрации игры на свистулке стремились изобразить повадки зверей. Объективно же тон звучания зависит от объема слепленной воздушной камеры и количества проткнутых отверстий в ней: чем объемнее внутренняя полость, тем ниже и глубже звук; чем больше число дырочек, тем разнообразнее трели. Музыковеды считают оптимальным числом четыре отверстия, помимо собственно устройства свистка.

Михаил Федорович Третьяков на Пятых Лебедевских чтениях 9 октября 2014 г. в Рязанском областном научно-методическом центре народного творчества сделал доклад о свистульках из с. Шатрище Спасского р-на – с отсылками к археологическим находкам: «Еще массовое производство было игрушки, гончары их делали только в июле на ярмарку на Петров день. И известно, что игрушки лепили обычно жены гончаров и дочери, но лепили традиционно: лошади, то есть коники – характерная игрушка, так. Погремушки делали – это цилиндр полый; ну, естественно свистулька традиционная и барышни – вот для Сапожка это тоже характерно. Чем отличалась шатрищенская игрушка от, ну, скажем, нашей прасковьинской или дымковской? Она не украшалась, не расписывалась. Только брали красную глину и могли полосочки нанести красной глиной: вот украшение этих игрушек»⁵¹. Эта информация нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

В начале XXI века гончары вылепливают из глины «грематушки»-погремушки для детей (помимо традиционных свистулек). В г. Рязань на базе детского сада в районе Дашки-Песочня (около школы № 63) действует художественное керамическое объединение «Рязанский оберег», возглавляемое Ольгой Владимировной Шустиной. Мастера – взрослые и дети – изготавливают глиняные игрушки, в том числе «грематушку» в образе забавного ко-та.

Безусловно, фигурные глиняные погремушки – нововведение, основанное на старинной идее развлечения младенцев громкими звуками (шумом и стуком, бречением) и прежде воплощенное в легком и неломком материале – в сплетенных из лыка или выдолбленных из дерева игрушках.

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969) зафиксирован диалектизм «погрома́шка», то есть детская погремушка (ССРНГ, 415). Интересно, что родители наблюдали за ростом ребенка, когда он будет физиологически восприимчив к погремушке: «[Ребенок] ру́ку прат’а́у’иват’ бу́д’ит’ ско́рь, пьу́р’аму́шку кúп’ут’» (ССРНГ, 415).

Тема современных мастеров-игрушечников и их глиняных свистулек – отдельная исследовательская задача⁵². Отрадно, что мастера продолжают творить в традиционном русле, что радуют нынешних детей (и их родителей) классическими свистульками. Их изделия пользуются огромной популярностью не только на Рязанщине, но и в других регионах России. Мастера XXI века привозят свою игрушечную продукцию на всероссийские ярмарки «Ладья – зимняя сказка» (декабрь), «Ладья – весенняя сказка» (март) и «Жар-птица» (апрель или май) в Москву, некоторые из них проводят мастер-классы по изготовлению свистулек (напр., семья Александра и Ирины Якушкиных с дочерью Надеждой из г. Скопин).

Якушкины по традиции лепят птицу-скопу, медведей и медведиц с двумя медвежатами под мышками, иногда приделывают еще и третьего спереди; реже делают коней на че-

тырех или двух ножках и с опорой на хвост. Также лепят более или менее характерные свистульки: барашков с закрученными рожками, винторогих козчиков, ворону с длинным клювом, сову с полураскрытыми крыльями; ежика⁵³.

В конце марта 2014 года на «Ладье» одна молодая женщина, купившая кота-сосуд работы Александра Якушкина, обратила внимание на то, как изобретательно сделан рот у медведей – точечками. Получаются как будто зубы, но зверь улыбается. Александр Якушкин (потомственный гончар родом из г. Данков и Заслуженный художник России) рассказал, что скопу Ирина полила глазурью и затем задымила: где глазури было много – она осталась видна, где мало – получилась серая блестящая окраска, где не было вообще – появился черный цвет (внизу фигурки). Их дочка Надя слепила котов и медведей с дубинками, еще она давала мастер-классы по верчению горшков на гончарном круге. Маленький сын-дошкольник тоже умеет делать свистки – Ирина научила, но лепит не в традиции, а что нравится⁵⁴.

Семья гончаров Александра Воеводкина и Татьяны Половинкиной, тоже из прославленного г. Скопин, привозила в Москву на «Жар-птицу» в начале мая 2012 года свистульки, слепленные их детьми – в том числе школьницей-старшеклассницей Марией и студентом Абрамцевского художественного училищ Николаем. Это были разнообразные медведи на задних лапах, с поднятыми и широко расставленными верхними лапками, с дудочкой, гармошкой или с пойманной рыбкой; собака с кошкой и кошки с одной птичкой (в передних лапах или на спине) и даже с тремя птичками; конь с зайцем на спине; забавный мужичок; хохлатые курочки, чрезвычайно редкие в народной «свистулечной» традиции (обычно встречаются петушки). Мелкие свистульки-птички вместе с бусинами служили кулонами, были обварены в молоке или раскрашены в технике ангоба белой и красной глиной – в отличие от поливных свистулек размером с детский кулачок, глазурованных в песочно-зеленовато-коричневой палитре. На более поздних подобных выставках-ярмарках свистульки детей Половинкиных не были замечены: ребята выросли и стали выполнять более сложные работы из глины (хотя надежда увидеть свистулечное творчество повзрослевших гончаров осталась)⁵⁵. Семейное гончарное дело организовалось в «Заповедник горшков».

На «Ладью – весеннюю сказку» в начале марта 2019 г. А. В. Воеводкин привез две партии свистулек: одна была выполнена его супругой Т. Г. Половинкиной в технике глазурирования (со светло-зеленой и желтой поливами), на круглых подставках, размером около 15 см; вторая была сотворена Ириной Пономарёвой, художником «Скопинской художественной керамики» и одной из трех мастериц творческой группы ЛИС на этой фабрике, в технике «молочения» (обварки в молоке), размером с детский кулачок. Из работ Т. Г. Половинкиной осталось три штуки – птица скопа в короне и с пойманной рыбкой в цепких лапах, «сирена» (дева-птица Сирий) и уточка, а было их 20 штук; свистульки-совы И. Пономарёвой были куплены все (ярмарка началась 4 марта, 6 марта их было 9 экземпляров, к 8 марта уже все распроданы).

А. В. Воеводкин сообщил, что дочка И. Пономарёвой Валентина окончила школу и пришла на фабрику, любит делать разные свистульки – все они традиционные: «Абсолютно все! Мишка, рыбка, лошадка, всадники какие-нибудь. Рука немножко молодая, энергичная, а у Ирины – у неё более уже отработанные мотивы, она уже знает, как делать, так и делает, привыкла делать»⁵⁶. Валентина помогает маме в изготовлении свистков: «Она свистки хорошие делает, поправляет для мамы. Главное – свисток, чтобы он был хороший, громкий, музыкальный»⁵⁷.

О Т. Г. Половинкиной – члене Союза художников России, главном художнике фабрики – А. В. Воеводкин рассказал: «Вот она лепила, переживала, кому-нибудь понравятся свистульки эти?! Их не три, их было 20 штук, три остались. Абсолютно разные свистульки были – не только птички и сирены. А были всадники...»⁵⁸ Еще она слепила мифического персонажа: «Ну, полкан – это человек-собака. <...> Да, это вообще животное деревенское, оно охраняло животных от злых духов, вокруг деревни ходило и охраняло: от болезней, от

злых духов. Так рассказывали. <...> От собаки хвост, лапы, тело такое животного, а торс человека, он ходит с дубинкой»⁵⁹.

Все девять свистулек-сов И. Пономарёвой были разные: одни стояли, другие прилегли отдохнуть; у кого-то крылышки прижаты к туловищу, других растопырены, будто готовы к полету; кто-то смотрел прямо, кто-то с удивлением и как бы исподлобья, реснички были изображены по-разному, сверху и (или) снизу и т.п. Одна совушка являла собой одновременно свистульку и погремушку: в ее керамическом тельце был запечен кусочек глины, оказавшийся там при протыкании свистка. О внешнем виде сов А. В. Воеводкин рассказал: «Молочёная техника – это просто после утильного обжига свистульки купают в молоке, ставят в печку и на 350 градусов – четырёхста – везде по-разному, они приобретают тёмный цвет, как горелое молоко, но прекрасно выглядят и декоративны»⁶⁰.

Татьяна Васильевна Лощина из г. Скопин, талантливый гончар и любительница изготавливать большие и сложные восточные кумганы и русские квасники, прижившиеся в скопинском гончарном промысле, в 2012 г. слепила несколько медведей (в том числе медведиц с медвежатами) и семью уток, привезла их на ярмарку в Москву – и они тут же были раскуплены удивленными посетителями, радующимися тому, что старинное народное керамическое искусство продолжается в современной жизни.

Сергей Красников из г. Скопин в 2018 году слепил свистульки – «щуку на ножках» (похожую по пластике на крокодила с четырьмя лапами и хвостом-свистком) и много птиц под названием «скопа», которые дали название городу. Все свистульки этого мастера светлых тонов – от цвета топленого молока до песчаного, желтоватого, светло-зеленого и кофейного, обильно или лишь слегка политые глазурью. Птицы «скопы» у Сергея Красникова все разные, хотя и вылеплены в едином стиле: с хохолком на голове и без него (причем хохолки самые разнообразные, летящие назад по ветру, с завитушками, с легкой волнистостью, едва намеченные или, наоборот, большие, похожие на петушиный гребень); с четко изображенными и лишь слегка намеченными крыльями; с приподнятыми крылышками, как у дракона; с дырочкой на размахнутых вверх в полете крыльях для подвешивания свистулек на шнурке и без этого усовершенствования; с выполненными штрихами или похожими на рыбью чешую перьями; с красиво очерченным или даже с раскрытым клювом с четкими дырочками-ноздрами. Каждая птица стоит на двух лапках и опирается на хвост. Все птицы имеют свой возраст: от птенцового до взрослого. Но приоритет отдается детству: даже кажется, что птички выпорхнули из детских ладошек, а не вылеплены умелыми руками возмужалого опытного мастера. Птицы С. Красникова, как и положено лепным свистулкам, склонны ко всяческим превращениям: из гордой скопы в скромную уточку, высокомерного петуха, сказочного дракона – и обратно в скопу. При этом все птицы и щука, несмотря на их статус хищников, добрые и даже по-детски наивные, с широко распахнутыми круглыми глазами с большими зрачками.

Показательно, что все свистульки (при их обилии!) представляют собой лишь два вида героев: скопу как символ города и щуку как мечту рыбака, и оба этих персонажа фольклорные, с мифическим и волшебным-сказочным ореолом. Щука на четырех лапках вообще была на ярмарке единственная, уникальная! Вероятно, это своеобразная «проба пера» свистулечника-керамиста, его желание попробовать представить новую свистулечную персону, в то же время имеющие давние мифологические корни в русском фольклоре и народных промыслах. Керамические изделия С. Красникова подписаны авторскими литерами «СК», слитыми воедино почти в букву «В» (с небольшими пробелами на краях единого символа); экспонировались и продавались 19-23 декабря 2018 г. в Москве на ярмарке «Ладья – зимняя сказка» в Экспоцентре (это праздничное событие проходило в 25-й раз)⁶¹. Они неизменно вызывали улыбки у посетителей – детей и взрослых. В остальное (не ярмарочное) время милые птички и щука живут в Центре народных художественных промыслов и ремесел Рязанской области в г. Скопин (на ул. Ленина, в доме 20; www.skopin-promysel.ru).

Вообще в г. Скопин в настоящее время существует множество мест, где изготавливается традиционная скопинская игрушка: это фабрика «Скопинская художественная керамика», домашние мастерские гончаров, кружки при средних общеобразовательных школах. В г. Касимов традицию лепить вырковские свистульки продолжают Ирина и Дмитрий Лебедевы с детьми, а также учащиеся средних школ под их руководством⁶².

В Москве в начале XXI столетия создан музей глиняной свистульки «Забавушка», в котором представлены и рязанские игрушки, причем ребяташки могут не только их рассматривать, но и расписывать красками, если образцов конкретного народного промысла много. Продолжает работать один из двух художественных салонов (на просп. Мира в Москве) под эгидой Московского фонда культуры, где бывают в продаже коллекционные свистульки народных промыслов, в том числе рязанских.

27 октября 2009 г. – 23 января 2010 г. в Москве проходила первая Международная выставка глиняной свистульки из коллекций М. Г. Обоевой, И. Д. Колкера, А. В. Быкова, К. А. Миронова и Музея народной игрушки «Забавушка», организованные Фондом народных художественных промыслов Российской Федерации. Среди игрушек из Западной и Восточной Европы, Южной и Северной Америки, Африки, Средней и Юго-Восточной Азии представлены и рязанские свистульки – работы Заслуженного художника России Т. В. Лощининой, а также «старых мастеров» (гончаров-классиков) – Т. А. Кондрашова, Ф. А. Абалишиной и др. Выпущен каталог «Свистульки мира: история и современность» (2009).

В г. Углич Ярославской обл. в апреле 2017 г. появился «Музей народной игрушки», где имеются образцы рязанской глиняной свистульки из коллекции Александра Быкова⁶³.

Так современные дети (не только рязанские) приучаются к красоте народной игрушки, многие виды которой к настоящему времени стали относиться к традиционным художественным промыслам России.

¹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка // Рязанский этнографический вестник (Материалы в помощь клубному работнику). Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества и культпросветработы, 1991. С. 3.

² Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. М., 1994. С. 265.

³ Сафьянова А.В. Традиционные питание и утварь сельских жителей Шацкого и Кадомского районов Рязанской области // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2000. Т. 1. № 493. С. 139 – Бусарев С.Т., 45 лет, с. Демидово Шацкого р-на, 1963.

⁴ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 2-3.

⁵ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3-4.

⁶ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 4.

⁷ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. М., 1994. С. 265.

⁸ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 265.

⁹ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 267.

¹⁰ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 268.

¹¹ Киселев Георгий (Герольд). Словно вчера // Он же. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. О жизни и творчестве рязанских писателей: Очерки. Статьи. Рецензии. Рязань: Пресса, 2008. С. 192.

¹² Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3.

¹³ Нестеров С.Б. Отчалившая Русь: Исторические и этнографические очерки о селе Нагайском // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2012. Т. 33. С. 98.

¹⁴ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 213.

¹⁵ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатникъ, 2016. Т. 45. С. 102.

¹⁶ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.

¹⁷ Записи автора – Трушечкина Матрёна Ивановна (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, с середины 1920-х годов проживала в Москве; личные наблюдения Е. А. Самоделовой в 1960-1970-е гг.

¹⁸ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3.

¹⁹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3.

²⁰ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3.

²¹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 3.

²² Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 4.

²³ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 10.

²⁴ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 265.

²⁵ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 4.

²⁶ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 4-5.

²⁷ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 5.

²⁸ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 12-13.

²⁹ Сафьянова А.В. Традиционные питание и утварь сельских жителей Шацкого и Кадомского районов Рязанской области // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2000. Т. 1. № 490. С. 137 – Бусарев С.Т., 45 лет, с. Демидово Шацкого р-на.

³⁰ Сафьянова А.В. Традиционные питание и утварь сельских жителей Шацкого и Кадомского районов Рязанской области. № 493. С. 139 – Бусарев С.Т., 45 лет, с. Демидово Шацкого р-на.

³¹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 10.

³² Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 265.

³³ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 5.

³⁴ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 5.

³⁵ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 262.

³⁶ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 5.

³⁷ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 8.

³⁸ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 5.

³⁹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 6.

⁴⁰ Записи автора. Тетр. 37-Б. С. 9. № 31 – Кондрашова Мария Степановна, 1925 г. р., родственница гончару Т. А. Кондрашову по мужу, д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. С. Ефимова 20.07.2009; Тетр. 37-Б. С. 9. № 37 – Абалышина Фёкла Алексеевна, ок. 90 лет, д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. С. Ефимова 21.07.2009; Наумушкина Анна Тихоновна, 70 лет, д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. С. Ефимова 24.07.2009.

⁴¹ Записи автора. Тетр. 37-Б. С. 16, 29 – Кондрашов Тимофей Андреевич и его дочь Нина, д. Александро-Прасковьянка Сапожковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. С. Ефимова 24.07.2009.

⁴² Записи автора. Тетр. 37-А. С. 52, 61 – Конарев Александр Николаевич, заведующий клубом, д. Чёрная Речка Сапожковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. С. Ефимова 14.07.2009 и 15.07.2009.

⁴³ Записи автора. Тетр. 38 и фотографии – с. Отрада Путятинского р-на, май-июнь 2012 г.

⁴⁴ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 9.

⁴⁵ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 10.

⁴⁶ Записи автора. Тетр. 37-А. С. 15 – Есин Василий Петрович, 1920 г. р., д. Вырково Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 23.05.2009 и 24.05.2009.

⁴⁷ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 8.

⁴⁸ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 268-269.

⁴⁹ Фрумкин А.Н. Рязанская глиняная игрушка. С. 8.

⁵⁰ Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. С. 269.

⁵¹ Записи автора. Видеофайл mvi-1059.mov – Третьяков Михаил Федорович, методист, доклад на Пярых Лебедевских чтениях 09.10.2014, г. Рязань.

⁵² См. труды Александра Быкова и др. коллекционеров керамической свистульки.

⁵³ Записи автора. Файлы с цифровыми фотографиями и подписями к ним с выставки-ярмарки «Ладья – весенняя фантазия» и «Ладья – зимняя сказка» в Москве в марте и декабре 2013 г. (1-й выносной жесткий диск).

⁵⁴ Записи автора. Файлы с цифровыми фотографиями и подписями к ним с выставки-ярмарки «Ладья – весенняя фантазия» в марте 2014 г. (1-й выносной жесткий диск).

⁵⁵ Записи автора. Файлы с цифровыми фотографиями и подписями к ним с выставки-ярмарки «Жар-птица» в мае 2012 г. (1-й выносной жесткий диск).

⁵⁶ Записи автора. Файл звуковой 0308144801.amr и его расшифровка vovodkin2018march – Воеводкин Александр Валерьевич, мастер-гончар, г. Скопин, зап. в Москве на «Ладье – весенней сказке» 08.03.2019.

⁵⁷ Записи автора. Файл звуковой 0308144801.amr и его расшифровка vovodkin2018march – Воеводкин А.В., мастер-гончар, г. Скопин, зап. в Москве на «Ладье – весенней сказке» 08.03.2019.

⁵⁸ Записи автора. Файл звуковой 0308144801.amr и его расшифровка vovodkin2018march – Воеводкин А.В., мастер-гончар, г. Скопин, зап. в Москве на «Ладье – весенней сказке» 08.03.2019.

⁵⁹ Записи автора. Файл звуковой 0308144801.amr и его расшифровка vovodkin2018march – Воеводкин А.В., мастер-гончар, г. Скопин, зап. в Москве на «Ладье – весенней сказке» 08.03.2019.

⁶⁰ Записи автора. Файл звуковой 0308144801.amr и его расшифровка vovodkin2018march – Воеводкин А.В., мастер-гончар, г. Скопин, зап. в Москве на «Ладье – весенней сказке» 08.03.2019.

⁶¹ Записи автора. Ежедневник 2017-2018 гг., оборот задней обложки и фотографии свистулек – Сергей Красников, из г. Скопин, зап. в Москве на выставке-ярмарке «Ладья – зимняя сказка» 23.12.2018.

⁶² Записи автора. Тетр. 37-А. С. 25, 43-44 – Лебедева Ирина Александровна, г. Касимов, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 18.06.2009.

⁶³ Записи автора. Фотографии из музея в г. Углич Ярославской обл. в ноябре 2017 г.

Глава 44.

Обычай конаться и бросать жребий перед началом игры

Считалки – давний детский жанр, означающий начало игры и организующий распределение игровых ролей. С помощью считалок выбирается водящий – тот человек, который первым водит, «ма́ится», то есть «мается» (при продолжении игры водящим становится проигравший). В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) приведены два значения слова «ма́ять»: 1) «быть источником физических страданий, болезни»; 2) «водить (о детских играх)». Ребятишки д. Андронов Клепиковского р-на говорили: «Твайá оцырить ма́ить, вить ты прыигра́ла»¹.

В фольклорном сознании жителей Рязанщины словом «маять» обозначают, по крайней мере, два сходных действия: 1) «водить» в детских играх; 2) заставлять новобрачных исполнять какие-либо небольшие поручения участников свадьбы на пиру (см. об этом статью Е. А. Самоделовой «Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области)» и одноименную главу 21 ее монографии «Поэтика рязанского свадебного фольклора. Часть 3»²). Например, в с. Мелехово Касимовского у. молодую «мают», «т. е. задают ей вопросы», за «маянье» кладут деньги³.

Оба этих смысла глагола «маять» объединены общим контекстом его употребления по отношению к субъекту (паре субъектов): назначаться или избираться ответственным в определенной ситуации, проверяться на способность исполнять порученные задания, подвергаться проверке, становиться главным в осуществлении важного коллективного испытательного процесса, который, тем не менее, носит развлекательный характер. Контекст определяется также одинаково: играть в детскую игру; «играть свадьбу» (рязанский диалект и, шире, среднерусское наречие и южнорусские говоры).

Очевидно, на Рязанщине первые записи считалок произведены А.В. Марковым в 1892-1896 гг., примерно в то же время П. В. Шейном (он обозначил их как «жеребьевки») и учеником реального училища Никитиным.

Коллективным играм на природе, устраиваемым ребятнёй с выбором водящего, предшествовали *считалки (жеребьевки)*. Очевидно, более ранним является термин «жеребьевка», восходящий к бросанию (вытягиванию) жребия и первоначально не связанный с игрой.

В собрании «Пословицы русского народа» В. И. Даля (подготовлено к 1853 г., опубликовано в начале 1860-х гг.) есть раздел «Конанье (жеребий)»⁴, в котором приведены считалки-числовки, считалки-сечки и обычные сюжетные считалки (приводим современные термины фольклористики).

К более древним, чем фольклорный жанр считалки, методам определять водящего относятся способы метать жребий и конаться (коноваться) / мёриться. В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) зафиксирован глагол, обозначающий жеребьевку: «Конаться – перехватывать поочередно руками палку или веревку от одного конца до другого, чтобы определить, кому первому играть, начинать какую-либо работу и т.п.»⁵ Взрослые жители куршацких селений предлагали: «Бирѹтя палку и давайта канáццы, камѹ зáхтря баню зытаплать...»⁶ (д. Ветчаны, д. Андронов Клепиковского р-на).

В с. Борки Шацкого р-на перед игрой «канались на цапле, рагаче [=ухвате], перехватывались» (ШЭС, 156).

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. в с. Лихунино Касимовского у. записал способ конаться на подручном длинном предмете, что он наблюдал при детской игре «в прятки»: «В начале игры конуются. Для этого берётся палка или соломинка, мётлы – сло-

вом, нетолстый длинный предмет, иногда пояс; берутся все руками и, снизу поочередно переноса руки вверх, перебираются; кто уцепится последний за конец предмета, того гоняют»⁷.

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. в пригородных слободах г. Михайлов наблюдал и описал такой же способ конаться, но с другим диалектным названием:

«а) начинали “мэритца” (мериться, от слова “мерить”, измерять). Брали первую попавшуюся на глаза палку или верёвку, или кто-либо снимал свой пояс, и хватались за предмет, зажимая его в кулак снизу, а потом постепенно перехватывались выше. Чей кулак хватался за верхний конец, тот был первым в игре, чей кулак оказывался в самом низу, тот был последним, остальные вступали в игру или занимали место в ней в зависимости от положения их кулака от верхнего конца»⁸.

Подобный же способ выбора «вадилыщика» для игры в шашки в начале XX века зафиксировал неизвестный собиратель: «<...> и начинают меряться на палке или на верёвке, что попадётся под руку, кому первому вадить, второму и т.д., смотря по тому, как находится рука на палке, считая сверху вниз»⁹.

В д. Новая (а также в д. Марьино) Шацкого р-на рассказывали на рубеже XX-XXI веков: «Канались, как там первым играть. Вот палычку, прихватываишь так вот, верхний кон [водит]» (ШЭС, 220).

В с. Федосово Шацкого р-на при определении очередности в игре в «казанки» (кости ног крупных домашних животных) тоже мерялись на палке: «Каму первому бить? Эт канались. Ну, на палки: кинить тебе. Я лавлю – первый, дапустим, ты второй, он третий. Хто на макушки – яму первому бить» (ШЭС, 195).

Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» привел пример конанья подростками для начала игры «в отгадай»:

«Кто-то сбегал, вытянул сухой прут из кочебановского плетня, и вот уж дюжина увесистых ребячьих кулаков зацеплялась, полезла друг за дружкой по этому пруту вверх к кончику.

– Кто нижний, становись на кон!»¹⁰

В другом случае Б. А. Можаяев описал аналогичный метод конанья, который был нужен не для начала игры и выбора водящего, но для обозначения победителя, если счет оказывался равным. Так, мальчики-всадники на Духов день после окропления святой водой лошадей решили посоревноваться в скачках, для этого придумали сложную балльную систему, однако в результате у двух команд получилось одинаковое количество баллов. Чтобы все-таки выявить победителя, подростки применили конанье:

«– Ну, давай канаться! – Соколик выломал палку из забора и кинул ее в воздух. Маклак поймал ее за середину, и пошли мерить кулаками... Верх оказался за Соколиком»¹¹.

Школьник А. В. Юшин на примере организации игры в казаки-разбойники в с. Новая Пустынь Шиловского р-на привел метод конанья для разделения игроков на партии, что в определенной мере носило нравственный смысл: «А затем решали, какая партия будет казаками, какая разбойниками, т.е. “канались”, брали палку и по одному участнику от команды выходили и кулаками обхватывали по очереди палку. Обычно считалось: чья последняя рука, те и разбойники»¹².

Иной способ конаться – с применением двух предметов, с подбрасыванием одного из них – наблюдается при детской игре «в столбушку»:

«Играющие конуются: подбрасывают городок и стараются возможно большее число раз ударить по нем <так!> палкой снизу, подбрасывая его ударом сверху.

Ударивший городок меньшее число раз берет его и ставит на кон, остальные полукругом, на равном расстоянии от столбушки (городка) вырывают неглубокие ямки и становятся на них с палками в руках»¹³ (с. Лихунино Касимовского у., 1924).

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. в том же с. Лихунино Касимовского у. записал еще одно сходное правило конаться («коноваться» – на местном диалекте) – при игре «в шар»: «Затем участники коновались, как и при игре в столбушки. Получивший меньшее число ударов гонялся. Иногда приходилось коноваться двоим отставшим, получившим по разному количеству ударов»¹⁴.

Еще одним способом определения игрока, которому предстояло выступить первым в игре, являлось состязание в бросании игрового предмета на дальность. Такой способ определения последовательности вступления в игру ее участников привел в 1927-1928 гг. М. В. Бабкин, наблюдавший его в Пригородных слободах г. Михайлов:

«в) Бег до предмета, после которого места (или очередь) в игре занимались в зависимости от того, кто каким по счету к выбранному предмету добежит»¹⁵.

В д. Ветринка и в с. Черная Слобода Шацкого р-на практиковали такой же способ выбора последовательности вступления в игру игроков, причем собиратели зафиксировали местное название – «гónка» и его дериваты: перед началом игры все вставали у сложенных в кучу казанков – у «кона» – и бросали вдаль в условленном заранее направлении по казанку; кто дальше всех бросил, тот бил первым (ШЭС, 195). Жители с. Черная Слобода Шацкого р-на рассказывали: «“Пагónимси” – ну, вот насóдим щяс все там па казанку ли, па бабки ли – и туда ганяим. Прям вот ганяисси, прям вот брасають: чей дальшы, тот бьёт впирёд» (ШЭС, 195).

М. В. Бабкин описал способы распределения ролей между участниками детских игр в пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. Собиратель игр указывал: «Прежде, чем описывать игры, заметим, что каждая игра требовала или главы игры, или лица, которое должно быть страдательным в игре (по-нашему – “вáдитца”), или же постепенности вступления игры <д.б.: в игру> всех принимавших в ней участие».

Далее он описал целый ряд способов подготовки к игре, распределения ролей его участников:

«Это достигалось одним из следующих способов:

а) начинали “мéритца” (мериться, от слова “мерить”, измерять). <...>

в) Бег до предмета <...>

с) “Калечина-малечина”

д) Считались (см. игру “считалки”).

е) Бежали “в драку до царя” <...>

ф) Последний способ носил неприличное название: “Мериться, кто вперёд обсер...ся” <...>»¹⁶.

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. на примере подгородных слобод г. Михайлов привел еще один способ использования палки или любой другой подручной вещи для выбора главы игры, отметив его вариативные названия (возможно, второй вариант стал предпочтительным в советскую эпоху):

«е) Бежали “в драку до царя”, по-другому иногда говорили: “в драку до хозяина”.

Этот способ заключался в том, что кто-либо из посторонних, не желавший принимать участие в игре, бросал какой-либо предмет, все бежали за ним, нужно было поднять этот пред-

мет и, не дав возможности другим вырвать его из рук, возвратиться и дотронуться до бросившего предмет, тот и был старшим в игре»¹⁷.

Еще один способ выбрать водящего для игры основывался на меткости детей. Записавший его в пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. М. В. Бабкин назвал его «неприличным»:

«Последний способ носил неприличное название: “Мериться, кто вперед обсер...тся”, и заключался в нижеследующем: образовывал каждый кольцо на руке своей, присоединяя конец указательного пальца к концу большого; в это свое кольцо каждый по очереди осторожно плевал, держа кольцо в $\frac{1}{2}$ арш<ина> от рта; нужно было так плюнуть, чтоб слюна не задела пальцев, кто не сумел так сделать, тот д<олжен> б<ыл> “вадиться”»¹⁸.

Интересно, как уроженец с. Озёрки Сараевского р-на М. Ф. Трушечкин (1901-1992) однаждыотреагировал на письмо кавалера своей дочери Валентины – очень странно, как ей показалось. В письме в начале 1950-х годов кавалер (родом из того же села) писал из действующей армии о том, как он успешно исполнил армейские спортивные упражнения: быстро пробежал, ловко прыгнул, хорошо подтянулся на турнике и т.д. Так вот, М. Ф. Трушечкин взял письмо и, пародийно изображая личность солдата, прочитал якобы содержащийся в нем текст о том, как ухажер дочери будто бы дальше всех плюнул и т.д. Неизвестно, знал ли М. Ф. Трушечкин о способе выбора водящего для детской игры с помощью плеванья в импровизированное кольцо из собственных пальцев (ведь он провел детство сравнительно недалеко от г. Михайлов!). Однако точно известно, что он отдавал предпочтение умственному труду перед физическим, высшему образованию перед тяжелой неквалифицированной работой, хотя сам служил в армии еще в Гражданскую войну¹⁹.

Школьник из с. Новая Пустынь Шиловского р-на А. В. Юшин в 2009 г. описал несколько способов выбрать водящего в игре – посредством жребия. Важный момент – количество участников (два, до пяти или больше), наличие двух команд. В зависимости от этого избирался тип жеребьевки. Приведем виды вытягивания жребия, как нам представляется, в их исторической последовательности.

Первый способ, очевидно, один из самых древних, поскольку использует самые доступные предметы и материалы – собственные руки и грязь как цветовой маркер: «Пачкали в земле или в золе один палец незаметно, затем сжимали в кулак и по очереди разгибали пальцы. Кто разгибал запачканный палец, тот и водил. Но этот способ применялся, если играющих было не более пяти человек»²⁰.

Еще при одном из самых древних способов жеребьевки игрок использовал также собственные руки и первый попавшийся природный небольшой предмет: «Можно также было зажать какой-нибудь предмет в кулак, вытянуть вперед обе руки и спросить: “В правой или левой?”. Если угадывали, то водить надо было тому, кто загадывал»²¹ (с. Новая Пустынь Шиловского р-на). В с. Казачий Дюк Шацкого р-на для определения начинающего игру в «казанки» («бабки») один из игроков зажимал в кулаке именно казанок и предлагал кому-либо угадать, в какой руке он находится; если тот угадывал, то он должен был начинать игру, а остальные наперебой выкрикивали «второй», «третий» и т. д. (ШЭС, 195).

Второй способ, относящийся к этому же виду жеребьевки, также достаточно древний, так как в нем применяются природные материалы, имеющиеся под рукой везде: «Брали столько одинаковых палочек, спичек, травинок, сколько было играющих. Потом одну обламывали, чтобы она стала короче других, все их зажимали в кулак, выравнивая наружные концы. Затем по очереди тянули жребий. Кто вытянет коротышку, тот и водит»²².

Третий способ жеребьевки возник уже под влиянием предметов культуры, однако используемых по-старинному, по аналогии с природными материалами: «Отрывали не-

сколько бумажек и на одной ставили крестик. Потом их сворачивали, клали в шапку или в карман, перемешивали. Водил тот, кто вытягивал отмеченную бумажку»²³.

Все перечисленные жребии являлись личными, определяющими конкретное место в игре каждого участника.

Способов разбивания участников игры на пары или две команды посредством жребия также было несколько.

Следующий практиковавшийся способ кажется более современным: «Если играли два человека или команды, то для того, чтобы решить, кому первому начинать, подбрасывали монету и пытались угадать, что выпало – орёл или решка. (Орёл – это та сторона, где герб; в старину там изображался орел, а решка – обратная сторона монеты)»²⁴ (с. Новая Пустынь Шиловского р-на). Однако этот способ мог применяться задолго до появления монет, прообразом которых при жеребьёвке выступали небольшие плоские вещицы с разным орнаментом сторон (напр., речная галька с природными или специально начертанными знаками на одной стороне и др.).

Перед началом игры в «казанки» в с. Шевырляй Шацкого р-на смотрели, какой стороной упадет брошенная игроком кость ноги крупного домашнего животного: «Наверна, круг какой-нибудь был, ладились, наверна, дагаваривались там, каму вперёд... Наверна, бросить: у каво “жох” – канешна, первый, у каво “плочкай” ляжыть – эт второй...»; «Значить, называлси эт “плочка” – он так [=боком], патом так он [=вверх «лицом»] – “тыка”, а патом так, пряма он [=вверх «спинкой»] – “жох”...» (ШЭС, 195). В с. Кулики Шацкого р-на применялись похожие народные термины, обозначающие две стороны косточек животных: «Вот казанок, он лажыцца на баку – эты вот “бабка”. Он упадётся, если на пуза упадётся – эт “жочка”... “Тык” – эт на спину, эт на спину упадётся...» (ШЭС, 195). В с. Демидово Шацкого р-на стороны казанка назвались «ника» или «ляжыть на ета, на лицо иль ны изнанку» (ШЭС, 195).

В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. при игре в лодыжки (бабки) положение упавшего игрового предмета определяло очередность участия игроков или даже являлось отдельной игрой: «При решении спорных вопросов хозяева по одной лодыжке “метали”, т. е. швыряли причем лодыжка, легшая на бок, считалась первой, “тоф” – второй, а “сина” – третьей, давая соответствующее положение и хозяевам (напр., очередь при битье). Иногда “метание” составляло спец<иальную> игру: взяв в руки от другого играющего его лодыжку, подбрасывали их обе кверху, выигрывал тот, чья лодыжка дала “бок”, “тоф” выигрывал, если вторая лодыжка давала “сину”, “боку” проигрывал»²⁵.

В 1928 году в Касимовском у. (в с. Борки, с. Ерахтур, с. Свинчус, с. Токарево, д. Нармушадь, д. Симакино) были записаны правила бросания жребия, причем само это действие уже являлось самостоятельной игрой, не требовало специального продолжения и носило обрядовый характер. Обрядовые черты просматриваются в целом ряде признаков: игра происходила в ритуально-календарное время, обязательно включала специальный атрибут – дребий, а игровая суть сводилась к случайному наделению участника большей или меньшей долей либо вела к ее полной утрате, причем доля символически была представлена праздничным хлебным печеньем. Игра «“в жеребий” (произносится “жербий”) заключается в бросании жеребия – небольшой палочки в виде четырехугольной призмочки, на одной стороне которой вырезан крест, на другой – две засечки, на третьей – 15-16 засечек, образующих лесенку»²⁶. Правила игры таковы: «Бросают все участники игры по очереди. Если при бросании жеребий ляжет крестом кверху, все играющие ставят на кон по одному “орешку”; бросивший жеребий двумя насечками вверх берет себе два орешка; бросивший жеребий лесенкой забирает все ставки»²⁷. Игра носила характер гадания о судьбе человека в новом году: «Играют в Крещение (6-го января ст. ст.) и в день Ивана Крестителя (7-го января ст. ст.). “Орешки” пекутся в эти дни»²⁸.

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов записал еще один способ выбора водящего для игры – «Калёчина-малёчина». Это название двумя десятиле-

тиями раньше использовал в своем творчестве А. М. Ремизов, введя его в ткань художественного произведения в сборнике «Посолонь» (1907). Вот описание «Калёчины-малёчины», данное М. В. Бабкиным и основанное на использовании палки (как в жребия) и дополненное словесной формулой наподобие считалки:

«Этот способ заключается в том, что каждый по очереди ставил палку на свой указательный палец правой руки, так чтобы она стояла вертикально, и, немного балансируя, говорил:

“Калечина-малечина,
Сколько часов до вечера:
Раз, два, три, четыре...”

Кто дольше держал палку (считал), тот был первым в игре, кто меньше всех – тот последним, или, если по ходу игры полагалось – “вадился”²⁹.

Позже, с актуализацией счета в школе, стали образовываться, условно говоря, «счетные тексты», со временем «перетянувшие» на себя название «считалки», даже если в произведениях этого жанра не содержатся собственно цифры и нет счета. Можно сказать, что «Калечина-малечина» является одной из первых считалок.

Итак, исходя из материалов Рязанской губ. / обл., можно сгруппировать следующие способы выбора водящего в игре, очередности вступления в нее игроков либо разбивания всего состава участников на пары или две команды:

1) а) *конаться* / *мериться* на палке (веревке, поясе), перехватывая ее кулаками по очереди;

б) *конаться* / *коноваться*, подбрасывая маленькую палочку вверх и отбивая ее снизу большой палкой как можно большее число раз;

2) а) бросать предмет как можно дальше;

б) добежать первым до брошенного далеко предмета;

3) бежать “в драку до царя” / “в драку до хозяина”, чтобы поднять брошенный постановным лицом предмет, вернуться и дотронуться до бросавшего человека;

4) “мериться, кто вперед обсер...тся”, то есть ловко плевать в импровизированное кольцо из пальцев левой руки;

5) а) вытягивать жребий, то есть разгибать запачканные или чистый палец;

б) вытягивать жребий, то есть вытаскивать длинную или укороченную маленькую палочку (спичку, соломинку);

в) вытягивать жребий, то есть выбирать из шапки или кармана бумажку чистую или с крестиком;

6) вытягивать парный или командный жребий, подбрасывая кость ноги крупного домашнего животного или монетку, стремясь, чтобы она упала определенным образом или на орёл (в случае монетки);

7) «Калёчина-малёчина», то есть держать палку вертикально на пальце как можно дольше, произнося игровую считалку.

Таковы в Рязанской губ. / обл. способы выбора водящего в игре или разбивания всех участников на пары, на команды.

¹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 223.

² Самоделова Е.А. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 7. Традиционные формы досуга: История и современность. Сб. науч. трудов. М.: ГРЦРФ, 1996. С. 134-158; Она же.

Поэтика рязанского свадебного фольклора. Часть 3 /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. Глава 21.

³ Мансуров А.А. Описание рукописей Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. № 40, 44 – с. Мелехово Сасовского у., б. Касимовского у.

⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984. Т. 2. С. 57-59.

⁵ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 179.

⁶ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 179.

⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ед. хр. III/508. Кн. I. № 24. Л. 5 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 17 (8) – 18 (9) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2. – Игра в шашки.

¹⁰ Можяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 52.

¹¹ Можяев Б.А. Мужики и бабы. С. 130.

¹² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 257.

¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 2 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г. (Деление на абзацы наше. – Е.С.)

¹⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 18 (9) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 17 (8) – 20 (11) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 19 (10) – 20 (11) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 20 (11) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁹ Записи автора от Самоделовой А.М., 1929 г. р., дочери уроженцев с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве и неоднократно рассказывает эту историю.

²⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

²¹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

²² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

²³ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

²⁴ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

²⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 40 (31) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

²⁶ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13-14. № 129 – Касимовский у.

²⁷ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 14. № 129 – Касимовский у.

²⁸ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 14. № 129 – Касимовский у.

²⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 18 (9) – 19 (10) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг. (Деление на стихи наше. – Е.С.)

Глава 45.

Считалка как жанр детского фольклора и предварение игры

Вероятно, первое описание фольклорного жанра считалки дал П. В. Шейн, который зафиксировал такие произведения (в том числе в Рязанской губ.) и опубликовал их в 1898 г. П. В. Шейн обозначил считалки (не употребляя такого термина) как «Жеребьевые песенные прибаутки пред началом игры (конанье)» и дал пространную обрисовку способа применения их:

«Следующие песенки или приговоры употребляются детьми вместо жеребья: – кому первому начать игру (водить), или кому играть в ней выдающуюся роль (волка, лисицы, коршуна, костромы и т.п.). Это делается обыкновенно так. Все желающие участвовать в игре становятся в ряд или круг и старший или старшая из них, обходя ряд или круг, говорит в такт один какой-либо из помещенных ниже приговоров, притрогиваясь <так!> слегка рукою при каждом слове к плечу или груди каждому из участвующих, и на кого падет последнее слово, тот или та отходит в сторону. Это повторяется до тех пор, пока считающий таким образом не останется с одним – сам-друг; и тут-то последнее слово решает, кому из них двоих быть в игре коноводом, предводителем. А на долю которого достанется предпоследнее слово, тот исполняет второстепенную роль, если только она есть в игре»¹.

По мнению современных рязанских исследователей Б. В. Горбунова и Г. И. Федулина, «считалка – жанр игрового детского фольклора, составляющий игровую прелюдию, выполняющую четко очерченную прикладную функцию»².

По нашим наблюдениям, дефиниция жанра изредка содержится в самом тексте, иногда уже в зачине: «Начинается считалка»³, – что подчеркивает народное происхождение жанрового термина. Назначение считалок явлено (помимо зачина) в концовке: «Выходи из круга ты»; «Выходи, ты будешь Понка»⁴ (внутренняя концовка сюжетной линии). Таким образом, считалки структурированы уже внутри самого текста.

Очень важна структурная организация этого жанра, указанная Б. В. Горбуновым и Г. И. Федулиным: «Считалки – словесные формулы, чаще всего рифмованные, преимущественно юмористического характера, с помощью которых определяется очередность в игре, избираются водящие или участники игры»⁵.

М. В. Бабкин, гораздо раньше исследовавший считалки в Пригородных слободах г. Михайлов – в 1927-1928 гг., подчеркнул их двойное практическое применение: «Употреблялись для определения места в игре <...> и как самостоятельная игра»⁶. Еще в одном месте рукописи он указывал приоритетное значение считалок как детской игры, а не жанра детского фольклора: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 2) “Считалки” <...>»⁷ (Пригородные слободы г. Михайлов). Собирателем поставил считалки на второе место по игровой популярности – в реестре из 10 игр.

Действительно, считалка не просто словесное произведение, но синкретичное: текст живет только в присутствии нескольких лиц (не менее двух), образующих круг и намеренных играть сообща в игру. Знаток считалки, стоящий наравне со всеми в общем круге, говорит ее речитативом и при произнесении каждого словесного отрезка (отдельного слова или слога) последовательно дотрагивается указательным пальцем правой руки (у левши – левой) до каждого участника игрового мероприятия или указывает на его грудь. По завершении текста тот, на которого выпала концовка считалки, выбывает из круга и числится рядовым участником или, наоборот, определен в водящие (смотря по предварительному уговору). В первом случае знаток считалки повторяет тот же текст или произносит другой.

М. В. Бабкин подробно описал использование считалок в пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг., считая это как своеобразной игрой, так и преддверием к ней:

«Заключалась игра в том, что все играющие становились кругом, один, обычно наиболее бойкий, начинал “считать”, т.е. говорить “считалку”, с каждым словом которой показывал по очереди на каждого играющего. Во имя ритма иногда слова в некоторых считалках разбивались на две, на три части, т.е. считавший успевал произносить одно слово, но показывать на двух-трех играющих. На кого падало заключительное слово считалки и последний показ, тот выходил из круга; в конце концов в последнем оставалось всего два человека, по прочтении считалки последний раз оставался один, на которого падало окончание. Очередь выхода из круга определяло место игры, если игра была не в считалки, если же думали играть в считалки, то оставшийся должен был переловить всех играющих, после чего начинали снова “считаться”. Обычно оставшегося, прежде чем он начинал считать, спрашивали: “Чем запиван?” Он обычно отвечал: “Кирпичом”; все играющие, крича: “Остался ни при чем”, разбегались от него, а он начинал ловить»⁸.

М. В. Бабкин привел 11 текстов считалок, применив к ним дополнительное графическое обозначение ритма, не заложенного в самом произведении, но звучащего в живой речи игроков. По нумерации слов и разделении их косыми черточками на мелкие звуковые фрагменты видно, что собиратель записал считалки с голоса исполнителей, при их естественном исполнении; очевидно, он воочию наблюдал за игрой в считалки, что является чрезвычайно редким во всей истории фольклористики и очень ценным для понимания сущности фольклорного жанра. По нашим данным, более никто из собирателей считалок на Рязанщине не отмечал подлинный звучащий ритм этих произведений. Если брать, что называется, «на вскидку», то подобная методика записи считалок не характерна и для собирателей произведений этого жанра в других регионах России.

Указанные М. В. Бабиным звуковые фрагменты разновелики: 1) они могут ограничиваться одним словом из 1-3 слогов; 2) включать два слова, дающие в совокупности два-три слога; 3) разделять одно многосложное слово на две-три неравноценных части; 4) объединять конец предыдущего слова с началом последующего.

М. В. Бабкин записал текст считалки в столбик, с разбиением на стихотворные строки, не всегда точно соблюдаемые реальным игроком; над каждым звучащим фрагментом поставил порядковый номер – при единой нумерации во всем произведении, а не в каждой строке, как это обычно делают музыковеды и исследователи поэтики стиха. Знаки препинания поставлены не везде и не всегда именно необходимые (редко встречаются вопросительные и восклицательные знаки); очевидно, собирателю важнее было указать границы, разделяющие мелкие звуковые фрагменты в игровом речитативе. Изображенный графически интонационный порядок показывает, что не все стихотворные строки оказываются одинаковой длины в плане акцентологии. Видно, что в реальном исполнении стиховые и ритмические границы не совпадают с «идеальными», заложенными в поэтике каждой конкретной считалки.

Процитируем тройку примеров:

1	2	3	4
Катилось /	яблочко /	мимо /	сада, /
5	6	7	8
мимо /	града /	кто ее /	поднял, /
9	10	11	12
я ее /	поднял; /	стук, /	гром, /
	13	14	15
стеклышко, /	выйди /	вон. /	

1	2	3	4	5	
Я / хочу / узнать, / кто / из вас /					
6	7	8	9	10	
дурак, / раз, / два, / три, / это /					
11	12				
верно / ты. /					

1	2	3	4		
Энтер, / бентер, / козу / гнал, /					
5	6	7	8		
немец / кури / цу / украл, /					
9	10	11	12	13	
поздо / ровал / ся с ло / ханкой, / у по- /					
14	15	16	17	18	19
рога / тут/ упал; / шут / хват / пере- /					
20	21	22	23	24	
хват, / кочер / га по / шла / плясать ⁹ .					

Высказанная М. В. Бабкиным точка зрения о том, что «во имя ритма иногда слова в некоторых считалках разбивались на две, на три части» и соответственно «считавший успевал произносить одно слово, но показать на двух-трех играющих» (см. выше), на наш взгляд, не отвечает действительности в отношении ритмической схемы. Наоборот, как показывает графический рисунок, игрок нарочито не соблюдал заложенный в поэтической структуре считалки ритм. Исполнить речитативом считалку – строго по изначально вмененному в ее текстовую структуру ритму – несложно, но тогда исчезнет эффект неожиданности игрового конца, не будет выбора «вбавящего», поскольку знатокам местных вариантов легко будет его просчитать заранее. Нам думается, что факт сбивания ритма объясняется тактической хитростью игрока, стремившегося из всем известного произведения создать неожиданный и непредсказуемый звучащий вариант, всегда окказиональный (случайный) и новый в каждой игровой ситуации. Наше мнение подкрепляется важным аргументом, приведенным М. В. Бабкиным: «Число считалок было очень ограничено, их обычно знали все ребяташки»¹⁰.

Выскажем предположение, что в тех населенных пунктах или городских районах, где объединяются в один коллектив для совместной игры местные и приезжие ребяташки или дети из приграничных зон (условно говоря) – из пригородных слобод, с соседних улиц, с разным игровым репертуаром – именно там могут ритмически точно и логически правильно звучать считалки, потому что всю совокупность сюжетов в их вариативном исполнении не знает никто из участников и, соответственно, присутствует эффект новизны каждого фольклорного произведения.

Важно отметить, что некоторые считалки имели свое название, используемое ребяташками в качестве обозначения игры с применением этого фольклорного произведения. Так, Г. С. Маслова отметила в 1926 г., что в д. Зимёнки Архангельской вол. Рязанского у. считалка «Куль-куль баба...» называлась «Кулой играть»¹¹. И другой пример, записанный той же собирательницей считалок в д. Валово Архангельской вол. Рязанского у.: «Расск<азывают> 8-10-лет<ние> мальчики и девочки, назыв<ается> “играть в корин-морин”»¹². Такое название обусловлено сутью игры:

«Считают, ударяя по головам:

Корин-морин
Чем подпорин
Златом метом
Пистолетом

Ручка с ручкой
Хруп.

Кто остался последним, того спрашивают: на чьей избе ворона сидит? Оставшийся называет избу, сколько окажется живущих в ней людей, столько щелчков дают ему»¹³.

Иногда название игры, в основе которой лежит считалка, не совпадало с ее зачином. Так, И. Е. Востоков примерно в конце XIX века записал «игру в разгон», которая начинается с зачина считалки «Ты куколка, я куколка...»¹⁴ (см. ниже).

Ученик средней школы в с. Новая Пустынь Шиловского р-на А. В. Юшин в 2009 г. дал максимально полное описание процесса произнесения считалок при выборе водящего для начинающейся игры. А. В. Юшин учел разные местные варианты игрового процесса: большое и малое число игроков, продолжение счета выбывшим ведущим («считающим») или новым участником игры, счет преимущественно слева направо. Вот описание А. В. Юшина:

«Для того, чтобы посчитаться, все становились в тесный кружок, а кто-то один неторопливо говорил считалку, указывая пальцем по кругу на каждого, и начинал считать с самого себя. Если ребят в кругу было много, то вначале считающему приходилось обходить круг изнутри, считая по порядку и себя, вернее, то пустое место, где он раньше стоял. Т.е. на кого приходилось последнее слово считалки, один за другим выходили из круга и отходили в сторону. Оставшийся последним игрок водил. Бывало и так, что сам считавший должен был выйти. В таком случае он мог либо продолжить считать, начиная уже с левого соседа и пропуская себя, или же уходил из круга, а считать начинал кто-либо из оставшихся ребят. В большинстве случаев считались “по солнцу”. Себя считали первым, а вторым был левый сосед, за ним следующий и так далее по кругу до конца считалки, то есть в направлении от правой руки к левой руке»¹⁵.

Счет слева направо очень древний, наиболее распространенный и физиологически закономерный, обусловленный приоритетом правой руки, ее большей сноровкой и ловкостью. Сравните: большинство людей являются «правшами», европейцы на разных языках пишут слева направо, используют правостороннее движение по дорогам. Однако имеются и исключения: существуют «левши», а израильтяне пишут справа налево, японцы применяют левостороннее движение и т.п.

Указание А. В. Юшина «по солнцу», скорее всего, надо трактовать как «по часовой стрелке»: так следует из его описания – «себя считали первым, а вторым был левый сосед, за ним следующий и так далее по кругу», «в направлении от правой руки к левой руке». Ошибочная метафора «по солнцу», вероятно, употреблена как свидетельство древности порядка счета, его включенности в обширный ряд ритуальных актов, которым присуща та же последовательность движений; и это верно.

А. В. Юшин указал важную подробность – наличие возрастного регламента, некоего негласного права произносить считалку, то есть отчасти участвовать в управлении судьбой, хотя бы игровой: «Из бесед с информаторами я установил, что обычно считалки произносил самый старший по возрасту игрок»¹⁶.

Два основных правила связаны с исполнением считалок: 1) право старшего как наиболее опытного, знающего; 2) правило случайного выбора ведущего в игре. Эти правила подготавливают детей ко взрослой жизни, в которой необходимы уважительное отношение к старшим и готовность принять любую случайность.

Назначение считалок подчеркнуто во многих считалочных текстах – в их концовках: «Все равно тебе водить»; «Кто его поднимет, // Тот из круга выйдет»; «Выходи из круга ты»; «Выходи на букву “С”» и «Выходи на букву “С”»; «Выходи на букву “О”»; «Аты, баты, кто выходит?»¹⁷; «Выходи один кулак»¹⁸; «Выйди вон»¹⁹.

Конкретика последующей игры иногда бывает заложена в считалке: «Кто коня поймает, // С нами в салочки играет»; «Собирайтесь все в круг, // Будем вместе мы играть // И плясать, и танцевать»²⁰. Исследователи предполагают обрядовый генезис жанра: «Считалки своими истоками связаны с архаической ритуальной бытовой практикой взрослых»²¹.

В ранних по времени записи считалках (жеребьевках) обнаруживается мотив долгого отсутствия персонажа, вызванного его испугом. Так, в с. Мураевня Данковского у. и в Егорьевском у. в конце XIX в. записаны две жеребьевки со сходным сюжетом:

Куколка, куколка!
Что вечер не была?
– Я боялась типуна.
За что его боялась?
Типун тебе не судья!²²

Ты кукушка, я кукушка,
Что ж ты долго не была?
– Я боялась стригунца²³.

Далее сюжет связан с типуновыми / стригунцовыми детьми, занятыми фантастическими или вполне обыденными делами:

Типуновы дети
Хочут улетети²⁴
(с. Мураевня Данковского у.).

Стригунцовы дети
Сидят на повети, –
Горшки катают,
Собачкам метают²⁵
(Егорьевский у.).

Слово «повётъ» имеет целый ряд значений только на территории Рязанской губ. / обл.: 1) «место на крытом дворе, где устраивается насест для кур»; 2) «крыша над воротами или передней частью двора»; 3) «крыша сарая», сделанная из жердей и покрытая соломой; 4) «крыша избы»; 5) «навес во дворе в виде плоской (обычно соломенной) крыша на столбах»; 6) «карниз крыши сарая, хлева, образующий навес для хранения инвентаря, сена»; 7) «четырёхскатная крыша на столбах в крестьянском дворе»; 8) «верхнее помещение двухэтажного крытого двора», специально построенное для хранения сена; 9) «деревянный помост в скотном дворе, настил под потолком хлева, конюшни для сена или инвентаря»; 10) «надворная хозяйственная постройка, сарай»; 11) «амбар, кладовка»; 12) «плетеный сарайчик, кладовка»²⁶.

Дальнейший сюжет, оттолкнувшись от образа типуна, построен по подобию свадебной или хороводной песни про сокола (в разных ее версиях) или даже двух контаминированных свадебных песен:

Полетели соколы,
Уронили сапоги.
– Аннушка, подыми!
– Мне некогда поднять:
Мне мост мостить,
Серебром гвоздить.
Вода по колено
Разливается,

Как царь на коню
 Взвивается,
 А царица вы светлице
 И двоих родила,
 Вы пелёночки, вы новья
 Их свила²⁷.
 (с. Мураевня Данковского у.)

Последующий сюжет жеребьевки про стригунца более обращен к играющим детям и имеет типичную жеребьевочную концовку (2 последних стиха):

Собачки лихия
 Дьячка утащили.
 Дьячок из-под казенки
 Вытаращил глазенки.
 Ваня Гоголь
 Сломал ногу,
 Сказал Тане, –
 Красны сани.
 Петя печень,
 Перепечень.
 Шишел вышел,
 Вон пошел²⁸.
 (Егорьевский у.)

Как уже говорилось, И. Е. Востоков в Зарайском, Михайловском, Рязанском уездах примерно в конце XIX века записал игру «в разгон»: «Собираются несколько мальчиков и становятся в круг: один из них становится в середине круга и говорит следующее <...>». Словесный текст, произносимый мальчиком, является типичной считалкой, которая соотносится с приведенными выше версиями. Вот эта считалка:

Ты куколка, я куколка,
 где ты рано не была,
 я боялась деруна,
 дерун тебе не судья.
 Владыкины дети
 хотели летети;
 бабушка Арина
 коров подоила,
 телят напоила.
 Первеники другеники
 на коробе каменики < камелики? калилики?>.
 Кому, кому перстень,
 кому, кому сверстень;
 колколец-воронец;
 пьянца на янцы,
 ты жук, я жук,
 кинень-выкень
 Родивон, выйди вон²⁹.

Важной темой приведенных считалок оказалась «я боялась типуна / стригунца / деруна», причем этот персонаж имеет детишек, находящихся на крыше и стремящихся улететь – «Типуновы дети // Хочуть улетети», «Стригунцовы дети // Сидят на повети», а версия с деруном упоминает детей другой персоны – «Владыкины дети // хотели летети».

Возникает вопрос: кто такие эти персонажи? В с. Озёрки Сараевского р-на человеку, говорящему что-то плохое, которое может сбыться («накликаться»), отвечали с угрозой, понимаемой как проклятье: «Типун тебе на язык!»³⁰ В «Словаре русского народного говора» отмечено значение слова «типун» как «болезнь языка у птиц, гусей, кур в виде нароста на кончике языка, мешающая им клевать» и как «чирей, язва»³¹, причем при широкой географии этой лексемы Рязанская область не упомянута (хотя мы только что указали бытование диалектизма на Рязанщине). Там же слово «дерун» приведено со значением – «о чем-либо крепком, едком, жгучем»³², указана «дерущая рожа» в заговоре³³. В этом же словаре «стригунец» трактуется как годовалый жеребенок, которому подстригли гриву³⁴, но отсутствуют родственные лексемы, связанные со стригушим лишаем или чем-то подобным. И в двух последних случаях нет прикрепленности анализируемых лексем к Рязанщине, хотя отмечена запись П. В. Шейном в Егорьевском уезде считалки про «стригунца» с неясной семантикой. Возможно, слова «типун, стригун, дерун» относятся к фольклорному койне и имеют общую семантику – олицетворенной болезни, что объясняло бы мотив их боязни в детских считалках. Заметим, что указание на «детей типуна / стригунца» вписывается в аналогичное семантическое поле еще одного народного названия болезни на Рязанщине – «сучье вымя»³⁵, которое способно «ощениться» (речь идет о шишкообразных кожных наростах, обычно находящихся под мышкой и имеющих тенденцию к дальнейшему распространению по телу человека).

Еще одна версия считалки, предваряющей игру, была записана И. Е. Востоком в Зарайском, Михайловском, Рязанском уездах:

«Ваня-баня, что под нами,
над железными столбами;
Ваня-гоголь поднял ногу
выше печи, перепечи,
сказал Тане красной Саше:
“мальчик, мальчик,
сам ты с пальчик;
чупчик-брюнчик,
сам сокольчик”;
белый заяц<, > куда бегал, –
в лес ходил;
чего делал, – лыки драл;
куда клал.

На кого падет последнее слово, должен ловить всех»³⁶.

На Рязанщине бытовали и продолжают встречаться все возможные разновидности считалок:

- 1) числовые, или цифровые, или собственно считалки (их появление вызвано необходимостью в счете; некоторые исследователи их именуют «числовками»);
- 2) предлагающие альтернативу (они порождены ситуацией выбора и позволяют четко разделиться на играющие партии – две и более);
- 3) вопросно-ответные, кумулятивные;
- 4) с «заумью» (они как бы делают сакральным игровое действие, возводя его на уровень космических сил);
- 5) сюжетные (замысловатая фабула придает дополнительный интерес начинающейся игре).

Очевидно, жанрообразующими, наиболее древними и исконными являются цифровые (числовые) считалки, включающие в свой текст счет (цифры и числа) как основное содержание. Такие считалки всегда начинаются со счета – это их формальный признак. Имен-

но они породили само название фольклорного жанра – считалка. Отдельные тексты прямо указывают на процесс заучивания счета в школьном курсе. Например, студентка Я. Кислова записала в г. Егорьевск (город входил прежде в состав Рязанской губ., ныне относится к Московской обл.) в 1950 г. считалку с подобным зачином, являющимся пародией на обучение счету и грамоте:

Раз и два и три-четыре,
 Меня грамоте учили –
 Не читать и не писать,
 Только по полу скакать.
 Я скакала да скакала,
 Себе ноженьку сломала.
 Меня мама увидала
 И веревкой отхлестала.
 Меня папа увидал
 И за доктором послал.
 Доктор едет на коне,
 Балалайка на спине,
 А гитара на носу:
 Доктор любит колбасу³⁷.

Считалка с самым длинным счетом – от одного до десяти, то есть фактически с целым рядом простых цифр, употребляемых в десятиричном счете, записана в с. Новая Пустынь Шиловского р-на, с указанием собирателя, что этот стихотворный текст использовали дети в 1940-е годы:

Один, два, три, четыре, пять,
 Шесть, семь, восемь, девять, десять,
 Выплывает белый месяц,
 А за месяцем луна.
 Парень девице слуга.
 Ты, слуга, подай карету,
 А я сяду и поеду.
 Я поеду в Ленинград
 Покупать себе наряд.
 Красный, желтый, голубой,
 Выбирай себе любой³⁸.

Наиболее частотной является считалка про зайчика, которая также начинается со счета. В ее основе лежит стихотворение «Заяц и охотник» Ф. Б. Миллера (1851). Вот вариант считалки из с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

Раз, два, три, четыре, пять,
 Вышел зайчик погулять.
 Вдруг охотник выбегает,
 Прямо в зайчика стреляет.
 Пиф-паф! Ой, ой, ой!
 Умирает зайчик мой³⁹.

В с. Кузьминское Рыбновского р-на в 2005 г. нами записан вариант считалки про зайчика с неожиданным концом, напоминающим развязку сюжета сказки про волка и козлят (СУС 123), только серого хищника замещает зайчик:

Раз, два, три, четыре, пять,

Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф! Ой, ой, ёй!
Умирает зайчик мой.
Повезли его в больницу
И стащили рукавицу.
Привезли его домой,
Стали пузо разрезать,
А из пуза – два арбуза⁴⁰.

Интересен сюжет считалки (вероятно, литературного происхождения), в которой счет переходит в логическую задачу:

Раз, два, три, четыре, пять –
Кошка учится считать.
Посчитает кошка мышку –
Получается ответ:
Кошка есть, а мышки нет⁴¹
(с. Кузьминское Рыбновского р-на).

Народная методика преподнесения цифровых считалок как альтернативных (то есть со свободным выбором любого десятизначного числа) немного отличается от описанной выше. Итак, знаток считалки называет одно число или ряд чисел; участник, на кого падает числительное, должен назвать любое число из предложенных, и при повторении считалки выходит тот, на кого попало это слово. Таким образом, в цифровых считалках очень значимым оказывается прием загадывания.

Летел лебедь по синему небу
И загадал число.
Какое? Любое: 1, 2, 3, 4, 5⁴²
(Ермишинский р-н).

Летел лебедь,
Считал 9.
От 1 до 9 –
Тот и выходит⁴³
(Ермишинский р-н).

Практика применения цифровых считалок зависит от их текстов и варьируется. Например, если в произведении названа единственная цифра, ее должен запомнить тот, на кого она попала, и выйти из круга участников:

Ехала белка на тележке,
Продавала всем орешки.
Кому, кому 3.
Выходи из круга ты⁴⁴
(Ермишинский р-н).

Обычный арифметический счет в некоторых произведениях усложняется, простые числительные приобретают диговинные суффиксы и начинают вести себя как некие одушевленные персонажи, обладающие собственным характером. Подобную считалку записал А. В. Марков, но опубликована она уже после смерти собирателя – спустя почти 70 лет:

Перьвенчики,
Другеньчики,
На четыре
Ступенчики...⁴⁵
(д. Новое Батурино Зарайского у.)

Примерно в тот же период, в конце XIX века в Рязанской губ. (без указания конкретного населенного пункта) были записаны две версии считалки с таким же зачином, опубликованные П. В. Шейном:

Первенчики, друженчики,
Летели голубенчики:
Ни трошки, ни ложки,
Ни семь крестов,
Ни колотых дров.
Кому думать и гадать, –
Не выгадать.
Поди вон, Родивон! <так!>⁴⁶

И вторая версия с тем же зачином и с тем же героем – Родивоном, однако записанная необычно, когда столбик образован одним словом (редко – двумя-тремя словами), что подчеркивает рифму и отрывистый, чеканный ритм:

Первенчики,
Другенчики,
Лебеди по насту.
Крестик,
Свистик,
Свинка,
Полянка.
Шишел-
Вышел
Он –
Родивон,
Пошел вон!⁴⁷

Возможна и другая ситуация: арифметический счет в записи А. В. Маркова представлен простыми и сложными числами, которые управляют событиями и лицами; собственно, счет составляет основу всего, вокруг него сосредоточены разнообразные действия, все подчинено цифрам. Последовательность счета является не непрерывной, но прочерченной пунктирно; она обыгрывается и обставляется разными объектами и предметами:

Перья дань, друга дань,
На четыре загадал.
Пятьсот ружьёв,
Пономарь, судьёв.
Палка, казюлька,
Захарова тетка.
Шышил, вышел,
Вон пошел,
Золотой нашел⁴⁸.

А. В. Марков, записавший эту считалку в д. Новое Батурино Зарайского у., отмечал бытование ее более пространной версии в той же деревне: «Другие оканчивают так <после слов “Вон пошел”>»:

Заяц, месяц,
Сорвал травку,
Положил на лавку.
Кто взял?
Родивон.
Ступай из дому вон!»⁴⁹

Показательно, что такая заключительная (концовочная) часть представляет собой вопросно-ответную форму организации произведения. Такая кумулятивная структура с этим же сюжетом существует и как отдельная считалка – в с. Озёрки Сараевского р-на Рязанской обл. и в г. Москва в середине XX века:

– Заяц белый,
Куда бегал?
– В лес дубовый.
– Что там делал?
– Лыко брал.
– Куда клал?
– Под колоду.
– Кто украл?
Кого замуж отдавал?
– Сенька-поп (или: Сенька-вор),
Кого берёшь,
Кого замуж отдаёшь?
С кем на пару ты идёшь?»⁵⁰

Возвращаясь к считалкам-числовкам, укажем, что с. Демидово Шацкого р-на имела подобная считалка, начинающаяся счетом, в котором числа необычны: «Сабирёмси мы многа, и давай: “Ну, хто, каму вадить?”»

Первад́ан, драгад́ан,
На гароди барабан,
Пятьсот судьёв,
Панамарь лудьёв.
Катирина кошка,
Вылити в акошка!
Аминь, тишќа,
Украли парашќа.
Краюшычка, гарбушычка,
Ќончик, в́ончик,
Радивон, выйди вон!
Шышыл, вышыл
Да пашол,
На каво-т ни вышыл
(ШЭС, 221).

Мы уже высказали предположение о том, что традиция отцов многочисленного семейства в разговоре упоминать детей в последовательности их появления на свет могла найти отражение в зачинах детских считалок типа «Первад́ан, драгад́ан» (см. главу 17 «Наречение именем до Октябрьской революции 1917 года» в 1-й части наст. изд).

В с. Черная Слобода Шацкого р-на в начале XX века бытовала подобная считалка в качестве самостоятельного произведения, но без первой – числовой – части, а зачин образован представлением героя – зайчика серого, сюжет реализуется в действии, о котором ведется диалог, придающий цепевидную структуру тексту. К концу столетия об этой считалке осталось воспоминание как о произведении, использованном бабушкой для баюканья внуков, то есть она оказалась ситуативно приспособленной в качестве колыбельной песни и, вероятно, получила напев:

– Зайчик серай,
Куда бегал?
– В лес.
– Чяво делал?
– Лыки драл.
– Куда клал?
– Пыд калоду.
– Кто украл?
– Шышыл, вышыл,
Радивон,
Выйди вон!
(ШЭС, 95, 221).

Еще одна схожая версия считалки записана в с. Старочернеево Шацкого р-на:

– Зайчик белый,
Куда бегал?
– В лес дубовый.
– Фонь, фонь,
Каво берёшь?
– Каво замуж отдаёшь!
(ШЭС, 221)

В Данковском у. П. В. Шейн записал необычную считалку про гриб, но с типичной концовкой:

Уж ты гриб молодой,
Не налитый водой.
Когда станешь наливать,
Из села выгонять?
Шишел вышел,
Вон пошел!⁵¹

Интересны концовки считалок – в отношении того, кто выходит из общего круга рассчитывающихся игроков. Типична концовка про Родиона (Родивона): «Родивон, // Пошел вон!»; «Родивон. // Ступай из дому вон!»; «Радивон, выйди вон!» (см. выше). Созвучна концовка: «Спиридон, выйди вон!» (см. ниже). Также имеются считалки с концовкой с повелением покинуть круг участников какому-то персонажу с другим именем или без конкретизации: «Красна девка вон пошла» (см. ниже).

Имеется концовка, в которой из круга изгоняется игрок под каким-либо числом: «От 1 до 9 – // Тот и выходи» (см. выше). Достаточно часто встречается концовка без указания на какого-то конкретного персонажа, но с повелением выхода из круга, причем иногда даже с сообщением о конкретном выигрыше: «Шышил, вышел, // Вон пошел, // Золотой нашел» (см. выше).

П. В. Шейн записал в Данковском у. считалку с концовкой про «красну девку»:

Ходить свинья по бору,
Щиплеть траву лебеду:
Она рветь и береть,
Во беремечки кладеть. —
Что́ кáлина, что́ мáлина.
Красна девка вон пошла⁵².

Можно предположить, что наиболее старинными являются считалки, в которых цифры выступают в роли оригинальных персонажей, а не простых числительных, проникших в жанр позже. Именно считалки с числами-персонажами были записаны первыми, во второй половине XIX века, а не произведения с обычным счетом «Раз-два-три-четыре-пять». Со временем вторая часть сюжета считалок с числами-персонажами, где отсутствует счет, отделилась от первой и приобрела самостоятельность. Жанровая сущность таких считалок без цифр определяется по концовке, в которой в императивной форме предлагается «выйти вон» одному из участников, на кого падает последнее слово или слог.

В считалках с числами-персонажами количество «числовых героев» обычно ограничивается двумя. К примеру, И. Е. Востоков в конце XIX века в Зарайском, Михайловском, рязанском уездах записал игру-считалку подобного рода:

Первый дома,
другой дома;
села баба на барана,
поехала по горам;
стрюли-брюли, —
черная Аксютка
и пузан Петрушка;
мишка<,> хомяк, —
Спиридон, выйди вон!⁵³

Считалки образованы не только понятными русскими числами; в них внедрились и цифры, заимствованные из иностранных языков — латинского, немецкого и идиш. Вероятно, искаженные числительные, дополненные воспринятой на слух божественной лексикой церковной службы на классических «мертвых» и редких языках (типа *deus*, *dominus*, *rabbi* — Бог, раввин), проникли в «грамматические стишки» с мнемоническими приемами западно-европейских школяров. Оттуда они через польско-католическое посредничество оказались в России уже в качестве детских считалок, причем непонятные числительные стали восприниматься уже как самостоятельные персонажи своеобразного ребячьего пантеона⁵⁴:

Энеки-беники ели вареники,
Эники-беники клёкс,
Вышел на палубу
Пузатый матрос⁵⁵
(с. Новая Пустынь Шиловского р-на).

Еще одна разновидность считалок представляет собой сплошной счет, однако числа видоизменены до такой степени, что лишь угадываются и высчитываются по своему месту в последовательности от одного (первого) до десяти:

Пери, ери,
Чюга, луга,
Пята, сота,
Ива, сива,

Дуб, крѣст,
Прост!
(ШЭС, 220 – д. Успеновка Шацкого р-на).

В с. Черная Слобода Шацкого р-на сохранился фрагмент считалки-числовки, однако принадлежность текста к обозначенному сюжету становится понятной лишь при сопоставлении с целостным произведением:

Сива, ива,
Дуб, крест,
Вот на этом
Ты и есть!
(ШЭС, 220).

Интересно, что особый армейский счет (ать-два, левой; раз-два, левой), используемый в маршевых командах для солдат на плацу и в военных походах, проник в детскую считалку «Аты-баты, шли солдаты...». Вот ее пример из с. Озёрки Сараевского р-на:

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар.
Аты-баты, сколько стоит?
Аты-баты, три рубля.
Аты-баты, кто выходит?
Аты-баты, ты и я⁵⁶.

Считалки с сюжетом – выбрать один предмет из нескольких указанных, то есть предлагающие альтернативу, типологически продолжают линию счета, только предметом словесного выбора становятся не цифровые реалии, а названные объекты:

На дворе стоят машины:
«Чайка», «Волга», «Жигули».
От какой берёшь ключи?⁵⁷
(Ермишинский р-н).

В с. Новая Пустынь Шиловского р-на подобные тексты назывались «считалки с выбором»⁵⁸. Правила применения следующие: «Для того, чтобы вышел один игрок, приходилось повторять два раза – первый раз полностью, второй раз – до того слова, которое было выбрано. После того, как очередной игрок вышел, начинать надо было опять с себя»⁵⁹. Пример подобной считалки, которой пользовались многие поколения жителей с. Новая Пустынь:

На златом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?⁶⁰

В г. Москва в 1960-1970-е годы сюжет этой считалки («На золотом крыльце сидели...») имел продолжение:

Говори поскорей,
Не задерживай честных
И добрых людей!⁶¹

Существуют любимые детьми герои, проходящие через многие тексты считалок. К ним относится образ доктора и вообще ситуация попадания (или непопадания) героя в больницу – в докторские владения. Так, в считалках г. Егорьевск «Раз и два и три-четыре...» и «Мальчик трубочку курил...» варьируется ситуация вызова доктора отцом героини или героя: «Меня папа увидал // И за доктором послал. // Доктор едет на коне» и «Его папа увидал // И за доктором послал...»⁶². Появление доктора обычно обусловлено предшествующим обстоятельством, а именно травмой главного персонажа – ребенка: «Я скакала да скакала, // Себе ноженьку сломала» и «Он бежал, бежал, // Спотыкнулся и упал, // Себе ноженьку сломал»⁶³. Однако встречаются считалки, в которых доктор появляется безо всякого повода:

Ехал доктар из бальницы,
На нём белые галицы,
Думал, думал: “Куда деть?
Лучшэ на руки надеть!”
(ШЭС, 221 – с. Шевырляй Шацкого р-на).

Интересно, что доктор является распространенным персонажем святочного и свадебного ряженья на Рязанщине⁶⁴ и в других местностях России.

Записанные тексты появились в разные периоды истории и сохраняют колорит минувших эпох. На систему персонажей считалок повлиял образный комплекс других жанров – в первую очередь, волшебных сказок. Вот фрагменты примеров, записанных в Ермишинском р-не: «На золотом крыльце сидели: // Царь, царевич, // Король, королевич, // Сапожник, портной»; «Если возьмешь голубой – // Будешь бабушкой Ягой»⁶⁵. В считалке с. Новая Пустынь Шиловского р-на также фигурирует сказочный персонаж – мальчик-с-пальчик (СУС 700): «Мальчик с пальчик // Нашёл стаканчик»⁶⁶.

Вот текст этой считалки:

Мальчик с пальчик
Нашёл стаканчик.
Стакан разбился,
Лимон покатился.
Стакан, лимон –
Выйди вон!⁶⁷
(с. Новая Пустынь Шиловского р-на).

Иногда более ранние считалки приобретают налет новых исторических событий, проявляющийся в замене персонажей. Так в одной считалке происходит замена («месяц» – «немец»), которая выглядит логичной из-за глаголов с семантикой нападения («резать», «бить»):

Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить⁶⁸
(Ермишинский р-н).

Более традиционной является такой вариант считалки:

Вышел месяц из тумана,
 Вынул ножик из кармана,
 Буду резать, буду бить,
 Все равно тебе водить!⁶⁹
 (с. Новая Пустынь Шиловского р-на).

Реалии Великой Отечественной войны остались запечатленными в некоторых сюжетах считалок: «Вышел немец из тумана...», «Немцы прыгали с балкона // Со второго этажа», «Катился апельсин по городу Берлин...»⁷⁰.

Влияние образов Диснеевских мультфильмов (США), показываемых в начале 3-го тысячелетия по российскому телевидению, сказалось на текстах считалок. Имеются даже контаминированные считалки, в которых произошло механическое объединение двух сюжетов: 1) более раннего семантизированного заимствованного комплекса «заумных слов», добытых из западно-европейских учебных заведений вместе с «мертвыми» и «живыми» языками – латынью, идиш и немецким, и затем превратившихся в экзотического одушевленного персонажа произведения («Эники-бэники ели вареники...»); 2) современных рисованных героев-уток из серии американских мультфильмов (Скрудж, Макдак, Понка):

Эники, беники ели вареники;
 Эники, беники так.
 Скрудж, Макдак и три утенка,
 Выходи, ты будешь Понка.
 Эники, беники, рики, факи.
 Буль-буль-буль, коряки, шмаки.
 Эус, бэус, косодэус, бам⁷¹
 (Ермишинский р-н).

В считалках подобного рода наблюдается объединение в словесную пару или тройку фонетически-рифмованных лексем: «эники-бэники», «ри́ки-фа́ки», «ко́ряки-шма́ки», «эус-бэус-косодэус» (или вариант – «косодэус»). Дети любят непонятное и таинственное, им нравится владеть секретами, говорить на особом, только им ведомом языке.

Тема еды и угощения всякими вкусными кушаньями часто встречается в считалках, вероятно, потому что является одной из самых важных потребностей человека и притягательна для ребенка с младенчества. В считалке д. Успеновка Шацкого р-на показан целый перечень вкусов, составляющих пары и образующих из них стихотворные строки:

Чикеньцы-микеньцы,
 Лятал галубень,
 Па Волги лятал,
 Пы чужой старане.
 Там чяшки, арешки,
 Мядок, сахарок,
 А ты выходи,
 Иван-каралёк!
 (ШЭС, 220).

В этой и других считалках имеются зачины, состоящие из пары созвучных, но бессмысленных слов (впрочем, раньше они могли что-то значить, но далее фонетически исказились в процессе исторического бытования; равно вероятна их изначальная искаженность, уже при внедрении в считалочный текст). Подобные примеры записаны в д. Новая (также в д. Марьино и с. Темешево) Шацкого р-на:

«Вакруг^x все, и вот стукаишь каждому:

Тани-бани,
(вар.: Тани-мани, – с. Темешево)
Хто пад нами,
Пад жылезными сталбами?
Тучи, гром,
Стякла звон.
Яблачка катаицца –
Хто яво падымить,
Чюр, эта выйдить!»
(ШЭС, 220).

Этнограф И. С. Слепцова (Кызласова) обратила внимание на следующую форму исполнения произведения, предваряющего игру: «В некоторых считалках, произнося текст, указывали не на игрока, а на выставленные кулаки или пальцы. Водящим становился тот, чей кулак (палец) оставался последним» (ШЭС, 221 – Шацкий р-н). Простая считалка такого рода представлена в с. Шевырляй Шацкого р-на:

Турю, вырю,
Тыкинъ, выкинъ,
Перстинъ [вышел]...
(ШЭС, 221).

Более сложный сюжет считалки с указанием на кулак встречается в с. Черная Слобода Шацкого р-на:

Шла кукушка мима сети,
А за нею малы дети.
Кук-мак, кук-мак,
Атпусти адин кулак
(ШЭС, 221).

В варианте считалки с. Темешево Шацкого р-на текст повторялся многократно и каждый раз последнее слово указывало на игрока, который выходил из круга считающихся детей, и только последний оставшийся ребенок становился водящим:

«Шла кукушка мима сети,
А за нею малы дети,
Кук, кук, кук!

И паследний раз – выходи! Тада апять – эта вышла. Тада апять: “Шла кукушка...” Вот тады всех выганить, а паследняя тады тожы...” (ШЭС, 221).

Другой подобный сюжет с объяснением местных жителей записан в с. Лесное Ялтуново Шацкого р-на:

«Шантыр-бантыр,
Губернатар,
Шапка плисавая –
Вся исписыная.
У Ермошки деньги есть,
Я ни знаю, как падлезть.
Я падлезу, укражу,
А Ермошки ни скажу.

Ну. Ага. “Ни скажу”, – на последнива. И вот эт, вроде, тады будить эт как будта бы “дижурить”. Тады энт апять этык в круг, в круг. Вот он последний – типерь яму “дижурить”, яму тожа нада гаварить: “Шантыр, бантыр, губернатар...”» (ШЭС, 221).

Поскольку считалки предваряют подвижные игры, их текстам также свойственна семантика движения:

1) катания («Катилася торба»⁷²; «Катился апельсин по городу Берлин», «Катилось облачко по огороду»⁷³ <так!>);

2) ходьбы («Аты, баты, шли солдаты», «По дороге Петя шел», «Шел крокодил»⁷⁴; «Шла кукушка мимо сети»⁷⁵; «Вышел немец из тумана»⁷⁶);

3) бега («Три пожарника бежали»⁷⁷; «Этот мальчик убежал // Он бежал, бежал»⁷⁸);

4) скаканья («Конь ретивый, // Долгогривый. // Скачет полем, // Скачет нивой»⁷⁹; «Я скакала да скакала»⁸⁰);

5) езды («Я уеду в Ленинград», «Ехал мужик по дороге», «Ехала белка на тележке», «Ехала машина лесом»⁸¹);

6) полета («Летела птичка через сад», «Летел лебедь по синему небу», «Летел лебедь, // Считал 9», «Со второго этажа // Полетели три ножа»⁸²) и др.

Скоростные характеристики считалки представлены и другими способами: например, призывом поторопиться в выборе – «Говори поскорей, не задерживай // Добрых и честных людей»; «Сколько гвоздей? // Говори поскорей»⁸³.

Произведения этого жанра, как и любого другого в фольклоре, существовали и продолжают бытовать во множестве вариантов и версий. Особенно интересно в них то, что в пределах одного селения в Рязанской обл. жители (дети и подростки) варьировали текст даже на уровне разных версий, а не обходились единственным вариантом. Так, в с. Озёрки Сараевского р-на одновременно имелись в 1941-1942 гг. два похожих текста – с общим началом и простой единообразной структурой:

Ниточка-иглочка,
Вышла комсомолочка.

Ниточка-иглочка,
Ти-ти, улети!⁸⁴

Образ ниточки-иглочки стал нарицательным в русском фольклоре. Л. А. Худзинская от двух исполнителей в 1929 г. в г. Рязань записала две «околофольклорные» истории про прозвание двух людей «ниточкой-иглочкой». Первая история: «Сестры Павловы, Фаина и... (д<ом> на Вознесенской ул., между Садовой и Приклонской, потом д<ом> Крейтона). У них был племянник Семенов – скрипач. Их звали за их дружбу иголкой с ниткой»⁸⁵. Вторая «прозвищная» история: «Сестры Протопоповы: маленькая ростом, толстененькая и повыше – худая (жили в доме Тихановской, между Приклонской и Большой ул.). Всегда вместе. Тоже звали их иголкой с ниткой»⁸⁶.

В с. Озёрки Сараевского р-на были распространены *считалочки-жеребьёвки*, предлагающие ситуацию выбора. Напр., задавался вопрос, и следовала цепочка ответов:

– Пьёшь воду или квас?
– Воду. – Ходим по броду.
– Квас. – Лови кошку, а не нас!⁸⁷.

В с. Озёрки Сараевского р-на практиковался и другой вопрос – с целью выбрать водящего в детской игре:

- Дуб, орех или пшено?
- Дуб. – Вот тебе в зуб!
- Орех. – На кого переводишь грех?
- На (имя другого участника).
- Пшено. – Твое дело решено!⁸⁸

Это были детские считалки-жеребьевки в форме диалога, архаичного по своей структуре; они либо предвляли игру, разделяя будущих участников на партии или выявляя водящего, либо представляли самостоятельное игровое развлечение. Показательно, что в число значимых смысловых элементов диалога входят обозначения пищевых продуктов и напитков, причем наиболее существенных и жизненно важных для крестьян. Эти пищевые реалии, как и простая диалогичная композиция считалок, являются свидетельством большой древности данных текстов. Архаический диалог как важнейшую типовую структуру ранних фольклорных произведений выявил академик Н. И. Толстой на Полесском полевом материале в 1979 г.⁸⁹

Интересно, что на Рязанщине практиковался многоступенчатый подход к игре (если можно так выразиться), начинавшийся с конанья и продолжавшийся жеребьевкой-считалкой (или считалкой-жеребьевкой). Так, М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов зафиксировал сложный способ разбиения игроков на партии, включивший акциональные и вербальные компоненты единого игрового действия:

«Про игру, распространенную и сейчас, нужно заметить нужное <?> и разъяснить некоторые слова: глава каждой партии назыв<ается> “маткой”. Все остальные играющие между ними распределялись так: каждая пара игроков, равных по достоинству, “сговаривалась”, т. е. отходила в сторону и договаривалась, что один будет, напр. земля, другой – небо, потом подходили к маткам и говорили: “Небо или землю?” Выбирала та матка, которой досталось это право (обычно матки “мерились” на палке, как выше было указано)»⁹⁰.

Некоторые виды считалок сами по себе воспринимаются в качестве самостоятельных словесных игр, о чем писали собиратели уже в 1920-е годы (см. выше).

Иногда дети устанавливали иные, но также справедливые правила включения в игру водящего. Так, в с. Константиново Рыбновского р-на в 1950-е гг. было принято подключаться к игре новому игроку: «Ну, кто последний пришёл, ну давай, будем играть? Будем! На, давай, води! – Это всё время»⁹¹.

Уроженец с. Кривское Сараевского р-на П. С. Каданцев объяснял нежелание ребятшек использовать считалки и жеребьевки в 1941-1943 гг. при военной игре в «наших» и «фашистов», чтобы не доверяться фактору случайности, на котором основано применение произведений этих жанров детского фольклора. Вместо установления очередности с помощью считалок и жеребьевок мальчишки справедливо решили играть роль фашистов по очереди⁹².

¹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 38.

² Горбунов Б.В., Федупин Г.И. Этнография Ермишинского края. Ермишь, 1997. С. 52.

³ Горбунов Б.В., Федупин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 54. № 18.

⁴ Горбунов Б.В., Федупин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 55. № 27. С. 52. № 2.

⁵ Горбунов Б.В., Федупин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52.

⁶ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 23 (14) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

⁷ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

- ⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 23 (14) – 25 (16) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 25 (16) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ¹⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 25 (16) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ¹¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/521. Кн. 15. Ед. хр. 361 (или 360). Л. 22 (128) – Маслова Г.С. Детский фольклор Архангельской волости Рязанского уезда. Рукоп. 1930 г.
- ¹² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/521. Кн. 15. Ед. хр. 361 (или 360). Л. 32 (129) – Маслова Г.С. Детский фольклор Архангельской волости Рязанского уезда. Рукоп. 1930 г.
- ¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/521. Кн. 15. Ед. хр. 361 (или 360). Л. 32 (129) – Маслова Г.С. Детский фольклор Архангельской волости Рязанского уезда. Рукоп. 1930 г.
- ¹⁴ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 16 – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ. Зарайский, Михайловский, Рязанский уу.
- ¹⁵ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 255.
- ¹⁶ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 254.
- ¹⁷ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 4. С. 53. № 6. С. 55. № 27. С. 54. № 12. С. 55. № 23. С. 53. № 11.
- ¹⁸ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. Т. IX. Кафедра русской литературы. Вып. 3. 1958. С. 103 – зап. Л. Кислова в г. Егорьевск в 1950 г.
- ¹⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255.
- ²⁰ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 55. № 20, 22.
- ²¹ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52.
- ²² Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 37. № 227.
- ²³ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 40. № 231.
- ²⁴ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 37. № 227.
- ²⁵ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 40. № 231.
- ²⁶ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. С. 236-239.
- ²⁷ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 37. № 227.
- ²⁸ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 40. № 231.
- ²⁹ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 16 – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ. Зарайский, Михайловский, Рязанский уу. (Деление на стихи наше. – Е.С.).
- ³⁰ Записи автора от Трушечкиной Матрёны Ивановны (1907-1982), родом из с. Озёрки Саравского р-на, жила в Москве, зап. в начале 1980-х гг.
- ³¹ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2011. Вып. 44. С. 131.
- ³² Там же. Л.: Наука, 1972. Вып. 8. С. 26.
- ³³ Там же. С. 27.
- ³⁴ Там же. 2007. Вып. 41. С. 339, 341.
- ³⁵ Записи автора. Тетр. 8-а. № 436 – Назарова Анна Фёдоровна, 1931 г. р.; Абрамкина Зинаида Борисовна, 76 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 12.09.2000; имеются также др. записи о «сучьем вымени» из этого села.

³⁶ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 16 – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ. Зарайский, Михайловский, Рязанский уу. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

³⁷ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 100 – зап. студентка Л. Кислова в г. Егорьевск в 1950 г.

³⁸ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255.

³⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255.

⁴⁰ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 87 – Ефремова Нина Фёдоровна, 1934 г. р., с. Кузьминское Рыбновского р-на, 05.08.2005.

⁴¹ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 87 – Ефремова Н.Ф., 1934 г. р., с. Кузьминское Рыбновского р-на, 05.08.2005.

⁴² Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 54. № 19.

⁴³ Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 55. № 21.

⁴⁴ Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 55. № 27.

⁴⁵ Марков А.В. Детские песни, записанные А.Марковым в центральных губерниях в 1892-1896 годах /Публ. П. Д. Ухова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1961. № 5. С. 78. № 49 – д. Новое Батурино Зарайского уезда.

⁴⁶ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 41-42. № 245.

⁴⁷ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 42. № 245.

⁴⁸ Марков А.В. Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892-1896 годах. С. 77. № 47 – д. Новое Батурино Зарайского уезда.

⁴⁹ Марков А.В. Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892-1896 годах. С. 77. № 47 – д. Новое Батурино Зарайского уезда.

⁵⁰ Записи автора. Тетр. 15. С. 143 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители родом из с. Озёрки Сараевского р-на, была там в 1942-1941 гг. в эвакуации, живет в г. Москва, 29.03.2002.

⁵¹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 44. № 265 – Данковский у.

⁵² Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 44. № 264 – Данковский у.

⁵³ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 16 – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И.Е.Востоковым в Рязанской губ. Зарайский, Михайловский, Рязанский уу. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

⁵⁴ См.: Pisarkowa K. Wyliczanki polskie. Wroslaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1975. S. 25, 45, 118-122; Топорков А.Л. Заумь в детской поэзии // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 582-583; Самоделова Е.А. Детский фольклор в Московской традиции. I // Фольклорные сокровища Московской земли: Детский фольклор. Частушки. М., 2001. Т. 4. С. 11.

⁵⁵ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

⁵⁶ Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.

⁵⁷ Горбунов Б.В., Федюлин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 55. № 25.

⁵⁸ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

⁵⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 256.

⁶⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256. (Деление на стихи мое. – Е.С.).

⁶¹ Записи автора. Самозапись Е. А. Самоделовой, г. Москва, 22.02.2019.

⁶² Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 100 – студентка Я. Кислова записала в г. Егорьевск в 1950 г.

⁶³ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 100 – студентка Я. Кислова записала в г. Егорьевск в 1950 г.

⁶⁴ Самоделова Е.А. Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Часть 2 /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 56. Т. 2. С. 96-97.

⁶⁵ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 53. № 7 (графическая запись стихов подправлена нами. – Е.С.), № 9.

⁶⁶ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255.

⁶⁷ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255.

⁶⁸ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 4.

⁶⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 255-256. (Деление на стихи мое. – Е.С.).

⁷⁰ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52-55.

⁷¹ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 2.

⁷² Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 102 – зап. Л. Кислова в г. Егорьевск в 1950 г.; Записи автора, Тетр. 16. № 228 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., могла слышать в с. Озёрки Сараевского р-на; г. Москва, 2003 г. – «Катилась торба...»

⁷³ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 1, 3.

⁷⁴ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 53. № 11. С. 54. № 14, 17.

⁷⁵ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 103 – зап. Л. Кислова в г. Егорьевск в 1950 г.

⁷⁶ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 4.

⁷⁷ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 5.

⁷⁸ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 100 – студентка Л. Кислова записала в г. Егорьевск в 1950 г.

⁷⁹ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 54-55. № 20.

⁸⁰ Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. С. 100 – студентка Л. Кислова записала в г. Егорьевск в 1950 г.

⁸¹ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 53. № 10. С. 55. № 26, 27. С. 53. № 12.

⁸² Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 52. № 6. С. 54. № 19. С. 55. № 21. С. 53. № 9.

⁸³ Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. С. 53. № 7. С. 55. № 26.

⁸⁴ Записи автора. Тетр. 1. № 64 – Самоделова А.М., 1929 г. р., жила в 1941-1942 гг. в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

⁸⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 493. Л. 28 – Худзинская Л.А., г. Рязань.

⁸⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 493. Л. 28 – Худзинская Л.А., г. Рязань.

⁸⁷ Записи автора. Тетр. 32. С. 25 – Самоделова А.М., 1929 г. р., узнала в с. Озёрки Сараевского р-на в начале 1940-х гг., живет в г. Москва 20.07.2010.

⁸⁸ Записи автора. Тетр. 32. С. 25 – Самоделова А.М., 1929 г. р., слышала в годы Великой Отечественной войны в с. Озёрки Сараевского р-на в эвакуации, живет в г. Москва, 20.07.2010.

⁸⁹ См.: Толстой Н.И. Один архаический тип славянского обрядового текста-диалога // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 69.

⁹⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 50 (41) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

⁹¹ Записи автора. Тетр. 8а. № 336 – Ерёмкина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.

⁹² См.: Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 215.

Глава 46.

Детские приговорки и заклички

Многие игры были обусловлены текущим моментом, оказывались приуроченными к внезапно возникшему событию, наблюдаемому детьми в природном мире. Эти игры сопровождались *приговорками*, обращенными к животному (птице, насекомому и др.). Например, в середине XX века в с. Озёрки Сараевского р-на «увидев стаю галок, дети кричали:

Моя галка с краю –
Больше песен знаю!
Моя галка наперёд –
Больше денег наберёт!
Моя галка сзади –
Больше денег грабит!»¹

Близкий к ним жанр – *заклички*, построенные в форме императива, магически повелевающего маленькому животному вести себя требуемым образом, что и сбывалось.

Два текста закличек (под именем «ребячьих молитв») приведены в повести А. И. Осипова «Я люблю Кольку». Первое произведение относится к числу редких: с его помощью мальчишки закликали птицу-дергача (то есть коростеля), стремясь поймать на лугу и съесть:

«Ванька разбросал наши кепки, картузы и шапки по траве. Собрал мальчишек в кучу, приказал лечь и шептать:

Дергач, дергач, не ленись,
дергач, милый, попадись,
попадись на радость всем,
я тебя, дергачик, съем.

Мальчишки зашептали. Я тоже зашевелил губами, в душе прося Бога послать мне дергача...»² (д. Аксиныно Рязанского уезда / р-на).

О второй закличке из повести А. И. Осипова речь пойдет ниже.

Приговорки и заклички, обращенные к птицам, относятся к довольно редким. Значительно чаще встречаются заклички с адресацией к состояниям природы (дождю, солнышку, радуге) и к насекомым, понимаемым в качестве «посланников» стихий и космических объектов; бытуют и заклички, направленные к диким (лекарственным) растениям.

Вероятно, самым известным персонажем детских закличек, из числа адресованных насекомым, является божья коровка. Этимологически «прозрачное» наименование насекомого, умеющего «доить» тлю и питаться ее соком, как молоком, возможно, основано на этом свойстве. Отсюда понятно обращение к божьей коровке в с. Демидово Шацкого р-на: «Каровка, каровка, атялись, дай нам малачка!» (ШЭС, 163). В диалектах разных славянских и балканских народов божья коровка имеет множество названий, имеющих разную семантику. Российские и зарубежные филологи (в основном лингвисты и этнолингвисты) составили карты географического распространения всех семантических наименований этого насекомого, выяснили сферу его употребления в фольклоре, которая сводится исключительно к детским закличкам. Обзору научных гипотез о сути разнообразных наименований божьей коровки посвящен большой параграф «Божья коровка» в монументальном труде «Символи-

ка животных в славянской народной традиции» А. В. Гуры (1997)³. В основном это мифологические гипотезы, на наш взгляд, малодоказательные.

В с. Озёрки Сараевского р-на известен такой вариант заклички:

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси мне хлеба,
Чёрного и белого,
Только не горелого!⁴

В с. Кузьминское Рыбновского р-на – на другом краю Рязанщины, на севере – звучит подобная закличка, но с упоминанием только белого хлеба; между прочим, пшеницу там не сеяли, а закупали у землепашцев с южных территорий и потому считали дорогим зерном, праздничным хлебом:

Божия коровка,
Улети на небо,
Принеси мне хлеба!
Принеси мне белого,
Только не горелого!⁵

Почти дословно совпадает этот вариант с текстом из с. Казачья Слобода Шацкого р-на:

Божья каровка,
Палити на неба,
Приниси мне хлеба,
Чернава и белава!
Только не гарелава.
Там маи детки
Кушают канфетки
(ШЭС, 163).

В с. Польное Ялтуново Шацкого р-на вместо «Только не гарелава» наблюдается иная стихотворная строка: «А то всё надаела» (ШЭС, 163). Подобный вариант зафиксирован еще в с. Черная Слобода Шацкого р-на (ШЭС, 163).

В д. Богослов Шацкого р-на бытует иное название божьей коровки (или мошки?), к которой обращен призыв заклички в ее зачине: «Машка, машка, улиги, улиги на небо, // приниси мне хлеба» (ШЭС, 163).

В с. Демидово Шацкого р-на существует еще одно наименование божьей коровки, а закличка имеет другой сюжет и носит гадательный характер, поскольку по направлению, в котором улетило это насекомое, дети пытались предсказать, откуда будет жених или невеста:

Кувашка, кувашка,
Красенькя рубашка,
Где мая невеста (жених)?
(ШЭС, 163).

Обращение к божьей коровке в Шацком р-не часто сопровождалось гаданием о предстоящей погоде. Дети, прокричав закличку, смотрели, куда полетит букашка: если вверх – погода будет хорошей, вниз – дождливой (ШЭС, 163).

Вероятно, на втором месте по популярности у сельских ребятишек находится улитка, которой посвящена закличка с призывом выглянуть из своего домика, произведение произносится нараспев или речитативом:

Улитка, улитка,
Высуни рога!
Дам тебе я хлеба,
Кусок пирога!⁶
(с. Озёрки Сараевского р-на).

В д. Богослов и с. Польное Ялтуново Шацкого р-на, когда дети находили улитку, говорили: «Улитка, улитка, высуну рога, я те дам пирога!» (ШЭС, 163).

Существуют и заклички, которые дети произносили при игре с растениями. Так, на конце толстого стебля одуванчика дети образовывали «кудри»: расщепив кончик, брали стебель в рот и, упираясь языком в раздвоенный конец, закручивали его. В Шацком р-не во время такой игры дети несколько раз приговаривали: «Баба, баба, завей кудри, будишь барыний хадить» (с. Польное Ялтуново); «Завей, завей кудри!» (с. Демидово – ШЭС, 163). В д. Богословка Шацкого р-на сообщили закличку и рассказали о результате завивания одуванчика детьми: «“Завей кудри, завей кудри, ныне праздник, завтра будни!” Он, значить, завьёцца калясачками. Другой вынить: “Э, он тибя ни паслухалси!”» (ШЭС, 163).

Большую группу закличек составляют произведения, адресованные дождю, с просьбой: 1) пойти сильнее (с зачинами «Дождик-дождик, пуще...», «Дождик-дождик, посильней...»); 2) перестать (с зачином «Дождик-дождик, перестань...»). Такие произведения имеют разные версии сюжетов и широко распространены на Рязанщине и по всей России.

Жительница с. Кузьминское (уроженка с. Аксёново) Рыбновского р-на привела закличку маленьких детей во время дождя, с которой они обращались с просьбой к дождю пойти почаше:

Дошь, дошь, посильней,
Разгони моих гусей!
Мои гуси дома,
Не боятся грома!⁷

Пример заклички о дожде, с помощью которой ребенок просит его перестать литься, А. И. Осипов поместил в повести «Я люблю Кольку», причем привел только два начальных стиха (зато с упоминанием Рязани вместо непонятной «Еристан»), используя их для создания ощущения достоверного ужаса, охватившего ребенка при ночной грозе на лугу:

«У меня начинают стучать зубы, и я с перерывами шепчу ребячью молитву:

Дождик, дождик, перестань:
Я поеду во Рязань...»⁸

М. В. Бабкин записал в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов более-менее полный местный вариант заклички о дожде:

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду во Рязань,
Богу молиться,
Кресту поклониться.
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота

Крючком, сучком,
Серебряным пяточком⁹.

Собиратель снабдил произведение примечанием: «Обычно эту песенку ребяташки пели во время дождя, подпрыгивая на одной ножке и старая<сь> смотреть в небо»¹⁰.

Эта закличка благополучно дождалась наших дней. Похожий вариант заклички записан нами в 2005 г. в с. Кузьминское Рыбновского р-на:

«Дождик-дождик, перестань,
Я уеду во Рязань,
Богу молиться,
Христу поклониться!

А вот дальше что-то я забыла.

Я у Бога сирота,
Открываю ворота... –

всё забыли. Сколько было прибауток – всё пели. Всё пели и всё забыли»¹¹.

Множество вариантов закличек о дожде содержится в словаре «Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь» И. А. Морозова, И. С. Слепцовой (Кызласовой), Н. Н. Гиляровой, Л. Н. Чижиковой (2001) (ШЭС, 162-163).

¹ Записи автора. Тетр. 1. № 61 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., жила в эвакуации в 1941-1942 гг. в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

² Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 17.

³ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 492-500.

⁴ Записи автора. Тетр. 1. № 65 – Самоделова А.М., 1929 г. р., жила в эвакуации в 1941-1942 гг. в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

⁵ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 77 – Алипова Зинаида Егоровна, 1938 г. р., родом из д. Аксёново Рыбновского р-на, живет в с. Кузьминское того же района, 03.08.2005.

⁶ Записи автора. Тетр. 1. № 66 – Самоделова А.М., 1929 г. р., жила в эвакуации в 1941-1942 гг. в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

⁷ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 76 – Алипова З.Е., 1938 г. р., родом из д. Аксёново, живет в с. Кузьминское Рыбновского р-на, 03.08.2005.

⁸ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 52.

⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 28(19)-29(20) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

¹⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 29(20) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹¹ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 77 – Алипова З.Е., 1938 г. р., родом из д. Аксёново, живет в с. Кузьминское Рыбновского р-на, 03.08.2005.

Глава 47.

Угрозы взрослых и жанр страшилки

Жанр страшилок, относясь к детскому фольклору, генетически восходит к угрозам взрослых, адресованным детям. Запугивание детей является народным педагогическим приемом, нацеленным на воспитание послушного ребенка. В д. Деулино Рязанского р-на бытует диалектный глагол «отрастѣть», то есть ‘запугать, испугать’: «И ч’орт ыйо н’и атрас’т’ѣт’, их рууѣиш, рууѣиш, ан’ѣ с’о рнѣ идѣт’ [про соседей]. Какѣй ч’орт атрас’т’ѣт’ ийѣ» (ССРНГ, 380).

В с. Озёрки Сараевского р-на в подобных случаях говорят – «дать острастку»¹, то есть устроить нагоняй человеку (обычно ребенку) за какой-то проступок, запугать его резкими словами, отругать.

Известно, по крайней мере, шесть типов персонажей, которыми пугали ребятишек: 1) вроде бы обычные люди, но обладающие устрашающей внешностью, пограничным со смертью возрастом или имеющие какие-то опасные атрибуты; 2) люди, принадлежащие к иной социальной страте и потому чуждые крестьянскому обществу; 3) особенные люди, получившие вредоносные способности от общения с нечистью; 4) страшные лесные звери-хищники; 5) духи дома и хозяйственных построек, духи природы и иные мифологические персонажи; 6) сказочные персонажи.

Опасные действия, угрожающие жизни и здоровью ребенка, «пугатели» совершают в следующих хронологических рамках: 1) всегда, когда малыш капризничает, не слушается взрослых; 2) когда нарушает семейные устои или общественные предписания; 3) ночью или в полдень, то есть в опасное, так называемое «пограничное время»; 4) в конкретные календарные праздники, посвященные духам природы. Народ считает, что, ограниченные временем суток, конкретным календарным днем или сезоном года (см. пункты 3 и 4), вредоносные поступки производят духи природы и пособники нечисти. Неограниченные во времени угрожающие действия способны нанести страшные люди, пособники нечисти и сказочные герои-антагонисты.

Соответственно, все запреты, связанные с четырьмя типами вредителей (то есть с людьми, зверями-хищниками, духами и сказочными персонажами), бывали двух видов: 1) не приуроченные ни к какому времени; 2) приуроченные к определенному времени.

Пример первого типа, вызванный плохим, с точки зрения взрослых, поведением ребенка – его плачем, и обусловленный стремлением старших вернуть малютку в спокойное состояние с помощью запугивания образом вроде бы обычного человека, но с особой емкостью для сбора детишек и утаскивания их: «Когда дети плачут, то бабушки им говорят: “Не плачь, а то по деревне мужик ходит с мешком и всех маленьких, кто орѣт, собирает, хватает и сажает в мешок. И идѣт дальше. Одного мальчика уже посадил в мешок и утащил”. И малыши перестают плакать»² (с. Озёрки Сараевского р-на).

В с. Кулики Шацкого р-на детей, противящихся укладыванию спать, пугали неким персонажем, сконструированным из домового и мужика с мешком (иначе говоря, такой домовой напоминает мужика с мешком для утаскивания детишек, что в принципе не свойственно духу дома). Показательно, что взрослый, пугающий ребенка, не просто придумывал страшную историю (совмещенную с быличкой о домашнем духе), но и разыгрывал ее, изображая якобы свою беседу с пришедшим фантастическим персонажем: «Эта дамавым-та: “А вас вон дамавой щяс – с мишком ходить – щяс в мишок!” Мы прытаились. А асобинна вот када укладывают спать. Ани жы ни спятъ. Гыварятъ: “Спи, а то дамавой придѣтъ!” Да. А сами-ты пыстучать рукой: “Ни хади, ни хади! Ана спать лягла! Суды ни хади, ни хади!”» (ШЭС, 95).

Подобное родительское запугивание, совмещающее «устрашителей» разных категорий – сказочных персонажей и страшных людей – записала Л. М. Ивлева в 1986 г. в с. Княжое Кораблинского р-на: «Детей пугали: Баба Яга костяная нога тебя унесёт, старик забереёт»³.

В с. Секирино Скопинского р-на в том же 1986 г. Л. М. Ивлева зафиксировала двух персонажей, причем один действует в конкретном локусе: «Детей стращали: 1) бирюк вóзьме, 2) чёртушка в колодезе – не ходи туда»⁴.

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969) отмечено значение слова «бирюк» как «фантастическое существо, которым пугают детей» (ССРНГ, 55). Жители д. Деулино запугивали маленьких ребятшек: «Мáл'ин'к'их пууáйт': вон б'ир'úk»; «Ш'ш'а вон т'иб'ё б'ир'úk зьб'ир'ót'»; «С'ид'ú, с'ид'ú, там б'ир'úk, н'и хад'ú!» (ССРНГ, 55).

Также в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» значится Букáн – еще одно мифологическое существо, которым пугают малышей: «В'út'а, н'а трош, там букáн! <...> Так, пууáим их» (ССРНГ, 69) (сравните: Бúка в колыбельных песнях). Наименование Букáн в таком же значении «сказочного страшилища, которым пугают детей», зафиксировано в соседних Владимирской и Тверской обл., а также в Барнауле, куда оно могло попасть с переселенцами (СРНГ, вып. 3, с. 262). На Урале такой мифический персонаж, обычно живущий в конюшне, на сеновале или в подполье, зовется Буканáй, Буканáйко, а в Калужской и Пермской обл. – Букáнка / Букáнко и Буканáюшко (СРНГ, вып. 3, с. 262-263). Возможно, в прообразе этого таинственного существа находится насекомое – букарáшка, букáрица и т.п., поскольку возможен семантический перенос: как в насекомом (обычно в бабочке, мотыльке) воплощается отлетевшая от умершего человека душа, так и насекомообразный летучий дух (условно говоря) проживает в хозяйственных строениях на крестьянском подворье.

В с. Котелино Кадомского р-на пугали мифическим существом, живущим в лесу и имеющим имя: «“В лесу Маканька живёт: не ходи в лес, а то Маканька с'ест”, – [пугали детей]»⁵. Этот персонаж относится к чрезвычайно редким, его происхождение и ареал обитания еще предстоит установить.

В пос. Дарьино Кадомского р-на в 1987 г. Л. М. Ивлева записала запугивание старшими детишками нечистой силой, которая орудует в разных природных и сельскохозяйственных средах: «Вёржинками да вопúлками пужали детей [чтобы в лес, в поле не ходили]. “Кряке ня ходите, а то там потонете”»⁶.

А. А. Есенина, младшая сестра поэта Сергея Есенина, вспоминала о том, что в с. Константиново Рязанского у. в сильную жару тонули дети в реке Ока: «Ребятишки толпами отправляются на речку купаться и барахтаются в воде до тех пор, пока не посинеют. В такие горячие дни на реке часто тонут»⁷. Так что родительские средства запугивания детей и запреты посещать опасные места, особенно в неурочное время, являлись оправданными.

В д. Деулино Рязанского р-на (и на более широкой территории) в речи взрослых часто фигурирует игрёц – некий мифологический персонаж, который, вероятно, способен вызывать физическое увечье, покалечить человека, поскольку встречается только в устойчивых угрожающих выражениях-пожеланиях с бранным оттенком: «игрёц тебя (его, вас) изломáй (разломáй, избёй, возьмú)» и «игрёц с тобóй (с ним, с вами)» (ССРНГ, 204). Вот характерные примеры угроз с призывом к игроцу: «Дымók [прозвище маленького мальчика] нъ пр'ис'áтк'и хóч'ит', пл'асáт', ой, иур'ёц т'а ваз'м'ú, үд'е ты в'идáл?»; «Ах, иур'ёц вас из'б'ёй!» (на детей) (ССРНГ, 204). В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» выражение «игрёц с тобóй» объясняется как 'пусть так, ладно', но семантический оттенок призыва опасного мифологического персонажа остается – это видно из речевых примеров: «Сад'ús', йеш! – Н'а хóч'у! – Н'а хóч'иш, иур'ёц с тобóй!» (ССРНГ, 204-205).

Фразой, структурно похожей на «игрѣц тебя изломай», но с другим мифологическим персонажем, пугали маленьких детей в с. Озѣрки Сараевского р-на – об этом рассказала москвичка, которую перед поступлением в школу отвезли на лето к бабушке в конце 1930-х годов:

«Говорили: “Вот тебе домовой-то даст!” А тѣтя Апросѣнья говорила: “Домовой тебя сломай!” Это когда Сашка или Кузьма где-нибудь набедокурили, или смеялись, или делали назло, она говорила: “А, сломай тебя домовой!” Она говорила: “Сломай тебя домовой!” Вот так говорила. А я думала: как же так – “сломай тебя домовой”? Я всегда задумывалась! Думала: домовой? Ну, я слышала, что домовой есть, и “сломай?” Значит, он его ломает?»⁸.

Но не во всех семьях было принято ругать детей, причем используя для их устрашения образы мифических персонажей. Дочь выходцев из с. Озѣрки Сараевского р-на, которые стали жить в Москве с середины 1920-х годов, удивлялась, впервые услышав ругань и запугивание детей в селе от некоторых своих старших родственников:

«(А ты, значит, удивлялась, как можно детей своих так ругать? – Е.С.) Да. Я думала: как же так, это же еѣ дети, а она так говорит! А вдруг сломает этот домовой? Вдруг там что-нибудь?.. (А бабушка так не говорила? – Е.С.) Бабушка Акулина – нет, никогда не говорила! Она никаких плохих слов не говорила! Она даже останавливала, или, в общем-то, при ней даже, мне кажется, не ругались так, не говорили. Это уже без бабушки я слышала от тѣти Апросѣньи»⁹.

В помещичьем селе Константиново Рязанского у. в начале XX века дети запугивали друг друга указанием на появление вполне реального персонажа – грозного помещика И. П. Кулакова, который как бы охранял собственную усадьбу, но на самом деле в тот момент не показывался на запретной территории:

«Высокие ворота и калитка редко открывались, а бревна высокого забора так плотно прилегали друг к другу, что трудно было найти щелочку для глаза. Из мальчишек иногда находился смельчак, который залезал на этот забор, но стоило кому-либо крикнуть: “Кулак, Кулак, лови, лови”, как храбрец кубарем скатывался вниз. Лишь одно упоминание имени прежнего владельца – Кулакова – оказывало магическое действие еще долгие годы после его смерти»¹⁰.

А. М. Самоделова рассказала показательную историю о том, как ее супруг-москвич, чьи предки были выходцами из с. Бахметьево и с. Озѣрки Сараевского р-на, припугнул соседского сынишку, когда тот захотел подраться с его маленькой дочерью. Народная педагогика воспитания детей – с угрозой применить гораздо бѳльшую силу, чтобы нейтрализовать силовые приемы ребенка – всегда оказывалась действенной. Как и в этом случае:

«Мы только что приехали в военный городок в Прилуки на Украине, нас там никто не знал, а соседский мальчишка толкнул тебя <малышку-дочь>: он ведь всех знает, а ты новенькая! Потом толкнул второй раз. Это увидел папа и строго сказал ему: “Если ты ещѣ раз тронешь Леночку, я возьму тебя за ноги и брошу на крышу”. Алѣшка посмотрел на трёхэтажный дом, оценил его высоту, и больше не стал к тебе приставать. А я удивилась, что папа так сказал»¹¹.

В этом сообщении интересен еще один момент: толкание мальчиком девочки – как способ обратить на себя внимание и таким образом познакомиться.

Приведем пример второго типа запретов, которыми запугивали ребенка, указывая на якобы возможное действие страшного персонажа. В с. Рождество Лесное Рязанского р-на

подросших девочек родители пугали пособниками нечистой силы, чтобы они не ходили в позднее время:

- «Мама скажет. Я у соседей сию. В сених темно.
– Настька, сейчас ты пойдёшь, тебя с потолка кошёлкой накроет!
– А кто?
– Ведьма!»¹²

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «пугатель» (условно говоря) часто снабжен обязательным атрибутом – мешком, кошёлкой и др., то есть теми предметами большого размера, которые могут вместить в себя ребенка или хотя бы накрыть его, лишить обзора и ограничить в действиях. Поэтому такой «пугатель» может трактоваться еще и как «утаскиватель» (мужик с мешком, ведьма с кошёлкой и т.п.).

Запретным временем считалась не только ночь (особенно полночь), но и полдень: к нему приписывалось вредоносное действие особого духа, который принадлежал к этому времени суток, маркировал середину дня. Вероятно, полдневный дух мог воздействовать на человека с помощью солнечного удара. В с. Рождество Лесное Рязанского р-на родители пугали дочерей:

- «– Девки, не ходите в обед в лес – *полдневой* там, в белом, волосы распущены!
Мы пошли, а там ржи. Кто-то в белом. И ни *шутá* ведь не было! Босяком – не чувствовали, до речки добежали!»¹³.

Этнограф Н. И. Лебедева в 1923 г. в с. Лом Касимовского у. записала поверье о полуденном духе, опасном для детей: «Есть сказки о “полдниках”, которые щекочут маленьких детей <...>»¹⁴.

Теперь приведем пример условного пятого типа запретов, связанных с персонажами – с возможным вредоносным действием духов природы, которые способны действовать только в отведенное им календарное время. К таким персонажам на Рязанщине относятся русалки, имеющие собственный праздник (даты его проведения расходятся в разных локальных традициях). В д. Татаркино, д. Лукино и с. Лучинск Старожиловского р-на бытовало поверье о русалках, находившихся под прикрытием нечистой силы; оно объясняло запрет купаться до Троицы:

- «Русальское заювление перед Троицей – наряженные ходили, в русалку наряжались, чтоб никто не узнал. Лицо красить. Черти мясом заювляются, поэтому если пойдёшь на Русалку купаться – утонешь. Старые люди уоворили» (с. Лучинск Старожиловского р-на)¹⁵.

В этом сообщении важна ссылка на «старых людей», то есть на старинное установление, на довод проверки временем. Образ «старых людей» (старцев и предков одновременно) особенно убедителен для детей, ощущающих наибольшую разницу в возрасте между поколениями и верящих в мудрость патриархов.

В д. Ершово, д. Муняково, с. Столпцы Старожиловского р-на бытовало подобное поверье, чуть отодвинутое по времени к лету:

- «После Троицы Русалка была. Нарядятся и по улице пляшут, идуть с лохмотками: “Купаться на реку не ходите – русалка закружить”. И правда, утопают на этот день. Река Проня рядом, недалеко. В Столпцах мальчик уодов 50 назад утоп. В воскресенье после Троицы – Русальское заювление называлось»¹⁶.

В с. Федяево Шацкого р-на тоже пугали ребятишек русалкой, но этот персонаж, по мнению жителей данного села, не был связан с рекой и другими водоемами:

«“Русалкай” пугали. Я сама лична сваих рибитишких пугала, пытаму, шо ани ни слушылись миня. Если он миня ни слушыицца: лажыцца яму нада атдыхать в абед, он ни лажыцца. Ага. “Ляжышь?” – “Нет!” – “Пачяму?” – “Ни хачю!” – “Ни хочишь, щяс я паза-ву!” – “Каво?” – “Русалку!” А он у миня-т спрашываить: “Какая ана, русалка?” Я: “Страш-ная! Очинь страшныя! Касматыя, лахматыя, нос бальшой, грудь здравуция...” Он тада, гли-дишь, лажыцца начинаить. Эта мой брат упакойник, он был такой калгатной! И вот так вот яво-т эта...» (ШЭС, 95).

Наоборот, в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг. пугали ребятишек русалка-ми, связывая их с водой и, очевидно, отталкиваясь от литературных произведений, связан-ных с западно-европейской фольклорной традицией:

«Про русалок они говорили, что не ходи купаться далеко, потому что там русалки живут в воде! Они могут это утопить! Они могут защекотать в воде - и человек падает и, в общем, погибает. Вот что в воде может остаться человек: они защекочут до смерти! Они ще-кочут так, что человек уже сам, в общем, плохо себя чувствует. Вот. Рассказывали, что ру-салки, да, могут защекотать»¹⁷.

Более того, в с. Озёрки Сараевского р-на к образу водяной русалки «пристраивали» персонифицированный образ «вёржицы» (то есть состояния помутненного разума, когда «вёржится», чудится, мерещится что-то необычное и непостижимое; также см. выше):

«И вёржицы тоже, говорили. Что вёржицы щекочут, и что там только ни придумают! Наверно, кому что в голову придёт! А в общем, я не знаю. И дети боялись. Боялись в воде долго быть, потому что как же: там может русалка появиться»¹⁸.

В с. Новочернеево Шацкого р-на после Ильина дня детей пугали «восьминогим», в которого мог быть преобразован осьминог, увиденный кем-то в одном из южных морей и переосмысленный в подобие водяного – типичного духа водной стихии на Рязанщине: «Ани нас пугали васьминог им каким-та. “Ни хадитя, типерь васьминог ий плаваить! Забиреть нагами вот тах-т вот и утащить”. Васьминог им нас эт всяг да пугали...» (ШЭС, 193).

А. А. Есенина, младшая сестра поэта Сергея Есенина, в советское время удивлялась тому разрыву, который наблюдался между воспитательной ролью быличек о нечистых ду-хах и колдунах и неверием в них матери:

«И как-то непонятно, зачем нашей матери нужно было запугивать нас нечистой си-лой. Вероятно, по традиции, так как сама она не боялась ни чертей, ни колдунов, ни даже во-ров, которые в те времена очень часто забирались в дома и грабили. Живя одна с маленьки-ми детьми, слышав ночью подозрительные шорохи в сенях или на чердаке, вставала с по-стели, зажигала керосиновую лампу и выходила проверить, нет ли там кого-либо.

Как-то раз я спросила ее: “Как ты не боишься лезть на чердак, ведь тебя могут уда-рить по голове и убить”. Она, улыбаясь, ответила: “Меня нельзя убить, я с лампой. Будет пожар”»¹⁹.

А. А. Есенина привела в своей книге воспоминаний рассказ матери о храбрости сына Сергея, который собственным смелым поступком в детстве решил опровергнуть «правди-вость» быличек о колдунах в с. Константиново Рязанского у.:

«Мать говорила: “Не приведи Бог в полночь оказаться на перекрестке дорог, в это время они все с распущенными волосами, в длинных белых рубашках собираются и пляшут на перекрестках и, если попадешься, защекочут насмерть. Ночью, подходя к перекрестку,

читай молитву: “Да воскреснет Бог и расточатся врази его”. Тогда ни одна колдунья тебя не тронет. Боятся они этой молитвы”.

Сергей этим сказкам, конечно, не верил, и мама рассказывала, как однажды, будучи еще совсем молодым, он захотел доказать ей, что никаких колдунов нет. Летним вечером он надел ее поддевку и отправился ночевать к соседскому амбару. У этого амбара скрещивались дороги: одна, ведущая вдоль села, и другая – от церкви к Алексеевке (Алексеевка – это поселок за Селом, через который проходила дорога к кладбищу). Мама уговаривала его не ходить на такое страшное дело, но никакие уговоры не помогли. А утром, на заре, когда бабы шли к коровам, он прозябший, улыбающийся и невредимый вернулся домой»²⁰.

Наблюдая за педагогическими приемами взрослых, применявших слова устрашения в отношении малолеток, старшие дети стали пользоваться страшилками (страшными историями) как развернутым повествовательным жанром, который оказывался наиболее действенным преимущественно в ночную пору. Вот воспоминание очевидца (точнее, очевидицы) о том, как он воспринимал страшилку, будучи маленьким ребенком:

«Вот сидели мы перед домом Тони Персиковой – девочки, нам было по 11 с половиной лет. А ей было 13 – на два года старше, почти 14 лет. <...> И вот Тоня Персикова много всего рассказывала, а под конец, как расходиться, она рассказала: “Сидят все дома. В избе темно, и там собрались дети. И женщина им что-то рассказывала. А потом подошла к стулу, а там сидел человек – на стуле. Она подошла к стулу, дотронулась до головы – голова упала и покатила по полу”. Все испугались, а одна девочка спрашивает: “А кто это сделал, что у него голова оторвалась и покатила?” И она громко отвечает: “Мать твоя!” Все пугаются и потом, притихшие, расходятся домой»²¹.

Это запись страшилки, сделанная в 2000 году. Повторная запись была сделана от той же исполнительницы в 2015 г., и фольклорный текст имеет уже несколько иной сюжет, на первый план выступают личные психологические переживания, уточнение насчет манеры рассказывания страшилки на пару, вдвоем (главной рассказчицей и по договору с ней – ее помощницей) и принятое девочкой решение больше не ходить на вечерние посиделки:

«Нет, сказки – это когда мы сидели, одни девчонки, и вот я помню, я не слушала таких сказок. И говорит... И вот это рассказывала девушка, которая старше меня года, наверное, на три. Года, наверное, на три, а может, на четыре. Вот она сидела, мы сидели возле её дома, когда мы жили в бабушки Авдотьиной избе. Вот. То там собрались Тонька Волчкова, Валька Волчкова. Тонька – мне ровесница, Валька – на год моложе, <19>30-го года. Я, не знаю – тётя Валя <младшая сестра> там была или нет наша. Может, была, а может – нет. Нет, точно не знаю. Вот. Потом Катька Андреевна, Нинка Матвевна, кто-то ещё, наверно – человек шесть или семь было. И вот эта Тоня Персикова. <...> И я не знаю даже точно, как их фамилия. А они вроде ещё какие-то дальние наши родственники по дедушкиной <отцовской> стороне. Вот. А...

И Тоня эта рассказывала, что: “Ну вот, и эта девочка шла-шла...” Ну, там чего-то она рассказывала про девочку: она шла в лесу, и вдруг она... Нет, сидели они дома: вроде она уже сидела дома, пришла домой. Сидит, а возле них там какая-то женщина была и смотрит – у неё, м-мм... “Она открывает, а у неё...” Это вообще ужас! Это мне было – четвёртый класс я окончила! Ну, москвичи-то таких сказок не слушали! “Она открывает ногу – а она без ноги, и там кровь! И у неё спрашивает...” А кто сидел там, у неё спрашивает: “Это кто тебя так?” – “Мать твоя!” И она, значит, бросается, эта Тоня, на кого-нибудь: “Мать твоя!”

И вот так <показывает движение испуга>, конечно, вздрагиваешь, вспрыгиваешь! Она, по-моему, в мою сторону! Или рядом со мной! А я вздрогнула! Потому что девки деревенские – они привыкли, я одна там была москвичка-то. И вот говорят: “Мать твоя!” Ой!

Я потом больше, думаю: всё, больше я не пойду слушать её сказки! А девчонки собирались и слушали. Она рассказывала вот такие вот сказки. А всё-таки мне было сколько? 11 с половиной лет. И главное, что рассказывала тихо-тихо, а потом, значит – и вот одна со-

седка спрашивает: “Ах, это кто ж тебя?” И эта Тоня бросается: “Мать твоя!” То есть вот эта вот спрашивает – она: “Мать твоя!” И она бросилась вот туда.

Или кто-то возле меня спросил, вот, а она вот так. Но они уже знают, как рассказывать эти сказки, а я-то первый раз! Они, наверно, решили меня напугать? (То есть она ей подыгрывала специально, да? – Е.С.) Да-да! Она говорит: “Кто это тебя?” – “Мать твоя!” Ах, я так испугалась! Как, это её мать? Как-то до меня тогда доходило всё: ой, какой ужас! Почему же это так? Вот. А, ну это сказка! Потом думаю: нет, всё, я послушала одну такую сказку – и ушла домой. Больше не стала слушать! Всё, больше не стала ходить туда, к ней!»²².

Третья запись данного сюжета страшилки, произведенная в 2017 г. от той же исполнительницы, показывает сильнейшую трансформацию текста, вызванную угасанием памяти о произведении, исчезновением событийной конкретики. Однако утрата ядра сюжета вызвала процесс «обрастания» основного содержания второстепенными подробностями, выступившими на передний план. Главное назначение таких дополнительных деталей – заполнить смысловые пропуски, чтобы сохранить привычный объем произведения и его жанровую стилистику. Вот эта запись:

«В Озёрках на Зинóчьей слободе жила Тоня Персикóва (фамилия Трушечкина, может быть), её отец рассказывал всё время: “Когда я был в Персии...” Девочки в 8 часов <вечера>, уже стемнеет, собирались у её дома. И вот Тоня рассказывала, как ночью шла женщина, кто-то схватил её, начал кусать. Какая-то девочка спросила: “Кто это был?” А Тоня наклонилась к ней и громко крикнула: “Мать твоя!” Та девочка отшатнулась, а я вздрогнула, испугалась и решила, что больше не буду ходить на улицу, а то уже в первый раз напугали. Потом спросила у девочек: “А почему Тоня ответила – мать твоя?” – “Она сказала бы любой девочке тоже самое, какая бы спросила её”. Тоня уже не училась в школе»²³.

Фольклорист прочитал первую запись исполнительнице и задал вопрос о том, какой вариант из двух (первой и третьей, без учета второй записи) более точный? Рассказчица ответила, что первый, что время стирает подробности воспоминаний.

Тем не менее заметим, что подобная динамика текста – со смещением конкретики кровавых описаний, но с неизменным смыслом утраты части тела главной героини и со стабильной дословной концовкой-возгласом – может объясняться и поэтикой жанра страшилки, исходить из ее жанровых закономерностей.

Конечно, нельзя делать какие-либо серьезные выводы из единичного факта, когда рассказчица лишь единожды слышала данный сюжет страшилки. Однако известны подобные случаи, когда другие исполнительницы также вспоминают только общую сюжетную канву, без каких-либо подробностей.

Поэтому можно предполагать, что в некоторых сюжетах страшилок имеются две составные части – стабильная и импровизационная. Именно наличие импровизационной составляющей позволяет исполнительнице, нетвердо знающей сюжет и не заинтересованной в его выучивании, вести сюжетную линию произвольно и вместе с тем логично, подставляя в «ужасную схему» любой подходящий к случаю кровавый эпизод. При этом чрезвычайно важно сохранить в неизменном виде концовку, которая, собственно, и определяет весь смысл страшилки.

В жанре страшилок антагонист часто имеет обличье устрашающего родителя и смотрится как выходец из потустороннего мира. Между тем родители запрещали детям «ругаться по-чёрному», то есть с употреблением слова «чёрт». «Нехорошо черкаться-то!»²⁴ – говорила в 1941-1942 гг. Бузина Екатерина Ивановна, 1908 г. р., в с. Озёрки Сараевского р-на.

В с. Кузьминское Рыбновского р-на в девичьей «анкете», принадлежащей только что вышедшей замуж девушке, в 2005 г. обнаружили «страшилки», что показывает еще одну сферу бытования этого жанра – в детских рукописях. Одна страшилка короткая, напоминающая анекдот – по диалоговой форме, лаконичности и неожиданности поворота сюжета:

«Во дворе гуляет лысая девочка с бантиками. Один прохожий мужчина спрашивает девочку:

– Девочка, как у тебя бантики держатся?

А девочка отвечает:

– Как прибили, так и держатся»²⁵.

Вторая страшилка более пространная, с троекратными повторами в виде двух тематически-мотивных циклов, а третий цикл обрывается в самом начале, и таким образом создается ожидаемая и все-таки неожиданная концовка; произведение изложено от первого лица и построено на монологе, хотя начинается с диалога. Тема данной страшилки – про мертвецов, ее зачин – «Встречаются два мертвеца»: все это напоминает жанр анекдота. Возможно, это промежуточная форма – от анекдота к страшилке. Приведем текст – с сохранением исходной пунктуации в рукописи девочки-подростка, без членения на смысловые абзацы:

«Встречаются два мертвеца. Один другого спрашивает, как ты сюда попал. Ну, тот стал рассказывать. – Еду я однажды, а навстречу мне три дороги. Я по средней. Еду дальше. Гляжу, три тропинки, ну, я по средней. Опять еду, смотрю – дыра, ну я туда: У. И оттуда мне У, я опять У, а оттуда заяц выбегает. Ну, еду дальше, смотрю, опять дыра, ну, я туда У, оттуда мне У, я опять У, а оттуда лиса выбегает. Еду дальше, навстречу опять дыра, ну я в неё У, мне оттуда У, я опять У, а оттуда волк выбегает. Еду дальше, смотрю, такая большущая дыра, ну, я туда – опять У, оттуда мне У, я опять У, а оттуда поезд выезжает»²⁶.

По сравнению с другими жанрами детского фольклора, страшилки в Рязанской обл. фиксировались фольклористами в устной передаче ребятишек или взрослых людей и обнаруживались в записях подростков в очень незначительном количестве, в гораздо меньшем, чем остальные устно-поэтические произведения детей. Записи страшилок в Рязанской губ. пока вообще не найдены. Малочисленность фиксаций страшилок и их сравнительно позднее обнаружение учеными не свидетельствует о позднем или даже совсем недавнем происхождении жанра. Можно сказать, что страшилки по сути принадлежат сразу к двум жанровым системам – к детскому фольклору и к сказочной прозе. Более вероятно, что принадлежность к фольклорной прозе (чья форма часто бывает диффузной, не четко очерченной, без определенной формульности) обусловила трудность вычленения страшилок из общего потока детской речи. К тому же содержание страшилок не претендует на хорошее запоминание и часто улетучивается из памяти подросших детей и, тем более, взрослых. А именно от взрослых и особенно пожилых людей, прекрасно помнящих местную фольклорную традицию, фольклористы, как правило, записывают основной репертуар селения.

Вероятно, страшилки не передаются от бабушек-дедушек и родителей к детям, а курсируют исключительно в детской среде, хотя и разновозрастной. Очевидно, в настоящее время страшилки более типичны для городских детей, нежели для деревенских (хотя одна рассказчица утверждает обратное – что впервые услышала произведение в селе, а не в Москве в 1940-е годы); у сельских ребятишек для преодоления необоснованного страха служат персонажи близкого жанра – былички, и этот раздел сказочной прозы имеет уходящую в столетия и тысячелетия историю, восходит к мифологии.

Безусловно, всем собирателям рязанского фольклора необходимо продолжить записывать страшилки, чтобы понять, насколько продуктивным является этот жанр детского фольклора, получает ли он развитие в настоящее время или является затухающим, подчиняется ли книжному влиянию (особенно проникновению в устное бытование известных сборников с литературными страшилками Э. Н. Успенского).

- ¹ Записи автора от Самоделовой Анны Михайловны, 1929 г. р., слышавшей от родителей, родом из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 08.07.2017.
- ² Записи автора. Тетр. 13. № 98 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 29.06.2000.
- ³ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой /Сост., подг. текстов и справ. аппарат В. Д. Кен. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. (Ethnographica Petropolitana). С. 99.
- ⁴ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой. С. 106.
- ⁵ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой. С. 118.
- ⁶ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой. С. 111.
- ⁷ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 43.
- ⁸ Записи автора. Видеофайл MVI_3245.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., в конце 1930-х гг. отдыхала у бабушки в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.
- ⁹ Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., в конце 1930-х гг. отдыхала у бабушки в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.
- ¹⁰ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 9.
- ¹¹ Записи автора. Ежедневник зеленый 2013 г., под 12 июля – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 11.06.2016.
- ¹² Записи автора. Тетр. 7. № 273 – Пименова Анастасия Ивановна, 73 г., с. Рождество Лесное Рязанского р-на, 12.06.1991.
- ¹³ Записи автора. Тетр. 7. № 273 – Синельщикова Антонина Ивановна, 1908 г. р.; Пименова Анастасия Ивановна, 73 г.; Соварцева Людмила Ивановна, 1941 г. р. (дочь Синельщиковой А.И.), с. Рождество Лесное Рязанского р-на, 12.06.1991.
- ¹⁴ Лебедева Н.И. Духовная культура рязанских крестьян: Полевые материалы Н. И. Лебедевой 1923-1965 годов /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1994. № 6. С. 13.
- ¹⁵ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 139 – Самохина Пелагея Гавриловна, 74 г., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.
- ¹⁶ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 156 – Агапкина Евдокия Ильинична, 1912 г. р., род. в д. Ершово, с 1933 г. живет в д. Муняково Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 17.08.1994.
- ¹⁷ Записи автора. Видеофайл MVI_3256.mov, расшифровка mother-file3241.txt – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг., г. Москва, 07.02.2015.
- ¹⁸ Записи автора. Видеофайл MVI_3256.mov, расшифровка mother-file3241.txt – Самоделова А.М., 1929 г. р., слышала в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг., г. Москва, 07.02.2015.
- ¹⁹ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 53.
- ²⁰ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 52-53.
- ²¹ Записи автора. Тетр. 13. № 99 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на в 1941-1942 гг., г. Москва, 29.06.2000.
- ²² Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., была в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на в 1941-1942 гг., г. Москва, 07.02.2015.
- ²³ Записи автора. Ежедневник зеленый 2013 г., под 27 октября – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 18.03.2017.
- ²⁴ Записи автора. Ежедневник зеленый 2013 г., под 1 мая – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва 06.01.2016.
- ²⁵ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 23 – копия рукописной девичьей «анкеты» девушки из с. Кузьминское Рыбновского р-на, старшей дочери в многодетной семье, недавно вышедшей замуж в г. Рыбное, лето 2005 г.
- ²⁶ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 23 – копия рукописной девичьей «анкеты» девушки из с. Кузьминское Рыбновского р-на, старшей дочери в многодетной семье, недавно вышедшей замуж в г. Рыбное, лето 2005 г.

Глава 48.

Роль взрослых (старших) в организации игр детей
и подшучивание над младшими (слабыми)

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. указывал, что многочисленность детей в больших крестьянских семьях диктовала актуальность детских игр и иных уличных забав, содействовавших развитию ребенка и полезному времяпрепровождению подрастающего поколения: «Ребятишек было всегда много, в каждом доме было всегда 2-3 чел<овека>, и улица, как выражались ее обитатели, “день и ночь ќшмя кишела” ими»¹ (Пригородные слободы г. Михайлов).

Кто на протяжении человеческой истории придумывал и продолжает изобретать детские игры и забавы: дети или все-таки взрослые, которые заботятся об их воспитании и увеселении? Однозначного ответа нет и, вероятно, не будет.

Писатель Б. А. Можаяев, уроженец с. Пителино, в романе-эпопее «Мужики и бабы» приводит множество примеров, когда взрослые, которые еще не забыли детских забав, организуют подвижные игры для себя и детей, запускают игровую ситуацию и становятся заинтересованными зрителями, причем иногда одиночными. Такой зритель на правах старшего отпускает реплики-комментарии, подзадоривающие игроков или приглашающие зрителей превратиться в участников игры. Вот, например, как любил развлекаться паромщик Иван Веселый, придумывая очередную забаву с участием детей и глядя на их игровое поведение:

«На Богоявленском перевозе держали общественный паром. Перевозчик, Иван Веселый, бывший при нем с незапамятных времен, кажется, знал всякого проезжего и прохожего... Босой, распоясанный, в солдатской замызганной гимнастерке, он вьюном вертелся возле каждой подводы и кроме своего заслуженного пяточка с прохожего да гривенника с повозки мог ненароком прихватить горшок с воза, связку лаптей, а если возница разиня, то и кадку свистнет или мешок с овсом... Брал не задумываясь: нужно ему или нет. Брал смеха ради... Кадку пускал по воде, костер в ней раскладывал. Плывет по реке – дымит. А он орет с берега: “Пароход идет, пароход!” Ребята с лугов на поглядку сбегались. “Ну, пузо грецкое, – скажет пацану. – Раздавишь животом горшок – лапти дам”. Лапти, да еще в лугах, – штука важная. Кому не хочется так вот запросто получить лапти? Лягут ребятишки животами на горшки, надуваются до красноты и катаются по лугу. А Иван Веселый сидит в кругу и командует: “Эй ты, поросенок! Куда носом запахал? Сурно держи выше. Ну! А ты чего ногами сучишь? Это тебе не в постели у мамки брыкаться!”»².

«Сурно́» – это насмешливо-бранный синоним к «лицу», генетически восходящий к «морде животного» (кабана, лошади), встречается в Пензенской, Волгоградской обл. и Бурятии (ССРНГ, вып. 42, с. 279). Заметим, что Пензенская обл. граничит с Рязанской обл. как раз неподалеку от «малой родины» Можаяева – с. Пителино; однако в Рязанской губ. в 1847 г. зафиксирована форма «сурна» (без указания ударения), которая также отмечена в Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Курской, Новгородской, Челябинской обл. (ССРНГ, вып. 42, с. 278).

Взрослые организаторы потех, часто похожих на детские соревновательные игры, заслуживают уважение земляков: очевидно, из-за присущего им юмора и чувства справедливости, что подсознательно толкает их на незлобивое высмеивание всех тех людей, которые не способны жить легко и просто, претендуют на чужое имущество. Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» привел почти сказочную историю, в которой взрослый мужчина намеренно создал игровую ситуацию соперничества:

«Андрей Иванович теперь ехал с надеждой к Васе Белоногому – тот не любил Жадова. Вася был вор – забавник, артист, заводила и гуляка. Однажды в праздник на Дёминой мельнице он выиграл в карты у Жадова ту знаменитую шубу и тут же пустил ее на пропой. Мужиков много собралось. Трактирщик Огарев дал за нее три четверти водки и живого барана пригнал. Вася говорит: “Барана не трогать. Дарю его тому, кто внесет на мельницу враз два мешка ржи”. Перед мельницей подводы стояли. Федот, сын деда Вани, за живого барана пупок надорвать готов; подошел к саням, взвалил два мешка на хребтину, пошел враскорячку, в землю глядя... Дошел до помоста, ногу занес на ступеньку – и мешки разъехались. Смеются мужики: “Федот, ты их череседельником свяжи да сядь на них верхом! Авось въедешь”.

Вася поглядывает на Жадова, тот на него, и как-то утробно по-жеребьячи похохатывают. Вот Жадов подходит к саням, берет по мешку под мышки, как поросят, – и пошел, только ступеньки заскрипели. Бросил их к жернову, обернулся – красный весь: “Вот как носят мешки-то!” – “Нет, не так, – сказал Вася. Вразвалочку подошел к саням, сграбастал своими ручищами мешки за чуприну и понес их на весу, перед собой, как щенков. – Вот как их носят!”»³.

В другом месте романа-эпопеи Б. А. Можаев продемонстрировал забаву одного подростка, нацеленную над издевку над своим другом, не подозревавшим об этом. Получилась ситуация, когда играющие в карты мужики ночью послали парня за самогонкой, и тот в темноте услышал громкий приказ:

«– Стой, кто идет! – ринулся кто-то к нему из-за толстой придорожной ветлы. Федька увернулся было, но споткнулся о колесник и растянулся в дорожной пыли. Тарелка с грохотом отлетела в сторону.
– Подвинься, я ляжу! – хохотнул над ним голос Чувала.
– Осел вислоносый, сыч лупоглазый! Чтоб тебе кистенем ребра пересчитали, – ругался Федька, отряхиваясь от пыли.
– А я за тобой пошел... Гляжу – Маклак сам бежит навстречу. Я за ветлу... попужать хотел»⁴.

О том, что эта ситуация не вымышленная, а вполне правдивая, становится ясно из сопоставления ее с подобным событием, которое, не подумав хорошенько, создал другой мальчик для младшего брата и позднее с горечью раскаяния описал в мемуарах историк С. Д. Яхонтов:

«Второй брат – был мастер скакать. С ним я проделал такую штуку. Были “с лошадами” в лугах. Чем-то он меня раздосадовал. Я спрятался по дороге за бугорком. Он ехал мимо, я вдруг выскочил и крикнул. Лошади, он вел трех, шарахнулись, и он полетел на дорожку и больно ушибся. Я испугался и по возвращении домой спрятался в коровнике... Затем жалоба, а мне трепка. И поделом!»⁵ (с. Ухорь Пронского у.).

Уроженец с. Озёрки Сараевского р-на поведал такую историю, которую старший брат расценивал как забаву, а младший – как издевательство, случившееся в начале XX века:

«Младший брат вышел зимой из хаты, а старший возился с запором у амбара. Там висит железный большой замок. Старший брат предлагает младшему:
– Лизни замок! Знаешь, какой он вкусный!
Младший лизнул – кожа языка примёрзла к замку, и он её содрал. А старший смеётся:
– Ну как, вкусно?!»⁶.

Некоторые игры (или подобию игр) придумывали старшие и вовлекали в них младших или более слабых, часто не спрашивая их согласия и делая это насильственно. Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» описал своеобразную забаву мальчиков-подростков на посиделках, где они после поддразнивания девчат и их ответов-дразнилок решили сбросить их со скамьи:

«— Цыц, сороки! Ребята, айда сало из них жать.

— Только попробуйте...

Федька и Чувал подбегают к девчачьей скамейке и начинают плечом теснить, сдавливать всю эту сидячую шеренгу. Девчата цепляются за скамью, визжат, отчаянно сопротивляются. К ребятам подбегают еще на подмогу и начинают толкать враскачку.

— Раз-два, взяли! Еще взяли...

Наконец сбитые со скамейки девчата кубарем, как снопы друг на дружку, валятся наземь. Потом с криком, по-воробыному разлетаются во все стороны»⁷.

Взрослая внучка выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, которые задолго до рождения ее отца поселились в Москве (примерно в 1925-1926 гг.), рассказывала о том, как удивлялась, что ее папа умел ходить на руках. Уже будучи взрослым, солидным человеком, офицером Советской Армии, он приехал в Подмоскowie навестить дочь в пионерский лагерь и на виду у всех прошелся на руках, хотя ему было уже более сорока лет! Старшие дети (братья рассказчицы) такого за отцом не наблюдали: может быть, потому, что не отдыхали в пионерском лагере. Но они знали, что их отец в юности прекрасно играл в футбол! В их семье существует предание о том, как отец — тогда еще жених и студент Московского авиационного института, а потом Военной академии им. Н. Е. Жуковского — пригласил любимую девушку на футбол, где он стоял на воротах. Девушка (ставшая впоследствии его женой) пришла и привела с собой подруг, и была огорчена тем, что ее жених пропустил мяч в ворота! О том, сколько голов забила его команда в чужие ворота или не забила вообще, история умалчивает⁸. Интересно, что отец студента, выходец из с. Озёрки Сараевского р-на, не любил и недооценивал спорт, предпочитал интеллектуальные профессии, поощрял учебу детей в вузах.

О пренебрежительном отношении главы семьи к спорту рассказывают, приведя случай с солдатским письмом в начале 1950-х годов:

«Тёте Вале <младшей сестре, девушке> прислал письмо, по-моему, Василий Алексеевич Костиков. И пишет, что он очень хорошо прыгает, очень хорошо бегают, занимает первые места. А дедушка <отец>... И тётушка положила письмо и всё. А дедушка любил читать письма наши: что нам пишут — он интересовался — что нам пишут! Вот. Прочитал и говорит: “А он не только хорошо бегают и прыгает, он и плюёт дальше всех и лучше всех!”

Вот. Мы смеялись, а бабушка дедушку <мама — мужа, отца их детей> ругала, что зачем ты читаешь и вообще придумываешь всё такое! А дедуся: “Подумаешь, о чём он пишет! Он прыгает и бегают!” <...> Это другой <Костиков>, это старший: он сразу стал военным. <...> А этот не стал, отслужил и всё — два года»⁹.

В последующих главах (№№ 49-55) будут приведены и проанализированы детские игры, бытовавшие и до сих пор встречающиеся на Рязанщине; в результате получилась их классификация, вызванная ситуацией описания игр и акцентировки их важности для ребят-тишек. Специальной задачи создать систематику детских игр не ставилось; заинтересованных лиц отсылаем к диссертации М. В. Гавриловой (2017) на эту тему¹⁰.

¹ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 15 (6) — 16 (7) — Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

² Можаяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 11.

³ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 13-14.

⁴ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 50.

⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Глава 2. С. 46.

⁶ Записи автора. Тетр. 15. С. 143-144 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала от отца Трушечкина Михаила Федосеевича (1901-1992), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в г. Москва, 29.03.2002.

⁷ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 51.

⁸ Записи автора. Перегудова (дев. Трушечкина) Мария Петровна, 1972 г. р., и ее мать Трушечкина (дев. Шульженко) Лора Михайловна, 1937 г. р., жена Петра Михайловича Трушечкина (1935-2017), чьи родители были родом из с. Озёрки Сараевского р-на и в середине 1920-х годов поселились в Москве; январь 2019 г.

⁹ Записи автора. Звуковой файл 1029233801.amr, расшифровка mother2019.txt – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь Трушечкина М.Ф. (1901-1992), переехавшего из с. Озёрки Рязанского у. (ныне Сараевского р-на) в столицу в 1926 г., г. Москва, 29.10.2017.

¹⁰ См.: Гаврилова М.В. Персонаж, мотив, сюжет в традиционных восточнославянских играх. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2017. – 30 с.

Глава 49. Игры со словесными формулами

Очевидно, первым известным собирателем-публикатором детских игр в Рязанской губ. оказался прославленный фольклорист-«полевик» П. В. Шейн (1826-1900). Симптоматично, что он получил записи детского фольклора от ученика Зарайского реального училища Никитина, который зафиксировал в Егорьевском у. две подвижные игры со словесным текстом – «Зоря» и «Горшки», а также приобрел от учителей народного училища описание игры «Курилка». Еще П. В. Шейн записал считалки, с которых начинается вовлечение в игру и упорядочение игроков, распределение их по игровым партиям или избрание водящего.

Очевидно, предшественниками детских игр со словесными формулами являются игры в форме песен, содержание которых разыгрывается исполнителями-участниками. В первую очередь к таким песням-предшественницам относятся хороводные песни, исполняемые в определенный календарный сезон или приуроченные к конкретным праздникам весенне-летнего периода и по сути являющиеся обрядовыми (ритуальными). Наблюдение о вытеснении хороводов и других весенне-летних детских игр с песнями, распространенных в с. Ижевское Спасского у. примерно до 1914 г., сделала в 1923 году собирательница М. И. Кострова¹. По нашим сведениям, воспринятым от русской старообрядческой семьи Д. Т. Зайцева из Латинской Америки, в среде старообрядцев за рубежом до сих пор дети водят хороводы².

В 1881 г. в с. Заболотное Данковского у. В. Д. Рудинский записал игру «в Кострому» (эта запись хранится в архиве Русского географического общества в г. Санкт-Петербург). По сведению Д. К. Зеленина, описавшего хранящиеся в архиве Русского географического общества рукописи, собиратель указал о генетическом родстве игры и песни:

«Теперь сохранилась лишь обыденная песня про Кострому:

Жила-была Кострома
Семь лет во дворе,
Не выжила Кострома рубашонки себе.

Эти 4 стиха повторяются 5 раз, причем вместо “рубашонки” поют “поневёнки, лаптишек, онученков, платчишка”. – Сохранилась еще детская “игра в Кострому”: дети избирают из своей среды Кострому и, усадивши ее на колена к какому-нибудь мальчику или девочке, берут друг друга за хвосты платья и бегают вокруг Костромы с песнью:

Костромушка, Кострома,
Не оживаешь, не умираешь,
Только нас сокрушаешь.
По Костромушке
Блинки с маслом,
По Костромушке
Творожок с кисельком.

По окончании песни передний мальчик или девочка останавливается перед Костромой и спрашивает: “Костромушка! Жива?” Дитя, у которого Кострома сидит на коленях, отвечает за нее: “Ручка обсохла <отсохла?>”. Костроме дают на руки “свечку” (соломенку <соломинку>) и снова бегают с той же песнью; прежний вопрос и ответ на него: “Ножка обсохла”. Опять беганье с песнью, тот же вопрос и новый ответ: “Померла”. Тогда все играющие схватывают Кострому за руки и тащат ее к “могиле” (яме) “хоронить”; усаживают ее в яму и

начинают “поминать Кострому”: машут ладонями по воздуху и подносят ко ртам. Кострома тем временем оживает: выскочив из могилы, она подбегает к играющим и кого-нибудь кусает; укушенный застывает место Костромы, и игра начинается снова»³.

Интересно, что другой Рудинский – И. Д. Рудинский – был статским советником, кандидатом богословия, епархиальным наблюдателем школ и 17 ноября 1911 года посетил Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, в которой учился Сергей Есенин, прочитавший ему по предложению учителя Е. М. Хитрова стихотворение «Звезды». И. Д. Рудинский похвалил Есенина при всем классе, а будущий поэт, вдохновленный вниманием начальства, посвятил инспектору стихотворение «И. Д. Рудинскому»⁴. Вероятно, В. Д. Рудинский приходился братом И. Д. Рудинскому.

Собирательница фольклора в родном с. Ижевское Спасского у. М. И. Кострова отмечала в 1923 году: «Приблизительно до 1914 г. в Ижевском можно было видеть, хотя довольно редко, детей, водящих хороводы и играющих в игры, сопровождаемые песнями. Последние же лет 10 мне, кажется, ни разу не приходилось слышать детских песен. Играм с песнями пришли на смену “классы” или обыкновенные игры “в полевые работы”, “в гости”, “в обедню” и т.п.»⁵

Вопрос о приходе «на смену» подвижных и ролевых игр старинным хороводным песням является спорным: известно, что какое-то время эти разные жанры детского фольклора существовали параллельно. Однако важно отметить, что М. И. Кострова предварила свой такой печальный вывод об угасании детских хороводов наблюдением над исчезновением аналогичных хороводных песен с любовными сюжетами, прежде распевавшимися взрослыми девушками и парнями. Очевидно, детские хороводные песни были в некотором роде «сколком» со взрослых песен и существовали в едином фольклорном комплексе, в общем праздничном пространстве, причем подчинялись сельскохозяйственному календарному циклу. Когда же неспешный ритм патриархальной жизни ускорился в связи с усилением грамотности и влиянием школьного образования, с возрастанием роли отходничества среди крестьян и с соответственным привнесением в деревню городского фольклора, то и вождение старинных хороводов молодежью и детьми постепенно заменилось более быстрыми играми. Однако остались отзвуки хороводных песен в целом ряде произведений детского игрового фольклора.

Игра со словесным текстом, который носит формульный характер, обладает признаками, свойственными устно-поэтическим жанрам. Иначе говоря, игры с песенным сопровождением относятся к фольклору, а не только являются областью изучения этнографии.

Вот описание коллективной игры «Зоря» в Егорьевском уезде:

«Играющие садятся в круг и закладывают руки назад, а один (Зоря) ходит позади них со свитым жгутом и говорит:

Зоря зоряница,
Красная девица,
По полю ходила,
Ключи обронила:
Ключи золотые,
Ленты голубые,
Кольцы обвиты –
За водой пошла.

С последним словом он кладет потихоньку жгут позади кого-либо из играющих, который, если это заметит, то тотчас подымет, ударит им своего соседа, приговаривая: “Не сти Зорю!”, прогонит его с места и гонится за ним до тех пор, пока тому не удастся сесть опять на свое прежнее место. Если же тот не заметит лежащего около него жгута, то Зоря вновь

обойдет кругом, незаметно сам подымет жгут, да как хлыстнет им прозевавшего, приговаривая: «Не прячь, не прячь!» Игра затем начинается снова»⁶.

Вспомним: самостоятельный сюжет с похожим зачином о Заре-Зорянице являлся заговором от болезни и приведен в повести «Яр» (1915) Есенина (см. главу 24 «Лечение ребенка народными молитвами и заговорами» в 1-ой части наст. изд.). Следовательно, один и тот же персонаж (в данном случае – Заря-Зоряница, красная девица) встречается в разных жанрах, вроде бы далеких по своей поэтике и функциональности (в нашем примере – в заговоре и в детской игре). В настоящее время игра «Зоря» сошла с исторической сцены.

Вторая давняя игра, записанная учеником-«реалистом» Никитиным и переданная им П. В. Шейну, – «Горшки»:

«Играющие изображают собою горшки. Все садятся кругом. Позади каждого сидящего (горшка) становится другой – это торговец. Затем один, выбранный по жребию, обходя кругом, подходит поочередно к каждому их торговцев, спрашивая цену горшка. Сторговавшись, бьют по рукам. Хозяин и покупатель, схватившись за руки, говорят речитативом следующие стихи:

Сорок кадушек
Соленых лягушек,
Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Шильце, мыльце,
Красенькое яичко,
Хорошего жениха
(или хорошей невесты – смотря по полу играющих).

И в то же время бегают вокруг играющих, и кто первый захватит горшок, тот его и хозяин»⁷.

Через столетие Наталья Климанова, ученица 7 класса Собчаковской средней школы, записала локальный вариант игры в «Горшки» («Корчажки») в родном селе Собчаково Сапожковского р-на (см. главу 50 «Подвижные игры без игровых атрибутов и с палками» наст. изд.).

П. В. Шейн получил от учителей народных училищ Рязанской губ. игру «Курилка»:

«Играющие садятся рядом довольно близко друг от друга и кто-нибудь из них зажигает тонкую лучину, и когда она хорошенько разгорится, то ее тушат и, пока огонь еще тлеет, передают из рук в руки до тех пор, пока не погаснет. Тот, в чьих руках она потухает, должен исполнить какое-либо приказание. Передавая лучину, все поют хором:

Жил был Курилка,
Жил был душилка,
Уж у Курилки,
Уж у душилки, –
Ножки малыньки,
Душа коротенька.
Не умри, Курилка,
Не умри, душилка!
Уж у Курилки,
Уж у душилки
Ножки малыньки,
Душа коротенька.

Жив, жив курилка!
Жив, жив душилка!»⁸

На Рязанщине (и в других местностях России) широко распространены игры, в которых участники изображают зверюшек. Например, известна детская игра с перевоплощением играющих в противоборствующих диких и домашних животных, в основе которой лежит распространенная в быту реальная ситуация и присутствует стабильный ритмизованный текст. В с. Озёрки Сараевского р-на «дети играли в лошине: избирался “волк” и кучка “гусей”. После произнесения стихов “гуси” разбегались, “волк” догонял:

– Гуси-гуси!
– Га-га-га!
– Есть хотите?
– Да-да-да!
– Так летите домой!
– Серый волк под горой,
Не пускает нас домой!
– А что он делает?
– Гусей щиплет!
– Каких да каких?
– Серых и белых,
Да нас, молодых!»⁹

Идея поимки одного зверя другим, иначе говоря – попытка добыть хищнику другое животное себе для прокормления, заложена и в игре «в волка». Ее записал в 1924 г. в с. Лихунино Касимовского у. школьный работник С. С. Камышов:

«Один изображает волка и лежит на травке. Остальные дети с большою предосторожностью подходят поближе к нему и напевают:

“Беру, беру ягоды,
тащу волка за ноги;
он меня палкой,
я его металкой”.

Волк вскакивает, стараясь кого-нибудь схватить, все разбегаются в разные стороны. Схваченный помогает волку, пока все не будут переловлены. Первый попавшийся представляет волка, а иногда и старый <?>. Игра существует и до сих пор»¹⁰.

Слово «металкой» в «Описании рукописей Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края» А. А. Мансурова передано как «мешалкой» (в отличие от рукописи-исходника), поэтому остается непонятным: то ли автор «Описания...» допустил опечатку, то ли сознательно использовал другую лексику, основываясь на каких-то более широких данных.

Вариант этой же игры записал в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. М. В. Бабкин:

«Один являлся волком, другой, нагибаясь или становясь на колени, рвал около него траву, напевая:

Купец, купи ягоды,
черную смородину,

а серому волку –
горелую корку.

После этого бросались бежать, а волк догонял и ловил кого-либо, пойманный становился волком, и игра продолжалась»¹¹.

С. С. Камышов в 1924 г. отнес игру «в волка» к наиболее ранним возрастным забавам: «Игра маленьких детей»¹². Ему вторил М. В. Бабкин в 1927-1928 гг.: «<...> нужно указать игру детей 6-9 лет, очень несложную и распространенную еще сейчас»¹³.

Вероятно, подвижные игры с идеей поимки игроков и с представлением ребятишкам себя в роли разных зверюшек (хищников и питающихся зерном и травой) характерны для младшего детского возраста. Подобные игры могли базироваться и на социальных ролях, когда детишки позиционировали себя, например, в качестве старших и младших членов большой семьи.

С. С. Камышов в 1924 г. в с. Лихунино Касимовского у. записал детскую игру «камень новый», в основе которой лежит типичная считалка:

«Усаживаются на завалинке около игры. Один из играющих, накладывая по очереди руки на голову при каждом новом слове, как бы пересчитывая, говорит:

“Камень новой, чем подковой <так!>,
злата мета подпалета <так!>,
печка, печка, уточка”

или

“камень новой, чем подковой,
злата мета подпалета,
шишал вышал Ванька князь,
надел шапку, упал в грязь”,

на ком остановится рука со словами “уточка” или “в грязь” – выходят. Последний оставшийся должен их ловить. После поимки он уже усаживает и говорит указанные выше слова»¹⁴.

В д. Муняково Старожиловского р-на на Троицу начинали играть в игру с закрыванием глаз, причем образ бабки, стоящей у двери и готовящей праздничный напиток, подчеркивает проведение игры в доме:

«Иурáли вечером:

Бабка-бабка,
Где стоишь?
– У двери.
– Что варíшь?
– Квас.
– Лови кур,
Да не нас!

Глаза завяжутъ. И хóдятъ лáвять»¹⁵.

В с. Агишево Шацкого р-на подобный диалог между водящим и игроками открывал игру «в кулочки» (жмурки):

- Где стоишь?
- У ворот.
- Что продаешь?
- Квас.
- Ищи три года нас
(ШЭС, 157)¹⁶.

В варианте игры в д. Токарево Шацкого р-на, как и в с. Агишево, в зачине приговорки отсутствует персонаж, с которым происходит беседа; в итоге диалог оказывается обезличенным:

- Где стаишь?
- Окаль сталба.
- Чё прадаёшь?
- Квас.
- Ну и памилуй нас! Лави нас!
(ШЭС, 157).

Упоминавшееся в игровой приговорке место, где стоит водящий, варьировалось в разных текстах, но оно находится в пограничной (закрытой) зоне – между домом / двором и улицей: «у двери», «у ворот», «окаль сталба», «ны даскё».

Существуют две версии игровых приговорок, которые различаются указанием в диалоге на тех персонажей, кого игроки предлагают водящему искать: 1) себя («Ищи три года нас», «Лави нас!»); 2) заменить себя домашним животным / птицей («Лови кур, // Да не нас!»; «<...> лави кошку, а не нас!»; «Лави кошку, ды ни нас!»).

Приговорки с предложением искать домашнее животное наблюдаются в Шацком р-не в с. Высокое во время игры «в жымуру» на младших посиделках: «Тарас, Тарас, лави кошку, а не нас!» (ШЭС, 156); в с. Федосово:

- Где стаишь?
- Ны даске.
- Чёо делаишь?
- Варю квас.
- Лави кошку, ды ни нас!
(ШЭС, 157).

По мнению этнографа И. С. Слепцовой (Кызласовой), Тарас – одно из старых наименований водящего (в других местах России его называли Панасом или Офонасом), связанное с представлением об обрядовой игре в жмурки с мертвецом (ШЭС, 157).

В Шацком р-не многократно записана игра «Бабушка, куда пошла?». Ее правила таковы: «Играли обычно маленькие дети. Одна из девочек повзрослее, изображавшая “бабушку”, шла медленно, согнувшись. Все остальные игроки следовали за ней на небольшом расстоянии» (ШЭС, 79); далее следовал диалог. Итак:

«“Бабушка, бабушка!” – “А?” – “Ты куда идешь?” – “В церковь”. – “Зачем?” – “Богу молиться”. – “Возьми нас с собой”. – “Не возьму”. – “Почему не возьмешь?” – “Вы пердеть будете”. – “Не будем, возьми!” – “Ну, идите, да не пердите!” После чего “дети” шли за ней и, конечно, нарушали запрет, производя губами звук: “Пр-пр!”. “Бабушка” бросалась вдогонку за детьми, и первый, кого она ловила, становился на ее место» (ШЭС, 79 – с. Старочернеево, с. Черная Слобода Шацкого р-на).

Этнограф И. С. Кызласова (Слепцова) считает, что это общерусская разновидность игрового текста.

Очевидно, цель игры – дать понять детям, что в церкви – этом святом месте – надо особенно тщательно соблюдать правила приличия. Но эта игра (как и многие другие) строится на запрете и его нарушении, а далее идет мотив наказания и попытка спастись от него – начинается подвижная игровая часть; весь предшествующий ей диалог оказывается только прелюдией к игре.

И. С. Кызласова (Слепцова) отмечает, что игра «в Шацком районе приобрела местный колорит благодаря упоминанию Саровского и Вышинского монастырей – основных мест паломничества окрестного населения» (ШЭС, 79). Интересный вариант игры записан в с. Высокое Шацкого р-на – с диалогом между «бабушкой» и детьми (с пояснениями информатора):

«“Бабушка, куда идёшь?” – “В Саров Богу маліцца”. В Саров – абитель Сарская, атец Серафим там. “И я с тобой пайду!” – “Иди, да только ни пирді!” А за ней заслэд идёть: “Прд, прд!” – вот так вот. А нарошна рибитишки. А бабушка за ними с палкаю: дагонить, ну и палкый её пахлóпаить. А патом дальшэ идёть. За ней апять всё так жэ идуть. Эт так играли! Рибитишкыми мы были» (ШЭС, 79).

В с. Борки Шацкого р-на зафиксирован такой вариант: «Прихрóмуить идёть: “Бабушка, бабушка, куда идёшь?” – “Иду Богу молицца на Вышу” – “Ты иди, иди, да ни перди!”» (ШЭС, 79).

Это все сниженные варианты игры, однако в с. Казачья Слобода, с. Польное Конобеево, д. Новая, д. Марьино Шацкого р-на записаны и более приличные варианты, завершающиеся репликой-пожеланием: «Ты иди, иди, да ни спаткн́ся!» (ШЭС, 79). Ныне эта игра забыта.

М. В. Бабкин в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. записал игру «в торговлю», «другое название “В краски”»¹⁷. Суть игры заключается в следующем:

«Эта игра, не сложная по своей структуре, требовала большой изворотливости <?> от одного игравшего, который торговал. Состояла она <игра> из следующего: все рассаживались в кружок, один посредине его говорил:

Приехал барин (или купец) из Рязани,
Привез разные товары,
Что хотите, то купите,
Черного, белого не покупайте,
Да, нет не говорите.

Далее следовал вопрос к одному из игравших, что ему требуется. Потом этот вопрос предлагался и другим. Соль игры заключалась в том, что никто не должен был покупать черный цвет или белый и ни разу не промолвить слово “да” или “нет”, а продававший должен так ставить вопросы и неожиданно обращаться с новыми предложениями, чтобы сбить игравших и заставить их произнести эти четыре слова. Сбившийся занимал после этого место торговавшего»¹⁸.

Становясь старше и научившись мысленно оперировать абстрактными понятиями, дети играют в игры уже без зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных ролей, не уподобляются зверюшкам, птицам и каким-либо человеческим типажам. Появляются новые игровые роли – отвлеченные, безликие.

Существует большая группа игр, имеющих стабильную структуру, в которой важное место занимают устойчивые словесные формулы.

Часть игр подготавливает детей к поре жениховства и выбора невесты. К таким играм с мотивом влюбленности относится «Садовник», в которого в с. Новая Пустынь Шилловского р-на играли следующим образом:

«Все игроки придумывали себе игровые имена – названий цветов. Водящий – “садовник” начинал игру таким образом: “Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...”. А затем он называл любой цветок. Названный игрок говорил: “Ой!”. Садовник его спрашивал: “Что с тобой?”. Игрок отвечал: “Влюблена”. Садовник задавал вопрос: “В кого?”, и игрок называл имя другого цветка, и так продолжалось несколько раз. Тот, кто прозевал, когда его называли, и не откликнулся, должен был отдать “садовнику” фант.

Затем фанты разыгрывали. “Садовник” брал фант, отворачивался от игроков и спрашивал: “Что этому фанту сделать?” Игроки выкрикивали задания. Например, выпить воды, спеть песню, поздороваться с первым прохожим и т.д.»¹⁹

Другая игра, записанная в д. Урядино Китовской вол. Касимовского у. в 1923 г. школьной работницей А. Т. Харитоновой, называется «Золотые ворота» и обыгрывает свадебный ритуал сватовства:

Сваха, сваха, сударыня наша,
Отдай нам невесту за моего сына.
У моего сына сани высокие,
Золотые, витые.
Пролетела муха, крылом зацепила -
Крыло отломилось²⁰.

А. Т. Харитоновая не привела полного описания игры, очевидно, полагая, что она всем известна и что название «Золотые ворота» является «говорящим». Вероятно, смысл игры заключался в следующем: участники разбивались на две партии, становились друг на друга на некотором расстоянии и брались за руки, а один игрок должен был с разбегу расцепить руки игроков противоположной партии в том месте, где стояла «невеста».

Любопытно, что серьезный обрядовый ритуал – сватовство – пародировался в игре с помощью поэтического мотива разрушения богатства жениха ничтожно-мелким, сниженным персонажем – мухой.

У игры в д. Урядино Китовской вол. Касимовского у. имелся припев, шутливо противопоставляющий размеры личного пространства бабушки и дедушки:

Иди в сад, иди в рай,
Иди в дедушкин сарай,
А в бабушкин попадешь,
Конца-края не найдешь²¹.

Итак, изучение полевого, архивного и опубликованного материала, зафиксированного на Рязанщине, показало, что, если не включать считалки в состав игр со словесными формулами, то сюжетов таких игр относительно немного. Между тем именно они среди всех игр обладают наиболее значимой фольклорной поэтикой, построенной на разных логических принципах и эстетических критериях.

¹ РГАЛИ. Ф. 1547 (ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 36 об. – Кострова М.И. Песни и детские игры, записанные в с. Ижевском, Спасского уезда, Рязанской губ. 1923.

² См.: Самоделова Е.А. Фольклор русских старообрядцев Южной Америки: к постановке проблемы // Традиционная культура. М., 2017. № 2. С. 7-18.

³ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географического общества: В 3 вып. Пг.: Типогр. А. В. Орлова, 1916. Вып. 3. Стб. 1168.

⁴ См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1. С. 129-130.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1547 (ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 36 об. – Кострова М.И. Песни и детские игры, записанные в с. Ижевском, Спасского уезда, Рязанской губ. 1923.

⁶ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.д. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. № 270. С. 45-46. Зап. в Егорьевском у. ученик Зарайского реального училища Никитин.

⁷ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. № 275. С. 47-48. Зап. в Егорьевском у. ученик Зарайского реального училища Никитин.

⁸ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 45. № 269.

⁹ Записи автора. Тетр. 1. № 70 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., жила в эвакуации в 1941-1943 гг. в с. Озёрки Сараевского р-на; живет в Москве, февраль 1982 г.

¹⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.)

¹¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 50 (41) об. – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 50 (41) об. – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 4 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹⁵ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 150 – Ларкина Анна Ивановна, д. Муняково Старожиловского р-на, 80 лет, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 17.08.1994.

¹⁶ Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь /Рязанский этнографический вестник. 2001. Вып. 28. С. 79. (Здесь и далее в тексте – ШЭС, страница).

¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 47 (38) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукоп. 1927-28 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 47 (38) – 48 (39) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукоп. 1927-28 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова). (Деление на стихи наше. – Е.С.).

¹⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 260.

²⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/511. Кн. IV. Ед. хр. 82. Л. 4 – Харитонов А.Т. Этнографический материал по селу Урядино Китовской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

²¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/511. Кн. IV. Ед. хр. 82. Л. 4 – Харитонов А.Т. Этнографический материал по селу Урядино Китовской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г. (Деление на стихи наше. – Е.С.).

Глава 50.

Подвижные игры без игровых атрибутов и с палками

Подвижные игры, распространенные на Рязанщине, упомянуты и даже описаны с приведением их правил в воспоминаниях старожилов, в рукописных этнографических коллекциях и в художественных произведениях местных авторов. Разнообразие подвижных игр определяется не только локальными обычаями, но обязательно зависит от времени года, обуславливающего тип пространства или интерьера (зимний и летний ландшафт, весеннее половодье, зимняя изба и т.п.).

В большинство подвижных игр играли (и продолжают играть сейчас) все дети сообща, даже разного возраста; некоторые игры предназначались только для мальчиков, другие практиковались девочками. При сравнении описаний игр, сделанных в период с середины XIX-го столетия по начало XXI века, становится заметна историческая изменчивость детских забав: пропадание одних игр, видоизменение других, переименование третьих, возникновение четвертых. Происходит модификация возрастного состава участников (в том числе исчезновение разновозрастных детских коллективов, уход с игровой площадки более взрослых игроков); обнаруживается трансформация сезонной приуроченности ряда игр, наблюдается перенесение некоторых игр из помещения на улицу и наоборот; замечается замена одних игровых предметов другими, особенно это видно на примере повсеместной замещаемости самодельной атрибутики покупными вещами.

Несмотря на все произошедшие исторические изменения, детские игры обладают огромной устойчивостью и в принципе не могут быть изжиты. В анкете Этнологического отделения Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) в 1927 г. содержался вопрос о модификации детских игр за десятилетие, прошедшее после Октябрьской революции 1917 г.

Народный учитель Т. Куршаков в 1927 г. в «Этнографических заметках о селе Дубровки Гиблицкой вол. Касимовского уезда», написанных в качестве ответа на анкету РАИМК, отмечал: «Особых изменений <по сравнению с Дооктябрьским периодом> в играх нет: игры в чижики, городки, горелки, хороводы, а также в карты»¹.

Другой народный учитель – А. В. Щербаков в той же Гиблицкой вол. Касимовского у. в 1927 г. подметил увлечение молодежи новой для России игрой – при сохранности традиционных: «Игры остались прежние: в чижики, горелки, хороводы, но теперь играют в футбол»².

Необходимость игр с движениями продиктована их важной ролью в формировании здоровья дитяти. Шустрого ребенка в д. Деулино Рязанского р-на положительно характеризовали устойчивым сравнительным выражением «как каток», «как каточек»: «Р'иб'онак б'эуаит', как каточ'ик кататища» (ССРНГ, 219).

Наоборот, о раздобревшем ребенке в с. Дёмкино Раненбургского уезда (ныне Чаплыгинского р-на Липецкой обл.) говорили неодобрительно, уподобляя мальчика дородной женщине (бабе): «Разбабел сын»³, то есть стал толстым. Поразительно, но аналогично высказывались о блюде из зерна: «О ржаной каше, которая два дня варилась: “Ана лучше разбабелит”»⁴ (с. Никуличи Ямской вол. Рязанского у., 1929).

В д. Деулино Рязанского р-на употребляли глагол «потолцётъ» (потолстеть) применительно к детям (и не только к ним), которые не вели активный образ жизни и расплылись телом; таких ребятишек считали нездоровыми: «Такайя-ть д'эфка была, сама р'остам н'ибал'шайъ, а мордь – во... Какайъ-та н'инармал'найъ... Ш'ш'ас н'а знайу, патон'ила л'и, патолшыла л'и...» (ССРНГ, 449).

Наоборот, о похудении ребенка (и взрослого) в д. Деулино Рязанского р-на говорили – «*потонеть*»: «Ш'ш'ас ш'ш'ь он патон'ал, а то, ул'ан', был какой талст'ак»; «Дал'и йаму какуйь-ть п'ит', штоп патон'ил... думьл'и, бал'ной» (ССРНГ, 449).

Семантика подвижных игр запечатлена в глаголе «гонять» – то есть «водить» (ССРНГ, 122). В д. Деулино Рязанского р-на обозначали правила игры: «Т'иб'э ҃ан'ат', а мн'э х'ран'ицц'... б'уд'ит' ҃ан'ат' – иш'ш'ит'»; «Ф кл'еп иурал'и, ҃ан'ал'т, б'йут' ф палку д' пападайут' ф крух. Кто б'ол'ш'ы в'ыб'ил, тот выиурал, а друу'ой ҃ан'айит'» (ССРНГ, 122).

Наталья Климанова, ученица 7 класса Собчаковской средней школы, в 2005 г. записала локальный вариант игры в «Горшки» («Корчажки») в родном селе Собчаково Сапожковского р-на:

«Подростки в 40-годах XX столетия играли в игру “Корчажки”. Играли тогда, когда мальчиков было мало, в основном девочки. “Кота” выбирали считалкой. Другой мальчик был сторожем. Девчата (корчажки) садились в круг или в рядок, а кот и сторож расходились на одинаковое расстояние от «корчажек», но в разные концы. Цель “кота” – повалить корчажки, т.е. он должен был дотронуться до каждого из игроков, если успеет повалить, то он убегают, стараясь, чтобы сторож его не догнал. Если кот чувствует, что он будет захвачен сторожем, то он убегал к себе домой, все бежали глушить кота с гиканьем»⁵.

Корча́жка – местное название горшка. В соседних селениях – с. Морозовы Борки и д. Александро-Прасковьянка (это выселки из села) Сапожковского р-на – еще до конца XX века сохранялся гончарный промысел, и гончары делали горшки, корча́жки и прочую посуду.

На эту игру была похожа игра «Кошки-мышки», которая бытовала в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

«Сначала в этой игре выбирали главных действующих героев игры – кошку и мышку. Для этого считались. Два последних игрока считались между собой: тот, кто выйдет, будет мышкой, кто останется – кошкой. Все игроки вставали в круг и брались за руки, образуя между собой ворота. Эти ворота считались закрытыми, если руки опущены. Мышка залезала внутрь круга, а кошка оставалась снаружи. Она должна была поймать мышку. Для этого ей надо было проникнуть в круг. Кошка ходила вне круга, жалобно мяукая. Ей разрешалось прорывать цепь игроков, подныривать под сцепленные руки, перепрыгивать через них. Игроки же старались не пропускать кошку к мышке. Только плечами нельзя было сдвигаться перед кошкой. Если кошке удалось пробраться в центр круга к мышке, игроки помогали мышке. Они открывали ворота, поднимая руки, и опускали их перед кошкой. Теперь кошке надо было ловить мышку снаружи. А когда мышка выскакивала из круга, ближайшие к мышке игроки опять поднимали руки, пропуская ее вовнутрь. Кошка может долго бегать за мышкой, но чтобы ускорить процесс поимки, надо было знать некоторые хитрости: стараться прорывать цепь игроков неожиданно, чтобы они не подозревали, что именно здесь собираются прорвать ее; или же быстро нагибаться, делая вид, что собираетесь подлезть под руки, а когда игроки опускали руки, быстро перепрыгивать сверху. Когда кошка поймает мышку, игра на этом не заканчивалась. Снова считались и продолжали игру с новыми кошкой и мышкой. Игра оканчивалась, когда все по одному разу побывали кошкой или мышкой»⁶.

Эту же игру упомянул М. В. Бабкин, поставив ее на последнее – десятое – место по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 10) “В коты-мышки”»⁷.

И. Е. Востоков записал примерно в конце XIX века в Зарайском, Михайловском, Рязанском уездах игру «в огнянку»:

«Один из мальчиков становится к стене, ему все другие говорят: “Огнянка!”, а он отвечает: “Я кремень, ну высекай огонь!” тогда кремень выбирает и называет по имени мальчика, который пока добегит до стены; из него толчками выбивают огонь»⁸.

Актуальной по сегодняшний день остается игра «в салки». Наталья Климанова в 2005 г. описала игру в салки в родном селе Собчаково Сапожковского р-на:

«Салки – самая распространённая игра среди детей. Существует много различных вариантов этой игры. Салке надо было коснуться до игрока, и тогда он становился салкой. Когда игроков было много, то некоторым надоедало ждать, что салка бежит за другими игроками и, подбегая поближе к водящему, дразнили “Салка, салка (или говорили имя водящего), дай колбаски, я не ел до самой Паски”. Конечно же, салка бежала за этим игроком»⁹.

Школьник А. В. Юшин в 2009 г. описал вариант игры «в салки» в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

«Играть в эту игру можно, где угодно. Перед началом игры считались или же кто-нибудь предлагал: “Сыграем в салки?” и тут же кричал: “Чур, не я”. Также кричали все остальные, и кто последним из игроков крикнет, тот и водил. Все разбежались от водящего, а он старался кого-нибудь посалить, то есть дотронуться рукой. Главное правило в этой игре заключалось в том, что новому водящему нельзя было салить прежнего водящего.

Некоторые информаторы рассказывали о том, что иногда водящему давали какой-то предмет, например, платок. Он, в свою очередь, передавал тот предмет осаленному игроку»¹⁰.

Однако известна другая версия игры «в салки», более сложная: с мячом (см. главу 52 «Динамичные игры с мячом / шаром» наст. изд.).

В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) зафиксировано другое название той же подвижной игры: «Лаві́кша – детская игра, в которой один из участников догоняет других; догонялки»¹¹. В куршацких селах Клепиковского р-на рассказывали: «Ды бóльшы в лаві́кшу и х кулю́кшу рябты игра́йут, а ка́да – и в лапту́...» (д. Андроновое); «А́дін лята́йат, а друго́й за ним но́сицы, дыганя́йат, вот те и лаві́кша...» (д. Борисково)¹².

Школьный работник С. С. Камышов в с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г. обнаружил и подробно описал ряд местных игр (они же могли бытовать и на других территориях), среди которых – сезонная игра «Кондри». В описании собирателя важны не только правила игры, но и психологические нюансы, и в буквальном смысле слова травмирующие факторы (что редко отмечалось учеными-«полевиками»):

«Игра обыкновенно происходит у ворот. Один из играющих становится к воротам и говорит: “Кондри”, на что получает ответ: “Железо”. Потом он произносит: “Раскуй”. Его спрашивают: “Кого?”; на что тот должен указать или назвать одного из играющих. Указанного пинками в спину со смехом провожают к воротам. После того оба стоящие у ворот, прыгая на одной ноге, направляются в сторону остальных играющих и свободной ногой стараются кого-либо из играющих ударить, а те в свою очередь стараются, не получив удара ногой, заставить их стать на обе ноги. Допускается и отдыхать, но не иначе, как опуская свободную ногу на какой-либо предмет: сучочек, щепку, отброс и т.п. Если кто из играющих оступится, т.е. не удержится на одной ноге, то его со смехом, криком и пинками провожают опять к воротам на прежнее место, а он вызывает себе товарища, как сказано выше. Раньше эта игра была очень любимой, играли в нее и взрослые. Теперь редко наблюдается только между детьми. Играют почти только зимою»¹³.

Интересно, что, при всей типологичности игры в «кондри», ее диалектное название не отмечено ни в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969), ни в многотомном продолжающем выходить «Словаре русских народных говоров» (изд. с 1965).

Подвижные игры заключались не только в быстром беге, в убегании от противника. Еще один разряд мобильных (маневренных) игр основывался на прыганье, подскоках и тому подобном.

Мальчики в с. Новая Пустынь Шиловского р-на играли в «чехардú», которая основана на вовлечении собственного тела игрока в игру, «конструировании» из него игрового атрибута:

«Чехарда – это перепрыгивание друг через друга. Играли в эту игру только мальчишки. Лучшее место для игры – поросший невысокой травой участок земли.

Для того, чтобы сыграть в чехарду, нужно не менее двух человек: кто прыгает, и через кого прыгают (его в с. Новая Пустынь называли “козел”). Потом они менялись местами. “Козел” должен был правильно стать, чтобы его не зашибли и не свалили при перепрыгивании»¹⁴.

Название «козёл» («козлы») носили специальный спортивный снаряд и хозяйственное приспособление для распиливания брёвен, они типичны для школьного спортзала и крестьянского двора, оба стоят на четырех ножках и действительно напоминают фигуру животного. Остается открытым вопрос о том, какое применение названия «козёл» является первичным: приложенное к человеку или к предмету?

Школьник А. В. Юшин в 2009 г. привел диалектный синоним к «чехардé» – это «слон»¹⁵.

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. привел другую игру из с. Лихунино Касимовского у. – «в прыжки» – также с использованием частей собственного тела, но уже других, в качестве игровых атрибутов:

«Один садится на землю, вытягивает ногу, все прыгают через нее. Потом на пальцы ноги ставит другую ногу, затем на пальцы второй ноги накладывает пальцы рук, растопырив их, сначала одну, потом другую, в заключение становится на колени, сгибает корпус и опирается на руки; последний отдел – на вытянутых ногах и руках. Каждый прыгающий старается не зацепить; кто заденет, то усаживается на его место. Игра, похожая на веревочку, где прыгают через веревочку»¹⁶.

Эта же игра бытовала среди 8-10-летних детей в Шацком р-не под вариативными названиями «сигúшки» (с. Демидово, с. Казачья Слобода), «сигучки» (с. Польное Ялтуново, с. Темешево, д. Токарево), «сигачки» (с. Агишево). Двое игроков садились лицом друг к другу так, чтобы их ступни соприкасались, а остальные участники игры по очереди перепрыгивали через их ноги. Затем ставили одну ступню на другую, потом выставляли руки с растопыренными пальцами. В с. Агишево рассказывали: «Например, сидеть: тут сидеть девка и тут. И вот так ножки ани растапырють, и “сигачки” – прыгали чириз ноги. Ани вот так вот сидят, и вот прыгают. И ентъ – лапы с лапыми, а тут прыгают» (ШЭС, 371).

Жительница с. Константиново Рыбновского р-на вспоминает о девичьей игре, проводившейся с другим игровым атрибутом – аналогом упомянутой веревочки: «Вот мы играли всё время вот в эти *в прыгалки*»¹⁷.

Распространенная детская игра, известная как игра «в классики», в с. Плахино Захаровского р-на называется «синóтики»¹⁸. Квадратики расчерчиваются следующим образом: сначала пара, затем к соединяющей линии приставляется один квадрат, далее следует снова пара, потом один, опять пара и завершает один квадратик. Играют в «синóтики», последовательно прыгая на двух ногах, на одной ножке, опять на двух и т.п.

Другая разновидность игры в «Синод» на Рязанщине подразумевала использование маленького плоского камешка или какого-либо заменяющего его предмета, была записана еще в 1927-1928 гг. в пригородных слободах г. Михайлов М. В. Бабкиным, который привел чертеж игрового изображения на земле – с указанием размеров в аршинах, с нумерацией всех фигур и с указанием их названий: «№ 1 назыв<ается> – первая ступенька; № 2 – вторая ступенька; № 3 – кабак; № 4 – левое крыло; № 5 – правое крыло; № 6 – трактир; № 7 – царь; № 8 – царица; № 9 – Синод»¹⁹.

Собиратель пояснил суть игровой забавы:

«Игра заключается в следующем: каждый из участвующих в игре постепенно бросает плоский камушек, или черепок от глиняной посуды, или что-либо другое, подходящее в № 1 фигуры, потом в № 2, № 3 и т.д. Кто швыряет первым, кто вторым и т.д. – устанавливается посредством одного из выше указанных способов. Условия бросания: камушек должен попасть в фигуру и ни в коем случае не должен попасть на черту или за нее, или в другую фигуру.

Если произойдет что-либо из последнего, то очередь бросания уже переходит к другому. За камушком нужно было, что<бы> его достать и принести, прыгать на одной ножке, нигде не становясь на другую и не становясь на черту. Прыгать нужно постепенно, т.е. если камушек был швырнут в № 7, то постепенно прыгать нужно в № 1, № 2, № 3, № 4, № 5, № 6 и уже потом в № 7.

В трактире (№ 6) и Синоде (№ 9) можно было отдыхать встав на обе ноги. Когда играют первый раз, то камушек несут обратно просто в руке; когда кто уже начинает кидать его второй раз, опять начав с № 1 и далее, то несет его, положив на пальцы поджатой ноги, а при третьем разе – камушек кладётся на голову. При этой игре все задаются целью скорее других кончить бросание камушка все три раза, чтобы быть первым при начале следующей партии»²⁰.

Это описание, как и просто названия детских игр, интересно тем, что демонстрирует актуализацию важных государственных объектов – религиозных правящих институтов, учебных заведений, торговых и питейных предприятий и т.д. – созвучно определенным историческим эпохам. К примеру, одна и та же игра в разные исторические периоды называлась по-разному: «в синотики», «в Синод» (до Октябрьской революции 1917 г. и вскоре после нее); «в классики» (при Советской власти и в постсоветское время).

М. В. Бабкин поставил эту игру на третье место по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 3) “В Синод” <...>»²¹.

Возвращаемся к типу детских игр с палкой.

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. записал в с. Лихунино Касимовского у. игру «в чижик», известную также под другим старинным названием; собиравший не объяснял, что за предмет «чижик» (о нем см. ниже), но отметил вариативность игры даже в пределах одного села:

«Чижик раньше называли “клёп”. Играют по-разному: или гоняют друг друга, т.е. по очереди бьют чижик, а остальные должны по очереди попадать на кон, или один “набивает палки” на всех, а потом они на него, или же каждый набивает свои палки до определенного счета.

В первом случае без счета бьет Ваня, Вася же бегают, а потом бьет Вася, а Костя бегают, Костя же в свою очередь гоняет Ваню.

Во втором случае: Ваня гоняет всех, подсчитывая, сколько раз он ударит по чижу, или не подсчитывая. А потом уже Вася и Костя гоняют его, т.е. он уже бегают за “клёпом” и “отделяет”, т.е. попадает в четыре<x>угольник (кон), который называют при этой игре “оришень”.

В третьем случае каждый считает свои палки до 20, например, и кто сделает меньше двадцати, того гоняют, то есть он у обоих бежит за чижом, а те по одиночке не дают ему попасть в «оришень». Если с чижом близко, то «солят», то есть быстро вращают палку то в одну, то в другую сторону, стараясь отбить чиж. Когда чиж ляжет в «оришень», гонка прекращается. Игра весны, лета и осени, до сих пор любимая детьми»²².

Слово «оришень» отсутствует в «Словаре русских народных говоров», и ударение в нем неизвестно; возможно, «оришень» близко (близка?) к отмеченной В. И. Далем лексеме «орище» – «заброшенная пашня; залежь»²³ (от «обрати» – пахать землю).

Со слов жителей д. Братиловое Алексеевской вол. Касимовского у. в 1923 г. было записано объяснение понятия «чижик», фигурирующего в игре детей и подростков: «Чижик – палочка, заостренная с обоих концов, употребляемая при детской игре»²⁴.

Еще имеется одно описание «игры в чижик / чижика», помеченное как «рязанские игры» и хранящееся в научном архиве РИАМЗ (г. Рязань); оно достаточно подробное и потому ценное в этнографическом плане:

«Эта игра очень проста, но требует от игрока большой ловкости. Играют в чижика следующим образом. Чертится квадрат на земле, любого размера. В середине квадрата делается ямка, на край которой кладется чижик.

Чижик – палочка 15-16 см длины, с двух концов заостренная. Играющие, если их несколько, поступают так: они разделяются в порядке 1, 2, 3, 4 и т.д... Первый начинает, второй у него вадит. Первый, который начинает, поступает так. Он кладет чижик на край ямки и с силой ударяет по нем <так!> длинной палкой; чижик от удара отлетает на довольно большое расстояние от квадрата. Тот, кто вадит, старается попасть чижиком в квадрат. Если он попадает, то за ним считается удар.

Перед началом игры играющие сговариваются, до скольких ударов они играют, и тот, за кем наберется означенное количество ударов, проиграл»²⁵.

В конце документа имеется приписка красными чернилами, выполненная другим почерком и поставленная в круглые скобки: «Выписано из ученического журнала “Юный краевед” <,> изд. краеведч<еским> кружком Ряз<анской> шк<олы> II ст<упени> Водн<ого> трансп<орта>»²⁶. Следовательно, описание игры сделано в 1920-е годы, судя по типу школы.

Школьница Е. Ермихина под руководством краеведа пгт Сараи Г. А. Кармацкой в 2016 г. дала описание игры в «чижик», распространенной в Сараевском р-не (и не только):

«Мальчики играли в “чижик”. Игра эта традиционная, но я её привожу потому, что многие информаторы её связывали именно с использованием в ней веток деревьев, материал был в буквальном смысле под рукой. Выламывали деревянную палочку 15 см, заостряли концы ножом. Большая палка, называли её “чижница”, играла роль биты. Битой же ребята чертили небольшой круг, в нём <выкапывали> небольшую ямку, поперёк ямки клали “чижик” и ударяли по нему “чижницей”, так чтобы он взлетел вверх, затем ударяют ещё раз, чтобы он улетел как можно дальше от круга. Выигрывает тот, кому это удастся сделать чаще и лучше»²⁷.

Уроженка с. Озёрки Сараевского р-на, молоденькой женщиной в середине 1920-х годов переехавшая в Москву, в конце 1960-х – начале 1970-х годов показывала своим внукам, как играть в «чѳижик». Правила были аналогичны описанным выше: отрезали ножом деревянную палочку-колышек длиной 15-20 см, заостряли оба конца – получался «чиж» («чижик»); клали его поверх выкопанной небольшой ямки, на расстоянии примерно около метра очерчивали круг на земле. Водящий подводил длинную палку, размером чуть меньше метра, под «чижик» и подбрасывал его вверх. Затем он на лету должен был отбить «чижика» в сторону вверх так, чтобы тот вылетел за пределы круга как можно дальше. Если во-

дящий промахивался или «чижик» не улетал за очерченную границу, то ход игры переходил к следующему²⁸.

В. Т. Коробков, уроженец с. Куровщино Ряжского р-на (1935 г. р.), в интервью «В меру сил помогали взрослым» для газеты «Ряжские вести» (№ 18, 2 мая 2013 г.) упомянул игру в «чижики» среди детских игр периода Великой Отечественной войны: «Еще играли в “чижики” – отрезок палки длиной около 10 сантиметров, затесанный с обеих сторон»²⁹.

Еще одной игрой с применением палки является игра «в городки». Зарайский помещик В. В. Селиванов в 1856 г. среди актуальных игр молодежи (а не только детей) назвал игру «в городки», которую поставил первой в ряд подвижных забав: «Люди дворовые играют в городки, в бабки, в свайку...»³⁰

Описание игры в городки сохранилось в Этнографическом архиве Общества исследователей Рязанского края (РИАМЗ) – без указания фамилии собирателя, времени и места записи. Описание довольно подробное и потому ценное:

«Принадлежности игры:

- 1) несколько палок длиной приблизительно четверти 3;
- 2) 10 палок приблизительно по четверти, такие палки называются городками.

Самая игра ведется следующим образом. На некотором расстоянии друг от друга чертят два равных квадрата, которые называются кругами <!>. Между ними проводят черту так, чтобы она отстояла от обоих кругов на одинаковом расстоянии, эта черта носит название полчерты. Далее желающие принять участие в игре делятся на две равные партии. Если остается один лишний, то и он может принять участие в игре, только ему придется бить в оба круга один раз или два раза, смотря по уговору играющих. С начала игры в обоих кругах ставят одинаковые фигуры и начинают в них бить, причем все в одну, а каждая партия бьет в ту фигуру, которую она выбрала. Пока фигура остается целой, бьют с целой черты, иногда фигура разваливается от плохого удара. Такую развалившуюся фигуру называют “кашей”, и если все городки остаются в кругу, бьют так же с целой черты, если же хотя бы один городок выкатился, начинают бить с полчерты. Новых фигур не ставят до тех пор, пока все городки не будут выбиты. Если городок лежит на какой-нибудь черте, кроме передней, его можно поставить на том месте, где он лежал, такой городок называется “попом”. Если партия, которая начинала игру первой, оканчивает все положенные фигуры, то другой партии дают отыгаться, т.е. дают пробить столько раз, сколько осталось раз бить кончившей партии. Если же кончившая партия пробила все удары и только с последнего удара выбила оставшиеся городки, то отставшей партии не дают отыгаться.

Среди игры уходить нельзя, а если кто захочет уйти, того подвергают наказанию, согласно уговору участников игры. Перед игрой обыкновенно уговариваются, сколько раз бить каждому участнику в игре и до скольких фигур»³¹.

В том же фонде Этнографического архива ОИРК (РИАМЗ, г. Рязань) имеется еще одно описание игры в городки, тоже без точного указания на место и время записи (судя по приписке в конце документа, это г. Рязань, 1920-е годы), но под общим названием «Рязанские игры». Вот это описание – под заглавием «Игра в городки»:

«Чертят на земле два квадрата на расстоянии двадцати шагов друг от друга. Между двумя квадратами проводится линия. Играющие разделяются на две группы; число играющих неопределенно, но должно быть четным.

Каждая партия берёт любой из квадратов и начинает ставить в нём фигуры из круглых, небольшого размера (от 20 см до 15) длины и толщины (3-2), совершенно гладкие; всего палочек или городков 5, из которых составляются разные фигуры.

Кроме “городков” должны быть ещё большие палки в $\frac{3}{4}$ аршина длиной; они служат для вышибания городков из квадрата. Каждый играющий бросает не больше двух палок; бьют все по очереди на расстоянии двадцати шагов. Если же кто-нибудь из играющих выбьет городки, то остальные бьют уже с расстояния на 5 шагов ближе.

Партии бьют по очереди. Всех фигур, которые надо вышибить, 12; они носят различные названия. Та партия, которая первая вышибет все двенадцать фигур, выигрывает»³².

В с. Деулино Рязанского р-на игра в городки называлась «чукí»; вероятно, это диалектное название происходит от глагола «чúкнуть», то есть 'ударить, стукнуть' (ССРНГ, 600).

В «Материалах, предоставленных Грузинцевой А.П.» (Пронский краеведческий музей) приведено сообщение Ю. А. Быкова о городошных фигурах и правилах игры: «Название фигур: бабушка в окошке, колбаса (самая простая), дед на крыше, самолет, валёк, письмо (выбивается по заказу), с печатью. Играли в два квадрата. Бросали жребий (каналась на палке), у кого будут какие квадраты и кто будет первым бросать. Проводили две линии: кон и полукон. До кона 20 м (шагов), до полукона – 10 м (шагов). Сбил одну городошину – переходишь на полукон. Между квадратами было примерно 5 шагов»³³.

Ученик II класса Иван Ерёмин в начале XX века отнес к «рязанским играм» игру «в свайки». Он дал ей следующее описание:

«Берут чугунную палку в четверть длины и кольцо. Потом уже начинают играть.

Правила игры

Играющих сколько угодно, играют по очереди. Берут кольцо, бросают его вверх, и куда оно упадет, там и бьют. Бьют в кольцо чугунной палкой, или, как ее называют еще – свайкой <...>.

Если попадешь в середину кольца, то считается 4 раза, и тот, кто водит, подает тому, кто попал в кольцо, тот бросает в землю свайку, а кто вадит, должен подавать. Потом бьет следующий и т.д.»³⁴.

С. С. Камышов в 1924 г. в с. Лихунино Касимовского у. записал игру «Ключик» – с палкой как обязательным инвентарем; в этой игре убегание от противника являлось вторым этапом, а первым было как раз обнаружить этого самого антагониста:

«Все усаживаются, кроме двух, из коих один угадывает, а другой прячет “ключик” (палочку). Если узнает, ему дается задача вместе с тем, у кого нашли ключик, обежать какой-либо предмет: колодец, дерево, сарай, причем один <к> другому около предмета бегут друг другу навстречу, стараясь ранее добежать до сидящих и захватить место. Отставший узнает, кому прячется ключик»³⁵.

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов зафиксировал игру «в кочетки» и посчитал ее родственной игре «в шары» (см. главу 52 «Динамичные игры с мячом / шаром» наст. изд.). На наш взгляд, главный атрибут игры «в кочетки» мало напоминает мяч, даже самодельный, поэтому логичнее отнести ее к играм с палками (если только не обнаружатся варианты, в которых действительно употребляется шар). Наиболее близкий к игре «в кочетки» тип игровой – «в чижик». Итак, описание этой игры:

«Эта последняя игра происходит б<ольшей> ч<астью> между двумя играющими и напоминает несколько игру “в шары”, чертится квадрат со стороною в 10-12 вер<шков>, другой должен начать швырять маленькую палочку (4-6 вершков длины), встав в шагах 10 от квадрата; эта палочка и есть “кочеток”, который не пускается первым игроком в квадрат путем отбивания палочкой. Если кочеток попадал в квадрат, то роли менялись; если он попадал на черту, то отбивался так: нужно было кочеток палочкой приподнять и на лету потом ударить (“отбить”); в остальных случаях кочеток отбивался “слету”»³⁶.

¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/517. Кн. X. Ед. хр. 233. Л. 3 – Куршаков Т., народный учитель. Сведения, собранные по анкете: «Российская академия истории материальной культуры», этнологическое отделение. С. Дубровки, Гиблицкой волости, прихода с. Ибердус, Касимовского уезда, Рязанской губернии. 1927. Этнографические заметки о селе Дубровки Гиблицкой вол. Касим<овского> уезда.

² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/519. Кн. XII. Ед. хр. 299 – Щербаков А.В. Заметки о народном быте в Гиблицкой волости Касимовского у. Запись 1927 г.

³ Записи автора. Ежегодник 2008-2009 – Климкина (дев. Русина) Татьяна Гавриловна, 1924 г. р., уроженка с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.); зап. в Москве 23.04.2009.

⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 493. Л. 22 – с. Никуличи Рязанского у.

⁵ Климанова Н. Считалочки и игры, в которых они применяются, собранные в селе Собчаково Сапожковского района // Материалы научно-практической конференции «Сапожок, его роль и место в истории государства российского» (к 400-летию Сапожка). Сапожок, 2005. № 56.

⁶ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. редактор Б. В. Горбунов. Рязань, 2009. Т. 18. С. 258.

⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

⁸ ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 16 – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ. Зарайский, Михайловский, Рязанский уу.

⁹ Климанова Н. Считалочки и игры, в которых они применяются, собранные в селе Собчаково Сапожковского района // Материалы научно-практической конференции «Сапожок, его роль и место в истории государства российского» (к 400-летию Сапожка). Сапожок, 2005. № 57.

¹⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 261.

¹¹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 212.

¹² Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 212.

¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 2-2 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹⁴ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 261-262.

¹⁵ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 267.

¹⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 4 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 8а. № 336 – Ерёмкина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 42. С. 22 – Парамонова Мария Сергеевна, 1927 г. р., с. Плахино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Балясова (Ренц) 17.07.2013.

¹⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 30 (21) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 30(21)-32(23) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

²² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 4 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г. (Деление на абзацы наше. – Е.С.)

²³ СРНГ. Л., 1987. Вып. 23. С. 343.

²⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 43 – Миронов И.Н., Мартынов С.Ф. Выражения, употребляемые гражданами дер. Братиловое Алексеевской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г.

²⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.

²⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.

²⁷ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатникъ, 2016. Т. 45. С. 103.

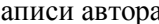
²⁸ Записи автора от Трушечкиной Матрёны Ивановны (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, в середине 1920-х гг. переехала в Москву; личное наблюдение Е. А. Самоделовой в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в пос. Селятино Наро-Фоминского р-на Московской обл.

²⁹ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девятых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 154.

³⁰ Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 62.

³¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 125. Л. 2-3 – Игра в городки.

³² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.

³³ Записи автора – фото от 21 сентября 2010 г., г. Пронск, Краеведческий музей, рукопись (компьютерная распечатка).

³⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 118. Л. 2 – Ерёмин Иван, ученик II класса. Рязанские игры. Без указания года.

³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 4 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

³⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 49 (40) – 50 (41) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

Глава 51.

Маневренные игры с костями животных, лаптями

Еще одна старинная игра, для которой требовались игровые атрибуты, зафиксирована в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969): это «*биткі́*», или «*ша́шки*», с употреблением «битка́» («бито́к», «б'ито́к») – коровьих косточек: «Тада́ ф стар'ину́ иура́л'и в б'иткі́, ф ша́шк'и ат нох ат каро́в'йих. А ш'ш'ас уш в б'иткі́ н'и иура́йут', ша́шк'и фс'е пьбраса́л'и» (ССРНГ, 55, 603).

В Рязанской губ./обл. в целом зафиксированы следующие названия этой игры: *ба́бки*, *биткі́*, *ша́шки*, *ша́шечки*, *казанкі́*, *козны*, *чугункі́*, *ладыжки*.

Зарайский помещик В. В. Селиванов в 1856 г. отмечал игры молодежи (а не только детей) и в числе актуальных называл «в бабки»: «Люди дворовые играют в городки, в бабки, в свайку...»¹

М. В. Бабкин поставил игру в бабки на пятое место по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 5) “В ладыжки” (по-другому “бабки”) <...>»².

Историк С. Д. Яхонтов, уроженец с. Ухорь Пронского у., учившийся в Скопинском духовном училище с 1864 г., вспоминал «бабки» как наиболее интересную игру в майские выходные дни:

«Самые обширные игры в рекреационные дни – были в “шашки” (то же бабки). На обширной Успенской площади – собирались и старшие, и младшие, а иногда и светские учителя. И тут шло состязание. Приносили мешки шашек. К этому дню задолго подготавливали “битки”, наливали их свинцом, насыпали дробью, даже ртутью. “Кон” растягивался иногда на несколько аршин. Сторонних, кроме учеников, никого не принимали в состязание – они могли стоять в стороне и смотреть. Дело было серьезное! Вот Олимпийские-то игры!

Игроки подбирались самые меткие и ловкие. Восторг вызывали удары с большого расстояния, которые как траву скашивали – часть, половину, а то и весь “кон”. А малыши возились с своими “пятками”, “семерками”. Я помню, как один из “большущих” разрушал целые постройки из шашек. Клали и деньги на кон. Тут же шла торговля шашками. Ценность их повышалась. Азарт охватывал наиболее горячих»³.

Эта игра относится к азартным играм, поскольку выбитые казанки (бабки) игрок забирал себе, а все атрибуты игры можно было обменять или купить за деньги. Собственно, смысл игры заключался не только в демонстрации сноровки, но и в приобретении игровых предметов ловкими игроками. Однако игра часто проводилась ради потехи, совсем без цели заработать игровые предметы.

Люди, описавшие правила игры в бабки, отмечали приуроченность забавы к весенне-летним праздникам: «“Бывало”, как скажут пожилые люди, “соберутся на Пасху ребята, мужики, старики с бородами по колено и начнут играть, пыль коромыслом! А теперь не то!”»⁴ (Рязанская губ.).

В Пригородных слободах г. Михайлов, по данным 1927-1928 гг., отмечены те же и другие двенадцатые христианские праздники, в которые особенно устраивались игры «в ладыжки» (то есть в бабки). М. В. Бабкин объяснял такую приуроченность к важнейшим православным праздникам экономическими причинами: «Лодыжки получались от студня, а т.к. он варился гл<авным> обр<азом> по очень большим праздникам, то и капиталистами ребята становились в эти праздники, особенно Рождество и Пасха <так!>»⁵.

Добывание «шашек», «шашечек» во время приготовления холодца из зарезанной коровы или быка зафиксировано в д. Деулино Рязанского р-на: «Каудá каро́ву зар'эжут', то у

н'ей в наўах ша́шк'и, нъстано́в'ут' р'адок и шшыба́л'и. Шшыба́л'и и друу́ой ша́шк'ь, называ́лос' б'ито́к»; «Нбу́и вар'у́л'и на хьлад'ец, а ф ша́шычк'и иура́л'и» (ССРНГ, 603).

В с. Константиново Рыбновского р-на при жизни Сергея Есенина и в другие сезоны играли в «бабки»:

«На песчаной отмели, на сельской улице, на “кулижках” играли константиновские мальчишки в свои ребячьи игры. Самыми распространенными были “бабки” и “котел”.

Кости более или менее правильной формы, что встречаются над копытами коровы или быка, назывались бабками. По названию этих костей именовалась сама игра.

Бабки, – количество их зависело от числа играющих, – ставились в ряд и выбивались с определенного, заранее оговоренного расстояния другими бабками – “битами”, обычно залитыми свинцом.

Выбивший бабки становился их владельцем, получал возможность менять их на другие крайне необходимые мальчишкам вещи – клешню рака необычных размеров, пойманного в лугах утенка, дудку из тростника – перечислить все совершенно невозможно, – а то и просто продать лишние незадачливым игрокам, а на вырученные копейки купить конфет, подсолнухов или жамок»⁶.

Исследователь-журналист А. Д. Панфилов подчеркивал передачу игры из поколения в поколение: «У этой игры были в Константинове свои десятилетние традиции, старики охотно делились с внуками своим опытом и помогали заливать бабки-биты свинцом»⁷. Такая же ситуация наблюдалась в д. Деулино Рязанского р-на: «Мужык'у иура́л'и ф ч'атыр'и ша́шч'к'и... Штоп ана́ на жо́х фста́ла – то выйура́йт', а л'ажыт' – прыиура́йт'» (ССРНГ, 603).

В «Автобиографии» (1923) С. А. Есенин указывает свою увлеченность этой игрой: «<...> а 2 коп. клал в карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играл в бабки» (Есенин VII (1), 11).

О распространенности игры в бабки (шашки) в первой четверти XX века свидетельствуют неоднократные ее фиксации, произведенные собирателями и присланные в Общество исследователей Рязанского края⁸.

В Шацком р-не подобная игра называлась «казанки» – по диалектизму, обозначающему косточки ног крупного домашнего скота. Для игры требовались разные виды костей: казанки или более мелкие бабки (шашки) – фаланги нижних конечностей; биток – более крупная косточка по сравнению с остальными, ею выбивались остальные кости с кона с расстояния в 5-8 шагов. Биток мог быть получен из разного материала – по степени градации качества выделялись следующие разновидности: лосиный биток, или «биток лася» (с. Кулики); «кобылица», то есть лошадиный биток (с. Казачий Дюк); коровий биток (самый привычный). Имелась стоимость каждой разновидности: «Один коровий биток меняли на пять пар казанков, а “кобылицу” – на 20 пар» (ШЭС, 195).

Жители с. Польное Ялтуново Шацкого р-на рассказывали: «Ну, в казанки ищѐ играли и с этими, с “битка́ми” – есть ласиные, хорошиы, ат каров есть. Настановим казанки и вот этими битками...» (ШЭС, 195).

В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. были разные виды косточек, которые составляли необходимый игровой инвентарь:

«Лодыжки, бабки в других местах, получают от коровьих ног, эти кости и известны в зоологии под названием “бабки”; с ними ниже граничат более мелкие, они у нас носили название “кубанцов” или “кубанчиков”. Они ценились ниже лодыжек, за гнездо лодыжек давали от 5 до 10 гнезд кубанцов. В кубанцы играли маленькие дети, до 8-9 лет. Аналогичные кости от свиных ног назывались “свинятками”, от бараньих и овечьих – “козлятками”, но это были совсем малоценные кости, и в них играли даже маленькие редко»⁹.

Заметим, что в расположенном неподалеку Сапожковском р-не, где в д. Александро-Прасковьянка и с. Морозовы Борки жили гончары, горшок назывался «кубáн»¹⁰.

Количество лодыжек в Пригородных слободах г. Михайлов в 1920-е годы тоже обозначали специальным термином: «Лодыжки редко считаются по одной, б<ольшей> ч<астью> их считают парами, но слово “пара” не употребляется, а существует другой термин – “гнездо”»¹¹.

В Пригородных слободах г. Михайлов в первой трети XX века ребяташки украшали свой игровой инвентарь, что одновременно служило опознавательным знаком: «Лодыжки иногда ребятами красились, так что иной игрок по своей окраске находил свои лодыжки легко в соседних слободах. Некоторые лодыжки красоты ради подписывались, такие лодыжки назыв<ались> “списками” и употреблялись как “биткú”, т.к. ими было хорошо швырять: они в лету были более устойчивы»¹².

Для утяжеления биток могли просверлить и залить свинцом или оловом – получался «свинкарь» (с. Черная Слобода) или «шляк» (с. Кулики). Следующий этап видоизменения битка – это «железницы» (с. Польное Ялтуново), «чугунки» (с. Черная Слобода), «катки» (д. Ветринка), представляющие собой металлические предметы овальной формы, гирьки от часов, обрезки труб и др. (ШЭС, 195). Все разновидности битка существовали одновременно.

На Троицком вокзале и в северо-восточной части Троицкой слободы г. Рязань в начале XX века бытовали следующие названия «бабок»-биток: «протяшка», «налитушка» и «свинчатка»¹³, свидетельствующие о разных их видах, в том числе и утяжеленных, усовершенствованных игроками. Записавший правила игры человек отмечал:

«Биты бывают очень разнообразны; зачастую битом служит простая шашка (“протяшка”), иногда, просверлив отверстие в нижней части шашки, наливают ее свинцом или оловом, и получается “налитушка”; бывают биты из чугуна или свинца, отлитых в форме шашки (“чугунка”, “свинчатка”) и в виде круглых железных или чугунных пластинок»¹⁴.

В Пригородных слободах г. Михайлов в первой трети XX века тоже изготавливались разнородные «лодыжки»-битки:

«Просверливая снизу лодыжки, их заливали оловом, получался “биток”. Делая форму и заливая ее, получали чугунную лодыжку или свинцовую – чугунки и свинчатку, которые считались самыми лучшими биткáми (иногда произносили и по-другому – бítками).

Свинцовкой называли и лодыжку, залитую свинцом»¹⁵.

При игре в «бабки» в с. Федосово Шацкого р-на битком служил «казанок»:

«В них вить играли тожы, в эти, в бабки. Вот мы играим пять чилавек, дапустим, – пять мы “шашкав” становим. Вот есть вот “казанки” – ни малинькии, а бальшыи – как всё равно эта уш этим бить. А малинькии [=“шашки”] – эт становили, значить, ну, “гырадушку” такую стынавили: в адин ряд, павдоль. Эт “кон” наставили. Вот и бей! Пападёшь в первую – знач, сшыб, бери! Ищё есиль папал – сшыбай! Мима – всё!» (ШЭС, 195).

В с. Черная Слобода Шацкого р-на название игр обусловлено видами битков – в «казанки» и в «чугунки»:

«А у нас у в етый вот у Сычюгов-та, у нёо были три “свинкаря”. Адин “свинкарь” был весь, весь такой, ну, сделынай. А в етих в двух казанках по три дирачки, туды олып ильют. Ани чижолые! А эти наши казаночки чяо? А мы все: “А-а-андре-ей! Ды дай я тваим прабью!” – “Во-от, эт как ганять ток вот вам!” А нам хочицца дóсмерти скарей у нёо схватить щелкнуть. Чюгунки! Ет да-а! А нонь тао нет!» (ШЭС, 195).

В начале XX века собиратели игры в «бабки» / «шашки» записали варианты этой игры и соответствующие ее названия: «на косяк», «в прямушку», «в выставку» и «в цыплюку» и «в цыплюку под шапку»¹⁶ (Рязанская губ.); «Виды этой игры следующие: “кон-за-кон”, в “кон”, “выставка”, “гусек” и “городской бит”»¹⁷ (Козловский вокзал и в северо-восточной части Троицкой слободы). В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. отмечены подобные названия игры – «в кон за кон», «в кон», «в выставку» и «метать», подробно описаны их правила¹⁸. Из сопоставления этих списков названий видно, что некоторая часть вариантов игры в «бабки» / «шашки» является более распространенной.

Различались виды удара битком: «битом» – скользящий удар, «в долбок» – бросок накидом (ШЭС, 196 – с. Казачий Дюк Шацкого р-на); «шибо» – бросание с размаха, «кота» – катящееся движение, «в голова» – удар сверху между гнёздами¹⁹ (Пригородные слободы г. Михайлов).

На Козловском вокзале и в северо-восточной части Троицкой слободы г. Рязань в начале XX века имелись обозначения положения брошенных «бабок»-битков: «блотце», «жогги», «тыки»²⁰.

В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. положения упавших на землю «лодыжек» тоже имели названия, но другие; об этом сообщал М. В. Бабкин:

«Кто видал лодыжки (бабки), тот обращал внимание, что эти кости по бокам имеют поверхность ровную: передняя (между прочим, бабки фигурой имеют сходство с человеческой фигурой, почему у нас некоторые называли их “человечками”), плоская сторона называлась “тоф”-ом; один бок, плоский, – назывался “бок”-ом; другой бок, изогнутый и сливающийся, если можно так выразиться, с спиной, назывался – “синой”. “Бок”, “тоф” и “сина” в некоторых играх имели большое значение»²¹.

Жители разных селений Шацкого р-на рассказывали:

«Мы “в чюгунки” играли, “в казанки”. У каров-т бывала эта из ног. Казанки, бабки вот, бывала, насодишь. Вот тах-т вот [=примерно на пядь друг от друга], бывала, наставишь эт бабки, а бьёшь казанком. Там адна ганяница. Вот щяс у кажний-та “чюгунка”. Тут вот я шелкану – два-три себе в карман!.. Эт, бывала раз шелканул: есель двух [сбил] – биреть в карман. А где нету, все прыиграють – за капейку у тибя. У тибя – вот ты многы наиграишь – щяс: “Давай уш мне за капейку!” Десить штук дашь: восим бабкыв и два этыва, “свинкаря»» (с. Черная Слобода);

«Я праигралси, всё, нет у миня большы – нада пакупать за деньги: за капейку пакупали две [штуки]» (ШЭС, 196 – с. Полное Ялтуново).

Продажа бабок осуществлялась игроками во многих селениях. В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. и в прежнее время существовали следующие расценки: «3-4 гнезда лодыжек лет 20 тому назад имели определенную цену – 1 коп<ейку>, но бывали иногда среди ребят своего рода ростовщики, которые во время игр в лодыжки, особенно во время больших праздников, напр<имер> Пасху, когда в играх принимали участие много взрослых и даже женатых, пользовались азартом игры и продавали по 2 гнезда за 1 коп<ейку>»²².

На Козловском вокзале и в северо-восточной части Троицкой слободы г. Рязань существовали особые «правила расчета – расплаты после игры» или без расплаты, породившие свои названия: «взупрак» и «взнарошку»²³; «взаправок» и «взнарок»²⁴. В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. игра в лодыжки была азартной или нет: «<...> варианты игр происходили или на интерес, по местному выражению “взуправду” или “взупрак”, или же “лодыжки” (бабки) оставались собственностью хозяев, говорили играть “взнарошку” или “вспонарошку”; в последнем случае проигравший обязан был расставить бабки для

новой игры, в то время как в первом случае (взуправду) сбитые кем-либо из игроков бвбки поступали в его собственность»²⁵.

Вот какое описание версии игры в шашки исключительно ради потехи в начале XX века представил безвестный собиратель:

«Но есть игры, в которые играют только взнарок, ради потехи. К этим играм принадлежат игра в “цыплюку” и в “цыплюку под шапку”. Игра в цыплюку ведется следующим образом: становятся шашки попарно или по одной. Потом отмечают черту, откуда бить, и начинают меряться на палке или на верёвке, что попадётся под руку, кому первому вадить, второму и т.д., смотря по тому, как находится рука на палке, считая сверху вниз. После этого, кто вадит, остается у кона, а остальные идут к черте и начинают бить в шашки. Если все дают промах, то вадит следующий, если же кто-нибудь сбивает шашку или несколько, то все идут снова бить, и вадильщик сбитые шашки ставит на место. И игра так продолжается, пока не наскучит»²⁶.

Еще одна версия игры «ради потехи» более замысловатая:

«Игра под “шапку” интересней и оживлённей. Тут также расстанавливают шашки, меряются, кому вадить, отмеряют черту, ещё отмечают, до каких мест можно бегать в ширину. Также один остается вадить у кона, и остальные идут бить. Каждый пробивает, но уже бита на трогают, а оставляет лежать там, где он упал, и прикрывает его шапкой или картузом, но и шапкой нельзя дотрагиваться до бита, в противном случае должен вадить. Тут начинают обманывать вадильщика, кто-нибудь или согнётся, или ещё как-нибудь смастерится <?> и бежит за кон. Вадильщик в него пускает свою шапку, и смотришь, у него бита нет, значит, вадильщик остается с носом. Остальные в это время не дремлют, бегут скорей за кон. Или же кто-нибудь сшибёт шашки, то остальные играющие спешат бежать за кон, пока вадильщик не поставит шашки на их место. Если же у обманщика оказывался бит, или когда вадильщик сбитые шашки поставит на место, а играющий не успевал до этого времени убежать за кон, то вадильщик в него бросал шапку и когда попадал, то этот (мальчишка) играющий должен важить. И игра так продолжается всё время, пока не бросят»²⁷.

Игра была интересной, если сменялись водящие; однако если «вадильщиком» оказывался один и тот же игрок, то игра ему становилась в тягость, он пытался избавиться от участия и за это нежелание продолжать водить его наказывали: «Иногда какого-нибудь мальчишку так навадят, что он и заревёт. Если вадильщик не хочет отваживать, то ему отдают “кулак да локотушки”, т.е. сперва кулаком ударяют в спину, а потом локтем»²⁸.

В Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг. М. В. Бабкин записал вариант игры в ладыжки (в бабки) под названием «в кон за кон». Правила игры таковы:

«Лодыжки (бабки) расстанавливались “в кон”, на некотором расстоянии (шагов 30-40) находились игроки, битками бившие по очереди кон. Если игра происходила “взуправду”, то каждый имел право иметь столько битков, сколько он выставил “в кон” гнезд своих бабок; иногда уговор был ставить 2, редко 3 гнезда на биток. Били по очереди; битки за коном располагались, конечно, на разном расстоянии, поэтому с другой стороны “кона” били не по очереди, а начинали с дальнейшего “битка”, ближайший к “кону” биток бил последним. Кто сколько выбивал гнезд (бабок), тот их забирал себе. Некоторые условия обязательные в игре: если от гнезда выбивалась одна бабка, то выбивший забирал себе гнездо; если выбитыми бабками выбивались другие бабки через несколько гнезд (или бабок) от места удара, то все выбитое ставилось на прежнее место, игрок ничего не получал (это называлось “через”); игроки имели право “заводить”, то есть ставить его на другое место, не где ложился его “биток” (или “бйтка”), но на край <?> же линии по отношению к “кону”, где первоначально упал “биток”, для этого его первоначально спрашивали: “Как бьешь?”. А били из-за кона двояко: “шибо”, т.е. с размаха, как обычно швыряют или бросают что-либо, когда рука отводится вверх и в сторону, или “кота”, когда рука принимает то положение, какое бывает

при желании дать катящееся движение предмету, т.е. рука отводится вниз и назад; во время бросания “битка” нельзя было слушать или развлекать бившего, говорили: “Не подговаривать”»²⁹.

Этот же собиратель зафиксировал другие варианты игры в лодыжки, например, «в кон»: «Та же игра, но из-за кона уже не били, а забирали битки и возвращались все в исходное положение»³⁰. Разновидностью игры в лодыжки, объединяющей варианты «в кон за кон» и «в кон», являлась игра «в гусек» со следующими правилами: «Игра была и “в кон за кон” и “в кон”, но бабки расставлялись не “в кон”, а “гуськом”»³¹.

Более сложными были правила варианта игры «в выставку»:

«Бабки расставлялись “гуськом”, игра по всех отношениях походила на предыдущую, но нужно было выбивать ни где выбьется, как при игре “в гусек”, а с противоположного конца от играющего. Если выбивал кто-либо в середине или в конце, ближайшем к игроку, то все выбитое становилось на место, а неправильно выбивший доставлял столько гнёзд, (или бабок, если игра была “по одному”), сколько выбил»³².

Еще одним редким вариантом игры являлся вариант «метать», начинавшийся с бросания жребия для определения очередности вступления игроков в игру:

«Бабки становились или “коном”, или “в гусек”, на определенное место игроки не уходили, а становились около бабок и “метали битки”, т.е. бросали их на небольшое расстояние вперед от бабок. Били с того места, где ложились битки. Сперва били те, у кого биток ложился в положении “бок”, начиная с самого дальнего, за ними те, у кого был “тоф”, тоже начиная с дальнего, потом уже те, у кого биток был в положении “сина”.

Несколько добавлений: 1) кроме ударов “шибо” и “кота” был удар “в голова”, им пользовались те, чей биток располагался около “кона”; удар заключался в том, что били сверху, направляя биток в промежуток между гнездами; 2) у кого не хватало бабок, тот мог ставить и деньги, если игра была “взуправду”, обычно копейки, 2 коп., 3 коп. Ставились они: при расстановке бабок “гуськами” впереди, при “коне” с одной какой-либо стороны его. При цене 3 гнезда за 1 коп., напр., если копейка ставилась за 2 гнезда, то выбивший ее мог заплатить хозяину ещё гнездо и взять копейку себе; 3) зимой играли на льду реки; в это время часто вместо битка употребляли “плитки”, т.е. чугунные пластинки, напр. от сковороды, и “катки”, напр. гирю от часов»³³ (Пригородные слободы г. Михайлов).

М. В. Бабкин в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов охарактеризовал еще один вариант игры в бабки – без названия, однако имеющий свои правила:

«Как один из видов игры нужно еще указать, что при играх всех видов иногда не уходили “в кон”, а становясь около бабок, бросали “битки” через голову: где они падали, от туда и били.

Если при игре уходили “в кон” и биток не долетал до стоявших бабок (лодыжек), а хозяин его в него играть далее на один этот раз не мог, а если хотел играть, то должен поставить “гнездо” бабок новое и идти “бить” сызнава»³⁴.

В Шацком р-не исследователями отмечены особые зимние версии игры «в казанки» – с применением вместо битка специальной палки – «щуки» (с. Польное Ялтуново), «юлы» (с. Польное Конобеево), «стрелки» (д. Новая), «змея» (с. Шевырляй, д. Успеновка), «змеи» или «змейки» (с. Шевырляй), «змейки» или «вьюна» (д. Богослов / Богословка), «юлы» (с. Темешево, с. Польное Конобеево), «тюлькá» (от слова «тюлёк» – с. Кулики) (ШЭС, 196, 304). В с. Черная Слобода играли в «попушóк» или «пущок», в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на – «в далбкú» или «в щуку» (ШЭС, 304).

В с. Польное Ялтуново Шацкого р-на рассказывали о детской игре с употреблением палки:

«“Щюки” дельли, вытёсывали. Ну, вот иё вадой абальёшь, ана замёрзнить, и вот мы с тобой пойдём играть: “Па сколько?” – “Ну, по дви”. Иль по три казанка поставим и атходим. Вот и пускаим [“щуку”] – хто “убьёт” яво. Эт казанки снова ставим...» (ШЭС, 196).

В с. Польное Конобеево Шацкого р-на сообщали: «Бувала, набирають гавяжьи балышы казанки-т, настановють и тада “юлой” [сбивают]. Сколькы сабьёт – эт яво!..» (ШЭС, 196).

В д. Новая Шацкого р-на рассказывали об особенностях изготовления игровой палки: «Эт зимой. “Стрелку” сделайшь, нос ей завастришь, вострый! Абмарозишь иё, штоб ана скользкая была. И вот тада па дароги-т настановишь йих, и вот тада – там кон, аткудава бить в ние – и вот бьёшь этой “стрелкай”» (ШЭС, 196). В с. Шевырляй Шацкого р-на объясняли: «“Змейка” называли – сантиметры семьдисить-восимдисить. Ну, разные ани. К канцу, значить, ана тонкая, сверху заастрёна, штоб ни зацыпляла за снег. Вадой иё абальёшь, значить, ана штоб склизкая была, и, значить, вот пускаишь иё, и шшыбаить там. Ана па снегу уйдёт далёка...» (ШЭС, 196-197).

Показательно, что зимние версии игры «в казанки» тоже относились к азартным играм: за проигрыш в них следовало наказание. Так, в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на установившуюся ближе всех «щуку» наказывали тем, что все игроки долбили ее носиком своей «щюки» («всю искуряють»), а в нос «щюки» часто вбивали гвоздь, и в результате от «щюки» проигравшего часто оставались одни щепки: «“В далбки”, эт “щюки” пускають. Кто, значить, дальшы улитить “щюка”, эт харашо, а у каво ближы – ага: “Па сколько?” – “Па два или по три!” – па яво щюки” долбим. Всю “щюку” эту раздалбаим у няво» (ШЭС, 304).

Игра в «казанки», когда вместо косточек крупного домашнего скота использовались деревянные чурочки и палки, которыми сбивали относительно мелкие кости ног животных, сближается с игрой «в городки». Упоминание о такой игре записал школьный работник С. С. Камышов в с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г.: «“Игра в городки”. Интересная, развивающая мускулатуру рук и глазомер, раньше была любимой игрой не только детей, но и взрослых; теперь, к сожалению, совершенно исчезнувшая»³⁵.

Вероятно, историческим развитием игры в «бабки» / «шашки» стала игра «в деньги», в которой монеты заменили косточки ног крупного домашнего скота. Ученик школы II ступени Водного Транспорта в г. Рязань, член кружка «Юный краевед», в 1920-е годы записал правила игры «в деньги»: «<...> кладут медные монеты на землю и с определенного места бросают в них тоже монетами; тот, кто попадает своим “битом” в лежащую на земле монету, выигрывает ее <...>»³⁶.

К подвижным играм следует отнести игру «в лапти» или «в рыбу», бытовавшую в 1920-е годы в г. Касимов и д. Ильино, д. Кузьмино, д. Вельково, д. Ломакино, д. Акишино, с. Алексеево, с. Ерахтур, с. Б. Кусмор Касимовского у. Для игры нужны игровые атрибуты, которыми служили самые обычные предметы.

Правила игры «в лапти» таковы:

«<...> около вбитого в землю кола укладываются “в клетку” пар 10-15 старых лаптей; к колу привязывается веревка; “водящий”, держась одной рукой за веревку, старается ударить лаптем по руке остальных играющих, пытающихся брать лапти от кола; получивший удар становится “водящим”. Игра продолжается до тех пор, пока не “растащат” всех лаптей; тогда “водящий” бежит до определенного места, а остальные забрасывают его похищенными лаптями»³⁷.

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. в с. Лихунино Касимовского у. записал вариант игры «в лапти»:

«Вбивается кол, к нему привязывается веревочка длиною в аршин, или же совсем таковой не бывает. К колу накладываются старые лапти. Затем играющиеся <так!> конаются или меряются, как при игре “в прятки”. Кому достанется кон, становится к колу. Вся игра состоит в том, чтобы не дать расхитить лапти, для чего находящийся у кола все время ходит кругом, стараясь коснуться свободной рукой похитителя, остальные же с изумительной ловкостью растаскивают лапти. Если имущество расхищено, то в наказание он должен пробежать указанное расстояние, сопровождаемый бросаемыми в него лаптями. Если же он кого коснётся, то тот занимает его место»³⁸.

С. С. Камышов отметил, что игра «в лапти» в с. Лихунино Касимовского у. к момента обращения на нее внимания собирателя осталась в прошлом: «Игра теперь забыта, лет 25 тому назад она была любимой игрой»³⁹.

Показательно, что многие подвижные детские игры основаны на использовании собственных ног игроков – не только для бега (напр., в игре «кондри», «в прыжки»), связаны с применением косточек ног домашних животных («в бабки» / «в казанки»), с употреблением обуви – лаптей и туфель («в лапти»).

В научных публикациях и архивных коллекциях сохранилось множество описаний подвижных игр с косточками животных, с детской обувью. Безусловно, их нужно опубликовать и тщательно изучить, но это задача отдельного узко специального исследования.

¹ Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 62.

² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

³ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. С. 90.

⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2 – Игра в шашки.

⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 37 (29) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

⁶ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 129-130.

⁷ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 130.

⁸ См.: РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512-513. Кн. V-VI. Ед. хр. 124, 126 и др.

⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 39 (30) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹⁰ Записи автора. Тетр. 37-А и 37-Б – 2 фольклорных экспедиции в Сапожковский р-н Е. А. Самоделовой с Е. С. Ефимовой, лето 2009 г.

¹¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 36 (27) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 37 (29) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. Рукопись 1927-1928 гг. (Пригородные слободы гор. Михайлова).

¹³ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13. № 126 – г. Рязань.

¹⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/513. Кн. VI. Ед. хр. 126. Л. 2-2 об. – Игра в шашки на Козловском вокзале и в северо-восточной части Троицкой слободы г. Рязани.

¹⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 38 (30) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁶ Р РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2. – Игра в шашки; Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 12. № 124 – Рязанская губ.

¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК.; Ф. III/513. Кн. VI. Ед. хр. 126. Л. 2 об. – Игра в шашки на Козловском вокзале и в северо-восточной части Троицкой слободы г. Рязани; Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13. № 126 – г. Рязань.

¹⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 42 (33) – 46 (37) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 42 (33), 46 (37) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²⁰ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13. № 126 – г. Рязань.

²¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 39 (30) – 40 (41) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 36 (27) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²³ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13. № 126 – г. Рязань.

²⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2. – Игра в шашки.

²⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 40 (31) – 41 (32) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

²⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2. – Игра в шашки.

²⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2-2 об. – Игра в шашки.

²⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 124. Л. 2 об. – Игра в шашки.

²⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 42 (33) – 44 (35) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 44 (34) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 44 (35) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 44 (34) – 45 (36) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 45 (36) – 46 (37) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 46 об. – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 2 об.-3 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

³⁶ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 28. № 171 – г. Рязань.

³⁷ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 14. № 129 – Касимовский у.

³⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 5 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

³⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 5 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

Глава 52.

Динамичные игры с мячом / шаром

О том, что подростки всегда любили играть в подвижные игры, показывать ловкость и выносливость, управлять своим гибким телом, применять игровую атрибутику, свидетельствуют воспоминания современников Сергея Есенина, уроженцев Рязанщины.

В повести «Я люблю Кольку» (1972) А. И. Осипова, явно носящей автобиографический характер, сообщается о самодельных летних игровых атрибутах: «Дуська и Шурка, мои младшие сестры, играли у сеной в мячик, сваленный из коровьей шерсти»¹ (д. Аксиньино Рязанского уезда / р-на).

Об игре «в мяч» и о разнообразных мячах – самодельных и покупных – сообщил школьный работник С. С. Камышов по наблюдениям в с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г.: «“Игра в мяч” сохранилась до сих пор. Взрослые принимают участие с весны, дети – все время. Взрослыми употребляются резиновые литые мячи, детьми – “лапта” – мяч, сшитый из тряпья или сваленный из шерсти. Игра в мяч общеизвестна»².

Сейчас скатыванию подобных самодельных мячей сотрудники Есенинского музея в с. Константиново Рыбновского р-на специально обучают детишек:

«На занятиях в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина старинные мячи, как предметы народного творчества, служат образцами, по которым ребята учатся делать своими руками “собственные шедевры”. Пожалуй, самый простой в изготовлении – войлочный мяч. Вращательными движениями сваливают между ладонями небольшой шарик из шерсти. Затем опускают его на несколько минут в горячую мыльную воду. Когда вода остынет, достают шарик и формируют мяч до размера среднего яблока. Если требуется – добавляют шерсти»³.

Н. В. Рамнёнак, организовавшая такие увлекательные и познавательные занятия по изготовлению традиционных самодельных мячей, расценивает эти игровые атрибуты как «предметы народного творчества». Такая высокая оценка подчеркивает, что рукотворные мячи стали рассматриваться в современную постиндустриальную эпоху некоей материализацией народной истории, традиционной патриархальной ментальности русских и соседних народов.

Н. В. Рамнёнак обучает детишек созданию и конструктивно более сложных мячей: «Остатки цветной ткани, по старинке, рвутся на полоски “шириной в палец” и туго скручиваются в клубок. Полоски накладываются одна на другую при сматывании. Кончик заправляется за предыдущий слой ленты. Получается твёрдый и прыгучий мячик-клубок. Его использовали для уличных игр»⁴.

Известен и третий способ изготовления мячика: «Следующий мячик сшивной. С ним можно и в “котёл”, и в “лапту” сыграть. Сделать его чуть сложнее. Сначала плотно сматывается небольшой шарик и прошивается. Затем на него наматывается ещё слой материала и вновь прошивается. Так до тех пор, пока не получается нужный размер»⁵.

Н. В. Рамнёнак в статье «“...Лучшей забавы ты не добудешь...”: традиционные игры с мячом в селе Константинове» (2015) подробно поведала о более сложном способе создания лоскутного мячика⁶. Показательно, что ситуация с детскими игрушками коренным образом изменилась за последние сто лет: в начале XX века самодельные мячи, куклы и иные игрушки имелись почти у всех детей и были привычными, поэтому крестьянские ребята мечтали об экзотических покупных игрушках. В начале XXI столетия сельские дети уже окружены сделанными на фабриках игрушками и с удовольствием принимают участие в

мастер-классах по изготовлению рукотворных игрушек, слушая восторженные воспоминания своих бабушек о подобных предметах их детства.

А. А. Есенина, младшая сестра Сергея Есенина, сообщала о своем изумлении и удивлении соседской ребятни при виде покупного мяча, привезенного поэтом в с. Константиново Рязанского у. в начале XX века: «Видела я кое у кого из ребят и мячи, но то были черные, “араповые”, маленькие, а вот такого большого, красивого, покрытого лаком, не было ни у кого. И когда я появилась с ним на улице, вся соседская детвора окружила меня и кто-то попросил поиграть»⁷.

Она с душевным трепетом вспоминала об игре в этот необычный для крестьянских ребятшек мяч в с. Константиново Рязанского у.:

«Сергей, улыбаясь, предлагает: “Давай поиграем”. Я отдаю ему мяч и с ужасом смотрю, как он бросает его высоко-высоко. Мяч становится маленьким и каким-то тёмным, летит всё выше и выше, и я боюсь, что он не вернётся. Потом на какое-то мгновение мяч как будто повисает в вышине, затем начинает опускаться. С замиранием сердца я жду его возвращения. Вот мяч совсем уже близко, но, ударившись со звоном о землю, он подпрыгивает и так несколько раз, с каждым разом делая прыжки всё ниже и ниже. Наконец он покатился по земле, я с радостью хватаю его и проверяю: не разбился ли. Убедившись, что мяч цел, я потихоньку, осторожно начинаю играть с ним»⁸.

Но играть пришлось недолго: резиновый мяч закатился под крыльцо и при попытке его извлечь оттуда был случайно проколот гвоздем и испустил дух.

Из этого описания видно, что простая игра в мячик представляла для детей очень важное событие, влиявшее на мировоззрение ребенка и запомнившееся как яркий эпизод детства: ведь детскую игру организовал старший брат – уважаемый в семье человек, пример для подражания младших!

В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) зафиксировано редкое диалектное слово, обозначающее определенное игровое движение с мячом: «Копёкать (кап'ókат') – во время игры подбрасывать и ловить какой-либо круглый предмет (мяч, шарик и т.п.)»⁹. В куршацких селениях Клепиковского р-на говорили: «Дай парьню мёцак, пушшай кап'ókыйат» (д. Борисково); «Ды тах-та кап'ókать и йа сумейу, а ты мёцык-та вышы брось и паймай» (с. Малахово)¹⁰.

М. В. Бабкин на примере правила игры в мяч в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов отметил важный игровой элемент, переводящий порядок действий в противоположную сторону: «“Свеча” – поймавший на лету мяч – меняла роли партий. Про партию ловившего мяч говорили, что она вадится»¹¹. В других правилах «свечой» называли пойманный мяч, то есть ситуацию с мячом, а не с игроком.

Школьник А. В. Юшин со слов М. А. Филипповой (1928 г. р.) описал «игру в мяч», как в нее играли в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

«Эта игра была очень распространена в 1930-1940-е гг. Играли в нее вместе мальчишки и девчонки. Канались на палке, кто первый будет начинать игру. Затем начинали чеканить мячом. Мяч был покупной, но набивали его соломой и тряпками сами. Порядок чеканки был следующим: сначала подходили к стене и одной рукой стучали мячом о стену, затем чеканили мяч грудью, потом “лобашкой”, а уж потом коленкой. Очередь к следующему игроку переходила тогда, когда у прежнего игрока мяч падал на землю. Победителем считался тот, кто прошел все этапы»¹².

Мяч являлся главным атрибутом и для игры в «штандер», которую также со слов М. А. Филипповой (1928 г. р.) записал А. В. Юшин в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

«“Для игры необходим мячик, который в селе Новая Пустынь в начале прошлого века делали из тряпок”. В эту игру играли на улице, количество играющих – не менее 6 человек. Играли в нее мальчишки и девчонки вместе, возраст значения не имел. Все играющие становились в круг на расстоянии шага, кто-то один с мячом становился в центр круга, который обозначали камушком. Затем водящий подбрасывал мяч высоко вверх и называл имя того игрока, который выбегал быстро в центр круга, чтобы поймать мяч. А бросавший бежал на его место. Бросать надо было повыше и точно вверх, чтобы мячик падал в пределах круга игроков. Если мяч падал за пределами круга, то приходилось перебрасывать мяч снова. Тот, кого называли, должен постараться поймать брошенный мяч. Если поймает, ему не придется водить, и он имеет право встать в центр и снова подбросить мяч кверху, называя имя того, кто должен этот мячик ловить. Так могло продолжаться несколько раз, пока кто-то из выкликнутых не оплошает.

А когда мяч поймать не удавалось и он падал на землю, то все игроки бросались врассыпную, а ловивший старался как можно быстрее схватить мяч с земли, прибежать в центр круга и крикнуть “Штандер”, после этого убежавшие игроки обязаны были остановиться.

Теперь водящий должен был попасть в кого-нибудь мячом. Водящий называл имя этого человека, который должен был вытянуть вперед сомкнутые руки, образовав кольцо. Водящий спрашивал разрешение сделать вперед несколько шагов. Если водящий попадал в это кольцо, то этот человек должен был водить. А тот, в которого попали мячом, поднимая его с земли, сам кричит: “Штандер!” и бросает мячик в ближайшего игрока. Так игра продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь не промахнется. За промах начислялось штрафное очко, и он должен сбегать за мячом, и начать игру сначала, с центра круга. Каждый, кто за игру промахнется три раза, подбрасывал мяч последний раз и выходил из игры. А остальные продолжали играть. Игра продолжалась до тех пор, пока не останутся последние четыре игрока. Они и считаются выигравшими»¹³.

А. В. Юшин описывает определенные хитрости, применявшиеся для победы в игре:

«1. Вызывать чье-то имя можно до того, как мячик брошен в воздух. Но и называть имя не следует задолго до броска, чтобы все не разбежались раньше времени.

2. Кричать “Штандер!” можно только после того, как мячик поднят с земли, и игрок встал с ним в центре. А чтобы игроки не успели разбежаться далеко, надо быть проворнее и быстрее хватать мяч, как только он подпрыгнул от земли. Но после команды водящего “Штандер!” он и сам не имеет права сдвигаться с места. Он может только поворачиваться в разные стороны, выбирая, кого ему послать.

3. Все, кто убежал, услышав слово “Штандер”, должны немедленно остановиться на месте и стоять до тех пор, пока мячиком не попадут в кого-то или не случится промах. После этого всем надо идти в круг.

4. Игрок, который видит, что его собираются послать, имеет право всячески уворачиваться. Он может даже повернуться к водящему боком или спиной»¹⁴.

Точное происхождение названия игры неизвестно, но фонетически к слову «штáндер» близок немецкий глагол с буквенным сочетанием «st» как звука [ш]: stehen – stand – gestanden (‘стоять – стоял недавно – стоял давно’)¹⁵.

Иван Ерёмин, ученик II класса, к «рязанским играм» отнес «салки» – причем версию с мячом, описав необычные правила игры, вероятно, существовавшие в дореволюционный (до революций 1917 г.) период:

«Играющих сколько угодно. Каждый на ровном месте роет себе ямку на расстоянии друг от друга на 5 вершков. Потом берут палку и чертят круг вокруг ямок. И, взявши мяч, катают, и в чью ямку попадет, тот должен брать мяч и бить, в кого хочет. А остальные игроки должны выбежать из круга, а потом они должны пробежать обратно в круг так, чтобы вадящий не попал в него <так!> мячиком. Если он промахнется, то считается 1 раз на том, кто промахнется. А если попадет, то считается 1 раз на том, в кого попал. Играют до 10 раз. Как

10 раз сравняется, то этого человека ведут к стене и ставят лицом к стене, а потом считают от него 12 шагов и бьют изо всей силы столько, сколько у каждого набралось единиц: напр., у кого 1 раз – бьет 1 раз, у кого 2 – тот бьет 2 раза и т.д.»¹⁶.

М. В. Бабкин поставил такую игру на седьмое место по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: <...> 7) “В салки” (“В шалки”) <...>»¹⁷. Можно предположить, что второе название – «в шалки» – отражает детскую шепелявость, а не диалектное название игры. Однако есть еще одна гипотеза: звук [ш] может свидетельствовать о родстве игры «в шалки» с другими играми в «шар» (в «штандер» и др.).

М. В. Бабкин привел описание игры «в салки» («в шалки»), в котором название относится к вырытой в земле ямке для мяча:

«У нас произносили “шалки”.

Игра несложная; выкапывали небольшие ямочки <...> и по ним <...> этих салок катали мячик по очереди; за каждым закреплялась салка; в чьей салке мячик останавливался, тот был должен быстро схватить мячик и попасть им в одного из играющих, которые при остановке мячика в салке разбегались. Если играющий промахнется (“пропуделяет”), тот должен был “вадиться”, т.е. встать в десяти-двенадцати шагах от салок, а каждый из играющих бил в него мячиком, причем промахнувшийся занимал место вадившегося, а вадивавшийся освобождался от дальнейших ударов мячом, направлявшихся уже в того, кто сменил его»¹⁸.

Как видно из этих двух описаний, в данной версии игры в «салки» («шалки») важно наказание за допущенные промахи: именно на них акцентируют внимание ученик Иван Ерёмин и М. В. Бабкин.

К «рязанским играм» 1920-х годов относится еще одно описание детской забавы – под названием «игра в лунки»; несмотря на свое название, эта игра является вариантом описанных выше «салок» с мячом. Вот правила «игры в лунки»:

«Рисуют на земле овальный круг <!>. В кругу делаются неглубокие круглые ямки, числом столько, сколько играет человек. Каждый играет, выбрав себе лунку. Катится мячик по ямкам, не очень сильно. Тот играющий, к которому в ямку попадет мячик в то время, как остальные играющие выбегают из круга, салит их.

К тому, в которого он попадет, в ямку кладется стеклышко для того, чтобы сосчитать, сколько раз его салили.

Тот, у которого набирается число стеклышек, условленное в начале игры, проиграл.

Он становится в пяти шагах от круга, и в него “салют”, т. е. бросают мячиком все играющие по три раза.

Прوماхи не повторяются.

На жаргоне ребят это называется “распинание”. То есть тот человек, который проиграл, “распинается”»¹⁹.

Н. В. Рамнёнак, заведующая отделом Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, приводит сведения об обрядовом применении мяча в календарно-значимое время: «Всего лишь 50 лет назад, как часть обычая “новогодних огней”, в Михайловском районе Рязанской области, дети за неделю до Нового года делали тряпичные мячи, которые вымачивали в керосине. В Новогоднюю ночь их привязывали к проволоке, поджигали и быстро вращали над головой. Огненный круг из тех же древних обрядов – защита от злых сил»²⁰. К сожалению, Н. В. Рамнёнак не указала источник этих сведений, поэтому трудно судить об их типичности или уникальности, об архаичности или современном заимствовании. В обрядовом фольклоре Рязанщины (как и везде в России) наиболее значимым в народе до сих пор является так называемый Старый Новый год, отмечающийся ежегодно 14 января и появившийся в результате народного восприятия календарных изменений в связи с

декретом 1918 г. о переходе на новое время. Именно в Советский период истории к Новому году (или к Старому Новому году) обычно были приурочены все важные ритуальные действия. Поэтому мы допускаем, что описанный выше обычай «новогодних огней» является вторичным, возрожденным полвека назад в слегка трансформированном виде клубными работниками, библиотекарями или учителями. Вероятно, они застали осколки угасшей народной традиции, провели специальные разыскания (опросили старожилов, записали или хотя бы запомнили рассказы об их детстве) и предложили местному населению провести такое обрядовое действие. Далее «новогодние огни» понравились подросткам и вошли в их обиход, продолжая прерванную традицию или создав по типичным обрядовым клише новую. В настоящее время жонглирование зажженными предметами распространено среди молодежи, которая по вечерам в значимых для них местах (напр., в Москве на площади перед главным входом на ВДНХ / ВВЦ, на Чистопрудном бульваре) устраивает завораживающее огненное шоу. Можно предположить, что подобное регулярное зрелище проводится в г. Рязань.

В Рязанском уезде в с. Константиново, части которого принадлежали разным помещикам (Олсуфьевым и др.), в начале XX века у крестьянских детей сохранялась традиция играть в дворянские игры, в том числе принесенные из других стран. О некоторых таких играх (в частности, в крокет) вспоминал Д. А. Воробьев, односельчанин Есенина: «Дружили мы с Серёжей. Вместе играли в войну, лапту, крокет, городки... Он у нас заводилой был»²¹. Почти тот же спектр подвижных игр (но без заимствованных из других стран) в с. Константиново Рыбновского р-на (б. Рязанского у.) был зафиксирован со слов старожилов села в 1960-е годы: «Играли и в городки, пускали воздушные змеи по ветру. <...> Популярна была и лапта»²².

В. О. Федин сообщает, что в Шиловском р-не «русская лапта» была сезонной игрой, хотя погодные условия позволяли играть и в более продолжительный календарный период: «В Инякино и деревушках были и разные групповые игры. Традиционной игрой была русская лапта, интересно, что играли только весной, после таяния снега, когда земля ещё до конца не подсохла. Играли на траве, бывало, даже по грязи, домой приходили в запачканной грязью одежде. Но весна проходила, а с ней отходила и забывалась до следующего года лапта»²³.

Этимолог Макс Фасмер акцентирует внимание на происхождении названия игры «лапта́», «лопта́» от палки с лопатообразным широким концом, возводит генезис игрового термина к лопате, к праславянскому *lopъta²⁴.

Житель с. Новая Пустынь Шиловского р-на А. В. Юшин в 2009 г. со слов старожилов привел описание игры в лапту, основными атрибутами которой являются палка и мяч:

«Житель с. Новая Пустынь Ю. А. Жильцов рассказывал, что они сами делали лапту. Срубали палку длиной 60-70 см, затем срезали с нее сучки, снимали кору и шлифовали осколком стекла. Палка для лапты должна была быть прямой, поэтому чаще всего ее делали из сосны. Концы палки обязательно закругляли. Обычно все играющие делились на две команды. Игра проходила на ровной площадке, чаще всего это был луг. Обычно эта площадка имела форму прямоугольника. Короткая сторона прямоугольника называлась «город», вторая – «кон». Прежде, чем начать игру, «каналась» на палке. Капитан команды, взявшей верх, вместе со своими игроками отправлялся в город, чтобы бить по мячу и бегать из города на кон и обратно. А игроки другой команды вставали в поле, их задача заключалась в том, чтобы поймать мяч и послать им соперников, пробежавших мимо. Игроки основной команды выбирали подавальщика мяча, который подкидывал мяч, по нему били его товарищи по команде. Ударять по мячу старались как можно сильнее, чтобы отбить его далеко в поле. После удара каждый игрок обязательно должен был сбегать на кон и вернуться. Только после этого он имел право снова бить по мячу. А игроки поля старались поймать мяч на лету или же быстрее поднять его с земли, чтобы «послать» <Уляхин М.И., 1938 г.р.> кого-нибудь из

перебегавших игроков города. Игрок, которого “посадили” или после его удара поймали мяч (в с. Новая Пустынь называли “поймать свечу” <Ю. А. Жильцов>), выбывал из игры.

Цель игры заключалась в том, чтобы как можно дольше продержаться в городе.

Побеждала та команда, которая больше играла в городе. Сама игра заканчивалась, когда все устанут. Лапта – это игра “по луне” <Ю.А. Жильцов>, т.е. в нее играли допоздна, пока луна не выглянет на небе»²⁵.

А. В. Юшин привел условия игры:

«Для лапты характерны следующие правила:

- все игроки бьют по мячу только один раз, за исключением двух случаев: если все игроки пробили неудачно, то последний игрок становился выручалочкой, и ему разрешалось бить по три раза подряд; но уже после его первого удара другим игрокам необходимо было бежать на кон и вернуться, так как два последующих удара он мог промазать; во втором случае, когда игрок становился выручалыщиком и получал право пробить три раза, но оказывался неважным игроком и все три раза промахивался;
- подавальщики не должны переступать черту города;
- команда города переходит в поле, если все игроки пробили мяч, но никто не перебежал за линию коня;
- запрещается бежать во время подкидывания мяча, если игрок уже начал перебежку, но заметил, что бежать слишком рискованно, мяч в руках противника, он может вернуться назад;
- для того, чтобы быстрее оказаться играющими в городе, водящие должны ловить мяч (в с. Новая Пустынь говорили “поймать свечку” <Юшина В.П., 1947 г. р.>); когда партия переходит в город, то право первому бить по мячу предоставляется игроку, поймавшему свечу;
- нельзя мешать игрокам города, когда они бегут по полю;
- мячик разрешается брать в руки только подавальщику и игрокам поля»²⁶.

Жительница с. Константиново Рыбновского р-на вспоминала, с каким увлечением она с подругами, уже став взрослыми, играли в детские игры: «И большинство мы играли в лапту. Мы даже коров доили за рекой, бывало, коров нету, мы скорее в лапту в ребячью играть. Одна как запустить да самого до Киша <?>. И вот бегали! Или в такую лапту, или в круговую, и в ребячью лапту. Бьёшь поилкой – как дашь, того и гляди, и это, и бегаешь. <Поилкой? – Е.С.> Ну да, тебе подают, а ты по мячу хреначишь, вот»²⁷. Поилка – это тот предмет, который применялся для дойки коров; обычно же использовалась палка с уплощенным концом.

Среди «рязанских игр», записанных в г. Рязань в 1920-е годы, отмечена «игра в лапту»:

«Играют в лапту следующим образом. Собирается несколько человек, обязательно четное количество, и делятся на две равных по количеству и силе игроков партии.

Затем проводят три черты. С первой черты бьют, со второй марываются (эта черта так и называется “марыв”) и третья черта служит обозначением места, до которого нужно бегать. Одна партия бьет, а другая вадит или стоит в поле.

И той партии, которая стоит в поле, один подает мячик тем, которые бьют.

Все бьют по одному разу, кроме “матки”, этот может бить 3 удара.

Тот, который пробил, должен сбегать до черты и обратно. После этого он может опять бить. Если кто-нибудь из “вадящей” партии поймает мячик или “посалит”, т. е. попадет мячиком в того, который бежит из противоположной партии, то эта партия идет бить, а та партия идет вадить в “поле”.

Эта игра очень распространена в Рязани»²⁸.

В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) зафиксировано иное название этой игры: «Лапшá – народная игра в мяч двумя партиями, лапта»²⁹. Жители д. Акулово Клепиковского р-на упоминали об этой игре: «Ды ані на ўлыцы в лапшú игра́ют (о подростках). У нас игра лапшá, то́льки та́х-та гыварят»³⁰.

Кроме мячей разных типов, существовали деревянные шары, применяемые в определенных играх. Слово «шар» на рязанском диалекте обозначало ‘мяч’: «Мяч – шар»³¹ – отмечено в д. Братиловое Алексеевской вол. Касимовского уезда в 1923 г.

Старожилы с. Константиново Рыбновского р-на в 1960-е гг. рассказали об игре в «котел» с деревянным шариком:

«Для игры в “котел” на полторы-две лопаты вырывалась ямка – “котел” – двое, а могло играть и четверо-пятеро, – с клюшками, – простыми палками с утолщением или закруглением на конце, смахивающими на современные хоккейные клюшки, – становились на защиту “котла”. Тот, кто водил, должен был забросить деревянный шар в “котел”. Когда шар попадал в “котел”, защищавшие “котел” должны были срочно поменяться местами. Одно место предназначалось для только что отводившего и не могло быть занято. Замешкавшийся оставался без места и должен был водить.

Играли обычно на лужайке перед чьим-нибудь домом. Более трудной разновидностью этой игры было забрасывание мяча в “котел” снизу вверх в овраге или на спуске к Оке.

Играли с азартом. Иногда доводили до слез. Отказавшегося водить насильно сажали на “котел”, клали клюшки на плечи и устраивали основательный “жим”. Захныкавшего воспитывали терпеливости, стойкости и справедливости тумаками»³².

На игру «в котел» похожа игра «в приколы», в которой использовались те же атрибуты – деревянный мяч и палка. Ее правила описала этнограф И. С. Слепцова (Кызласова), основываясь на собственных полевых записях, сделанных в Шацком р-не: «Несколько игроков, обычно четверо-пятеро, вставали вдоль черты с палками в руках. В 8-10 м от нее клали деревянный шар, который игроки сбивали, бросая по очереди палки. Водящий должен был вернуть шар на прежнее место, а игрок сбегать за палкой и вновь встать у черты. Если удар был слабым и шар отлетал недалеко, то водящий мог успеть поставить шар и занять место игрока. Тогда считалось, что он “отвадился”, а водить начинал опоздавший игрок» (ШЭС, 333).

Жительница д. Токарево Шацкого р-на сообщила о правилах игры:

«“В приколы” – такой вот шар, а у нас вот такия палки. И сажыня три-чytyри ат этыва шара и пападаим палкай в эт шар... Как вот дашь – палка óкаль этава, а шар вон где! А другая вáдить, ана бижыть за энтим шаром. Я иду за палкаю, а ана бижыть за ша́рам. И значить, я приду с палкай раз, а ана за шарам сбегала, значить ей ищѐ вадить. Я апытъ становлюся. <...> А другая за мной за следам тожы будить играть. У миня, можыть, палка дальшы атлителя, значить ана атвáдилась, другая идѐть вáдить, я атыгрáлась. Када ана [с шаром] прибижыть впирѐд палки, тада ана миняицца... Када ана с шаром пабижыть, и на место паставить, всё, а с палкый ана ищѐ тольки идѐть, значить, энтай вадить» (ШЭС, 333).

Как указывает И. С. Слепцова (Кызласова), в с. Лесное Ялтуново Шацкого р-на бытовала иная разновидность игры, которая носила название «в черноко́лы». Колышек забивали почти вровень с поверхностью земли, и на него ставили шар. Игроки отходили от шара примерно на 10 м и оттуда по очереди бросали в шар свою палку. Если игрок сбивал шар, то бежал за палкой, а водящий – за шаром (он должен был вернуть шар на кол), затем оба стремились занять место в ряду игроков. Промахнувшиеся уходили со своего места и вставали недалеко от шара. Если все игроки промахнулись, то водящий брал шар и катил его в сторону любой лежащей палки. Хозяин этой палки и становился водящим на следующий кон (см.: ШЭС, 333).

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. записал в с. Лихунино Касимовского у. игру «в шар»:

«Употреблялся деревянный шар от 1-1½ вершка в диаметре. На кону клалась плаха вершка в 3-3½ в диаметре, аршина 2½ длины. Затем участники коновались, как и при игре в столбушки. Получивший меньшее число ударов гонялся. Иногда приходилось коноваться двоим отставшим, получившим по разному количеству ударов. После этого становились на кон и “костыляли” палками, т.е. бросали их так, чтобы палка перевортывалась в воздухе, касаясь то тем, то другим концом земли. Получивший меньшее число ударов брал шар и с кона попадал в палки, катя шар по земле. В чью палку попадал, те брали. Если он попадал во все, то теперь его противники брали палки, он первый бросал шар в кон, т.е. в плаху, а затем остальные. Если все попадали, то игра начиналась сначала.

Когда же с шаром не попадал в чью-либо палку, то тогда все старались возможно дальше от кона отогнать шар и не дать ему попасть в “кон” – плаху. Шар, держа палку в руке, можно бить только катящийся; если же он остановился, то необходимо дать ему движение, выпустив палку из рук, и тогда же, схватив палку, нанести ею сильный удар по катящемуся тихо шару, стараясь быстро приблизиться к кону для его защиты. Если шар уже в руке гоняемого, то все должны остаться на местах, кто где захвачен в это время»³³.

С. С. Камышов показал вариативность игры «в шар»: «Иногда эта игра производилась иначе. Вместо плахи вырывали ямку около четверти глубиной и ½ – ¾ арш<ин> в диаметре. Шар загонялся играющими в ямку; далеко от ямки шар не отгонялся и играющие от нее далеко не отходили, а старались держаться всегда вблизи. В остальном то же, что и при игре в шар с плахой на кону»³⁴.

С. С. Камышов обосновал сущность забавы, обрисовал ее смысл: «Игра состоит в том, чтобы не дать шару удариться в кон и всеми силами и ловкостью противодействовать этому, стараясь с шаром не подпускать близко, а самим не разбредаться далеко от кона»³⁵.

Такую же игру «в шары» описал М. В. Бабкин, наблюдавший ее в 1927-1928 гг. в Пригородных слободах г. Михайлов и акцентировавший внимание на активном употреблении этой забавы в весеннее и осеннее время: «Почему-то, как помнится, особенно интересовались этой игрой в хорошие осенние месяцы (конец август<а> – октябрь) и в начале весны, как сойдет снег»³⁶.

М. В. Бабкин подчеркнул возможность использования в этой игре импровизированного шара:

«Хотя само название игры говорит о том, что при игре должны быть шары или шар, но незатейливые ребята всегда удовлетворялись маленьким обрубочком какой угодно, но во всяком случае не плоской формы, размером в поперечнике вершка 2, иногда вместо такого обрубочка формою до некоторой степени шаровидного, употребляли кость, приближавшуюся по форме к шару (напр. от позвончика)»³⁷.

М. В. Бабкин описал правила игры «в шары», которая бытовала в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.:

«Для игры вырывали округлую яму диаметром около ½ арш<ина> и глубиной до ¼ арш<ина> – бут. В расстоянии от бута арш<ина> 1½ копались небольшие ямочки, вмещавшие пятки, – салки или, как чаще говорили, шалки. Салки находились друг от друга на равном расстоянии, число их должно было совпадать с числом играющих без одного. Одним из приведенных уже способов определяли, кто должен был “вдаться”, т.е. с определенного места в шагах 15 от бута попасть “шаром” в бут. Стоявшие пятками в салках игроки вооружались палками такой длины, чтобы, немного нагнувшись, можно было ими достать “бут”. Этими палками играющие должны были не давать “шару” попадать в “бут”, не сходя с салки, и отгонять шар, тоже не вынимая ноги из салки. Из самого бута “шар” гнать уже нельзя,

и когда он туда попадал, все должны меняться местами, т.е. перебегать с своей салки на салку другую, а “вадивавшийся” должен был занять одну из салок. Кто после этого оставался без салок (иногда это был прежний “вадивавшийся”), тот должен был бегать за шаром и опять стремиться попасть им в бут»³⁸.

С. С. Камышов указал прежний интерес к игре «в шар» представителей разных поколений в с. Лихунино Касимовского у., констатировал неактуальность игры уже для середины 1920-х годов: «Играли раньше взрослые и дети, теперь эта игра забыта»³⁹. Такое же наблюдение сделал М. В. Бабкин для Пригородных слобод г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Эта игра сейчас совершенно исчезла, но 25-30 лет тому назад была сильно распространена, причем иногда в ней принимали участие и более взрослые парни (17-20 лет)»⁴⁰.

Зарайский помещик В. В. Селиванов еще в 1856 г. отмечал эту игру ребятишек как актуальную: «С утра они на улице играли в шары, кричали, бегали...»⁴¹.

Историк С. Д. Яхонтов вспоминал об имевшейся в 1860-е годы у каждого мальчика с. Ухорь Пронского у. целой коллекции самодельных игровых предметов и о последствиях их неосторожного применения: «Для всяких деревенских игр оставалось много времени и возможностей. Игра в “шары” с “котлом” и “салками”, игра в шары в “запуски” и летом, и зимою на льду. Целую коллекцию “дубинок” имел и я. Но не увлекался особенно, как братишки Петр и Ефим, у которых частенько бывало подбитье глаз»⁴².

¹ Осипов А.И. Я люблю Кольку. Повести. М., 1978. С. 7.

² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

³ Рамнёнак Н. «...Лучшей забавы ты не добудешь...»: традиционные игры с мячом в селе Константинове // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 64.

⁴ Рамнёнак Н. «...Лучшей забавы ты не добудешь...»: традиционные игры с мячом в селе Константинове. С. 64-65.

⁵ Рамнёнак Н. «...Лучшей забавы ты не добудешь...»: традиционные игры с мячом в селе Константинове. С. 65.

⁶ Рамнёнак Н. «...Лучшей забавы ты не добудешь...»: традиционные игры с мячом в селе Константинове. С. 65.

⁷ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Сов. Россия, 1979. С. 27.

⁸ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 27.

⁹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 181.

¹⁰ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 181.

¹¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 50 (41) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 257.

¹³ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 261.

¹⁴ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 261.

¹⁵ Благодарим А. М. Самоделову – переводчика с немецкого языка – за приведенные сведения.

¹⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 118. Л. 2 об.-3 – Ерёмин Иван, ученик II класса. Рязанские игры. Без указания года.

¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 48 (39) – 49 (40) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.

- ²⁰ Рамнёнак Н. «...Лучшей забавы ты не добудешь...»: традиционные игры с мячом в селе Константинове. С. 64.
- ²¹ Цит. по: Титова У.А. «На земле, мне близкой и любимой...» Династия Воробьёвых – Титовых в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 157.
- ²² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 130.
- ²³ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 337.
- ²⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 460.
- ²⁵ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 258-259.
- ²⁶ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 259.
- ²⁷ Записи автора. Тетр. 8а. № 336 – Ерёмина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.
- ²⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.
- ²⁹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 204.
- ³⁰ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 204.
- ³¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/509. Кн. II. Ед. хр. 43 – Миронов И.Н., Мартынов С.Ф. Выражения, употребляемые гражданами дер. Братиловое Алексеевской вол. Касимовского уезда. Запись 1923 г.
- ³² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 130.
- ³³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3-3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г. (Деление на абзацы наше. – Е.С.)
- ³⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.
- ³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.
- ³⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 33 (24) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ³⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 33 (24) – 34 (25) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ³⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 34 (25) – 35 (26) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ³⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 3 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.
- ⁴⁰ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 33 (24) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.
- ⁴¹ Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 125.
- ⁴² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 49.

Глава 53.

Игры с закрыванием глаз или с прятаньем

Дети – большие любители таинственного, они с удовольствием прячутся сами и ищутклады, причем иногда собственноручно зарывают «сокровища».

Дети и сами любят укрываться от чужих глаз, взбираться на деревья и прятаться в их густой листве, строить шалаши и домики из веток, досок, листов картона. Дети чувствуют себя уютно, когда они защищены от посторонних взглядов, не видны незнакомым людям. С древности и до сих пор хорошо известны многие такие игры: «прятки» (они же «хоронючки»), «жмурки».

О пристрастии мальчишек к замкнутому и закрытому пространству, в котором можно спрятаться от взрослого общества и образовать собственный детский мирок, рассказал уроженец с. Кривское Сараевского р-на П. С. Каданцев, чье детство пришлось на суровые военные (1941-1945) годы: «Излюбленным местом наших игр являлась старица Вёрды, заполнявшаяся полый водой и густо заросшая кустарником, осокой и крапивой. Там же мы спасались от праведного гнева родителей, выведенных из терпения проказами своих расхаживавшихся чад»¹. Природа в буквальном смысле оказывалась родным домом, своеобразным всеобщим жилищем Вселенной, в котором живут любые ее питомцы, в том числе и человеческие детки. П. С. Каданцев подчеркнул надежность природной обители, в которой ощущают себя защищенными и огражденными от любых от внешних угроз все находящиеся внутри нее.

П. С. Каданцев показывает заинтересованность детей в создании какой-либо тайны, которой владеют только они и потому чувствуют свое превосходство над всеми остальными людьми. Вот как П. С. Каданцев описывает ощущение мальчиков в ситуации, когда их детское убежище вдруг стало восприниматься как серьезный тайник совершенно взрослых людей и породило поистине детективную ситуацию: «А однажды с пригорка, на котором стояли наши дома, мы наблюдали, как в той чаще лазали милиционеры с наганами и винтовками в руках: искали дезертиров. Говорили потом: те успели смыться, нашли только их лежбище; мы-то знали, что оно дело рук наших, но, естественно, помалкивали»². Так в игре появился дополнительный сюжет о вымышленных скитальцах.

Одной из наиболее распространенных игр являются *прятки*, также известные под целым рядом локальных названий: *жмурки*, *жымурички*, *жамуручки*, *жумуручки*, *жмуручки*, *в жамуру*, *в жымуру*, *хоронюшки*, *хоронючки*, *хороничка*, *ловишка*, *ловички*, *гулюка*, *кулюшка*, *кулючки*, *закулючки*, *гулючки*, *чук-чулючки*, *челюбаньки*, *чулюбали*, *чулюбалки*, *в застукалки*, *подукрал*, *палочки-ручалочки*.

Этнограф И. С. Слепцова (Кызласова) находит ритуально-обрядовые черты этой игры (когда ее участниками была молодежь): это приуроченность к весенне-летним календарным праздникам или «запретным» дням и воскресеньям, проведение игры на праздничных посиделках в помещении. Так, в с. Высокое Шацкого р-на «в жамуру» в еще 1920-1930-е годы молодежь играла только на праздничных посиделках в доме: «В будни так и ни играли никада. В будни играли в читьверьг пад пятницу – в пятницу ни прями. Вот када играли» (ШЭС, 156). В с. Федосово, с. Кулики и с. Казачья Слобода, д. Токарево Шацкого р-на играли и на улице, и на «сиделках»: «Залезуть хто на лавку, хто на печку» (ШЭС, 156).

Школьник А. В. Юшин в с. Новая Пустынь Шиловского р-на указывает, что «в более позднее время в жмурки играли и дома»³, но там число участников игры было существенно меньше из-за ограниченности пространства.

Школьный работник С. С. Камышов в 1924 г. подчеркивал иную сезонную приуроченность и другие территориальные рамки игры «в прятки»: «Любимая детьми игра, особенно осенью и в конце лета, когда на гумны свозят хлеб, появятся ометы соломы и стога»⁴.

Можно предположить, что пространство игры претерпело кардинальные изменения на протяжении своей истории: сначала жмурки носили ритуальный характер, являлись делом молодежи и проводились в помещении, далее игра «спустилась» от старших к детям и была перенесена на простор селения (хотя рамки ограничения пространства там сохранялись) и затем вновь вернулась в дом.

Ритуальный характер игры заметен и в том, что игра в жмурки является составной частью сюжета волшебной сказки о мачехе и падчерице, которую отец отвозит в лес и оставляет, а там в избушке мышка помогает доброй девочке увернуться от медведя, и тот за выигрыш награждает ее богатством, а за проигрыш (без помощи мышки) в аналогичном случае съедает родную дочь мачехи (СУС 480 = АА 480*В, *С).

Жители Шацкого р-на сообщили правила игры в «кулючки» в помещении, где маленькое и закрытое пространство диктовало свои игровые особенности: «В кулючки играли – эт завязывали глаза, и вот так вот хадили лавили. Печки были русские, в печку залезуть! Не найдуть! Каво паймаишь, то, значить, эт глаза будут завязывать, а этат будить играть. На сиделках тожа играли в кулючки» (с. Казачья Слобода); «“Кулючки” – вот глаза завяжут, вот и ходишь руки растапыришь. А ани тихим образым кто пад лавку залезить, кто на лавку залезить. Ты ходишь. Если као паймаишь и – щюпаишь – угадаишь, то тада этamu глаза завязывают. А ни угадаишь, апять ходишь...» (с. Кулики); «Эт мы девкими играли, уж на сиделки хадили. Завяжым глаза адной, и пускай ана пумаить и угадаить. Ни угадаить, апять весь вечир лавить будить хадить. И рибята с нами играли, и девки играли» (д. Токарево – ШЭС, 156).

Жительница с. Константиново Рыбновского р-на вспоминает о подвижных играх с прятаньем из своего детства в 1950-е гг.:

«Большинство как-то мы в *хоронюшки* всё иурали, а в эту. Бывало, осень. Это счас стали эти, а то у всех были эти – завалены завалинки. Около домов – я не знаю, у вас там уде, мы картошку выкапываем и начинаем завалинки заваливать, вот. А то завалинка. И около домов, уде берёшь эту, копаешь яму, и вот мы в этот, в яме иурали. И вот бёуаешь по этой яме, лазишь!»⁵.

Школьник А. В. Юшин подробно описал игру «прятки» («харанючки») в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

«В с. Новая Пустынь эта игра называлась “харанючки” <Силкова М.К., 1941 г. р.>. Сначала договаривались, в каких местах нельзя прятаться, затем считались, чтобы узнать, кто первым будет “маяться”, т. е. водить <Филиппова М.А., 1928 г. р.>. Водящий становился лицом к дереву или забору и закрывал лицо руками, считал до того числа, о котором условились вначале. Водящий всех найденных должен был назвать по имени, и обязательно, называя имя, дотронуться рукой до того места, где он начинал водить. Найденный после этого должен был покинуть свое убежище. Если оставалось два или три найденных игрока, то найденные иносказательно подсказывали им, как себя вести. Если водящий близко от места схрона, то спрятавшемуся кричали: “Топор, топор, сиди, как вор”; это значило, что ему надо притаиться. Если водящий далеко от него и от того места, где начинали водить, спрятавшемуся игроку кричали: “Пила, пила, лети, как стрела” <Жильцова Е.А., 1964 г. р.>. После того, как всех найдут, игра продолжается и водит тот, кого последним застукали»⁶.

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969) содержится наименование «хороничка»: «Тады мал’ён’к’ийь

иура́л'и хъра́н'и́ч'кый... йа ф сунду́к зал'ес, ад'и́н и́ш'ш'ит', а ч'б́лав'е́к д'ес'ит' пьха́ро́н'у́цца» (ССРНГ, 587).

В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) зафиксированы два синонимичных названия: «Гулюка – детская игра прятки»; «Кулюкша – то же, что гулюка»⁷. Жители куршацких селений Клепиковского р-на рассказывали: «Ра́зныи игры были: ф гулюку то́жа игра́ли...» (д. Акулово); «В лави́кшу, а ка́да и х кулю́кшу игра́ют (о детях). Хо́люцы ды и́шшут дру́к дру́шки, та́ко-та кулю́кша...» (с. Малахово)⁸.

В Шацком р-не название «кулючки» было распространено в с. Кулики, с. Казачья Слобода, с. Федосово, с. Агишево, с. Демидово, с. Лесное Конобеево, с. Темешево, с. Шевырляй, д. Богослов, д. Новая, д. Марьино, д. Троицкое; «закулючки» – в с. Кулики; а «гулючки» – в с. Казачий Дюк; «чук-чулючки» – в с. Завидное; «челюбаньки», «чулюбали», «чулюбалки» – в с. Польное Ялтуново; «хоронючки» – в с. Лесное Ялтуново; «в застукалки» – в с. Борки; «подукрал» – в с. Федосово (ШЭС, 156, 252).

В д. Деулино Рязанского р-на известна подобная игра под названием «лови́чки» («лавич'к'и») (ср.: «лови́кша» в с. Малахово Клепиковского р-на): «Йе́та Ку́др'ихъ у́лаза́ йим [детям] зав'а́жыт': дава́йт'и в лави́ч'к'и иура́т'!» (ССРНГ, 280).

В Шацком р-не игра в *жмурки* носит синонимичные названия: «жымурички», «жамуручки», «жумуручки», «жмуручки», «в жымуру», «жмурки» (ШЭС, 156 – с. Темешево, с. Чёрная Слобода, с. Федосово, с. Польное и с. Лесное Ялтуново, с. Высокое, с. Борки, с. Шаморга, с. Старочернеево, д. Токарево).

С большим вдохновением игру «жмурки» описал школьник А. В. Юшин, приводя радостные воспоминания старожилов Шиловского р-на:

«Это старинная, веселая игра, в которую играли ребята всех возрастов. Некоторые жители с. Новая Пустынь, чьи родители были выходцами из с. Красный Холм, называли эту игру “кулючки” <Жильцов Ю.А., 1939>. Играли в жмурки больше всего летом, на ровном открытом пространстве. Но бывало, что в жмурки играли и на посиделках: “Залезут хто на лавку, хто на печку, а то и под печь. Завязывали глаза, и так вот хадили лавили. Каво паймаишь, тада ишо надыть узнуть. Паймаишь, пашупаишь, коли угадаишь, энтот и будет жмурка, а ежли нет, сама лави апять” <Початкова Е.Г., 1919>»⁹.

А. В. Юшин описал последовательность проведения игры:

«Сначала считались и определяли, кто будет водить. Водящего в этой игре называли “жмурка”. Ему завязывали глаза платком, проверив сначала на себе, не будет ли что-нибудь видно через повязку или снизу. Дальше все становились в кружок, “жмурку” ставили посередине, и кто-нибудь поворачивал его руками несколько раз, чтобы он не знал, где у него “право”, а где “лево”. Затем все отходили, жмурка говорил: “Раз, 2, 3, 4, 5, я иду искать!” Сначала жмурка слушал шаги и шорохи, затем, растопырив руки, искал бросившихся в разные стороны товарищей по игре. Его задача заключалась в том, чтобы поймать одного из играющих, который впоследствии будет водить. Всем было весело, все начинали смеяться, выдавали себя, и обязательно кто-то попадался в руки жмурки. А кто попался, тому и водить. Ему завязывали глаза и хохотали теперь над ним»¹⁰.

А. В. Юшин привел правила игры: «1) играть только в определенном оговоренном месте»; «2) спастись от жмурки за пределами этого места нельзя. Кто выйдет за эти границы, должен сам стать жмуркой»; «3) пойманный водит»¹¹.

В ряде локальных игровых традиций для «застукивания» использовалась палочка. В с. Темешево (также в с. Кулики) Шацкого р-на в «кулючки» («закулючки») играли следующим образом:

«Начин, начинать: “Ну, кто будить кулючить?” – “Я буду!” – “Ну, кулючь!” – “Вот да коих?” – “Да десить!” Ана вот считаить: “Раз, два, три, чятыри, пять... десить!” Вот ана “кулючить”, все папрятались. Кончила: “Хто ни спрятылси, я ни винават!” Вот идеть искать. Ищить, ищить. Если ана вот пашла искать-та, туды-т пашла, а атсель вот из-пад угла выскачила – хлоп эту! – разбила (адну палычку клали). Скажыть: “Я разбила! Выхадитя!” [=стучит]. Вот ана апять “кулючить”. Тады, када ана найдеть каво, вот увидить и сама падайдеть [и стучит]: “Вот, вадить каму!” Тады начинаить вадить [другая]» (ШЭС, 252).

Палочка употреблялась также в игре в «кулючки» в с. Демидово (также в с. Федосово) Шацкого р-на: «Адин, значит, “дигурить”, а эти спрятываюцца визьде. Визьде спрятываюцца... Ды вот, примерна, вот паложуть вот на лавачку вот палычку. И хто прибижыть – он [стучит палкой]: “Застучял!”» (ШЭС, 252).

«Палочка-ручалочка» (то есть палочка-выручалочка) является важнейшим (и единственным) игровым ритуалом, она дала местное название игре в пригородных слободах г. Михайлов. М. В. Бабкин описал эту игру под названием «Палочки-ручалочки» в 1927-1928 гг.:

«В начале игры определялся район, в котором разрешалось прятаться. Далее одним из вышеуказанных способов выбирался мальчик, который должен был “вадиться” в данной игре, значит, искать всех остальных, которые прятались.

“Вадившийся” становился у определенного места лицом к стене и зажмуривался, ему вручалась палочка; все разбегались по району и прятались. Через некоторое время “вадившийся” кричал: “Палочка-ручалочка идёт искать”, и начинал искать. Найдя кого-либо, он вместе с найденным бежал к своему месту, нужно было ранее найденного схватить палочку, оставшуюся у места, где был поставлен вадившийся; если он не успевал и палочка доставалась в руки найденного, который ею стучал, то найденный опять мог прятаться; если успевал, то найденный оставался около палочки, а возвращавшийся продолжал искать. И так все время, пока не найдет всех играющих. Ища, он должен быть очень осторожным и все время наблюдать за своим местом, где была палочка; дело в том, что найденные всё время кричат: “Ребята выручайте”, и не найденные могут из своего места подкрасться к палочке и постучать ею, говоря: “Палочка-ручалочка выручила”; тогда все найденные считаются свободными и могут прятаться, а вадившийся должен искать всех с начала.

Если же он благополучно находил всех, не дав никому “выручить” найденных, то начинал вадиться мальчик, который был найден первым»¹².

М. В. Бабкин поставил эту игру на первое место (из десяти указанных) по популярности в Пригородных слободах г. Михайлов в 1927-1928 гг.: «Игры ребятишек были разнообразны, но наиболее распространенными были: 1) “В палочки-ручалочки” <...>»¹³.

Специальный звукоподражательный возглас, имитирующий удар палки и породивший местное название игры «чулюбалки», применялся в с. Полное Ялтуново Шацкого р-на, где водящий кричал при нахождении игрока: «Чюк, чюлюбаньки!» (ШЭС, 252).

В с. Полное Ялтуново Шацкого р-на в игре в «чулюбалки» любой игрок, выбежавший из укрытия и застучавший себя, мог выручить всех товарищей, которых уже нашел водящий:

«Была такое, значит, – “адин за всех”. Значит, кагда тот, кто водит, он должын всех паймать и застучать. Прийти, дабижать да таво места, где он, значит, эта, стоял с закрытыми глазами. Вот. И застучать. Вот он всех – пять чилавек нашол, аднаво ни успел. Адин застучял – за всех: “Всё! Я, – гаварить, – застучял!” Значит он апять водит... И вот он инагда не кытырый настолька, што он – дисятык раз прихадилась йиму вадить... И вот был “калликтивный”, значит, “калликтивный”. Значит, нада была за каждыва. Вот такое была...” (ШЭС, 252).

В с. Шевырляй Шацкого р-на имелаась разновидность игры в «кулючки» с разбиванием игроков на две команды:

«А на улицы мы играли: мальчики адна партия, девычки [другая]. У нас называли “кулючки”. Асобинна осинью вот па агародам. Эт мы мерилися на палке. Верхний кон – эт свободный, а кто нижний (мериющца-та двоя — их партия, и наша: девычки, партия и мальчики партия). Нижний кон – эт ужэ начинають [водить], а верхний – эт все разбягаимся, прячимся. Ну, апридилёна места, где мы прятались, даляко-та ни убягали. Вот и гаварим: “Вот да этих пор!” А если кто зайдёт за границу, ужэ дальшэ атайдёт, то уж этыт из игры выходить, ни щитающца» (ШЭС, 252).

В с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г. С. С. Камышов записал игру «в прятки»:

«Он <водящий> или зажмуряет глаза и становится в угол какого-то строения, а остальные прячутся, или ему бросают палку, и когда он идет за ней, остальные разбегаются и “холются”. Он должен после того отыскать всех до одного, если с палкой, то стараясь постучать раньше найденного, если зажмурился – “заплюдять”. В обоих случаях оба бегут к тому месту, где зажмурился, или где уже условлено; в первом случае ищущий стучит, называя того, кого он нашел; во втором – “заплюдывает”, говоря: “Тьфу Ваньку”, если он нашёл Ваню. После уже ищет тот, кого первого застучали»¹⁴.

В более поздний период своего существования игра «в прятки» лишь подразумевала палочку, а самого предмета уже не было. Такая ситуация сложилась к концу 1930-х – началу 1940-х гг. в с. Озёрки Сараевского р-на, однако в этом селе еще бытовала специфическая считалка, являвшаяся обязательной начальной частью игры:

«В пряталки было ещё. Кто-то водит, а мы прячемся. <...> Вот мы считаем до десяти:

Раз-два-три-четыре-пять,
Шесть-семь-восемь-девять-десять.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Кто не спрятался, я не виноват.

<Показывает, как водящий закрывает руками глаза.>

И он идёт искать. Кто успел за это время спрятаться – хорошо, а не успел, то, значит, увидит: “А, Тоня (или там – Аня, или Лена, или Маня и так далее)”! Кого он увидел первым, тот будет водить. (А он где стоял? – Е.С.) Или тот идёт водить. Или пока всех он не переловит. Что-то я уже забыла.

Это смотря какие условия ещё были. Или первого увидит – он идёт. Или, значит: так, этого – и думает, что ладно, я – кого-нибудь ещё поймаю – я не вожу, второй не водит, последний водит. И вот кто последний, ему было нужно, очень трудно спрятаться так, чтобы он его не обнаружил. Подбежать и выручиться: “Палочка-выручалочка, выручи меня!” Что, значит, выручился!

(А была реальная палочка? – Е.С.) Нет, просто стучали. (Где стучали? – Е.С.) А где, например, откуда: например, водим у этой двери <показывает> – у этой двери нужно подбежать и отметить, что я прибежал, меня не поймали, не увидели! Что он пошёл куда-то смотреть, а я выскочила из-за угла и уже постучалась! Что “палочка-выручалочка, выручи меня!”

(А вот, допустим, ты выручилась – палочка-выручалочка тебя выручила, ты имеешь право подсказывать оставшимся игрокам? – Е.С.) Где находятся они? (Или где находятся, или наоборот? – Е.С.) Нет, никому ничего! Все молчат! Пусть сам ищет! (Не говорили ему, что вот... – Е.С.) Нет, туда или сюда – не говорили. (Или что он уже подошёл туда – и подсказывали, что в этом месте может быть, или, наоборот, отводили его от этого мест? – Е.С.)

Нет-нет-нет, ничего! (Не отводили? – Е.С.) Нет! Мы честно играли! Мы не подсказывали! <...>

(А вот когда в первых прятках он кого-то застукивал, он как застукивал? – Е.С.) Когда застукивал? Он увидел и сказал: “Всё, Таня, я тебя вижу! Палочка-выручалочка, Таня!” Вот так вот – “Таня!” <показывает, как стучает по стене>. И причём кто успеет быстрее добежать! Может, эта Таня его обгонит и себя выручит! И он сразу увидел – “Таня!” – и бежит: “Выходи, Таня!” А Таня, может, выбежала и бежит, и его обгонит, может обогнать! Такое тоже бывало, что кто-то медленнее бежит! Или он не рассчитывает, что она побежит быстро, а она обгоняет и выручает себя! Значит, уже Таня не водит. Он идёт ещё следующего... А если Таня была последней, то опять водит он. Или, может, предпоследнего назначали...»¹⁵.

В с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг. бытовала еще одна похожая игра (вероятно, во главе с водящим с зажмуренными глазами), в которой игроки подсказывали приблизительное местонахождение друг друга:

«Но это другая какая-то игра, что тише... А, “тихо-тихо-тихо” или, значит, “огонь-огонь-огонь!” То есть уже близко, приближается! Это какая-то у нас другая игра была. (Какая? – Е.С.) Счас я не помню. Что спрятались, один водит. И вот он идёт, несколько человек спрятались, а несколько... а кто-то не спрятался и говорит. Так, значит, он идёт по направлению сюда: так, “тепло-тепло”. Нет, он удаляется в другую сторону: “Холодно-холодно! очень холодно!” Он поворачивает: “Так, тепло-тепло! Теплее, ещё теплее! Горячо! Жарко! Жарко!” Он уже знает, что отсюда не надо уходить: здесь где-то человек спрятался! Вот так! (Но это были не прятки, да? – Е.С.) Да, но это тоже прятались, но только уже по-другому, другие прятки были!»¹⁶.

Игрой, близкой к пряткам, является игра в «двенадцать палочек», или «в клёпья», записанная в с. Озёрки Сараевского р-на и в с. Борки Шацкого р-на (ШЭС, 252). Правила в с. Озёрки Сараевского р-на были следующие: на камешек клали доску, на один ее конец – 12 палочек (они же «клёпья»), водящий ударял длинной палкой по свободному концу доски (или наступал на него) и маленькие палочки разлетались; обычно очерчивали круг, за которым стояли игроки и могли на лету поймать палочку – тогда водящий снова водил и игра повторялась; если никто палочку не ловил, то водящий собирал все палочки, укладывал на доску и в это время игроки убегали и прятались; потом они могли выбегать из укрытия и прыгать на доску и подкидывать палочки – водящий снова исполнял свои обязанности; если водящий находил какого-то игрока, он бежал к доске и раскидывал палочки, а собрать их должен уже застуканный игрок¹⁷.

В с. Завидное Шацкого р-на подобная игра называлась «чук-чулючки»:

«Шумять: “Давай в чук-чулючки играть!” Искали вроде друг друга, прятались. Адин вадить. Вот пинёк, на пинёк паложым дащёчку. На дащёчку там нескылька штук вот таких палычкых, штук двинаццать, на адин канец – ана панижы к зимле, а эт павышы. И вот папрямца все, а этыт тады разбивайть. Шумять: “Разбивай!” Вот как разбивайть – и бега-им, ищим. Ты перва прибижала, разбивайшь палычки. Пака он апать сабирайть, апать пря-чюцца» (ШЭС, 252).

Могли ли в с. Завидное игроки на лету ловить палочки, неизвестно.

В д. Успенковка Шацкого р-на игра «в колы» начиналась с забивания кола в землю и вытаскивания его водящим, который после этого имел право начинать искать спрятавшихся игроков:

«“В калы”. Вот я “ва́да”, мне “вадить”. А пять чилавек, ани будуть убигать. И вот ка-ждый па два раза стучить па этаму ко́лу: адин падайдёть, другой, третий. А патом тагда бра-сають тапор и все убигають. А я биру этыт тапор, и этыт кол расш́атываю яво, вытаскиваю и

патом я ужэ ищю за дамами за всеми. Как найду, к этаму калу падхажу и стучю, то, што я нашла ужэ. Вот каво первава найдёшь и всех если найдёшь, значит, таму перваму тожы “ва́да”. А выскачить – он тада всех ужэ выручаить» (ШЭС, 252).

Все описанные выше игры, начинавшиеся с закрывания глаз водящему, были подвижными; однако существовали и такие игры с зажмуренными глазами, которые не предполагали убегания и прятанья игроков (хотя элемент прятков все-таки имелся и относился к атрибуту игры). Примером такой игры являлась игра «в жгуты», записанная в 1928 г. в с. Перво и д. Шемякино Касимовского у.: «Играют подростки: обычно когда стерегут лошадей в полдни или в ночном»¹⁸. Экстремальное время игры – в самое жаркое или темное время суток – предполагало относительное спокойствие игроков, их нахождение в непосредственной близости друг к другу: «Участники игры садятся тесным кругом, закрыв ноги одеждой; “водящий” ложится в кругу навзничь (на ноги играющих) и закрывает глаза руками. Один из играющих жгутом из платка или шарфа ударяет “водящего” с криком: “В лес ушел”, и, спрятав жгут под одежду, незаметно передает кому-либо из играющих; тот проделывает то же. Водящий должен поймать жгут. Пойманный с жгутом становится водящим»¹⁹. Из-за наличия жгута и действий с ним игра «в жгуты» похожа на игру «Зоря» (см. в предыдущей главе), но добавляет к ее правилам важную составляющую – закрытость глаз водящего.

Мотив забивания кола в землю мог представлять собой игру-наказание за проигрыш в предыдущей игре, но правила были более жестокие (см. эпизод с «воробьиным зубом», «лошадиным зубом» и «грачиным зубом» в повести «Я люблю Кольку» (1972) А. И. Осипова – в главе 50 «Подвижные игры без игровых атрибутов и с палками» наст. изд.).

Как правило, сбор информации об играх и описание их правил этнографами преследует цель – сохранить знание о народных играх, об ареале их бытования, о варьировании правил и т.д. Если бы не отражение детских игр и психологии участников игровой ситуации писателями-«деревенщиками», у интеллигенции и читателей-горожан могло бы создаться впечатление, что игры – это увлекательная забава детей, их развлечение – и только. К сожалению, игра может не только доставлять удовольствие ее участникам, но и, наоборот, в некоторых случаях психологически травмировать водящего и (или) проигравшего ребенка. В игре не всегда соблюдаются правила, часто отсутствует честность игроков, порой происходит их несправедливое объединение против водящего, нарушается закон случайных комбинаций, на котором основаны игровые забавы. Находятся ловчилы, которые спекулируют на своей силе и пытаются выиграть обманным путем, особенно у более слабых. Такой пример привел писатель Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы»:

«– Ребята, давайте сыграем в отгадай! – предложил он <Федька Маклак>.

– Давайте! <...>

Водить досталось Ваньке Ковяку. Плотный, приземистый паренек с белесыми бровями и красным, как из бани, лицом повернулся ко всем спиной, заслонил глаз ладонью, а вторую ладонь высунул из-под мышки, растопырил на плече.

– Бей!

Буржуй ударил его снизу – ладонь наотмашь, как плетью.

– Бух!

Ковяк аж покачнулся.

– Отгадай! – дюжина кулаков с поднятыми кверху большими пальцами тянулась со всех сторон к лицу Ковяка, и ближе всех, нахальнее совал свой кулак Чувал.

– Он! – указал Ковяк на Чувала.

– Га-га-га! Попал пальцем в небо... Становись.

Ковяк опять отвернулся и выставил ладонь. <...>

Удар подошвой <туфли, снятой с девушки Тоньки> о ладонь получился такой звонкий и сильный, что с Ковяка слетела кепка. Тот обернулся разъяренный:

– Чем ударили? Ну?!

Вокруг него все покатывались со смеху, а больше всех кривлялся Маклак, помахивая Тонькиной туфлей...

– Ах ты, гад! Ты ботинком бить... Душу вымотаю! – Ковяк с лета хотел ударить в ухо Маклаку, да промахнулся и, не удержавшись на ногах, упал в траву.

– Ну, вдарь еще! – смеялся над ним Маклак, помогая встать.

Ванька сунул кулаком прямо в нахально смеющееся лицо. И опять промахнулся. Ловок, как бес, этот Маклак! Тогда Ковяк, приподнявшись, поймал подол расшитой Федькиной рубахи и так рванул, что с треском швы на плечах разъехались.

– За что ж ты рубаху рвешь, гаврик? – завопил Маклак»²⁰.

К играм с прятаньем предметов близко детское коллекционирование интересных, с их точки зрения, предметов, которые ребята хранили в укромных местах. Н. Н. Сарычева, жительница с. Ленино Новодеревенского (ныне Александрово-Невского) р-на в рукописи 2011 г. сообщает детских забавах своего поколения: «А ещё мы собирали фантики от конфет, марки, открытки. Постоянно считали их, перебирали, дорожили ими, как большой ценностью, иногда обменивались»²¹.

Многие современные дети искренне удивляются: зачем собирать какие-то коллекции? Поменялась экономическая ситуация в стране, случилась техническая революция в мире – и изменилось детское мировосприятие. Хотя, конечно, дети-коллекционеры существуют и сейчас, но это уже отдельные увлеченные личности, а не поголовно все, как в былые времена.

¹ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 215.

² Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 215.

³ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 257.

⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 4 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

⁵ Записи автора. Тетр. 8а. № 336 – Ерёмина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.

⁶ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 260.

⁷ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 94, 199.

⁸ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 94, 199.

⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256.

¹⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 256-257.

¹¹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 257.

¹² РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 21(12)-23(14) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/520. Кн. 19. Ед. хр. 305. Л. 16 (7) – Бабкин М.В. Детские игры наших мест. (Пригородные слободы гор. Михайлова). Рукопись 1927-1928 гг.

¹⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 5 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

¹⁵ Записи автора. Видеофайл MVI_3247.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., играла в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.

¹⁶ Записи автора. Видеофайл MVI_3247.mov – Самоделова А.М., 1929 г. р., играла в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.02.2015.

¹⁷ Записи автора от Трушечкиной Матрёны Ивановны (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве и показывала правила игры в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

¹⁸ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 14. № 129 – с. Перово и д. Шемякино Касимовского у.

¹⁹ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 14. № 129 – с. Перово и д. Шемякино Касимовского у.

²⁰ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 52-53.

²¹ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись, присланная на Краеведческий конкурс «Это Родина моя» из Ленинской сельской библиотеки.

Глава 54. Фантазийные и азартные игры и наказание за проигрыш

Атрибутами детских игр становились подручные средства, иногда среди них оказывались представители животного мира. Некоторые игры способствовали охране домашних животных и заботе о скотине. Например:

«— Сейчас, Агроном, будем запускать аэропланы. <...>

Он достал из кепки крупного овода, вставил ему в брюхо былинку длиной в палец и подбросил вверх. Тяжело и сердито гудя, овод закружил над нашими головами и скоро скрылся в дрожащем воздухе. Мальчишки бросились к лошадям, наловили оводов и один за другим, под свист и хохот, подбрасывали их вверх»¹.

А. И. Осипов в повести «Я люблю Кольку» (1972) называет ряд мальчишеских игр: «в ножички»² и др. Одна глава повести так и называется: «В ножички». В ней подробно рассмотрены правила игры, которую впервые увидел маленький мальчик Сергей, оказавшись в ребячьей среде на лугу:

«Колька взял ножик, положил на ладонь, подбросил вверх, и ножик лезвием впился в землю.

— Видишь, как просто. Смотри дальше, — и Колька с ловкостью фокусника стал бросать ножик с колена, с груди, с головы, с подбородка, и лезвие всякий раз втыкалось в землю.

<...> Я был поражен, наблюдая за их игрой. С какого бы положения ни бросали они ножик, земля словно магнитная притягивала к себе стальное лезвие. Редко кто обронял ножик на том или другом колене. Многие доводили игру до конца, не сделав ни одного промаха. Последнюю роспись делали стоя. Взяв ножик за кончик лезвия, бросали ручкой вниз, но он, будто волшебный, переворачивался в воздухе и острием впиался в землю»³ (д. Аксиньино Рязанского уезда / р-на).

Н. Н. Сарычева, заведующая библиотекой с. Ленино Новодеревенского (ныне Александрово-Невского) р-на, в 2011 г. в рукописи тоже отметила эту мальчишескую забаву: «Мальчики очень любили игры: в “Ножички”. (Это было настоящим искусством кидать ножи из разных положений.)»⁴. Вспомним, что Сергей Есенин и его друг Григорий Панфилов во время учебы во Второклассной учительской школе в с. Спас-Клепики также увлекались игрой «в ножички» (см. ниже).

Однако А. И. Осипов в повести «Я люблю Кольку» (1972) указывает, что игра «в ножички» не просто было проверкой на ловкость, но за проигрышем в нее следовало наказание, тоже являвшееся своеобразной игрой или, если угодно, логическим продолжением игры (так же завершались многие другие подростковые игры). Глазами маленького мальчика Сережи писатель показывает неожиданное для него завершение игры «в ножички» — развертывание новой игры, трактуемой как игровая кара для проигравшего:

«— Да что же так, вона! — сказал Ванька, взяв с руки сухой ореховый прутик.

— Какой прикажешь зуб сделать?

— Чего? Какой зуб? — не понимал я.

— Проси воробыный, — шепнул Колька.

— Воробыный! — не раздумывая попросил я.

Ванька мигом остругал клинышек размером меньше спички и поставил в землю. Ребята по очереди стали забивать его в землю ручкой ножа и лезвием. Последнему и стукнуть не пришлось: зуб уже едва было видно из земли.

– Тащи! – сказал Ванька.

Я протянул руку, чтобы пальцем зацепить за клинышек, но Ванька остановил меня.

– Не, – протянул он, – так не пойдет. Тянуть надо зубами. Вытянешь, беги изо всех сил. И бросай в траву, но так, чтобы зуб никто не нашел.

Он вырезал в земле углубления для носа и подбородка. Зацепив зуб вместе с землей, я вскочил на ноги и пустился бежать. Ребята вились вокруг меня, как оводы вокруг лошади в жаркий день. Выбрав момент, я бросил зуб в траву, но неудачно: его скоро разыскали.

– Да! – сказал Костя.

– Вона, – жалел меня Ванька, – не вышло! Я же говорил, надо схоронить, чтобы не нашли!

В землю снова забили зуб, и с таким же трудом я его вытащил.

Теперь я побежал в рожь. Колосья бьют по глазам, по носу, я путаюсь в стеблях ржи, падаю и ползу. Выбросил зуб.

– Ищите! – с трудом переведя дыхание, сказал я.

Но ребята и не подумали его искать.

– Показывай! – сказал Ванька.

Легко сказать – показывай, но где его найдешь, рожь-то вон какая. Походил я, походил – и отказался от поисков.

– Эх ты, – укорил меня Костя.

– Вона, и сам не нашел. Ну, не беда, сделаем новый, – утешал Ванька. Колька посоветовал:

– Бери лошадиный.

– Давай лошадиный, – сказал я.

Ванька отесал прут толщиной и длиной в палец, воткнул в землю, и игроки принялись его заколачивать. Как ни старались, но большой палец зуба так и остался торчать. Вытащил я его и бросился бежать к ручью. Прыгнул с крутого берега к воде и бросил зуб в осоку, а сам побежал дальше. Только хотел крикнуть “ищи”, да не пришлось: Васька Комиссар уже держал в руках грязный клинышек. Слезы бессилия, досады и страха, что так я и буду таскать зуб до самого вечера, брызнули из моих глаз»⁵.

Показательно, что А. И. Осипов посвятил три-четыре абзаца повести собственно игре «в ножички», а потом на протяжении нескольких страниц подробно описывал наказание за проигрыш. Это закономерно, потому что наказание и разрешение возникшего конфликта позволяет углубиться в психологические проблемы детской дружбы и вражды. На помощь маленькому Сереже приходит Колька, который старше него всего лишь на год, но уже обладает взрослыми чертами характера: мужеством, готовностью выручить товарища, умением прощать обиды (ведь он только что пострадал в драке с Сережей, но тут же стал его другом). Описывая разновидности игрушечных символических «зубов» и их место в игре, А. И. Осипов заодно демонстрирует физическую ловкость и находчивость Кольки, тем самым представляя мальчика в качестве образца для подражания:

«– Ишь ты, – Колька сердито взглянул на Ваську. – Я за Агронома зуб буду тащить. Делайте грачиный.

<...> Грачиный зуб чуть побольше воробьиного. Забили его до самого основания, и когда тащил его Колька, видно было, как он морщится. Губа-то разбита. Выхватив зуб, он нырнул между широко расставленных Ванькиных ног и пустился в ту сторону, где не было мальчишек. Немного отбежав от круга, он объявил:

– Ищи-свищи!

Долго ползали мальчишки по траве, обшарили Колькины карманы и заплатки на штанах, думали, он туда спрятал, но зуба не нашли.

– Эх вы, – засмеялся Колька и, нагнувшись, поднял зуб: он лежал около Ванькиной толстой пятки.

– Вона, – протянул Ванька и стукнул щелчком по круглой Колькиной голове»⁶.

Описанное наказание, безусловно, основано на реальных правилах игры в ножички, известное писателю по собственному детству. Подобные правила такой игры куда более скупое описание Иван Ерёмин, ученик II класса, который, вероятно, застал эту «рязанскую игру» в дореволюционный (до революций 1917 г.) период:

«Играющих сколько угодно. Уговариваются, до скольких раз играть: напр., до 500, до 25, до 1000 и т.п. Берет ножик тот, кто первый, и бросает его. Если ляжет плашмя, то он кончил и стрыгает <строгает> палку длиной в 1 вершок, вбивает ее в землю немного для того, чтобы она стояла, а потом 5 раз вбивает ее в землю изо всей силы, и тот, кто видит, вытаскивает зубами, хотя бы палка скрылась под землей. Все играют по очереди»⁷.

Показательно, что из описания А. И. Осипов игры «в ножички» и особенно ситуации проигрыша следует, что сеанс детской забавы проводился без перерыва: нельзя было покинуть общий круг участников. Однако исследователями описаны случаи временного выхода из игр, причем для урегулирования взаимоотношений участников игр при подобных обстоятельствах имелись (и существуют поныне) специальные игровые выражения и отдельные слова. В д. Деулино Рязанского р-на применялись слова «чурá» и «чур»: это «в играх возглас, которым играющий предупреждает о своем временном выходе из игры» (ССРНГ, 601). Приведем примеры: «Иура́иш и ска́жыш: чу́ра м'ин'е»; «Б'иу'ош, б'иу'ош, чо́-н'ит' уста́ниш: ч'ура́»; «Вал', Вал'! Мн'е ч'ур!» (ССРНГ, 601).

Рязанский писатель А. И. Осипов представляет игру как детский образ жизни (да и то когда родители уезжали в Рязань на базар на целый день), в корне отличный от способа существования взрослых, занятых работой: «К нам приходили мальчишки и девчонки, и жизнь у нас шла колесом: пели, играли в палочки-выручалочки, да мало ли что еще придумывали»⁸ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Школьник А. В. Юшин, со слов представителей старшего поколения, описывал, что ребяташки занимались играми только после исполнения заданий, которые им поручили взрослые: «Дети и подростки “никогда не играли с утра, так как они должны были выполнить все поручения родителей (нарвать травы, наносить воды, прополоть грядки, вывезти навоз)” <Жильцова О.А., 1933>. Играть они начинали после того, как после обеда родители уходили на работу в колхоз. Играли порой поздно вечером, выполнив поручения родителей, например, “в лапту играли по луне”. Играли вместе дети разных возрастов»⁹.

Среди детских игр случались и азартные. В биографии «Сергей Есенин» (1922) названный автор сообщает: «<...> а на другие две копейки шел на кладбище играть с ребятами в свинчатку» (Есенин VII (1), 9).

Старшеклассник Зарёвской школы Михайловского р-на Андрей Демин, 16 лет, отметил ряд народных и классических игр, распространенных у них в селе: «Первое-это игры с физическим уклоном: футбол, баскетбол, волейбол, настольный теннис, лапта, навес, пристенку. Второе – это игры, связанные с умственным развитием: шахматы, шашки, уголки, поддавки» (ответ на анкету 2004 г.).

Школьник А. В. Юшин в 2009 г. описал игру в пристенок, относя ее не к подвижным, но к азартным играм, бытовавшим в с. Новая Пустынь Шиловского р-на в середине XX века: «В эту игру в основном играли мальчишки. Для участия в игре необходимо было иметь монету. Чаще всего это были трех- и пятикопеечные монеты. Число игроков – от двух до шести. Обычно для установления очередности “каналась на палке”. Первые два игрока стучали своими монетами о стену. Если расстояние между отскочившей монетой первого игрока и монетой второго игрока было равно расстоянию между большим и средним пальцем руки, то первый игрок забирал себе обе деньги. Затем с ним начинал играть следующий

игрок. Деньги на такие игры подросткам родители давали неохотно. Эта игра была распространена в с. Новая Пустынь в 1940-1950-е гг.»¹⁰

Функционально однотипной, родственной игрой в с. Новая Пустынь Шилковского р-на являлась игра «расшибалки» («расшибок»):

«В с. Новая Пустынь игра называлась “расшибок”. Игнали в нее на улице, около дома. Игра являлась чисто мальчишеской. Перед началом игры проводили черту, затем отмеряли 5 шагов и чертили круг. В круг стопкой складывали монеты. Монет было столько, сколько игроков участвовало в игре. Затем “каналась”, в какой очередности будут бросать в стопку монет “расшибок”. Расшибалом обычно служил осколок глиняного горшка. Чей расшибок ближе падал к стопке монет, тот первым начинал игру. Когда он попадал в стопку монет, то только монеты, которые выпадали из стопы “орлом”, забирал и продолжал бить дальше. Если при попадании выпадала “решка”, то он уступал очередь следующему игроку. Затем бил игрок, у кого расшибок был ближе к кругу, где находилась стопка монет. Кто дальше был от круга, тот бил последним. Игнали в эту игру игроки разного возраста»¹¹.

В. Т. Коробков, уроженец с. Куровщино Ряжского р-на (1935 г. р.), в интервью «В меру сил помогали взрослым» для газеты «Ряжские вести» (№ 18, 2 мая 2013 г.) вспоминал об игре в «расшибок», в которую во время Великой Отечественной войны сражались мальчишки, невзирая на отсутствие денег: «А на подсыхающих участках высокого берега игнали в “расшибок”. Участвовали ребята моего возраста и помоложе, такие как братья Спиридоновы, Юра Коробков. Денег не было, и на кон ставили разноцветные осколки стекла, отходили на 3-4 метра и бросали биток – стальной диск. Часто с нами играл местный дурачок Миша-дружок, он был постарше нас, обычно ему доставался весь выигрыш»¹².

«Игра в деньги» среди прочих «рязанских игр» зафиксирована в рукописях Этнографического архива Общества исследователей Рязанского края в 1920-е годы, была популярна в г. Рязань. Очевидно, это вариант игры, известный в других местах как игра «в расшибок». Приведем описание «игры в деньги» из архива РИАМЗ:

«Игра в медные деньги происходит следующим образом. На земле проводится черта; от нее по прямой линии проводится другая черта.

На первую черту кладут деньги, а со второй черты бросают бит. Бит – тоже медная монета, но более крупная и тяжелая.

Если играющий, бросая со второй черты бит, не докинет до первой черты, то он бросает бит последним. Деньги ставят <так!> орлом вниз, а другой стороной, т.е. решкой, вверх. Первый бросающий бит должен обязательно попасть по деньгам, так чтобы монета перевернулась орлом; если же он не попадет, то будет бить после всех.

Играющие улавливаются, по сколько монет ставит на кон. Все должны аккуратно соблюдать черед и исполнять игру по правилам»¹³.

¹ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 31. (1-е изд. – 1972. С. 38).

² Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 32.

³ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1972. (1-е изд.) С. 39.

⁴ Сарычева Н.Н. Сельские игры и забавы. Село Ленино Новодеревенского р-на Рязанской обл., 2011 – рукопись, присланная на Краеведческий конкурс «Это Родина моя» из Ленинской сельской библиотеки.

⁵ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1972. (1-е изд.) С. 39-41.

⁶ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1972. (1-е изд.) С. 41-42.

⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/512. Кн. V. Ед. хр. 118. Л. 2-2 об. – Ерёмин Иван, ученик II класса. Рязанские игры. Без указания года.

⁸ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 55.

⁹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 256.

¹⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 259-260.

¹¹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 260.

¹² Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девятых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 153-154.

¹³ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/514. Кн. VII. Ед. хр. 171 – Рязанские игры.

Глава 55. Военизированные игры

В крестьянских семьях уважительно относились к армейской службе. Мать шестерых сыновей из с. Тимошкино Шиловского р-на рассказывала с гордостью: «Старший сын подводником три года служил. Все дети вместе – 16 с половиной лет <отслужили в армии>»¹. Тем не менее она, как мать, пыталась облегчить армейскую службу сыновей и для этого по возможности разумно содействовала выбору рода войск для сыновей:

«Второму сыну в армию идти. Вызвали меня в военкомат. <...>

– Мы хотим ему отсрочить, чтобы он на место брата пришёл.

– Нет, его одногодкам служить, и он пусть с ними.

На земле за пенёком, под кустиком схоронишься, а под водой?»².

Старшеклассник Зарёвской школы Михайловского р-на Андрей Демин, 16 лет, описал стреляющее орудие, придуманное еще первобытными охотниками: «И сейчас мальчики делают рогатки из различных материалов. Чаще всего делают, по старинке, из дерева. Можно делать также из твердой проволоки, металлических трубок и других материалов. Снарядами приходятся мелкие камушки, щепочки, что-либо небольших размеров и имеющее вес. Стреляют в птиц, искусственные цели, столбы, деревья» (ответ на анкету 2004 г.).

Чрезвычайно распространена мальчишеская забава, обучающая меткости и точности движений: бросать плоские камни типа гальки по поверхности воды так, чтобы они подпрыгивали несколько раз, прежде чем утонуть. В д. Софийка Милославского р-на это называется «класть блинчики»³.

Жительница с. Константиново Рыбновского р-на бабушка Настя, односельчанка и современница Есенина, вспоминала о катании зимой с прибрежных бугров – с использованием кличей с военизированной тематикой в начале XX века: «Так и Сергей с тех бугров лётал! Уж такой был отчаянный, это страсть! Эх, крикнет, да так складно: расступись, мол, мелюзга, едет Монах, грудь, говорит, в крестах али голова в кустах! Бывало, на самый лед санки вынесет, к полынье. Такой бесененок...»⁴ Монах – это семейное (родовое) прозвание Есениных.

Д. А. Воробьёв, односельчанин Есенина, поделился впечатлением от поведения своего товарища во время мальчишеской игры в войну: «Как-то мы с ним подрались. Зимой дело было. Затеяли в войну играть. Построили крепость из снега, снежки накатали, а попали мы с ним в разные команды. Уговор такой был – в кого снежком попадёт – значит, убитый ты, лежи и не двигайся. Выскочили из крепостей и пошли стенка на стенку, я и вlepил Серёже снежком в скулу, да, видать, попал здорово, он со злости меня – по уху. Ну и схватились...»⁵.

Е. А. <В. ?> Воробьёва, соседка Сергея Есенина, рассказывала о понимании его дедом Ф. А. Титовым необходимости быть сильным и похожим на атамана С. Т. Разина:

«Федор Андреевич детям не грубил, разговаривал ласково. Но с Сергеем, мама рассказывала, боролся, кто кого у них повалит, кто кому в бока насует.

Это было.

– Будь сильным, – говорил дедушка Серёжке, – будь, как Степан Разин. Ты возьми какого-нибудь своего приятеля, да за шиворот и приподними его, а драться – не дерись. Будь силен, чтобы тебя никто не поборол»⁶.

Отмечается активное, наступательное восприятие мира у ребенка, вероятно, играющего в игры завоевательного типа. Вот характерный пример из повести «Яр» Есенина

(1915): «А я кашеваром буду, – тянул однотонно Федька, – Ермаком сделаюсь и Сибирь завоюю» (Есенин V, 55).

Бабушка Настя, односельчанка Есенина, рассказала об участии будущего поэта в известной игре: «И в казаков-разбойников там по ложбинам играли да еще вот в Пасике, в овраге за Питеряевкой, дикое было место, это страсть. Да все сугорье им, голубем, тут исхожено вдоль и поперек!»⁷

В. И. Галаганов, житель г. Пронск, рассказал об этой игре:

«Одни – “казаки”, другие – “разбойники”. На команды делятся следующим образом – мальчишки против девчонок. Побеждают и те и другие, по-разному. Можно противника: “брать в плен”, “пытать” для того, чтобы узнать пароль. Пароль загадывают “разбойники” в начале игры – “команда собирается и потихоньку сговариваются”. Играют на территории возле дома или возле дома и школы. Убегающая команда должна ставить стрелочки, но может и не ставить. Те, кого взяли в плен, выбывают из игры (их нельзя “выручать”). Какая команда будет “казаками”, а какая “разбойниками”, определяют по жребью»⁸.

Уроженка г. Рязань, Заслуженный деятель культуры, заведующая Рязанским областным научно-методическим домом народного творчества Е. М. Шаповская в 2017 г. сказала, что в ее детстве они тоже играли в казаков-разбойников⁹.

Мальчиков притягивают опасные игры и рискованные мероприятия, балансирующие на грани героизма и преступления. Нередко их героями и кумирами избираются асоциальные типы. В повести «Яр» (1915) Есенин описывает, как наговоривший на себя лишнего и нарочно представившийся в сознании сельчан убийцей старушки (аллюзия на Родиона Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского) взрослый парень Аксютка становится объектом подражания у детей: «Ребятишки, собираясь по кулижкам, часто грезили о нем, каждый думал – как вырастет, пойдет к нему в шайку. “Вот меня-то уж он наверняка возьмет в кошевые, – говорил с белыми, как сметана, волосами Микитка, – потому знает, что я крепче всех люблю его”» (Есенин V, 55).

В начале XX века, в детстве Сергея Есенина, в с. Константиново Рязанского у. мальчишки ощущали некую историческую связь со старинными разбойниками и устраивали поиски зарытых ими кладов. Например, была интересная игровая ситуация с разысканием легендарного клада и с находкой небольшого сокровища на бугре Высокий, позднее скрытом из-за нужд добычи песка:

«Старики сказывали – лугов на той стороне Оки вовсе не было, и лес подступал к самой воде, – рассказывает Василий Степанович Ефремов. – Разбойник Чуркин грабил в здешних местах барки и где-то поблизости, может быть, в самом этом бугре, золото и серебро зарывал.

Старикам мы верили и пошли рыться на бугор. И что вы думаете? Сергею больше других повезло. Нашел он там медный крест, величиной с ладонь. Приплясывал от восторга, что ему больше других повезло»¹⁰.

Известный писатель Б. А. Можаяев (1923-1996), уроженец с. Пителино, отразил в стихотворении «Детство» (1955) игру мальчишек в Чапаева:

Прежде, чем отправиться на выгон,
В сад к соседям лез через плетень.
И у молотильного сарая
С шумною ватагою друзей,
В Петьку и Чапаева играя,
Забывал совсем я про гусей.
И случалось, что в разгаре сечи
«Беяков» и «красных партизан»

Разгонял словесною картечью
 Нас колхозный конюх дед Иван.
 Размахнув седых усов развилку,
 Крикнет: «Эй, короткоштаннх рать,
 Шли бы помогать на молотилку,
 Неча тут в скирдах снопы трепать!»¹¹

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина в перечне любимых мальчишеских игр в Сараевском р-не на первое место ставят игру в войну для поколения, рожденного в 1920-1950-е годы, опаленного Великой Отечественной войной или получившего от нее: «Мальчики предпочитали играть в “войнушку”, в “чижика”, в “ножички” и другие»¹².

П. С. Каданцев описал, в какую военную игру, порожденную ситуацией Великой Отечественной войны, играли дети в с. Кривское Сараевского р-на: «<...> не мешали нам предаваться обычным ребячьим увлечениям, прежде всего, надо понимать, игре в войну. Уж тут “фашистам” доставалось. Поэтому “врагами” нам приходилось быть по очереди...»¹³.

Дети выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, родившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х годов и жившие в Москве, сочинили новую игру, связанную с военной героикой. Вот воспоминание об игре одной из ее участниц:

«Во время Великой Отечественной войны дети, слушая сводки новостей, придумали игру. В семье каждый ребёнок выбирал имя любимого командующего армией или фронтом и следил за его путём фронтовым, за военными успехами. Аня была – Рокоссовский, Валя – Малиновский, Петя – Жуков, Витя – Конев. Больше всего побед одерживал Жуков. Когда объявляли салют в честь победы на фронте, например, Рокоссовского, дети говорили, обращаясь к Ане: “Это в честь тебя салют!” или “Это твой салют”»¹⁴.

Некоторые школьники рязанских селений не только играли в войну в военные 1941-1945 годы и выбирали себе кумира из числа прославленных маршалов, но и предпринимали попытки самим начать армейскую карьеру. Так, П. С. Каданцев, когда был учеником школы с. Кривское Сараевского р-на, обратился к главе государства, генералиссимусу И. В. Сталину: «Будучи в 5-ом классе, я отправил ему письмо с умоляющей просьбой: направить меня, сына фронтовика-инвалида Великой Отечественной войны, в Суворовское военное училище, на которое ответа не последовало. Наивный малец!»¹⁵

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина привели подробное сообщение уроженца с. Паники Сараевского р-на об игре в войну мальчишек, родившихся в начале 1950-х годов:

«В войнушку мы играли взахлёб. Ружья нам деды делали из доски, да и той, которую было не жаль. Стреляли и просто из палки, которая попадалась под руки. Стреляли и из “пальца”. В буквальном смысле этого слова. Мы строили домики зимой из снега, летом из подручного материала, шалаши. Никому не хотелось быть фашистами, поэтому немец был условным. Командира часто назначали по жребии, или старшего авторитетного пацана. На одежду, головные уборы нашивали рисованные звёзды и знаки различия. Мы нападали на дома, танки врага, имитировали наступление, кричали “ура”. Голосом изображали звуки пистолета, автомата, пушки. Если в игре был самодельный самолёт, притом сделанный из связанных между собой примитивно крест-накрест двух палок, то и его изображали голосом. В общем, воевали мы на полном серьёзе. Домой приходили с блестящими глазами, разбитыми носами, содранными коленками. Но “наши” всегда одерживали победу над фашистом»¹⁶.

Эти же исследователи записали воспоминание жителя села Островок Сараевского р-на о такой же мальчишеской игре в войну в 1950-е годы:

«Когда мы были пацанятами, иногда играли в войну. Мы рисовали кресты и звёзды на одежде и пилотках, которые делали из газеты или обёрточной бумаги. Оружие делали сами из палок, доски. Автоматы или ружья даже зачищали шкуркой. Когда удавалось добыть металлическую трубочку, то её привязывали к дулу, ружье такое “поднималось в цене”, а его хозяину завидовали. Очень хотелось играть только за русских, наших. Фашистом очень не хотелось быть. Ещё не хотелось умирать, и бывало, до хрипоты доказывали, “что я не убитый”. Почему? Так ведь русский солдат всегда должен побеждать, а немец слабее. Ненависть к фашисту была в крови. Делились на две команды и воевали. Немцы прятались, а наши должны были найти гада и уничтожить в его логове. Немцу давали возможность уйти, а затем бросались за ним в погоню. Для этого рисовали стрелки, это делала разведка. Вот по ним и шли-бежали. Немец тоже в раж входил. Прятался хорошо. Иногда по темну домой являлись, замертво падали на печь. Русские давали себе имена и фамилии героев войны. Фашистам мы присваивали немецкие имена. Мне приходилось часто играть немца. Причём называли меня Гансом. Так меня и по сейчас в Островке Гансом зовут, а детей и внуков – Гансятами»¹⁷.

В. О. Федин, родившийся в 1950-е годы, тоже поведал о мальчишеской игре в войну – по мотивам Великой Отечественной войны: «В летнее время играли в войну – это была любимая игра. Делились на две команды: русские и немцы, оружие было самодельное, из дерева»¹⁸ (с. Иньякино Шиловского р-на).

Мальчики любят самостоятельно устраивать игры с военным уклоном. Историк С. Д. Яхонтов в мемуарах отмечает интерес мальчишек ко всякого рода взрывам, извлекая их даже из хозяйственных дел: «Варили солод, – мы тут как тут; парили кадки и бочки – мы тоже мешались и приходили в неистовство, когда брошенные в кадки раскаленные камни давали взрыв пара»¹⁹ (с. Ухорь Пронского у.).

Старшеклассники Зарёвской школы Михайловского р-на отметили: «Организованные взрослыми в военно-патриотических целях игры не прижились: “Зарница” и “Орлёнок” у нас не поддерживаются, а вот играть в “Казак-разбойники” мы любим. Участники игры делятся на две команды, одна команда загадывает слово, и каждый игрок берет себе по букве из слова. Затем, дав второй команде краткую характеристику слова, они убегают. Вторая команда должна отгадать слово, переловив врагов» (ответ на анкету 2004 г.).

Школьник А. В. Юшин описал игру в «казаки-разбойники» в с. Новая Пустынь Шиловского р-на, пытаясь найти ее основу в истории родины: «Наверное, эта игра пришла к нам из глубины веков и была связана с реальными событиями, происходившими когда-то на Руси. Часто разбойниками становились крестьяне, разоренные помещиками. У многих русских писателей есть произведения, в которых рассказывается о разбойниках. Разбойников любили, так как в глазах народа они были мстителями за угнетенное положение народных масс»²⁰.

А. В. Юшин привел правила игры в с. Новая Пустынь Шиловского р-на, опираясь на сообщение Ю. А. Жильцова, 1939 г. р.:

«В казаки-разбойники могут играть мальчишки и девчонки вместе. Сначала договаривались о том, где будут играть и до каких границ можно прятаться. Границу часто обозначали оврагом или речкой, дальше которой нельзя было прятаться. Затем делились на две команды или, как в с. Новая Пустынь называли, “партии”. Делились на партии двумя способами: либо с помощью считалки (“На златом крыльце...”) или же в большинстве случаев в “партию” входили те, кто с кем больше дружит. А затем решали, какая партия будет казаками, какая разбойниками, т.е. “каналась”, брали палку и по одному участнику от команды выходили и кулаками обхватывали по очереди палку. Обычно считалось: чья последняя рука, те и разбойники. Разбойники разбегались и прятались, казаки сначала решали, куда они будут приводить пойманных разбойников. Затем казаки отправлялись искать разбойников, которых надо было найти, догнать и поймать. Разбойники запутывали казаков, указывая свое

нахождение, какой-нибудь палочкой они на земле чертили стрелки, которые показывали направление их движения. Но очень часто направление этого движения было совершенно противоположным. Делали это для того, чтобы сбить с пути противника. Как только первый разбойник попадался, его вели в “штаб”, где он должен был находиться под охраной; туда же впоследствии доставляли всех остальных разбойников. Пойманных разбойников вели за руки, и существовало негласное правило – вырваться он не имел права. Разбойники имели право выручать своих плененных товарищей. Происходило это так: если разбойник видел, как вели его товарища, он очень осторожно подкрадывался к казаку и пытался до него дотронуться. Если он успевал то сделать, то выручал своего товарища, если нет, то сам становился пленником»²¹.

Собиратель указал смысл игры: «Игра заканчивалась, когда всех разбойников переловят и доставят на свою базу казаки. Первая и главная задача казаков в той игре заключалась в том, чтобы выследить разбойников, затем их пленить, и самая важная задача – обеспечить их надежную охрану. А для разбойников главное в этой игре – умение использовать овраги, кусты, деревья для того, чтобы надежно спрятаться. Также им нужна сила и сноровка, чтобы убежать от преследующих казаков. Самые сильные и быстрые разбойники иногда и не прятались. Они старались отвлекать от своих товарищей казаков, когда те подходили к чьему-нибудь убежищу. Как только казаки подходили к чьему-нибудь убежищу, тогда быстрый бегун выбегал наперерез казаку, тем самым отвлекая внимание от места нахождения своего товарища по “партии”»²².

Заметим, что казаки как военизированное сословие, охранявшее южные границы государства от набегов соседних племен, были на Рязанщине. Сохранились названия рязанских селений, включающие упоминания казачества: с. Казачий Дюк, с. Казачья Слобода Шацкого р-на²³. Изучению пребывания казаков на Рязанской земле и отголоскам их военизированных игр посвящены две монографии Б. В. Горбунова: «Традиции русских народных игр военно-прикладного характера в Рязанском крае» (1993) и «Рязанские казаки в XV-XVIII вв. Историко-этнологический очерк» (1994), изданные как отдельные выпуски «Рязанского этнографического вестника».

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина сообщают о военизированных играх людей, родившихся в 1920-1950-е гг.: «Играли это поколение и в ролевые игры: в индейцев, войнушку <...>»²⁴. Укажем, что игра в индейцев отмечена С. Д. Яхонтовым применительно к 1850-1860-м годам – вероятно, в связи с серией из 5 романов Джеймса Фенимора Купера (1789-1851) про индейца Натаниэля Бумпо: «Пионеры», 1823, русский перевод 1832; «Последний из могикан», 1826, русский перевод 1833; «Прерия», 1827, русский перевод 1829; «Следопыт, или Озеро-море», 1840, русский перевод 1841; «Зверобой, или Первая тропа войны», 1841, русский перевод 1848. Позже игра в индейцев включила в себя новые веяния из переводных романов Джека Лондона, Майн Рида и других зарубежных писателей, а также из иностранных кинофильмов 1960-х годов и более поздних, особенно производства Германской Демократической Республики («Чингачгук – Большой Змей», 1967; «Ульзана», 1974 – совместно с СССР и Румынией, и др.).

О. В. Зацепина в статье «Памяти товарища: Памяти Галины Викторовны Денисовой» (1959-2012) в разделе «Воспоминание подруги» описывает подвижные детские игры рязанских девочек середины 1970-х годов: «Детство... Мне лет 12, а Гале 14. Её сестре Наташе 11. Я помню, как мы все вместе отдыхали в Солотче. Мы играли и бегали по монастырской стене, прятались от многих врагов, радовались победам над воображаемым противником. Мы переносили сюжеты из прочитанных нами приключенческих книг в наши игры, фантазировали и добавляли свое»²⁵. Монастырь тогда был недействующим.

Житель с. Инякино Шиловского р-на описал, как мальчишки забирались на пожарную каланчу и любовались окрестностями: «Около деревни Ореховка была высокая пожарная вышка, и мы в детстве любили на неё лазить. На самом верху была смотровая площадка, с которой открывался живописный вид на окрестности, были видны все деревушки, лес-

ные уголья, тянувшиеся до с. Инякино, поля и перелески. С вышки были видны купола с крестами Инякинской церкви, которая была ещё открыта, нам было радостно на них смотреть, в детских душах возникали мысли о вечности, о Боге...»²⁶ Можно предположить, что на верхотуре мальчишки ощущали себя вперёдсмотрящими и вспоминали об исторических событиях, когда воины, находясь в дозоре на сторожевых башнях, обнаруживали приближающегося противника – и в итоге начиналась внезапная атака на врага.

¹ Записи автора. Тетр. 8. № 117 – Митяева Анна Ивановна, 80 лет, с. Тимошкино Шиловского р-на, 27.08.1990.

² Записи автора. Тетр. 8. № 117 – Митяева А.И., 80 лет, с. Тимошкино Шиловского р-на, 27.08.1990.

³ Записи автора. Тетр. 32. С. 62 – Молотков Николай Васильевич, лет 60, родом из д. Софийка Милославского р-на, секретарь Рязанской писательской организации, г. Рязань, 2001; файл folk-zapisi.doc.

⁴ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986. С. 36.

⁵ Цит. по: Титова У.А. «На земле, мне близкой и любимой...» Династия Воробьёвых – Титовых в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 157.

⁶ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 135-136; Ч. 2. С. 84 – со сноской на Е.А.Воробьеву.

⁷ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986. С. 36.

⁸ Записи автора – фото img_2113.jpg от 21 сентября 2010 г., г. Пронск, Краеведческий музей, рукопись (компьютерная распечатка).

⁹ Записи автора. Сообщение Е. М. Шаповской в августе 2017 г., г. Рязань.

¹⁰ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 128.

¹¹ Зелена моя дубрава. Сб. стихов. К 80-летию со дня рождения Б. А. Можая. Шацк: Шацкая типография, 2003. С. 12.

¹² Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 102.

¹³ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 215.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 16. № 389 – Иванова Валентина Михайловна (1931-2008), родители из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в г. Великий Новгород, зап. 17.01.2006 в Москве.

¹⁵ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний). С. 249.

¹⁶ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102.

¹⁷ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 102-103.

¹⁸ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 529.

¹⁹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В.Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 55.

²⁰ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 257.

²¹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 257-258.

²² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 258.

²³ Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) /Рязанский этнографический вестник. 2004. С. 160.

²⁴ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 100.

²⁵ Зацепина О.В. Памяти товарища: Памяти Галины Викторовны Денисовой // Материалы и исследования по рязанскому краеведению по рязанскому краеведению /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатникъ, 2017. Т. 54. С. 249.

²⁶ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 530.

Глава 56. Детское геройство

Писатели, постигшие детскую психологию, отмечают мечты о личном героизме как маркеры важного этапа взросления, умения совершать серьезные поступки и брать на себя ответственность за сложные дела. Так, 7-летний мальчик Сережа из повести А. И. Осипова «Я люблю Кольку» перед первым сбором в ночное мечтает: «Стоило закрыть глаза, как видел себя в шумной ватаге мальчишек: то барахтающемся в омуте, то сидящим у ночного костра и слушающим сказки взрослых, то разъезжающим на лошади во весь дух, и не как ездят все, а стоя на одной ножке»¹. Ощущение собственного героизма навсегда запечатлевалось в сознании человека. В биографии «Сергей Есенин» (1922) отмечается: «Среди мальчишек я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах» (Есенин VII (1), 8).

Этот факт подтверждает односельчанин и современник Сергея Есенина:

«То, что драчливее других Сергей был, это определено, – говорит Василий Степанович Ефремов. – Был горяч, куда там... И все время драки сам затевал, ему же поэтому больше всех и доставалось. Навтыкают ему – у него кровь из носа. Часто с разбитым носом ходил. Но ничего – утрется и снова за игру. Не сердился, скоро мирился, скоро новую драку затевал»².

Бабушка Настя сообщила о некоторых забавах константиновских мальчишек, в том числе и Есенина, в ночном: «Он и костры под буграми палил, как лошадей с ребятами пас. Перед сенокосом, парень, у нас лошадей в ночное за реку не гоняли. Овцы в поле, коровы в поле, а лошади – под горой»³.

Д. А. Воробьев, односельчанин и сосед Есенина, рассказывал о его привязанности к лошадям: «На лошади любил скакать в лугах. Просто так, без седла»⁴.

Коней любили не только крестьянские, но и дворянские дети, в том числе – девочки. Из писем Л. И. Кашиной (урожд. Кулаковой) известен восторг ее сына и дочери при виде лошадей во время приездов из Москвы в с. Константиново Рязанского у.: «Они <дети> здесь чувствуют себя, как рыба в воде, но самое большое удовольствие – это верховая езда, кот<орой> они пользуются оба, правда, в довольно ограниченном размере. Довольны они страшно...»⁵ (2 мая 1915 г., письмо к кузену Н. В. Викторову).

Семью годами раньше старший сын Л. И. Кашиной – маленький Юрий – уже пристрастился к лошадям стараниями кучера Ивана Лаврентьевича Миронова, служившего у Ивана Петровича Кулакова – местного помещика, прототипа подобного отрицательного персонажа из повести «Яр» Есенина: «Меня очень трогает отношение к Юре рыжего Ивана: такой нежности я прямо не могла в нём предположить. Раз я слышала такой разговор: Юра с Иваном поили лошадей, и Иван говорит ему: “Вот поишь лошадей-то, хлопчешь, стараешься, а дед-то тебя не катает! Жадный он, дед-то!” Юра зовёт его “Увань”»⁶ (17 июня 1908 г., письмо к мужу Н. П. Кашину).

Историк С. Д. Яхонтов обнаружил подростковое жестокосердие, проявлявшееся в желании повелевать домашней скотиной, используя удары кнутом: «Удивительная страсть командовать над большим количеством животных! При внешнем и осеннем мытье овец гонять для просушки в поле, гнать их на Проню для купанья, стеречь стадо во время обедов пастухов, кормившихся поiedenно по дворам (их заменять нужно было). Осадить назад свинью, беспокойную корову, вышедшую с полднища <привала скотины в полдень> – делалось с большим аппетитом. Многие мальчики добровольно приходили к стаду, чтобы “по-

воротить” большим кнутом нарушившую стадную дисциплину скотину»⁷ (с. Ухорь Пронского у.).

Готовность к героизму (в своеобразном его понимании) подростки проверяли в разного рода драках. Взрослые, прошедшие путь становления смелого характера, содействовали таким проверкам. Это отражено в автобиографии «Сергей Есенин» (1922) и потом в автобиографической заметке «О себе» (1925): «<...> дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: “<...> Он так будет крепче”» (Есенин VII (1), 8; ср. 18).

Озорство не воспринималось как правонарушение, но осознавалось как необходимый этап закалки характера. Есенин в «Автобиографии» (1924) отмечал такое понимание мелкого хулиганства: «Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам» (Есенин VII (1), 14).

Подобную историю из собственного детства поведал К. И. Крылов, 1926 г. р., уроженец с. Кипчаково Ряжского у. (ныне Кораблинского р-на), житель д. Чернава Ряжского р-на:

«В школу я пошел в следующем 1934 г. А перед этим случился некий казус. Нас с дружкой Васей Пимкиным привлек вид поспевших яблочек-китаек в соседском саду. Четыре яблоньки были усыпаны золотистыми яблочками. Посмотрели – у хозяев замок. Заберемся? Заберемся! Набрали за пазуху до отказа и прячем добычу на потолке у Пимкиных. А тут старший Васин брат Коля: “Где взяли? – У колдуньи. – А вы и мне принесите, я вам по тетрадке дам. Вам ведь в школу идти. Знаешь, как тетрадки-то пригодятся”. Надо заметить, что тетради тогда тоже не продавались, а выдавались в школе: по письму и по арифметике. Естественно, нам очень захотелось стать обладателями заветных тетрадок. Отчего не сходить еще разок. Сходили. А Коля: “Мало, две тетрадки – это дорого”. А нам тетрадки уже замаячили и отступать поздно. Таскали мы ему, таскали, наконец говорим: “Все, больше не пойдем. – Почему? – Мы уже не достаем. – А вы на яблони залезайте. – Не-е-т. А вдруг она нас прихватит. С земли-то мы еще убежим. А с яблони? Заколдует нас – ни с места, что тогда? Не пойдем!” Уже и тетрадей не захотелось, да и устали мы. Все-таки выдал он нам по тетрадке. Тетрадки не стандартные, и ни к чему они нам негодились, сгинули в неизвестии»⁸.

Писатель Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» привел эпизод, когда на Духов день подростки решили забраться в сад Горбуна за яблоками, но хозяин неожиданно оказался на месте и предупредил ребят, прибывших со скачек на конях: «Ступайте с Богом. А за яблочками приезжайте на большой Спас. Тогда и разговеемся. А до Спаса грех яблоки есть, робятки... В них еще сок не устоялся, раньше времени сорвешь – только сгубишь. А яблоко-то Богом дадено. Это райский плод»⁹.

Рязанец Г. С. Владимиров полагал, что представители старшего поколения в 1920-1930-е годы специально оставляли часть садового и огородного урожая для ребятишек:

«Ежедневно усиливается аромат поспевших фруктов и овощей, собранных в прибрежных садах и огородах. Все это изобилие прибрано, отложено на продажу, нарезано и гирляндами развешено во дворах, на фасадах домов и на крышах. Вот откуда этот медовый запах, обволакивающий нас. Отдельные плоды оставлены на деревьях и на грядках, вроде бы по недосмотру. Исстари повелось так. Суеверные люди считали своим долгом оставить плоды на потребу животным и птицам, незримым своим покровителям. Лукавили наши родители и воспитатели. Мы-то знали, что все это оставлено для тех ребят, которые не имели на своих подворьях садов и огородов. Знали, что нам дозволяется посещать эти неприбранные сады. Как бы случайно забытыми оставлены лучшие фрукты на деревьях и в траве – зрелые, крупные, отборные. На грядках морковка, репа, сладкий турнепс. Мы никогда не позволяли себе портить деревья, ломать ограждения. Все это само собой разумелось»¹⁰.

Девочка-москвичка, оказавшаяся в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на в 1941-1942 гг., впоследствии вспоминала о яблоках как о любимом лакомстве детей, которые по-

едали плоды из собственных и чужих садов и даже разработали особую стратегию похищения вкусных фруктов:

«В селе Озёрки ребятишки ели много яблок. Играют и едят яблоки. Аня Астахова рассказывала, что она воровала яблоки у своей бабушки Акулины, особенно после дождя. Они жили рядом, но мама Ани выращивала ягоды – смородину и другие, а яблонь у них не было. И вот Аня дожидается, когда сильный дождь с ветром приутихнет, яблоки попадают с веток, но дождик ещё накрапывает. Она обувает резиновые сапоги, чтобы не промокнуть, а то и босиком идёт по своей тропинке за бабушкиными яблоками. Они ходили по разным тропинкам, которые вели от соседних домов. Вот она наберёт яблок у тёти Катерины – она была прижимистая, у неё четверо детей, она жена дяди Матвея – младшего сына бабушки. А бабушка и так раздавала яблоки.

И вот они после дождя идут за яблоками и удивляются, что их нападало мало.

Мама Ани тётя Акси́ня выращивала вишню, смородину и крыжовник, а яблонь я у неё не помню. А у бабушки Акулины были крыжовник, смородина и много яблонь – летних и осенних: лесовика, арбузник, терентьевка с красными полосками, антоновка – по два дерева каждого сорта. Терентьевка сладкая, а арбузник потрясёшь – в нём косточки шумят. <...> У неё целый участок, где у других был огород, был засажен яблонями, а у тёти Акси́ни – пол-огорода ягодных кустов»¹¹.

Традиция лазания по чужим садам продолжалась и в 1960-е годы в Рязани. Вот как об этом поведал рязанец Б. В. Горбунов – житель «профессорского» дома:

«В свободное время я и мои товарищи занимались примерно тем, чем занимаются мальчишки в нашем возрасте: что-то мастерили в сарае, качались на качелях (прямо под нашими окнами были огромные качели, раскачиваясь на которых до уровня 2-го этажа, захватывало дух), играли в баскетбол в одно кольцо, прикрепленное к внешней стороне качелей, совершали набеги на яблоневый сад деда Степана, жившего в частном доме по соседству, обирали вишню в саду нашего дома, в садовой беседке Каляпиных играли в карты и т.п.»¹².

Жительница с. Корневое Скопинского р-на в 2007 г. рассказала о том, как она, будучи девочкой, вместе с мальчишками озорвала по чужим садам и огородам и какие случались приключения:

«Бегали на огород воровать овощи и ягоды к соседу. У него был заброшенный колодец, а ночью дело было. Целая ватага ребятишек! Сосед услышал хруст и шум, вышел и стал кричать, что сейчас всех поймает. Нас человек 12 было. И все начали убегать, а первый провалился в колодец и прикрылся росшим там лопухом. Ребята не заметили сначала пропажи мальчика, пробежали мимо. Сосед тоже никого не поймал. Потом, обнаружив потерю, ребята помчались спасать пропавшего. Нашли его в колодце всего в грязи – вытащили.

А мама не стала разрешать вечером обувать другую обувь, кроме шлёпанцев: “А ты опять воровать к соседям в огород залезешь, а в шлёпанцах быстро не убежишь!” Но я всё равно бегала наравне со всеми – с более старшими мальчиками, потому что росла одна девочка»¹³.

Рассказчица сообщила, что сейчас ее три ребенка тоже не имеют сверстников своего пола: старшая дочь 13 лет моложе мальчиков на 3 года, средний сын возится с младшей сестрой – она ему красит ногти, сейчас в школу пойдет. И вот, вернувшись к воспоминанию о соседских огородах, рассказчица сообщила, что теряла шлепанцы, потом бегала их искать, а то домой в одной обуви нельзя возвращаться – мама догадается!¹⁴

Давнюю подростковую забаву – налетать ночью большой группой ребятишек на чужие сады и огороды и воровать там плоды – условно можно отнести как к детскому героизму, так и к разновидности игр с прятаньем. Вот как об этом рассказали жители с. Ленино Александрово-Невского р-на в 2014 г.: «А то! Из садов чужих таскали! Яблоки, груши и клуб-

нику! Мы ещё клубнику! За клубникой запрёмся! За огурцами по чужим огородам – как интересно было! Тогда огурцы и помидоры вкуснее клубники были. Зелёные, не факт, что!..»¹⁵

Еще одно лакомство – маленькая рыбешка, обитающая в Черном море и непонятно как оказавшаяся на Рязанщине:

«Так за таранкой ещё лазили! <...> Ну, рыба сушёная! Оксана, я рассказывала Анатолию Иванычу: “Анатолий Иваныч, я у тебя таранку крала!” И меня ведь поймали! К Ваньке-сапожнику залезли! Главное дело, я особо-то, просто стояла, далеко-то не лезла! Все убежали, а я осталась – и он меня поймал! (Общий смех) (И что было? – Е.С.) Да ничего! Да я вроде как мимо проходила! (А сколько лет Вам было? – Е.С.) Ой, да лет 15 уже было! А то и 16, наверное! Целым табуном вот за такой вот мелкой рыбкой полезли!»¹⁶ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

Жительница с. Ленино Александрово-Невского р-на поделилась тем, что подростки забирались в сад за яблоками все время к одной хозяйке и оставались безнаказанными: «Все к ней, почему-то все к ней воровать лазили. Она под этими сортами спала. Мы дверь откроем, натрясём, набрали и пошли. Счас не дай Бог, что-то: милицию бы вызвала! А это бедная... Сейчас вот полезть вот к кому: милицию бы вызвали! А раньше-то, а раньше – нет! И полезли! Раньше-то проще к этому относились!»¹⁷

Традиция лазания по садам и огородам передается от одного поколения к другому. Нынешние родители рассказывают о своих подростковых похождениях и об аналогичных забавах собственных детей, которых уже заставляют расплачиваться деньгами за вроде бы безобидные налеты на сады:

«У покойницы вот отца, где счас живёт эта, нет-нет-нет, не за земляницей, а вот за клубникой лазили, Галь. – Это вот, считай, ко мне лазили, да? (Г. М. Наумкина) – Ну да! Ну там все лазили! Вот почему-то мой сынок попалси! – А ещё кто с ним был? – Там их много написали. Да, потом после этого он стал караулить там, а потом они собрали со всех, кто там был: счас я один буду платить! Будем платить все – складёмся, а вроде отдали за себя»¹⁸ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

Обучение жизненно важным навыкам и приобщение к повседневной житейской практике проводилось путем неожиданного для ребенка внедрения в действенную ситуацию. В автобиографиях «Сергей Есенин» (1922) и «О себе» (1925) об этом рассказано так: «Дядя мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку» (Есенин VII (1), 8; ср. 18).

В автобиографиях «Сергей Есенин» (1922) и «О себе» (1925) описано и обучение плаванию: «Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: “Эх, стерва! Ну куда ты годишься?”» (Есенин VII (1), 8; ср. 18).

Ребенком приобретались необходимые умения или полученные навыки проверялись в небольших путешествиях. Тяга подростков к покорению пространства известна. Историк С. Д. Яхонтов в мемуарах описал летнее путешествие двух школьников, решивших пешком вернуться из г. Скопин в с. Ухорь Пронского у. на каникулы:

«Не знаю, почему, – но мы с Володей Кипчаковым не дождались своих отцов и решили пехтуром идти домой. Это двое мальчишек за 35 верст!.. Обезумели, что ли, мы от радости, или в подражание другим? Хождение пешкомой на лето – было довольно развито. Дьячковым детям – нежности не к лицу. И мы дьячковы дети. Наслушались турусы на коле-

сах, как это интересно идти домой, да ночевать в копнах и т.п., и мы задумали то же предприятие.

Сговорилось нас человек 5, заготовили себе хлеба, купили огурцов, напекли яиц и 15-го июля, часов в 5 у(тра) – вышли из города по знакомому пути на Вослебу. Сначала босые храбро шагали, добрались до Вердерева, но тут двое товарищей заявили, что свернут в сторону, зайдут к товарищу (третьему) в село Никольское. <...> Но эта дорога нам была неизвестна, и мы с грустью решились, хотя и вдвоем, идти знакомой дорогой, по которой ездили на лошадях в Кисьву, родину Володи, отец которого обещался за нами приехать, но почему-то на целый день опоздал. <...>

Тут нам новый экзамен, нашей храбрости и выносливости. И выдержали мы на “2”. При каждой встрече у нас возникал вопрос: а что это за люди? – А не обидят ли они нас? Когда встречные казались нам почему-либо подозрительными, – мы, ничто же сумняшеся, еще издали сворачивали в рожь, благо, ее не начинали жать, и там выжидали, когда минет придуманная опасность.

Конечно, этим путь наш удлинился, а мы начинали чувствовать усталость. А мы, было, надеялись, что по дороге встретим – папашу – дядю. Тревожнее становилось в наших сердечках по мере того, как тоже устало солнце “шестьствовать по небосклону”. <...> Босые пятки начинали протестовать. <...> Мы добрались (воистину добрались!) не до Кисьвы, а только до р. Прони, до Лыковской мельницы. <...>

Осталось до Кисьвы верст 6-7... Повалились на сено, и оказалось, что у нас у обоих ног нет... Пусть! Мы и без ног – захрапели живо.

Рано утром – мы опять на своих ногах... С мельницы нашелся попутчик из дворян д. Денисовки (того же прихода), и мы... Да, теперь мы бодро... поехали. При въезде в село Кисьву – встречаем подводу дяди – едущего за нами в Скопин...»¹⁹

Сергей Есенин в «Автобиографии» (1924) описывал эпизоды самостоятельной жизни вблизи и вдали от дома: «Уличная же моя жизнь была не похожа на домашнюю. Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2-3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах, сначала замутив воду, руками, или выводками утят» (Есенин VII (1), 14).

К. П. Воронцов, односельчанин и друг Есенина, вспоминал о его забавах в с. Константиново Рязанского у. в свободное от учебы в Спас-Клепиковской Второклассной учительской школе: «Когда он в летнее время приезжал на каникулы, то увлекался ловлей руками из нор в Оке раков и линей. В этот он отличался смелостью, ловил преимущественно в глубине, где никто не ловил, и всегда налавливал больше всех. В жаркое летнее время он просиживал в воде целыми днями»²⁰.

Д. А. Воробьев (1901-1983), сосед Есенина по с. Константиново, рассказывал несколько иначе о его отношении к ловле рыбы: «Любил он рыбу ловить на подпуск. Только терпения не имел – спутает снасти, бросит всё и убежит, а я распутываю»²¹.

К. П. Воронцов привел сведения и о другом подростковом увлечении Есенина:

«Не меньше чем этим он увлекался ловлей утят руками. За это ему один раз чуть было не попало от помещика Кулакова. Однажды пошли мы с ним ловить утят, как вдруг появились сын помещика и управляющий. Они бросились за ним, а Сергей в это время только поймал утенка и не хотел отдавать его им. Пришлось нам с ним голыми бежать по лугу, чтобы скрыться. Бывали и такие случаи, когда ребята ловят утят и никак не поймают, а он разденется, кинется в воду, и утенок его. За это ему от ребят попадало»²².

Парни обучали подростков изготовлению необходимых бытовых приспособлений и предметов для забав, соответствующих их возрасту. Например, юный Петр Титов, дядя Есенина по материнской линии, увлекал племянника разными затейливыми поделками: «Из гибкого лозняка они вместе плели корзины и карасиные “морды”, а из мягкой податливой

ивы вырезали нежногласые свистки и, на зависть мальчишкам, палки-посохи и кнутовища, разукрашенные всевозможными узорами»²³.

¹ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 8.

² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 136.

³ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986. С. 36.

⁴ Цит. по: Титова У.А. «На земле, мне близкой и любимой...» Династия Воробьевых – Титовых в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 157.

⁵ Цит. по: Кирьянова Т. Константиновское имение в письмах Л. И. Кашиной // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 69.

⁶ Цит. по: Кирьянова Т. Константиновское имение в письмах Л. И. Кашиной. С. 69.

⁷ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 46.

⁸ Комаров К.И. Жизнь // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 18. С. 381.

⁹ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 131.

¹⁰ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца /Лит. обработка и подготовка к публ. Ю. В. Блудова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2007. Т. 14. С. 220.

¹¹ Записи автора. Записная книжка 2017-2018 гг., под 28-30 ноября – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., в 1941-1942 гг. была в эвакуации в с. Озёрки Сараевского р-на, родители родом оттуда, г. Москва, ноябрь 2018 г.

¹² Горбунов Б.В. Из отроческих и юношеских лет // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2007. Т. 14. С. 254.

¹³ Записи автора. Тетр. 30 – Наседкина Марина Николаевна, 1967 г. р., заведующая клубом, с. Корнеево Скопинского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 18.07.2007.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 30 – Наседкина Марина Николаевна, 1967 г. р., заведующая клубом, с. Корнеево Скопинского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева 18.07.2007.

¹⁵ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина Оксана Борисовна, 34 г., соцработник; Черемисина Любовь Григорьевна, сотрудник клуба, 1962 г. р.; Наумкина Галина Михайловна, ок. 47 лет, сваха Л. Г. Черемисиной; Антипова Валентина Анатольевна, ок. 47 лет; Федуллова Светлана Анатольевна, 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Николай Родионович, 53 г., муж, баянист; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁶ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина О.Б., 34 г.; Черемисина Л.Г., 1962 г. р.; Наумкина Г.М., ок. 47 лет; Антипова В.А., ок. 47 лет; Федуллова С.А., 52 г.; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Н.Р., 53 г., муж; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁷ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина О.Б., 34 г.; Черемисина Л.Г., 1962 г. р.; Наумкина Г.М., ок. 47 лет; Антипова В.А., ок. 47 лет; Федуллова С.А., 52 г.; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Н.Р., 53 г., муж; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁸ Записи автора. WS760222.wma – файл про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубка»; Гришина О.Б., 34 г.; Черемисина Л.Г., 1962 г. р.; Наумкина Г.М., ок. 47 лет; Антипова В.А., ок. 47 лет; Федуллова С.А., 52 г.; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочери и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Н.Р., 53 г., муж; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

¹⁹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 2. С. 94-95.

²⁰ С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. /Вст. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 127.

²¹ Цит. по: Титова У.А. «На земле, мне близкой и любимой...» Династия Воробьёвых – Титовых в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина // Есенинский вестник. Константиново, 2015. № 7 (12). С. 157.

²² С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 127.

²³ Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. С. 63.

Глава 57.

Детские и подростковые посвятельные ритуалы

Постановка ребенка во взрослые условия быта, без предупреждения и без предварительного обучения его, была сродни архаической инициации и уходила в нее корнями. В XIX-XX веках такой «инициации» предшествовали проводы из родительской семьи, которые по сути также представляли собой определенный обряд прощания.

Историк С. Д. Яхонтов в мемуарах описал проводы сельского ребенка на учебу в город и саму подготовку к таким проводам. 10-11-летний мальчик из с. Ухорь Пронского у. в 1864 г. поступал в Скопинское духовное училище и должен был во время всей учебы проживать в г. Скопин на частной квартире у совершенно чужого человека, поэтому тягостные ожидания чего-то неизвестного переполняли души всех его родных и самого будущего ученика: «Однако, по мере того, как лето 1863 <д.б.: 1864> кончалось, – беседы с матерью стали грустнее. Слово Скопин стало чаще попадать на язык. Запасы палок-лошадей не делались; ситцевые рубашки берегались; излюбленные места по Проне и Ухорке – чаще посещались»¹.

Больше всего тревожилась мама будущего ученика и старалась сильнее приласкать его: «А мать чаще и чаще наклоняла к себе на грудь Стёпушкину головку и нет-нет да заплачет. Жалко ей меня. Мать!.. Учись, Степушка! Незабвенная мать!.. Ты моя желанница, ты моя занятница и покровительница была!.. Ты лучший была мой учитель! Осталось Стёпе – 2 недели – и кусочек послаще подсунет, и лишний раз чайку попьем. Чай был редкостью: только по большим праздникам. То гостинца привезет с базара; то по головке погладит»².

Дедушка тоже жалел мальчика, и все старшие ограждали его от привычных сельхозработ, предоставляя ребенку возможность немного поиграть в завершающемся детстве: «Дедушка тоже чаще гладил меня по головке. В работу полевую меня уже не посылали. Словом, – я был на привилегированном положении рекрута»³.

Мальчик был уверен в своих знаниях и хорошей подготовке к вступительному экзамену, но переживал из-за неизвестности школьной жизни и ее возможных трудностей: ««Ничего – а все-таки» – так можно охарактеризовать мое душевное состояние. Побывали некоторые из родственников – и давали на калачи по гривенничку и т.п.»; и далее – «Вот поди ты – с охотой ехал, а все как-то не по себе было: и аппетиту нет, и разговаривать не хочется...»⁴.

При приеме ребенка-новичка в подростковую группу происходило испытание, зачастую еще более суровое, чем проводимое взрослыми в аналогичной ситуации.

Историк С. Д. Яхонтов описывает своеобразное «посвящение» в ученики новичков Скопинского духовного училища в 1860-е годы, проводившееся старшеклассниками:

«Одною из попыток, что применялась старшими в отношении не угодивших им и подозрительных “младших” – это “отыскивание походни”. Мальчика, обреченного на “издевательство”, посылали на назначенную квартиру. “Сходи на N квартиру и спроси у старшего – что де N велел взять походню”. Обреченный шел и наивно, ничего не подозревая, спрашивал “походню”. Старшие всех квартир, может быть, сами прошедшие эту науку, были солидарны между собою. “У меня нет, ступай на N квартиру и спроси там”, а на прощанье давал послу подзатыльник. Посол отправлялся на указанную квартиру, и там повторялась та же сцена, и т.д. Посланный, обошедши все квартиры, в них обобравши подзатыльники, измученный физически и нравственно, – возвращался домой. Иногда вместо “походни” посылали отыскивать “трепку” – а отказаться было невозможно. Отстоять себя от издевательств можно было

только подарками. Если у отца находились деньги, – ими можно было ублажить насильников»⁵.

Известен «*посвятельный обряд*», практиковавшийся старшими учениками по отношению к новичкам во Второклассной учительской школе в с. Спас-Клепики в начале учебного 1909-го года, когда Есенин поступил учиться на учителя начальных классов: «С дневного солнечного света в широком коридоре показалось темновато. Мне указали на комнату, в которой буду жить, и я направился прямо к серой двери. Неожиданно что-то темное накрыло меня сверху, и я почувствовал, как со всех сторон на меня посыпались кулачные удары. Я не знал, что так встречали всех новичков. А ударили сильно»⁶. Оценивается правильная реакция новичка (в данном случае будущего поэта Есенина), подпавшего под кулачный обычай: «Действительно, через несколько минут вошел в комнату побитый парнишка. Он подошел к кровати и лег ничком. “Сейчас заплачет”, – подумал я. Прошла минута, другая, третья – с соседней кровати не доносилось ни звука. “Видно, крепкий”»⁷. Дальнейшее поведение новичка героизировано в том плане, что ему приписана заслуга по ликвидации сурового бурсацкого обычая: «И никто впоследствии не смел обижать не только нас, но и всех, кто приходил в школу вновь. Побоялись отчаянного Сережку»⁸.

К посвятельным ритуалам можно с некоторой долей предположительности отнести первые тайные попытки курения. Смысл такого «посвящения» – уподобиться взрослым мужчинам, которым позволительно курить. В. О. Федин поведал о таком стремлении подростков в 1960-1970-е годы выглядеть старше, приобщиться через курение ко взрослой жизни: «Подростки, насмотревшись на взрослых, тоже пробовали тайно курить. В детстве в летние каникулы мы баловались – воровали табак, махорку, прятались во ржи или орешнике и тайно покуривали. Однажды был такой случай: мы сидели у костра и курили, и вдруг кусты раздвигаются и появляется дед одного из моих товарищей (Агапкин Василий Захарович, участник войны, ветеран) с колом в руках. “А ну, сейчас я вам покажу!” Мы все разбежались. Не бежим, а летим, ноги едва касаются земли, а он – за нами. После этого каждый из нас уже дома получил взбучку, и это было нам хорошим уроком и запомнилось на всю жизнь»⁹ (с. Инякино Шиловского р-на).

А. И. Осипов описывает целую череду испытаний, через которую пришлось пройти ребенку, чтобы быть принятым в группу подпасков в 1920-1930-е годы. Это тоже «причащение» курением, лечение у «доктора», угощение завтраком и «петушиный бой».

Сакральный смысл первого посвятельного ритуала ощутим уже в названии-эвфемизме, пародирующем церковное действо, и далее разворачивается в игровой структуре, опять-таки обыгрывающей христианское таинство. Однако в таком приобщении к сакральному действу также заметна семантика индейской «трубки мира», которую закуривает вождь племени и далее пускает ее по кругу – затянуться дымом всем своим братьям и гостям. Вероятно, старшие подростки прочитали об этом в романах об индейцах – например, Фенимора Купера, очень популярного в начале XX века переводного автора¹⁰.

Вот как происходила первая инициация (в данном случае – игровое посвящение в подпаски) у крестьянских детей, имитирующая церковное таинство, но в сниженном виде:

«Ванька сел на кочку, оторвал от книги на папироску бумаги, насыпал в нее табаку и, помусолив в толстых губах, закурил.

– На причастие! – крикнул он.

– На причастие!

– На причастие! – повторяли мальчишки, выстраиваясь в цепочку.

Ванька держал папироску, ребята подходили к нему и затягивались по два-три раза»¹¹ (д. Аксиныно Рязанского у. / р-на).

За инициацией-вступлением логически следовала вторая часть, пародирующая «лечение» испытуемого:

«– К доктору! – распорядился Ванька, и ребята, крича и насвистывая, схватили меня за ноги и за руки, поволокли к ручью. Раскачали и под крик “ура-а-а!” бросили в омут. <...>
– Полечился – и хватит! – кричали мальчишки»¹² (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Иносказательная символика «лечения» закреплена в крестьянском сознании в обрядовом ряженье доктором на Святки и второй (послевенчальный) день свадьбы, пародирующем реальную врачебную практику. В детской игре «в доктора» наиболее часто практикуется семантика «лечения», представленная в реалистическом, хотя и упрощенном виде. Реже среди детских забав встречается пародийная трактовка «лечения» (как в приведенном примере).

Третья часть инициации (игрового посвящения в подпаски) направлена на установление веры испытываемого в людей и заодно нацелена на проверку смекалки. Это испытание внешне выражено в подлоге: ребята подменили добротный завтрак, предназначенный уважаемому работнику, на скудную пищу бедняка, почти нищего.

«Чувствую, что ребята наблюдают за мной, но не подходят и ничего не говорят. Что-то, видать, опять они задумали. Колька вышел из ржи. Подошел ко мне, протянул мне такой же, как и мой, узелок:

– На! <...> Не видишь разве? Жулёк все перепутал. Твой завтрак отдал мне, а мой тебе. Ты не догадался?»¹³ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Четвертая, завершающая, часть инициации (посвящения) заключена в проверке силы, бойцовских качеств и умения постоять за себя. Она выступает под эвфемистическим названием «петушиный бой»:

«Как петухи, насакивали мы друг на друга, не чувствуя боли, не замечая ссадин на лице и руках. Часто то я, то Колька падали в траву. По правилам драки, лежащего не били, ждали, когда поднимется.

Потом Ванька встал между нами и сказал:

– Бой окончен. Петухи из вас получились»¹⁴ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Общий смысл инициации (посвящения) обрисован в объяснении старшего по возрасту и наиболее образованного участника:

«– Это, Сергей, для тебя крещение. Точно как в Киевской Руси, только с маленькими добавлениями. Выдержишь – героем будешь, – сказал Костя и бросил Ваньке окурочку своей душистой папироски»¹⁵ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Как видим, данная персонажем-организатором (своеобразным духовным наставником) трактовка правдоподобна, но отнюдь не правдива: с помощью церковной лексики и ложных аллюзий на Киевскую Русь устанавливается некий «высший смысл», на самом деле отсутствующий, нарочно возвеличивается противоправное событие. Однако за этим хулиганством стоит давняя традиция: именно она освящает вынужденное мучение и придает ему победный смысл, заключающийся в преодолении страха, в закалке характера, во вступлении в общество сильных.

Сами мальчишеские испытательные действия, словесно и структурно уподобленные церковным таинствам – «причастие», «крещение», были понятны ребенку, воспитанному в христианской вере, и призваны были помочь вписаться ребенку в незнакомую для него среду, четко запечатлеться в его памяти и мировоззрении.

Вообще характерно построение детских игр на основе христианских праздников. Так, старожил д. Полкóво Рязанского р-на сообщила об игре «Коляда́», отметив суть празд-

ника: «Под Рождество Кóляды бывают. До звезды говеют. Как взойдёт звезда – поесть не грех: Иисус Христос родился – его со звездой нашли»¹⁶. Понятна «порождающая» сила праздника, хотя не ясно, была ли игра приуроченной к нему, но такое предположение закономерно. Вот описание игры: «В “Коляду” играли. Друг за другом бегали: кто кого поймает»; игроки образовывали окружность с водящим в центре, один игрок выбегал из круга после диалога:

- Коляда дома?
- Дома!
- Что делает?
- Мешочки шьёт!
- Накóй мешочек?
- Сольцы солить!
- Накóй сольцы?
- Детей солить!¹⁷

Некоторые посвятельные ритуалы (в частности, проводившиеся в учебных заведениях) порождали градацию «посвященных» – в зависимости от времени их пребывания в данном учреждении, с регулярным повышением статуса. Такой неофициально установленный регламент приводит П. И. Проскуряков на примере Спас-Клепиковской Второклассной учительской школы во время обучения в ней Есенина в 1911-1912 учебном году:

«Я помню, у Есенина мы были на побегушках, как младшие, это последний год его обучения.

<...> Позовет нас, малышей, даст карточки нам (как почтовые открытки) со своими стихами и пошлет отдать девочкам.

Мы спрашиваем: “Ответ нужно принести?” – а он: “Не нужно”, – и рассмеется.

Мы относили, а из верности, может быть, Есенину обязательно спрашивали ответ у девчат, ждали, когда они прочтут»¹⁸.

Тут можно привести параллель с дедовщиной в армии на рубеже XX-XXI веков, когда «дедушки» и другие чины, оказавшиеся старшими по сроку срочной службы, пользовались правом посылать младших служащих выполнять мелкие поручения.

Школьный работник С. С. Камышов, характеризуя состояние детских игр в с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г., с горечью констатировал: «Вообще в настоящее время игры существуют только между детьми, взрослые их избегают. Новая игра – это ляганье. С грустью приходится вечерами наблюдать, как молодые люди до 20 и старше лет брыкаются, как молодые жеребята. Печально видеть эту глупую и грубую забаву между детьми, но для взрослой она непростительна»¹⁹. Между тем это «ляганье», скорее, не игра, а противостояние двух сторон, состязание в физической силе, хотя и поданное в уродливой квази-игровой форме.

¹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 2. С. 72.

² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 73.

³ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 73.

⁴ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 73.

⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 86.

⁶ Чернов А.Н. Тех лет воспоминания – цит. по: Чистяков Н. Королева у плетня. С. 87. (Это переработанный вариант – см. также: Новая Мещера, 1965, 5 августа).

⁷ Чернов А.Н. Тех лет воспоминания. С. 87.

⁸ Чернов А.Н. Тех лет воспоминания. С. 87.

⁹ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 547.

¹⁰ См., напр.: ОР РГБ. Ф. 198 (Фонд «Никитинские субботники»). Картон 15. Ед. хр. 15. Л. 7. С. 3 – Толстой А.Н. Автобиография (1943).

¹¹ Осипов А.И. Я люблю Кольку / Повести. М., 1978. С. 20-21.

¹² Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 22.

¹³ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 26.

¹⁴ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 29.

¹⁵ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 22.

¹⁶ Записи автора. Тетр. 3. № 301 – Воробьева Мария Степановна, 1903 г. р., д. Полково Рязанского р-на, 04.08.1985.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 3. № 301 – Воробьева М.С., 1903 г. р., д. Полково Рязанского р-на, 04.08.1985.

¹⁸ Цит. по: Летопись жизни и творчества С.А.Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 128 – со сноской: Проскуряков П.И. Рукопись. ГМЗЕ.

¹⁹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ед. хр. III/508. Кн. I. № 24. Л. 5 – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

Глава 58.

Праздничные подростковые забавы

В начале XX века детскими забавами на двенадцатые и престольные православные праздники в селах являлись разборные качели и привозные из уездного центра карусели – например, в с. Константиново Рязанского у. (ныне Рыбновского р-на):

«Мне лет – я ещё была, наверное, годów мне семь – были карусели, где вот сейчас школа, тут карусели были. Отец у меня ставил карусель в три дня. Это было на Софíин день, 30-го сентября. Вот коудá у нас были карусели. Это наш престол, наш деревенский престол. <...> Ну, у всех были свои праздники, у всех свои карусели были. В Федякине были 21-го тоже áвyуста – у них свои карусели были в Федякине. В Кузьмíнове – 4-го ноября, у них свои были карусели. В Аксёново тоже все. У всех свои праздники, у всех свои карусели. Специально такие есть: и кони, и кареты – все были приделаны, какие на винтах, какие на yвоздах – прости Господи! Они друу дружке передавались, а потом в район передавались»¹.

О каруселях в с. Константиново Рыбновского р-на на престольный праздник Святой Софии записано много воспоминаний:

«Были карусели у нас на этот день. Четыре дня праздновали, ну, а раньше, вот. Ну, а карусельница была в Кузьминском – у них карусели свои. Счас ведь каруселя – они с током там, а тоудá были всё руками. Такая крыша, круулый такой и там такие перекладыны наверху: ребятишки туда залезуть и по этим, вот по этим пихали их, пихали. А тут кареты, конí и каретки. Вот садились. Пять копеек, значить. И тоудá у карусельницы был такой звонок: ребята там крутють-крутють-крутють. Она такой звонок даёт, и они садятся на эти на перекладыны: значить, конец. Хорошо, я тоже каталась, хорошо! <...> Так вот ни на один праздник не было каруселей, а вот на этот праздник карусели у нас были»².

Рассказчица одно время проживала и работала в Москве, поэтому она сравнивает сельские карусели со столичными: «А в Москве-то вот какие в Сокольниках есть такие – вот такие есть и у нас, такие у нас были. Там током всё работает, а у нас вручную всё делали»³.

А. А. Есенина, сестра поэта Сергея Есенина, тоже описала в мемуарах устройство привозных каруселей на престольный праздник в с. Константиново Рязанского у.:

«Но Софиин день – второй престольный праздник нашего села, был веселее, так как праздновался он 30 сентября. Скорее это был праздник окончания полевых работ. К этому празднику к нам в село привозили карусель, и молодежь с песнями, плясками под гармошку проводила здесь свое время в течение нескольких дней. Бойко шла торговля арбузами, которые привозили к нам только к этому празднику. Продавались они кусками, так как цена была высока и покупать целыми не было охотников. В эти дни был большой спрос на семечки. Почти у каждой девушки в руках был узелок с семечками, и вся площадь вокруг карусели была ими заплевана»⁴.

Сергей Есенин также запечатлел ярмарку с каруселью в стихотворении 1915 г.:

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.

От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот. <...>
(Есенин I, 35).

В. О. Федин, родившийся в конце 1950-х годов в с. Инякино Шиловского р-на, еще застал самодельные качели, которые устанавливались раз в году к великому празднику:

«Любимым весенним занятием было катание на больших качелях, так называемых “козлах”, сделанных из высоких берёзовых (по 6 м) жердей. Прибивали между ними перекладину, а на ней закрепляли качели. Двое раскачивали их веревкой. Дух захватывало от этого качания, даже не все выдерживали это. “Козлы” ставили ежегодно к великому дню Пасхи Христовой, потом их снова разбирали до следующей весны»⁵.

Ребятишки в с. Шеенки Клепиковского р-на тоже любили престольные праздники: «Примечательными праздниками здесь была Десятая Пятница по Пасхе и Осенняя Ременная <10 ноября>. Несколько дней здесь шумела ярмарка»⁶.

Жительница д. Волчково Клепиковского р-на поведала о детских развлечениях на храмовые праздники:

«Возле церкви собиралось много народу. Приезжали со всех деревень, из Тумы. Каждый торговал своим товаром. А конфет каких там только не было! Самые дорогие по 5 копеек. Я покупала себе такие длинные, рисунчатые, как свечки – по 3 копейки. Всего мне давали 10 копеек, а хотелось покататься на лошадях (карусель). Один круг стоил 15 копеек, поэтому собиралось несколько детишек и платили эти деньги»⁷.

Разумеется, до Октябрьской революции 1917 года приходской праздник начинался с обязательного посещения храма, в том числе и ребятишками, и продолжался праздничным угощением: «В церкву ходили, всё стряпали, пекли, и наварять, напекуть»⁸ (с. Константиново Рыбновского р-на).

В советское время старинная ярмарочная традиция продолжала сохраняться, перенесенная на новые пролетарские и иные государственные праздники. Рязанец Г. С. Владимиров вспоминал о посещении в 1920-1930-е годы ярмарки, открывавшейся 1 сентября:

«На центральной Соборной площади снова, как и в былые годы, намечалось открытие большой губернской ярмарки.

На следующее утро на ярмарке застаем целый город, как в сказках, созданный волшебником за одну ночь. Палатки поставлены вдоль сквера. Они покрашены, на них развешены разнообразные вывески. Самая крупная достопримечательность – цирк “Шапито” с брезентовыми стенами и крышей в середине площади. Установлены карусели, кони покачиваются от легкого ветра. Качели с люльками-лодочками установлены на небольшом деревянном помосте. Рядом пневматический тир, многочисленные балаганы частных владельцев. Петрушка устраивает представления с разными фантастическими и сказочными сюжетами. Выступают небольшие труппы актеров с реквизитом из бумаги или марли. День ото дня посетителей ярмарки становится все больше. Появляются новые аттракционы, игры, лотереи. Играет оркестр, звучат шарманки. Над площадью усиливается шум. Продавцы громко зазывают покупателей, каждый предлагает свой товар. <...> Аттракционами управляли иностранцы, а фокусниками – больше китайцы. Много шарманщиков с попугаями, которые ловко выхватывали билетики, предлагая счастье и исполнение деланий. Во всех уголках площади звучит гармонь. Там развлекается молодежь, приезжавшая на ярмарку из сельских районов. Аттракционы, лотереи, тир и другие игровые устройства собирали очень много людей. Там предполагались сюрпризы, небольшие выигрыши. Их можно было получить за удачный выстрел, попадание в цель мячом или шариком. Любимцем ребят и посетителей ярмарки был, конечно, Петрушка, персонаж народного кукольного театра. Его писклявый голос и остроты

можно было слышать во всех уголках площади. Над ними смеялись и старые и молодые. Мальчишкам тогда нравился балаган Швабрина, который постоянно показывал представления о морских сражениях – гибель эскадры, нападение пиратов. Его бумажные или картонные кораблики на сцене стреляли, побеждали или тонули. Это было очень увлекательное зрелище. Представления мы смотрели лежа на земле, просунув головы через отогнутый край балаганного полога. Интересной была и программа цирка. Чаще всего на помосте выступали борцы. Иногда они были в масках. Утверждали, что это наши горожане, любители борьбы. Знаток говорил, что на нашу ярмарку приезжали знаменитые Иван Поддубный и Иван Чуфистов из Шацкого района»⁹.

Как следует из мемуаров Г. С. Владимиров, из традиционных ярмарочных увеселений в начале советской эпохи продолжали сохраняться кукольный театр Петрушки, балаган, выступления борцов и др. Петрушка в с Константиново Рыбновского р-на появляется и сейчас, представленный на центральной сельской площади перед Государственным музеем-заповедником С. А. Есенина художником, гончаром и супругом научной сотрудницы Н. В. Рамнёнак в День рождения поэта и по другим праздникам.

Традиционным развлечением на ярмарках (как сельских, так и городских) была карусель. Рязанец Г.С. Владимиров поведал, что мальчишки в 1920-1930-е годы с удовольствием не только катались на карусели, но и раскручивали ее:

«Очень любили мы карусели. Хозяин нанимал работника, который там, наверху, под куполом, раскручивал карусель, часто охлаждая себя напитками. За день этот работяга уставал, однако прижимистый хозяин не нанимал ему помощника. Карусели потихоньку замедляли вращение. Сидящие на конях и державшие их за деревянные уши начинали роптать. Возмущение росло. Мы стерегли этот момент. Знали, придет наше время, когда нам выступать. Тут хозяин каруселей замечал нас и приглашал наверх, под купол. Вся веселая компания уличных мальчишек тут же забиралась туда. Мы весело, играючи раскручивали эти карусели, а уставший дядька за нами уже не поспевал. Снизу звенел звонок. Мы тоже запрыгивали на эти водила и мчались вместе с каруселью по кругу, получая огромное удовольствие. Нам не обязательно было держаться за уши этих деревянных коней. В конце, когда карусели заканчивали работу, хозяин выдавал нам по монете. Затем день или два мы к каруселям не подходили, т.к. в предыдущий день накружились до головокружения и тошноты. Тогда мы ту работу и доход уступали мальчишкам с соседних улиц, чаще всего с Соборной. Делали это покровительственно, не забывая упомянуть, что, мол, пользуйтесь нашей добротой, мы не жадные»¹⁰.

Рязанец Г. С. Владимиров в мемуарах обращает внимание на ярмарочные сладости, особенно привлекавшие ребятшек:

«Больше всего нас здесь привлекали кондитерские изделия, восточные сладости. Тут было мороженое, печенье, пряники, сладкая вата и особенно – вафли. Они были с кремом, а как они пахли! Тут было много таких умельцев, кондитеров с походными жаровнями. На наших глазах они наливали тесто на какие-то двойные сковородки, похожие на книжку. Вокруг очень аппетитно пахло, и мы вдыхали этот аромат. Мальчишки долго присматривались к процессу. Вафля должна быть самая-самая – хрустящая, поджаристая и, ни в коем случае, не бледная. Она пеклась, запах становился все сильнее и сильнее. Кондитер заправлял ее кремом из какой-то замысловатой трубки с кульком. Он ловко их укладывал горкой, а мы дожидались своей. Вот она, самая поджаристая, ароматная. Та, которая нам и была нужна. Монетка переходила на стол продавцу. Вот вы получаете вафлю в свои руки, уже насмотревшись на процесс ее приготовления и нанюхавшись вдосталь»¹¹.

Среди мемуаристов и носителей фольклора Г. С. Владимиров (пожалуй, единственный из рязанцев) акцентирует внимание на том, что для ярмарочных развлечений требовались деньги, которые ребяташки добывали хитроумным способом:

«На ярмарке все продавалось и покупалось, а для этого нужны были деньги. Мы это понимали и поэтому активно разрабатывали наш “Клондайк”, как мы его называли. В конце Болдаревки, около Лыбедки, оканчивалась труба, отводящая от электростанции горячую воду. Здесь, в скрытом от посторонних глаз месте, этой водой пользовались местные жители, а по вечерам и ночам их сменяли “гуляющие люди” – грязные, неопрятные, оборванные и очень ругачие. Здесь у них была и прачечная, и душ. “Клондайк” мы скрывали от посторонних, а поутру собирались здесь, когда ночные посетители уходили на свой промысел. Одни из нас закрывали трубу фанерным листом, другие тут же вычерпывали воду из солидного углубления в почве. Вот тогда на дне ямы и появлялись наши “россыпи” – монетки разного достоинства. Было понятно, что они выпали из карманов брюк и пиджаков ночных посетителей. Нам оставалось перебрать песок, промыть его и извлечь оттуда эту мелочишку. Удачи случались не так часто, но доходы были приличные. Отсюда мы и шли на ярмарку с зажатыми в кулаках монетками. Однако быстро расставаться с ними на ярмарке не спешили»¹².

Городская ярмарка, особенно в г. Рязань, отличалась от сельской еще и тем, что на нее стекалось множество народу из разных населенных пунктов и все демонстрировали различные особенности своей «малой родины». Показательно, что дети тоже обращали внимание на детали народной одежды каждого селения, на специфику песенного репертуара и т.д., о чем поведал житель Рязани Г.С. Владимиров: «Приезжие из сельской местности и других городов гуляли по территории Кремля, отдыхали на набережной, на Болдаревской, либо внизу на откосе у Лыбедки. Там они и закусывали, и пели песни, устраивали танцы. Щеголяли своей одеждой, живописными русскими костюмами. По нарядам можно было определить, представителями какого уезда они являются. Своеобразными были музыка и пение, частушки<,> или прибаски, как их тогда называли»¹³.

П. С. Каданцев, уроженец с. Кривское Сараевского р-на, привел свои детские впечатления от воскресного посещения ярмарки в с. Сараи накануне войны 1941-1945 гг.:

«Малышню же неудержимо влекли прилавки со сладкой снедью: ароматными сдобами, связками тугих баранок, конфетами – в виде разноцветных подушечек-липучек или обсыпанных сахарной пудрой шариков с начинкой из повидла. Вот и я, шестилетний мальчуган, увязался за отцом не без корысти: авось удастся выклянчить кулек с липучками или стакан морса, а то и оба гостинца сразу. Таковы деликатесы, на которые можно было рассчитывать при нашей семейной бедности. Нынешний пацаненок, скорее всего, не поверит этому. Но так было, как и то, что мороженое и настоящий чай и кофе мне довелось попробовать, став курсантом Военно-морского училища»¹⁴.

Ярмарочные сладости различались в разные эпохи. С. Д. Яхонтов писал в мемуарах об изменении в середине-конце XIX века состава сладких угощений на ярмарках, которые он посещал в собственном детстве и позже, когда сам стал отцом: «На Петров день в Юракове бывала ярмарка. На нее обязательно ездили мать моя и моя жена, прихвативши кого-либо из детей. Оттуда приезжали с гостинцами. Любопытно: раскрашенных петушков, “тошничек”, уже не было. Вместо них – леденцы и др. сласти. Как видоизменился вкус простонародный!»¹⁵ (с. Юраково, ныне Кораблинского р-на).

Заметим: в сентябре 2017 г. открылся Музей рязанского леденца в г. Рязань, расположенный в центре города, рядом с Кремлем.

До Октябрьской революции 1917 г. в с. Константиново Рязанского у. в семье священника отца Иоанна (И. Я. Смирнова) устраивались праздничные развлечения подростков: «В доме батюшки, особенно в летние каникулы, собиралось много учащейся молодежи. Играли в лото, карты, крокет, иногда на гармошке и гитаре, ставили домашние спектакли»¹⁶.

В с. Константиново Рязанского у. (затем Рыбновского р-на) в конце зимы лепили снеговиков, причем делали это как взрослые для детей, так и сами подростки:

«Да мы тоудá жили, чего мы жили-то? Сосед вон зимой сде́лать эти – катáить-катáить, как вот бывáет снeх тaить, катáить-катáить, иноудá у́лову сде́лаеть и уу́лями на-мáжеть – тут и у́лазá, и рот, и всё. Вот сутки-двое посто́ить и растáить»¹⁷.

Или дети сами лепили снеговиков около родительских или бабушкиных домишек: «“Ба!” – Я скажу: “Что?” – “Я буду у тебя тут катать!” – “Катай!” Из снегу катки-то вот эти – они таили: сутки-двое постоять и растают»¹⁸.

К Масленице было приурочено катание с гор в с. Константиново Рыбновского р-на: «Я тебе уговорю, что катались на этой – в кошёлке. Бывало, скажешь: “Ба!” – “Чего?!” – “Маслина подходит, давай мне кошёлку!” Кошёлку вон круую, уовном нальёт, я заморожу. И вот этой кошёлкой – а тут уорку удё-нибудь сделают, вот и катаишси»¹⁹.

Еще в 1960-е годы старожилы рассказывали, что с четверга по воскресенье на Масленицу в с. Константиново Рыбновского р-на катались с гор по «баракам»-оврагам около дома Ф. А. Титова – деда Сергея Есенина:

«Склонов на вздыбленном берегу и по оврагам сколько душе угодно по всему Константинову, но один из самых оживленных центров масленичного катания был опять-таки рядом с домом Федора Андреевича.

Мальчишки и девчонки облепляли гору с деревянными санками, сделанными отцами и дедами. У кого не было санок – не беда! – их заменяли донца от старых заброшенных бабками прылок. <...>

Другим стремительным ребячьим снарядом для катания с гор была “кошелка”. Донце плетюшки обмазывалось коровьим навозом, затем пред катанием плетюшки выдерживались на морозе. С курьерской скоростью мчались кошелки со своими персональными ездоками по крутым склонам гор и “бараков”²⁰ («барак» – это овраг).

На Пасху всем прихожанам разрешается звонить в колокола. Обычно этим правом любили пользоваться дети. Жительница с. Константиново Рыбновского р-на рассказала:

«<...> я вот помню в такие уода-то мы, мне было там десять лет, одиннадцать. Паска – Светлый день – мы идём на колокольню и звоним. Сами звоним, не то что там хто может, а такие вот дети ходили: мы даже звонили. Это уж не очень он какой-то иурал, мы звоним там, звоним – колокола переводили и звоним. Их, колоколов-то, было бессчётно! <...> В Паску мы звонили так, как можем»²¹.

И. И. Крылов – одноклассник Есенина, житель с. Спас-Клепики, обучавшийся в Спас-Клепиковской Второклассной учительской школе на год раньше, рассказывал дочери о детской шалости, к которой он прибегал для отдыха от пения на клиросе: «У Ивана Ивановича был хороший слух и приятный голос, поэтому его часто заставляли петь в церковном хоре. Когда это ему надоедало, он пускал “петуха” во время пения, за что получал от дьякона в лоб, в прямом смысле. Потом на какое-то время его отстраняли от пения в хоре, а отец делал вид, что страшно переживает, хотя был рад выпавшим свободным вечерам. Потом его опять привлекали петь»²².

Также И. И. Крылов поведал еще об одной детской хитрости, вызванной желанием угоститься символической «кровью Христовой», которую он считал еще и вкусным напитком: «Еще он любил, когда причащался, по несколько раз подходить к причастию (ложка кагора), пока не засекут и не выставят из церкви»²³.

Есенин в раннем детстве также придумал хитрость, связанную с церковными таинствами (с вкушением святой пищи), о чем поведал А. И. Мамонов:

«На выдумки Сергей был большой мастер, как-то раз прислужива<ли> с ним в алтаре церкви, он сказал мне: “Давай, Андрюха, мы сами будем освящать просфоры”, которые передавались в алтарь для освящения попу. Присмотревшись, как отец Иван их освящает – путем выковыривания кусочков просфоры копьём, похожим на треугольник, мы изготовили из гвоздя свое копьё, хорошо его отточили на бруске и немедленно приступили к исполнению своих “кривых” обязанностей. Дело у нас пошло на лад, мы освободили отца Ивана от тяжелой для него работы, а медяки, которые прилагались к просфорам для уплаты за освящение, опускали себе в карман и на них покупали себе конфеты. Наша проделка была вскоре раскрыта, и с этого момента поп никогда не допускал нас в алтарь»²⁴.

Сам поэт в двух автобиографиях – 1922 и 1923 годов – описал подобную шалость, придав ей разные смысловые акценты. В автобиографии 1922 г. Есенин сделал акцент на проверке дедушкой добросовестности внука в посещении храма Иконы Казанской Божьей Матери в с. Константиново Рязанского у., что входило в воскресные обязанности ребенка:

«По воскресеньям меня всегда посылали к обедне и, чтобы проверить, что я был за обедней, давали 4 копейки: две копейки за просфору и две за выемку частей священнику. Я покупал просфору и вместо священника делал на ней перочинным ножом три знака, а на другие две копейки шел на кладбище играть с ребятами в свинчатку» (Есенин VII (1), 9).

В автобиографии 1923 г. Есенин придал шалости антиклерикальный оттенок, что было важно в послереволюционный период:

«В Бога верил мало. В церковь ходить не любил. Дома это знали и, чтобы проверить меня, давали 4 копейки на просфору, которую я должен был носить в алтарь священнику на ритуал вынимания частей. Священник делал на просфоре 3 надреза и брал за это 2 копейки. Потом я научился делать эту процедуру сам перочинным ножом, а 2 коп<ейки> клал в карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играть в бабки. Один раз дед догадался. Был скандал. Я убежал в другое село к тетке и не показывался до той поры, пока не простили» (Есенин VII (1), 11).

¹ Записи автора. Тетр. 8. № 261 – Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.

² Записи автора. Тетр. 8б. № 611 – Дорожкина Валентина Алексеевна, 86 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.

³ Записи автора. Тетр. 8б. № 611 – Дорожкина В.А., 86 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.

⁴ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 37-38.

⁵ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 338.

⁶ Лашина Л.П. Из истории села Шеенки // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2006. Т. 9. С. 40.

⁷ Лашина Л.П. Из истории села Шеенки. С. 40-41 – Зуева Н.И., 1914 г. р., д. Волчково Клепиковского р-на.

⁸ Записи автора. Тетр. 8б. № 611 – Дорожкина Валентина Алексеевна, 86 лет, с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.

⁹ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца /Лит. обработка и подготовка к публ. Ю. В. Блудова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2007. Т. 14. С. 220-221.

¹⁰ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 222.

¹¹ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 222.

¹² Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 221-222.

¹³ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 221-223.

¹⁴ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 213.

¹⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 13 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. 2012. Вып. 47. С. 17.

¹⁶ Есенина Н.В. В семье родной. Новые материалы о Сергее Есенине. М., 2001. С. 88.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 8. № 279 – Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, зап. 11.09.2000.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 8. № 280 – Рыбкина Н.Д., 1915 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, зап. 11.09.2000.

¹⁹ Записи автора. Тетр. 8. № 278 – Рыбкина Н.Д., 1915 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, зап. 11.09.2000.

²⁰ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 161.

²¹ Записи автора. Тетр. 8а. № 351 – Дорожкина Мария Григорьевна, 1911 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 12.09.2000.

²² Клюкина Т.И. Один из клепиковских адресов Сергея Есенина (г. Спас-Клепики, ул. Просвещения, д. 6) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2006. Т. 9. С. 67 – со слов дочери И. И. Рогова – Надежды Ивановны Смысленовой, 1946 г. р.

²³ Клюкина Т.И. Один из клепиковских адресов Сергея Есенина (г. Спас-Клепики, ул. Просвещения, д. 6). С. 67 – со слов дочери И. И. Рогова – Н. И. Смысленовой, 1946 г. р.

²⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 32 (фонд Есенина). Оп. 8. Ед. хр. 99. Л. 9 – Мамонов А.И. Мои воспоминания о Сергее Александровиче Есенине (1962). Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 93.

Глава 59.

Сезонные и повседневные развлечения подростков

Игры были сезонными и подразделялись на летние и зимние. Этот факт обусловлен объективными климатическими условиями, характерными для Рязанщины (и России в целом), и прекрасно осознавался крестьянами. Ученица первого класса из с. Подлесная Слобода Рязанского у. (ныне с. Подлесное Рязанского р-на), член краеведческого кружка А. Титлова в начале XX века отмечала: «Зимой маленькие дети катаются на салазках, на коньках, как и в городе; мальчики и девочки. Летом они играют в горелки, в городки, в чижики, в бабки, в медные копейки, “в кулочки” (прятки), в салочки»¹.

Школьник А. В. Юшин в 2009 г. указал на такую сезонную игровую практику, имевшуюся в с. Новая Пустынь Шиловского р-на: «<...> больше всего дети и подростки играли в летнее время. Зимой в основном катались с ледяных горок на ледянках, катались на самодельных лыжах, коньках-“снегурках”, строили снежные крепости и захватывали их»².

О катании на коньках как любимой подростковой забаве вспоминал и учитель Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, в которой учился Есенин в 1909-1912 гг.: «За школьной усадьбой протекала маленькая речка Совка, и наши ученики зимой устраивали на ней каток. Есенин любил кататься. Как только кончались уроки, он направлялся на каток и там оставался до ночи, пропускал обед, чай – все забывал»³. Любовь Есенина к забавам на зимней ледяной речке подтверждает его одноклассник Г. Л. Черняев: «Бывало, на коньках по льду уходили километров на 20, вплоть до Евлева. Зимой <Есенин> часто катался на лыжах»⁴.

Иван Иванович Рогов, 1895 г. р., житель с. Спас-Клепики и выпускник Спас-Клепиковской Второклассной учительской школы в 1911 году, учился с Г. А. Панфиловым – другом Есенина – на год раньше, вспоминал об их юности: «Ему не нравилось, что Сергей вольно вел себя с девицами, пел “срамные” частушки, задибался. Но у них были общие интересы: оба любили играть в перышки, ножички, катались наперегонки на коньках по Совке. Иногда добирались по <реке> Пре до Екшура и домой возвращались затемно»⁵.

Сезонность при катании на коньках по льду играла большую роль. Осеннее время первого тонкого льда на реке создавало экстремальные условия и порождало чувство своеобразного героизма среди подростков: «Как только наступал ледостав, мы любили кататься по первому тонкому льду на коньках. Бывало, катишься со скоростью, лёд кругом только и трещит, останавливаться нельзя – рухнешь в воду. Просто дух захватывало от этого катания!»⁶ (с. Инякино Шиловского р-на).

Мальчики различали качество льда разных поверхностей при катании на коньках. Котик (т. е. Костя) Бельский из г. Рязань 5 февраля 1931 года сообщил Л. А. Худзинской мнение мальчишек о конькобежных площадках: «На катке “бузово” кататься, а на Лыбедке <реке> вода наплывает, замерзла, начнешь кататься – “есть, есть!” (т. е. очень быстро и хорошо)»⁷.

Рязанец Г. С. Владимиров вспоминал о зимних забавах в городе – также с использованием реки: «Для меня, в те далекие годы школьника и жителя Новой слободки, существовала, считай, одна главная дорога – улица Болдаревская (Некрасова). Она, казалось, начиналась откуда-то с небес. Вверху было очень много воздуха, а внизу было столько же воды»⁸.

С большим упоением и с точными подробностями Г. С. Владимиров повествует о скатывании мальчишек в Рязани с холмов на речной лед:

«Зима. Счастливее нас, ребят, в Рязани никого не было. Ведь самые крутые горы у нас, вблизи Кремля. Кроме нас никто не осмеливался скатиться с откоса прямо к Трубежу, или, как тогда называли, Чегриро. Буквально от Театральной улицы горка, опять же до самого Трубежа. А там лед прозрачный, чистый, гладкий, как стекло. Отсюда прямая, как стрела, дорога в зимний Луковский лес. Очень труднопреодолимые были откосы от церкви Спаса на Яру. Надо признаться, самыми смелыми, решительными были, конечно, ребята с Ильинки, “кремлевские” и “соборные”. Все те Рыжовы, Симоновы, Дроздовы, Алмазовы, Воскресенские, Горбачевы, Пушкины, Дугин, Владимиров, Сергеенко, Зотов. Это они в зимнее время осваивали высокую сторону Кремлевского вала, западную его часть, в сторону Ильинки. Правда, на этой стороне вала всегда не хватало снега. Самая высокая гора была Новослободская и самая важная во всей Рязани – прямо до моста через Лыбедку. Другая от Николо-Дворянской церкви, вниз, до самой Лыбедки, почти к Рыбацкой Слободе, к Нижней Ильинке. Называлась Николка. У реки Лыбедь заканчивалась эта знаменитая Болдаревская улица, и сюда тоже был спуск знатный. Он пересекал Нижнюю Почтовку и Новослободку. Самым замечательным было, когда с этой горы вечером ребята ухитрялись спускаться на больших деревенских дровнях. Озорничая, они угоняли их со дворов незадачливых хозяев, неосмотрительно оставлявших дровни для потехи нам, ребятам»⁹.

Уроженец с. Куровщино Ряжского р-на В. Т. Коробков (1935 г. р.) в интервью «В меру сил помогали взрослым» газете «Ряжские вести» (№ 18, 2 мая 2013 г.) рассказал о детских забавах в период Великой Отечественной войны: «Детство, конечно, брало свое, находили время и для игр, развлечений. В начале зимы ходили наблюдать за рыбешками через прозрачный лед замерзшей речки. Зимой катались на санях с высоченных сугробов, крутых спусков к реке»¹⁰.

В. О. Федин, родившийся в 1950-е годы, описал катание на лыжах как любимое зимнее увлечение ребятшек из с. Инякино Шиловского р-на и окрестных селений: «Любимым занятием было катание на лыжах с гор. Кататься ходили на Некрасовские горы, на которых было поломано немало лыж. С удовольствием совершали лыжную прогулку по живописному зимнему лесу по проложенной лыжне. Это была возможность любоваться природой»¹¹.

В. О. Федин рассказал о зимней мальчишеской забаве, типологически родственной летнему строительству детских домиков: «Зимы были снежные, бывало, снегом заметало даже заборы. В снежных заносах мы делали ходы и лазили по ним»¹² (с. Инякино Шиловского р-на).

Помимо рытья ходов в снегу мальчишки увлекались и строительством снежных крепостей и захватом их у противника – другой команды: «Из снега накатывали и делали две крепости на расстоянии 10 метров друг от друга и сражались. Побеждал тот, чья крепость окажется крепче. Кидались большими комками снега – “снарядами” около 20 сантиметров. И в конце игры, если не удавалось разбомбить крепость, шли в лобовую атаку»¹³ (с. Инякино Шиловского р-на).

Краевед пгт Сараи Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина привели сообщение уроженца райцентра об аналогичной постройке и взятии снежной крепости ребятами в 1960-1970-е годы:

«Зимой мы с друзьями, соседями строили снежные крепости, дома из кирпича, вырезанного из снега, и их штурмовали. Крепости строили, когда снег хорошо лепился или был хорошо слежавшимся. На постройку уходил бывало не один день. Когда и водой польём. Это чтобы враг не прошёл. Кричим “ура!”, когда в атаку идём. Сражались не на шутку. Но правило было: до первой крови. Доштурмуемся до болятки, придём домой. Фуфайчонка, штаны, рукавицы колом стоят от снега. Снегурки, в общем. Помню, родители смеются: “Что, воевали? И кого схватили? А, ревунца!”. Мы и вправду чуть не плачем и от холода, и от усталости, и от понесённого, бывало, поражения, обидно было также до слёз»¹⁴.

На описании подобной игры построен сюжет киносценария «Комендант снежной крепости» (1940) А. П. Гайдара. Эпизод такой игры в казачьей станице Торгошино (ныне Торгашино) под Красноярском изображен на картине «Взятие снежного городка» (1889-1991) В. И. Сурикова. Известно, что захват снежной крепости являлся обязательным ритуалом празднования Масленицы в Сибири, но он не характерен для Европейской России и мог быть внедрен в обрядовую часть этого праздника на Рязанщине (и в других центральных регионах) клубными работниками. Далее, потеряв статус масленичного игрища, борьба за снежную крепость переместилась в обычные зимние забавы детворы, утратив строгую календарную приуроченность (хотя возможен и обратный порядок – от повседневной зимней забавы к Масленице).

По всей Рязанщине, как и повсеместно в России, зимой во время оттепели ребяташки лепят снеговиков. В. О. Федин сообщил о том, что дети и подростки из с. Инякино Шиловского р-на в 1960-е годы увлекались лепкой из снега, ведением битвы снежными снарядами: «Зимой играли также в снежки, катали снеговиков и т.д.»¹⁵

Ученый секретарь Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в 2010-е годы и дальняя родственница знаменитого поэта (по его материнской линии) Ульяна Титова сфотографировала в с. Константиново Рыбновского р-на самых разнообразных снеговиков¹⁶.

Для игры требовались атрибуты, как правило, самодельные, зачастую сделанные самими ребяташками.

Рязанец Г. С. Владимиров вспоминал о сложной организации катаний зимой с ледяных горок, политых водой и замерзших на морозе:

«Инвентарь для наших зимних увлечений был незамысловатым – коньки “нурмис” с тупыми и “снегурки” с завитыми носами – деревянной колодочкой, подбитые провололочкой. Счастливых обладателей настоящих лыж было очень мало. Их делали сами из развалившихся деревянных бочек, загибая концы на пару. “Ледянки” – вязаные из соломы лукошки, облитые водой и замороженные на морозе, были еще не в диковину. Самодельные деревянные санки с подбитыми железом полозьями, ну и, естественно, большие металлические сани из уголка, очень накатистые. Особым успехом у нас пользовались так называемые “самокаты” и “самолеты”. Их мастерили на старых, отслуживших свой век коньках, с рулевым управлением на два передних конька. Скорости на них развивались приличные. Особенно к весне, когда Болдаревская горка в ночное время поливалась нами из колонки водой. Колонки тогда представляли из себя домики с дверью и окошечком, куда подавались талончики на ведро воды. Талончики продавались в конторах коммунхоза. Ночью на колонке никого не было, какие-либо счетчики отсутствовали. Мы скручивали кран и поливали гору водой. После этого на “самолете” и металлических санках легко можно было домчаться до самой Лыбеди. Бывало, случались конфузы, особенно с большими санками, розвальнями, как их тогда называли. Никем не управляемые, с веселой оравой пассажиров, внизу они случайно наезжали на тех, кто пересекал Болдаревскую улицу со стороны Почтовой или Новой Слободки»¹⁷.

Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермилова указывают, что девочки тоже имели свои сезонные игры, отличные от мальчишеских. В частности, «по истечении сильных морозов снег приобретал особую плотность, тогда ватаги девочек шли на поляны» и играли в «дом»¹⁸. Жительница пгт Сарай рассказала о такой игре в ее детстве в 1950-х годах:

«С собой мы нисли деревянные или штыкавые лапаты. Ачерчивали палкай избу, делили же избу на комнаты, как помню, чертили шистерик или симерик. В них же жили. Рядом на паляни той же палкой чертили сталы, кровати, табуретки, печь, даже чугуны. Затем высякали эту мебель лапатай и астароженька перносили в избу. А там расставим по мистам и давальнёненьки стаим. Но эт не вся работа будить. Палачкой памени мы рисавали на кровати пакрывало, ватолку с разводами, цвитами, украшали стол скатертью, рисовали ея на столе. В стол втыкали ветки сухой полыни, пижмы, чертапалоха, чтоб, значит, цветы были. Так

изукрашивали, чтоб красивши была. Так и печь чертили. Даже радива рисавали, оно тада уже было. Очень мы любили играть со снегом в “дом”. Дамой приходили, как лидышки»¹⁹.

Уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, переселившийся в Москву в середине 1920-х годов, видоизменил подобную игру согласно городским условиям, устраивая ее для внуки в конце 1960-х годов. Тогда в Москве дворники широкими лопатами, сделанными из жести, разгребали снег с пешеходных дорожек во дворах и утрамбовывали его в рукотворные высокие сугробы. С одной стороны дорожки находился высокий забор с находящимися в палисаднике трех- и пятиэтажками, а с другой получалась длинная снеговая стена высотой больше метра, за которой стояли в глубоком искрящемся снегу тополя-«осóкари». И вот де-душка на прогулку с внучкой-дошкольницей брал маленькую детскую лопатку и ею вырезал дом с крыльцом, крышей, дверью и окнами. Внутри такого снежного домика войти было нельзя, но он казался необыкновенно красивым, отличался от привычных городских многоэтажек своей архитектурой и напоминал крестьянскую избу. «Строительство» дома сопровождалось увлекательным повествованием о старинной деревенской жизни – с целью приобщить внуку-горожанку к сельским корням ее предков²⁰.

Когда наступала весна, начинались новые игры. Проф. Д. И. Ростиславов, 1809 г. р., уроженец с. Шеянки Касимовского у., с восторгом описывал мальчишеские забавы, связанные с весенней талой водой:

«<...> находили даже удовольствие в том, чтобы ходить босыми ногами по оставшемуся снегу: простуды не знали, по крайней мере не боялись. Однажды в Пасху, когда отцы наши ходили по приходу с иконами, а матери сидели дома, мы целою компанией, в которой никого не было старше 8-9-ти лет, отправились в лес, залитый на небольшую глубину водою, под которою лежал еще слой нерастаявшего льда. Мы, снявши с себя подштанники и поднявши рубашонки, чтобы не мочить их, ходили в этой воде по льду босыми ногами. Конечно, ногам нашим не было тепло, но ходить в воле, по лесу, чуть не по пояс – да это такое наслаждение, от которого мы ни за что не хотели отказаться»²¹.

П. С. Каданцев привел подобные забавы мальчишек с. Кривское Сараевского р-на в сезон половодья реки Вёрда и ручья Ржавчик в 1940-е годы:

«Обычно тихий и спокойный, весной Ржавчик надолго становился непроходимым, сливая в Вёрду полую воду с окрестных полей, сколько раз мне пришлось принять в нем ледяные купели в “походе за знаниями”, до колена промокавшие ноги – не в счет, резиновых или кирзовых сапог я никогда не имел, а водопроеходимость валенок в самодельных, склеенных из автомобильных камер, галошах известна.

Тем не менее, мы, ребятня, не унывали и даже житейские неприятности умудрялись обращать в развлечения, порой далеко небезопасные. Так, в разгар половодья катались на плывущих льдинах, ходили на манер канатоходцев по сгнившим, перекосившимся прогонам и перилам моста через Вёрду, ежесекундно рискуя свергнуться в бешеные водовороты»²².

Своя версия подобной опасной игры во время ледохода существовала у мальчишек в с. Озёрки Сараевского р-на в 1940-е годы, причем иногда приходилось прибегать к помощи более старших ребят, чтобы все закончилось благополучно. В другие же вёсны, когда тающего снега было меньше, плавание на плоту не представляло особой опасности. Вот воспоминание об этой игре – сплаве на плоту по лощине во время таяния снега:

«И вот когда очень сильное половодье было, и вода была наклонной... лощина была немножечко наклонена: здесь было выше чуть-чуть, а сюда пониже-пониже. И вот этот напор, все снега стекли в эту лощину, и вода заполнила лощину до краёв и очень сильно текла. А ребята решили... не купаться, а на плоту поплавать, как по реке поплавать на плоту. Построили плот – они заранее, они уже знали, что половодье бывает, и поэтому у них плот уже

был. Они притащили, встали на него, доплыли... оттолкнулись палками своими... До середины доплыли, а потом их понесло быстро очень, и они поехали. Много они проехали: сюда улицу и почти Зотову, не до конца, но половину. Там ребята их остановили, вытащили. <...>

Они сначала радовались и кричали “ура!”, смеялись, а потом, когда их сильно понесло, они испугались и начали: “Ой!” Они хотят оттолкнуться – своими палками в землю, в песок, а песок-то рыхлый, вот, а плот несёт всё равно. И они поняли, что они не могут остановить. Они повернули на другую улицу и начали кричать: “Помогите!” И ребята постарше которые, выбежали и помогли, вытащили их, остановили. (А как они пытались сначала остановить? – Е.С.) А останавливали – бросили верёвку, а верёвка – она лёгкая, и она не... не знаю, может, ветром относилось, и она до плота не доставала. И ребята испугались! Вот. А когда они привязали к нему, к этой верёвке, ещё ремень, а ремень с пряжкой тяжёлой, и бросили, и как раз докинули к ним туда на плот. Они очень уцепились за это быстро, а эти ребята, которые на берегу стояли, подтаскивали плот к себе. И они их вытащили. Но вода была такая сильная, такое сильное течение, что даже деревянный мост снесло»²³.

В таком плавании на самодельном плоту по бурным водам тающего весеннего льда была большая опасность, которую ребяташки осознали уже в середине своего путешествия:

«А вот начиналась весна когда, снега начинали таять – и было половодье. Ледяная вода была! И ребята были мокрые, ноги у них были мокрые, потому что причалил плот-то, а там нужно какое-то расстояние, потому что здесь глубина такая, а здесь уже меньше, и плот вплотную не подходил. Ну, а некоторые перепрыгивали, а некоторые наступали на воду: их было трое или четверо, я сейчас не помню. Они так кричали, что ребята слышали! А большое расстояние: там же огород, сад, дом. Ну, может быть, они были ближе где-нибудь – на огороде.

(А если бы их не спасли, они куда бы приплыли? – Е.С.) А эта лощина была вот как, значит: село вот такое, лощина вот так протягивается и потом поворачивается сюда, и чуть ли не до кладбища лощина была. Нет, там уже было ровно, до кладбища лощина не доходила, но, в общем, очень много. (Ну, “очень много” – это сколько? – Е.С.) А? Ну, я не знаю, сколько домов-то там – было очень много. (Но чего они боялись? На самом деле бояться-то нечего было? – Е.С.) Бояться чего? (Да. – Е.С.) Они боялись, что вдруг их плот отнесёт к этому самому и ударит об это самое... (Обо что? – Е.С.) О мост. О мост, и они могут слететь и утонуть – они, может, утонуть, могли и утонуть, потому что глубокая лощина была. Но у моста была уже пониже, поменьше глубина, а вот самая глубокая – мимо бабушкиной улицы»²⁴.

В. Т. Коробков, уроженец с. Куровщино Ряжского р-на (1935 г. р.), сообщал в интервью «В меру сил помогали взрослым» для газеты «Ряжские вести» (№ 18, 2 мая 2013 г.) о весенних мальчишеских забавах в 1940-е годы: «Весной наблюдали за ледоходом, перебежали по остановившимся льдинам на противоположный берег, где в лужах отлавливали попавшую в разлив рыбу»²⁵.

С. Б. Нестеров, 1957 г. р., приезжал из Москвы к бабушке в с. Нагайское Ряжского р-на и вместе с местными ребяташками развлекался плаванием на импровизированном корабле по временному водному пространству: «На лугу оставались большие ямы после добычи торфа, которые после дождя заполнялись водой. Я брал у бабушки железное корыто и плавал на нем»²⁶.

Сергей Есенин в «Ответе» (1924) вспомнил о мальчишеской забаве – пускании щепочек-корабликов по полою весенней речной воде:

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,

Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком
(Есенин П, 131).

Еще одна любимая разновидность детских забав – это поиски каких-либо необычных объектов, путешествие за ними. Так, в с. Константиново Рязанского у. во времена детства Есенина мальчишки однажды отправились искать особенные камни на бугре:

«Кто-то сказал, на Высоком есть какие-то особые, звенящие камни. Отправились мы с Сергеем на Высокое. <...>

Это было ранней весной, в начале половодья. Пришли утром, дошли вроде бы ничего, по морозцу. Нашли камни, и действительно осталось в памяти, что они звенели»²⁷.

С. Д. Яхонтов описал в мемуарах летние забавы мальчишек с. Ухорь Пронского у. в 1860-е годы у реки Алёшня:

«Тут и пампасы, и прерии; а индейцами были мы, когда во время покоса вели здесь кочевую жизнь. Для нас, мальчиков, это было только пользой. Увязнуть в трясине берега, спугнуть хохулю <выхухоль> в воду, запутаться в 3-аршинном пырее, искупаться, потянувшись за прелестными кувшинками, привольно красующимися на озерах реки, и т.п. Это все материал для работы фантазии и рассказов дома»²⁸.

Рязанец Б. В. Горбунов, житель «профессорского дома», вспоминал о подвижных играх мальчишек в 1960-е годы: «По вечерам вблизи углового сарая В. Портнова состязались в поднятии гири.

Одно время всех увлекала игра в городки, но постоянным увлечением был все же мини-футбол»²⁹.

О подобных развлечениях – игре в городки и другие подвижные игры – повествует С. Д. Яхонтов в своих воспоминаниях о майских «рекреациях» учащихся Скопинского духовного училища в 1860-е годы: «Кто в луга и купаться, петь, кто в монастырский лес и пруд Лихарева, кто “играть” в городки на выгоне городском, кто в чижики, кто в “шашки” (бабки)»³⁰.

С игрой в городки была несколько схожа игра «в столбушку». Ее описал С. С. Камышов по сведениям из с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г.:

«Берется один “городок”, деревянный цилиндрок вершка в 3-4 длиною. Играющие конуются: подбрасывают городок и стараются возможно большее число раз ударить по нем <так!> палкой снизу, подбрасывая его ударом кверху.

Ударивший городок меньшее число раз берет его и ставит на кон, остальные полукругом, на равном расстоянии от столбушки (городка) вырывают неглубокие ямочки и становятся на них с палками в руках. Затем поочередно сбивают столбушку. Если кто промахнется или недалеко ударом палки отбросит городок (столбушку), то дожидается, когда следующий отобьет городок на такое расстояние, что всем прокинувшим <так!> явится возможность сбегать за палками и занять места. Ставящий столбушку после удара старается, схватив её, опередить противника и занять его или вообще свободную ямку. Прозевавшему вручается столбушка, и игра продолжается. Теперь играют дети, раньше и взрослые принимали участие. Лучший боец всегда остается последним “на выручку”»³¹.

У повзрослевших подростков и юношей во все времена имелись свои развлечения. В д. Лубянки Ухоловского р-на бытовала игра «Лавочка»:

«Сидели на лавочке посредине избы парень и девушка спиной друг к другу. Замужняя женщина говорила: “Раз-два-три, на милого (милую) смотри!” Если они поворачивали головы в одну сторону, то вставали и кланялись по пояс и три раза целовались, расходились в разные стороны. Если поворачивались в разные стороны, то поклонились и разошлись»³².

На свежем воздухе практиковали игру «Бояре», сопровождавшуюся песней или речитативом в форме вопросов и ответов. В д. Лубянки Ухоловского р-на «невесту» поворачивали спиной к линии второй группы игроков после слов: «А какая вам мила? – Нам вот эта мила»³³.

¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/519. Кн. XII. Ед. хр. 285. Л. 3 об. – Титлова А., Куранова М. и Быкова Ек. Наше село.

² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2009. Т. 18. С. 256.

³ С.А.Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. /Вст. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 141.

⁴ Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М., 1963. С. 71.

⁵ Клюкина Т.И. Один из клепиковских адресов Сергея Есенина (г. Спас-Клепики, ул. Просвещения, д. 6) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2006. Т. 9. С. 67 – со слов дочери И.И.Рогова – Надежды Ивановны Смысленовой, 1946 г. р.

⁶ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 530.

⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 495. Л.22 об. – Худзинская Л.А., г. Рязань.

⁸ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца /Лит. обработка и подготовка к публ. Ю. В. Блудова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2007. Т. 14. С. 216.

⁹ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 217.

¹⁰ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девятых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 153.

¹¹ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань, 2014. С. 530.

¹² Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 530.

¹³ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 531.

¹⁴ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 103.

¹⁵ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 531.

¹⁶ Записи автора. Фотографии снеговиков, сфотографированных ученым секретарем ГМЗЕ У. А. Титовой в с. Константиново Рыбновского р-на в 2010-е гг., были любезно присланы Е. А. Самоделовой.

¹⁷ Владимиров Г.С. «Времена года». Воспоминания старого рязанца. С. 217-218.

¹⁸ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 104.

¹⁹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 104.

²⁰ Записи автора – Трушечкин Михаил Федосеевич (1901-1992), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, в середине 1920-х гг. переехал в Москву; личное наблюдение Е. А. Самоделовой в конце 1960-х годов в Москве.

²¹ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. Март. Главы III-IV. С. 557.

²² Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 219.

²³ Записи автора. Папка 2019mother, звуковой файл 0125234301.amr, расшифровка 2019mother.txt – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители родом из с. Озёрки Сараевского р-на, в 1941-1942 гг. была в с. Озёрки в эвакуации, г. Москва, 26.01.2019.

²⁴ Записи автора. Папка 2019mother, звуковой файл 0125234301.amr, расшифровка 2019mother.txt – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители родом из с. Озёрки Сараевского р-на, в 1941-1942 гг. была в с. Озёрки в эвакуации, г. Москва, 26.01.2019.

²⁵ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девярых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 153.

²⁶ Нестеров С.Б. Отчалившая Русь: Исторические и этнографические очерки о селе Нагайском // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2012. Т. 33. С. 17.

²⁷ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 129 – со сноской на Н. И. Титова.

²⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 47.

²⁹ Горбунов Б.В. Из отроческих и юношеских лет // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2007. Т. 14. С. 254.

³⁰ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 90.

³¹ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 2 об. – Камышов С.С. К материалам по этнографии с. Лихунина Касимовского у. Запись 1924 г.

³² Записи автора от Родионовой Людмилы Валентиновны, 1957 г. р., г. Москва, апрель 2006.

³³ Записи автора от Родионовой Людмилы Валентиновны, 1957 г. р., г. Москва, апрель 2006.

Глава 60. Фольклорные жанры «молчанка» и «дразнилка»

Условно к играм со словесными формулами можно отнести «молчанки» – жанр детского фольклора, оформленный как стишок, цель произнесения которого – установить тишину среди детей.

Школьник А. В. Юшин отнес «молчанки» к категории детских игр младших школьников и описал правила использования фольклорного жанра: «Эта игра в основном была распространена среди детей 7-10 лет. Она учила выдержке и терпению. Все должны были сидеть молча. Любое слово, смех или даже улыбка засчитывались за проигрыш»¹. Далее А. В. Юшин привел текст молчанки, бытовавшей в с. Новая Пустынь Шиловского р-на:

Тише, мыши!
Кот на крыше,
Кошку за уши ведет.
Кошка драна,
Хвост облез,
Кто промолвит,
Тот и с'ест².

А. В. Юшин описал «молчанку» именно как игру, в которой «водящий игрок» произносил стишок многократно – «до тех пор, пока кто-то из игроков не засмеется»³.

Но известны и другие правила, согласно которым текст «молчанки» произносится спонтанно кем-то из ребятишек, причем только один раз, а далее все замолкают и ждут, кто первым не выдержит тишины и издаст какой-либо звук, хотя бы засмеется. В результате остальные дети начинают говорить в адрес засмеявшегося, что он съел драную кошку! Никакого водящего при этом нет.

На Рязанщине, как и повсеместно, дети наделяются прозвищами, которые, как и имена, затем порождают *дразнилки* – небольшие словесные тексты, преимущественного стихотворного характера, произносимые речитативом или нараспев. И наоборот, существуют дразнилки – типовые клише, ни к кому конкретно не направленные, безадресные; однако при наступлении подходящей ситуации в них добавляются необходимые имена, и тогда дразнилки получают определенную адресацию. Вообще «институциональным признаком» дразнилки является обращение по имени (или прозвищу, шутивому наименованию профессии, антропониму – то есть обозначению жителя по месту проживания) к высмеиваемому персонажу уже в начале произведения. Однако некоторые дразнилки умудряются бытовать даже без имени адресата! Употребление одним человеком дразнилки вызывает ответную реакцию – и возникает своеобразная перебранка такими произведениями, обмен ими.

Термин «дразни́лка» давно вошел в научный оборот, хотя по инерции им принято характеризовать произведения детского фольклора, обычно не обращая внимание на бытование подобного жанра у взрослых. В романе-эпопее «Мужики и бабы» Б. А. Можаява, уроженца с. Пителино, присутствует родственная дефиниция «*дразни́ловка*»⁴, безусловно, услышанная из уст народа. В народном обиходе (у жителей д. Пупки Захаровского р-на) также бытует эта дефиниция «дразни́ловка», но является обозначением прозвища (см. ниже).

Куршаки Клепиковского р-на употребляли диалектный глагол «квелу́ть (кв'ил'у́т')» – дразнить, доводить до слёз ребёнка»⁵. Местные жители вопрошали и рассказывали: «Хто

вам рызряш'ал квил'уть-та, риб'онак вить никаб' ни трогал...» (д. Андронов); «С'ели тут р'ядам кв'ил'уть маб' р'од'нин'к'ыва (малыша)» (д. Борисково Клепиковского р-на)⁶.

В д. Деулино Рязанского р-на также бытует глагол «квел'уть (кв'ал'уть)» с тем же значением, применяется исключительно к ребенку (ССРНГ, 220). Старожилы сообщили несколько бытовых ситуаций, в описании которых звучит этот глагол: «Што он кв'ил'уть, брад'ага, бал'шой п'ар'ин', В'ут'к'у-ть! Йа йаму в'ен'икам в з'убы ш'ш'ас м'хану, штоп н'и кв'ал'ул' п'арн'а»; «То н'и кр'ич'уть [ребенок], н'и кв'ел'у, а то раскв'ел'у – закр'ич'уть» (ССРНГ, 220). Заметим, что в отношении взрослых использовался другой диалектный глагол: «Дь взр'ослым у'вар'ат' – растр'ав'иш, а кв'ил'уть-та – тол'к'а д'ет'ам» (ССРНГ, 220).

Удивительно, но бывают дразнилки, не обращенные ни к детям, ни ко взрослым. Так, княгиня С. П. Долгорукова в Данковском уезде записала совершенно народное произведение, обращенное ко дням недели (П. В. Шейн отнес его к тематической разновидности «Дни недели») – точнее, только к воскресенью (очевидно, это конечный фрагмент, «осколок» текста). Это произведение – безымянная дразнилка, поскольку не имеет объекта действия; безусловно, дразнилка направлена против какого-то действующего лица, но оно остается неизвестным и никак не названным даже в ситуации перебранки:

Воскресения день
Завалился за плетень, –
Проспал весь день.
Хозяин дрова рубил,
И то меня не разбудил.
«Курочка с яичком,
Петушок с гребешком,
Баранчик с рожками»⁷.

Данная дразнилка исполняется от первого лица, что не характерно для этого фольклорного жанра. Остается вероятность, что приведенный выше текст является ситуативным, приуроченным к обстоятельствам высмеивания и употребленным взамен настоящей дразнилки. Также возможно, что исполнителем необычного произведения является человек, который решил предупредить возможное употребление настоящей дразнилки в свой адрес и в порядке самокритики произнес указанный текст.

Остальные дразнилки, записанные П. В. Шейном (и княгиней С. П. Долгоруковой, передавшей их собирателю) в Данковском уезде, вполне традиционны. По крайней мере, одна из них, обращенная к Михаилу:

Михайла Корторма,
Пожарная голова,
Еловая кожа,
Сосновая рожа!⁸

Интересно то, что большая часть записанных П. В. Шейном (и княгиней С. П. Долгоруковой) дразнилок (три из пяти) обращены ко взрослым людям: к бабушке Ульяне, к женатому Филе и к некоей Маше, нарожавшей много детей. Высмеиваются такие взрослые, которые беззащитны в силу их преклонного возраста или убогости, что отражено уже в зачинах-обращениях: «Бабушка Ульяна!», «Уж ты Маша хромонога!», «Уж ты Филя простота!»⁹. Стало быть, дети или люди старшего возраста выступают обидчиками слабосильных взрослых, выбирают себе в жертвы беззащитных людей.

Интересно, что П. В. Шейн дал определение жанра *дразнилки* (без использования самого этого термина), указывая на бытование его у детей и на применение его ребятами в отношении сверстников и взрослых людей: «Прибаутки, которыми шаловливые ребяташки потешаются и друг над дружкой, и над взрослыми, издеваясь то над их именами от кре-

щения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности, и т.п., часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы <...>¹⁰. В «Оглавлении» выпуска 1 сборника «Великорус в своих песнях...» (1898) П. В. Шейна жанр, получивший позже наименование дразнилки, определен более точно (с указанием взаимного процесса) – во второй части рубрики: «Прибаутки и передразнивания»¹¹.

Возвращаясь к адресатам дразнилок, укажем, что возможна (хотя и сомнительна) и другая точка зрения. Исполнители дразнилок – сами дети – адресуют их все-таки членам своего детского коллектива, своим сверстникам, чуть более старшим или младшим детям, но таких адресатов умышленно наделяют поведенческими чертами взрослых людей, как бы в шутку прослеживают их будущую судьбу. И предрекаемая судьба их печальна. Тогда возникает мысль о типологическом родстве дразнилок с тремя фольклорными структурами: 1) с той тематической разновидностью жанра колыбельных песен, в которых звучит пожелание смерти ребенку; 2) с дополнительной концовкой святочной песни (коляды, авсеня), в которой звучит смертельная угроза хозяину дома и которую исполняют, если хозяева не угощают и не награждают колядовщиков; 3) с корильной песней, высмеивающей нелогичное поведение и несуразную внешность свадебного чина противоположной стороны (обычно сваху, свата, но могут быть и другие персоны).

В основе дразнилок, нарочито показывающих физические изъяны и недалекость поведения взрослого, и колыбельных песен с призывом смерти к ребенку – в произведениях обоих жанров лежит вера в то, что умаление человеческого достоинства и уничтожение человека (вплоть до смертоносного пожелания) обманывает злые силы и, вопреки песенному содержанию, оберегает адресата. Но в ситуации с угрожающей концовкой святочной песни смысл иной: в ней звучит призыв наказать негостеприимных хозяев за нарушение правил ритуального поведения. В случае с корильной песней прослеживается прямое высмеивание лиц, продемонстрировавших успешное обрядовое поведение (высватавших невесту), но неодобряемых за нарочитую, заведомо ложную идеализацию сторонки жениха, за невыполнимые обещания прекрасной жизни.

Однако если оставить в силе первое предположение (почти утверждение) о том, что дети дразнят взрослых, то надо уточнить возрастные рамки бытования жанра. Следовательно, нельзя думать, что дразнилки применяются детьми исключительно против себе подобных! Вопреки правилам хорошего тона и наставлениям родителей, дети позволяют себе высмеивать взрослых! Но такое предположение (более того – утверждение П. В. Шейна) нуждается в тщательной проверке с привлечением большого числа произведений, которые надо пронаблюдать в процессе их живого бытования (благо, дразнилки до сих пор активно функционируют в устной традиции). Проверка требуется для того, чтобы уточнить, не располагаются ли приведенные П. В. Шейном поддразнивания взрослых на периферии жанра, не слишком ли редки они, чтобы влиять на народное мнение и научное представление о жанровой сути дразнилок.

И все-таки высказанная мысль о том, что дразнилки бывают направлены детьми друг на друга и на взрослых, как и люди старшего возраста дразнят себе подобных, – так вот эта мысль основана на реальных записях произведений, а не выведена логическим путем. Так, В. С. Ефремов из с. Константиново Рыбновского р-на поделился с журналистом А. Д. Панфиловым воспоминаниями о бурлаках и привел дразнилку, исполнявшуюся детьми нараспев:

«Бурлаков видел.

Потом коноводы пошли.

Обычно их было трое-четверо. А лошадей у них двенадцать-четырнадцать. Лошади все измученные, понатертые... А коноводы с кнутами: “Нишь! Нишь!”

Мы, бывало, побежим за ними, песню им играем:

Коноводы, лошеводы,
Лошадей воровать...

Вот это я помню. Сам бегал. Против течения барки тащили.
А по течению барка сама шла. Пароходов не было»¹².

Приведем записанную в с. Троицкое Данковского уезда дразнилку, помещенную П. В. Шейном в раздел «прибаутки», обращенную к бабушке и выполненную в стилистике потешек:

Бабушка Ульяна!
Голова твоя кудрява.
Садись-ко в сани,
Поедем с нами.
Там на базаре
Коза в сарафане,
Утка в юбке,
Курочка в сапожках,
Корова в рогоже, –
Нет ее дороже¹³.

Другая дразнилка – про Машу хромоногу – записана в Данковском уезде и тоже похожа на детскую потешку, которая включает в себя мотив угощения и с помощью которой взрослые развлекают детей в процессе их кормления или после него (типа известных игр «Ладушки» или «Сорока»):

Уж ты Маша хромонога!
Нарожала детей много.
Чем их будешь кормить? –
Навари ты горшок каши,
Наклади им целу чашу, –
И пушай они едят¹⁴.

Третья дразнилка – про Филю простоту – также записана в Данковском уезде и является типичной дразнилкой (если не считать ее сюжета из взрослой жизни); в ней показана череда неудач высмеиваемого персонажа, причем перечисление событий сдобрено юмором:

Уж ты Филя простота!
Купил лошадь без хвоста,
Поехал жениться –
Привязал корытце:
Корытце болтается,
Жена сидя улыбается¹⁵.

П. В. Шейн записал в Рязанской губ. и опубликовал без точного указания населенного пункта дразнилку, основанную на потере персонажем высокого социального статуса, что и стало поводом для высмеивания:

У нашего Макея
Было шесть лакеев,
А нынче Макей
Сделался сам лакей¹⁶.

Вероятно, что одними из первых собирателей дразнилок на Рязанщине оказались княгиня С. П. Долгорукова и П. В. Шейн, записавшие произведения этого жанра, причем первая подарила их для публикации последнему, который напечатал их в 1898 г.

Однако дразнилки на Рязанщине (как и по всей России) существовали и гораздо раньше указанной публикации. С. Д. Яхонтов в мемуарах о сельской жизни 1860-х годов в с. Ухорь Пронского уезда привел интересный эпизод о «кошельнике» (офене владимирском), который предложил именно детям встречать его дразнилкой с собственным именем, и это произведение сообщил он сам:

«Особенно долгим знакомством с нами пользовался Тихон. Как теперь вижу его умную голову с большой лысиной. Балагур был безбрежный. И когда за плечами таскал короб – у нас бывал и останавливался, и когда разбогател и на двух подводах ездил, и когда прогорел (кажется, закрутил) и опять с коробом за плечами стал ходить, а нас не обходил. И мы, дети, его приветствовали: “Тихон, с того света спихан”. Так он сам нас научил. Лишь переступает чрез порог и рекомендуется сам так»¹⁷.

Очевидно, сообщение дразнилки детям и предложение встречать его именно этим произведением является блестящим педагогическим приемом, средством обучения демократии и способом расположения малышей к себе, методом возведения их как бы на один уровень с образованным взрослым человеком – распространителем знаний. Человек, который представляется с помощью дразнилки, обладает великолепным чувством юмора, воспринимается «своим» в незнакомой среде и нивелирует естественную возрастную дистанцию между взрослым и ребенком. Понятно, что торговец-разносчик приобрел полное доверие ребятишек и оставил о себе самую добрую память на долгие годы.

Заметим, что в собрании «Пословицы русского народа» В. И. Даля (подготовлено к публикации в 1853 г., напечатано в начале 1860-х гг.) имеется вариант такой дразнилки, тоже обращенной ко взрослому: «Дядя Трифон – с неба спихан»¹⁸.

Дразнилку, обыгрывающую женское имя, услышала москвичка, когда она гостила в с. Озёрки Сараевского р-на в конце 1930-х – начале 1940-х гг. у бабушки:

Валентина-Валентина,
Нарисована картина
Не чернилом, не пером,
Из лоханки помелом¹⁹.

Исполнительница прокомментировала эту дразнилку, из которой известно о песенной манере исполнения фольклорного произведения и о смысле отдельных непонятных горожанке слов: «Это в Озёрках пели. <...> Я только в деревне узнала, что такое лоханка. Говорили: “Налей в лоханку воды – телёнка поить”»²⁰.

Б. А. Можаяев в романе-эпопее «Мужики и бабы» привел праздничный эпизод на сельском базаре – на Троицу, когда дразнилками обменивались исключительно взрослые, без всякого участия детей, причем дразнили друг друга по «территориальному признаку», с поддеванием особенностей произнесения слов в каждой местности:

«И пошло с утра, повалило со всех концов в Тиханово великое множество пешего и конного люду: от кладбищенского конца мимо двух церквей вдоль железной в крестиках огоразды потянулись “залесные глухари” из Гордеева да Веретья, из Тупицына, из Лысухи, Шумахина, Краснова... <...>

– Эй, Ниночка! Заходи ноги погреть, на пецку посадим, – дразнили их тихановские.

Все залесные цокали и якали, но зато называли друг друга уважительно: Васецка, Манецка...

– Водохлебы! Самоварники! – кричали те в ответ. – Вы квасом стены конопати-ли!...»²¹.

Приведенные Б. А. Можаяевым дразнилки своим содержанием напоминают сказки-анекдоты о глупцах и простаках (пошехонцах) (СУС 1200-1349), и способ поддразнивания жителей разных населенных пунктов оказывается вполне миролюбивым, являющимся своеобразной словесной игрой – даже как бы рассказыванием сказок по очереди. Взрослые с помощью дразнилок отмечали праздничную встречу друг с другом. В данном случае дразнилки выступают как бы легким аналогом кулачных боев, которые тоже начинались со словесного поддразнивания противника каждой стороной (это была предварительная разминка) и также проводились на праздник (обычно на Масленицу).

Далее Б. А. Можаяев привел еще одну дразнилку, которой также подзадоривали торговцев домашними яствами на Троицу на ярмарке:

«Эти желудевские да тимофеевские по сто возов одного сена накашивают. Вот оно что значит луга-то под боком. Да и река прибыль дает – на пароходах ходят, лес сплавляют. И торговля не последнее дело. Оттого и нос воротят и кричат презрительно с высоких телег каким-нибудь пантюхинским пешеходам с заплечными корзинами:

– Эй, родима, чего несешь, кунача аль макача?»²².

Такая дразнилка без специального пояснения писателя осталась бы непонятной для большинства людей, поскольку она порождена определенной ситуацией, в которую когда-то попало несколько жителей конкретного селения. Ситуация эта «лингвистическая», основанная на «речевом конфликте» (как бы на конфликте непонимания), когда жители целого ряда селений употребляют одно слово для обозначения какого-либо предмета, объекта, действия, а жители соседних населенных пунктов в таком же случае употребляют другое слово, фактически являющееся диалектизмом-синонимом. В приведенном ниже эпизоде столкнулись два глагола – «макать» и «(о)кунать», на основе чего возникла дразнилка, причем фольклорное произведение с двух героинь было перенесено на всех обитателей соседних селений:

«И горланили, соперничая, пантюхинские блинницы да пирожницы с тихановскими черепенниками: у одних корчаги со сметаной и чашки да тарелки с блинами, у других подносы с черепенниками.

– Родимый, бери блинка! Ешь, кунай в корчагу!

– А макать можно?

– Макай, макай...

– Ты что продаешь, макача аль кунача?»²³.

Слово «черепённый», согласно «Словарю современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969), означает «плохо выпеченное изделие из теста» (ССРНГ, 596), хотя нельзя исключать вероятность другого значения этого диалектизма: из контекста романа-эпопеи Б. А. Можаяева следует, что так в с. Пителино и окрестностях называли толстые блины, преимущественно гречневые, приготовленные в «черепушке» – глиняной (керамической) плошке, похожей на перевернутый усеченный конус (ССРНГ, 596).

Противопоставление в дразнилке двух предметов напоминает аналогичное разведение их в определенного рода считалках-жеребьевках, в которых также предоставлялся выбор одного из двух названных вещей, часто еще и находящихся в спрятанных руках за спиной или зажатых в кулаках, если это были мелкие вещицы (см. главу 44 «Обычай конаться и бросать жребий перед началом игры» и главу 45 «Считалка как жанр детского фольклора

и предварение игры» наст. изд.). В дразнилке смысл еще усложняется сопоставлением предметов разного качества – достойного и негодного.

Нахождение внутри одного жанра аллюзии на другой жанр свидетельствует о процессе становления первого жанрового образования (в данном случае – дразнилки), о его неустойчивой структуре. Дразнилки обладают целым рядом форм (если не их множеством), однако этот жанр (точнее, его жанровое ядро) определяется произведениями вполне стабильной структуры, начинающимися с обращения к потенциальной «жертве» и затем перечисляющими все недостатки этого субъекта.

Еще Б. А. Можаяев сообщил историю появления дразнилки, направленной на торговцев «черепенниками» (по сути – толстыми блинами или оладьями) из соседнего селения Тиханово:

«– А мы черепенники! Теплые черепенники... Мягкие, воздушные... – кричали впе-
ребой тихановские молодайки, поднося на большом противне принакрытые полотенцем,
дымящиеся, коричневые, похожие на маленькие куличи, ноздрястые черепенники, испечен-
ные из гречневой муки. Рядом с черепенниками бутылка конопляного масла с надутой на
горлышке продырявленной соской. Прохожий бросает на противень пятачок, берет мягкий,
пахнущий гречневой кашей черепенник, разламывает пополам и подставляет дымящиеся
ноздрястые половинки:

– Голуба, посикай-ка!

Молодка берет бутылку и брызгает маслом на черепенник, отсюда и прозвище:

– Эй ты, посикайка, подь сюда! Черепенники парные?

– Ой, родимый, духом исходят... Только рот разевай»²⁴.

Б. А. Можаяев также привел историю возникновения «дразниловки», адресованной жителям с. Пантюхино: «Эй, пантюхинские! Кто из вас малайкину соску съел?»²⁵. Основанием этого крошечного фольклорного произведения тоже послужил реальный случай, но уже уникальный, когда молодая мать потеряла около церкви «семь картох да хлеба ломоть», которые должны бы в пережеванном виде послужить импровизированной соской для «малого» (то есть для малыша-грудничка) (см. об этом в части I, главе 20 «Кормление младенца» наст. изд.).

Возникает закономерный вопрос: приведенные выше дразнилки, поведенные Б. А. Можаяевым, действительно подмечены писателем у народа или вышли из-под его пера, сочинены им? Ведь Б. А. Можаяев, безусловный знаток локального фольклора, перемешал в своих наиболее известных «рязанских» произведениях – романе-эпопее «Мужики и бабы» и в «Истории села Брѣхова, писанной Петром Афанасиевичем Булкиным» – реальные топонимы с вымышленными. Следовательно, читатель вправе ожидать, что Б. А. Можаяев дополнил действительные события сочиненными, но правдоподобными историями. Чтобы отделить подлинно фольклорные предания и связанные с ними дразнилки, необходимо побывать в реальных селениях, указанных в прозе писателя, и попытаться выявить и записать процитированные произведения. В любом случае дразнилки, приведенные Б. А. Можаяевым, созданы по законам не авторской, а фольклорной поэтики, и имеют аналоги среди истинно фольклорных текстов.

Еще Б. А. Можаяев в начале романа-эпопеи приводит дразнилки, которые адресует его персонаж представителям другой нации, живущим по соседству. Как указывалось выше, П. В. Шейн в 1898 г. уже вывел тип дразнилок, «которыми шаловливые ребятишки потешаются <...> и над взрослыми, издеваясь <...> над их принадлежностью к иной, не русской национальности, и т.п., часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы <...>»²⁶.

Дразнилки из романа Б. А. Можаяева импровизированные, представляющие собой простые высказывания – вопросительные и повествовательные конструкции, однако они основаны на важных мировоззренческих представлениях о соседнем народе, его нацио-

нальном характере, неправильности произношения русских слов, особенностях поведения, догматах религии и т.п. Разумеется, сосед тоже не остается безучастным и бессловесным: с его стороны следуют ответы такого же вызывающего и поддразнивающего свойства. Остается неизвестным: Абдул является реальным именем (персонаж откликается на него) или абстрактной номинацией любого татарина, которого задевает само праздное обращение русского к нему, отвлекающее от каких-то важных дел? Дразнилки вызваны простым случаем встречи иноэтнических соседей местным жителем-весельчаком, которому откровенно скучно, потому что сельская жизнь однообразна и не блещет событиями:

«Андрей Иванович <Бородин> застал его у костра – тот кипятил на треноге большой медный чайник и переругивался через реку с татарами.

– Абдул, башка брить будем? – спрашивал Иван Веселый.

– Тыбе не псё равно? – отвечал высоким голосом жилистый, голый по поясу, бритый татарин. – Тыбе, лохматый... собакам псё равно.

<...>

– Абдул, волос у тебя жесткий... Поди, бритва не берет? – миролюбиво спрашивал Иван.

– Тыбе не псё равно?

– Дак чудак-человек!.. Помочь тебе хочу. Я средство знаю, чтоб волос обмяк. Иди ко мне! Дерьмом коровьим голову вымажу. Отмя-акнет!

– Донгус баллас! – высоко, гортанно, как крик потревоженного гусака, несется с того берега. – Свиныя с поросятам!

<...>

– Абдул! Давай муллу на свинью сменяем! Ведь наш поп вашему мулле хреном по скуле. Он у вас теперь пога-анай!

– Собакам! Донгус баллас!.. – кричат оттуда уже в три голоса.

– Всех расшевелил! – довольно осклабился Иван Веселый»²⁷.

Еще один пример парной дразнилки – или пары дразнилок, которыми перекидываются представители двух наций при встрече друг с другом:

«– *Ходя, соли надо?* – роняли китайцам с возов.

– *Шибакo гулупый... тебе, цхо!* – отвечали китайцы, обнажая крупные желтые зубы, и сердито плевали под колеса»²⁸.

Ходя – это китаец, разносчик соли, торговавший ею в 1920-е годы в России. Заметна закономерность: побеждает в таком шутиливом диалоге его зачинщик, хотя он вроде бы не прав уже потому, что поддевает собеседника, который из-за такой подделки по ходу развития речевой (или фольклорной) ситуации вдруг становится противником. Побеждает же закоперщик дразнилок потому, что именно он организует своеобразное словесное шоу, занимает активную позицию и обладает чувством юмора, что всегда ценилось в народной среде.

Вероятно, человек, запускающий диалог из дразнилок, мог бы оказаться и в проигрыше, если бы его противник, что называется, не полез бы за словом в карман и начал сыпать остротами еще более смешными и вызывающими. Однако такая ситуация бывает довольно редкой, потому что зачинщик, как правило, является любителем дразнилок, их прекрасным знатоком и вдобавок выбирает себе в противники менее подготовленных в этом плане людей.

Возникает вопрос: зачем взрослые крестьяне обмениваются дразнилками, как дети? И напрашивается ответ: люди солидного возраста беззлобно дразнят друг друга, без персонального прицела – исключительно ради праздничного веселья, для удовольствия пошутить и посмеяться. Таким образом, дразнилки в определенной степени являются юмористическим средством, а их разновидности с территориальным оттенком – еще и маркером крестьян-

янского знания о соседях, об их месте проживания и привычках – действительных или вымышленных, основанных на каком-то давнем слухе, на случайном жизненном эпизоде.

Дразнилки разделяют людей на «своих» и «чужих», между которыми завязывается диалог-перебранка, диалог – словесная игра. При этом в повседневной жизни «чужие» могут быть «своими» и лишь на время, на момент игровой ситуации становиться высмеиваемым противником.

В романе-эпопее «Мужики и бабы» Б. А. Можаяев приводит не только дразнилки взрослых, но и аналогичные подростковые дразнилки в форме речевых клише. Например, когда Федьке требовалось отогнать девчат от комода, чтобы выкрасть оттуда спрятанные матерью деньги и пустить их на развлечения, он попытался применить импровизированную дразнилку (точнее, предшествующую ей поддразнивающую словесную форму – как бы «преддразнилку»), тут же придуманную им исходя из наблюдаемой ситуации – прихорашивания девочки-подростка. В ответ он услышал подобную дразнилку, но с более стабильной основой – традиционным мотивом напрасных попыток веснушчатого человека избавиться от своих веснушек:

«Маня и Зинка доводились тетками Федьке, но были чуть старше его, вырастали вместе и оттого дрались с незапамятных времен.

– Торба, ты бы язык загнула щипцами, а то он у тебя как помело болтается, – задирает Зинку Федька.

– Маклак, возьми онучи, потри лицо... Может, веснушки сотрешь, – отругивалась та, не отрываясь от зеркала»²⁹.

Как видим, цель – отогнать девчат от комода – не была достигнута при помощи дразнилок; следовательно, герою романа требовалось применить другой способ и уяснить, что ругательные присловья не всегда обижают адресата, а иногда только раззадоривают его.

Однако дразнилки (и опять существующие в паре) вновь возникают при удачном достижении цели, когда Федька разбил любимый предмет Зинки и таким способом отвлек ее от комода: только теперь уже девочка-подросток становится инициатором задиранья и опять же использует традиционное фольклорное клише о веснушках-конопушках:

«– Маклак конопатый! Это ты разбил духи, ты!.. Я вот скажу Андрею Ивановичу... он тебе уши оборвет, – хлюпала и кричала из коридора вслед ему Зинка.

– Ага! Позови Симочку-милиционера. Он протокол составит и тебе сопли им подотрет»³⁰.

Типичный мотив подростковой дразнилки о человеке с рыжими волосами и веснушками уже в середине XIX века оформился в устойчивый стихотворный текст. Историк С. Д. Яхонтов описывает, что его в подростковом возрасте в 1860-е годы дразнили школьники из-за огненного цвета волос, причем дразнилка была основана на загадке:

«Я был с лицом веснушчатым, особенно летом, коричнево-желтые крапины покрывали в это время даже руки. Крапины ложились – густо. Волоса на голову были почти – красные, хотя и вьющиеся <...>.

Ничем не могли меня донять другим, как криком: “Рыжий!.. Адский поджигатель!..” Или, подпрыгивая, приговаривали: “Рыжий красного спросил, чем ты бороду красил? – я не краской, не замазкой, – я на солнышке лежал, кверху бороду держал”. (Это загадка для отгадки – рябина). Но во мне – возмущение. Конечно, я в драку не лез из-за этой белиберды, – но неприязненное чувство во мне пробуждалось. Даже учителя (Успенский) отмечали отличительный цвет моих волос. А ведь озорников среди ребят всегда много. Ничем не возьмет – так эти причитания повторяет»³¹ (с. Ухорь Пронского у.).

Указание С. Д. Яхонтова на источник фольклорного текста «Рыжий красного спросил...» – как на загадку про рябину – соответствует произведению, записанному И. А. Худяковым в с. Мишино Зарайского уезда и опубликованному в его «Великорусских загадках» (1861):

Рыжий красного спросил:
Чем ты бороду красил?
Я не краской,
Не замазкой:
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал. (Рябина)³².

В с. Константиново Рыбновского р-на обладательница огненного цвета волос указывала в начале 2000-х годов, что их «породу» в селе считают особенной, говорят, что «рыжие много всего знают»³³. Еще 25 мая 1929 г. в г. Рязань Л. А. Худзинская записала воспоминание о цыганке-«сербиянке», которая тоже оказалась пристрастной к рыжеволосым: «Наговорила кучу всякой чепухи, как они говорят: “С рыжей бородой – враг”»³⁴.

Вернемся к жанрам загадок-отгадок и дразнилок в детском фольклоре. Еще в одном эпизоде романа-эпопеи «Мужики и бабы» Б. А. Можаяев приводит перебранку с помощью импровизированных загадок и дразнилок между девочками и мальчиками-подростками на посиделках, что оказывается определенным способом межгруппового общения представителей разных полов и представляет единый диалог-беседу между ними:

«– Ребята, а я знаю, у кого из девчат пятки немые, – сказал Мишка Кочеванов.
Он был головастый, кривоног и носил прозвище Буржуй.
– У кого?
– У второй с краю.
На скамье девчата завозились, и Тонька Луговая заголосила на всю улицу:
– *Буржуй головастый!* Ты на себя погляди. Сроду за ушами не моешь.
– А ты откуда знаешь? На ухо ему шептала, что ли?
– К щеке прижималась...
– Коленкой, да? – кричали девчата. – Он ей по шейку и то не будет.
– Она приседала... Гы-гы! – неслось от ребят»³⁵.

Б. А. Можаяев с помощью дразнилки или даже только намек на дразнилку, ее усеченного, редуцированного варианта демонстрирует активное или пассивное, равнодушное отношение детей и взрослых к этому фольклорному жанру. Есть истинные любители дразнилок, прекрасно знающие традиционные тексты и (или) импровизирующие в пределах жанра, каждый раз сочиняющие новые произведения и обильно оснащающие свою речь, просто-таки сыплющие ими. Но имеются и пассивные знатоки дразнилок, которые употребляют их только в ответ и часто варьируют одну смысловую «дразнилочную» сюжетную линию. Обычно такими инертными исполнителями дразнилок бывают девочки и чуть чаще – девушки и женщины.

Б. А. Можаяев в «Мужиках и бабах» привел взгляд возницы на двух девушек, характер которых он изучил, основываясь на их дружеской (!) перебранке с применением импровизационных (ситуативных) дразнилок:

«Барышни были ему знакомые, не впервой возил их: одна маленькая, широкобровая, с тугими черными косами, носившая, как цыганка, цветастые шали да пестрые платки, хвасталась – будто она племянница самой Марии Ивановны Поповой, бывшей елатомской миллионерши; другая полная, белая, по имени Алена, с низким хриловатым голосом и хмурым, словно спросонья лицом, постоянно одергивала меньшую: “Верка, не ври!” – “Что ты понимаешь в историческом прошлом! *Сипит, как труба самоварная...*” – огрызалась та. “А ты

погремушка! Или нет – колотушка ночная...” – “Я женскую прогимназию окончила. И работаю в гимназии!” – “Ага! Библиотечным счетоводом”. – “А ты трактирная подавала!” Так они обычно переругивались всю дорогу, но не злились друг на друга, а посмеивались, вроде бы комплиментами обменивались³⁶.

В повести А. И. Осипова «Я люблю Кольку» содержатся детские и подростковые дразнилки, как распространенные и уже оформленные в виде стилистических рифмованных клише и ритмических аллитераций, так и только зарождающиеся по ходу событий. Вот примеры:

- 1) «– Конфет и папирос – обманывает, – рассудил Васька Комиссар.
– Комиссар, топырь карман, – захохотал Ванька, облизывая толстые губы»³⁷;
- 2) «Васька Комиссар дразнился:
– Эх ты, рева-корова! Сидел бы лучше на печи, грыз бы с мамкой кирпичи»³⁸ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Итак, наши наблюдения показывают, что дразнилка как фольклорный жанр существует в двух разновидностях: 1) как стихотворение с зачином-обращением, указывающим на адресат произведения; 2) в форме краткого речевого клише, которое иногда базируется на мировоззренческих стереотипах, но может обходиться и без них. Дразнилка создается иногда исключительно по художественным законам (на основе подходящей простой ритмики, близких рифм и т.д.) и не затрагивает индивидуальные черты характера или внешности высмеиваемого лица, хотя отождествляет его с типовым вымышленным персонажем; в других случаях приоритет отдан реальному происшествию, которое показалось смешным и послужило основой фольклорного произведения.

¹ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2009. Т. 18. С. 259.

² Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 259.

³ Юшин А.В., Жильцова Е.А. Игры и развлечения села Новая Пустынь Шиловского р-на в XX веке. С. 259.

⁴ Можаяв Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 112.

⁵ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 166.

⁶ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 166-167.

⁷ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 37. № 219.

⁸ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 33. № 178.

⁹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 33-34. № 189, 177, 190.

¹⁰ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 29.

¹¹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. Оглавление.

¹² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 77-79.

¹³ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 34. № 189.

¹⁴ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 33. № 177.

- ¹⁵ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 34. № 190.
- ¹⁶ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 32. № 174.
- ¹⁷ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 40.
- ¹⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. литература, 1984. Т. 1. С. 367.
- ¹⁹ Записи автора. Файл samodelova-folk2014.doc – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., слышала в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг., ее родители родом оттуда, г. Москва, 15.03.2014.
- ²⁰ Записи автора. Файл samodelova-folk2014.doc – Самоделова А.М., 1929 г. р., слышала в с. Озёрки Сараевского р-на в 1930-1940-е гг., ее родители родом оттуда, г. Москва, 15.03.2014.
- ²¹ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. М.: Вече, 2011. С. 114-115.
- ²² Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 116.
- ²³ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 117.
- ²⁴ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 117.
- ²⁵ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 112.
- ²⁶ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 1. С. 29.
- ²⁷ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 11-12.
- ²⁸ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 116.
- ²⁹ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 37.
- ³⁰ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 38.
- ³¹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 3. С. 109.
- ³² Худяков И.А. Великорусские загадки. М., 1861. С. 65. № 530 – с. Мишино Зарайского у.
- ³³ Записи автора. Тетр. 8 – Есина Мария Яковлевна (1927–2004), с. Константиново Рыбновского р-на, сентябрь 2000 г.
- ³⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 493. Л. 26 – Худзинская Л.А., г. Рязань.
- ³⁵ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 51.
- ³⁶ Можаяев Б.А. Мужики и бабы. С. 91.
- ³⁷ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 15.
- ³⁸ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 22.

Глава 61.

**Прозвища: народная терминология, типология,
история возникновения и наследования**

Известный славист П. Г. Богатырев (1893-1971), внесший огромный вклад в фольклористику XX века, не занимался народными прозвищами и фольклорными текстами, связанными с ними. Однако в его научном наследии имеются наблюдения и теоретические выкладки, которые напрямую касаются прозвищ или косвенно помогают постичь их природу.

Так, в статье «Фольклор как особая форма творчества» П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон (1929) сделали следующее сопоставление фольклорных явлений с лингвистическими: «Наряду с индивидуальным, отдельным речевым актом – “parole”, по терминологии Ф. де Соссюра, – современное языкознание знает еще “langue”, то есть “совокупность привычек, усвоенных определенным коллективом для того, чтобы обеспечить понимание речи”. В эту традиционную, межличностную систему тот или другой говорящий может вносить индивидуальные изменения, которые, однако, могут быть интерпретированы лишь как индивидуальные отклонения от “langue” и лишь в соотношении с последним»¹.

По нашим наблюдениям, одно из таких «индивидуальных отклонений от “langue”»², особенно частых у ребенка или заметных у переселенцев из других селений, иногда даже соседних, с иными лексико-фонетическими традициями, подхватывается слушателями и, многократно повторенное ими в адрес автора, как бы приклеивается к нему, становясь его прозвищем. Остальные личные речевые особенности не принимаются во внимание, не влияют на словесную характеристику человека. Безусловно, такой способ наделения ребенка или взрослого человека прозвищем является лишь одним из множества приемов «прозвищестроительства».

Прозвища, порожденные «индивидуальными ошибками в речи (ляпсусами), результатами индивидуальных склонностей, сильного аффекта или эстетического порыва говорящего индивидуума», по словам П. Г. Богатырева, становятся «языковым новшеством» после того, как сельская община, «коллектив <...> санкционирует их и усвоит как общеупотребительные»³. Иначе говоря, по Богатыреву, речевые ошибки превращаются в общеупотребительные слова – прозвища – «вследствие некоей социализации, обобществления»⁴ их.

Но определенная мера «окказиональности», «диалектности» и «историчности» (то есть принадлежности к окказионализмам, диалектизмам и историзмам) личных и семейных прозвищ проявляется в их ограниченном бытовании во времени и пространстве, поскольку они (за редким исключением) оказываются известны только нескольким поколениям жителей «куста деревень», хотя и становятся частью устной истории «малой родины». Иногда прозвища порождают фамилии и входят в отечественную и даже мировую историю через выдающихся деятелей культуры, науки, государства.

В разных работах П. Г. Богатырев упоминал коллективные прозвища, то есть применяемые в отношении группы лиц. В статье «Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре» (1968) ученый употребил широко известный сейчас синоним «клоуна»: «“Рыжими” “дед” называл не только одного из актеров балагана, но и зрителей»⁵. В статье «Задачи этнографа в Подкарпатской Руси» (1931) П. Г. Богатырев посвятил целый фрагмент рассуждению об отходниках: «В Подкарпатской Руси такими отщепенцами от коллектива являются крестьяне, бывшие на заработках преимущественно в Америке и потом вернувшиеся к себе в родное село. Это так называемые – “американцы”»⁶.

Также П. Г. Богатырев, еще будучи студентом Императорского Московского университета, в фольклорной экспедиции 1914 г. в с. Бавыкино Серпуховского уезда Московской губ. зафиксировал частушки с зачинами про жителей разных сел и деревень, то есть час-

тушки опять же с коллективными прозвищами: «Как Бавыкински рибята...» («Как Бавыкински рибяти...»), «Как Бавыкинских рибят...»⁷, «Как Бавыкински дифчонки...», «Как Пирхурофски малатцы...» («Как Пирхуровски рибята...»); отметил назначение таких произведений – «Дразнят Перхуровских»⁸.

Морфология и семантика коллективных прозвищ, особенности функционирования их в фольклоре и культуре повседневности на примере Архангельской обл. проанализирована в монографии «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика» фольклориста Н. В. Дранниковой из Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (2004)⁹. Отталкиваясь от вступительной статьи «Напутное» в сборнике «Пословицы русского народа» (1862) В. И. Даля, Н. В. Дранникова использует термин «присловья-прозвища», применяет его синонимы – коллективные прозвища, локально-групповые прозвища, прозвищный фольклор и прозвищный идиолект, прозвищная словесность, прозвищная культура.

В книге дана история терминологии, изучения и публикации присловий-прозвищ; коллективные прозвища представлены как элементы ономастикона; показана функциональность прозвищ для табуирования имен, детской речи, приемов звукоподражания и создания когнитивных стереотипов. Коллективные прозвища репрезентированы в разных фольклорных жанрах: в поговорках (пословицах и поговорках), в географических песнях цепевидной структуры о деревнях, в частушечных спевах с названиями селений, в нарративах (анекдотах о глупых и хитрых соседях и инородцах, преданиях о первопоселенцах), в фольклоре речевых ситуаций и т.п.

В монографии приведена структурная классификация локально-групповых прозвищ; выделены лексико-семантические группы с использованием географического, культурно-хозяйственного, культурно-исторического, антропологического и природного кодов (с внутренними тематическими подразделениями).

До этого капитального исследования Н. В. Дранниковой прозвища изучались в основном лингвистами, а жанровой природе прозвищного фольклора посвящено лишь несколько работ фольклористов: кандидатская диссертация «Прозвища как явление русского фольклора» И. Ю. Карташовой (1985), а также статьи «Один из неучтенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве)» В. С. Бахтина (1976), «Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах русского фольклора Урала» В. В. Блажес (1983), «Прозвища-присловья в русском фольклоре» И. Ю. Карташовой (1984); «К вопросу о “малых” фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом» Г. А. Левинтона (1988), «Мифологические имена-апотропеи в Карпатском ареале» Е. Е. Левкиевской (1993), «Русская “микроэтнонимия” и этническое самосознание» А. Ф. Журавлева (1995), «Фольклор как индикатор этнических сообществ» А. А. Ивановой (1998), «Прозвища и фольклорный репертуар, с ними связанный» Т. И. Макаровой, А. А. Ивановой (1999)¹⁰.

Наделение людей прозвищами распространено среди жителей всех славянских стран, являясь весомой частью любой народной культуры. Вероятно, прозвища широко распространены по всему миру, но бытуют в тех странах, жители которых уже носят зарегистрированные в специальных реестрах государственных или религиозных структур имена и фамилии. Понятно, что прозвище как социально-лингвистический феномен сформировалось как противоположность имени и (или) фамилии; следовательно, оно всегда выступает лишь в паре с официальным прозванием человека.

Перейдем теперь к анализу прозвищ, записанных в наших экспедициях в Рязанскую обл. с 1981 по 2017 гг. и известных из краеведческой и художественной литературы с этнографическим компонентом.

Источники сведений о прозвищах на Рязанщине многообразны:

1) устные сообщения носителей локальных фольклорных традиций;

- 2) созданные работниками культуры (библиотекарями, учителями, заведующими клубами) рукописи о прозвищах, которые бытуют в родном селе;
- 3) статьи в районной периодике;
- 4) мемуары уроженцев Рязанской губ./обл.;
- 5) архивные рукописи, в том числе ответы на анкету Рязанской Ученой архивной комиссии в начале 1920-х годов;
- 6) художественные произведения писателей, уроженцев Рязанщины (С. А. Есенина, Б. А. Можая, А. И. Осипова и др.);
- 7) региональные диалектные словари («Словарь русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969); «Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) и др.).

Методика получения информации о прозвищах и прозвищном фольклоре также достаточно разнообразна. Вопрос о вариативности прозвищного фольклора решается следующим образом: специально проводились неоднократные беседы в разные дни и даже годы с одними и теми же информантами (иногда с использованием родственных и дружеских связей). Нередко инициатива исходила от самих местных жителей; следовательно, тема разговора о прозвищах и их носителях принадлежит к числу чрезвычайно значимых для народа.

На Рязанщине зафиксированы народные синонимические названия: *прозвище*, *кличка*, *кликúха*, *кличь*, *дразниловка* (см. ниже). Прозвища, уподобленные фамилии и построенные по ее модели, называются как *уличное прозвище*, *уличные фамилии-прозвища*, *уличные фамилии*, *по-уличному*. Их назначение и употребление именуется как *дразнят*, *кличут*.

Некоторые народные термины являются омонимичными в том плане, что принадлежат прозвищному фольклору и другим фольклорным жанрам, сосуществуют на территории Рязанщины: напр., дефиниция «дразнят» характеризует процесс употребления прозвищ и исполнения корильных песен на свадьбе¹¹.

Коннотация термина «дразнить» в фольклоре разнообразна: она бывает положительной и отрицательной, и нейтральной в зависимости от жанровой принадлежности адресата (напр., в «дразнилках» ребенка всегда высмеивают, а в «корильной» песне невесту, жениха, свата и сваху в Рязанской губ./обл. могут хвалить и/или ругать). Применение прозвищ с художественными целями оказывается одним из элементов проявления фольклоризма писателей.

Иногда имена, породившие прозвища-обобщения (то есть называющие не конкретное лицо, а применимые к любому человеку) генерируют жанр присловья или, наоборот, восходят к нему: «Охо-хо-хо-хонюшки, // не видать из-под стола // нашего Афонюшки»¹².

За 1000-летнюю историю христианства на Руси сложилась и утвердилась определенная ситуация с имянаречением. Принципиальное отличие индивидуального прозвища от имени человека заключается в его случайности (окациональности), в непредсказуемости во времени возникновения (в любом возрасте его носителя) и – вообще – в возможном его отсутствии. Наоборот, человеческое имя носит ритуальное происхождение (иначе говоря, наделению именем посвящен специальный обряд – крестины в православии, имянаречение – в официальном светском законодательстве с ЗАГСами), дается в течение первых дней после рождения (максимум – до 40 дней), и, наконец, имя применяется обязательно (нет безымянных взрослых людей). По достижении совершеннолетия человек имеет право сменить имя, которое ему не нравится по какой-либо причине, но он не способен самовольно устранить прозвище, которое как бы «прилипает» к человеку. Другое дело, что первое прозвище может смениться вторым, третьим и т.д.; могут сосуществовать сразу два и более прозваний, каждое из них употребляется в разных компаниях, связанных различными узами с носителем прозвища. Избавиться от прозвища становится возможным лишь с помощью изменения места жительства, с переездом на большое расстояние в новый населенный пункт, жители которого не знают прежней клички человека. Он представляется другим людям своим именем, умалчивая об имеющемся у него прозвище.

Первое имя дают человеку другие люди (в дореволюционной России – священнослужители, причем имя в определенной мере обусловлено именословом церковного календаря, выбор представляется только из нескольких имен); второе имя получают лишь некоторые личности – при изменении своего общественного статуса (при пострижении в монахи, при посвящении в священники и т.п.), причем опять же именем наделяют уполномоченные на это лица. Начиная с советского времени, второе (другое) имя (при собственном желании сменить первое имя) человек выбирает себе сам, и эта процедура никак не обставлена ритуально. Прозвище же добровольно человек себе не назначает: это всегда прерогатива иных лиц. Имя заносится в определенный реестр (церковно-приходскую книгу записей, актовую книгу ЗАГСа), и об этом событии реальным или крестным родителям выдается специальный документ (церковная метрика, свидетельство о рождении), который далее хранится у обладателя имени всю жизнь. Сведения о полученном имени из первого документа (выписи из церковной книги рождений, свидетельства о рождении ребенка) переносятся во все последующие: в паспорт, школьный журнал и дневник учащегося, в студенческий билет, в свидетельство о браке и т.п. Кроме того, человек подписывает своим именем официальные документы и неофициальные бумаги: письма, почтовые карточки, телеграммы и т.п. Прозвища «живут» в устной речи других лиц, проникают в некоторые фольклорные формы (в детские дразнилки и другие жанры), могут быть записаны на заборе и других постройках – с целью обидеть человека. Имя нейтрально, а прозвище, как правило, имеет прозрачную этимологию, часто обладающую семантической окрашенностью. Имя выбирается из ограниченного именного списка, принятого обществом в определенный исторический период, а прозвищный ряд практически не имеет ограничений.

Генетически имя «выросло» из более древних прозвищ. В советский период родителям разрешалось придумывать любые имена своим детям и тем самым расширять до бесконечности общий именослов, такой порядок сохранялся и в постсоветское время. Однако 21 апреля 2017 г. Государственная Дума приняла постановление, запрещающее ЗАГСам утверждать неудобно звучащие придуманные имена.

Общность имени и прозвища заключается в их главном свойстве – выделять одного человека из целого ряда лиц, показывать его индивидуальность. Наоборот, коллективное прозвище встраивает человека в определенное семейное или социальное общество – и в этом плане уподобляется фамилии, носящей родовой характер.

Существует целый ряд принципов наделения детей (и взрослых) прозвищами.

За каждым прозвищем стоит окказиональное (если можно так выразиться) или семейное предание, хотя не все такие сведения сохранились в памяти обладателей прозвищ или их соседей, друзей, родных. Таким образом, всякое прозвище разворачивается (или потенциально способно развернуться) в фольклорное произведение и порождает интересный сюжет, который часто оказывается типовым, бродячим.

Такие сообщения о прозвищах, как и все фольклорные жанры, обладают вариативностью. Они существуют в версиях и вариантах, причем последние рассказываются разными и одними и теми же информантами, которые повторяют их с некоторыми различиями.

На Рязанщине зафиксированы следующие жанры, в которых повествуется о прозвищах: это *мемораты*, *дразнилки*, *потешки* (в функции дразнилки), *былички* (пародии на былички), *поговорки*.

При внимательном изучении частушек Рязанской губ./обл. обнаруживаются прозвища и в них, подобно тому как коллективные прозвания жителей определенных деревень были выявлены в частушках соседней Московской губ., записанных П. Г. Богатыревым в 1914-1915 гг. (см. выше). Так, в с. Константиново Шиловского р-на в 1929 г. зафиксирована частушка с зачином, включающим обозначение жителей по месту их проживания: «Уж как *шиловских* ребят // Ис-под дáлечки видáть»¹³. В г. Рязань бытовали частушки с названиями-дериватами, образованными от топонима: «Как *рязанские* дивчáта, – // Ани делают ни так»

и «Как *рязанские* ребята // Все пашѣли диплома́ты»¹⁴. Подобных частушек на Рязанщине записано множество.

Коллективные прозвища, коими наделяются все жители какого-то другого населенного пункта, могут встречаться в сказках-анекдотах о глупцах, но необходимо сначала найти произведения этой сказочной жанровой разновидности на Рязанщине, сгруппировать и тогда уже (в случае успеха) проанализировать их.

Прозвища сопровождают многих (почти всех) людей с детства и до смерти, а потом еще переживают человека и продолжают бытовать в воспоминаниях о нем, о его семье, а далее входят в устную и – реже – в письменную историю селения, края, государства.

Между тем прозвища относятся к народным традициям повседневности и не входят в праздничную культуру, которая культивирует официальные полные имена-отчества или, по крайней мере, уменьшительно-ласкательные имена. К примеру, в свадебных песнях и приговорах звучат имена-отчества, разнесенные по двум соседним стихотворным строчкам:

Уж и кто у нас большой-набольшой,
Уж и кто у нас над беседою,
Уж и кто у нас над весёлою?
Большой-набольшой – Иван-сударь,
Большой-набольшой – свет Васильевич¹⁵

(с. Хрущёво-Подлесное Данковского р-на Липецкой обл., б. уезда Рязанской губ.).

На свадебном пиру происходит первое прилюдное название супруга по имени-отчеству, свидетельствующее о закреплении за ним нового, более важного статуса: это определенный ритуальный акт, момент инициации. Возникает вопрос: а момент появления у ребенка или взрослого прозвища, наделение им человека относится к обрядовому действию (например, к окказиональному) или нет? Имеется ли что-то общее между первым названием человека прозвищем или именем (и далее именем-отчеством)?

Очевидно, на протяжении истории рязанцев (и шире – славян) произошло изменение сферы употребления прозвищ:

1) самая древняя (исконная) функция прозвищ – поименовать человека, дать ему индивидуальное имя в той ситуации, когда еще не существовало реестра устоявшихся собственных имен (см. берестяные грамоты, летописи и т.д.);

2) прозвище выступало как домашнее имя, известное самым близким людям, в тот период, когда стали появляться первые фамилии;

3) прозвища начали употребляться наряду с фамилиями, но применялись в разных жизненных обстоятельствах, различались сферы их употребления;

4) прозвища стали расцениваться как наказание или, наоборот, награда; у них появилась оценочная функция.

Прозвища бывают коллективными (групповыми) и личными (индивидуальными), между ними возможны переходы из одной категории в другую.

¹ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 370.

² Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. С. 370.

³ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. С. 370.

⁴ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. С. 370.

⁵ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. С. 473.

⁶ Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) /Сост., вступ. ст. С. П. Сорокиной. М., 2006. С. 109.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Тетр. 2. Л. 53 об. – 55.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Тетр. 3. Л. 76 об.

⁹ Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. – 432 с.

¹⁰ Карташова И.Ю. Прозвища как явление русского фольклора. М., 1985. Диссерт. и автореф. ...канд. филол. наук; Бахтин В.С. Один из неучтенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве) // Русский фольклор. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 227-235; Блажес В.В. Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах русского фольклора Урала // П. И. Чайковский и Урал. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 91-99; Карташова И.Ю. Прозвища-присловья в русском фольклоре // Современный фольклор старых заводов. Свердловск, 1984. С. 141-153; Левинтон Г.А. К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста: Семантика малых форм фольклора. М., 1988. С. 148-152; Левкиевская Е.Е. Мифологические имена-апотропеи в Карпатском ареале // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-II. М., 1993. С. 93-102; Журавлев А.Ф. Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. (Москва, 13-15 дек. 1995 г.). М., 1995. С. 49-56; Иванова А.А. Фольклор как индикатор этнических сообществ // Культурный ландшафт Русского Севера. М., 1998. С. 39-64; Макарова Т.И., Иванова А.А. Прозвища и фольклорный репертуар, с ними связанный // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 103-107.

¹¹ См. об этом работы Е. А. Самоделовой: 1) Тема смерти в свадебных корильных песнях (На материале Рязанской области) // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 4. С. 106-123; 2) Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора /Рязанский этнографический вестник. 1993. Глава 9. Тема смерти в корильных песнях. С. 173-211; 3) Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 7. Традиционные формы досуга: История и современность. Сб. науч. трудов. М.: ГРЦРФ, 1996. С. 134-158; 4) Поэтика рязанского свадебного фольклора. Часть 3 /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. Глава 17. Тема смерти в корильных песнях и проблема природы жанра. С. 106-132; Глава 21. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе. С. 177-203.

¹² Сычева М.В., Гудкова П.И. Диалектные слова некоторых сел Сапожковского района // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Рязанский областной институт развития образования. Рязань; Узорочье, 2008. Т. 13. С. 430-431.

¹³ РИАМЗ. Кн. XX. № 496. Л. 39 – Частушки. Зап. Л. А. Худзинская, г. Рязань, 1929. Село Константиново Шиловского р-на.

¹⁴ РИАМЗ. Кн. XX. № 496. Л. 22 – Частушки. Зап. Л. А. Худзинская, г. Рязань, 1929.

¹⁵ Данковский краеведческий музей. Бобков С.С. Старинная свадьба. Рукопись; создана после Великой Отечественной войны, автор родом из с. Хрущёво-Подлесное Данковского р-на Липецкой обл., б. уезда Рязанской губ.

Глава 62.

Коллективные (групповые) и метафорически-абстрактные прозвища:
способы образования и особенности функционирования

Коллективные (групповые) прозвища даются по названиям населенных пунктов, по социальному статусу, по принадлежности к профессии и т.п. Почти всеобъемлющим прозвищем является метонимическое – «деревня», обычно даваемое городскими маргиналами всем выходцам из сельской местности или временно приезжающим оттуда в город (коренные горожане вряд ли будут применять противопоставление «город» – «деревня»). Школьница Дина Келарева, уроженка с. Кочемирова Кадомского р-на, приводит такое прозвище и его неполный синоним как возможную реакцию городских школьников по отношению к деревенским ребятами, у которых закрыли школу и которые согласились бы на все житейские трудности, «лишь бы жить в одной большой семье, где в классе пять человек и к каждому есть свой подход, где учительница знает о тебе все, где она и мама, и педагог, и милиционер, где не дразнят “деревней” и не называют “пришлым”»¹.

Если антитеза «деревня – город» является общерусской парой, в которой первая лексема может оказаться прозвищем (ср.: в паре «деревенская – городская» обе части выступают в роли прозвищ), то на Рязанщине встречается и противопоставление различных природных зон: «лес – степь». Деревенских жителей именуют по принципу проживания в разных природных локусах: к примеру, в Рязанской Мещере «слово “степнина”, “степной” имеет отрицательное значение (за грязь в хате)”².

Жительница Рязанской Мещеры тоже имеет антропонимическое название, относящееся к групповым прозвищам (в данном случае, созданному по критерию пола): «Мешерка уж не посадит сложа руки. Существует у них такая поговорка: “Ногой кащи, кащи, а рукой тощи, тощи”, т. е. ногой качай люльку, а рукой точай (шей) что-нибудь»³. Этот пример привела М. Д. Малинина – уроженка Касимовского уезда.

Этнограф Н. И. Лебедева, жительница г. Рязань, в прениях по докладу П. П. Стаханова «Сапожковское городище писцовых книг 1628 г. с историко-этнографической точки зрения» в 1929 г. назвала еще одно антропонимическое прозвище – «козловцы», произошедшее от названия города соседней губернии: «Например, район Сапожковской крепости<, по этнологическим данным<, объединяет три этнические группы, различные по основным элементам быта, и, наконец, не согласна с объяснением колонизации однодворческого района “козловцами” (Козлов, Тамбовской губ.) и заселения этого района при Иване Грозном. Грамота о возникновении села Мордово, напр., относится к XVII в.»⁴

Н. И. Лебедева в рецензии на книгу Н. И. Сысоевой «Касимовское узорное ткачество XIX – начала XX века» (1959) и в некоторых других статьях указывала, что коллективные прозвища, которыми наделялись жители селения или целого ряда соседних деревень, прошли большой исторический путь и порой свидетельствуют о векторе миграции населения, если являются этнонимами. Исследовательница отмечала: «Например, прозвище куршаков (семь деревень по р. Курше) – “литва”, а парахинцев – “жмеи”. Это указывает на различные древние элементы, вошедшие в состав этих групп населения»⁵. Парахинцы – жители с. Парахино Касимовского у., ныне село относится к Владимирской обл.

Рязанские крестьяне в начале XX века употребляли словечко «хлюст», характеризуя определенный тип людей, причем это слово выступало в роли прозвища. Так, в повести «Яр» (1915) Есенина Аксютка рассказывает вымышленную историю (выдаваемую первоначально за правду), в которой фигурирует хлюст: «Напротив сидел какой-то хлюст и булькал в горлышко “жулика”: “Из своих”, – подумал я и лукаво подмигнул»; «Долго сидели мы,

потом мой хлюст моргнул мне, и мы, расплатившись, вышли» (Есенин V, 49). В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969) приведено значение слова «хлюст» как «ловкий, пронырливый, нахальный человек, пройдоха»⁶.

В повести Есенина хлюст совершает убийство и вовлекает в него случайного свидетеля – деревенского парня Аксютку: «Я видел, как хлюст вынул из кармана чекмень и размахнулся...»; «“Ну и дока!” – прошептал хлюст, когда тот ушел в кустарник, и стал грызть на моих руках веревку»; «Принес он крючковатых тычинок, повернул хлюста спиной и начал, подвострив концы, в тело ему пихать...»; «Заорал хлюст, а у меня, не знаю откуда, сила взялась» (Есенин V, 50); «Обрезал я на хлюсту веревки, качнул его голову, а он, бедняга, впился зубами в землю, да так... и Богу душу отдал» (Есенин V, 51). Подлинное имя несчастного преступника, убитого намеченной им жертвой, остается неизвестным: на протяжении всего повествования вместо него употребляется прозвище «хлюст», с помощью которого история преступления приобретает обобщающе-зловещий характер.

Среди пословиц Рязанского, Михайловского и Зарайского уездов имеется обращение пословичного типа: «Хлюст – холопово отродье, у тебе вор <в> животе, у ты, фря какая!»⁷.

Школьный работник С. С. Камышов в 1923 г. в с. Лихунино Касимовского у. зафиксировал бытование эпитета «коняжие», слывущего в селе «кличкой» одной части местных жителей; это окказиональное название прикреплено даже к кладбищу как к месту захоронения «коняжих». Итак, вот это сообщение:

«Есть в ½ версте от Лихунина (на западе) на земле, принадлежавшей Локтюшеву, небольшое кладбище (около 2 кв. сажень), обрытое канавой, но оно не древней старины. По рассказам, когда эта земля еще не принадлежала Локтюшеву, здесь находился завод винный. Служащие на заводе были евреи (а может быть, и вообще иностранцы, которых так окрестило местное население), и вот они-то и хоронили здесь своих умерших людей. Одно из обществ с. Лихунина, бывшие государственные крестьяне, “коняжие”, т.е. княжеские, государственные. Как ближе жившие к заводу и, наверное, принимавшие участие в работе на заводе, сохранили за собой до сего времени название *евреев* и *фараонов*, как позорную <?> кличку, которой они крайне недовольны»⁸.

Прозвища второго типа (первоначально личные) даются по именам старших членов семьи и затем наследуются, становятся подобием фамилии и утрачивают таким образом индивидуальность; их тоже можно отнести к коллективным (к разряду семейных). Также личные прозвища основываются на индивидуальных чертах внешности, особенностях произношения, употреблении необычных словечек или слов-«паразитов»; достаются по особому обращению взрослых к ребенку и т.п. Прозвища дают друг другу сами дети спонтанно, выхватывая из речи взрослых какие-то неожиданные и удивительные для них слова. Случается, что ребенок обходится без прозвища, но приобретает его уже будучи взрослым.

Существуют прозвища, обозначающие жителей целого этнографического района. Например, куршаками по традиции называются жители 12 (точнее, 13) населенных пунктов Клепиковского района, расположенных близ лесной речки Курши, на расстоянии 1-25 км западнее города Касимов. Куршаки проживают в селе Малахово и деревнях Акулово, Андронов, Борисово, Ветчаны, Дмитриево, Иванково, Колесниково, Култуки, Немятово, Норино, Сергеево и в погосте Курша (отсюда название жителей указанного района «куршаки») ⁹.

Диалектолог В. Т. Ванюшечкин указывает происхождение коллективного прозвища-антропонима, возникшего из гидронима и одноименного топонима (то есть из названий реки и селения): «Куршакі – поселенцы по реке Курше»¹⁰. Это самоназвание местных жителей, которые объясняют свое прозвание и владение ремеслом – лаптеплетением: «Мы фсе тут куршакі-лапт’ѳжники: бырисяты, мылахвяты и култушани»¹¹ (д. Борисово Клепиковского р-на).

Самопрозвание уроженок селений по реке Курша породило также индивидуальное прозвище. В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) указаны оба диалектизма – антропоним и личное прозвище: 1) «Куршанка – прозвище»; 2) «Ал’онку Куршанку х кáжнам дварé знаят, каó хош спрасу...» (д. Немятово Клепиковского р-на)¹². В. Т. Ванюшечкин привел еще один антропоним с отрицательно-оценочной коннотацией: «Куршачьё (куршац’йó) – (пренебр.) то же, что куршаки»¹³. Сами местные уроженцы говорят о себе насмешливо: «В на́шах ди́рявнях адно́ куршац’йó, стра́нних ма́ла»¹⁴ (д. Борисово Клепиковского р-на).

Еще большую территорию – земли Рязанской Мещеры и части Сапожковского уезда – охватывают прозвища, основанные на орфоэпическом принципе – на особенностях диалектного произношения: «Цоки и цупари, как общее прозвище для всех жителей Мещерской стороны, отмечены тем же Будде, равно как и другими авторами. Цокальщики встречаются кое-где и в Сапожковском уезде: это, конечно, остатки той же мещеры на ее пути из Рязанского края в Пензенский...»¹⁵ М. Д. Малинина ссылается на исследования Е. О. Будде «К истории великорусских говоров» (Казань, 1896) и Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (СПб., 1913).

Цитату из труда Е. О. Будде «К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора» (1892) про коллективные прозвища жителей разных «кустов сел» Рязанской губ., данных крестьянами соседних селений на основании диалектных особенностей произношения, привел А. Д. Панфилов в книге «Константиновский меридиан» (1992):

«Замечательно, что сами бабы и мужчины из села барского или помещичьего сознают свою особую речь и смеются над говором крестьян вольных сел, называя их в насмешку словами, выражающими типическую особенность говора в вольных деревнях и селах. Так, например, мы услышим названия: “щóкалки” (по выговору “щó”, “щё” вместо обыкновенного в барских селах “што”), “цóкалки” (по замене звука “ч” звуком “ц”) или “цúприки”, “цупарí” и проч. (по той же замене, говорят про касимовцев или крестьян из некоторых деревень Спасского уезда)»¹⁶.

В 2002 г. в д. Алтúхово Клепиковского р-на рассказали об общедеревенских прозваниях – своих и чужих: «Алтúхово – блинники, Панцировские – каблы, то есть колдуны»¹⁷. Панцирово – деревня, ныне именуется Пансурово Клепиковского р-на.

Взрослые в детях сызмальства воспитывают чувство гордости за свою «малую родину», в том числе и с помощью коллективных прозвищ, которыми именовали себя, а чаще – жителей соседнего селения. Историк С. Д. Яхонтов, уроженец с. Ухорь Пронского уезда, привел название соседней деревни, которое стало нарицательным наименованием любого невежественного человека – по характеру ее жителей: «Как раз за затылком нашим Лоша – деревня Ухорского прихода, большая деревня, но убогая, соломенная, черная, суходольная, хотя и считается на речке Лошице, в которой вода бывает только в полую воду. Народ грубый, темный. Кого хотят упрекнуть в невежестве, нескладности, грубости – говорят: “Эх ты, Лоша!”»¹⁸.

В среде однодворцев (и их потомков) из соседних селений имелось пренебрежительное отношение к коренным крепостным крестьянам с. Озёрки Сараевского р-на (как и окрестных крепостных сел и деревень): они именовались Бáрскими, Бáрщиной¹⁹ и в мировоззренческом плане занимали приниженное положение, хотя являлись исконным населением, преобладающим по численности. Жители с. Бычки Сараевского р-на говорили:

«Я не знаю, бывало, скажут: “Из Барщины!” (Из Барщины не хотели брать? – С.И.) Да-да: Барские! И вот сейчас их: “О, вы Барские!” Барин у них был а у нас не было барина! (И вы гордились этим? – С.И.) Ну как же: у нас барина нет, мы не барские! (Вы свободные? –

С.И.) А у них там барин был! (А вот чем ещё, например, вы от них отличались? – С.И.) Да ничем! Ну вот снарядой отличались. А у них снаряд – вот платки разные другие, и юбки бархатные они не носили»²⁰.

Жительница с. Бычки Сараевского р-на еще раз повторила коллективное прозвище крестьян из с. Озёрки, противопоставив их жителям своего села и соседних селений – Кривского, Сараев, указав на нежелание родниться с ними с помощью брака:

«А вот в Озёрках – это барин был, эта сторона – Барщина, Барские. А сюды вот мы. Вот в Кривские, в Кривские, в Сарай: это мы отдавали, женили. (И Кривские тоже как ваши? – С.И.) Да, и наряд такой-то. А там совсем другое: их *Барщина*, *Барская*. (Вот видите, как не хотели родниться! – С.И.) Да, не хотели, не хотели! Бывало, скажут: “Ой, в *Барщину*!” Ну, мало ли, может, там познакомятся где молодые-то! “Ой, да в *Барщину*-то! Ой, в *Барщину*-то!”»²¹.

Озёрские (самоназвание жителей с. Озёрки) тоже в долгу не оставались и звали соседей: «*Бычканы* – из с. Бычки»²². Старожилы с. Озёрки про себя знали, как они оценивались жителями соседних сел: «*Барские* – так *бычканы* звали *озёрских*»²³.

Парадоксальная ситуация сложилась с наименованием жителей с. Октябрьское Пронского р-на: «Жителей села в округе называют *дурношами*, или *рубелями*. *Рубели* – это потому, что исстари жители занимались валкой валенок, а в этом процессе присутствует такое приспособление – рубель»²⁴. *Дурношами* (*дурнашами*) до сих пор именуют потому, что Октябрьским село стало лишь в 1958 г., а изначально называлось Никольские выселки (из казачьей Старо-Никольской слободы г. Пронск в 1690-1691 гг.), далее Никольское (по приделу деревянной церкви с 1693 г.) и Дурное (по фамилии начальника дозора на сторожевой башне в Красной лощине за р. Кердь – Дурнов или Дурной; по «дурному месту» – болоту, в котором какой-то барин утопил свой тарантас или запахи которого не понравились некоей проезжавшей княжне²⁵).

Местных жителей куршацких селений, расположенных по соседству в Клепиковском р-не, именовали коллективными прозвищами, данными по названиям населенных пунктов: «Акулята (акул’аты) – жители деревни Акулово. – Андронисках <жителей> завут андраняты, а акулысках – акуляты (с. Малахово). Стáрай и мáлай – с’о равнó акуляты... (д. Андронново)»²⁶. Еще пример обозначения местных жителей по названию селения: «Малахвята – жители села Малахово»²⁷. Жители соседней деревни отзывались об обитателях с. Малахово и д. Борисово Клепиковского р-на: «Мылахвяты – сьмёрныи рябьты, йёта бырысяты дрыцуны...»²⁸ (д. Андронново Клепиковского р-на).

Коллективные прозвища жителей сел и деревень воспринимаются настолько естественно, что употребляются в научно-популярной литературе местными краеведами, которые привыкли слышать такие наименования в речи своих информантов и, возможно, сами применяют их. Краевед пгт Сарай Г. А. Кармацкая и школьница Е. Ермихина мимоходом упомянули коллективное прозвище жителей с. Паники Сараевского р-на: «Можно сказать, что *паниковские* дети крепости из снега ещё строят, в войну не играют, игрушек из подручного материала не делают»²⁹.

В поэме «Анна Снегина» (1925) С. А. Есенин привел два топонимических прозвища местных жителей, внедрив их в уста героини:

Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан (Есенин III, 165).

Есенин сообщил и оба топонима, которые породили коллективные прозвания сельских жителей: «Ну вот оно, наше Радово, – // Промолвил возница, – // Здесь!» (Есенин III, 161) и «Вот тоже, допустим... с Криуши...» (Есенин III, 166). Однако первый топоним оказывается вымышленным (точнее, наполовину придуманным или, возможно, данным в народной огласовке): он созвучен с названием села Радовицы, рядом с которым располагается Николо-Радовицкий, или Николо-Радуницкий, монастырь в Егорьевском уезде. Это про него Есенин писал в «Автобиографии» (20 июня 1924 г.): «Помню: лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: “Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст”» (Есенин VII (1), 14). Второй топоним подлинный: уроженец Мещёры В. В. Полторацкий в книге «Жизнь Акима Горшкова» (1965) вспоминал, что его отец при слушании речи возницы из «Анны Снегиной» сказал: «Погоди-ка, ведь это о нашей Криуше. <...> Действительно, какое у них житье: на всю деревню одна соха. И главное, правда» (Есенин III, 656, коммент.).

Интересно, что люди – не старожилы Рязанской губ. / обл. – воспринимали оба топонима как реально существующие, не обращая внимания на фонетические и морфологические нюансы названий. Так, С. А. Толстая-Есенина, жена поэта, писала в «Комментарии к Собранию сочинений С.А. Есенина» (1940): «Названия деревень Криуши и Радово заимствованы из жизни. Две деревни с такими названиями существуют в округе села Константиново, но друг от друга отстоят далеко. Одна из них находится около Радовецкого монастыря, памятного Есенину по детским впечатлениям. В одной из своих автобиографий он рассказывал, как <...> бабушка водила его, трехлетнего ребенка, на богомолье в Радовецкий монастырь» (Есенин III, 655 – коммент.). Еще раз напомним: в действительности было с. Радовицы, которое могло по-народному именоваться Радово (но это надо выяснить), как с. Кузьминское называется Кузьминск, а пос. Александро-Невский – вообще Ал-Невск.

Мелекшёнкой именовали жители д. Ершово Старожиловского р-на женщину, которая вышла замуж в эту деревню из д. Мелекшино того же района³⁰. *Ухрячкой* и *ухорской* называли жители д. Ершово Старожиловского р-на женщину, вышедшую замуж в эту деревню то ли из д. Ухорское Спасского р-на, то ли из с. Ухорь Кораблинского р-на³¹.

А. Д. Панфилов в книге «Константиновский меридиан» (1992) указал несколько прозвищ, также образованных в связи с замужеством и переходом девушек из родной деревни в селение мужа, где их новые односельчане и наделили топонимическими прозвищами: «Прозвище Евдокии Сергеевны Хрековой было Солчинка. Она вышла замуж в Константиново из деревни Солчино. Была Шушпанка – та из деревни Шушпаны, Выселка – из Выселок»³².

Части крупных селений также имеют свои названия, которые порождают коллективные прозвища проживающих в них жителей. Приведем такие примеры из д. Пупкино Захаровского р-на: «Плеса – через овраг: в Плесах, Плесовская Нина (в девичестве Сусова), Капустина – прозвище, лет семидесяти»³³. Капустина – потому, что жила в заулке (на улице) Капустники в с. Плахино Захаровского р-на³⁴. Есть еще Проулские³⁵ <так!>, то есть жители Проулка в д. Пупкино Захаровского р-на.

Почти во всех селениях существуют двойные названия улиц – народные, первоначальные, исторически сложившиеся, и официальные, придуманные совсем недавно (лет 10-20 назад), искусственно сочиненные из-за административной необходимости (наиболее часто – при прокладке труб для газификации). Показательно, что только истинно народные названия (как населенных пунктов, так и улиц) порождают коллективные прозвища их жителей, а административные наименования, по-видимому, не вызывают производных от них прозваний (или вызывают в меньшей степени). Этому явлению можно предложить несколько объяснений:

1) административные наименования еще не успели укорениться в сознании жителей, поскольку прошло совсем мало времени с их внедрения; в дальнейшем эти жители тоже

приобретут прозвища, образованные от сокращенных народных названий населенных пунктов и улиц;

2) при сосуществовании двух названий – старинного народного и современного – в процессе образования прозвищ побеждает первое, так как оно уже стало близким, родным, исторически обусловленным;

3) иногда названия селений сменяются неоднократно и чрезвычайно быстро, люди не успевают к ним привыкнуть и сохраняют память о давно исчезнувшем наименовании хотя бы в произведенном от него прозвании жителей, проявляя чувство «местного патриотизма».

Например, с. Береговое Путятинского р-на стало так именоваться по просьбе его жителей с 1966 г. (по народному преданию – в честь космонавта Г. Т. Берегового (1921-1995)), а до того называлось Самодуровка, еще раньше – Островое, Поляны, Чудилище (оно принадлежало к Песочинской вол., а владел им помещик Чулков)³⁶. В «Ведомостях Верховного Совета РСФСР» (1966, № 2, с. 21) сообщается об Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 января 1966 г. об этом переименовании. Может быть, уже после полета Г. Т. Берегового в космос в 1968 г. местные жители стали приписывать происхождение нового названия села фамилии космонавта. В «Рязанском топонимическом словаре» А. В. Байбурина (2004) содержится иная версия возникновения топонима Береговое: от расположения села на берегу р. Белая³⁷.

Жительница д. Пупкино Захаровского р-на в своем рассуждении демонстрирует принцип образования коллективных прозвищ от народных названий улиц родного селения: «Мельница – луг, там водяная мельница. Телешинка – тоже мельница, прозвище, а так Дермелеево по-правильному. Дразниловка: *Телешинские* их звали, а не Дермелеевские»³⁸.

Известен и более сложный процесс, когда имя порождает название сельской улицы и затем фамилию жителей. Например, в с. Плахино Захаровского р-на есть ул. Парамоновка и имеется много Парамоновых³⁹.

Молодая жительница с. Плахино Захаровского р-на говорит о соседней деревне, приводя коллективное прозвище ее жителей: «В Дербени много колдунов, их жителей звали колдуняки»⁴⁰. Интересно, что указание на жителей окрестных селений и даже собственного села как на колдунов часто встречается в Рязанской обл.; вероятно, люди гордятся своими особенными односельчанами, причисляя их к рангу «знающих» лиц.

В с. Константиново Рыбновского р-на сложилась даже поговорка на этот счет: «Константиновские мужики слыли в округе людьми бывалыми, знающими, себе на уме, коих на мякине не проведешь. “В Константинове что ни двор, то вор, а как два двора, так два колдуна”, – говорили по соседству. “Вор” разумели в старом, расширительном толковании слова – хитрец, пройдоха»⁴¹.

Огненно-яркий цвет волос некоторых людей породил целый ряд народных трактовок слова «рыжий», известных на Рязанской земле: 1) необычный, особенный; 2) обязанный рабски выполнять чье-то повеление; 3) клоун (вспомним пример П. Г. Богатырева с кличем «балаганных дедов» о «рыжем» – см. начало главы 61 «Прозвища: народная терминология, типология, история возникновения и наследования» наст. изд.).

Первый смысл заложен в поговорке: «Рыжие да красные – самые люди опасные»⁴² (Рязанский, Михайловский и Зарайский уезды). Также сложилось стихотворное присловье, крутящееся вокруг рыжеволосых людей: «Рыжий красного спросил: чем ты бороду красил? А оба в одной тюрьме <так!> лежали, кверху бороду держали»⁴³ (Рязанский, Михайловский и Зарайский уезды).

Второй смысл представлен в риторическом вопросе, часто повторяемом потомком выходцев из с. Бахметьево и с. Озёрки Сараевского р-на, родившимся в Москве: «Что я, рыжий, что ли?» – в случаях, когда ему не хотелось исполнять какую-то бестактную просьбу, которую он считал неудачной, неподходящей для него⁴⁴.

Существовали коллективные прозвища, созданные по какому-либо общему поводу и передаваемые из поколения в поколение, пока породившие кличку обстоятельства оставались действенными.

Имелись прозвища (или, скорее, прозвания), высвечивающие образ жизни, общественный статус, профессию человека, а поскольку такие критерии называния действительны для представителей разных социальных страт, то эти прозвища или, скорее, прозвания могли быть приложимы ко многим людям, считаться коллективными. Например, «Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина (1983) содержит метонимическое определение: «Лоску́т – бедняк, нищий»⁴⁵. В д. Акулово Клепиковского р-на говорили: «Никада́ хырашо́ не жыли, и тады с’о лыску́тами были, то́льки сица́с манёнька пыапра́вились!»⁴⁶.

По той же смысловой модели, в основе которой лежит метонимия, образовано еще одно народное прозвание любого человека, ведущего асоциальный образ жизни: «Ла́ча (ла́ца) – прозвище (живущая подаянием, нищенка)»⁴⁷. В д. Андрейково Клепиковского р-на говорили: «Анку Ла́цу ай ни по́вняш? Ана́ у Мы́трывах жыла́, куску́ им насíла»⁴⁸. В «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» нет пояснения, какое слово-первообраз породило такое прозвище, но можно предполагать два возможных «протозначения». Во-первых, «ла́ча» – «плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи» (Восточная часть Марийской АССР)⁴⁹. Во-вторых, но менее вероятно: прозвище восходит к семантике лакания: в детской прибаутке на Русском Севере есть персонаж (очевидно, кошка) – «Беспорточная лача», которая «лачет», то есть лакает молоко⁵⁰. Вообще в «Словаре русских народных говоров» отмечено множество значений слов «лача / лач» и их производных – с самыми разными значениями, распространенными на различных, часто отдаленных территориях России.

Более сложный путь от исходного понятия через переосмысленное значение к индизнальному прозванию-прозвищу прошло слово «монашка», для которого в «Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина перечислены три смысла – прямой, переносный, прозвищный: 1) «монахиня»; 2) «неопрятно одетая женщина»; 3) «прозвище (живущая подаянием, милостыней)»⁵¹. В д. Андронове Клепиковского р-на употребляли слово «монашка», в котором переплелись значения женщины-неряхи и попрошайки: «Ну, в лахмо́тьи выридилась, как манашка пашла́. У тя надéть, што ль, нёцы-ва?»⁵².

Известно, что дед поэта Сергея Есенина – Н. О. Есенин – получил прозвище Монах: по одной из народных версий, он поздно (в 28 лет) женился, даже пойти в монахи собирался. Это была обычная судьба, поскольку в народе бытовало мнение (вероятно, подкрепленное обычаем – хотя бы в средневековой истории), что неженатых мужчин и незамужних девушек надо отдавать в монастырь, или они становятся монахами в миру. Прозвище деда С. А. Есенина и его дериваты перешли на жену и детей, а потом и на внуков: сына А. Н. Есенина и его жену Т. Ф. Есенину стали звать Монашкой, а всю семью – Монашкины.

Вот как об этом написала в книге воспоминаний «Родное и близкое» А. А. Есенина, сестра поэта Сергея Есенина:

«Дедушка наш, Никита Осипович Есенин, был человеком набожным и в молодости готовился уйти в монастырь, за что и получил прозвище “Монах”. Это прозвище перешло на все его потомство да так и осталось за нашей семьей. До самой смерти Сергея нас почти не называли по фамилии, мы все были Монашкины. Да и теперь, когда в нашем селе стало много Есениных, объясняя, из каких мы Есениных, говорят: “Это тетки Тани Монашкиной”»⁵³.

А. Д. Панфилов, записавший фольклор и мемораты в с. Константиново Рыбновского р-на, в книге «Константиновский меридиан» (1992) дал две версии происхождения прозвища Монах. Первая версия повторяет версию А. А. Есениной:

«Никита Осипович слыл человеком обстоятельным, спокойным и уравновешенным. А поскольку к тому же был грамотным, умел толково разные бумаги да прошения властям писать – качество в то время крайне редкое, – он в течение нескольких лет был сельским старостой. Правда, в молодости и он блажью отмаялся. Вздумалось ему уйти в монастырь в монахи и, хоть свое намерение он вскоре забыл и в 27 лет женился на шестнадцатилетней, его все же прозвали в селе “монахом”, а Аграфену или Грушу, жену его, “монашкой”»⁵⁴.

Вторая версия А. Д. Панфилова насчет происхождения прозвища Монах в роду Есениных такова:

«Существует и другое, широко распространенное в Константинове толкование прозвища Есениных. По убеждению и Василия Степановича Ефремова, и Варвары Степановны Гришиной, и Николая Петровича Калинин, и Николая Ивановича Титова, “монахами” Есениных стали называть из-за того, что Аграфена Панкратьевна из года в год пускала на постой монахов монастыря Иоанна Богослова в Пощипове <д.б.: Пощупове>, что невдалеке от Константинова. Собирая подаяния на монастырские нужды, ходили они с иконой по окрестным селам и деревням. Аграфена Панкратьевна отводила им место в нижнем помещении. За неимением там окон, монахи открывали на улицу двери. Попивали за столом чашек из самовара с сахаром вприкуску и рассуждали, сколь раньше, когда не так была переселена деревня, жилось легче, сколь щедрее были пожертвования...»⁵⁵.

А. Д. Панфилов указывает на жизнеспособность прозвищ и их наследуемость: «Прозвище, показавшееся в Константинове удачным, идет и к жене, и к детям, и к внукам. Так, по словам Екатерины Александровны Есениной, “монахами” и “монашками” стали все следующие Есенины. “Сергея Монах” – звали в детстве Есенина»⁵⁶.

В повести «Яр» (1915) Есенина косвенным образом отражено прозвище Монах, которым обычно крестьяне нарекали одиноких и серьезных мужчин: «Из веселого и беспечного он обернулся в задумчивого монаха» (Есенин V, 33); однако это единичный пример метафорической характеристики, поскольку мельник Афонюшка, 19 лет, все-таки не приобрел такую кличку.

На «малой родине» Сергея Есенина, в с. Константиново Рыбновского р-на, обозначение «монах» обладало отрицательно-оценочной коннотацией в устах крестьян (безотносительно к прозвищу Монах), поскольку они были далеки от монастырской жизни и неадекватно воспринимали обитателей монастырей. «Ну его к монаху!»⁵⁷ – неодобрительно высказывались жители села в 2000 г. по какому-либо неприятному поводу или ругали так какого-то человека за его проступок.

Образ монаха представлен в «маленькой поэме» Есенина «Русь бесприютная» (1924), в которой показано, как после Октябрьской революции 1917 г. разразилась Гражданская война, в которой монашеская братия, естественно, выступила противником красновардейцев, хотя в более позднее мирное время вынуждена была приспособиться (хотя и не в полной мере) к новым условиям Советской России:

Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят, забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,

Всякий наш монах»
(Есенин П, 99).

Еще один тип семейного прозвища в с. Константиново Рязанского у. связан со священником отцом Иоанном (И. Я. Смирновым, 1846-1929) и его семьей (дочерью Капитолиной и племянником Клавдием Воронцовым). Н. В. Есенина (Наседкина), племянница Сергея Есенина, в книге «В семье родной» вспомнила характерный диалог:

«Семью Смирнова все в селе звали Поповыми.
– Бабушка, где мама? – спрашивала я.
– Ушла к Поповым, – отвечала бабушка.
– А кто к нам сейчас заходил?
– Да это от Поповых мужик узнавал, не нужно ли воды привезти»⁵⁸.

Другой пример коллективного прозвища (прозвания) привел П. И. Проскуряков, вспоминая о привычке Есенина в Спас-Клепиковской Второклассной учительской школе сочинять стихи и дарить их на карточках девочкам, вызывая их восторг:

«А они прочитают и начнут ахать и охать, говорят меж собой: “*Кашник*, а как здорово пишет”.
Его называли “*кашником*”, т.к. питался он в столовой, да других ребят также звали»⁵⁹.

В куршацких селениях, расположенных по соседству от с. Клепики (ныне г. Спас-Клепики), также бытовали слова «ка́шник, ка́шничек», означавшие ‘вид мелкой глиняной посуды’ (с. Малахово, д. Андроновое Клепиковского р-на)⁶⁰.

Вспомним также общеизвестный историзм «однокашник», современным синонимом к которому выступают «одноклассник», «однокурсник». В случае с Есениным понятно, что не он один носил прозвище «кашник», а все учащиеся, принятые «на казенный кошт».

Для констатации правомочности бытования прозвищ в селении имелось присловье (поговорка к случаю), в котором упоминались не конкретные клички, но обобщенный принцип бытового нареkania придуманным ситуативным именем: «Живут *Тюк-Матюк* и *Колупай* с братом»⁶¹ (с. Озёрки Сараевского р-на). В телевизионном документальном фильме «Бабушка» (2012) одна из героинь, говоря о себе, употребляет аналогичное иносказательное имя: *Тюха-Матюха*.

По тому же принципу образовано «пищевое» имя: *Расхлебай Похлёбкин*, которым по ситуации нарекают всякого человека, кто демонстрирует неправильное поведение за столом и – шире – вообще ведет себя «шалаяй-валяй»⁶² (с. Озёрки Сараевского р-на).

Если какому-либо человеку наливали чашку чая, потом предлагали в качестве добавки еще долить половину, а не целую чашечку, он мог обидчиво сказать: «*Я не Половинкин сын*»⁶³ (с. Озёрки Сараевского р-на). Родители или другие старшие люди наставляли девочек, чтобы они умели за себя постоять и потребовать полную порцию напитка или пищи: «*Ты не Половинкина дочь*»⁶⁴ (с. Кузьминское Рыбновского р-на). Таким образом на основе прозвища была сконструирована поговорка. Тем не менее фамилия Половинкины все-таки встречается на Рязанщине (г. Скопин), но ее происхождение может быть иным (напр., происходящим от выражения любви мужа к жене – «Ты моя половинка», или другого генезиса).

Портновское ремесло отразилось в прозвище, применимом к любому незнакомому человеку: «Кто он? – *Прише́й-пристеба́й*»⁶⁵ (с. Озёрки Сараевского р-на). В д. Деулино Рязанского р-на тоже звучало такое абстрактное прозвище, которым именовали ненадежного, посредственного человека: «Ды он н’а муш, а так... *пр’ише́й-пр’ис’т’ба́й*»; «Радн’а? – Какáйа радн’а! *Пр’ише́й-пр’ис’т’ба́й*» (ССРНГ, 459-460) и др.

Еще одно обобщенное прозвище записано в д. Деулино Рязанского р-на: «Кроф' он што л'? Он д'ит'ам – кроф', а мн'е он – *Ч'орт Ив'аныч* [о муже]» («кровь» – так говорили о кровных родственниках) (ССРНГ, 253).

Прозвища такого типа, обобщающие степень родства и возводящие ее до абстракции, причем негативной, основанные на народной портновской терминологии или наименованиях нечистой силы, также стали употребляться в составе поговорок.

Такие прозвища можно расценивать как метафорически-абстрактные, носящие ситуативный характер и не пристающие к человеку навсегда. Эти и подобные прозвания применимы к любому человеку, попавшему в какую-то неприятную ситуацию, и употребляются единожды или иногда, время от времени. Однако они построены по составным словесным моделям, представляющим имя-отчество, имя-фамилию, и копируют сложные словоформы официальных документов.

Тем не менее крестьяне, даже без их обращения к документам государственного образца (типа паспорта, выписи о рождении и т.п.), активно пользовались в своей среде, не выезжая за пределы селения, «родовыми фамилиями». Автор рукописи «История моего сельского населенного пункта» про с. Октябрьское (б. Дурное) Пронского р-на (очевидно, школьница) рассуждает о возникновении и историческом наследовании родовых прозвищ: «Крестьяне села Дурного жили большими семьями. Для каждой семьи было свойственно то, что в каждой из них был глава. По имени главы семьи шло уличное прозвище всех родственников. Если отца, главу семьи, звали Потап – значит, все в роду были Потапкины, хотя настоящая фамилия Вздыхалкины»⁶⁶. Эта же мысль о передаче прозвищ по наследству повторена чуть далее в рукописи: «Многие фамилии-прозвища оставались у жителей села Дурного от имени прапрапра...деда»⁶⁷.

Вероятно, в содержательном плане первична статья «Зачем серчали дурновские рубели» Т. Фирскиной – библиотекаря с. Октябрьское Пронского р-на, опубликованная в районной газете. В этой статье приведены сведения еще о двух родовых прозвищах: «Или Анистрат: Анистратовы, а по документам Серёгины. Бывало, заезжие спрашивали людей по настоящей фамилии, а соседи удивленно отвечали: “У нас таких нет. Здесь живут Ахремовы, а вы спрашиваете Левушкиных”»⁶⁸.

Интересен дальнейший вывод автора рукописи «История моего сельского населенного пункта» про с. Октябрьское (б. Дурное) Пронского р-на, который является, тем не менее, спорным: «Уличные фамилии-прозвища, говор, дразнилки воссоздают картины далекой жизни отдельных людей и целых поколений. Стоит понять из этого, что уважение к старшему поколению было очень велико»⁶⁹. При всей спорности тезиса о возможности реконструкции исторического прошлого лишь исходя из ограниченного потенциала диалектизмов и малых фольклорных жанров, пафос его очевиден. Родовое прозвище, которое передавалось через все или хотя бы многие поколения от старшего к младшему, не утрачиваясь на протяжении нескольких веков, может быть предметом искренней гордости за свой род. Но все-таки на первый план выступает номинативная роль родового прозвища (как и любого другого) – с простой целью назвать человека или всю его семью и большой род, выделить его из ряда подобных, без оценочной характеристики.

Автор рукописи с гордостью приводит результаты краеведческой поисковой работы, в результате которой удалось систематизировать четыре десятка прозвищ: «В нашем селе было восстановлено 40 уличных фамилий <...>»⁷⁰. Библиотекарь Т. Фирскина нашла более полусотни прозвищ-фамилий. Приведем соответствующие пары – «уличное прозвище / настоящая фамилия», расположенные школьницей по алфавиту (согласно разысканиям библиотекаря Т. Фирскиной) с уточненным нами написанием (ведь прозвища носят устный характер, подчиняются диалектному аканью и одновременно литературной орфографии с учетом морфемного членения словоформ): Аброськины – Лобовы; Авдошкины – Цунаевы; Алёшины (Аленины?) – Заволокины; Анистратовы – Серёгины; Ахремовы – Лёвушкины; Бачовы – Колпиковы; Блинчихины – Зорины; Буржаковы – Цунаевы (ср. ниже: Черепковы –

Цунаевы); Черепковы – Цунаевы; Гарасины – Юрковы; Гусихины – Мирошкины; Евсины – Аксёновы; Ёгровы (Егоровы?) – Щепелевы; Захаровы – Вздыхалкины (ср. ниже: Потапкины – Вздыхалкины); Кановы – Сафошкины (ср. ниже: Петрунины, Савкины и Сипицыны – все они Сафошкины); Канителькины – Авдонины; Лёвины – Борисовы; Назаровы – Юрковы; Павлухины – Зорины; Парамоновы – Новиковы (ср. ниже: Пшелохины – Новиковы); Петрунины – Сафошкины; Потапкины – Вздыхалкины; Пшелохины – Новиковы; Ратницыны – Корольковы; Рыбихины – Колесовы (ср. ниже: Трушкины – Колесовы); Савкины – Сафошкины; Сипицыны – Сафошкины; Трушкины – Колесовы; Тягунишкины – Корольковы; Укранкины – Евсенины; Ульяновы – Самохины; Филькины – Лихоткины; Хавронины – Фимушкины; Черепковы – Цунаевы; Шукаевы – Кудряшовы⁷¹. Тщательный подсчет приведенных пар выявил их общее количество – 34, а с учетом повторяемости некоторых – еще меньше. Следовательно, имеются еще какие-то прозвища (не менее шести), которые по некоей уважительной причине автор рукописи не счел нужным обнародовать или просто-напросто забыл. В другой рукописи, хранящейся в краеведческом музее им. Н. М. Цунаева, цифра уточнена: 39⁷².

Т. Фирскина называет еще родовые прозвища и соответствующие фамилии: Павлухины – Зорины, Храмушкины – Ротановы. В безымянной рукописи (очевидно, той же Т. Фирскиной) указана еще пара: Бедняковы – Куклановы.

Т. Фирскина приводит сведения о происхождении Н. М. Цунаева (основателя краеведческого музея, школьного учителя и гармониста) из деревенской (народной) фамилии Авдошкиных, о герое «Цусимы» А. С. Новикова-Прибоя С. С. Цунаеве – из рода Черепковых. В другой газетной статье – «Как Цунаевы кирпич производили» – Т. Фирскина разъясняет, как и когда появилось родовое прозвище:

«В 1925 году Степан Сидорович Цунаев договорился со своим соседом Николаем Павловичем Цунаевым, что его семья тоже будет работать на заводе, а оплата за это пойдет кирпичом. Обе семьи построили себе кирпичные дома, крыли их черепицей. На заводе производили тогда и черепяные изделия, за что в народе семье С. С. Цунаева присвоили другую – уличную фамилию – *Черепковы*»⁷³.

С. С. Цунаев изучил кирпичное дело, прежде чем предпринял создание заводика. Далее за предприимчивость последовали его раскулачивание и ликвидация кирпичного завода.

В краеведческом музее им. Н. М. Цунаева бережно хранится информация о жителях села и их родовых фамилиях. Приведем еще один пример – из музейной рукописи:

«Фамилия Авдониных – это главная их фамилия, но в селе привыкли их называть *Канителкины*, а Авдонины – почти никогда не звучало. Почему *Канителкины*? Это прозвище появилось и закрепилось очень давно. В семье Авдониных была прапрапрабабушка, которую звали *Канитель*. А Канителью ее называли потому, что она была мастерицей на все руки. То, что она делала, – это исключительно. “Когда на улице был сильный мороз, окна в доме замерзали. Да такими узорами мороз украшал окно, что не каждый художник мог их нарисовать”, – вспоминает рассказ своих родителей племянница Михаила Даниловича – Судьбина Екатерина Васильевна. “И прапрапрабабушка не могла проспять самый красивый узор на окне, чтобы его ни снять на холст. За это и прозвали ее Канитель, отсюда и фамилия Авдонины – *Канителкины*»⁷⁴.

Добавим: канителью называется металлическая нить для вышивания, и можно предположить, что талантливую женщину так называли потому, что она владела такой сложной техникой вышивки (об этом свидетельствует ее интерес к сниманию морозных узоров с оконных стекол). Канитель – еще и дорогостоящая металлическая нить, поэтому она не встречалась у простых рязанских крестьян, но была возможной у однодворцев (а ведь служивые казаки являлись первопоселенцами села!).

Показательно наличие сразу нескольких прозвищ у рода Авдониных:

«Авдониных называли еще “чаевыми лодырями”, но они не обижались. Чай они любили и гостей всегда чаем встречали. Самовар у Авдониных появился в селе у первых.

Семья Авдониных была трудолюбивой, правдивой: они говорили только правду и жили только правдой-матушкой. Поэтому за ними было еще одно прозвище – *Законники*, но они гордились им и всегда защищали бедных»⁷⁵.

Симптоматично, что автор музейной рукописи употребляет такой народный термин, как «главная фамилия», то есть официальная. Значит, автор мыслит категориями «фамилия» и «кличка». Следовательно, фамильное прозвище расценивается в народе наравне с настоящей фамилией, хотя и считается рангом чуть-чуть ниже.

От названия важного ритуала – объявления призыва в армию или проводов новобранцев на военную службу, а торжественный день этот именовался в народе «Гóжая», или, возможно, от обоснования особенностей состояния здоровья или семейного статуса, произошло не только личное прозвище, но некое подобие родовой фамилии, распространившейся на всю семью. Так, в г. Сапожок Рязанской обл. живут *Гóдины*: «“Мама, я не годен”, – сын небольшой»⁷⁶.

Известно прозвище, также данное из-за отступления от народного обычая: «*Кúпленный* – дразнили мужчину за то, что, когда женился, ушёл жить к теще с тестем»⁷⁷ (с. Октябрьское Пронского р-на). Здесь идет намек на переворачивание свадебного обычая: это жених обязан был *выкупать* невесту, ее косу и приданое, а не наоборот, чтобы невеста и ее родители «покупали» жениха. И далее, по традиционным народным правилам, жених должен приводить невесту к своим родителям и потом строить собственный дом; если же невестины родители забирали жениха к себе в дом, он считался «примаком», жил «в зятях» и, в данном случае, был «купленным». Прозвище с таким смыслом – *Кúпленный* – применимо только ко взрослому мужчине; ребенок тоже мог бы именоваться этим словом, но не с таким с семантическим наполнением, с иным толкованием и, главное, совершенно с другой историей появления клички.

Житель с. Островок Сараевского р-на сообщил о том, что его роль в военной игре породила прозвище, перешедшее на все младшие поколения его семьи: «Мне приходилось часто играть немца. Причём называли меня Гансом. Так меня и по сей час в Островке Гансом зовут, а детей и внуков – Гансятами»⁷⁸. Из историко-культурного контекста (еще и подчеркнутого в «хронологическом» названии статьи – «Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл» Г. А. Кармацкой, Е. Ермихиной) понятно, что прозвище возникло в Великую Отечественную войну или вскоре после нее, когда были актуальны метонимические наименования немцев-врагов по их наиболее частотным именам Фриц, Ганс.

В. С. Юханов, родившийся в 1944 г. в с. Троица Спасского р-на, вспоминал о своем деде, который курил трубку и получил соответствующее прозвище, приросшее к его детям и внукам, хотя дедушка пользовался большим уважением среди односельчан, доверявшим ему снабжение их продуктами:

«Среди сельчан деда быстро прозвали Трубкиным <курил трубку>, а обо всех нас, его детях и внуках, говорили: “Это Витька Трубкин, а вона мать ево Кланька Трубкина из Рязани”. Бывший старший официант, служивший ещё до революционных событий в России, по трудно объяснимым, никому не ведомым причинам, так и не смог отыскать для себя и бабки все необходимые справки для оформления пенсии по старости. Чтобы выжить, дед дважды в неделю ездил в Рязань за хлебом, мукой, солью, содой, сахаром, дрожжами, махоркой, спичками и другими продуктами, которые заказывали ему сельчане»⁷⁹.

Помимо типовой схемы кличкообразования, когда случайное прозвище оказывается удачным и становится родовым, бывают противоположные случаи, когда фамилия порождает кличку и далее в таком виде она тоже наследуется. Например, в с. Октябрьское Пронского р-на проживают «Ершок, Химок, Дремок – от фамилий»⁸⁰. Автор не уточняет фамилии (безусловно, известные его односельчанам), но можно предположить (исходя из известного списка и типовых фамилий), что это Ершовы, Фимушкины (с диалектным звуком [х] на месте буквы «ф») и Дрёмовы.

Близким к принципу появления клички от фамилий является случай прозывания человека – сокращением от его имени-отчества – инициалами: «Мужчину зовут Константин Петрович, а его все кличут сокращенно – КП»⁸¹. Здесь вероятен письменный или письменно-устный источник возникновения уже личного прозвища – довольно редкий; возможно, что при оформлении какого-то документа Константин Петрович воспринял буквально просьбу местного сотрудника сказать свою фамилию и инициалы и назвал начальные буквы имени-отчества. Возможно, он еще с удивлением много раз рассказывал об этом случае, за что и получил прозвище-аббревиатуру от насмешливых односельчан.

В с. Новопанское Михайловского р-на в 2002 г. сообщили о семейном прозвании, образовавшемся по присущим всему роду телесной особенности и выделяющейся поведенческой черте: «Віленки – прозвище: кадыки, так как очень горластые»⁸².

Наши наблюдения и приведенные предшествующими учеными-полевыми примеры свидетельствуют о том, что подросший ребенок мог получить личное прозвище, а еще в крестьянском словесном обиходе существовали семейные (родовые) и коллективные прозвища, которыми наделялись все жители соседних селений.

Указанные примеры образования кличек от фамилий и имен-отчеств показывают закономерность народного словообразования: тяготение к краткости (хотя изредка бывают и противоположные случаи). Прозвища реализуют принцип сокращения длинных слов, кажущихся носителям диалекта избыточно объемными. К личным именам-прозвищам прирастают суффиксы со значением 'родовой принадлежности', позволяющие наследовать прозвище, передавать его представителям младшего поколения семьи.

¹ Рябоконь Е. Таланты «березового края» // Русская словесность. М., 2014. № 1. С. 73.

² Малинина М.Д. Очерки Рязанской Мещеры // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1925. № 3 (7). С. 19.

³ Малинина М.Д. Очерки Рязанской Мещеры. С. 19.

⁴ Прения по докладу: П. П. Стаханов. Сапожковское городище писцовых книг 1628 г. с историко-этнографической точки зрения // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 16.

⁵ Лебедева Н.И. Рец. на кн.: Сысоева Н.И. Касимовское узорное ткачество XIX – начала XX века /Лебедева Н.И. Научные труды: В 2 т. /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. Т. 2. С. 132.

⁶ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) /Под ред. И. А. Оссовета. М.: Наука, 1969. С. 584.

⁷ Институт антропологии и этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Научный архив. Фонд ОЛЕАЭ. К. 14. Ед. хр. 343. Л. 26 об. – Востоков И. Пословицы и поговорки, собранные в Рязанском, Михайловском и Зарайском уездах Рязанской губернии, существующие во всяких классах народонаселения. 1890, ноябрь.

⁸ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ед. хр. III/508. Кн. I. Ед. хр. 25. Пункт 21 – Камышов С.С. Краеведческие сведения о с. Лихунине Касимовского уезда. Запись 1923 г.

⁹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 5.

¹⁰ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 201.

¹¹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 201.

¹² Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 202.

- ¹³ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 202.
- ¹⁴ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 202.
- ¹⁵ Малинина М.Д. Очерки Рязанской Мещеры. С. 17.
- ¹⁶ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 103. Сн. 16 – со сноской на работу: Будде Е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава. 1892. С. 4.
- ¹⁷ Записи автора. Тетр. 23. С. 32 – д. Алтухово Клепиковского р-на, 26.06.2002.
- ¹⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 15.
- ¹⁹ Записи автора. Тетр. 28. С. 89-90 – Шубина Полина Алексеевна, пенсионерка, с. Бычки Сараевского р-на. Запись С. А. Иниковой летом 2006 г.
- ²⁰ Записи автора. Тетр. 28. С. 82 – Шубина П.А., с. Бычки Сараевского р-на, зап. С. А. Иникова летом 2006 г.
- ²¹ Записи автора. Тетр. 28. С. 90 – Шубина П.А., с. Бычки Сараевского р-на, зап. С. А. Иникова летом 2006 г.
- ²² Записи автора. Тетр. 1. № 506 – Маслобойникова (урожд. Астахова) Анна Николаевна, 1927 г. р., родом из с. Озёрки, жила в г. Рязань, конец мая 1991 г.
- ²³ Записи автора. Тетр. 1. № 506 – Маслобойникова (урожд. Астахова) А.Н., 1927 г. р., родом из с. Озёрки, жила в г. Рязань, конец мая 1991 г.
- ²⁴ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 4-5. (Малотиражное ротопринтное издание).
- ²⁵ См.: История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 3-4.
- ²⁶ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 32.
- ²⁷ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 219.
- ²⁸ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 219.
- ²⁹ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ /Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов. Рязань: Первопечатник, 2016. Т. 45. С. 104. (Курсив наш. – Е.С.).
- ³⁰ Записи автора. Тетр. 19-В. С. 23 – д. Ершово Старожиловского р-на, 20.08.1994.
- ³¹ Записи автора. Тетр. 19-В. С. 20 – д. Ершово Старожиловского р-на, 20.08.1994.
- ³² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 49.
- ³³ Записи автора. Тетр. 42. С. 35 – Шабалова Екатерина Ивановна, 1922 г. р., д. Пупкино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 20.07.2013.
- ³⁴ Записи автора. Тетр. 42. С. 44 – Антонова Александра Сергеевна, 1926 г. р., с. Плахино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 21.07.2013.
- ³⁵ Записи автора. Тетр. 42. С. 36 – Шабалова Е.И., 1922 г. р., д. Пупкино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 20.07.2013.
- ³⁶ Записи автора. Краткая историческая справка (копия рукописи), полученная в администрации с. Береговое Путятинского р-на в 2012 г.
- ³⁷ Байбурин А.В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2004. Вып. 32. С. 32.
- ³⁸ Записи автора. Тетр. 42. С. 36 – Шабалова Е.И., 1922 г. р., д. Пупкино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 20.07.2013.
- ³⁹ Записи автора. Тетр. 42. С. 46 – Антонова А.С., 1926 г. р., с. Плахино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 22.07.2013.
- ⁴⁰ Записи автора. Тетр. 42. С. 22 – Елена, ок. 30 лет, дочь Синюшиной Любови Ивановны, с. Плахино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 17.07.2013.
- ⁴¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 101.
- ⁴² ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. К. 14. Ед. хр. 343. Л. 22 – Востоков И.Е. Пословицы и поговорки, собранные в Рязанском, Михайловском и Зарайском уездах Рязанской губернии, существующие во всяких классах народонаселения. 1890, ноябрь.

⁴³ ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. К. 14. Ед. хр. 343. Л. 22 – Востоков И.Е. Пословицы и поговорки, собранные в Рязанском, Михайловском и Зарайском уездах Рязанской губернии, существующие во всяких классах народонаселения. 1890, ноябрь.

⁴⁴ Записи автора. Ежегодник 2013-2016 гг., под 4 сентября – Самоделов Александр Афанасьевич (1931-2003), сын уроженцев с. Бахметьево и с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, в 1990-х – начале 2000-х гг.

⁴⁵ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 215.

⁴⁶ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 215.

⁴⁷ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 204.

⁴⁸ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 204.

⁴⁹ Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 157.

⁵⁰ Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 297-298.

⁵¹ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 231.

⁵² Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 231.

⁵³ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 21.

⁵⁴ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 48.

⁵⁵ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 48-49.

⁵⁶ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 48.

⁵⁷ Записи автора. Тетр. 23. С. 9 – Есина Мария Яковлевна (1927-2004), с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.

⁵⁸ Есенина Н.В. В семье родной. Новые материалы о Сергее Есенине. М., 2001. С. 87.

⁵⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 129 – со сноской: Проскуряков П.И. Рукопись. ГМЗЕ.

⁶⁰ См.: Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 166.

⁶¹ Записи автора. Тетр. 7. № 331 – Кобзева Мария Васильевна (1927-2018), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 07.01.2000.

⁶² Записи автора. Тетр. 1. № 540 – Трушечкин Михаил Федосеевич (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

⁶³ Записи автора от Самоделова Александра Афанасьевича (1931-2003), его родители – выходцы из с. Озёрки и с. Бахметьево Сараевского р-на, родился и жил в Москве, повторял выражение неоднократно.

⁶⁴ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 16 – Фадеева Раиса Николаевна, 1934 г. р., сотрудница Рязанского областного научно-методического центра народного творчества, живет в г. Рязань, имеет часть домика в с. Кузьминское Рыбновского р-на, 24.07.2005.

⁶⁵ Записи автора. Тетр. 16. № 392 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., со слов мамы Трушечкиной Матрёны Ивановны (1907-1982), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, зап. в Москве в 2005 г.

⁶⁶ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 10-11.

⁶⁷ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 12.

⁶⁸ Записи автора. Файл img_0242.jpg – вырезка статьи из районной газеты г. Пронск – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁶⁹ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 12.

⁷⁰ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 11.

⁷¹ См.: История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е годы (до 2012 г.). С. 11-12.

⁷² Записи автора. Файл img_0269.jpg – рукопись, л. 10 – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁷³ Записи автора. Файл img_0243.jpg – вырезка статьи из районной газеты г. Пронск – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁷⁴ Записи автора. Файл img_0244.jpg – вырезка статьи из районной газеты г. Пронск – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁷⁵ Записи автора. Файл img_0244.jpg – вырезка статьи из районной газеты г. Пронск – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁷⁶ Записи автора. Тетр. 37-Б. С. 11 – г. Сапожок Рязанской обл., 22.07.2009.

⁷⁷ Записи автора. Файл img_0273.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 14) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁷⁸ Кармацкая Г.А., Ермихина Е. Игрушка и игра детей сороковых-пятидесятих годов двадцатого века, в контексте традиционного народного уклада жизни сараевских сёл. С. 103.

⁷⁹ Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. Рязань: Контраст, 2013. С. 12.

⁸⁰ Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁸¹ Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁸² Записи автора. Тетр. 23. С. 38 – с. Новопанское Михайловского р-на, 28.06.2002.

Глава 63.

Индивидуальные прозвища: их морфология, происхождение
и внедренность в фольклорные жанры

Заметим, что помимо «фамильных прозвищ» (или вместе с ними) энтузиасты-краеведы в с. Октябрьское Пронского р-на учли еще полторы сотни индивидуальных прозвищ: «Всего по селу было собрано более 150 кличек»¹. Такое многообразие прозвищ в одном селе свидетельствует об их важности для крестьян, об их существенной роли в народном мировоззрении, о стремлении жителей селения к индивидуальности, к выделению личности из общины на психологическом уровне и т.п.

В ряде случаев прозвища даются осознанно, с желанием отомстить обидчику, наказать его за неправомерное поведение, хотя более характерно появление кличек в связи с какой-то непроизвольной забавной ситуацией, в которой оказался ребенок.

Приведем пример осознанного придумывания прозвища ради унижения ребенка (подростка) его соперником – таким же мальчишкой. Так, В. В. Знышев, соученик Сергея Есенина по Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909-1912 гг., оставил рукописные мемуары, отразив в них историю наделения будущего поэта прозвищем *Пастушок*:

«Сережа Есенин <...> был излишне самолюбив, а последнее его <качество> приводило иногда к ругани с товарищами. За ругань и проказы его в школе прозвали “Пастушком”. Так осенью в 1911 году в один из праздничных дней Есенин опоздал на ужин, сильно проголодался и поспорил с товарищами, что он в состоянии съесть пять булок. Когда ему принесли булки, он смог съесть лишь полторы булки. Чтобы утрясти пищу и больше съесть, Есенин бегал вокруг школы полтора часа и съел еще полбулки. После чего товарищи только посмеялись над ним, не взяв с него проспоренных денег»².

По свидетельству В. В. Знышева, прозвище входило в состав персональной дразнилки и употреблялось в ситуациях высмеивания, с намеком на страсть Есенина к стихотворству: «А во время ругани школьники обращались к нему с такой иронией:

А ну, Сережка пастушок,
Напиши-ка нам стишок»³.

Заметим, что образ пастуха, возможно, еще и в связи с воспоминаниями о собственном юношеском прозвище Пастушком или Сережкой-пастушком, стал важным концептом поэтической теории и практики Сергея Есенина, когда он избрал литературную стезю. В статье-трактате «Ключи Марии» (1918) Есенин указывал (с ошибкой в этимологии «пастух»):

«В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских дум. Само слово *пас-тух* (=пас-дух, ибо в русском языке часто *д* переходит в *т*, так же как *е* в *о*, *есень* – *осень*, и *а* в *я*, *яблонь* – *яблонь*) говорит о каком-то мистическом помазанном значении над ним. “Я не царь и не царский сын, – я пастух, а говорить меня научили звезды”, – пишет пророк Амос» (Есенин V, 189).

В целом ряде произведений Сергей Есенин живописует образ пастуха и даже выводит его в начальной (заглавной) строчке стихотворений: «Я пастух, мои палаты...» (1914); «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (1925). Образ пастуха (пастушки) и его атрибуты Есенин представил в ряде поэтических сочинений: «И кричали пастушки насмешливо: // “Девки, в пляску. Идут скоморохи”» («Калики», 1910 – Есенин I, 37); «И пляшет сумрак в галочьей тревоге, // Согнув луну в пастушеский рожок» («Голубень», <1916> – Есенин I, 80); «Пастух играет песню на рожке» («Табун», 1915 – Есенин I, 92); «И вызвездило небо // Пастушеский рожок» («О Русь, взмахни крылами...», 1917 – Есенин I, 109); «Там стада стерег пастух» («Где ты, где ты, отчий дом...» – Есенин I, 117); «Сегодня ночью звездной // Здесь слезы лил пастух» («Зеленая прическа...», 1918 – Есенин I, 123); «Блажен, кто радостью отметил // Твою пастушескую грусть» («О, верю, верю, счастье есть...», 1917 – Есенин I, 128). Список употребления слова «пастух» и его дериватов можно продолжить, но приведенная подборка и так репрезентативна.

Сергей Есенин, окончивший Второклассную Спас-Клепиковскую учительскую школы, в которой было сильно преподавание богословских предметов, осознавал возникновение церковнославянизма (старославянизма) «пастырь» на основе слова «пастух». Поэт широко использовал эту лексему в своем творчестве – особенно в «маленьких поэмах» революционного периода: «Уже славят пастыри // Его утро» («Певущий зов», 1917 – Есенин II, 27). Пастушеское занятие Есенин приписал пророку Исаяе и апостолу Андрею: «И пас со мной Исая // Моих золотых коров» («О пашни, пашни, пашни...», 1917 – Есенин I, 121) и «С дудкой пастушеской в ивах // Бродит апостол Андрей» («Иорданская голубица», 1918 – Есенин II, 59). Таким способом Есенин показал родство обычного пастуха с библейским пастырем.

Показательно, что концепт «пастух / пастырь» Есенин использует на протяжении всего своего творчества, в течение 15 лет, что подчеркивает большую важность этого образа для поэта.

Дядя Сергея Есенина тоже имел прозвище, полученное из-за употребления диговинного слова-паразита:

«Петр был средним братом. <...> Была у него присказка “Рокалия”. Чуть что выругается:

– У, рокалия!

Конечно, его “рокалией” и прозвали. Но больше говорили просто – Рокаля»⁴.

Друзья Сергея Есенина также носили прозвища, и про них в с. Константиново Рыбновского р-на существуют мемораты, объясняющие, по какой причине было получено соответствующее прозвание: «Товарищами Сергея в доме деда были Гриша Ефремов, – брат Василия Степановича Ефремова, – прозвище его было Лапша, прозван так был из-за пристрастия к лапше; троюродный брат Сергея Коля Титов; Василий Никитин; Иван и Федор Купцовы; Никита Дорожкин по прозвищу Седой; Петр Кострюков по прозвищу Колушлык; Андрей Кострюков по прозвищу Каман. Андрей был прозван Каманом из-за того, что так он в детстве выговаривал слово “комар”»⁵.

Рязанский писатель второй половины XX века А. И. Осипов в повести «Я люблю Кольку» привел ряд таких прозвищ с их объяснением (или с принципиальным отсутствием мотивировки прозывания человека), с определением путей их возникновения. Например:

1) «Чтобы как-то унять кипевшую во мне злость, я заругался:

– Колдун, колдун!

Колька спокойно посмотрел на меня.

– А ты... знаешь кто? <...> Ты агроном! Что, агроном! <...>

Когда я подходил к мальчишкам, все смотрели на меня как на незнакомого человека, а Васька Комиссар показал пальцем:

– Агроном идет! <...>

С этого дня непонятное для меня да и для других мальчишек слово “агроном” надолго приклеилось ко мне»⁶;

2) «Ванька сдернул с Васькиной головы картуз с твердым блестящим козырьком, за который его и прозвали Комиссаром...»⁷;

3) «– А правда, твоя бабка колдунья? – задал я давно мучивший меня вопрос. <...>

– А чего так? Меня и другие спрашивали, не ты один. По бабке и меня Колдуном зовут»⁸ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

Колька, обладатель прозвища Колдун, спокойно относился к своему прозванию и в доказательство собственного хладнокровия привел поговорку: «Ну и пусть! Хоть горшком назови, только в печку не ставь»⁹ (д. Аксиньино Рязанского у. / р-на).

А. И. Осипов родился в 1922 г. в д. Аксиньино Рязанского уезда: соответственно, предыстория запечатленных в детской повести деревенских мальчишеских прозвищ относится к данной местности (хотя они могут быть придуманными писателем); девичьи прозвища в этом художественном произведении не отражены, что, вероятно, связано с особенностями сюжета, со второстепенной ролью девочек.

К. И. Комаров, 1926 г. р., уроженец с. Кипчаково Ряжского уезда (ныне Кораблинского р-на) и житель д. Чернаво (д. Чернава) Ряжского р-на, в «Мемуарах» указывал: «Иногда местные мальчишки окружали меня и дразнили обидным словом Мосол»¹⁰ (причина образования прозвища не объясняется автором). Далее он же привел еще пару прозвищ детей (без указания их морально-оценочной окрашенности): Ванька по прозвищу Дикарек; Польша-Конфетка Улитина¹¹.

В сообщении жительницы Москвы, чьи родители были выходцами из Рязанской обл., подчеркивается, что не надо присваивать клички детям, потому что некоторые неудачные прозвища могут осложнить им жизнь и повлиять на самооценку личности. Между тем с большим воодушевлением транслируется пространное устное повествование о местных прозвищах, об их происхождении и определенном влиянии на судьбу человека, что показывает важную роль кличек в крестьянском мировоззрении:

«Уроженец с. Озёрки Сараевского р-на Василий Гаврилович Б* <1927-2007> сетовал: “Вот не нужно называть детей обидными именами, давать им разные клички. Потому что у нас в селе эти клички всю жизнь живут и действуют. И уже называют человека не по именам-отчествам и фамилиям, а называют, например, Васька Кадон”. Уже все знали, что это Б* Василий Гаврилович. А дала эту кличку родная старшая сестра, потому что она ухаживала за братом, кормила его – и он был очень полный. И она назвала его: “Вот кадончик, кадон!”. А Полина Гавриловна говорила, что у мамы было двое детей – близнецы-мальчики, одного кормила мама (он умер потом), а другого – сестра, когда он уже был не грудничок, кормила кашей рядом. Трое ребят (мальчиков) было, все очень озорные. Когда Полина сердилась на шалуна, называла другого брата: “О, ноздря!”. Клички приживаются, а потом дети страдают. Кузьма Гаврилович всю жизнь переживал из-за прозвища Ноздря»¹².

Имеется второй вариант повествования с тем же сюжетом о наделении детей кличками и об их вреде, поведанный спустя почти десять лет:

«Кадон – не брюзглый, а упитанный – Василий Гаврилович, а Кузьму Гаврилыча она <Полина Гавриловна, старшая сестра> называла Ноздря: считала, что ноздри большие. Кадон, Кадончик. Их было два брата: одного тётка Апросинья выхаживала – мать, но он умер, а за Василием ухаживала Полина, звала его Кадон, Кадончик, радуясь, что выходила.

Когда он стал взрослым, говорил: “Нехорошо, что у нас в селе Озёрки маленьких детей называют прозвищами, а потом всю жизнь он носит прозвище: не Васька Б*, а Васька Кадон”»¹³.

Как видим, в сюжетной схеме этого мемората устойчиво сохраняется противоположная оценка, даваемая прозвищу разными людьми: Кадон – для выходявшей его сестры является положительно-оценочным понятием, ласкательным подобием имени, а подростку и тем более мужчине это прозвище кажется обидным. Кроме того, рассказчица пояснила, что у Ноздряна были самые обычные ноздри, небольшие: только его сестре они почему-то показались какими-то особенными.

Мысль о нежелательности наделять детей и взрослых людей нелицеприятными прозвищами высказал журналист А. Д. Панфилов в книге «Константиновский меридиан» (1992), ссылаясь на моральное самочувствие обладателей обидных кличек:

«Есть в Константинове Мичурин, есть Карась. Они ничего не имеют против своих прозвищ. Однако есть прозвища, о которых сообщают со смущением, вполголоса, после долгого отнекивания...

К некоторым прозвищам получившие их относились – и сейчас относятся, – крайне болезненно»¹⁴.

Возникают даже парадоксальные ситуации, когда прозвище (точнее, мысль о нем) управляет поведением взрослого человека, принуждает его совершать какие-то поступки или, наоборот, отказываться от благоприятных возможностей. И еще случаются неподвижные обстоятельства, когда прозвище все-таки одолевает человека и приклеивается к нему, как бы тот не уклонялся от него и не пытался предугадать дальнейшие события: «В наши дни один парень не пошел в примачи из опасения получить, войдя в дом тещи, ее прозвище. Пойти не пошел, а прозвище все-таки получил»¹⁵ (с. Константиново Рыбновского р-на).

Вернемся к продолжению первого сообщения о прозвищах в с. Озёрки Сараевского р-на:

«А на этой же слободе у деда Волчкова Михея была внучка Маша. Она тоже была толстая, полная, и ее звали Кадычиха – тоже как кадон, кадка. А ещё на этой слободе жила Тоня Персичиха, её отца звали Персик: он когда-то был в Персии, когда воевал, и всем рассказывал потом, что был в Персии. Его и прозвали Персик. Машу Волчкову звали Ляптя, потому что она, когда маленькая была, называла “ляптя”, “играть в ляптя” – её и прозвали Ляптя. Анну Матвеевну Бузину звали Манёна, потому что она не могла произнести в детстве Матвеевна, а говорила: Манёна. А деда Бузина Ивана Евграфовича звали Круглый, потому что он был обеспеченный и богатый. Вот Звоновы – я не знаю – это фамилия или прозвище. Ещё у бабушки Алёны Бузиной был сын Пётр (они потом уехали в Ленинград) – его звали Сокол, потому что бабушка называла: “Ах ты мой Сокол!”, “Вот Сокол идёт!”.

Потом ещё были две сестры, одну звали Груняша (младшая сестра), а другую звали с малого детства Алёна Борисовна – и до старости. Она так представилась – Алёна Борисовна, когда её спросили, как звать. И все в Озёрках знали про девочку, что она Алёна Борисовна. Мы с ней ходили за соломой во время войны. Когда её обмолят, она <девочка> большую-большую, чуть ли не копну целую навязывала на спину, а объездчик видел, что копна движется. Алёна Борисовна была зоркая, увидела его издали, развязала копну и бросила, мы с ней убежали по полю в село. Пробегали мимо первого попавшегося дома, там во дворе был бывший сарай, от него остался лишь глубокий погреб, где хранили овощи (картошку, капусту, огурцы, всякие соленья) зимой, но там уже ничего не хранили, а ссыпали из печки золу туда. Алёна Борисовна с разбегу прыгнула в эту яму, чтобы спрятаться от объездчика, и такой столб пыли золы поднялся, что я подумала: куда же она делась? Я не могла так быстро бежать, хотя была девочкой, как и она. Увидела её, только когда она вылезла из погреба обратно. А объездчику до нас не было никакого дела, он забрал солому и всё. А потом я рассказала маме про солому. А мама потом ходила к нему забирать обратно верёвку – она была хорошая, московская, на ней вешали бельё, и говорила: “Ну это же ребёнок несмышлёный!”. Объездчик вернул верёвку.

Ещё там была Кузнечиха, она жила внизу Зинóчьей (или Бузúной) слободы, там был пруд, возле него она и жила. У неё был муж кузнец, её так и звали – Кузнечиха. Бузинú Марию и Бузинá Гаврила Михеевича никак не звали иначе, кличек не было, потому что дед Михай был образованный или, лучше сказать, более культурный – и детям кличек не давал. Пятеро его внуков не имели кличек, кроме Машки Кадычúхи (но это её другие так прозвали).

Нашу бабушку <мать рассказчицы> тоже никак не звали. А нашего дедушку <отца рассказчицы> называли Чáдо. Как я узнала? Никто не говорил об этом, а во время войны Володька Бузúн (Владимир Матвеевич) поссорился с Петей (Петром Михайловичем Трушечкиным, братом моим), они были маленькие, Володьке было четыре года, а Пете – пять, он <Володька> назвал: “Цядя!” А тётка Катерина, его мать, рукой замахнулась и сказала: “Замолчи!”. А я это слышала и потом, когда уже была большая, вспомнила здесь уже, в Москве, и спросила у мамы с папой: “Почему так было?”. А мама сказала: “Это так звали отца – он был отличником, учился на одни пятёрки. Всё село знало”. И папа рассказал, что однажды он сидел на уроке и замечтался, а в это время священник спрашивал молитвы. И видит, что мальчик сидит и мечтает, и спросил: “А дальше как?”. И священник-то знал, что мальчик всё прекрасно знает. А мальчик встал и не знает, на чём остановились и что говорить. И тогда священник неодобрительно покачал головой и сказал: “Чáдо-чáдо! Садись!”. И в классе все сразу запомнили, что священник назвал его чáдом, а чáдо – это же дитя!

А дедушкина брата <дядю рассказчицы> – Трушечкина Василия Федосеевича – звали Калабáй, потому что он всегда подходил и просил: “Мама, дай мне калабáй” (каравай). А дедушкина ещё более старшего брата – Ивана Федосеевича – была кличка Кус, потому что он подходил к маме и говорил: “Мама, дай мне кус!”. И его прозвали Кус. А дедушкина дядю Михаила Ивановича (брата Федосея Ивановича) звали Стражник: он работал, что ли, охранял, то ли сторожил, наблюдал за порядком.

Машу Кобзеву звали Лиса, потому что её родители тоже говорили, что она умная и хитрая, как лиса, всё понимает. А вот на их слободе на Чибизóвке Анну Сергеевну Астахову, с 1927 года рождения, звали Желудóк, потому что маленькая ростом была. Ерёмину Михаила звали Черныш: у него были очень чёрные волосы, он с 1929 года рождения, жил на улице, где кооперация была. А Настю Зотову звали Коза, потому что она была очень быстрая, вертлявая.

А Полину Кузьминичну Сударикову (теперь Горина) звали Пальчá, потому что Поля, она была высокая девочка. А ещё был Миронов Алексей, его тоже звали Пальчá – то ли потому что он подносил палец к носу и сморкался, и его так дразнили.

А ещё тёти Апросúньино племянника звали – вот забыла: помнишь, он сидел на крылечке на Зинóчьей слободе около клуба, увидел нас и сказал, что знает, кто мы. А я ответила, что тоже его знаю: “Тимошкин”. А он огорчился и сказал, что это по-уличному, а на самом деле – фамилию сказал <Астахов>, а я забыла. Тимошкой у него был то ли отец, то ли дед: кажется, у его тёти Апросúньи Бузинóй был брат Тимофей.

Александра Андреевича Астахова звали Кóндриков внук, потому что дед был Кóндрик, то есть Кондратий.

А мать А. А. С-ва звали Курбёткой, потому что нос курносый, а сестру её Прасковью звали Шарáпкой, потому что она не выговаривала – Парáшка – в детстве, как все дети ошибаются, и произносила Шарáпка.

А Костиков Алексей был отличником в школе, родственники звали его – Золотой, он окончил военную академию, у него рано умерла мама, а родственники любили его и так называли: “Мой золотой!”.

А у Афанасия Ивановича Трушечкина сына младшего звали как-то по географическому признаку: он отвечал на уроке географии невпопад, то ли не ту страну, то ли не тот город назвал, и его стали звать этим прозвищем.

Ещё в с. Озёрки все жители говорили “нóнча”, а одна не местная бабка говорила “сегодня”, и её прозвали “Бабка Сявóдня”.

Был дед Иван Круглый – очень хороший человек. А почему его звали Круглый – у него все хозяйство было справное, он был труженик, всё умел и успевал делать, всё у него было. Потому его прозвали Кругляк и Круглый. А жена у него была Лисáфья. Её звали Лизавета, ещё к ней все ходили удалять соринку из глаза: она проводила языком по глазу и вы-

таскивала соринку. А ещё была одна женщина у деда Михея, была его сына жена. Она была тоже Лизавета, а все её звали Лизавенька. Наверно, она тоже не могла правильно в детстве произносить своё имя»¹⁶.

В этом устном повествовании интересна омонимичность отдельных прозвищ, основанная на разном их происхождении: таково наименование Пальчá, в одном случае восходящее к имени Полина, произносимое на «акающем» южно-русском говоре, а в другом – базирующееся на детском переименовании слова «пальчик». Сопоставление слов Полина и «пальчик» невозможно в «окающем» северно-русском говоре, именно поэтому Пальчá сразу выдает жительницу, проживающую южнее Москвы.

В приведенном выше сообщении еще интересна трактовка прозвища Калабáй, данная приезжей горожанкой, которая мало знакома с местным диалектом и потому, возможно, применяет народную (ложную) этимологию, объясняя происхождение этого слова от искаженного «каравай». Между тем на другом конце Рязанщины, в куршацких селениях Клепиковского р-на, употребляется родственное слово, оставшееся непроясненным, к сожалению: «Колобáшка (кылабáшка) – большой кусок хлеба (?)»¹⁷. Жители Клепиковского р-на говорили: «Хлéба у мяня цéльныйа кылабáшка, пра фсех хвáтят...» (д. Иванково); «Ат твайéй кылабáшки аднi крóшки астáлись, весь пайéли» (д. Андроново)¹⁸.

С учетом вышесказанного становится вполне вероятной и вторая версия о происхождении прозвища Калабáй, также связанная с хлебным изделием, но не с караваем.

Еще интересны совпадающие морфологические структуры слов, которые уравнивают один тип прозвищ с фамилиями. В сознании посторонних людей возникает путаница, какое наименование является фамилией, а какое – родовым прозвищем. Вспомним пару характерных примеров из пространного повествования о прозвищах в с. Озёрки Сараевского р-на: «Вот Звóновы – я не знаю – это фамилия или прозвище» и случай с Тимошкиным, оказавшимся носителем родового прозвища (см. выше).

Также показательными становятся вариации ударения: Бузúна слобода и фамилия Бузún и Бузина / Бузúна (Бúзина). Рассказчица является москвичкой, четыре раза (в конце 1920-х годов, в эвакуацию в Великую Отечественную войну, после нее во время профессиональной учебы и в 52 года) посетившая с. Озёрки Сараевского р-на, она произносит фамилию своей родни (в том числе девичью фамилию матери) как бы на «московский манер»; другие родственники называют – Бузún, Бузúна, что согласуется с названием слободы, на которой жили и живут носители такой фамилии. Интересно, что наименование села претерпевало исторические изменения: Кузьмо-Демьянское, Большие Озёрки и просто Озёрки¹⁹.

В приведенном выше тексте фигурирует Тонька Персичúха – девочка-подросток, хотя такая форма прозвища более характерна для замужней женщины, получившей прозвище по мужу, о чем свидетельствует совокупность двух конечных морфемных структур – «-иха». В более позднем сообщении на ту же тему девочка носит морфологически-иное прозвище (очевидно, более точное), хотя его семантика и генезис остаются неизменными:

«И вот эта Тоня Персикóва. А Персикóва – я спросила: “Дедусь, почему звали её Персикóвой?” А говорит: “Да он попал в Персию, что ли, вот в Гражданскую войну”. (Он – это кто? – Е.С.) Отец этой Тони. (Угу. И как его стали называть? – Е.С.) И он говорил: “Да вот я был в Персии когда...” А он там был – как это, ну, в плену. “Вот когда я был в Персии!” – и так его звали – Персúк, Персúк. Так его прозвали – Персúк. И уже все Озёрки знали, что он Персúк. И детей называли – Персикóвы. Вот. Не по фамилии, а Персикóвы – так, чтобы, потому что фамилия там – Бузина – это очень распространённая. И я не знаю даже точно, как их фамилия. А они вроде ещё какие-то дальние наши родственники по дедушкиной <отцовской> стороне»²⁰.

Остается неясным, какую фамилию носила девочка: Бузина или все-таки Трушечкина, если взять во внимание ее родство «по дедушкиной стороне», или еще какую-то. Инте-

ресно внимание сельских жителей Рязанщины (и вообще России) к заморским странам, похвальба одного такого невольного путешественника в экзотический край, отраженная в полученном прозвище. Вспомним в этой связи поэтический цикл С. А. Есенина «Персидские мотивы», также повествующий о Персии, в которой, по-видимому, поэт никогда не был. И время крестьянских рефлексий и Есенина о Персии примерно одно и то же: Гражданская война и 1924-1925 гг.

А. Д. Панфилов привел меморат жительницы с. Константиново Рыбновского р-на об ошибке девушки по незнанию, когда она приняла прозвище за фамилию, и об обиде женщины из-за этого:

«На престольные праздники и на Масленицу приезжали в село стражники из Рязани, – рассказывает Аграфена Павловна Хрекова. – В Казанскую это было. Пятнадцать лет мне исполнилось. В невесты заступила. Идем с песнями по селу.

– Девчата, стражники! – ребята – кто куда.

А мы как раз до Назарова дошли. Моя сестра замужем в этом доме была. А на задах там избушка маленькая стояла. Там бабка одна жила. Звали ее Куклинка. Спрятались мы, нас четыре девчонки было. А ребята под гору пошли. Стражники за ними.

Куклинка шум услышала, перепугалась.

– Что это такое? – слышим, говорит. – Э-э-э, это черти у меня! – да как закричит. – Стра-а-а-жни-ки! У меня черти! Стра-а-а-жни-ки! Стра-а-ажники!

А мы не знали, что Куклинка – это ее прозвище и она терпеть его не может. Мы ей:

– Тетка Куклинка, молчи!

– А-а-а! я Куклинка?!

Раскудахталась – не удержишь.

Я знала, что у свата нашего есть задний ход. Только что как убежали, стражники – тут как тут. Слышим, Куклинка им говорит:

– Тут черти были»²¹.

Показательно, что некоторые дети обижались из-за прозвищ (даже нейтральных), если речь шла об их старших родственниках, уважаемых ими. Например, даже когда А.А.С. стал взрослым и семейным человеком, то все равно иногда шел за советом к тете Паране (его мама к тому времени скончалась). Его жена, исчерпав аргументы в пользу принятия самостоятельных мужских решений, иногда начинала подкалывать мужа, называя тетку – Шарáпкой, как ее звали в детстве, когда она путала слоги в уменьшительном имени Парáшка (то есть Прасковья). И муж сердился и просил именовать старшую родственницу тетей Парáней²².

Можно долго и пространно рассказывать о прозвищах в с. Озёрки Сараевского р-на – в частности, о появлении некоторых из детского звукоподражания, которое возникало из-за неумения маленького ребенка правильно произносить сложные слова:

«Сяся – прозвали Василия Ивановича Бузинá, маминого брата, потому что его в детстве просили что-нибудь выполнить, принести что-то, а он говорит: “Сясь-сясь” (счас-счас). Он был очень быстрый, шустро бегал и любил помогать. Представляешь, такого вот трёх-летнего мальчика прозвали Сясей и так звали и взрослого: все знали, что на Бузýной слободе (или Зинóчьей слободе) живёт Сяся. А он уже женат был – на тёте Домне»²³.

Подобным образом возникло прозвище Табя – из-за неверного произнесения маленькой девочкой местоимения «тебя»:

«Тамара Табя: “Валя, иди, табя мама звала”. Она жила на Бузýной слободе на противоположной стороне от бабушки и тёти Аксиньи – напротив неё. У Тамары и Вали была бабушка Алёна. Фамилия тоже Бузинá, кажется»²⁴.

По такому же принципу образованы прозвища Калабáй (от «каравай»), Ляптá (от «лапта»), Манéна (от «Матвеевна» – см. выше и ниже).

По мнению сельских жителей, неверно произносить какие-то слова могут не только маленькие дети, но и переселенцы из других селений (в том числе соседних), в которых сильно отличается местный говор. Вспомним уже приведенный пример: «Ещё в с. Озёрки все жители говорили “нóнча”, а одна не местная бабка говорила “сегодня”, и её прозвали “Бабка Сявóдня”»²⁵.

Вокруг некоторых прозвищ образовывались дразнилки, исполнявшиеся речитативом: «Мальчишки дразнили:

Отец Лúтя,
Где вы спите?
На потолке
В уголке.

А у *Лúтиных* (по-уличному) детей было много, жили они бедно»²⁶. От прозвищ также происходили предания о первопоселенцах: «*Лúтя* (от него пошли *Лúтины*) – Иван Иванович Зотов, у него было много земли, он пропивал её»²⁷ (с. Озёрки Сараевского р-на). Семантика прозвища Лúтя становится понятной, если вспомнить известное народное выражение «заливать за кадык» (= выпивать спиртное).

Про Лúтиных рассказывали также быличку – точнее, пародию на неё, в которой осуждалось неправильное родительское поведение и устаревшее представление о мироздании. Интересно, что в быличке-пародии показано, что подростки имеют более прогрессивное мировоззрение, чем взрослая женщина:

«В с. Большие Озёрки была тётка Матрёшка, Матрёна Ивановна, по-уличному *Лúтина*: не сажала картошку, не трудилась, играла в карты, а детей много было. И вот она верила в домового, верила, что он стучит в углу.

Ребята узнали про это и решили подшутить над ней. Один нарядился в вывернутый наизнанку тулуп, в один рукав вставил палку с замотанным в тряпку клочком соломы: вроде голова. Палкой этой он потряхивает, а другой рукой размахивает. Постучал в другом углу. Тётка Матрёшка высунулась в окно, а туда голова заглядывает: страшно!

И вот тётка Матрёшка стала говорить про домового: “И в одном углу стучит, и в другом!” А расшалившимся детям грозила: “Вот прокатится на тебе домовый!” И верила, что домовые насылают сны»²⁸.

Еще один пример возникновения прозвища-дразнилки в с. Озёрки Сараевского р-на: «У деда Михея Бузина была внучка Маша-Сова, её так прозвали за большие глаза. Дразнили:

Сова – большая голова,
На дереве сидит,
Головой вертит»²⁹.

Отметим: если дразнилка про Лúтиных придумана ситуативно, применительно к конкретному семейству, то к Маше-Сове применили общеизвестное фольклорное произведение другого жанра, выступавшее в детской среде в качестве дразнилки. Если дразнилка про семью Лúтиных за пределами с. Озёрки Сараевского р-на неизвестна (или распространяется выходцами оттуда, но вряд ли присваивается другим людям), то произведение про «сову – большую голову» в других селениях представляет собой текст иного фольклорного жанра – детской потешки.

Часть прозвищ образовывалась от уменьшительно-ласкательных форм имени: «Егряк и Мазон – братья Егор и Максим Ерёмкины; Зёнка – Зиновей Кормильцын; Труня – Трофим Герасин; Федеячка – Фёдор Трушечкин; Ящца и Алёщца – Яков и Алексей Костиловы»³⁰ (с. Озёрки Сараевского р-на). Последний случай с двумя братьями интересен нарочитым усилением шипения – с удвоением и подменой шипящих звуков с [ш] на [ш'ш'] в именах-прозвищах: это исключительно художественный прием, отступление от фонетической нормы; в селе так не говорили (там бытовало привычное произношение – Яша и Алёша).

Вероятно, можно говорить об омофонности прозвищных морфемных структур: элемент «-щца» встречается не только в прозвищах именного характера (Ящца и Алёщца), но и в кличке, произошедшей от глагола и имеющей совершенно иное смысловое наполнение (Дрúщца – от «дристать»). Такое прозвище имелось в с. Озёрки Сараевского р-на: «Катьку Б. звали Дрúщца. Она была маленькая, и её понос прохватил. А назвали свои, потому что никто чужой не видел ведь»³¹.

Меньшая часть сельских кличек получилась от искажений отчеств и фамилий: «Манёна – Анна Матвеевна Бузина, в детстве своё отчество не выговаривала»³² (с. Озёрки Сараевского р-на). Вариант этого мемората записан почти через 10 лет от той же исполнительницы: «Анну Матвеевну Бузину звали Манёна, потому что она не могла произнести в детстве Матвеевна, а говорила: Манёна»³³. Это пример вариативности двух сообщений одного и того же информанта, сделанных с разницей в шестнадцать лет.

Еще пара меморатов о прозвищах, записанных от того же информанта с разницей в девять лет, подтверждает принцип вариативности передачи одних и тех же сведений, их сути (а не формы выражения):

1) «Ещё у бабушки Алёны Бузиной был сын Пётр (они потом уехали в Ленинград) – его звали Сóкол, потому что бабушка называла: “Ах ты мой Сóкол!”, “Вот Сóкол идёт!”» (2007; см. выше);

2) «У бабушки Алёны сын был – Сóкол: “Ой, мой сóкол, мой сóкол!” – она говорила, когда был маленьким»³⁴ (2016).

Принцип вариативности меморатов о прозвищах является типичным для сказочной прозы, когда сохраняется общая сюжетная схема, действуют одни и те же персонажи, повторяются их отдельные яркие реплики, но нет дословного (или почти дословного) совпадения текстов-вариантов.

Интересно, что прозвища могли образовываться, не только отталкиваясь от бытовавших в селениях имен, но и от библейских и литературных персонажей, от исторических личностей (в том числе иной национальности), чьи образы подверглись процессу мифологизации и были включены в школьную программу.

Диалектолог В. Т. Ванюшечкин привел пример прозвища, данного по старинному израильскому имени, ставшему библейским, – Исусик: «А ты к Исúсику зьбёгай, у няó быранá нóвинькыйа, сам дёлал»³⁵ (д. Сергеево Клепиковского р-на).

О получении прозвища в честь исторического лица в с. Озёрки Сараевского р-на рассказала москвичка, эвакуированная туда девочкой в Великую Отечественную войну:

«Я пришла в школу к старшей сестре, а её одноклассник позвал:

– Нюра, к тебе Шамили́ха пришла!

А Шамили́хой прозвали потому, что нас учительница Александра Васильевна Истомина учила танцу: танцевали лезгинку. Витька Кривоносов, тоже эвакуированный в годы Великой Отечественной войны из Москвы, стоял на коленях с опущенной головой. А я вокруг него хожу грустно и пою:

На горе стоит Шамиль,
Он молится Богу,
Вынимает свой кинжал,
Кладёт на дорогу.

Витька кладёт рядом с собой деревянный кинжал, он встаёт, я сажусь. (А как сажусь? На колени, кажется.) И он поёт:

Ах, зачем я погубил
Душу молодую,
А теперь сижу один,
Плачу и тоскую.
Ты проснись, моя душа,
Мы станцуем “Шамиля”.

Я встаю, он подавал руку и поднимал с колен, мы расходимся в разные стороны, становимся друг напротив друга и начинаем танцевать лезгинку. Это на Первомайские праздники, на Новый год танцевали – из года в год. Витьку прозвали Шамилём, а меня – Шамилухой»³⁶.

Этнографы И. А. Морозов и И. С. Слепцова (Кызласова) сообщают об имеющихся фольклорных записях переработки «Шамиля» (казачьей версии «лезгинки») – пляски, популярной у кубанского и терского казачества (напр., она известна в Ставропольском крае и Чеченской республике)³⁷.

Пример подобного способа наделения ребенка прозвищем, хотя и не по имени исторического лица, а по титулу, встретился в 2002 г. в с. Чернава Милославского р-на:

«Царь-бабой маму дразнили: в детстве очень пела хорошо, “Ёлку” собирали, она в кругу была, её Царицей выбрали – её так со школы Царицей звали. Десять годов солдаткой была – отца убили на войне; она наряжалась хорошо, так и умерла Царь-бабой»³⁸.

Показательно, что в данном случае прозвище варьировалось по форме выражения (не по сути) в соответствии с возрастом: в детстве оно было одно, во взрослой жизни – слегка измененное в сторону «опрощения», сниженности образа, устранения его идеалистичности и завышенного социального статуса.

¹ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012). Ксерокопированная рукопись. С. 13. Ср.: Записи автора. Файл [img_0273.jpg](#) – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 14) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

² Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 127-128 – со сноской: Знышев В.В. Воспоминания о Сергее Есенине. Рукопись. ГМЗЕ.

³ Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 128 – со сноской: Знышев В.В. Воспоминания о Сергее Есенине. Рукопись. ГМЗЕ.

⁴ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 124.

⁵ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 126.

⁶ Осипов А.И. Я люблю Кольку /Повести. М., 1978. С. 30.

⁷ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 44.

⁸ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 51.

⁹ Осипов А.И. Я люблю Кольку. С. 51.

¹⁰ Комаров К.И. Жизнь // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2009. Т. 18. С. 376.

¹¹ Комаров К.И. Жизнь. С. 383.

¹² Записи автора. Тетр. 16. № 434 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 13.03.2007.

¹³ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 26-27 августа – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.

- ¹⁴ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.
- ¹⁵ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.
- ¹⁶ Записи автора. Тетр. 16. № 434 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в г. Москва, 13.03.2007.
- ¹⁷ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. Материалы по русской диалектологии. Учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 176.
- ¹⁸ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 176.
- ¹⁹ Записи автора. Наблюдения Е. А. Самоделовой над речью уроженцев с. Озёрки Сараевского р-на и изучение личных документов, архивных и книжных источников с 1980-х гг.
- ²⁰ Записи автора. Видеофайл MVI_3246.mov – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., была в с. Озёрки Сараевского р-на в эвакуации в 1941-1942 гг., г. Москва, 07.02.2015.
- ²¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.
- ²² Записи автора от Самоделовой А.М., 1929 г. р., ее родители из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в г. Москва, зап. в 2000-е гг.
- ²³ Записи автора. Тетр. 16. № 434 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 26.11.2014.
- ²⁴ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 27 августа – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.
- ²⁵ Записи автора. Тетр. 16. № 434 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 13.03.2007.
- ²⁶ Записи автора. Тетр. 7. № 318 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, 15.02.1993.
- ²⁷ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин Михаил Федосеевич (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.
- ²⁸ Записи автора. Тетр. 7. № 317 – Горина Пелагея Кузьминична, 1929 г. р., род. в с. Озёрки Сараевского р-на, жила в г. Красногорск Московской обл., 14.02.1993.
- ²⁹ Записи автора. Тетр. 16. № 312 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 01.03.2005.
- ³⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.
- ³¹ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 27 августа – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.
- ³² Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.
- ³³ Записи автора. Тетр. 16. № 434 – Самоделова А.М., 1929 г. р., родители из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 13.03.2007.
- ³⁴ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 28 августа – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.
- ³⁵ Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. С. 158.
- ³⁶ Записи автора. Тетр. 7. № 328 – Иванова (дев. Трушечкина) Валентина Михайловна (1931-2008), род. в Москве, дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, училась там в 3 классе, жила в г. Москва и г. Великий Новгород, 23.12.1999.
- ³⁷ Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь /Рязанский этнографический вестник. 2001. Вып. 28. С. 295. Сн. 2.
- ³⁸ Записи автора. Тетр. 23. С. 61 – с. Чернава Милославского р-на, 06.07.2002.

Глава 64.

О семантике, генезисе прозвищ и их количестве у одного человека

Иногда соединяются прозвища «по-дворному», идущие от основателя рода, с ласкательными именами, которыми зовут детей их родители: «Русакова Танюшка – Климкина (дев. Рूसина) Татьяна Гавриловна» (с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл., б. Раненбургского у. Рязанской губ.)¹. В данном случае в нарочитом искажении подлинной фамилии звучит аллюзия на зайца-русака – типичного зверька Центральной России, а также наблюдается более слабая отсылка к русым волосам – характерному цвету шевелюры русских людей, и еще звучит едва уловимый отзвук национальности – русского-«русака» (Для сравнения: в московской школе № 520 завуч-физик в шутку называла учителей русского языка и литературы «русаками»².)

Похожий пример наделения «звериным» прозвищем с акцентуализацией специфического цвета зверька зафиксирован в рукописи Краеведческого музея им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на: «*Ондатра* – женщину дразнят за внешний вид, т.к. она рыжая»³.

Если колористическая характеристика преобладает над аналогией с повадками зверька, то прозвище дается именно по цвету: «Другого мужчину за его рыжий вид дразнят – *Красенький*»⁴ (с. Октябрьское Пронского р-на). Вероятно, эти прозвища возникли в детстве их носителей.

Ряд прозвищ получился в соответствии с характером человека, проявленным еще в детстве и напоминающим повадки некоторых животных: «*Паук* – Иван Иванович Никитин, небольшой такой»; «*Коза* – Настя Бузина, прыгучая и вертлявая»⁵ (с. Озёрки Сараевского р-на); «*Митька Зуёк*; *Зуйкú* – они маленькие такие, зуёк – птичка»⁶ (с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл., б. Раненбургского у. Рязанской губ.). В с. Октябрьское Пронского р-на имелась «*Сорóка* – эта кличка была у женщины, которая постоянно бегала по домам и приносила новости – “правды” и “неправды”»⁷.

При сочинении прозвищ местные жители отталкивались не только от повадок животных, но даже от воображаемой манеры поведения нечистой силы, которой люди приписывали те или иные черты характера. Так, в г. Сапожок одна женщина имеет прозвище *Бесíха*, потому что замужем за Лёшкой *Бесом* (это тоже прозвище): «Он был шустренький мальчишка, мать на него: “Бес, бес!”»⁸.

Образ лисы, восходящий более к сказочному персонажу, нежели к реальному зверю, породил исключительно положительные ласкательные прозвища: «*Лиса* – Мария Васильевна Кобзева, очень ласковая»⁹ (с. Озёрки Сараевского р-на); «*Лисюха* – Фуртова Мария Алексеевна»¹⁰ (с. Корнево Скопинского р-на).

Подобная коннотация не с реальным животным, а с приписанными этому зверю (насекомому) вымышленными качествами наблюдается в наделении жителя с. Октябрьское Пронского р-на прозвищем, которое, кстати, унаследовано его детьми, будто бы также перенявшими у старшего в роду определяющие черты характера: «*Жук* – идет родовая кличка, сначала была у отца, сейчас у детей, за их хитрость»¹¹.

К занятию ребенка сельскохозяйственными делами и даже к оригинальному наказанию за провинность восходит история прозвища, которое оказалось наследуемым в с. Константиново Рыбновского р-на и породило предание, похожее на бытовую сказку. Местная жительница В. С. Гришина рассказала:

«Звали у нас одних Кочетками, я еще маленькая была. Спрашиваю я у бабушки, что это их Кочетками прозывают. Она и говорит: “Ихний дед был приставлен, как мальчишкой

был, барских гусей караулить. И гуся прозевал. То ли лиса стащила, то ли кто... Так помещик велел три раза его розгами пороть, а еще заставил на городьбу залезть и кукарекать. И вот с тех пор прозвали его Кочетком. А по нему и все другие его родственники Кочетками или Кочетковыми стали»¹².

Еще некоторая часть кличек образовалась в результате внешнего сходства ребенка (или его родителя, старшего в роду) с каким-либо предметом или даже со звуковым комплексом, геометрической фигурой, цветом: «Зелёный – Григорий Астахов»; «Черныш – Михаил Ерёмин, у них все черноволосые»; «Синявка – Астахова Анна Сергеевна»; «Дед Круглый – Иван Евграфович Ерёмин»¹³ (с. Озёрки Сараевского р-на).

Для сравнения: в Москве в 1940-1950-е годы была «Караганда – Зина Куранова, как раскаряка»¹⁴. Здесь непонятная фамилия Куранова (на севернорусских территориях «курán» – петух, индейский петух, индюк¹⁵), непривычная для уха москвичей и потому дикий, вызвала двойную ассоциацию – с иноязычным названием г. Караганда и со словом «раскаряка»: вероятно, из-за сходной звуковой группы «кур / кар» (еще со звуком «н»), общих морфологических признаков (имя существительное женского рода, 1-го склонения).

Внешность человека, положенная в основание его прозвища или положительной устной характеристики, отмечена и в с. Октябрьское Пронского р-на: «Цунаев Степан Сидорович был сильный, кряжистый, широкоплечий человек. За его великую силу и выносливость его прозвали “чугунным человеком”»¹⁶. Известно, что С. С. Цунаев задолго до Октябрьской революции 1917 г. учился в Англии строительству ледоколов, участвовал в создании первого российского ледокола «Ермак», освобождал из льдов Финского залива застрявшие суда, летом 1899 года ходил на Шпицберген, с начала войны с Японией в 1904 году служил на броненосце «Орел» кочегаром. Иными словами, С. С. Цунаев всю жизнь был связан с предметами из металла, а в его родном с. Дурное (ныне с. Октябрьское) до сих пор существует старинное народное название улицы – Чугунный мост, а село славилось своими кузнецами-виртуозами (они выковывали художественные изделия), в конце XIX века имелось пять кузниц¹⁷. В связи с вышесказанным можно предположить, что именование С. С. Цунаева «чугунным человеком» могло быть вызвано его причастностью к этому металлу. Образ С. С. Цунаева запечатлел в романе «Цусима» А. С. Новиков-Прибой¹⁸.

В с. Константиново Рыбновского р-на имелось прозвище, данное уже взрослому человеку из-за его трудного жизненного опыта: «Старика-перевозчика на Оке прозвали *Тридцать смертей* – по его рассказам, он тридцать раз попадал в ситуации, грозившие смертельным исходом»¹⁹.

Некоторые дети наделялись прозвищами по сходству их внешности с какими-либо бытовыми предметами: «Пузырёк – маленький росточком в 15 лет был, из Москвы приезжал к бабушке»²⁰ (с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл., б. Раненбургского у. Рязанской губ.). В с. Озёрки Сараевского р-на «Анну Сергеевну Астахову, с 1927 года рождения, звали *Желудок*, потому что маленькая ростом была» (см. выше), то есть сравнивали с желудком. В с. Октябрьское Пронского р-на есть «Кнопка – женщину дразнят за маленький рост и скандальный нрав, она любит с бранью приставать к людям (липнуть, как кнопка)»²¹. В этом прозвище наблюдается двойная семантика: 1) по размеру; 2) по свойству предмета, по его бытовому назначению. В том же селе Октябрьское имелась смысловая противоположность прозывания человека, а именно: «Дрюк – такой кличкой дразнили мужчину за его высокий рост»²²; «Лось – за высокий рост»²³. Во втором примере соединяются два смысловых оттенка: 1) большой рост (указанный информантом как первопричина, породившая прозвище); 2) крупный размер, крепкая фигура, мужская сила.

Имелись и другие примеры метонимии по какому-либо значимому телесному признаку, послужившему основанием для появления прозвища: «Мырдán – Василий Бузин, морда толстая»; «Зénка – Зиновей Кормильцын» (созвучие личного имени и диалектного названия глаза); «Ноздран – Кузьма Гаврилович Б*»²⁴ (с. Озёрки Сараевского р-на). Более

сложное происхождение прозвища, включающего сплетение сразу двух смыслов (телесных особенностей и скрытого указания на проведение родовспоможения «бабкой»-повитухой), наблюдается в следующем примере: «*Пупок* – Сударикова Анастасия Васильевна, бабка длинный пупок оставила при завязывании»²⁵ (с. Озёрки Сараевского р-на). Конкретно за прозвищем Пупок стоит целая обрядовая история о призыве бабки-повитухи к роженице, о ее акушерских действиях и об их не совсем удачных последствиях. Можно предположить, что какой-то близкий взрослый родственник дал это прозвище младенцу вскоре после его рождения, внимательно рассматривая тельце девочки.

Подобное наименование (почти прозвище), основанное на физическом несовершенстве ребенка, в с. Озёрки Сараевского р-на было дано мальчику его старшей сестрой: «Пелагея Гавриловна Ерёмина (Бузина) называла младшего брата Сашу: “У-у, вражина! Кулявый!” – когда он приставал к ней. Когда он был маленький, худенький – лет в 12-13-ть, был нескладный: фигура худая, руки тонкие, длинные»²⁶. Аналогичное прозвище зафиксировано в Рязанском р-не: «Вот девчонка пошла, у ней ноги болели, она два года ползала ползком. А сейчас-то – нет ничего. А её и зовут: кулявка»²⁷ (1960-1963). По данным «Словаря русских народных говоров», «кулявка» – «человек, не владеющий руками или ногами» (Рязанский р-н Рязанской обл.)²⁸. Есть синоним «кулявый»: 1) «поврежденный, не действующий нормально (о руках, ногах). *Одна девка охромела, ноги-то кулявые стали*» (Ряз. Ряз., 1960-1963); 2) «то же, что кулятый (во 2-м знач.). Ряз., 1847. *Скотина кулявая, хромает*. Ряз. Южн., Смол., Зап., Енис.»; 3) «то же, что кулятый (в 3-м знач.). Пек., Осташк. Твер., 1855. Елатом. Тамб.»²⁹, то есть «неловкий, неумелый»³⁰.

Интересно, что в с. Озёрки Сараевского р-на название «кулявый» не приросло к ребенку, не стало его прозвищем: «А Сашку Кулявым не звали, только в домашнем кругу, а не среди детей. Потому что его сверстников было мало, он с ребятами не бегал, не играл. На нашей слободе было мало мальчишек его возраста»³¹. В этом объяснении информантом подчеркивается важная роль среды – обычно сверстников, которые подхватывают однажды вырвавшееся ситуативное наименование ребенка, постоянно повторяют его и таким способом распространяют прозвище, как бы припечатывают его к человеку.

Идея «человек как пищевая метафора» нашла свое максимальное воплощение в народной среде в прозвищах, связанных с продуктовыми блюдами. Так, в с. Константиново Рыбновского р-на проживали *Блинок*³², *Карась*³³, *Вася Грыбок* и *Шурка Грыбкова*³⁴. Кроме того, имелось прозвище, соотносимое с пищей как ее противоположность – крайняя степень несъедобности: *Отрава*³⁵.

Иногда недостаток информации, предоставленной собирателем прозвищного фольклора, порождает несколько гипотез о происхождении одного личного прозвища. Во-первых, можно предположить, что конкретное фольклорное произведение – поговорка – явилось исходной точкой возникновения прозвища взрослой гостеприимной женщины в с. Октябрьское Пронского р-на: «*Маланья* – женщину за шустрость»³⁶ назвали так, апеллируя к известной поговорке «Наготовила, как на Маланьину свадьбу!»³⁷ (то есть много всяких блюд, даже лишних, для чего требуется определенная «шустрость»), если ударение стоит на втором слоге – Маланья. Во-вторых, совершенно другой источник происхождения прозвища – сравнение с быстротой молнии – можно допустить, если ударение падает на последний слог в диалектном слове акающего говора: Маланья (то есть молонья, молния).

Еще небольшая группа прозвищ возникла от переосмысления сущности производственных и других рабочих занятий старшими (и вообще любыми) членами рода: «*Звонов* (и все *Звоновы*) – звонарь Судариков»³⁸; «А на селе был колдун – дядя Федя, по прозвищу *Гага*. Может быть, он гусей когда пас»³⁹ (с. Озёрки Сараевского р-на).

По давнему названию профессии образовано прозвище, функционировавшее по принципу родовой фамилии в с. Озёрки Сараевского р-на, – *Стражниковы*: «До революции были стражники»⁴⁰, причем в народном мнении жителей села стражники были заменены

милиционерами (хотя их функции во многом различны), а семейное прозвище продолжало наследоваться.

По профессиональному принципу дали прозвище фамильного типа жителю с. Константиново Рязанского у. / Рыбновского р-на, и оно оказалось наследуемым: «Кузнеца Николая Григорьевича Холопова называли *Кузнецовым*. И дети его тоже стали *Кузнецовыми*»⁴¹.

Еще один подобный пример: в с. Озёрки Сараевского р-на есть *Фараон* – Астахов Николай, в их роду были полицейские⁴². Это прозвище переосмысляет по библейскому типу (от Фараонова войска) профессиональное занятие военного или полицейского, однако родовую фамилию (с суффиксом «-ов») оно не породило, а стало передаваться из поколения в поколение в неизменном виде.

Интересно, что у Кадона появилась жена Шура – и стала Кадонихой, а часть их детей получили прозвище Штампованные: «Все братья на одно лицо – Сергей, Николай, а Ванька – нет, но внук – как Коля, ему лет двадцать; Надя – сестра – другая, похожа на Шуру (мать); братья один в один – как сам Кадончик!»⁴³ (с. Озёрки Сараевского р-на). Так детское прозвище «пошло в рост» и породило родственные названия, причем дети не получили отцовскую кличку по наследству, но обрели свою.

В с. Октябрьское Пронского р-на школьники наделили своего преподавателя прозвищем, исходя из его профессиональной деятельности, учитывая атрибутику его учебного предмета: «*Пистолет* – мужчину дразнят за его работу, он работал в школе военруком»⁴⁴. Подобный пример из этого же села: «*Почтарь* – за работу на почте, а затем еще прилипло добавочное от мультфильма – *Печкин* – даже внуков теперь кличут»⁴⁵. Здесь интересны смысловая вариативность прозвища и сокращенное образование (полная редукция) его второго варианта, произведенного от персонажа произведений детского писателя Эдуарда Успенского и советских мультфильмов 1970-х годов про почтальона Печкина («Дядя Фёдор, пёс и кот: Матроскин и Шарик», 1975; «Трое из Простоквашино», «Каникулы в Простоквашино», «Зима в Простоквашино»). Не менее интересно превращение частного прозвища в фамильное, наследуемость «добавочного» варианта, прикрепленность именно его уже к трем поколениям семьи.

Бывает и так, что профессия накладывает свой отпечаток не только на взрослого человека, проявляясь в его прозвище, но и на его детей. Пример такого появления пары прозвищ родных людей наблюдается в с. Октябрьское (б. Дурное) Пронского р-на: «<...> кличка *Дизель* у одного мальчика пошла из-за того, что у него тетю дразнили Тартарушкой, она работала трактористкой и, приведя мальчика в школу, сказала: “Это мой Дизелёнок”, так и пошло»⁴⁶.

Влияние сельского производства, торговли и разных профессий тоже просматривается в образовании прозвищ, причем не только детских. Прозвище может «догнать» человека в любом возрасте. В с. Константиново Рыбновского р-на сразу двое жителей рассказали об одном забавном случае, связанном с признанием незнакомца своим, поскольку тот владел собственной «прозвищной» биографией:

«“Ой, по лицу я вижу, вроде наш, из нашего села”. – “Ну как же, – уговорить, – я Владимир Матвейч Ефремов”. – “Нет, таких у нас нет”. – “А *Матэфэ* есть?” – “Точно! Есть!” – “Отец у меня *Матэфэ*, пошёл работать на ферму и был бригадиром”. – “Ауа”. – “И его называли *Матэфэ* – и кликуха так осталась, он мой однофамилец”»⁴⁷.

А. Д. Панфилов в книге «Константиновский меридиан» (1992) привел предание об образовании наследуемого прозвища-фамилии, возникшего в результате индивидуальных приемов ведения профессионального дела: «Был в Константинове одно время в годы детства Есенина трактир в доме *Красеньких*. Почему Красеньких? Оказывается, когда-то хозяйка брала с подвыпивших мужиков за бутылку рубль – “красенькую” – за это и была соответственно прозвана, как припечатана, как сама, так и все ее родственники»⁴⁸. (Сравните

иное, омонимичное происхождение прозвища *Красенький* в с. Октябрьское Пронского р-на – см. выше).

Подобный «производственный» принцип возникновения прозвища у взрослого отмечен и в с. Октябрьское Пронского р-на: «*Сосало* – дразнили одного шофера, который возил горячее. Дело в том, что когда он возил горячее, его постоянно останавливали милиционеры и забирали дань бензином, и он на них: “Ух, сосалы!” Позже пристала кличка»⁴⁹.

Приведем еще два сообщения жителей с. Константиново Рыбновского р-на о прозвищах, образованных по сословному признаку и по фамилии, причем полученные клички «приросли» накрепко и стали передаваться по наследству:

«Ефремов Н.И.: Говорять: тут үдэ-то *Купец*. Он потом на лошади работал на молоко-заводе, возил там на лошади. Хто такой *Купец*? Откуда-то вот кликұха взялась.

Воробьёва М.Д.: Ну, это, наверно, что-нибудь такое – купцы. Они ведь вон там, купцы-то – они вон там, рядом с маузином. Там недалеко от маузина тоже Вавиловы-купцы. А он не Николай Иванович Вавилов, а *Купец*. “Николай Иванович Вавилов – үде это? А что, үде, какой Николай Иваныч? А, *Купец*! Да вот тут!”»⁵⁰.

Еще одну версию происхождения прозвища *Купец* в с. Константиново Рязанского уезда со слов старожилы привел А. Д. Панфилов:

«Мой отец Иван Лукич был прозван Купцом, – рассказал мне Петр Иванович Воробьев (в конце 60-х во время нашей встречи в Москве Петру Ивановичу было около шестидесяти). – Вот как это случилось.

Перед школой купили ему сапожки и красную рубаху. Очень ему обнова понравилась. Носился по избе как петушок. На улицу вышел. Его увидели: “Ой, какой нарядный мальчик!” А он возьми да и скажи: “Я купец!” С тех пор и пошло. Купец да купец. И он всю жизнь Купцом оставался, хотя никогда не торговал, и мы, дети его, смолodu Купцами стали. И сейчас в село приедешь, говорят: “Петя Купец приехал”. И никто не скажет – Воробьев. Да и не знает никто, что Воробьев»⁵¹.

Н. И. Ефремов рассказал о происхождении прозвища своего деда, данное по фамилии:

«В этой палаточке все! Я молод был ещё. <...> Я был очень молод и бедняк, хотя моя семья – у менé *Гусёк* был дед! Лошади были такие – так запряжай и сажай подрұу – и понеслась душа в рай! Очень боуáтый! И вёл себя, лавку вёл, а пошло: тут Иван Константиныч *Гусёк* тут помер – фамилия Гусев. Да, он помер, царство ему небесное, очень серьёзный был мужик. И от них пошло-поехало.

Значить, дело было так. У них уже от роду находились, вот как Вы, допустим, имели лавку, и потом пошло. Передавали, допустим, тама сыну или внуку, и пошло это дело. У них – он и счас стоить – был капитальный поуреб. Они, значить, там орууанизовáли торұóвлю, он ездил, лошади были хорошие. А мой дед – *Гусёк* – от них пошёл. Он пощады не давал. Самых наилучших лошадей: чтобы, значить, взáди, а он сидеть впéреди, а сзади чтобы лошадь вставала и шла так вот прямо через – очень (?) быеть ноуáми об телёуу. И он в Рязань ездил и занялся торұóвлей. Ну и всё. Бабушка моя была, упокойница, в здравии, сильная женщина, во. А она, значить, ему помоуáла. Значить, тут в палатке сделали амбар – и торұóвáть»⁵².

Случалось и наоборот: прозвище носило временный характер, образовывалось у ребенка в силу каких-то обстоятельств, а при его взрослении исчезало или заменялось другим, зачастую родовым, семейным. Об этом рассуждала А. А. Есенина – сестра поэта, вспоминая о своем детстве, когда ей было около четырех лет, а отец работал в Москве в мясной лавке купца Крылова:

«В эти годы меня прозвали “купчихой”. Прозвище это я получила из-за пальто. Мать наша, приезжая к отцу в гости, часто стирала белье, мыла полы, прибирала в доме у хозяйки. В уплату за труды ей часто давали всякие детские обноски, и так как купеческие дети были постарше меня, то эти обноски шли мне. Среди таких обносков было почти совсем новое зимнее пальтишко. Я до сих пор очень хорошо его помню: синее, расклешенное, на шерстяной вате и на чудесной шерстяной подкладке в клетку. В этом пальто я ходила за французскими булками, которые выпекал наш односельчанин дядя Илья. В этом пальто, в новых валеночках, с румяными булками в руках я действительно походила на купчиху»⁵³.

Принцип социального расслоения народа заложен в прозвище, появившемся в конце XIX века в с. Константиново Рязанского у. (ныне Рыбновского р-на) и запечатленном в меморате об имянаречении Есенина: «<...> она боялась, что мальчик будет иметь сходство с их соседом Сергеем, носящим прозвище “кулак”, которого Аграфена Панкратьевна видеть не могла»⁵⁴. Вероятно, автор воспоминаний транслировал более поздний переносный смысл слова «кулак», появившийся после Октябрьской революции 1917 г., на события 1895 г.

Попутно заметим, что в Рязанском, Михайловском и Зарайском уездах в 1890 г. записано насмешливое присловье «Сергей – поп, Сергей – дьякон и дьячок»⁵⁵, которое также встречается в припеве плясовой песни. В с. Секирино Скопинского р-на в 1989 г. мы записали необрядовую песню «Вдоль по берегу крутому...» (очевидно, это переделка 1920-х годов старинной песни – вероятно, свадебной с троекратным мотивом расчесывания молодецких кудрей), с припевом:

Сергей-поп, Сергей-поп,
Сергей – дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевна
И звонарь Сергеевна,
Вся деревня Сергеевна.
Комсомольский комитет
Разговаривает.

Ой да вы, ребята,
Ой вы, комсомольцы,
Браво, браво, браво, молодцы!⁵⁶

Эти примеры (Купец, Купчиха, Кулак) показывают, что целый ряд прозвищ порожден реальной действительностью и особенно привязан к историческому моменту. Еще один яркий пример – прозвище *Гагарин*, данное Юрию Васильевичу Вавилову, который родился в с. Константиново Рыбновского р-на в 1961 году⁵⁷ – в год полета первого человека в космос. Прозвище Гагарин обусловлено фамилией первого космонавта, тем более что и имя Юрий, вероятно, тоже дано в честь Юрия Алексеевича Гагарина.

Помимо профессиональных и социальных прозвищ, случалось и наоборот: появлялись личные прозвища («кликúхи»), часть из которых со временем породила неофициальные родовые фамилии, и эти семейные прозвания фигурируют в речи местных жителей как собственные имена «по-уличному»⁵⁸, «подвóрно» и «по подвóрью»⁵⁹.

Вроде бы профессиональный принцип заложен в кличке Винтик, однако причина его возникновения совершенно другая, обусловленная непроговариванием, перестановкой некоторых звуков и даже вклиниванием в слово дополнительных призвуков детьми: «Винтик – дразнят мужчину. В маленьком возрасте его спрашивали: “Как тебя зовут?” Он отвечал “Витька”, а слышалось как “Винтик”, так и пошло»⁶⁰ (с. Октябрьское Пронского р-на).

Это совершенно типичный принцип образования индивидуальных прозвищ в раннем детстве. Уже упомянутый житель с. Константиново Рыбновского р-на Н. И. Ефремов рассказывал о подобном случае в их селе:

«Ну, как кликуха. Ну, как уговорится, кличь такая. “Как, милка, тебя зовут? – Саша”. А он не выговаривал, уговорил Чача – так он и остался Чачей. И всю жизнь Чача!

Поэтому я и уговорил, что чтобы назвать, где тут Ефремов Николай Иванович живёт, уговорять: “Ваньчок где? – Вот он!”»⁶¹.

Некоторые жители разных селений получили со временем несколько прозвищ: например, А. С. Астахова – «Желудок (из-за маленького роста) и Синявка»⁶² (с. Озёрки Сараевского р-на). Такой же принцип – одновременного существования двух и более прозвищ, выступающих синонимичными наименованиями, – отмечен и для родовых прозвищ (см. выше).

Еще одна важная составляющая проблемы имянаречения – так называемые «домашние» прозвища – ласковые наименования, с которыми взрослые обращались к детям. С. А. Есенин в юношеской повести «Яр» (1915) показывает пример такого называния еще безымянного младенца – в речи пришедшего крестьянина Епишки: «Ути, мой *месяц серебряный*, как свернулся-то...» (Есенин V, 128).

В с. Константиново Рыбновского р-на – в родном селе Сергея Есенина – имеется множество примеров наделения детей прозвищами, выполняющими роль своеобразной деревенской фамилии:

«А у нас все по прозвищам. Мне, допустим, почему меня *Ваньчок* зовут? Дело в том, что отец у меня был Ваня, потом он нас так кинул, уехал в Коломну <...> И поэтому: его звали Ванька, а фамилия Ефремов. Фамилия за мной сохранилась. Это как удобно называли, уговорить: “Где живёт тут Николай Иванович Ефремов? – Кто? Чего? – Говорить: да вот такой – название Ваньчок? – О! Вон!” <...> Все, все буквально в деревне по прозвищу только. Или кликухи. Ведь вот сейчас подчёркиваю, что уговорю: “Где живёт Николай Иванович Ефремов? – Какой? Кто?”»⁶³.

Иван Ефремов – отец данного респондента – очевидно, не был первым носителем «кликухи» Ваньчок, поскольку такое прозвище впервые зафиксировано намного раньше – в юношеской повести С. А. Есенина «Яр» (1915). В с. Константиново Рыбновского р-на было несколько семей Ефремовых.

Вообще «Яр» наполнен крестьянскими прозвищами, причем их носят взрослые люди: *Андрюха Сова* (прототипом является отец Сергея Мамонтова – одноклассника Есенина) (Есенин V, 360 – коммент.); *Ваньчок* (прототип Иван Яковлевич Ефремов, живший по соседству с Ф. А. Титовым – дедушкой поэта) (Есенин V, 359 – коммент.); *Митька-Сюсюка*, *Царёк*, *Кондак* и др. (Есенин V, 360 – коммент.).

Про *Митьку-Сюсюку* известно следующее: «В Матове, напротив Федора Андреевича <Титова>, жил у своей матери Митька Сюсюка. Фамилия его была Горбунов. Сюсюкой прозвали за невнятность речи»⁶⁴. Известен глагол «сюсюкать» – то есть говорить с маленькими детьми слащаво, с употреблением словечек с уменьшительно-ласкательными суффиксами, полагая, что это специальный детский язык (хотя малышам трудно воспринимать длинные многосложные слова). В д. Деулино Рязанского р-на бытуют фонетические формы прилагательного – «сюсявый» и «сясявый», означающие «шепелявый, страдающий каким-либо дефектом речи» (ССРНГ, 553). Местные жители рассказывали: «Ш’ш’ас-та мы вот с’ус’авьи, з’убы-та ш’ш’ирб’атыи»; «С’а’авьи – у каво йазык тупават, карт’авай» (ССРНГ, 553 – д. Деулино Рязанского р-на).

Вот описания событий в «Яре» Сергея Есенина, в которых участвуют люди, поименованные прозвищами, а их реальные имена в повести так и остаются неизвестными чита-

телю: «В избу вкатился с расстегнутым воротом рубахи, в грязном фартуке сапожник Царек» и «Царька обступили корогодом и стали упрашивать, чтоб сыграл на губах плясовую» (Есенин V, 53) и др.; «В избу ввалился с тальянкой Ваньчок и, покачиваясь, кинулся в круг» (Есенин V, 53).

Есенин привел в «Яре» случай, когда женское имя в уменьшительно-ласкательной форме стало прозвищем молодого человека:

«— Как тебя величают-то?... <...>

— Правда, Аксютка... Когда крестили, назвали Аксеном, а потом почему-то по-бабьему прозвище дали» (Есенин V, 45-46).

Прозвище *Аксютка* как бы подчеркивает несерьезность характера парня, который придумывает ужасную историю, выставляет себя преступником-«живорезом» и нелепо погибает в случайной драке, сознавшись перед кончиной в смертоносной выдумке.

Заметим, что в повести «Яр» всех героев можно разделить на разные группы по принципу их именования: одни персонажи носят собственные имена, другие именуется исключительно прозвищами, третьи сочетают собственное имя с прозвищем, четвертые соединяют имя с указанием степени родства. Примеры двух разных типов соединений имени с прозвищем — Андрюха Сова, Аксен и Аксютка. Наиболее важный пример, включенный в повесть из фольклорных легенд и духовных стихов, связан с именем святого: «Помню, как рассказал про Алексея Божьего человека, инда захныкала» (Есенин V, 48).

Интересно, что одни имена в «Яре» варьируются от полного до уменьшительного и уменьшительно-ласкательного (Константин Карев и Костя, Филипп и Филюшка, Филька, Лимпида и Липа, Наталья и Натальюшка, Степан и Степка, Анна и Аннушка, Марфа и Марфинька); другие всегда остаются полными — с той или иной степенью полноты представления человека (Борис Петрович, Аким, Анисим, Акулина, Федот, Прохор), иногда поданы в разговорной, диалектной огласовке (Иван Яклич, Петруха Ефремов, Петро); третьи известны лишь в краткой, «детской» форме (Кузька, Юшка, Микитка, Федька, Мишка), причем их носителями могут быть дети и взрослые (столяр Епишка); четвертые меняются от одной бытовой формы к другой (Афоня, Афонюшка и Афонька). Имена привязаны ко времени — к жизни человека и к посмертной памяти о нем: «Пойду по монастырям православным поминать новопреставленного Константина» (Есенин V, 60), в связи с чем иногда случаются анахронизмы наподобие оксюморонов: «Однажды покойная Устинья везла с ярмарки спившегося Ваньчка <...>» (Есенин V, 54) — абсолютно типичных для народной речи. Крестьяне в устной речи обязательно разграничивают живых и умерших людей: напр., «покойная Устинья» и Устинья — без уточнения (значит, живая).

В то же время прозвище всегда остается неизменным, не способным трансформировать свое основное звуковое обличье: Царек, Ваньчок и др. Однако представлены и прозвища окказиональные, высказанные по случаю: «“Эх ты, сопляк”, — протянул он и, сняв картуз, полез в озеро сам» (Есенин V, 35) — так однажды высказался мельник Афонька о племяннике Кузьке на охоте. Или еще примеры: «“Бей живореза!” — кричал мужик и, ловко подняв ногу, ударил Аксютку по пяткам» (Есенин V, 56); «“Что ж ты стоишь, чертовка!” — ругал он глазеющую бабу» и «Подкачнуло тебя, окаянного, мою душу загубил и себя потерял до срока» (Есенин V, 57); «Знаю я вас, мошенников... михрютки вы сиволапые!», «Опять не чистил, скотина...», «Ты еще что мешаешься, — ткнул ее помещик ногой, — вон пошла, стерва!», «Ишь, черт дурковатый, — думал конюх, — не везет ни в чем, так и зло на всех срывает!» (Есенин V, 71). Число подобных примеров можно продолжить.

Употребление того же ситуативного прозвища-обращения в автобиографии «Сергей Есенин» (14 мая 1922 г.) подчеркивает его типичность для крестьян с. Константиново Рязанского уезда и, шире, Рязанской губ.: «Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: “Эх, стерва! Ну куда ты годишься?”» (Есенин VII (1), 8).

Показательно, что все приведенные ситуативные прозвища — временные номинации — обладают негативной коннотацией, отрицательной экспрессией. Однако местные жи-

тели не всегда считают такие прозвища ругательными, вкладывают в них иной смысл: «“Стерва” у него было слово ласкательное» («Сергей Есенин», 1922 – Есенин VII (1), 8).

Однако важно привести пример уничижительного самопрозвания, идущего со времен Древней Руси и отраженного в повести «Яр» Есенина: «Прости ты меня, окаянную» (Есенин V, 115). Такое унизительно-юродствующее, в какой-то мере шутовское отношение к себе сохранялось у крестьян Рязанщины в XX веке. Например, выходец из с. Озёрки Саравского р-на в 1980-е годы в Москве ругал себя шепотом за какие-то ошибки: «Эх, вот я дурак! Дурак! Дурак»⁶⁵; разумеется, он счел бы эти слова оскорблением, если бы они прозвучали из чужих уст в его адрес.

Прозвания имеются и у птиц (не только у людей), причем они устойчивые, фигурирующие в разговорной речи и фольклоре, – например: «Косач был подстрелен в оба крыла <...>» и «Косач кидался в обратную сторону и ловко проскальзывал за Кузькиной спиной» (Есенин V, 35) и др.; речь шла о коршуне, что видно из описания: «Синь, как вода, застыла в воздухе; алели паутинки, и висли распластанные коршуны» (Есенин V, 35).

Такое многообразие именованний персонажей позволило Есенину наполнить повесть людским многоголосием, продемонстрировать крестьянскую традицию использования разных приемов обращения друг к другу и названия людей в их отсутствие, что называется, «за глаза». В результате человеческий хор оказался многоречивым, разноголосым, в какой-то мере похожим на сложное звучание природы, вписанным во вселенский гул.

Важно отметить, что крестьянские писатели стали использовать прозвища вместо «говорящих имен», которые обычно предлагали читателям прозаики и драматурги более высоких сословий. Крестьянским писателям не нужно было изобретать фамилии героев с «прозрачной семантикой», поскольку клички обычно и так обладают ясной смысловой нагрузкой. У писателей-деревенщиков появился новый козырь: вслед за приведением клички последовало ее обоснование – так в художественные произведения оказались внедрены два фольклорных жанра: предания антропологического типа и дразнилки. Именно писатели, родом из сел и деревень, стали создавать яркие сюжетные линии, связанные с прозвищами своих героев. К числу таких писателей – уроженцев Рязанщины – помимо Сергея Есенина, относятся Б. А. Можаяев и А. И. Осипов.

Показательно, что многие представители современной сельской интеллигенции понимают ценность сельских прозвищ как важного явления народной духовной культуры и региональной истории. Поэтому они пытаются организовать сбор не только активно бытующих персональных кличек и родовых фамилий, но стараются обнаружить уже исчезнувшие из повседневного обихода прозвища.

Библиотекарь с. Октябрьское (бывш. с. Дурное) Пронского р-на завершает свою газетную статью с «говорящим» прозвищным названием «Зачем серчали дурновские рубели» страстным призывом к старожилам села: «Уважаемые односельчане, коренные дурнаши! Прошу вас, если кто помнит и знает сведения об уличных кличках, фамилиях, прозвищах, возможно, давно ушедших из этой жизни или живущих, приносите сведения в библиотеку. Все это будет сохранено. Ведь я уверена, что вам всем небезразлична история своего села. А я хочу, чтоб об этом знали и наши потомки»⁶⁶.

Некоторые работники культуры и учителя, наоборот, не уверены в правильности рассекречивания всех прозвищ своих односельчан, поскольку за личными кличками стоит не только история «малой родины», но и скрывается личная биография и судьба предков, иногда нелицеприятная. Очевидно, необходимо искать компромисс: одни прозвища следует назвать и раскрыть стоящую за ними индивидуальную или фамильную историю; другие надлежит сообщить, не указывая подлинных имен; о третьих лучше даже не докладывать широкой публике, предпочитая забыть их.

Сделаем ряд выводов по поводу возникновения и бытования прозвищ сельских жителей. Один тезис отчасти уже был заявлен в начале наших рассуждений: нельзя представлять обыкновение сельских жителей наделять друг друга прозвищами исключительно как

вредную привычку, как показатель культурной отсталости. Мало того, что прозвища бывают разными: как обидными, так и приятными, возвышающими человека. Значительная часть прозвищ является уменьшительно-ласкательными именами или, по крайней мере, восходит к ним. Прозвища имеют давнюю историю – многовековую традицию и в своей основе предшествовали фамилиям (большая часть которых тоже восходит к прозвищам), а потом стали соседствовать с ними и даже порождаться ими. Как и фамилии, родовые прозвища наследуются детьми, внуками и правнуками и переходят на принятых в «родовое гнездо» жен (приобретая типичный суффикс «-úха»), которые традиционно берут фамилию мужа в качестве общей супружеской фамилии. Иными словами: девушки, выходя замуж, получают не только фамилию мужа, но и его фамильное прозвище (с соответствующим суффиксом, обозначающим как раз ‘жену’).

Кроме того, коллективные прозвища порождаются местными топонимами, отношением первопредка (основателя рода или другого почитаемого в семье лица) к народному промыслу, к семейному / общественному или календарному ритуалу, обосновываются существованием у него какой-то отличительной черты (телесной, поведенческой и т.п.).

Безусловно, обыкновение наделять детей прозвищами восходит к древнему обычаю именования всех предметов и явлений, в том числе – людей. Смысл этого обычая – разграничивать объекты одного порядка, различать похожие реалии, утверждать самоценность каждого существа. Еще одно важное свойство этого обычая – применять почти всегда слова родного языка и его диалектов (в редких случаях – использовать корневые морфемы заимствованных слов, тоже вошедших в состав русского языка; еще реже – прилагать к односельчанам широко известные в определенный исторический период иностранные имена, ставшие в русском языке нарицательными наименованиями чужака, представителя иной нации), творить с помощью грамматических средств (приставок и суффиксов) новые собственные имена. Совершенно очевидно, что в связи с этим не прекращалось параллельное использование официальных имен из метрических книг и домашних обиходных прозвищ. Следовательно, обилие прозвищ у сельских жителей – это проявление не только местного, но и русского патриотизма.

Еще одна функция прозвищ – воспитательная: учить детей не употреблять нецензурные слова, говорить правильно и красиво, убедительно и доходчиво, с позитивным настроением, а кроме того – вести себя справедливо по отношению к товарищам, старшим и всему сельскому обществу. В противном случае последует наказание – наделение ребенка обидным прозвищем, от которого потом будет трудно избавиться, сложно заменить другим, нейтральным или положительным обиходным именем.

Наблюдается обилие прозвищ в каждом населенном пункте, когда почти любой житель обладает одним или даже несколькими прозвищами – индивидуальным и родовым, передающимся по наследству. Бывает так, что на протяжении жизни человека сменяются его прозвища, отражая какие-то особо яркие особенности его фигуры, этапов взросления, получения профессии и т.п., подмеченные его родными, соседями, друзьями и односельчанами. Вспомним примеры: Желудок и Синявка.

Некоторые прозвища обладают способностью к варьированию: напр., Кругляк и Круглый, Почтарь и Печкин – говорят об одном и том же человеке (см. выше).

Какая-то часть личных прозвищ употребляется только вместе с именем или обозначением половозрастного статуса: Маша-Сова, Андрюха Сова, Митька Зуёк, дед Круглый (см. выше).

Безусловно, прозвища являются более древним типом собственных имен, чем фамилии и даже личные имена.

Обилие прозвищ у жителей Рязанской обл. позволяет их систематизировать и затем классифицировать по разным критериям: по тематике, степени оценочности, словесной структуре, склонности к наследованию и т.д.

Имеются самые разные взаимоотношения между людьми, которые можно назвать вертикальными и горизонтальными связями – родственными и социальными. Эти направления связей действуют при возникновении прозвищ и отчетливо отражаются в том процессе, кто кому дает клички. Наблюдаются следующие векторы наделения прозвищами: 1) вертикальный, направленный сверху вниз (старшие дают прозвища младшим); 2) вертикальный, устремленный снизу вверх (младшие создают клички старшим); 3) горизонтальный (сверстники дают «кликухи» друг другу).

Объектами наделения кличками обычно становятся близкие люди: родители или старшие братья-сестры дают клички детям; дети дают прозвища учителям (однако такие прозвания учителей в ходу только между учениками) и т.п. Для процесса называния кличками важна неформальность общения: прозвища дают «свои» только «своим»; «чужие» исключаются из этого действия. Наоборот, ответственные работники (напр., учителя) не имеют права давать клички ученикам, даже в ответ на их словесные действия.

Композитор и режиссер В. С. Юханов, родившийся в с. Троица Спасского р-на в 1944 г., отмечал, что в его селении только уважаемые из-за занимаемой должности люди не обретали прозвищ:

«На селе люди больше помнили друг друга по прозвищам или кличкам, которые прилипали намертво и распространялись с молниеносной скоростью. Неприкосновенными оставались лишь батюшка, новый приезжий председатель сельсовета и участковый милиционер из Спасска. Старики, привычно ожидавшие утреннюю почту, сидя у окна и наблюдая, передавали домашним: “Вона Маняся с поштой... К Дюге счас пошла”. Если же Толька Юханов из дома направлялся вниз по улице, старики докладывали: “Толька Маняся вниз ча-во-то идёть. Зачем это, а?”»⁶⁷

Интересный момент, отмеченный еще одним исполнителем, – это отсутствие прозвищ у некоторых лиц: «Пятеро его внуков не имели кличек, кроме Машки Кадычѹхи (но это её другие так прозвали)» и «Нашу бабушку тоже никак не звали» (с. Озёрки Сараевского р-на; см. выше). Информант выдвигает причину, которая, по его мнению, объясняет отсутствие прозвищ в некоторых семьях в с. Озёрки Сараевского р-на: «У тѹти Аксины – у бабушкиной старшей сестры – никого не звали прозвищами: она никого не ругала»⁶⁸.

А. Д. Панфилов на примере прозвищ жителей с. Константиново Рыбновского р-на делает вывод: «Но строгой закономерности в переходе прозвищ не было и нет – слепые, стихийные силы властвуют здесь. Отец Василия Степановича Ефремова за манеру разговаривать был прозван Вороной с легкой руки случайного нищего, пущенного из милости в дом переночевать. Но ни Василий Степанович, ни его братья и сестры прозвище это не унаследовали»⁶⁹.

А. Д. Панфилов подытожил свои полевые наблюдения над бытованием уличных прозваний в с. Константиново Рыбновского р-на: «Некоторые ухитряются сменить за свой век несколько прозвищ. К другим прозвище вовсе не пристает»⁷⁰.

Возникает закономерный вопрос: почему некоторых сельских жителей миновали клички, хотя большинство населения села обладало индивидуальными, коллективными или фамильными прозвищами? Какие психологические, экономические или социальные причины способствовали этому? И вообще: хорошо это или плохо – отсутствие прозвищ у отдельных людей, как это влияет на взросление ребенка и его дальнейшую судьбу?

С распространением Интернета в России роль прозвищ стали выполнять «нѹки» – придуманные и условные имена, часто не похожие на настоящие имена, добровольно принятые на себя некоторой (достаточно большой) частью интернет-пользователей. Предшественниками «нѹков» являются псевдонимы, суть которых заключается не только в прятании истинного лица, но и в высвечивании его наиболее характерной психологической черты или особенности внешности, или важной на текущий момент литературной цели. В отличие от

прозвищ, «нѹки» всегда индивидуальны, приняты по собственной воле (а не навязаны другими людьми), не передаются следующим поколениям (во всяком случае, пока) и не привязаны к местности (кроме взятых по названию селения или иного топонимического объекта, нанесенного на географическую карту и потому «регионально-прозрачного»).

¹ Записи автора от Климкиной (дев. Русиной) Татьяны Гавриловны, 1924 г. р., уроженки с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.), проработавшей трактористкой в Великую Отечественную войну; зап. в Москве 07.05.2009.

² Записи автора от Солодковой Нины Александровны, завуча школы № 520, г. Москва, 1986-1990 гг.

³ Записи автора. Файл *img_0272.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁴ Записи автора. Файл *img_0272.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁵ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин Михаил Федосеевич (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

⁶ Записи автора от Климкиной (дев. Русиной) Татьяны Гавриловны, 1924 г. р., уроженки с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.); зап. в Москве 07.05.2009.

⁷ Записи автора. Файл *img_0272.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁸ Записи автора. Тетр. 37-Б. С. 11 – г. Сапожок, об Александре Ивановне Кузнецовой, 22.07.2009.

⁹ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

¹⁰ Записи автора. Тетр. 30 – Фуртова Мария Алексеевна, 1920 г. р., с. Корневое Скопинского р-на, зап. 2006 и 2007 гг.

¹¹ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012 г.). С. 13.

¹² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 49.

¹³ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

¹⁵ Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 16. Л., 1980. С. 111.

¹⁶ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012 г.). С. 24.

¹⁷ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012 г.). С. 10, 17.

¹⁸ См.: История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012 г.). С. 6, 24-25.

¹⁹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 49.

²⁰ Записи автора. Ежегодник 2008-2009 – Климкина (дев. Русина) Татьяна Гавриловна, 1924 г. р., уроженка с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.); зап. в Москве 23.04.2009.

²¹ Записи автора. Файлы *img_0272.jpg*, *img_0273.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13-14) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

²² Записи автора. Файл *img_0272.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

²³ Записи автора. Файл *img_0273.jpg* – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 14) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

²⁴ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 02.11.1991.

²⁵ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 02.11.1991.

- ²⁶ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 26 августа – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.
- ²⁷ СРНГ. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. С. 77.
- ²⁸ СРНГ. Вып. 16. С. 77.
- ²⁹ СРНГ. Вып. 16. С. 77.
- ³⁰ СРНГ. Вып. 16. С. 76.
- ³¹ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 27 августа – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.
- ³² Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Николай Иванович, 1934 г.р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ³³ Записи автора. Тетр. 8а. № 214 – Есина Мария Яковлевна (1927–2004), с. Константиново Рыбновского р-на, 10.09.2000; Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Н.И., 1934 г.р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ³⁴ Записи автора. Тетр. 8. № 220 – Поликушина Клавдия Алексеевна, пенсионерка, родом из Шиловского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 10.09.2000.
- ³⁵ Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Николай Иванович, 1934 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ³⁶ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012). С. 13.
- ³⁷ Записи автора от Самоделовой Анны Михайловны, 1929 г. р., дочери выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 2000-е гг.
- ³⁸ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.
- ³⁹ Записи автора. Тетр. 7. № 316 – Горина Пелагея Кузьминична, 1929 г. р., родом из с. Озёрки Сараевского р-на, г. Москва, 14.02.1993.
- ⁴⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), родом из с. Озёрки Сараевского р-на, и его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.
- ⁴¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 49.
- ⁴² Записи автора. Файл 2018Ryazan_Ozerki_Proshiny.txt – Прошина (дев. Кобзева) Наталья Алексеевна, 1963 г. р. (ее мама М. В. Кобзева, 1927-2018, родом из с. Озёрки Сараевского р-на); муж Прошин Лев Анатольевич, 1965 г. р. (?), род. в с. Озёрки Сараевского р-на, живут в Москве; 13.05.2018.
- ⁴³ Записи автора. Файл 2018Ryazan_Ozerki_Proshiny.txt – Прошин Лев Анатольевич, 1965 г. р. (?), род. в с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве; 13.05.2018.
- ⁴⁴ Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.
- ⁴⁵ Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.
- ⁴⁶ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012 г.). С. 13. Ср.: Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.
- ⁴⁷ Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Воробьева Мария Дмитриевна (1925-2005); Ефремов Николай Иванович, 1934 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ⁴⁸ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 49; курсив наш. – Е.С.
- ⁴⁹ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012). С. 13; курсив наш. – Е.С. Ср.: Записи автора. Файл img_0272.jpg – фото Е. А. Самоделовой рукописи (с. 13) в Краеведческом музее им. Н. М. Цунаева в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.
- ⁵⁰ Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Воробьева Мария Дмитриевна (1925-2005); Ефремов Николай Иванович, 1934 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ⁵¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 49.
- ⁵² Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Николай Иванович, 1934 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.
- ⁵³ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 26; курсив наш. – Е.С.

⁵⁴ Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М., 1963. С. 23 – со сноской на рукоп. И. Г. Атюнина; курсив наш. – *Е.С.*

⁵⁵ ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. К. 14. Ед. хр. 343. Л. 23 – Востоков И.Е. Пословицы и поговорки, собранные в Рязанском, Михайловском и Зарайском уездах Рязанской губернии, существующие во всяких классах народонаселения. 1890, ноябрь.

⁵⁶ Записи автора. Тетр. 6. № 208 – Корнеев Михаил Васильевич, 1921 г. р.; Корнеева Прасковья Васильевна, 1929 г. р., жена; Ерошина Василиса Николаевна, 1914 г. р.; Клягина Мария Устиновна, 1925 г. р.; Ларюшкина Ксения Сергеевна, 1927 г. р.; Лошина Евдокия Николаевна, 1920 г. р.; Машуныкина Татьяна Филипповна, 1939 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 01.07.1989.

⁵⁷ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 86 – Вавилов Юрий Васильевич, 1961 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 05.08.2005.

⁵⁸ Записи автора. Тетр. 37-Б. С. 11 – г. Сапожок Рязанской обл., 22.07.2009.

⁵⁹ Записи автора. Тетр. 35. С. 62 – с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (б. Раненбургского у. Рязанской губ.), 11.08.2008.

⁶⁰ История моего сельского населенного пункта. Октябрьское, 2000-е гг. (не позже 2012). С. 13.

⁶¹ Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Николай Иванович, 1934 г.р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.

⁶² Записи автора. Тетр. 1. № 507 – Трушечкин М.Ф. (1901-1992), уроженец с. Озёрки Сараевского р-на, его дочь Самоделова А.М., 1929 г. р., г. Москва, 02.11.1991.

⁶³ Записи автора. Тетр. 8б. № 602 – Ефремов Н.И., 1934 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 03.10.2000.

⁶⁴ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.

⁶⁵ Записи автора от Трушечкина М.Ф. (1901-1992), уроженца с. Озёрки Сараевского р-на, переехавшего в середине 1920-х годов в Москву, зап. в 1980-е гг.

⁶⁶ Записи автора. Файл img_0242.jpg – вырезка статьи – фото Е. А. Самоделовой в с. Октябрьское Пронского р-на 16.09.2010.

⁶⁷ Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. Рязань: Контраст, 2013. С. 11.

⁶⁸ Записи автора. Ежегодник 2013-2016, под 27 августа – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 11.11.2016.

⁶⁹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.

⁷⁰ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 50.

Глава 65. Помощь родителям

Детская помощь родителям – это труд, отчасти превращенный в игру, особенно у маленьких детей. В прежние времена подобный труд касался добывания пропитания (подножного корма), обеспечения ухода за скотиной, доставания дров, обучения ремеслам, необходимым для ведения натурального хозяйства.

А. А. Есенина, сестра поэта Сергея Есенина, вспоминала о том, как дети обеспечивали всю свою семью луговыми растениями по весне и ягодами летом:

«С весны до глубокой осени нас, ребят, манят к себе своими богатствами луга. <...> Первое, за чем мы туда бегаем, – щавель. Мальчишки лазят по озерам в поисках утиных яиц. Пройдут две-три недели, подрастет трава, появится скорода, за скородой – купыри, за ними – луговая клубника, растущая на наших лугах в изобилии»¹ (с. Константиново Рязанского у. / Рыбновского р-на).

Ей вторит В. С. Юханов, уроженец с. Троица Спасского р-на, 1944 г. р.: «Купались, собирали луговую клубнику, щавель, обрывали в кустах по берегам ещё уцелевшую ароматную малину, ежевику, которой было много»².

Есенин в автобиографиях неоднократно сообщал про детские забавы – ловлю рыбы и утят: «После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками» («Сергей Есенин», 1922 – Есенин VII (1), 8); «Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2-3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах, сначала замутив воду, руками, или выводками утят» («Автобиография», 1924 – Есенин VII (1), 14).

О ловле рыбы на песчаной косе в с. Константиново Рыбновского р-на вспоминает родственник Сергея Есенина:

«Мне кажется, первое, что нам, детям, давало очень много радости, настоящей радости – это времяпрепровождение на косе. Коса – это отмель, песчаная отмель, которая началась от нашего Матова и кончалась примерно против середины Волхоны, – говорит Николай Иванович Титов. – Вот там мы проводили время чрезвычайно интересно. На этой отмели были ручейки, и мы в этих ручейках купались и ловили рыбешку. Ловили очень оригинально: брали штаны, завязывали штанины и, как бреднем ведут, так и мы штанами вели и ловили рыбешку. Это, конечно, было чрезвычайно интересно»³.

Имелся еще целый ряд любимых местечек мальчишек, где они успешно рыбачили, порой даже безо всякого снаряжения: «Рыбу мальчишки ловили не только в речных протоках. Летом, особенно в сенокос, переправившись через Оку, на устланных росными покрывалами заливных лугах отыскивали обмелевшие бучаги и ловили рыбу, как и чем придется – и сплетенными из прутьев постельниками, и рубашками, и штанами. Иной раз ловили прямо руками, предварительно взмутьев воду в бучаге. Секрет этих бучагов прост: весной во время половодья они заполняются рыбой с Оки, а летом, особенно сухим, сильно мелеют. В обмелевшем бучаге во взмученной воде шуки начинают ходить по самому верху, не зевая, хватай, бросай на берег. Бабы, бывшие на покосе, иной раз выбрасывали рыбу на берег своими граблями»⁴ (с. Константиново Рыбновского р-на).

Ловля рыбы вызывала интерес мальчишек и в предыдущие исторические эпохи. С. Д. Яхонтов, уроженец с. Ухорь Пронского уезда, описывал особенности рыболовства в р. Алёшня в 1860-е годы:

«Да, Алешня тянула нас, а меня в особенности, как любителя удить рыбу. Это моя страсть! Никакая погода, никакое время дня меня не останавливали от самоотверженного стояния на берегу Алешни с удочками в Иванычах <нижнее течение реки во владениях Болотова>.

Тут в озерах окунь – да какой! Полосатый, с более темной окраской, чем в Проне. Пескарь в протоках из одного водоема в другой, на песчаном дне, ловился и игрушечно. Видно было, как стая из накидывалась на приманку, боролась за нее и до тех пор не покидала крючка, пока вся стая не погибала, делаясь жертвою “подсечки”»⁵.

С. Д. Яхонтов увлеченно описывал подробности рыбной ловли, акцентируя внимание на игровом начале, а не на собственно добывании пищи и помощи родителям в обеспечении пропитанием:

«Стоя на берегу, видишь, как стая окуней набрасывается на приманку и борется между собой за нее. Весь процесс уловления как на ладони – игра с наживкой, выбрасывание и втягивание ртом, бегство с наживкой от товарищей, потеря добычи возвращение к ней с большею решимостью и... тут главное – не прозевать момент... и окунек на берегу. Все это так занятно, что интерес наловить на уху отходит на 2-й план»⁶ (с. Ухорь Пронского у.).

С. Д. Яхонтов указывает, что даже детское занятие рыбной ловлей имело нюансы, соответствовавшие особенностям характера ребенка: «Ловить рыбу бреднем, “недёржкой” <мерёржкой?> – не в моем вкусе. Но семейные мои признавали только ту “массовую” ловлю. Я думаю, и в способе ловли рыбы уже проявлялся присущий мне индивидуализм»⁷ (с. Ухорь Пронского у.).

Рыбалка как одно из любимых детских развлечений сохранилась до сих пор. Вот как описывает это занятие старшеклассник Андрей Демин, 16 лет:

«Рыбалка – это дело особое. Рыбачим во все времена года. Удочки покупаем, но и делаем сами не только удочки, а и различные рыболовные снасти. В радиусе 3-4 километров от нас есть около десяти прудов, а речка в семи километрах. Простор для рыбалки есть. Иногда ловим раков на реке. Мы завязываем пропавшее мясо в длинную тряпку и опускаем на дно, держа другой конец над водой. Раки цепляются за эту тряпку, и мы вытаскиваем их на берег» (ответ на анкету 2004 г., пос. Заря Михайловского р-на).

В. Т. Коробков, уроженец с. Куровщино Ряжского р-на (1935 г. р.), вспоминал о детских занятиях мальчиков: «Летом ставили на речке верши, сплетенные своими руками из ивняка. Устанавливали вечером, до полуночи дежурили, чтобы никто не снял, рано утром вынимали с уловом»⁸. В.Т. Коробков продолжил рассказывать о том, как детская полугра-полуработа по добыванию пищи переходила в хозяйственный труд, выполняемый ежедневно: «А днем управлялись по хозяйству и в колхозе помогали»⁹.

В с. Константиново Рязанского уезда было распространено подростковое занятие – снимать с деревьев гнезда грачей, которые громко кричали и мешали отдыхать. Об этом сообщается в автобиографии «Сергей Есенин» в 1922 г.:

«Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду» (Есенин VII (1), 8).

А. Д. Панфилов, изучавший мальчишеские забавы в с. Константиново Рыбновского р-на, в книге «Константиновский меридиан» (1992) привел еще один способ использования яиц грачей подростками:

«Жившие в деревне знают, что особой удалей среди мальчишек считается незаметно сунуть грачиное яйцо в девичий карман, а затем как бы ненароком раздавить его.

В этом сомнительном деле, пожалуй, не столько озорства, сколько хулиганства, а, следовательно, и риска для инициатора, порой даже лишь предполагаемого. Обиженная деревенская девушка не городская кисейная барышня, оглянуться не успеешь, живо и основательно накомылит по шее, иной раз лишь по подозрению»¹⁰.

В бывшей помещичьей усадьбе И. П. Кулакова до сих пор растут огромные березы, на которых расположены в большом количестве гнезда грачей; их сейчас никто не трогает, и, наоборот, считают местной достопримечательностью.

Рыболовное снаряжение также использовали мальчишки с. Константиново Рыбновского р-на, причем делали его самостоятельно из природных материалов: «Ерша, окуня, плотву, иногда налима ловили и на удочку. Удилища нарезали из орешника, которого было много в Раменском лесу»¹¹ (Раменки – это расположенное неподалеку село).

Мальчишки с. Константиново Рыбновского р-на (как и других селений) подражали старшему поколению, заимствуя у него разные способы ловли рыбы: «Подобно взрослым, и зимой, и летом ставили верши. Верши бросали на дно реки, а затем поддевали “кошкой” с лодки. Ловилась щука, лещ, судак, язь, линь, даже стерлядь. По тихим заводям попадался карась»¹².

Писатель А. И. Осипов, родом из д. Аксиньино Рязанского уезда, в повести «Я люблю Кольку» (1972) привел любимую летнюю мальчишескую забаву, одновременно служившую добыванием еды с помощью охоты без применения оружия в родной деревне:

«Ты дергачатины не хочешь? – спросил он <Ванька>.

– Чего?

– Ребята, – крикнул Ванька, – а не пора ли нам ловить дергача?

– Пора!

– Ловим!

– Ура!

И все бросили свои дела, повскакали, понеслись к ручью.

– А это кто такой? – спросил я. <...>

Васька, все время вертевшийся вокруг Ваньки, пояснил:

– Дергач – это птица, понимаешь? Чуть меньше курицы и больше голубя. Не рыжая и не черная, такая, понимаешь, рябенькая. Живет во ржах и на лугу. Летает плохо, почти не умеет. Кто резвый – ее так догнать может. Прячется в траве, под кочками. Хитрая – жуть, понимаешь! Курятину когда ел?

– Ел! – ответил я, вспоминая вкус и запах курятины.

– Тогда совсем хорошо, – слегка улыбнувшись, вступил в разговор Константин. – Дергач лучше, вкуснее. Раз дергачатины попробуешь – и всю жизнь не забудешь.

Васька Комиссар дополнил:

– Мы их часто ловим. Они по утрам к ручью пить бегают.

– Да что там говорить, – сказал Ванька и снял с Васькиной головы, с моей и других голов картузы, шапки и пошел с ними к ручью. Сердце мое от радости ликовало. Я ободрился: еще бы, я теперь среди мальчишек! <...>

Ванька разбросал наши кепки, картузы и шапки по траве. Собрал мальчишек в кучу, приказал лечь и шептать:

Дергач, дергач, не ленись...»¹³

(Текст заклички про дергача см. в главе 46 «Детские приговорки и заклички» наст. изд.)

В прежние времена даже любование ледоходом на реках было подчинено хозяйственному делу. Жительница с. Константиново Рыбновского р-на, расположенного вдоль реки Оки, рассказывала о вылавливании дров из бурлящей воды: «Лёд пойдёт, а мы смотрим, как лёд идёт. Тоудá лёд шёл, а сейчас вот и лёд не идёт. Тоудá лёд идёт – друх на дружку лезет. Деревá проплывут – ловили дрова. Ведь дров-то не было! Их там, бывало, наловим из-под уоры, и на себе. Не жили, а мучилися»¹⁴.

Проф. Д. И. Ростиславов в 1868 г. описал процесс обучения девочек (дочерей священника) прядению с раннего детства в с. Шеянки Касимовского у.:

«С восьмого ж, а иногда и с седьмого года их возраста сестер моих сажали за женские работы или рукоделья, особенно за прядево <...>.

Сначала, как это бывает со всеми детьми, сестрам самим хотелось начать прядево, особенно когда надоедало учиться грамоте. Их сначала приучали понемногу к пряденью; но на восьмом или девятом году каждая из них была уже порядочно пряхою. Тут, может быть, иногда и надоедало сидеть целые дни на донце, но отделаться уже было трудно; обыкновенно давали каждой уроки и взыскивали за неисправности. Но с 10-11-ти лет у них уже являлось сильное соревнование к работе; всякой хотелось напрядь как можно более и лучше; готовы были целые ночи просиживать; тогда уже матушка иногда насильно заставляла их ложиться спать, чтобы не расстроилось их здоровье»¹⁵.

Этнограф Н. И. Лебедева описала свои наблюдения над девичьими играми в куклы, для которых девочки ткали поневы, применяя архаичный способ тканья: «В детских играх в Рязанской обл. и в Белоруссии, которые мне случилось наблюдать в 1927 г., применялся этот способ: девочка надевает по одной петле на каждый палец ноги, концы их соединяет вместе и привязывает к поясу, через каждую нить пропускает уток, прибывая его рукой. В Мелехове (Чучковский район Рязанской обл.) девочки таким способом ткали поневу для куклы. Основа была конопляная, уток – сученая черная и красная шерсть; получался клочок ткани, аналогичный поневной ткани, изготавливаемой взрослыми на ткацком стане»¹⁶.

В с. Лихунино Касимовского у. в 1924 г. было зафиксировано подобие детской игры и одновременно девичьего посвятельного ритуала в пряжи, основанного на поверье: «Чтобы выучиться хорошо прясть, нужно первые нитки смотать в клубочек, сжечь, а пепел съесть»¹⁷.

А. А. Есенина, сестра поэта Сергея Есенина, вспоминала, как мама приучала дочерей к труду: «Лет с шести-семи девочек приучают к работе – носить воду, нянчить детей, мести полы, а с девяти-десяти лет они ходят полоть и жать вместе со взрослыми, копают картошку, привыкают доить коров»¹⁸. Вспомним описание А. А. Есениной, как девочки в с. Константиново Рязанского у. в 1910-е годы играли в дойку коров, которых изображали с помощью красных кирпичей (см. главу 41 «Девичьи игры в куклы, в “школу”, в “магазин”, в “секретики”» наст. изд.).

Проф. Д. И. Ростиславов в 1868 г. подчеркивал стремление ребятишек из семьи священника в с. Шеянки Касимовского у. участвовать в общем сельскохозяйственном труде:

«Даже и малые дети – из подражания ли старшим, или из желания заслужить одобрение, а вместе с тем и посмотреть, что это там, где-нибудь на гумне или в поле, делается, – просятся туда же и стараются тоже что-нибудь делать. Первое занятие, похожее на работу, в нашем семействе было стаскивание снопов в кучи за жнецами, или перенос их на гумне от одоньев к овину. В этой работе участвовали дети даже 6-7 лет.

Другая работа, за которую принимались в 10-11 лет, это уборка сена. Обыкновенные грабли для детей такого возраста еще тяжеловаты; бывало, и просят дедушку сделать маленькие грабельки <...>»¹⁹.

Детям поручали пасти свиней: «В Туме почему-то свиней не отдавали для надзора пастуху. И так как это животное любит ходить туда, куда его не просят, и опустошать засеянные хлебом нивы, то небольших детей 10-12-ти лет посылали караулить этих животных»²⁰.

Как Д. И. Ростиславов в детстве пас свиней в первой половине XIX века, так и В. О. Федоров в 1960-е годы помогал пастуху присматривать за стадом коров: «В небольших деревнях, как Ореховка, Некрасовка, Крыловка, стадо состояло из 20-30 коров, стерегли их по очереди, выгоняли рано с рассветом. Пастух проходил по деревне и дудел в рожок, будя хозяек, чтобы выгоняли своих коров. У пастуха был длинный кнут с узелком на конце, который издавал резкий хлопок, чтобы коровы слушались. Мы, подростки, бывало, помогали взрослым пасти стадо. Нам было приятно самим подудеть в дудку»²¹ (с. Иньякино и соседние деревни Шиловского р-на).

С. Д. Яхонтов в мемуарах описал еще один близкий вид работы, поручаемой родителями детям во второй половине XIX века, – выпас своей скотины:

«На нас же, маленьких, лежало стережение свободных лошадей, коров, телят и пр. животных, когда они были не в стаде или табуне. Впрочем – оно было и стеснительно и приятно, смотря по тому, где происходило. Среди крестцов, на неубранном еще поле смотри в оба. Животные вороваты. Разобьют копны, особенно чужие, – нахлобучка от отца, брань от владельца хлеба. А как не заиграться! А жеребята особенно баловливы, сейчас в “хлеба”. Бывало и дранье за хохол.

Поездка верхом в луга, в местечки, где рослее трава и т.п., была приятна, потому что сопровождалась верховой ездой, а это всегда мальчику – первое удовольствие, поскакать на сивом, вороном, мальчике и т.п.»²² (с. Ухорь Пронского у.).

Уроженец с. Пителино писатель Б. А. Можаяев в стихотворении «Детство» (1955) опоэтизировал одну из первых сельскохозяйственных работ мальчиков – выпас домашних животных, в частности гусей:

Близкая, далекая, живая
Детская любимая пора!..
Ранним утром, гогот поднимая,
Выходили гуси со двора.
А за ними шел парнишка сонный,
Хмурый, нерасчесанный, босой.
– Шевелись! – кричит в квадрат оконный
Матушка, грозя ему рукой.
То был я. А мать грозит – ничто мне!
Пусть, мол, по привычке покричит.
И сердясь, уж на кого – не помню,
Набирал в карманы кирпичи.
Перебранка забывалась мигом.
Начинал я свой рабочий день²³.

Поэт Николай Яшков (1939-1986), уроженец д. Соколово Пителинского р-на, в стихотворении «Соколово» (1979) упомянул выпас коней в послевоенном детстве: «Здесь нововыставленных лошадей // Гонял с ребятами в ночное»²⁴.

В. С. Юханов, 1944 г. р., композитор и дирижёр в г. Рязань, в книге «По волнам моей памяти. Воспоминания» (2013) описал радость мальчишки, управляющего конем, но привел и неудовольствие взрослых членов семьи, которые считали сыновнюю помощь избыточной: «Рядом с домом деда Николая жил бригадир дядя Миша Сорокин, который охотно позволял мне отгонять вечером Огонька, а рано утром пригонять из табуна отдохнувшего коня. Я быстро научился запрягать и вскоре самостоятельно управлял им и очень гордился, когда в

руках держал вожжи и вёз женщин и мужчин на работу. Каждодневные поездки на сенокос не нравились маме и бабушке. Они требовали, чтобы я иногда оставался дома»²⁵ (с. Троица Спасского р-на).

К настоящему времени выпас скотины в ночном прекратился. По сведениям Андрея Демина, 16 лет, ученика Зарёвской школы Михайловского р-на:

«Дело со скотиной у нас сейчас обстоит не так, как раньше. Совхозные стада пасут наемные рабочие, которые заключили договор с директором. Стадо домашних коров сами жители пасут по очереди, в зависимости от численности своей скотины. Пример: у меня две коровы, значит, я пасу два дня. В ночное сейчас не ездим» (ответ на анкету 2004 г.).

Историк С. Д. Яхонтов указывал, что в 1860-е годы в с. Ухорь Пронского р-на в семье дьячка ратовали за учебу сыновей и убеждали детей, что в противном случае придется пахать всю жизнь в прямом смысле: «Всякая другая работа была веселее, но “Соха Андревна” недаром служила угрозой для тех из братьев, которые поленивались учиться. “Учись, а то под Соху-Андревну”, – приговаривала мать»²⁶.

И еще одна формулировка звучала в семье Яхонтовых, когда требовалось внушить детям мысль о необходимости учебы: «Меня не нужно было подстегивать, чтобы учиться прилежно, но братьям моим младшим всегда напоминали: “Учись, а то в пастухи”. Да и куда же было деваться неученому дьячкову сыну?..»²⁷ (с. Ухорь Пронского у.).

С. Д. Яхонтов, вернувшись на каникулы из Скопинского духовного училища в родное село Ухорь Пронского у. и желая помочь родителям, осознал все тяготы пахоты с сохой (в отличие от плуга, с помощью которого пахать легче):

«С непривычки за обедом – потянешься в чашку с “похлебкой” или шами, а рука дрожит и содержимое ложки плескается, едва доносишь до рта. <...> Для мальчика соха – орудие пытки, особенно плохо налаженная. Виляет из стороны в сторону, – держать приходится. Как набьет руки. В сухую землю не лезут сошники, в сырой – уходят глубоко. Или держать на руках или налегать нужно. Кто пахал – тот знает, что значит Соха Андревна»²⁸.

В. О. Федин в книге «Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории» (2014, изд. 2) показал преемственность овладения ремеслом, обучение детей навыкам мастерства со стороны их родных:

«“Последним из могижан” был Василий Николаевич Исаев, уроженец д. Ореховка. Родился на Пасху, прожил 80 лет, умер весной 2010 г. и был похоронен на родном кладбище. Он владел редким по нынешним временам ремеслом – умел лапти плести. Причём овладел он им раньше, чем изучил алфавит. За год до школы показал ему родственник, Исаев Михаил Авдеевич, как надо плести эту, на первый взгляд, незатейливую обувь. Это занятие передавалось в их роду по наследству. <...>

Парнишка оказался смыслёным, азами мастерства овладел быстро. С того времени и не оставлял Василий Николаевич это занятие, с душой лапти плёл. Исаев развил искусство плетения до такой степени, что сельчане просто диву давались! Плёл из лыка такие вещи, которые никто до него не плёл: шапки, кепки, рукавицы, перчатки... И даже галстук! Венцом его творчества стал костюм»²⁹.

Однако А. А. Есенина – младшая сестра поэта Сергея Есенина – отводила мальчишкам вспомогательную роль в хозяйствовании в семье – в отличие от девчат: «Мальчишки ездят в ночное или, если лошади в табуне, переезжают за ними вместе с бабами-коровницами за реку. Их дела мужские – на пашне и около лошади, и дел у них меньше, чем у девочек»³⁰.

П. С. Каданцев написал о том, как сельские ребяташки в середине XX века постигали мудрость природы на грядках и лишь потом изучали ботанику по учебнику: «Ведь роди-

тели привлекали нас к сельхозработам сызмала, например, к посадке картофеля под лопату, поливу рассады (капусты, помидоров, табака и др.), прополке овощных грядок»³¹.

Еще раньше С. Д. Яхонтов, вспоминая о забавах ребятишек в 1860-е годы в с. Ухорь Пронского уезда, отмечал: «Самые игры детей носили отпечаток сельскохозяйственный»³².

Собственных детей, живших уже не в селе, а в городе Рязань, С. Д. Яхонтов приводил на лето в родительское имение, где они приучались к сельскому труду и помогали по хозяйству родителям:

«Так проходило лето в деревне. Как будто и на отдыхе, но заняты бывали все без отдыха. Только вначале по приезде дети еще “вольничали”, а потом втягивались в общую работу. Рано утром, часа в 4 – я, бывало, бужу их: “Дядя Митяй на жнейку”, “Коля тоже”, “Святослав – снопы возить”, “Мстислав – на старую усадьбу – убрать сено”. Только Сережа и Верочка вне конкурса опять. Да и то: Сереже дело есть – посматривать за лошадьми свободными, чтоб куда не забрались. Верочка около мамы, с вареньем. Ей много беготни: то принеси, то сполосни, то досмотри, чтоб не перекипело»³³.

С. Д. Яхонтов в мемуарах восторгался осенней уборкой урожая, когда дети трудились и одновременно фотографировались в процессе работы: «А сбор фруктов! Сколько удовольствия детям, а мне смотреть на них. Все эти сцены сбора груш и яблок запечатлены в фотографических снимках сына Николая. Составился целый альбом из жизни нашей усадьбы в 1911 году»³⁴ (с. Ухорь Пронского у.).

С. Д. Яхонтов расценивал сельскохозяйственные работы, проводившиеся всей семьей, как исполнение божественной заповеди: «Так проводили мы лето в Ухори, – не в праздности, которая нам была не к лицу, но хотя и в труде, однако не без удовольствий, потому что труд был свободный, благословенный, рождаемый завещанною Творцом потребностью трудиться, а не корыстными побуждениями и расчетами»³⁵.

Крестьяне тоже прекрасно осознавали, что сельский труд естественен, и с детства приучали детей к нему. А. А. Есенина описывает, как мать исподволь, без принуждения, обучала дочь прополке картофеля:

«Помню, как она приучала меня полоть картошку. Уходя на огород, она не звала меня с собой. Через час-другой я сама прибежала и вертелась около нее. Вот тут-то она и скажет: “А ты рви травку, рви. Видишь, вот это картошка. Ее нужно оставлять, а травку рвать, а то она не дает никакого хода картошке”.

И невольно принимаешься за работу: идешь в бой с врагом. За вырванную случайно картофельную плеть мать никогда не ругала, а спокойно говорила: “Ну что ж, бывает”»³⁶.

Еще одной заботой Т. Ф. Есениной было научить младшую дочь носить воду из колодца, что она делала в игровой форме, понятной ребенку и увлекательной для него:

«Помню, как приучала ходить за водой; из консервных банок из-под сгущенного молока она сделала мне ведра, выстругала сама маленькое коромысло. И я была горда и довольна тем, что тоже хожу за водой. Но с непривычки “ведра” качались из стороны в сторону, и вода выплескивалась из них чуть не до половины, а принесешь домой хоть кружку воды, мать и за это похвалит: “Вот умница”»³⁷.

Жительница д. Ольховка Шиловского р-на Любовь Николаевна Назарикова, 1937 г. рожд., в рукописи «Из воспоминаний детства» привела сведения о заботе детей о родителях, которым они готовили летом ужин, превращая бытовое занятие в увлекательную игру. Важным моментом было доставание воды из колодца, когда ребятишки особенно проявляли фантазию, даже в ущерб пользе дела (позже их ругали родители за утопленные «ведёрки»-огурцы):

«Каждый летний день (особенно в июле-августе) под вечер мы собирались у своих колодцев для очень необходимого и обязательного дела: мы готовили нехитрый ужин для своих родителей. Они весь день были на колхозных работах, приходили затемно, уставшие. Когда им было готовить ужин? Их ещё ждала скотина во дворе и работа при луне на огороде.

Мы копали молодую картошку, мыли её у колодца. Тут же неподалёку было кострище, где у каждого из нас был свой кирпич, свой таганок, на которые устанавливались чугунки с варевом. Заготавливались сухие щепки, сухие палки собирались вокруг, разжигался общий костёр. Усаживаясь вокруг кострища, мы ждали, когда же закипит картошка.

А постоянным гарниром к ней были огурцы с грядок.

Дождавшись, когда картошка будет готова, мы приступали к следующему действию: выбирались самые большие огурцы, жёлтые “семенники”, и вычищались у них внутренности от семян. Через срезанную верхушку протыкался прутик, на него привязывалась суровая нитка. Этим своеобразным ведёрком доставалась вода из колодца. Хотя общее большое ведро всегда было на “журавце”, но доставать воду своим ведёрком было заманчивее, интереснее.

Незамысловатый наш ужин всегда был из молодой картошки, огурцов и запивался “огуречной” водой.

В большой ребячьей компании и аппетит разыгрывался завидный. Ведь к каждому дому нас было по 3-5 детей. Ужин съедался нами тут же у колодца. И в срочном порядке надо было готовить опять картошку с огурцами для скоро возвращающихся с работы родителей.

И мы успевали приготовить второй ужин»³⁸.

Проф. Д. И. Ростиславов в XIX веке подчеркивал гордость ребятишек, помогающих родителям в исполнении различных домашних работ: «Чувствуешь с маленькою гордостью, что и я тут участвовал, что и моя, по русской пословице, денежка не щербата, что и я не даром хлеб ел в каникулы»³⁹ (с. Шеянки Касимовского у.).

В. Т. Коробцов описал обычные заботы детей по добыванию даров природы в лесу, расцениваемые не только как элемент домашнего хозяйства, но и как помощь фронту в Великую Отечественную войну:

«В ближайший лес ходили за грибами. Когда мучила жажда, пили воду из лужи на лесной дорожке через полу рубашки, и ничего, не болели. Купались в карьере по пути домой. В полях в те годы развелось много сусликов. Мы брали два ведра, наполняли их водой из “ржавца”, находили нору и выливали в нее воду. Суслик выскакивал, мы его ловили, снимали шкурку, натягивали на дощечку, чтобы высушить, и потом сдавали приемщику за небольшие деньги. Еще в аптеке принимали кору с корней определенных кустарников, тряпье можно было сдать в обмен на рыболовные крючки, шарики, свистки»⁴⁰.

В рукописной летописи с. Чернава Милославского р-на отмечалось, что в начале XX века крестьянские женщины-матери вынуждены были ходить на подённую работу с малышами: «На подёнку с собой они брали и детей, так как их не с кем было оставить дома»⁴¹.

¹ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 12.

² Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. Рязань: Контраст, 2013. С. 20.

³ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 127.

⁴ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 128.

⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 52. Кн. 1. С. 48.

⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 48.

⁷ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 49.

- ⁸ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девярых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 153.
- ⁹ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители. С. 153.
- ¹⁰ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 130.
- ¹¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 128.
- ¹² Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. С. 128.
- ¹³ Осипов А.И. Я люблю Кольку. Повести. М., 1972. (1-е изд.) С. 23-24.
- ¹⁴ Записи автора. Тетр. 8. № 245 – Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 11.09.2000.
- ¹⁵ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. Июнь. С. 214.
- ¹⁶ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Лебедева Н.И. Научные труды: В 2 т. /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. Т. 2. С. 22.
- ¹⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/508. Кн. I. Ед. хр. 24. Л. 7 об. – с. Лихунино Касимовского у., 1924 г.
- ¹⁸ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 11.
- ¹⁹ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. Июль. С. 392-393.
- ²⁰ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. С. 403.
- ²¹ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. Изд. 2, перераб. и доп. Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 131.
- ²² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 45-46.
- ²³ Зелена моя дубрава. Сб. стихов. К 80-летию со дня рождения Б. А. Можаяева. Шацк: Шацкая типография, 2003. С. 12.
- ²⁴ Зелена моя дубрава. Сб. стихов. К 80-летию со дня рождения Б. А. Можаяева. С. 24.
- ²⁵ Юханов В.С. По волнам моей памяти. Воспоминания. Рязань: Контраст, 2013. С. 20-21.
- ²⁶ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 44.
- ²⁷ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 2. С. 71.
- ²⁸ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 44.
- ²⁹ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 322-323.
- ³⁰ Есенина А.А. Родное и близкое. Изд. 2, доп. М.: Советская Россия, 1979. С. 11.
- ³¹ Каданцев П.С. Дела давно минувших дней. Сараевские были (Из воспоминаний) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 16. Сараевский сборник. Рязань, 2008. С. 234.
- ³² Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 1-3. Кн. 1. С. 44.
- ³³ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 13 /Сост. В. Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. 2012. Вып. 47. С. 47.
- ³⁴ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 13. С. 47-48.
- ³⁵ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 13. С. 48.
- ³⁶ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 17.
- ³⁷ Есенина А.А. Родное и близкое. С. 17-18.
- ³⁸ Федин В.О. Инякино и близлежащие населенные пункты. Страницы истории. С. 516.
- ³⁹ Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академии, † 18-го февраля 1877 г. // Русская старина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. Июль. С. 408.
- ⁴⁰ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девярых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 154.
- ⁴¹ Записи автора. Тетр. 23-А. С. 127 – рукописная летопись с. Чернава Милославского р-на, хранится в сельсовете, переписано 08.07.2002.

Глава 66.

Трудовое воспитание детей в сельском обществе

Крестьянских детей рано приучали к труду не только в семье, но и в обществе.

С. Д. Яхонтов в мемуарах описывал внимание ребятишек к рукоделью австрийцев, попавших к русским в плен в Первую мировую войну и оказавшихся в рязанском селе Ухорь Пронского у.: «Дети и те собирались около своего пленного, который не сидел сложа руки, а что-нибудь мастерил, и детей занимал деланием игрушек»¹.

Н. Н. Сарычева в отпечатанной на цветном принтере в сельской библиотеке брошюре ««Есть такой уголок на земле». История села Ленино» (с. Ленино Александрово-Невского р-на, 2014) указывала о трудовом воспитании подрастающего поколения, практиковавшемся предками ее односельчан: «Крестьянские дети с детства вынуждены были трудиться. Мальчики помогали в пахоте, севе и других полевых работах, ночью пасли лошадей, чтобы накормить их для следующего рабочего дня. Девочки помогали матери по хозяйству, нянчились с младшими, работали на прополке и поливе полей и огородов. По вечерам, при свете лучины, пряли, помогали матери ткать холсты. Этим они занимались в основном зимой»² (с. Комаровка Раненбургского у.).

Автор брошюры подчеркивает многодетность патриархальной крестьянской семьи, ее крепкие устои, которые были подорваны проводившейся в конце 1920-х – начале 1930-х годов коллективизацией. Н. Н. Сарычева привела фрагмент воспоминаний М. Д. Наумкиной (1912 г. р.) о своем детстве, пришедшемся на этот сложный период: «Я родилась в большой, но зажиточной, по тем меркам, семье. У нас было 9 детей. Я была пятая. С детства была приучена к труду: помогала по дому, сидела в няньках с младшими братьями и сёстрами. Хозяйство у нас было крепкое. Лошадь имели и весь конный инвентарь. В 1931 году у нас всё отобрали и сослали на Урал. Везли в вагонах для скота, было душно и холодно. Еле-еле выжили. А потом сбежали и вернулись домой...»³. М. Д. Наумкина не помнила, сколько времени их семья добиралась до «малой родины». Измождённые, обезумевшие от голода и усталости, взрослые и дети еле передвигались. Мария Дмитриевна вспоминала, как родные то ли потеряли, то ли бросили её в дороге, но потом опомнились и вернулись за ней⁴.

В период Великой Отечественной войны подростки трудились наравне со взрослыми, заменив собою отцов и старших братьев, сражавшихся на фронте с фашистами. Н. Н. Сарычева приводит запись из хозяйственной книги колхоза им. В. И. Ленина и с. Ленино (ныне Александрово-Невского р-на) за 1944 год:

«Всего дворов – 341. Население трудоспособное:

а) мужчин от 16 до 60 лет – 59,

б) женщин от 16 до 55 лет – 334,

в) подростков от 12 до 16 лет – 147.

Число трудодней – 178, 179»⁵.

Из этой записи видно, что подростки 12-16 лет считались работниками, равноправными со взрослыми людьми и получавшими зарплату в виде принятых тогда трудодней. В колхозной хозяйственной книге не уточняется, какими видами работ занимались подростки. Однако исходя из перечня сельских профессий, из указания полеводческих бригад и из большого числа подростков – 147, становится ясно, что подросшие ребятишки работали в поле: «Число бригад в колхозе – полеводческих 7, в них работают 339 чел.; число звеньев – 21»⁶. Известно, какие сельскохозяйственные растения выращивали школьники наравне со

взрослыми: «Выращиваемые культуры – рожь, пшеница, овес, просо, гречиха, вика, бобовые, конопля – семя, картофель, капуста, огурцы, столовые корнеплоды»⁷.

Безусловно, вчерашним детям не могли доверить сложные профессиональные должности, которые исполняли взрослые, что также отражено в хозяйственной книге: «Доярок – 2; скотников-пастухов – 4; телятниц – 4; свинарей – 2; овчаров-чабанов – 2»⁸. В с. Ленино имелись «подсобные предприятия: мельница, крупорушница, кузница», а также «важнейшие сельхозмашины: двигатели – 2, плуги конные – 46, бороны – 44, культиваторы – 17, конные грабли – 4, жатки – 2, веялки – 4, сортировки зерновые – 1»⁹. Понятно, что такими сложными агрегатами управляли взрослые, однако дети гордились своими родителями, брали с них пример и намеревались после окончания войны поступить в технические училища, чтобы получить серьезную и востребованную в селе профессию.

В. Т. Коробков, 1935 г. рожд., уроженец с. Куровщино Рязского р-на, в газетной статье «В меру сил помогали взрослым» («Рязские вести», № 18, 2 мая 2013 г.) рассказал об умении мальчиков запрягать лошадей: «К концу войны и я уже самостоятельно управлялся с лошадьми. До сих пор могу в случае необходимости запрячь коня в телегу, ведь там всего-то нужно: надеть хомут, затем перевернуть его в рабочее положение; завести животное в оглобли; заправить снизу вверх дугу в гужи, начиная с левой стороны; затянуть на хомуте супонь, упираясь ногой в хомут (ребятишкам маленького роста, таким как я, это сделать было непросто); закрепить на лошади седелку; перекинуть через седелку чересседельник, закрепленный на оглоблях, и поднять их с хомутом. Запрягли – можно ехать»¹⁰.

В. Т. Коробков сообщил о разделении труда мальчиков в зависимости от их возраста в период Великой Отечественной войны:

«Мне тогда было уже семь лет, и в мои обязанности входил уход за коровой: ее нужно было рано утром выгнать к стаду, а вечером встретить и попасть возле дома до наступления темноты. Днем приходилось следить, чтобы коршун не потаскал цыплят от наседки. Мои старшие братья Николай (1928 год рождения) и Дмитрий (1931 год рождения) принимали самое деятельное участие в колхозной жизни. Николай был конюхом и выполнял все полевые работы, связанные с лошадьми – пахал, косил, молотил. Позже он собирал молоко от населения. На лошадях работал и Дмитрий, он ездил в Рязк за горючим»¹¹.

В. Т. Коробков поведал аналогичные сведения о работе подростков в 1941-1945 гг., опираясь на сообщения родственника:

«По воспоминаниям двоюродного брата Дмитрия Яковлевича Матвеева, в годы войны (ему тогда было 12 лет) на правлении колхоза в марте из подростков сформировали четыре бригады для вспашки полей. Распределяли лошадей, сбури, плуги. Начали готовить к работе эту нехитрую амуницию. Ежедневная норма на “пахотный агрегат” составляла один гектар. Работали от темна до темна, ночевать домой не ходили, спали в шалаше. Рано утром бригадир будил всех, буквально за ноги вытаскивая не выспавшихся малолетних пахарей из-под навеса. На обед ходили к бабке, которую колхоз нанимал готовить еду. Пахали не только мальчишки, такие, как Дмитрий, вставали за плуг, и Клава – 13-летняя дочь Анны Матвеевой, и Анастасия Скиляжина»¹².

В зимнюю пору сельскохозяйственный труд был попроще, но также требовал подростковых рук в войну 1941-1945 гг.: «Зимой бригады колхозников-подростков занимались вывозом на поля навоза, накопленного возле ферм, вели сбор печной золы, объезжая подворья»¹³ (с. Куровщино Рязского р-на).

И такая ситуация с помощью подростков взрослым в годы Великой Отечественной войны была повсеместной в Рязанской обл. и по всему Советскому Союзу (ныне России).

В послевоенное время бабушки продолжали приучать ребятшек к труду и к ведению домашнего хозяйства. С. Б. Нестеров, 1957 г. р., житель Москвы, вспоминал о канику-

лах в с. Нагайское Ряжского р-на: «Мне было лет десять, когда бабушка попросила меня зарубить куренка, до этого я не имел подобного опыта»¹⁴.

С. Б. Нестеров, со слов уроженки с. Нагайское Ряжского р-на, сообщал, как дедушка приучал внуков к посильному труду и к полезным тратам своего заработка:

«Помню, как мы, босоногие девчонки, с моей двоюродной сестрой Машей бежали за дедом на Добрую Волю. Это у нас был поход за дикой клубникой. <...> Дедушка предупредил: “Девки, крупные ягоды в ведро, мелкие – в рот!” И работа закипела. Дедушка утром ушел в город Ряжск продать эту клубнику, а на вырученные деньги купил нам по букварю, а себе – деревянные счета»¹⁵.

Дети распространяли понимание важности устройства общества по семейной модели на весь природный мир. Дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на рассказывала уже своей дочери о постижении родительского поведения птичек городскими детьми, оказавшимися в эвакуации в 1941-1942 гг. в селе – на родине предков: «У бабушки в огороде свила гнездо в смородине птичка. Мы приоткрыли ветки, а из гнезда три птенчика рты открывают. Почему? Дядя Петя: “Они слепые, думают, что мать червячка принесла, слышат шелест. Надо осторожно, чтобы не спугнуть”. На следующий день посмотрела – всё повторилось»¹⁶. Будущему «дяде Пете», то есть младшему брату рассказчицы, тогда было 6-8 лет (он моложе своих сестер на 3-5 лет), но уже пользовался большим авторитетом из-за своей любознательности и пытливого ума.

Выходцы из рязанских крестьян, переселившиеся в город, продолжали воспитывать своих детей, родившихся уже вне сельской среды, согласно патриархальной традиции, в почитании старших. Показателен поступок девочки-подростка, решившей отблагодарить обычную бабушку-крестьянку, которая приютила эвакуированное московское семейство в своем маленьком домике в с. Озёрки Сараевского р-на. Об этом сообщила та же рассказчица:

«Жили с бабушкой <мамой>, она с работы рассчиталась в Москве, и мы уехали. Жили с июля 1941 по июль 1942 года, а я по декабрь 1942 года. Ещё месяца три у тётки Екатерины жили после приезда в Озёрки. Фамилия бабушки – Волчкова, имя простое деревенское, забыла. Я перешла к Гуськовой Матрёне Андреевне (няньке), у неё ещё две учительницы жили и дочь Тамара, а Клава родилась после Великой Отечественной войны, когда муж пришёл с фронта.

Я в седьмом классе в Москве училась, нет – в техникуме, положила пять рублей в конверт и написала: “Спасибо за то, что мы у Вас жили. Купите себе гостинец”. Послала с первой стипендии, ответа не получила. Не завернула в бумагу: наверное, вытащили. Маме рассказала, а она: “Как ты послала? По переводу?” – “Нет, в письме”. – “О, там люди шустрые, они вытащат!” Рассказывали, что почтальоны прощупывали конверты, а я положила деньги со стороны обратной, где белый конверт. Это была большая сумма, расстроилась»¹⁷.

Родители и бабушки-дедушки подготавливали ребятишек ко взрослой жизни, вырабатывали у них этические нормы поведения, проводя с ними поучительные беседы. Родительские рекомендации часто включали пословицы и поговорки, основанные на метафорических и метонимических приемах и отразившие многовековой опыт крестьянской жизни, а также личный опыт: «В чужой монастырь не ходи со своим уставом. Счастья не было и нет, а остальное всё есть. Счастье не в деньгах, но без денег тоже никуда»¹⁸ (с. Колёсна Захаровского р-на и с. Гавриловское Спасского р-на).

О проблемах современной жизни старшее поколение рассуждает, показывая детям необходимость труда и общественного обустройства села: «Хоть бы колодец обрзили, ведь он на всю улицу один, на всю вселенную»¹⁹ (с. Колёсна Захаровского р-на и с. Гавриловское Спасского р-на). «Обрзить» означает «починить что-либо, отремонтировать»²⁰.

О сельскохозяйственной работе жительница с. Колёсна Захаровского р-на говорит: «Прибыль – картошку вскопать»²¹. Ей вторит обитательница д. Пупкино Захаровского р-на: «Земля предрасположена для картошки. Земля как икра, на хлеб мажь и ешь. Из Клепиковского района приезжали и хвалили, а в Белгородской области картошка как стеклянная»²².

Старожилы призывают к скромности в сельской жизни, рассуждают о ненужности и неоправданности огромных домов, которые затмевают собой православные храмы и тем самым нарушают привычный миропорядок: «Ведь поглядеть страшно: церквя, церквя!»²³ (с. Колёсна Захаровского р-на).

Жительница д. Пупкино Захаровского р-на предполагает, что Бог награждает содержательной жизнью или наказывает длительными жизненными тяготами человека в зависимости от его деяний; ее изложение мысли сродни поговорке: «За хорошие или за плохие дела век прибавляется»²⁴.

Взрослые внушали детям, что нельзя убивать животных:

«Сверчок – считается, счастье в дом приносит. Когда сверчок за печкой живёт, это хорошо. (А если его убить, то что будет? – Е.С.) У нас даже этого не было. Ну да, говорят: нельзя – значит, нельзя. То же самое, что лягушку нельзя убивать: что дождь будет. Сверчка нельзя убивать (1-я женщина).

Паука – то же самое. Я пауков не убиваю (Н. Р. Проскунин). (А про паука вы что слышали? – Е.С.) Хоть и слышал, что нельзя (Н. Р. Проскунин).

Я на улицу выкидываю. И лягушек, говорят, из дома нельзя выгонять (1-я женщина). (Лягушек из дома? – Е.С.) Да. (А как они домой-то попадают? – Е.С.) Заползут. Вот спросите у них! (Лягушки домой у вас попадают? – Е.С.) Да! У нас они по трубам. Моя мама так говорила: лягушка как зашла в дом, так она должна сама и выйти. То есть из какой-нибудь ситуации чтобы жители этого дома сами нашли выход. Если выкинешь её, то уже не найдёшь»²⁵ (с. Ленино Александрово-Невского р-на).

Таким образом, слушая запреты об убийстве земных тварей и поверья о них, дети с малых лет воспринимали гармонию Божьего мира, в котором должны по-соседски жить люди и звери.

¹ Яхонтов С.Д. Моя жизнь. Воспоминания. Кн. 13 /Сост. В.Г. Белоглазов, правнук С. Д. Яхонтова /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2012. Вып. 47. С. 53.

² Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. Ленино, 2014. С. 5-6. (Самиздат.)

³ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 16.

⁴ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 16.

⁵ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 24.

⁶ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 24.

⁷ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 24.

⁸ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 24.

⁹ Сарычева Н.Н. «Есть такой уголок на земле». История села Ленино. С. 24.

¹⁰ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители // Материалы девятых краеведческих чтений памяти В. И. Гаретовского (10-11 июня 2013 г.). Рязань: Ряз. обл. типогр., 2014. С. 153.

¹¹ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители. С. 155.

¹² Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители. С. 155-156.

¹³ Коробков В.Т. Село Куровщино и его жители. С. 156.

¹⁴ Нестеров С.Б. Отчалившая Русь: Исторические и этнографические очерки о селе Нагайском // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2012. Т. 33. С. 18.

¹⁵ Нестеров С.Б. Отчалившая Русь: Исторические и этнографические очерки о селе Нагайском. С. 99.

¹⁶ Записи автора. Ежегодник 2013-2015, под 26 июня – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 07.01.2014.

¹⁷ Записи автора. Ежегодник 2013-2015, под 28-29 июня – Самоделова А.М., 1929 г. р., дочь выходцев из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в Москве, 07.01.2014.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 42. С. 27 – Данилова (дев. Курявина) Мария Дмитриевна, 1932 г. р., родом из с. Гавриловское Спасского р-на, с 1980-х годов живет в с. Колёсна Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 18.07.2013.

¹⁹ Записи автора. Тетр. 42. С. 26 – Данилова М.Д., 1932 г. р., родом из с. Гавриловское Спасского р-на, живет в с. Колёсна Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 18.07.2013.

²⁰ Словарь русского народного говора. Л., 1987. Вып. 22. С. 191.

²¹ Записи автора. Тетр. 42. С. 25 – Данилова Мария Дмитриевна, 1932 г. р., родом из с. Гавриловское Спасского р-на, живет в с. Колёсна Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 18.07.2013.

²² Записи автора. Тетр. 42. С. 34 – Сизова Нина Федоровна, пенсионерка, д. Пупкино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 20.07.2013.

²³ Записи автора. Тетр. 42. С. 25 – Данилова Мария Дмитриевна, 1932 г. р., родом из с. Гавриловское Спасского р-на, живет в с. Колёсна Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 18.07.2013.

²⁴ Записи автора. Тетр. 42. С. 35 – Шабалова Екатерина Ивановна, 1922 г. р., д. Пупкино Захаровского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Балясова 20.07.2013.

²⁵ Записи автора. Звуковой файл WS760222.wma – про зубок. Тетр. 44 – празднование «зубок»; Гришина Оксана Борисовна, 34 г., соцработник; Черемисина Любовь Григорьевна, сотрудник клуба, 1962 г. р.; Наумкина Галина Михайловна, ок. 47 лет, сваха Л. Г. Черемисиной; Антипова Валентина Анатольевна, ок. 47 лет; Федуллова Светлана Анатольевна, 52 г., сестра В. А. Антиповой; Оксана Проскунина, ок. 40 лет, 3 детей – 2 дочки и сын (в ее честь устраивался «зубок»); Проскунин Николай Родионович, 53 г., муж, баянист; все участники фольклорного ансамбля «Сударушки», с. Ленино Александрово-Невского р-на, 03.08.2014.

Глава 67.

Сюжет о блудном сыне и символически-магическая роль ребенка в святочных гаданиях, на свадьбе и в вещих снах

Уроженец Рязанской губ., философ-самоучка Николай Федоров рассматривал моральные законы, порождающие вечный сюжет о блудном сыне, в труде «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства». Он писал:

«В детском чувстве, в чувстве всеобщего родства, заключается критерий и исходный пункт дальнейшего совершенствования (т.е. достижения совершеннолетия), уклонение от коего составляет падение, создает блудных сынов, делает невозможным достижение совершеннолетия, обращает к ребячеству, которое нужно различать от детства. Когда мы были малы, все люди были для нас братьями и сестрами наших отцов и матерей (дяди и тетки); так и говорили нам наши родители, вынужденные применяться к детскому пониманию, вовсе не подозревая при этом, что вынужденное приспособление возвращает и их самих к первоначальной истине и благу. А если для дитяти (отрока) все люди – братья и сестры его отца и матери, то что же такое он сам, этот ребенок, как не сын человеческий. Из этого становится понятным, почему родственность есть критерий общего дела (братского, сыновнего, отеческого – братство сынов в деле воскрешения отцов и братство отцов в деле воспитания сынов); из этого становится понятным, почему Евангелие делает детское чувство условием вступления в Царство Божие»¹.

Житийный сюжет о блудном сыне бытовал на Рязанщине в фольклорных жанрах духовного стиха и легенды. В с. Шостье Касимовского р-на Рязанской обл. в 1990-е годы исполнялся духовный стих «Алексей – Божий человек» на трагическую тему возвращения блудного сына домой, где его не признали и он скончался от болезни. Это сюжет о том, как родившийся в городе Риме у отца Ефимьяна (он же именуется Афимион, Ефион в стихе) сын Алексей был строго воспитан, кончил школу, был обвенчан браком против его воли, после пророчества ему о странствиях во славу Божию отдал супруге венчальное кольцо и покинул родительский дом, обещав скоро вернуться. От первого лица повествуется:

По тайным путям
Долго-долго я скитался,
В чужую страну я прошёл,
Костюм новый променял.
<...>
А меня здесь все потеряли,
Не могли нигде найти.
А я, как блудный сын, решился
К отцу странником прийти².

Отец пожалел больного нищего и разрешил ему жить на конюшне на соломе, где его обижали и избивали слуги. Предчувствуя скорый конец, грешный Алексей написал отцу с матерью и супруге письмо-грамоту с признанием и просьбой простить его «за все слезы и страдания». «Папа Пакентин», пришедший предать земле прах скончавшегося Алексея, прочитал его письмо; тогда отец «пометнулся, прослезнулся, обнял сына своего» и вся семья оплакивала блудного сына³.

В д. Назаровка (Завидово) Чучковского р-на бытовала легенда «Алексей – Божий человек», в которой обвенчанный герой говорил супруге: «Когда кольцо разовьётся и пояс

расплетётся, тогда я к тебе приду», а по возвращении неузнанным жил на конюшне, питался «свининым кормом» и умер, а после смерти «топором не разрубили бўточку» (будочку) с его телом и «пошли няне доложили: “Никто не откроет”»; и только священник «дёрнул дверь» и прочитал надпись-признание, что «на грудé написано»⁴.

В стихотворении «Сиротка» (1843) (автор К. А. Петерсон, 1811-1890), известном в фольклорных вариантах на Рязанщине, также изображен мотив странствий ребенка, но уже не блудного сына, но сироты:

Шёл по улице *малютка*,
Посинел и весь дрожал.
– Боже! – говорит *малютка*, –
Я прозяб и есть хочу.
Кто ж накормит, кто ж согреет,
Боже, *добру сироту*⁵.

Символически-магическая роль ребенка обнаруживается в первую очередь в жанре сна – в фольклорных произведениях, прогнозирующих в народном традиционном сознании скорое и отдаленное будущее человека-сновидца.

В г. Рязань в 1930 г. было записано народное представление о вещем сне с образом дитяти и о его трактовке: «Ребёнка видеть во сне – к диву»⁶. Имеется вариант такого сна с одинаковой его расшифровкой: «Видеть во сне много девушек – большое диво»⁷ (г. Рязань, 1931). Смысл данного сна основан на неточном (приблизительном) созвучии: девушка – диво. В северно-русском говоре «девушка / девочка» обозначается словом «девóнька» (в отличие от южно-русского «дévка»; фонетическая разница была вызвана разными историческими путями фонемы, обозначавшейся буквой «ять» и давшей звуковые варианты [и] и [е] на северных и южных территориях). «Девóнька» еще более созвучно с лексемой «диво» (ср.: «дívья крáсота» в костромской свадьбе – т. е. украшенная елочка, символизирующая собой невесту). Можно предположить, что и первый сюжет сновидения был создан по тому же фонетическому принципу: «Дитятю видеть во сне – к диву» (наша реконструкция).

Не только образ ребенка проник из жанровой системы детского фольклора во взрослый фольклор. Атрибуты, связанные с ребенком, также получили символическое объяснение в устных народных произведениях взрослых. К примеру, на хуторе в лесу у реки Ранóва в Рязском у. в 1928 г. записана примета: «Видеть во сне люльку детскую – к смерти»⁸. Очевидно, семантический перенос осуществлен по принципу нахождения младенца и старика на смысловых полюсах, в оппозиции 'рождение – умирание' (и 'люлька – гроб').

Ребенку придавалось сакральное значение во время святочных гаданий: по поведению дитяти, случайно встреченному в обрядовое время, предсказывали характер предстоящих событий в наступающем году (как правило, девушки гадали о замужестве):

«Ой, уада́ли – на толпу вечером. И с веником выходила на дорóу. И вот идёт женщина, несёт племянника свовó, он у ней пла́чет невозможно. Ну и ууада́ла, что эта женщина наша константиновская, и домой с этим веником. И она же у меня была сноха. <...> Ребёнок – это шум. <Ребёнок – это шум? – Е.С.> Да, я с ним разошлась <с мужем>»⁹ (с. Константиново Рыбновского р-на).

Очевидно, ребенку как безгрешному существу, своеобразному объективированному созданию, с еще не определившейся сущностью, приписывалось значение проводника по-тустороннего, запредельного интуитивного знания в земные пределы, отводилась роль посредника между двумя мирами.

Исполнение разных сюжетов обрядовых святочных поздравительных песенок строго регламентировалось по возрасту и полу детей. Приемы продуцирующей магии соотносились с исполнением христорожественских песенок и ритуала сакрализации плодородия

мальчиками: «Славят *ребятишки* под Рождество, утром в шесть часов, как заутреня отойдёт – “Рождество твоё, Христе-боже наш...” <...> На шубу сажали кого-то из *мальчиков* в передний угол, чтобы овечки водились»¹⁰ (д. Скобелево Касимовского р-на). «Авсень» кликали «ребятки по 15 лет – мальчики», а в с самой новогодней песне в д. Назаровка (Завидово) Чучковского р-на упоминались «бабчии детки»¹¹, то есть появившиеся на свет с помощью «бабки»-акушерки (см. часть 1, главу 15 «Бабкина каша, крестины и разрешительная молитва после родов (эволюция обрядов)» и предыдущие главы наст. изд.).

Возможно, на символике детской нравственной чистоты, на представлении ребенка «ангельской душой» основан свадебный ритуал продажи невесты именно мальчиком и даже доставка ее к венчанию (как правило, ее младшим братом); хотя имеются научные точки зрения, связывающие обычай с миноратом и с бродячей по Руси ватагой – социовозрастным мужским объединением. Так, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, фольклорист В. П. Аникин полагал что «обращение именно к младшему брату не случайно в причитаниях»¹² невесты на свадьбе. Исследователь продолжал: «Правовые правила древней языческой поры рассматривали его как хранителя домашнего очага, защитника семейных традиций. Еще в эпоху “Русской правды” законодательство предписывало считать младшего сына в патриархальной семье наследником дома и очага. С младшим сыном в народных волшебных сказках связывались представления о защите древнего уклада жизни»¹³.

В с. Секирино и с. Чулково-Выселки Скопинского р-на зафиксирован приговор невесты, обращенный к брату (его возраст неизвестен), который одевает ее к венцу, заменяя символическую «девичью красоту» на «бабью сухоту»:

– Милый ты братец!
Девичью красоту ты с меня снимаешь,
Бабью сухоту одеваешь¹⁴.

Уроженка с. Поляны Скопинского р-на уточнила, что «брат накидывает панёву» на невесту, которая приговаривает: «Девичью красоту снимаешь, // А бабью сухоту надеваешь»¹⁵; иными словами – метафора «бабья сухота» имела вполне реальное смысловое наполнение и относилась к женской одежде, к конкретному ее виду, имевшему знаковый характер. В этой ритуальной ситуации весьма существенно, что брат девушки исполнял чрезвычайно важную обрядовую функцию: наглядно демонстрировал изменение семейно-социального статуса сестры.

Даже в тех фольклорных текстах и этнографических записях свадебного обряда, где не указан возраст брата невесты, с большой долей вероятности можно считать его младшим братом по следующим причинам. Во-первых, по сопоставлению со свадебными материалами, в которых прямо указан младший брат или мальчишеский возраст. Во-вторых, помогают одеваться человеку в торжественной и ответственной ситуации равные ему люди или младшие по возрасту, чину; к старшим же людям испытывают большое уважение, к ним не обращаются по пустякам и с ничтожными бытовыми просьбами; старших братьев почитают по степени значимости вторыми после отца. В период распада большой патриархальной семьи, в которой под одной крышей прежде уживалось несколько поколений и «горизонтальных ветвей» рода, старшие женатые братья, как правило, начинали отделяться от родительской семьи, строили себе дома и жили самостоятельно.

В Пронском у. в 1927 г. записан ритуал: «Невесту <...> сажают за стол, *рядом с мальчиком-родственником*. Дружко *выкупает у мальчика* невесту, кладя на углы стола и в середину по медной монете»¹⁶. В д. Асаново Рязанского у. в 1928 г. зафиксировано: «*Ребята (мальчики), вооруженные палками, изображают “охрану”, а также “продавцов” (невесту величают “красный товар”)*»¹⁷. В с. Лучинск Старожиловского р-на мальчик охраняет невесту до получения денег и если окажется неповоротливым, может пострадать: «Мальчик должен успеть схватить дёньги и убежать, пока <дружок жениха> кнутом не ударить»¹⁸.

В с. Печерниковские Выселки Пронского р-на «мать крестная берет за руки невесту, садятся с ней на сани вдвоем, *лошадью правит мальчик*»¹⁹.

Дети присутствовали на свадьбе – во всяком случае, во время приезда свадебного поезда за невестой. Дружка в с. Батыково Клепиковского р-на произносил свадебный приговор, специально обращаясь отдельно к девочкам и отдельно к мальчикам. Каждый приговор создает яркий собирательный образ крестьянских детей определенного пола. Такие образы рисуют типичную одежду детишек и их любимые занятия. Итак, приговор дружки, адресованный мальчикам:

Ах вы, молодые ребята,
Косые на вас заплатки!
Как вы бежали,
Заплатки на вас дрожали,
Коней у нас перепугали!²⁰
(с. Батыково Клепиковского р-на).

И приговор дружки, обращенный к девочкам:

Вы, девочки-девочки,
Аленькие на вас платочки!
Ваше ли дело по пирам ходить?
Ваше дело у матерей пшено воровать
Да в бане блины пекать,
Яйца варить и ребят манить!²¹
(с. Батыково Клепиковского р-на).

Пожеланием богатства, ярким выражением продуцирующей магии, мышлением по аналогии «изображение ребенка – рождение младенца» объясняется тот факт, что в Рязанской губ. встречались «ступы с *детьми* – свадебное печение (с. Занины Починки, Касимовского уезда)»²².

На Рязанщине в обрядовую систему свадьбы входят следующие разноуровневые свадебные компоненты, включающие в свой состав младшего брата невесты, которые исполняют разные ритуальные функции. Итак, вот перечень таких свадебных компонентов (акционных, фольклорных, предметно-вещественных и атрибутивных):

- 1) обычай сажать рядом с невестой ее младшего брата – мальчика со скалкой для охраны соседнего места в родительском доме при входе жениха со свитой (см. выше);
- 2) обувание невесты ее братом, к которому обращен приговор с просьбой «не снимать девичью красоту», «не забывать праву ноженьку», то есть не отдавать замуж;
- 3) приговоры дружки, обращенные к девочкам и к мальчикам по приезде свадебного поезда за невестой;
- 4) управление мальчиком свадебной лошадью, которая впряжена в повозку невесты;
- 5) водружение куклы на макушку елки (в позднейшее время обыкновение это перешло на установку куклы как женской ипостаси будущего ребенка и медведя как мужской ипостаси на бампер легковой машины);
- 6) сажание мальчика на колени новобрачной после венчания;
- 7) печения из теста с фигурками детей (см. выше);
- 8) словесные пожелания с тематикой рождения детей (часто с образами «пенёчков / хмельёчков и сучочков / кочек» в составе художественного параллелизма – с образами сыночков и дочек).

Напр., в с. Увеза Касимовского у. в 1923 г. на свадебном пиру «дружка стучает молодых головами, приговаривая: “Сколько в лесу пеньков, столько народится у вас сынков, сколько в болоте кочек, столько народится у вас дочек”»²³. Объяснение зарождения детей

от съеденного горохового червячка дополняет и пародирует реалистическое описание близких любовных отношений в шутливой необрядовой песне «Маша по лесу гуляла...»:

У дивчины с той причины
Стало брюшко пухнуть. <...>
А в поле была, горох ела,
Червоточка съела.
Оказался червоточек
С ногами, с руками²⁴.

Также существовала свадебная примета об обрядовом стимулировании чадородия – при угощении новобрачных горбушками от хлебного каравая приговаривали: «Съесть краюшечки – родить Ванюшечку да Дарюшечку»²⁵. Однако дети расценивались как неравнозначные по половому признаку: «<...> девка – такой товар, который дома держать нельзя; – она уйдет, да еще с собою возьмет, парень – совсем другое дело, – он в дом приведет»²⁶. Поэтому чуть позже, когда женщина оказывается в интересном положении, в Зарайском, Михайловском и Рязанском уездах в конце XIX века верили в стимулирующую примету: «<...> когда бывает беременная женщина, и ей за обедом отрезают от хлеба горбушку для того, чтоб ела и родила сына»²⁷.

Имелись и другие (генетически более поздние) обрядовые формульные пожелания новобрачным появления у них потомства: «Горсть денег вручают молодым: “Вот вам медяшки – // *Детишкам на рубашки*”»²⁸ (с. Озёрки Сараевского р-на).

В с. Мишино Зарайского у. в 1876 г. П. В. Шейн зафиксировал ритуал укладывания молодых в первую брачную ночь: «Крестьяне выпьют и слезают с кровати, приговаривая: “Дай Бог лечь вам двоим, встать троим, на первую ночку сына да дочку!”»²⁹ Тот же фольклорист записал обрядовую песню, бытовавшую в д. Красная слободка и Урусово Данковского у., «Как казали...» – с мотивом рождения и воспитания сына и дочки (причем образы-сравнения не случайны и соотносятся со свадебными ритуалами «подходить под сыр», как это было в с. Константиново Рязанской губ. и уезда, и древнерусского угощения груздями или лебедем на пиру, известного по великокняжеским и царским свадьбам в Московском государстве из «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новикова):

– Скажу тебе правду:
Рожу тебе сына,
Как белого сыра;
Рожу тебе дочку,
Как белого груздочка.
Как сына-то качаю,
Перемены себе чаю;
Как дочерю качаю,
Перепутье себе чаю³⁰.

Свадебная символика с детьми применялась только до первой брачной ночи и ее роль была в основном прогностическая: пожелание чадородия невесте. Примеры с образами детей в рязанском и – шире – русском устно-поэтическом творчестве можно продолжить, но и уже приведенные образцы свидетельствуют о важной роли детских персонажей во «взрослом» фольклоре.

¹ Федоров Ник. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. С. 80.

² Записи автора. Тетр. 7. № 105 – Андриюшина Вера Митрофановна, 79 лет, с. Шостье Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Т. Евдоина, Н. Форад 01.07.1990.

³ Записи автора. Тетр. 7. № 105 – Андриюшина В.М., 79 лет, с. Шостье Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Т. Евдониной, Н. Форад 01.07.1990.

⁴ Записи автора. Тетр. 7. № 53 – Нуштаева Анфиса Ивановна, 1915 г. р., д. Назаровка (Завидово) Чучковского р-на, 01.07.1990.

⁵ Записи автора. Тетр. 11. № 229 – Жукова Анна Николаевна, 1909 г. р., д. Инкино Касимовского р-на, 19.07.1992.

⁶ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 495. Л. 20 – Худзинская Л.А., г. Рязань.

⁷ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 495. Л. 23 об. – Худзинская Л.А., г. Рязань.

⁸ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 31. № 268 – Рязский у.

⁹ Записи автора. Тетр. 8а. № 366 – Дорожкина Мария Григорьевна, 1911 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 12.09.2000.

¹⁰ Записи автора. Тетр. 11. № 15 – Замотаева Прасковья Анисимовна, 1912 г. р., Мелкова Марфа Васильевна, 1911 г. р., д. Скобелево Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова и В. О. Усачёва, Ф. В. Строганов, О. Б. Халдей, Е. Г. Богина 15.07.1992.

¹¹ Записи автора. Тетр. 7. № 27 – Нуштаева Анфиса Ивановна, 1915 г. р., д. Назаровка (Завидово) Чучковского р-на, 01.07.1990.

¹² Аникин В.П. Свадебные песни, величания и причитания // Он же. Русский фольклор. М., 1987. С. 222. (Глава из учебного пособия является повтором раздела книги: Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. М., 1970.)

¹³ Аникин В.П. Свадебные песни, величания и причитания. С. 222.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 131 – Пырикова Ирина Михайловна, 1915 г. р., с. Секирино; Тiшина Анастасия Ивановна, 1910 г. р., с. Чулково-Выселки, зап. в с. Чулково-Выселки Скопинского р-на 08.07.1989.

¹⁵ Записи автора. Тетр. 6. № 237 – Лабазкина Анисья Васильевна, 1908 г. р., род. в с. Поляны, живет в с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

¹⁶ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 17. № 140 – Пронский у.

¹⁷ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 32. № 190. Зап. Н. И. Лебедева.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 114 – Фенойкина Аграфена Павловна, 1915 г. р.; Рязанова Александра Павловна, 1928 г. р., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

¹⁹ Соколова Е. Свадьба старова быта. «Рязанской губернии Михайловского уезда села Печерниковские выселки» (по воспоминаниям 1902 г., в записях 1948 г.) /Публ. Н. Н. Гиляровой // Народное творчество. М., 1993. № 3/4. С. 22.

²⁰ Записи автора. Тетр. 1. № 389 – Самохвалова Анастасия Степановна, 73 г., с. Батыково Клепиковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Д. Максимова в августе 1987 г.

²¹ Записи автора. Тетр. 1. № 390 – Самохвалова А.С., 73 г., с. Батыково Клепиковского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Д. Максимова в августе 1987 г.

²² Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 13. № 237.

²³ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 30. № 51.

²⁴ Записи автора. Тетр. 7. № 150 – Царёва Елизавета Ананьевна, 1919 г. р., с. Шостье Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова и Е. А. Гвардина 02.07.1990.

²⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/516. Кн. IX. № 219 – Зеленцов Н., II ступ. школа. Остатки язычества в русском народе. Рукоп. 1900-х гг.

²⁶ ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. Ф. III/512. Ед. хр. 124. Л. 17. – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ.

²⁷ ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. Ф. III/512. Ед. хр. 124. Л. 17. – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Е. Востоковым в Рязанской губ.

²⁸ Записи автора. Тетр. 1. № 502 – Маслобойникова Анна Николаевна, 1927 г. р., родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в г. Рязань, конец мая 1991 г.

²⁹ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900. С. 560.

³⁰ Шейн П.В. Великорус в своих обрядах... Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900. С. 560. № 1874.

Глава 68. Различные детские образы во взрослых обрядовых и поздних необрядовых песнях, плачах

В с. Новопанское Михайловского р-на в 2002 г. мы записали новогоднюю (святочную) поздравительную песню, в которой почти весь сюжет обращен к теме рождения детей как наилучшего праздничного пожелания, причем появление младенцев определенного пола напрямую зависело от щедрости угощения исполнителей песенки. Ее было принять петь девочкам (в этот же день «Христа славили мальчики»):

Авсянь-авсянь,
Мы ходили по всем.
Возле Ушакова двора
Стоит горница светла.
Если подадите –
Мальчика родите,
Если мало подадите –
Девочку родите,
Если не подадите –
Мы скотину со двора
И корову за рога¹.

В свадебном фольклоре в разных его жанрах фигурирует детская терминология, обращенная к персонажам, находящимся на переломном рубеже от закончившегося детства ко взрослости и потому поданная в символическом ключе. Так, в материнском плаче, которым она прощается с дочерью-невестой, та продолжает оставаться в ее сознании ребенком и соответственно названа им: «Милая ты *моя дитятка!*» и далее «Уважай ты всем, моя дитятка» (с. Лопатино Скопинского р-на); «*Дитятко*, как же, // Ты теперь не наша, // Отрезанный ломоть»² (с. Секирино Скопинского р-на). (Аналогичными словами мать прощается в похоронном плаче с сыном – вне зависимости от его возраста: «*Дитятко* ты мое милое»³ – д. Аристово Старожиловского р-на).

В другом свадебном плаче символическим рубежом, отделяющим детство от совершеннолетия, представлено последнее причисывание дочери ее матерью, причем с заплетанием невесте двух кос: «Милое *дитятко!* // Я твою косу // Последний раз заплетала // Да на две сторонушки»⁴ (с. Секирино Скопинского р-на). Невеста мыслится матерью как родной ребенок, жизненное время которого подразделено на две части – временной гостьбы и празднования в родительском доме и затем дальнейшего постоянного и будничного пребывания у чужих родителей; после завершения начального периода дитя покидает «своих» и отправлено к «чужим»:

Милая ты моя *дитятко!*
Отгостила ты у меня и отпраздновала.
Отправляю я тебя во чужие людюшки.
А будешь ты тама чужую тетушку
Величать своей мамушкой⁵
(с. Секирино Скопинского р-на).

Новобрачная оценивается в качестве ребенка (но только чужого) и матерью мужа в ее плаче при побудке молодых после первой брачной ночи: «Ты вставай, ты вставай, // Чужая *дiтjатыка*, // Ты не у матушки своей...»⁶

В поминальном плаче с. Тимошкино Шиловского р-на имеется параллель «взрослые дети – обычные дети», поскольку мать обращается к своим погибшим взрослым детям, которые уже успели родить собственных детей, оставшихся сиротами:

Расступись, земля сырая,
Расколись, доска гробовая,
Восстаньте, мои *детки милые*!
Как мне без вас тошно!
А ты, моя *детка* Валюшка,
Оставила своих *дiтков*
На чужих людей добрых⁷.

Показательно, что для бабушки ее дети и внуки равны: она их одинаково любит и воспринимает как младших, как «деток милых».

Существует ряд народных необрядовых песен позднего литературного происхождения, где в терминах, обычно относимых к детям, представлен взрослый (совершеннолетний) персонаж мужского пола, однако воспринимаемый девушкой как ребенок, малолетний, инфантильный: «*Расхорошенький мальчишка* // Не отходит от мене»⁸ (песня «Распрекрасную погоду // Мы гуляли по любви» в с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на); «Не женись, *плохой мальчишка*»⁹ (поименованная по первой строчке песни в д. Инкино Касимовского р-на); «*Девчоночка молоденька* <...> Я влюблённая в *мальчишечку*, // В *мальчишечку* в *разбедняжечку*»¹⁰ (поименованная по первому стиху песни в с. Шостье Касимовского р-на).

Для усиления эффекта детскости в мужском характере звучит тавтологическая терминология, в которой эпитет повторяет смысловую характеристику ребячливости, уже имеющуюся в определяемом слове: «*Расхорошенький мальчишка* // Не отходит от мене» и «*А мальчишку молодого* // Забыть я вечно не могу»¹¹ («Распрекрасную погоду // Мы гуляли по любви», с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на); «*Расхорошенькай мальчишка* // Приставал гулять ко мне» и «*А парнишку молодого* // Позабыть я не могу»¹² («При хорошенькой погодке, // Эх, мы гуляли при луне», с. Панино Спасского р-на). В приведенных песенных вариантах тавтологический эпитет в выражении «мальчишка / парнишка молодой» усиливает его противопоставление «помещику седому».

Тавтологическое усиление – «маленький мальчишка» – встречается и в святочной песне «Сею-вею-посеваю...» в с. Поляны и с. Секирино Скопинского р-на, где герой противопоставлен по возрасту и своей обрядовой роли «мужукам» (мужикам) и действительно является ребенком, которому свойственны детские забавы:

Сею-вею-посеваю,
С Новым годом поздравляю.
Маленький мальчишка
Полез на стаканишко,
В дудочку играя,
Христа забавляя.
Христу на потеху.
Мужуки-мужуки,
Отпирайте сундучки,
Выдавайте пяточки¹³.

Важно, что исполнителем этой святочной песенки является именно ребенок, который лишь начинает жить, и в этом плане он родственен только что народившемуся младенцу Христу, а также функционально близок Новому году, открывающему календарь (исполнение произведения утром тоже неслучайно). В отличие от ребенка (и младенца Христа), «мужу́к» (мужчины) уже успели пожить и приобрести богатство, которым они обязаны поделиться с детьми, выдав им пятачки.

Для необрядовых песен характерен взгляд юноши и девушки друг на друга как на детей, что проявляется в соответствующей терминологии, часто с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*Парнишка девчонку* уговаривал» и «*Врёшь ты, врёшь, парнишка*» («Соловей кукушку уговаривал...»¹⁴); «*Ох оба молодцы не-нежанатаи*», «*Разбранилися ж они // Про од-, про одну де-девушку*», «*Вот досталася ж она // Пар-парню бра-бравому*» («Мимо ле-лесика...»¹⁵); «*Не свыкайся д'не свыкайся, // Мальчик, со девчонкой*» («Не пора ли нам, *ребята...*»¹⁶); «*Когда малолеткой была*» и «*Мальчишки* меня все любили» («Вспомню те юные годы...»¹⁷) и вариант «*Когда малолеткой была, // Мальчишки любили, ласкали*» («Как вспомню я юные годы...»¹⁸); «*Ох мальчоночку // Да жалко-жалко стало, // Стал девчоночку да ју-јунимать*» («Никогда так не случилось...»¹⁹).

В необрядовой семейной песне «Ивушка-ивушка // Ракитовый кусток» с. Секирино Скопинского р-на рассматривается вопрос о справедливости свадебного (брачного) кодекса семьи, согласно которому дочерей надо выдавать замуж по возрастной очередности. Песня носит этиологический характер: в ней повествуется об ивушке, в которую превратилась старшая сестра из-за того, что родители ее не выдали замуж. В песне от ее имени произносится упрек в адрес родителей, нарушивших порядок (последовательность) выдачи дочерей замуж:

Батюшка с мамушкой
Неправдою живётъ.
Младшую сестру да
Вперёд замуж отдаётъ²⁰.

Сюжет традиционной солдатской песни «Ой да ты калинушка, размалинушка...» сводится к просьбе рядового солдата отпустить его домой; он объясняет свою просьбу целым перечнем нуждающихся в его заботе лиц, и завершается перечисление маленькими детьми – как наиболее важным аргументом:

Ой да отпусти меня домой к отцу-матери родной.
Ой да к отцу-матери родной, ко жене к молодой <...>
Ой да к малым детушкам, к малолетушкам²¹
(с. Бессоновка Спасского р-на).

Солдатскую песню с некоторой долей условности можно отнести к обрядовой, поскольку служба в армии очень похожа на совершение обряда и имеет четкую ритуальную структуру: это объявление воинского призыва, гульба призывников, проводы в армию, принятие присяги и неофициальные ритуалы утверждения нового пополнения, перехода на следующие ступени армейской службы, отправка на фронт и приказ о демобилизации, увольнение.

¹ Записи автора. Тетр. 23. С. 39 – с. Новопанское Михайловского р-на, 30.06.2002.

² Записи автора. Тетр. 6. № 46 – Абысова Марфа Андреевна, 1908 г. р., с. Лопатино Скопинского р-на, 07.07.1989; Тетр. 6. № 24 – Каноникова Мария Васильевна, 1924 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

³ Записи автора. Тетр. 19-а. С. 112 – д. Аристово Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 199 – Корнеев Михаил Васильевич, 1921 г. р.; Корнеева Прасковья Васильевна, 1929 г. р.; Ерошина Василиса Николаевна, 1914 г. р.; Клягина Мария Устиновна, 1925 г. р.; Ларюшкина Ксения Сергеевна, 1927 г. р.; Лошина Евдокия Николаевна, 1920 г. р.; Машунькина Татьяна Филипповна, 1939 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 01.07.1989.

⁵ Записи автора. Тетр. 6. № 46 – Абысова Марфа Андреевна, 1908 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 07.07.1989.

⁶ Записи автора. Тетр. 6. № 200 и 201 – Корнеев М.В., 1921 г. р.; Корнеева П.В., 1929 г. р.; Ерошина В.Н., 1914 г. р.; Клягина М.У., 1925 г. р.; Ларюшкина К.С., 1927 г. р.; Лошина Е.Н., 1920 г. р.; Машунькина Т.Ф., 1939 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 01.07.1989.

⁷ Записи автора. Тетр. 8. № 28 – Рогова Татьяна Степановна, 1927 г. р.; Николкина Александра Павловна; Увачёва Галина Дмитриевна, 63 г.; Ивашкина Клавдия Васильевна, 57 лет; Ершова Александра Васильевна, 1929 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и А. В. Беликов 25.08.1990.

⁸ Записи автора. Тетр. 6. № 146 – «Распрекрасную погоду...», Гóдина Анна Фёдоровна, 1913 г. р., с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на, 08.07.1989.

⁹ Записи автора. Тетр. 11. № 49 – Барныкова Евдокия Ефимовна, 1924 г. р.; Коробкова Александра Сергеевна, 1932 г. р.; Жукова Анна Ефимовна, 1935 г. р.; Сидорова Пелагея Андреевна, 1934 г. р.; Жукова Анна Степановна, 1938 г. р., д. Инкино Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова, Н. В. Рыбакова, Ф. В. Строганов, Е. Г. Богина 15.07.1992.

¹⁰ Записи автора. Тетр. 7. № 85 – Малова Мария Дмитриевна, 1902 г. р., с. Шостье Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова, Т. Евдониной, Н. Форад 01.07.1990.

¹¹ Записи автора. Тетр. 6. № 146 – «Распрекрасную погоду», Година А.Ф., 1913 г. р., с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на, 08.07.1989.

¹² Записи автора. Тетр. 7. № 170 – Лагуточкина Мария Григорьевна, 1919 г. р.; Щербаков Тимофей Павлович; Панфилова Анна Сергеевна, 1925 г. р.; Логуточкина Антонина Владимировна, 1930 г. р.; Исаева Антонина Егоровна, 1932 г. р.; Синотина Антонина Семёновна, 1931 г. р.; Мелехова Марина Михайловна, 1940 г. р.; Ольхова Лидия Матвеевна, 1948 г. р. – фольклорный ансамбль «Родники», с. Панино Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк, Вера Маркелова 23.07.1990.

¹³ Записи автора. Тетр. 6. № 235 – Лабазкина Анисья Васильевна, 1908 г. р., род. в с. Поляны, живет в с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 168 – «Соловей кукушку уговаривал...», Лушанкина Екатерина Васильевна, 1927 г. р., и Лушанкин Василий Федотович, 1928 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 05.07.1989.

¹⁵ Записи автора. Тетр. 6. № 251 – «Мимо ле-лесика...», Корнеев М.В., 1921 г. р.; Корнеева П.В., 1929 г. р.; Ларюшкина К.С., 1927 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

¹⁶ Записи автора. Тетр. 11. № 40 – Барныкова Евдокия Ефимовна, 1924 г. р.; Коробкова А.С., 1932 г. р.; Жукова А.Е., 1935 г. р.; Сидорова П.А., 1934 г. р.; Жукова А.С., 1938 г. р., д. Инкино Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова, Н. В. Рыбакова, Ф. В. Строганов, Е. Г. Богина 15.07.1992.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 7. № 107 – Артюшкина Надежда Егоровна, около 70 лет, с. Шостье Касимовского р-на, 01.07.1990.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 1. № 333 – Журавлёва Анна Осиповна, 76 лет, г. Спас-Клепики, зап. Е. А. Самоделова и М. Д. Максимова в августе 1987 г.

¹⁹ Записи автора. Тетр. 6. № 213 – Корнеевы Михаил Васильевич, 1921 г. р., и Прасковья Васильевна, 1929 г. р.; Ерошина Василиса Николаевна, 1914 г. р.; Клягина Мария Устиновна, 1925 г. р.; Ларюшкина Ксения Сергеевна, 1927 г. р.; Лошина Евдокия Николаевна, 1920 г. р.; Машунькина Татьяна Филипповна, 1939 г. р., с. Секирино Скопинского р-на 05.07.1989.

²⁰ Записи автора. Тетр. 6. № 254 – Корнеевы Михаил Васильевич, 1921 г. р., и Прасковья Васильевна, 1929 г. р.; Ларюшкина Ксения Сергеевна, 1927 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

²¹ Записи автора. Тетр. 7. № 193 – Коробкова Валентина Филипповна, с. Бессоновка Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк, Вера Маркелова 23.07.1990.

Глава 69.

Сюжет о гибели ребенка (детей) в поздних необрядовых песнях

В жанре традиционной необрядовой песни, уточняемой как народная баллада, распространен сюжет, в котором дети осиротели в результате убийства отцом их матери – «Из-под камушка...»: «Деревенский мужик // Вёл жену топить. <...> А губи ты, муж, жену // Поздно полночью, // Когда *детушки* // Спать поляжуются»¹ (с. Секирино Скопинского р-на). В варианте «Из-под камня, из-под белыва...» с. Тимошкино Шиловского р-на «раздонской-донской казак» убивает жену, которая просит его:

Ты тогда меня побей,
Тёмной ночѐнкой,
Когда наши *детушки*
Спать поляжуются².

В позднем жанре «жестокоего романса» имеется несколько типичных концовок, сводимых к появлению малютки как закономерного персонажа – результата развития сюжета о запретной любви. В одной сюжетной линии про несчастную любовь младенец приносится брошенной матерью-одиночкой к бабушке как доказательство продолжения рода и сходства внешнего облика с фамильными чертами – «Во лужках девчоночка...» с. Лопатино Скопинского р-на:

Ох, через год дочка пришла
К маменьке уныла,
На руках она несла
Свово *дитя* мила.

– Ну, посмотри, мать, на *дитя*,
Какой *дитятко* большой,
Скоро бабушкой тебя назовёт³.

В варианте «Во лужках девчонка // С уланом гуляла» с. Корневое и с. Секирино Скопинского р-на нет лексемы «бабушка», а есть слово «мать», что, возможно, намекает на желание героини отдать своего незаконнорожденного сына на воспитание родной матери. Образ ребенка также имеет отличительные черты: подчеркнута его красота, а не рост (размер). Итак, те же два куплета звучат иначе:

Через год дочка пришла
К матери уныло.
На руках она несла
Свово *дитя* милого.

– Посмотри, мать, на *дитя*,
Какой он красивый.
Через год он будет звать
Маменькой родимой⁴.

В варианте «Во саду ли, в огороде // Красавица гуляла» с. Бессоновка Спасского р-на в аналогичных куплетах опять речь идет о матери героини, которую та хочет представить и матерью собственного незаконнорожденного младенца, отдав его ей на воспитание:

Через год она идёт
К маменьке родимой,
На руках она несёт
Свое *дитя* *мíла*.

– Посмотри-ка-ся, мамаша,
Какой он *красíвай*.
Через год он будет звать
Маменкой родимой⁵.

В сходной сюжетной линии фольклоризованной песни «Колечко» («Потеряла я колечко...») М. И. Ожегова (или более раннего неизвестного автора) про утрату любви оставленная девица жалуется на несправедливость дружка:

Сам уехал, а мне бросил
Дочь-малютку на руках.
Дочь-малютка звать Анятка,
Вся похожа на него⁶
(с. Озёрки Сараевского р-на).

В двух вариантах «Потеряла я колечко...» д. Татаркино Старожиловского р-на также подчеркивается внешнее сходство незаконнорожденного сына с его отцом, но высказана эта мысль другими словами: «Как я взгляну на *малютку* – // Точно *мíлай* был такой»⁷. Аналогичное сравнение ребенка с его отцом наблюдается в варианте с. Панино Спасского р-на: «Как я гляну на *малютку* – // Словно *мíлай* был такой»⁸. В этом варианте с большим юмором рассказывается о неосуществившейся попытке самоубийства матери малютки через утопление:

За тебя, моя *малютка*,
Пойду в море утоплюсь.

Утоплюсь.
В сине море опускалась –
Не достала в море дна.

В море дна.
Своей лентой голубою
Украшала берега⁹.

В другом варианте «Потеряла я колечко...» также говорится в близких выражениях о попытке самоубийства матери из-за появления незаконнорожденной дочери: «Через эту я *малютку* // Пойду я в море утоплюсь»; попытка тоже оказалась неудачной, о чем сообщено иронически, хотя и в других выражениях: «Топиться я не утопилась – // Вода холодная была. <...> Своей русою косою // По сéним пролила <По синему провела?>»¹⁰ (с. Тимошкино Шиловского р-на).

В варианте «Потеряла я колечко...» с. Исады Спасского р-на мотив с попыткой матери утопиться отсутствует и концовка неожиданно оказывается счастливой:

– Не плачь, дева, со слезами,
Будешь вечная моя.
Будешь *вéчна-бесконéчна*
Наречённая жена¹¹.

В варианте «Потеряла я колечко...» с. Панино Спасского р-на героиня пытается пристроить малютку на воспитание к сестре, но получает отказ – вроде бы мотивированный, но одновременно демонстрирующий нежелание сестры способствовать разрешению сложной ситуации:

– Ты сестра моя родная,
Воспитай мово *дитя*.

Ты дитя.
– Я бы рада воспитала –
В грудях нету молока¹².

В этом редком мотиве обращения за помощью к сестре показано народное понимание процесса воспитания в буквальном смысле: как питания младенца грудным молоком, как вскармливания ребенка, его кормления.

Убийственной (или почти убийственной!) является сюжетная линия другой необрядовой песни – «Глупая девчонка глупо сделала...», в которой несчастная мать не намерена покончить с собой, но пытается лишить жизни незаконнорожденного младенца: «Глупая девчонка глупо сделала: // *Малыва ребёнъка* в речку бросила... <...> Поймали рыбаки щуку да линия, // А ещё поймали *малыва дитя*. // Приносили *дитятъку* во казённый дом»¹³ (с. Бессоновка Спасского р-на). Но сюжет на этом не заканчивается: молодцы-рыбаки проявляют заботу о найденном младенце и затем звонят в большой колокол, разыскивая родную мать ребенка – и находят ее: «Лишь одна призналася купческа дочь, // Она с ним гуляла да тёмная ночь» (так!)¹⁴.

В с. Лучинск Старожиловского р-на записана еще одна поздняя необрядовая песня «Чего стоишь до полуночи...» на сходный сюжет об измене избранника и об утоплении незаконнорожденного сына матерью с последующим ее самоубийством в реке. Заметим, что река / синее море в «жестоких романах» обладает постоянным свойством – поглощать своими водами оступившуюся девушку и ее невинного ребенка. Это новое качество реки / моря, возникшее в XIX-XX веках на основе только что зародившегося психологизма и ставшее устойчивым признаком водной стихии (возможно, это литературный штамп, проникший вместе с фольклоризованной песней в народную среду). Показательно, что народу все равно, в реке или в море происходит двойное преступление: важно, что все прошлые несчастья с персонажами-неудачниками уносит водная стихия. Поэтому в варианте песни с. Лучинск двойной образ реки-моря варьируется: в одном куплете называется то река, то море, хотя это единая природная среда, играющая завершающую роль в жизни героини и ее ребенка.

Приведем текст песни полностью – с открытым финалом в варианте с. Лучинск Старожиловского р-на:

Чего стоишь до полуночи
У открытого окна?
Кого ты ждёшь, о ком мечтаешь
Или в кого ты влюблена?

– Кого я жду, о ком мечтаю –
Его здесь нет, не надо знать.
Мой мил уехал за *ураніцу*,
Он уехал навсеудá.

Разволновалася поуóда,

Разбушевaлaся рeкa.
На берeу́ синeгo мoря
Сидит красaвицa блeднa.

А нa рукaх у нeй *мaлюткa*,
Прижaв к у́рудí, он крeпкo спитъ,
Онa с нaвисшими бровьaми
Емy тaк тихo уoвoрíтъ:

– Oтeц-пoдлeц он нaш, *мaлюткa*,
Он нaс oстaвил вoт двoих,
А сaм уoлeт, вeсeлитcя
Срeди тoвaрищeй свoих.

Рaзвoлнoвaлaся пoуóдa,
Рaзбушевaлaся рeкa.
Рeбёнкa в мoрe oпустилa –
Рaздaлся уóлoс пoдлeцa:

– Oх, Мaруся ты, Мaруся,
Мaруся милaя мoя!
Былa ты скрoмнaя дeвчoнкa,
Мoг oпoзoритъ тeбя я.

– Пoзднo, милeнький, хвaтилcя
Ты уoвoривaть мeня:
Рeбёнкa в мoрe oпустилa,
Тeпeрь дoлжнa пoуóбнуть я¹⁵.

О пeснях тaкoгo рoдa иcпoлнитeльницa выскaзaлa суждeниe: «Эти – они нeдaвнoшнe»¹⁶.

В нaрoднoй пeсeннoй пeрeдeлкe стихoтвoрeния С. Т. Aкcaкoвa «Урaльский кaзaк. Истиннoe прoиcшeствe» сyжeтнaя линия с вoзврaщeниeм из вoennoгo пoхoдa кaзaкa дoмoй зaвeршaeтcя пeрeдaчeй в вoспитaтeльный дoм нeзaкoннoрoждeннoгo млaдeнцa, пoявившeгoся нa свeт в рeзультaтe нeвeрнoсти жeны, кoтoрaя зaтeм былa убитa мужeм зa измeну. В укoрoчeннoй вeрсии нoвoрoждeнный нaзвaн сирoтoй. В вaриaнтe «Oдин из кaзaкoв...» с. Сeкиринo Скoпинскoгo р-нa жизнeннaя линия нoвoрoждeннoгo прoслeжeнa тaк: «Бeдa нeбoльшaя – // Жeнa рoдилa. // Пoрoжёмши сынa, // Сaмa чутъ живa. <...> Жeнy я зaрeзaл, // *Мaлюткy* нaвeк зaгубил»¹⁷. Лeксичeски близкaя кoнцoвкa пpeдстaвлeнa в вaриaнтe «Eхaли сoлдaты co службы дoмoй...» д. Дмитриевo Сaрaевскoгo р-нa: «<...> *дитя* зaгубил»¹⁸.

В другoм вaриaнтe пeсни с. Сeкиринo Скoпинскoгo р-нa сaм кaзaк oцeнивaeт сeбя в дeтских тeрминaх – *пaрнёк, мальчик, сирoтa* – нaряду с aнaлoгичными дeфинициями сынa-*мaлютки*: «Чтo ж вeдь я нaдeлaл, // *Пaрнёк*, нaд сoбoй. // Oстaвил *мaлюткy* // Нaвeк *сирoтoй*. // *Сирoтoй* я, *мaльчик*, // Oстaлся нaвeк хoлoстoй»¹⁹.

В вaриaнтe «Сбирaлси кaзaк нa битву...» д. Инкинo Кaсимoвскoгo р-нa бoлee пoдрoбнo прoслeживaeтcя судьбa сынa: «Oстaлaсь *мaлюткa* // *Круглoй сирoтoй*. // Oтдaли *мaлюткy* // В вoспитaтeльный дoм. // Вырoслa *мaлюткa* // Сeмнaдцaти лeт»²⁰. В вaриaнтe «Шёл сoлдaт co службы...» с. Eрмoлoвo Кaсимoвскoгo р-нa будущaя жизнь сынa пpeдстaвлeнa тaк: «Сын *oсирoтeл*. <...> *Мaлeнькy мaлюткy* // В приют oтдaдут»²¹. В вaриaнтe «Eхaли сoлдaты co службы дoмoй...» г. Спaс-Клeпики угoтoвaннoe рeбeнкy будущee пoкaзaнo лeксичeски сxoдным oбрaзoм: «*Мaлoгo дeтишкy* // В приют oтдaдут»²².

В пoзднeм «жeстoкoм рoмaнce» прo клaдбищe Митрoфaнoвскoe «Я нe буду пeть прo “Кирпичики”...» с. Лучинск Стaрoжилoвскoгo р-нa пoвeствyeтcя oб ужaснoм oтнoшeнии

мачехи («второй матери», «неродной матери») к приемной дочери («малолетней крошке»), о принуждении мужа убить собственную дочь (ее родная мать уже лежит в могиле, но неясно, по какой причине она мертва). Подспудно возникает вопрос: не убил ли первую жену ее муж из-за новой любви? Вероятно, все-таки нет (вопреки предположению исполнительницы, но с опорой на более древние сказочные сюжеты). Этот песенный сюжет тематически и идейно продолжает аналогичную сюжетную линию целой группы сказок о мачехе и падчерице (СУС 480), где тоже реализованы идея погубить неродную дочь и ее последствия, а отец выставлен совершенно безвольным человеком. И в сказках, и в песне мачеха губит падчерицу не своими руками, а посредством наущения ее родного отца. Только в сказках губительное поведение отца принимается как вынужденное (это следы архаического мировоззрения, возвышающего роль матери в семье, поскольку в родовом обществе конкретное отцовство не устанавливалось), а в песне отец резко осуждается исторически более поздней патриархальной моралью.

В варианте поздней необрядовой песни про кладбище Митрофановское из с. Лучинск Старожиловского р-на наиболее сильно сгущены трагические краски: отец назван «зверем», дочь – «жертвой бедною», произведение завершается строгой моралью и назиданием, обращенным к отцам. В остальных известных вариантах песни кладбище также представлено не просто сакральным местом упокоения человеческих останков, но и губительной площадкой, где возможны человеческие жертвоприношения. Однако эти жертвы приносятся не ради совершения магического ритуала, а из-за людского жестокосердия. В обычной жизни святость кладбищу придают кресты на могилах и привычная часовня при входе или даже кладбищенская церковь; в песне эти образы не отражены. В какой-то мере песня основана на народном представлении о кладбище как «опасном месте», где по ночам могут выходить мертвецы из могил, блуждают огоньки, появляются привидения в белом, разгуливают скелеты и т.д. Песня имеет явно литературное происхождение, хотя ее автор пока остается неизвестен, но создана по мотивам народных быличек. Вероятно, основой сюжета стал конкретный действительный случай варварского убийства, однако в песне явлен типичный набор художественных образов жанра «жестокоего романа»: невинная малютка-дочь, претерпевшая от родного отца кровавую расправу, поскольку он не допускал мысль о детском доме (приюте); и даже венок из цветов воспринимается как ритуальный, свидетельствующий об изначальной обреченности девочки. Поскольку в варианте песни из с. Лучинск Старожиловского р-на наиболее подробно описаны и губительные действия, и психологические переживания, приведем его полностью – с интересными репликами исполнительницы:

«Я не буду петь про “Кирпичики”,
А я истину вам пропою:
Как на кладбище Митрофания
Отец дочку зарезал свою.

Отец, мать и дочь жили весело,
Но недолго была благодать.
Он нашёл себе жену новую:
– Надя, Надя, вот будеть нам мать.

Неродная мать взненавидела
Малолетнюю крошку сперва,
Но ничем она не обидела,
А отцу лишь задачу дала.

– Всей душой люблю тебя, миленький,
Только жить мне с тобою не в мочь,
Говорить тебе даже совестно:

Жить на свете мешает нам дочь.

Иль убей её, иль в приют отдай,
Только сделай это всё поскорей.
А не сделаешь, я уйду тогда,
Мне одной будет жить веселей.

– Ступай, чёрт с тобой! – надо было сказать.

Мысли зверские впали в голову,
Перестал отец дочку любить.
В детский дом отдать было совестно,
И решил отец дочку убить.

Жаркий день стоял, духота кругом,
Он на кладбище Надю стал звать.
Не хотелось ей за отцом идти,
А хотелось проведать ей мать.

Вот пришли они к могиле матери,
Надя стала цветы собирать.
Набрала цветов и сплела венок,
Зверь-отец стал к себе подзывать.

Подошла к нему жертва бедная,
Он нанёс ей кинжальный удар.
Умертвлённая, окровлённая –
Перед трупом отец-зверь стоял.

Ох, отцы-отцы вы коварные,
Вы немало сгубили детей!
Убиваете и сжигаете
За красоток – вторых матерей.

Как, может быть, больная, была бледна, он другую нашёл»²³.

Заметим: утверждение «убиваете и сжигаете» свидетельствует об аллюзии на сюжет еще одной песни – «В одном городе близ Саратова...», в которой отец сжег детей в печке тоже по приказу новой жены²⁴.

Жители Рязанщины (как и других областей России) в XX веке любили «жестокие романсы», очевидно, из-за их слезливого содержания, в том числе и из-за возможности сопереживать гибели детей.

В с. Лучинск Старожиловского р-на записана поздняя необрядовая песня об инцесте, возникшем из-за инфантильности и приведшем к последующему раскаянию вольных и невольных участников, к их преждевременной смерти и к самоубийству как расплате за содеянное. Преступление (моральное и физическое) сопровождается угрозами и заранее продумано. Показательно, как инцест прошел исторический путь развития – от положительного до негативного содержания: от заключенной в нем архаической идеи о культе плодородия, воспеваемой в близнечных мифах и реализуемой в календарном ритуальном действии, до понимания возникновения генетического сбоя и причинения вреда здоровью целого рода и, соответственно, до порицания и отвержения кровосмешения современной моралью. Вот текст этой песни из с. Лучинск Старожиловского р-на:

Что вы, граждане, припечалились?
Начинаю я вам запевать,
Как несчастные были случаи:
Брат сестру приглашает гулять.

Поздно вечером со спектакля
Нюра спешно бежала домой:
Отпустил её брат от публики,
А потом кричит: «Нюра, постой!»

Подошёл он к ней аккуратненько
И хотел её ручкой обнять,
И сказал он ей слово ласково:
«Давай, Нюра, с тобою гулять!»

«Что ты, брат родной, или с ума сошёл?
Как не стыдно тебе говорить!
От родителей будет совестно,
И все люди нас будут судить».

Вот поехали отец с матерью
На базар продавать они рожь.
Ток уехали, брат сестре сказал:
«Вот теперь от меня не уйдёшь!»

Наступило вдруг преступление,
Пернестí она не могла.
Грудь тяжёлая в руках билася,
Разрыв сердца – она умерла.

И тут брат родной пишет грамоту:
«Не винуйте её, отец-мать.
Не виновына в этом Нюрочка,
А во всём я, подлец, виноват».

Вот приехали отец с матерью,
Нюре платье они привезли,
А как в дом зашли – Нюра мёртвая,
И записка у ней на груди.

Слёзы канули по лицу отца,
Без сознания лежить мать,
И товарищи собираются
Хулигана из петли вынать²⁵.

Идея наделенности ребенка с детства его индивидуальной судьбой, заранее не известной и от которой нельзя избавиться и в более взрослом возрасте, звучит в поздней необрядовой песне литературного происхождения «Чернобровый *парень* бравый...» А. Е. Разорёнова: «Вил верёвочку *детинушка*... <...> Не пришлось *молодцу* // Той верёвочки отдать»²⁶ – он покончил на ней жизнь, хотя причина такого неадекватного поступка остается непонятой (с. Шостье Касимовского р-на).

В поздних пластах песенного необрядового фольклора наблюдается иносказательность в наименованиях несовершеннолетних и даже совершенно взрослых персонажей, часто соотносящих самих себя с детьми. Эта иносказательность высказывается от первого лица, звучит в обращениях героев друг к другу, в отстраненном наблюдении повествователя

за событиями, что подчеркивает нарождающуюся совершенно новую оценку людей – психологическую. Человек начинает расцениваться как развивающаяся индивидуальность, пришедшая на смену категориям артельности и соборности, слитности своего «я» с «обществом», невыделенности личности из «крестьянского мира». Однако до полного осознания собственной значимости еще далеко, и поэтому самооценка фольклорного персонажа сведена к детскости, порой инфантильности, с допущением прямого уподобления ребенку, что в какой-то степени оправдывает человека в ситуациях непродуманных поступков и даже преступлений, совершаемых взрослыми людьми в приступе отчаяния и затмения разума.

¹ Записи автора. Тетр. 6. № 160 – «Из-под камушка», Корнеева Евдокия Филипповна, жена Корнеева М.В., с. Секирино Скопинского р-на, 08.07.1989.

² Записи автора. Тетр. 8. № 30 – Рогова Татьяна Степановна, 1927 г. р.; Николкина Александра Павловна; Увачёва Галина Дмитриевна, 63 г.; Ивашкина Клавдия Васильевна, 57 лет; Ершова Александра Васильевна, 1929 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и А. В. Беликов 25.08.1990.

³ Записи автора. Тетр. 6. № 59 – Бакленева Анна Егоровна, 1921 г. р., с. Лопатино Скопинского р-на, 07.07.1989.

⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 185 – Лушанкины Екатерина Васильевна, 1927 г. р., родом из с. Корнеево, и муж Василий Федотович, 1928 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 05.07.1989.

⁵ Записи автора. Тетр. 7. № 206 – Коробкова Валентина Филипповна, с. Бессоновка Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова 23.07.1990.

⁶ Записи автора. Тетр. 1. № 149 – Горина Полина Кузьминична, 1929 г. р., родом из с. Озёрки Сараевского р-на, жила в Москве, конец мая 1982 г.

⁷ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 58 – Тютвина Мария Сергеевна, 1925 г. р., д. Татаркино Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 13.08.1994; Тетр. 19-А. С. 100 – Рютова Мария Кузьминична, 82 г., д. Татаркино Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 14.08.1994.

⁸ Записи автора. Тетр. 7. № 186 – Лагуточкина Мария Григорьевна, 1919 г. р.; Щербаков Тимофей Павлович; Панфилова Анна Сергеевна, 1925 г. р.; Логуточкина Антонина Владимировна, 1930 г. р.; Исаева Антонина Егоровна, 1932 г. р.; Синотина Антонина Семёновна, 1931 г. р.; Мелехова Марина Михайловна, 1940 г. р.; Ольхова Лидия Матвеевна, 1948 г. р. – фольклорный ансамбль «Родники», с. Панино Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова 23.07.1990.

⁹ Записи автора. Тетр. 7. № 186 – Лагуточкина М.Г., 1919 г. р.; Щербаков Т.П.; Панфилова А.С., 1925 г. р.; Логуточкина А.В., 1930 г. р.; Исаева А.Е., 1932 г. р.; Синотина А.С., 1931 г. р.; Мелехова М.М., 1940 г. р.; Ольхова Л.М., 1948 г. р. – фольклорный ансамбль «Родники», с. Панино Спасского р-на, зап. Беликов А.В., Михалюк Лера, Маркелова Вера 23.07.1990.

¹⁰ Записи автора. Тетр. 8. № 48 – Рогова Татьяна Степановна, 1927 г. р.; Николкина Александра Павловна; Увачёва Галина Дмитриевна, 63 г.; Ивашкина Клавдия Васильевна, 57 лет; Ершова Александра Васильевна, 1929 г. р., с. Тимошкино Шиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и А. В. Беликов 25.08.1990.

¹¹ Записи автора. Тетр. 7. № 234 – Луканцева Евдокия Семёновна, с. Исады Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова 25.07.1990.

¹² Записи автора. Тетр. 7. № 186 – Лагуточкина Мария Григорьевна, 1919 г. р.; Щербаков Тимофей Павлович; Панфилова Анна Сергеевна, 1925 г. р.; Логуточкина Антонина Владимировна, 1930 г. р.; Исаева Антонина Егоровна, 1932 г. р.; Синотина Антонина Семёновна, 1931 г. р.; Мелехова Марина Михайловна, 1940 г. р.; Ольхова Лидия Матвеевна, 1948 г. р. – фольклорный ансамбль «Родники», с. Панино Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова 23.07.1990.

¹³ Записи автора. Тетр. 7. № 195 – Коробкова Валентина Филипповна, с. Бессоновка Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова В. 23.07.1990.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 7. № 195 – Коробкова В.Ф., с. Бессоновка Спасского р-на, зап. А. В. Беликов, Лера Михалюк и Вера Маркелова В. 23.07.1990.

¹⁵ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 125-126 – Фенойкина Аграфена Павловна, 1915 г. р.; Рязанова Александра Павловна, 1928 г. р., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

¹⁶ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 126 – Фенойкина А.П., 1915 г. р.; Рязанова А.П., 1928 г. р., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 6. № 129 – Крючкова Татьяна Владимировна, 1920 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 08.07.1989.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 1. № 146 – Зборнов Иван Петрович, 1909 г. р., д. Дмитриево Сараевского р-на 18.08.1982.

¹⁹ Записи автора. Тетр. 6. № 247 – «Один из казаков», Корнеев М.В., 1921 г. р.; Корнеева П.В., 1929 г. р.; Ларюшкина К.С., 1927 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 06.07.1989.

²⁰ Записи автора. Тетр. 11. № 57 – Барныкова Евдокия Ефимовна, 1924 г. р.; Коробкова Александра Сергеевна, 1932 г. р.; Жукова Анна Ефимовна, 1935 г. р.; Сидорова Пелагея Андреевна, 1934 г. р.; Жукова Анна Степановна, 1938 г. р., д. Инкино Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова, Н. В. Рыбакова, Ф. В. Строганов, Е. Г. Богина 15.07.1992.

²¹ Записи автора. Тетр. 11. № 250 – Кривова Мария Тимофеевна, Сметанникова Полина Ивановна, Мотасова Евдокия Ивановна, 1915 г. р., с. Ермолovo Касимовского р-на, зап. Е. А. Самоделова, Н. Н. Гилярова, Е. Е. Гилярова, Е. Г. Богина, Н. В. Рыбакова, В. О. Усачёва 19.07.1992.

²² Записи автора. Тетр. 1. № 314 – Милова Анастасия Дмитриевна, 77 лет, г. Спас-Клепики, зап. Е. А. Самоделова и М. Д. Максимова 17.08.1987.

²³ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 121-122 – Фенойкина Аграфена Павловна, 1915 г. р.; Рязанова Александра Павловна, 1928 г. р., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

²⁴ См. статью: Лурье М.Л. Народная баллада «В одном городе близ Саратова...» (постановка вопросов и публикация вариантов) // Вестник РГГУ. № 9/09. Серия «Литературоведение и фольклористика». Москва, 2009. С. 216-258.

²⁵ Записи автора. Тетр. 19-А. С. 124-125 – Фенойкина А.П., 1915 г. р.; Рязанова А.П., 1928 г. р., с. Лучинск Старожиловского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. В. Скороходов 15.08.1994.

²⁶ Записи автора. Тетр. 7. № 160 – Аникина Анастасия, около 70 лет, с. Шостье Касимовского р-на, 02.07.1990.

Глава 70. Современные детские «анкеты»

На грани фольклорной и книжной культур находится особое синтетическое и комплексное жанровое образование, называемое детьми 3-го тысячелетия «анкетой». Это «общая тетрадь» (96 или 48 лл.), так и озаглавленная – «анкета», включающая в себя несколько десятков стандартных вопросов в самом начале и дальнейших ответов на них. Все индивидуальные «прозаические тексты» перемежаются стихотворными формульными вставками, которые своей клишированностью и повторяемостью в разных тетрадях придают типичный вид этому устно-рукописному комплексу.

Стихотворные вставки служат своего рода ориентирами и указателями, руководствами к действию и объяснениями, как пользоваться «анкетой». Стихотворные вставки также закрепляют авторскую принадлежность тетради, условно определяя и одновременно скрывая за криптонимами хозяина (обычно хозяйку). Возникает иллюзия анонимности и одновременно избранничества «посвященного» в тайну. Являясь плодом коллективного труда, «анкета» имеет своего конкретного владельца, организовавшего увлекательное занятие – заполнение вопросника. «Анкеты» детей одного селения или нескольких рядом расположенных населенных пунктов обладают сходством, обусловленным знакомством респондентов со структурой заполняемой тетради и с внимательным прочтением ответов друзей.

Анонимность – как необходимая предусмотрительность и осторожность в случае попадания тетради в чужие руки без ведома автора, закреплена в стихотворной формуле с условно-анонимным криптонимом:

Чья тетрадь, я не скажу,
Лишь три буквы напишу:
Г.И.В. (с. Кузьминское Рыбновского р-на)

Соотношение регламентных формул и списка вопросов «анкеты» высвечивает парадокс: владельца тетради остается безымянной (скрывается за криптонимом), а респонденты должны сообщить свои «паспортные данные». В стихотворных анкетных текстах как правило, за красноречивым многоточием скрывается имя любимого человека (впрочем, оно легко угадывается по рифме: «Из цветов люблю я розу, // А из мальчиков.....» – см. ниже). Некоторые тексты предупреждают об ответственности за преднамеренное или невольное раскрытие тайны:

Открыв секрет, себя погубишь,
Теперь пиши, кого ты любишь.

Анонимность достигается разными способами: указанием исключительно заглавных букв вместо разного рода онимов; это почти акrostих:

На «Г» моя фамилия,
На «И» меня зовут,
На «Н» подруга милая,
На «С» мой милый друг. (вариант: «лучший»)

И уж совсем безукоризненный в плане оформления акrostих служит для изъяснения дружеских или любовных чувств. Акrostих – это определенный способ шифровки, издавна узаконенный в литературе как особая жанровая форма:

С – я букву уважаю, В
 А – я бережно храню, А
 Ш – я часто споминаю (так!), С
 А – забыть я не могу. Я¹ (с. Кузьминское Рыбновского р-на)

Справа вертикальный ряд образует надпись заглавными буквами: «ВАСЯ».

Очевидно, мальчик по имени Вася решил письменно узаконить в «анкете» свою дружбу с девочкой Сашей, выведя это популярное на Рязанщине имя в акrostихе и подписавшись рядом в столбик. Это единственный обнаруженный нами случай авторской подписи, связанной с акrostихом.

Другой способ анонимности осуществляется сообщением возраста и пола автора и утаиванием его имени:

Писал не художник,
 Писал не поэт,
 Писала девчонка
 13 лет.

Таким образом при пропаже тетради и попадании ее в чужие руки становятся известными сведения респондентов, то есть принцип анонимности, обычно ведущий при любуом «взрослом анкетировании», в детской версии опроса не соблюдается; наоборот, засекречивается «ведущая организация» (в данном случае – организатор-зачинщик).

Стихотворные вставки в сюжетно-композиционном плане представлены регламентными и этикетными стихами, основной корпус заполнен философскими сентенциями (обычно раздумьями о любви). Оформляют «анкету» директивные установки.

Этикетные формулы – необходимая дань вежливости, способ проявления участливого внимания к респонденту, приглашение к сотворчеству. Этикетные формулы обычно располагаются сразу после решения вопроса об «анонимном авторстве»; в содержательном плане они представляют собой «извинительные сюжеты», предупреждения о возможных нечаянных ошибках и предложения по «правильному прочтению»:

Вы мои ошибки
 Считайте за улыбку.

Регламентные формулы являются директивами и нормативами, пожеланиями владельца «анкеты» об особенностях ее заполнения; с ними следует ознакомиться участнику анкетирования, чтобы учесть основные, типичные правила и тем более соблюсти индивидуальные требования по ведению тетради:

Прошу ответов не читать,
 А только правду мне писать.

В анкете прочерков не ставь,
 Не зная – не писать.

Прошу тетрадь не портить,
 Листы не выдирать,
 А если есть ошибки,
 Прошу не исправлять.

А ещё о том прошу –
 Не писать карандашом,
 Карандаш стирается,
 Память забывается.

Из таких регламентных формул видно, как владельцы «анкет» бережно относятся ко всем записям респондентов (даже к ошибочным), высоко ценят автографы и радуются фотографиям-портретам. Исходя из таких установок, организаторы анкетирования просят отвечающих оставить автограф («подпись»), создать «рисунок на память» и приложить фотокарточку:

«Распишись на память.

Когда-нибудь среди бумаг,
 Под тонким слоем пыли
 Найдешь ты карточку мою
 И вспомнишь, как дружили».

Из изучения текстов «анкет» (в том числе и стихотворных формул) явствует, что владельцы тетрадей ставили, как минимум, две цели: 1) познакомиться с респондентом поближе (узнать его идеалы и жизненные устремления, уяснить отношение к хозяйке тетради, выведать и сохранить сердечные тайны).

Стихотворные вставки, как правило, являются куплетами и, реже, двустушиями; исключения составляют трехстишия. Различная строфика стихотворных вставок коррелирует с разными исходными фольклорными жанрами, послужившими «прототипами» анкетных поэтических текстов, – с частушками, пословицами и поговорками.

Так, куплетная форма стихотворных вставок вырастает из частушек, по подобию которых строятся анкетные произведения. Порой трудно разграничить частушку, внесенную в «анкету» на правах «философской сентенции», и собственно «анкетный текст», построенный по частушечной модели. Частушкоподобные «анкетные произведения» безукоризненны в своей ритмико-рифмовочной организации. Приспособленные к «анкете» настоящие частушки бывают стилистически отредактированными людьми, вписавшими их в альбом, – даже в ущерб частушечной ритмике:

Говорят, что девочки дуры,
 Нет, ребята дураки:
 И провожают до порога,
 Не снимают сапоги.

Двух-трехстрочная строфика восходит к паремийным жанрам, а также к «страданиям»-частушкам. Пословичная первооснова таких произведений сохраняется в «анкетных стихах» полностью или частично (в какой-либо части более сложной конструкции):

Люби меня, как я тебя.
 И помни обо мне.

 Не люби двух сразу,
 Двух полюбишь – себя погубишь.

К частушечной форме двухстрочного, протяжного по мелодике «страдания» восходит следующий текст:

Люби цветы, люби их дух,
Люби мальчишек, но не двух.

«Анкеты» как полижанровые образования носят синтетический характер, который проявляется и во включении в тетради многочисленных текстов-поздравлений: «С Днем рождения тебя поздравляю», «С Новым годом тебя поздравляю», «С законным браком поздравляем» и др. Последняя формула показывает, что автор «анкеты» вырос, достиг совершеннолетия и даже сочетался браком; следовательно, в тетради со свадебным поздравлением наблюдается верхняя возрастная граница владелицы «анкеты»; вероятно, вступив в супружество, девушка не будет продолжать ведение тетради, ее жизненные интересы и предпочтения изменятся в связи с новым общественным статусом. Действительно, в данном случае «анкету» фольклористу показали младшие сестры владелицы тетради из с. Кузьминское Рыбновского р-на, сообщив, что девушка вышла замуж и переехала жить к мужу в пос. Рыбное. У самих младших сестер тоже имеются подобные «анкеты», только они менее содержательные и информативные: очевидно, это связано с небольшим возрастом девочек, у которых все впереди, в том числе и большие возможности по интересному заполнению тетради.

В «анкете» прямо зафиксирован жанр *«пожелание»* (он включен как отдельный пункт). «Пожелание» имеет трафаретный облик, состоит из 2-8 стихотворных строк, часто определяется даже внешне – по первой строке «Что тебе пожелать – не знаю» или по внутренней строке «От всей души тебе желаю» и по включенности определяющих дефиниций «пожелать / желать».

Что тебе пожелать – не знаю.
Любви – зачем её желать.
От всей души тебе желаю,
Чтоб научилась ты прощать.
Умей прощать, когда не любит,
Умей прощать, когда не ждёт,
Умей прощать, когда забудет,
Но не прощай, когда соврёт!!!

«Пожелание» порой напоминает частушку:

Из цветов люблю я розу,
А из мальчиков.....
Я ему любить желаю
Только розу и меня.

«Пожелание» иногда сближается с пословицами (особенно в случае с указанием «люби / не люби» – см. выше). Однако жанрово-определяющее указание «люби / не люби» встречается и в «пожеланиях», построенных по типу частушек. Показательно, что смешанная устно-письменная форма бытования сохраняет вариативность текста как норму его существования:

Люби мальчишек чёрных,
Забавных и весёлых,
Но не люби ты рыжих,
Нахальных и бесстыжих.

Люби мальчишек чёрных,
Задорных и весёлых,

Но не люби ты русских,
Нахальных и беструсих.

Показательно, что у девушек «пожелания» в «анкете» носят брачный характер, они идентичны формульным свадебным поздравлениям, носящим на Рязанщине народные наименования «приговорок» и «предсказок»².

Структура «анкеты» включает «секрет». Это тоже своеобразное жанровое образование, базирующееся на слове «секрет» и обязательно имеющее указание на своего адресата (как правило, указывается обобщенно, по возрастному и гендерному признакам):

«Секрет только для девочек.

Милые девочки,
Вот мой секрет.
Мальчиков много,
А толку в них нет.
Целуют, ласкают
И в глазки глядят,
Потом забывают
И знать не хотят».

В «анкеты» помимо малых нарративных и песенных жанров включаются в большом количестве старинные и современные фольклорные и литературные песни, стихотворения собственного сочинения.

В плане графической организации интересны любовные формулы, представляющие собой акростиhi. Например:

Л – эти
Ю – шесть
Б – букв
<рис. «сердечко», знаменующее букву «О»> – приносят
В – много
Б – мук³.

Очевидно, новаторством в «анкете» являются своеобразные «адреса», напоминающие реально-географические только своим графическим оформлением – импровизацией на подразумеваемом конверте или почтовой карточке; хотя подобные адресные наименования встречались еще в начале XX века в литературном творчестве и могли быть оттуда заимствованы хотя бы на уровне принципиальной структуры. Вот пример символического адреса из «анкеты»:

Куда: г. Разлук
ул. Встреч
кв. Свиданий
д. Расставаний⁴.

Такая импровизированная умозрительная почтовая открытка имеет еще и надпись на обороте:

Любовь не карточка,
В окно не выкинешь,
Любовь – звезда,
А звёзды гаснут иногда⁵.

Источниками включения в «анкеты» произведений служит ряд факторов:

- 1) собственное знание местной фольклорной традиции;
- 2) перенимание бытующих в данном населенном пункте произведений у старшего поколения и у сверстников;
- 3) усвоение устно-поэтических текстов иных профессиональных и социальных групп при контактах с их представителями, находящимися на общей территории или располагающихся по соседству;
- 4) прочтение аналогичных материалов в «девичьих журналах» и «женских книгах» и переписывание оттуда;
- 5) собственное сочинительство по известному образцу.

«Анкета» – как объемный разножанровый комплекс – стимулировала движение от произведений фольклора через сочинительство по фольклорным моделям к собственному творчеству – к эпическим сочинениям литературного типа (вроде рассказов и повестей, романов), в которых все-таки проглядывается «фольклорный стержень» вроде типичного сюжета. Иногда намеренно допускается переключка произведений одного содержания, но разной жанровой природы: например, стихотворение-песня «Суд» («Печальный случай расскажу...») и рассказ-анекдот «Из зала суда» («В одном из залов суда шёл суд») намеренно расположены рядом в девичьей тетради.

«Анкеты», созданные в зонах контактирования местного постоянного населения с миграционным (например, в местах расположения учебных «военных лагерей», как в с. Кузьминское Рыбновского р-на), изобилуют перенятыми (заимствованными) произведениями, отражающими тематику и мировоззрение военного контингента – курсантов, солдат-срочников:

Бог создал любовь и тоску <вар.: ласку>,
 Чёрт – автомат и каску.
 Бог создал отбой и отчизну,
 Чёрт создал подъём и старшину <вар.: тишину>,
 Бог создал рай,
 Чёрт – Приморский край.

Все рассмотренные примеры взяты из «анкет» девочек и девушек. Неизвестно, ведут ли подобные тетради мальчики, но написанные от их имени тексты свидетельствуют, что они заполняют «анкеты» по девичьим просьбам.

В 3-м тысячелетии появились записные книжки полноцветной печати, предназначенные подросткам и продолжающие рукописную традицию ведения «анкет» и предшествующих им «альбомов» (см. следующую главу). Пример такого «Ежедневника для всех-всех-всех» (2000) по мотивам книги Д. Милна о Винни-пухе – с 2 страницами «Мои предпочтения» в начале издания: «Время года; Время дня; День недели; Погода; Блюдо; Цвет; Имя женское; Имя мужское; Праздник; Вид спорта; Занятия; Профессия; Игра; Школьный предмет; Учитель; Журнал; Книга; Герой; Писатель; Поэт; Композитор; Фильм; Сериал; Актер; Актриса; ТВ-программа; Радиостанция; Группа; Певец; Певица; Альбом; Песня»⁶. Перед этим разделом и далее идут другие разделы, в том числе включающие «Мои личные данные», «Календарь» и др., напоминающие школьный дневник.

«Ежедневник для всех-всех-всех» отталкивается от подростковых рукописных тетрадей, которые были в ходу в 1970-1980-е годы: они открывались нумерованным списком подобных вопросов, а на остальных страницах друзья писали под номерами свои ответы и сопровождали их рисунками и (или) печатными картинками, вырезанными из журналов, приклеивали целые почтовые поздравительные открытки, а иногда вставляли «секретики» и дарили стихотворение собственного сочинения или фольклорное. Клишированность подоб-

ных рукописных тетрадей, основанная в некоторой степени на структуре «анкет» как устно-письменного фольклорного комплекса, была доведена до логического конца и, в итоге, привела к абсолютно стандартным печатным изданиям такого рода. Одновременно распространились сотовая телефонная связь с SMS-ками и Интернет с электронной почтой, чатами и т.п., вытеснившие далеко на периферию все рукописные способы дружеского общения.

Таким образом, фольклорная традиция ведения рукописного альбома, известного на протяжении нескольких веков, пришла к затуханию (если не сказать – к исчезновению).

¹ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 16 – с. Кузьминское Рыбновского р-на, лето 2005 г.

² См.: Самоделова Е.А. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 7. Традиционные формы досуга: История и современность. Сб. науч. трудов. М., 1996. С. 134-158; Самоделова Е.А. Глава 21. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе /Самоделова Е.А. Поэтика рязанского свадебного фольклора /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2016. Вып. 56. Т. 3. Ч. 3. С. 177-203.

³ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 13 – с. Кузьминское Рыбновского р-на, лето 2005 г.

⁴ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 36 – с. Кузьминское Рыбновского р-на, лето 2005 г.

⁵ Записи автора. Тетр. 27-А. С. 36 – с. Кузьминское Рыбновского р-на, лето 2005 г.

⁶ Ежедневник для всех-всех-всех. Издание для досуга /Худ. Е. Антоненков. М.: ЗАО «Премьера», 2000. Без № стр.

Глава 71.

Девичьи (и юношеские) «альбомы» как предшественники «анкет»

Предшественником детской «анкеты» является девичий «альбом». Такие «альбомы» известны со времен А. С. Пушкина. Помимо девичьих «альбомов» существовали подобные тетради и у мальчиков. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в 1920-е годы на Рязанщине и хранящиеся в архиве. Например, такая альбомная надпись, явно адресованная мальчику или юноше – владельцу альбома:

Альбом сей прекрасен,
Но лучше всего
Хазяин ивó!¹ (г. Рязань).

Также показательны в гендерном плане альбомные стихи, пародирующие известную песню литературного происхождения «Когда окончил курс науки...», известные в г. Рязань в 1920-е годы:

Кагда́ ты кончишь курс науки,
Забудишь школу и падрѹх,
Тагда́ вазьмѣшь альбом ты в руки
И вспомнишь, кто тибя́ был друх.

Кагда́ ты кончишь курс ученья,
Сдашь экзамен в пастухи,
Тагда́ вазьмѣшь кнутѹще в руки
И перестанешь в альбом писать стихи².

В г. Рязань в 1920-е годы записано обращение к девушке – типовой комплимент формульного характера, явно альбомного типа; безусловно, текст предназначен для вписывания его юношей в девичий «альбом»:

Линейная* ваша галóвка
И чудныя ваши глаза.
Прекрасная ваша пахóтка,
Ах, Оличка, как харашá!³

Под астериском находится сноска, сделанная собирательницей из г. Рязань Л. А. Худзинской, которая передала две точки зрения – исполнительницы народного стишка и свою собственную: «“Причесана гладко”. З. Кольц<ова>. Вероятно, искаженное старинное “лилейная”, и стремление объяснить себе это слово по-новому»⁴. Комментарий Л. А. Худзинской ценен тем, что он наделяет данное альбомное произведение дореволюционной историей. Содержание стихотворного текста и его стилистика свидетельствуют о принадлежности произведения к городской среде – дворянской, мещанской, купеческой.

В 1920-е годы в г. Рязань курсировали и стихи, предназначенные для девичьего альбома. Это видно, в частности, по адресату следующего произведения:

Пишу на память я три слова:
Живи, цветы и будь здорова⁵.

В нашем распоряжении имеется копия «альбома» под названием «Песни», который вела девушка-зенитчица из расквартированного в с. Смолеевка Ухоловского р-на (или по соседству с селом) полка во время Великой Отечественной войны. В данной тетради встречаются конкретные и более широкие даты: «18.2.43», «25/II-43 г.», «1943 г.»⁶. Частушки и песни в этом «альбоме» преимущественно военные.

Альбом состоит в основном из фольклорных и авторских песен и частушек, однако в нем имеются все структурные «альбомные» элементы.

Определение жанрового комплекса дано в ряде произведений, как правило, четверостиший. Первый пример – с подписью «От Зине» (буква «т» вписана в букву «о», что немало напоминает древнерусское написание «от»):

На первой странице альбома
Хочу оставить я память свою
И прошу, дорогая Тася,
Не забудь ты подругу свою⁷.

Каждая из девушек, писавших в альбом, безусловно, владела определенным набором стихотворных формул и представляла предназначенное им место в общей альбомной структуре. Набор формул был ограниченным: произведения не имели вариантов в сознании их владелицы (хотя все-таки появлялись в пространстве «альбома», что, возможно, объясняется невнимательным прочтением очередной писавшей девушкой всего предыдущего содержания тетради). Показательно, что при заполнении страницы, далекой от первой, некоторые авторы считали возможным все-таки вписать куплет, которым по правилам композиции должен открываться альбом.

Второй пример словесного обыгрывания дефиниции «альбом» – в четверостишии в рамке, подписанном криптонимом: «От Л.К.». Вот его текст:

Пишу, а сердце бьётся
В волнующей груди,
Альбом со строк смеётся
И говорит: меня люби⁸.

Ряд примеров можно продолжить: «Когда тебе в альбом писали» (см. далее); «Писать красиво не умею, // Альбом украсить не могу»⁹ и др.

Девушки осознавали очередность заполнения «альбома» и всячески подчеркивали это, обыгрывая последовательность в словесных формулах: «Они ведь многое писали – // Настала очередь моя»¹⁰.

Логика структуры «альбома» имела в сознании каждой девушки, порождая всяческие отступления от нее, допуская переделки известных текстов (иногда в ущерб стихотворному ритму). Например, в середине «альбома» появилась надпись с явной подменой слова «страничка» на «строчка»:

Писать на этом я кончаю,
Писать я больше не хочу.
И на последней на строчке
Я два слова напишу:
Нина Хорева¹¹.

Очевидно, девушки больше заботились не об общей структуре «альбома», но о композиции собственного объемного текста – многосоставного, обычно включавшего в себя рисунок, песню и пожелание, осознаваемые как личный подарок хозяйке тетради. Исходя из такого понимания, девушки стремились использовать инициальные и концевые стереотип-

ные формулы. Так, после песни «Чилита», записанной в середине тетради, появилась надпись: «Конец // от стада овец»¹².

Подразумевалось, что все стихотворные послания должны быть не авторскими (хотя запрета на это не было), а клишированными, формульными. Об этом свидетельствует завершающий фрагмент четверостишия: «Своих стихов не сочиняю, // Но хоть чужие напишу»¹³.

Стереотипность текстов – чрезвычайно важный момент для альбомной поэтики по целому ряду причин:

1) пишущие в «альбом» могут быть уверены, что владелица тетради и все читающие доверенные лица их не засмеют за неумелые стихотворения, поскольку эти стихи в своем роде трафаретные и прошедшие испытание временем;

2) что все участники своеобразной «альбомной игры» находятся в равном положении – все владеют определенным репертуаром альбомных стихов;

3) задача каждого последующего «игрока» – вставить в тетрадь такое стихотворение из единого реестра, которое еще не попало в «альбом»;

4) по возможности допускается расширить стихотворный арсенал новым произведением, которое получено из дополнительного источника, то есть услышано от человека, незнакомого всей компании, или прочитано в географически отдаленном локусе (в другом селении).

Из формульных текстов понятно, чего ради девушки заводили подобные «альбомы»: чтобы выразить дружеские чувства по отношению к хозяйке тетради, пожелать ей всяческого добра (о жанре «пожеланий» см. ниже). Назначение «альбома» обозначено формулами типа: «На долгую память Тасе от Веры!»; «На память Таисии!»; «На память Тасе от Ш.М.»¹⁴

Что касается вариативности альбомных текстов, то они встречаются даже в пределах одного «альбома». Проследим это на примере этикетных формул, шутливо обыгранных. Респонденты в своих клишированных куплетах посмеиваются над старательностью оформления альбомных записей:

Я писала, торопилась,
Чуть со стула не свалилась,
А чернильница с пером
Танцевала под столом¹⁵.

Другой вариант оказался еще более длинным и с иной концовкой, скрывающей автора от посторонних лиц:

Я писала, торопилась,
Чуть со стула не свалилась,
А со стула – на кровать –
Больше нечего писать.
От кого – тебе известно,
А другим – неинтересно¹⁶.

Третий вариант:

Я писала – торопилась,
Чуть со стула не свалилась,
А оттуда – под кровать,
И кончаю я писать!¹⁷

Анонимность в «альбоме» достигается не только специально обыгранным в стихах отсутствием подписи, постановкой инициалов (известных только хозяйке тетради), указанием имени и заглавной буквы фамилии или только имени – вместо развернутой подписи, но и витиеватой надписью-«формуляром», указывающим на «малую родину» писавшего: «Писал баллер, // Моршанский кавалер»¹⁸ (г. Моршанск Тамбовской обл., граничащей с Рязанской обл.). Вероятно, историзм «баллер» («балер»?) обозначает человека, постоянного участника балов, танцора на них. Хотя не факт, что под названием «баллера» и «кавалера» скрывается мужчина, а не девушка; более того, если участниками «альбома» являлись только девушки, следовательно, и «мужскую личину» надела на себя тоже девушка, что было известно владелице тетради, допускающей к ней только лиц женского пола. Фигуры травести широко применялись в свадебной и святочной обрядности на Рязанщине, когда женщины рядились «стариками», а парни – «старухами»; поэтому легко представить, что такая обрядовая практика переместилась с праздничного пространства селения в «альбом», роль которого тоже в определенной мере сакральна и празднична.

Примеры криптонимов из «альбома» Ухоловского р-на, поставленные ради соблюдения принципа анонимности: «От В.С.», «От Л.К.», «От Н.Х.», «От И.К.», «На память Таси от Д.Р.», «На память Тасе от Ш.М.». Примеры сочетания криптонима с полным именем: «От Ин<н>ы К.» и «От подруги Инны К.», «От Нины С.», «На память! От Веры С.», «От Любы Т.». Примеры только имени вместо полной подписи: «От Любе», «От Жени» (дважды), «От Зине», «На память<ь> Маши от Жени», «На долгую память Тасе от Веры!», «Тасе от Веры». Данные примеры и им подобные создают неполную анонимность (как бы «полуанонимность») лиц, пишущих в «альбом»: для владелицы тетради такие подписи понятны, для посторонних лиц – нет.

Отсутствие широкой узнаваемости лиц, спрятавшихся под криптонимами или неполными именами, тоже является в определенной мере словесной игрой, находящейся на перекрестье фольклора и литературы. Анонимность и полуанонимность призваны уравнивать каждого конкретного участника, получившего допуск к «альбому», со всеми игроками, со всей компанией, чтобы нивелировать его личный творческий вклад и не выпячивать особые личные отношения с владелицей тетради, чтобы оставаться в «поле традиции», чтобы подчеркнуть давнюю культурную историю альбомного творчества, возникшего, вероятно, еще в древнерусскую эпоху всеобщего отсутствия авторства.

Анонимность постулируется в специальной стереотипной формуле – в концовке или в самостоятельном завершающем стихотворении, выступающем вместо подписи и существующем в вариантах:

От кого – тебе известно,

А другим не интересно.

Кто писал – тебе известно,

Но другим не интересно¹⁹.

Анонимность иногда обыгрывается – хозяйку тетради с помощью специального стихотворения-формулы просят отыскать анонима:

Попробуй найди, где спряталась я,

Прочти, погляди – и отыщешь меня²⁰.

Однако анонимность в «альбоме» не вседвоящая, не абсолютная; наряду с неизвестными героинями встречаются и подписавшиеся именем-фамилией (или просто указавшие себя безотносительно к стереотипному стихотворению): «Тасе от Веры Стрельцовой», «Нина Хорева», «Зина Лобанова. Зинаида», «На память Тасе от Суховой Зине»; причем эти

подписи корреспондируют с «полуанонимными» – «На долгую память Тасе от Веры!», «На память! От Веры С.» и «От Зине», в том числе с криптографическими «От Н.Х.» и «От В.С.».

В одном случае имеется стихотворение, в содержание которого уже встроена модель определенного двусловного продолжения текста. Лицо, вписавшее такое стихотворение в альбом, завершило его подписью с указанием имени-фамилии; такой стилистический прием нацелен на невозможность анонимности: «И на последней на строчке // Я два слова напишу: // Нина Хорева²¹. В то же время вставка имени-фамилии хотя и реализует заложенную в словесной модели необходимую концовку текста, но разрушает его рифмованность. Если считать предполагаемой концовкой утверждение – «Тебя люблю», то становится понятно, что девушка не могла использовать такой «мужской» текст (адресуемый юношей к «даме сердца») и вынуждена была его видоизменить, чтобы он преобразился в «женский». Между тем знание подлинного «исходного текста» адресатом-девушкой приводило ее к пониманию о том, что подруга выражает чувства симпатии и дружбы, даже заменив прямые слова любви на подпись именем-фамилией. Однако надо заметить, что чувство любви к подруге в других альбомных текстах выражается напрямую, с использованием слова «люблю» (см. выше и ниже); иначе говоря, каждая девушка решает для себя, удобно ли ей приспособливать «мужской» текст для выражения своих симпатий или лучше видоизменить его, или найти новый, сугубо «женский» текст.

Важно отметить, что узнаваемость и открытость подруг, написавших пожелания в тетрадь, возрастает ближе к концу «альбома», что может быть вызвано целым рядом причин: углублением дружбы между девушками, усилением экстремальности ситуации (ведь шла Великая Отечественная война), вероятностью скорого расставания...

Интересно, что о владелице тетради известно ровно столько же, как и об одной из ее подруг: вначале многократно повторяется только имя – Тася, к середине «альбома» подключается фамилия – «Родионовой Тасе от Суховой Зине» и «Родионовой Таси»²².

Показательно, что подписи «От Л.К.», «От Ин<н>ы К.» (с вариантом «От И.К.») в «альбоме» из Ухоловского р-на повторяются, что свидетельствует о повторном и многократном допуске любимых подруг для участия в альбомных надписях. Этот случай нетипичный, свидетельствующий об узком круге лиц, допущенным к участию в составлении «альбома». Или, возможно, такой случай, наоборот, оказывается общепринятым для «альбомной эпохи», когда особенно ценилась содержательная часть ведения «альбома», когда его владелица (владелец) с нетерпением ждала, что нового напишет ее подруга (друг) на пока еще чистых страницах... В более позднее время, начиная с послевоенного периода, чаще встречается противоположная ситуация, когда в «альбом» каждый участник (участница) вписывает свои тексты лишь один раз, зато таких друзей (подруг) много. В какой-то степени такой «альбом» напоминает классный журнал, поскольку участие в нем принимает весь школьный класс.

Интересно, что в одном «альбоме» из Ухоловского р-на соседствуют адресации разным лицам – «На памя<ь> Маши от Жени», «На память Таси от Д.Р.» – что свидетельствует о переходе тетради от одной владелицы к другой или о наличии совладелец, или о подключении второй владелицы к первой на каком-то этапе существования тетради. В данном случае имя Таси встречается гораздо чаще, чем Маши, и, соответственно, логично вроде бы выступает в качестве имени хозяйки тетради; однако владелица «альбома» позволила другой девушке (может быть, сестре или душевной подруге) тоже быть причисленной к адресатам альбомных пожеланий. Более того, на обложке «альбома» под названием «Песни» из Ухоловского р-на написано – «Ерошина Маша», что допускает противоположную атрибуцию тетради: ее владелицей могла быть как раз Маша, которая потом доверила заветную тетрадь Тасе. Заметим, что на обложке повторяется еще одна подпись – «Ю. Ерошина»²³.

Ложная анонимность послания в «альбоме» обнаруживается в форме акростиха, со специальным графическим выделением первых букв строчек:

Т – я букву уважаю,
 А – я пламенно люблю,
 С – я к сердцу прижимаю,
 Ю – узнай, кого люблю²⁴.

Так создавалась иллюзорная загадочность послания.

Идея секретности внутриальбомных посланий реализована не только словесно, но и конструктивно, наглядно. Так, очередной лист тетради свернут треугольником, в нем несколькими разноцветными волнистыми линиями подчеркнута и обведена надпись: «Секрет для маленьких писем»²⁵. Необычное и яркое оформление листа привлекает внимание: возникает желание ознакомиться с «секретом». Разворачивание листа повторяет дефиницию «секрет», содержит извинительную формулу с обращением к хозяйке – «Тася, не обижайся, что мало написала» – и демонстрирует 3-й вариант текста: «Я писала, торопилась...» (см. выше). Понятно, что с «секретом» обращалась к хозяйке «альбома» ее подруга, «гостящая» на страницах тетради.

Наоборот, ответное секретное послание исходит от владелицы тетради к ее респондентам: скромно отогнут нижний угол листа, и внутри образовавшегося треугольника написано – «Милые подруги, пишите почище, покрасивей рисуй»²⁶.

Таким образом, альбомная секретность условная, трехуровневая: 1) с адресацией «секрета» владелице тетради; 2) с якобы нежелательным (но на деле предусмотренным) допуском других авторов посланий, ведь все они объединены дружеским отношением к хозяйке «альбома»; 3) с застенчивым предназначением личной просьбы альбомовладелицы к своим респондентам.

Жанр «пожеланий» также присутствует в военном «альбоме» – например, с обращением «Тасе!» и с подписью «25/II-1943 г. От Н.Х.»:

Я не Пушкин, не Крылов –
 Не могу писать стихов,
 Пишу тебе четыре слова:
 Живи, учись и будь здорова»²⁷.

Часто тематика альбомных пожеланий связана с образом цветов (с параллелизмом «цветок цветет – девушка хорошеет» или с букетом как типичным подарком девушке, обычно от кавалера), с надеждой встретить достойный объект любви и с уверением подруги в крепкой дружбе. В «альбоме» из Ухоловского р-на такая тематика тоже присутствует, особенно широко представлена цветочная символика:

Дарю тебе корзинку –
 Она из тростника.
 В ней тридцать три фиалки
 И глазки моряка»²⁸.

Число «тридцать три» и образ фиалки, безусловно, заимствованные из сентиментальной литературы символы; фиалка еще несет дополнительную семантическую нагрузку «скромности», обозначенную в околофольклорном жанре толкования прогностической символики подаренных кавалером девушке цветов; «глазки моряка» встраиваются в отдаленную параллель к «анютиным глазкам», то есть опять же к фиалке – фиалке трехцветной.

Образ владелицы тетради, которой адресуются стихотворения (обычно куплеты, но имеются и более развернутые тексты), тоже описан с помощью цветочной символики, предназначенной для эстетизации героини, однако завершается «цветочный сюжет» благодушной иронией:

Тася! роза,
 Тася – цвет,
 Тася – розовый букет.
 Тася – цветик,
 Тася – душка,
 Тася – мягкая подушка.
 На подушке можно спать –
 Таису вспоминать!²⁹

Хозяйка тетради может быть не поименована в самом начале куплета с цветочной символикой, происходящем от частушки с аналогичным содержанием, но девичий образ угадывается в начальном указании «ты» и сравнении с лучшим цветком, и затем девушка названа ее конкретным именем – в концовке произведения:

Ты прекрасна, точно роза,
 Но есть разница одна.
 Роза вянет от мороза,
 Но Тася никогда³⁰.

Адресации стихотворного послания в «альбоме» подразделяются на три группы: 1) на прямую – с указанием имени владелицы тетради; 2) на косвенную – создаваемую с помощью местоимения; 3) без какого-либо указания адресата («На память!»). Так, в «альбоме» из Ухоловского р-на имеются как обращения – «Дарю тебе корзинку...» (см. выше), так и «Те-бе-же!» / «Те-бе-же»: при написании по слогам местоимения содержится аллюзия на фонетическую запись фамилии-имени-отчества с помощью криптонима из трех букв (хотя именно такой вид в конкретной тетради не встречается, но к нему близка форма криптонима из двух букв в косвенном падеже с предлогом – «От В.С.», «От Л.К.», «От Н.Х.», «От И.К.»). Слоговая надпись «Те-бе-же» не случайна, она повторяется и потому обладает формульной устойчивостью.

Альбомные формулы не являлись исключительной принадлежностью девичьих «альбомов» и не были ограничены ни географией своего бытования, ни гендерной спецификой адресации и авторства текстов. Подобные стихотворные формулы существовали и как отдельные послания. Приведем пример дарственной надписи юноши на обороте солдатской фотографии, присланной девушке, проживавшей в одном московском дворе в конце 1940-х годов:

Желаю быть всегда любимой,
 Обид и горестей не знать,
 Учиться только на «отлично»
 И меня иногда вспоминать³¹.

На фотокарточке также имеются посвящение «На память Ане Трушечкиной» и подпись «24/X-1949 г. А. Овчинников» (Алексей Овчинников). Адресат инскрипта, ныне взрослая женщина, вспомнила другой вариант заключительного стиха – «И меня не забывать»; она посещала родственников в Рязанской обл. и потому удостоверяет типологическое родство стихотворных формул, входящих в состав «альбомов» или существующих как самостоятельные и самодостаточные произведения.

Действительно, в девичьем «альбоме» из Ухоловского р-на содержится 7-строчное формульное послание «На память!», написанное от имени подруг и друзей хозяйки тетради и содержащее типовую концовку:

Когда тебе в альбом писали
Твои подруги и друзья,
Они ведь многое писали –
Настала очередь моя.
Желаю горестей не знать,
Желаю быть всеми любимой,
Прошу меня не забывать³².

Безусловно, все подобные инскрипты демонстрировали психологическое состояние автора и эмоциональные ожидания адресата, отражали дух времени.

Значение дружбы в жизни человека подчеркнуто с помощью такого стихотворения афористичного характера, которое сродни пословице и облечено в куплетную форму, напоминающую по своему строю частушку и основанное на психологическом параллелизме – с символикой «стойкое дерево – человек»:

Сколько я лесом ни ходила,
Крепче дуба не нашла,
Сколько подруг ни любила,
Лучше Таси не нашла³³.

Формальное негласное правило о том, что «альбомы» должны украшаться рисунками и их заменителями-шаблонами (наклеенными открытками и вырезками из журналов) – присутствует в стихотворении, с содержанием «от противного»:

Писать красиво не умею,
Альбом украсить не могу,
Своих стихов не сочиняю,
Но хоть чужие напишу³⁴.

Визуальное изучение «альбома» из Ухоловского р-на показало, что он украшен преимущественно рисунками цветов (одинокими цветками, букетов, корзинок с цветами и цветочных орнаментов) и девушек (в том числе с подписью «Русалка», в русском народном костюме), созданных простым и цветными карандашами или обведенных по трафарету и раскрашенных. Также имеется множество видов узорных полосок – прямых и угловых, имеющих самостоятельное значение или подчеркивающих название песни, или отделяющих куплеты песни друг от друга, или разделяющих частушки; некоторые геометрические орнаменты сочетаются с цветочными и образуют единую композицию. Единую картину составляют рисунки цветов в обрамлении надписей или, наоборот, вписанные в цветочную композицию надписи-обращения. На одной рисованной иллюстрации изображена девушка-русалка среди цветов и ягод.

Изобилие нарисованных цветов (в виде самостоятельных объектов или в составе композиции) соотносится с цветовой символикой в фольклорных произведениях (в данном случае – в альбомных стихах), что создает неразрывную и органическую связь между ними.

Единичными рисунками являются стилизованное изображение солнца с пятиконечной звездой, фигура пляшущего юноши (вероятно, в военной форме).

Кроме рисунков, встречаются аппликации, вырезанные из открыток и других печатных изданий, в том числе дореволюционных, а также переводные немецкие картинки (с цветочными букетами) и одна вырезка из немецкой открытки с поясным портретом трех девочек в шляпках. Одна аппликация изображает вписанный в овал сельский пейзаж с надписью по дореволюционной орфографии: «Место рождения Михаила Васильевича Ломоносова. Деревня Денисовка Холмогорского уезда Архангельской губернии», с раскрашенными красным цветом крышами домов.

Структуру «альбому» также придают повторяющиеся надписи: «Конец».

Типовые фольклорные стихотворные надписи встречаются не только в альбомах, но и в ряде других письменных источников (на уже упомянутых оборотах фотографий); на письмах (в обычной форме – на конвертах или адресной стороне почтовой карточки) они отмечены на Рязанщине еще в 1920-е годы:

Ты летí, лети, письмо,
Прямо падрúшке на акно!
Если падрúшке ни ва чтó,
И не нужнá ты ни на чтó³⁵ (г. Рязань).

Еще в конце 1970-х – начале 1980-х годов на конвертах солдатских писем школьникам-москвичкам появлялись подобные надписи: напр., «Лети, заяц, в Москву» – рядом с типографским рисунком зайца³⁶.

Куплетность как основная форма фольклорного письма (если можно так назвать вид этого «малого жанра») роднит такие произведения с девичьими (и юношескими) альбомами и «анкетами».

Изучение жанровой структуры «альбома» (как и пришедшей ему на смену «анкеты») показывает, что у хозяек таких тетрадей и у респондентов имелись стройные сюжетно-композиционные замыслы, однако полная выверенность структуры всегда оказывалась невыполнимой из-за личных особенностей оформления. Всегда превалировало стремление высказать свои чувства и мысли, поделиться словесными и нарисованными находками в ущерб общей логике построения «альбома». Придуманная десятилетиями позже стройность вопросника способствовала наведению формального порядка, однако и она не полностью упорядочила разбросанность формульных компонентов «анкеты».

¹ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 18 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

² РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 18 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

³ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 17 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

⁴ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 17 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

⁵ РИМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 18 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

⁶ Записи автора. Тетр. 15. С. 15, 21 – Альбом Родионовой Людмилы Валентиновны, 1950-1960-х гг. рожд., ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

⁷ Записи автора. Тетр. 15. С. 20 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

⁸ Записи автора. Тетр. 15. С. 8 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

⁹ Записи автора. Тетр. 15. С. 22, 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁰ Записи автора. Тетр. 15. С. 22 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹¹ Записи автора. Тетр. 15. С. 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹² Записи автора. Тетр. 15. С. 50 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹³ Записи автора. Тетр. 15. С. 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁴ Записи автора. Тетр. 15. С. 33, 36, 53 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁵ Записи автора. Тетр. 15. С. 9 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁶ Записи автора. Тетр. 15. С. 22 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁷ Записи автора. Тетр. 15. Лист между с. 30-31 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁸ Записи автора. Тетр. 15. С. 14 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

¹⁹ Записи автора. Тетр. 15. С. 45, 54, см. также с. 22 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁰ Записи автора. Тетр. 15. С. 15 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²¹ Записи автора. Тетр. 15. С. 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²² Записи автора. Тетр. 15. С. 36, 50 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²³ Записи автора. Тетр. 15. С. 3 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁴ Записи автора. Тетр. 15. С. 38 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁵ Записи автора. Тетр. 15. Лист между с. 30-31 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁶ Записи автора. Тетр. 15. С. 57 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁷ Записи автора. Тетр. 15. С. 21 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁸ Записи автора. Тетр. 15. С. 5 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

²⁹ Записи автора. Тетр. 15. С. 15 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

³⁰ Записи автора. Тетр. 15. С. 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

³¹ Записи автора. Тетр. 15. С. 125 – Самоделова Анна Михайловна, 1929 г. р., ее родители родом из с. Озёрки Сараевского р-на, живет в г. Москва, октябрь 2001 г.

³² Записи автора. Тетр. 15. С. 22 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

³³ Записи автора. Тетр. 15. С. 22 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

³⁴ Записи автора. Тетр. 15. С. 37 – Альбом Л. В. Родионовой, ее предки родом из с. Смолеевка Ухоловского р-на, живет в Москве, начало 2000-х гг.

³⁵ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 496. Л. 17 – Худзинская Л.А. Альбомные стихотворения. Г. Рязань. Сообщ. З. К. Кольцова.

³⁶ Записи автора. Письмо, присланное Е. А. Самоделовой на адрес московской школы № 520 полевой почтой в конце 1970-х – начале 1980-х годов из Курганской обл., где служил солдат срочной службы; откуда он родом, забылось.

Глава 72.

О граффити как самовыражении детей и о мировоззрении школьников

Старшеклассник Зарёвской школы Михайловского р-на Андрей Демин, 16 лет, подразделил увиденные им импровизированные настенные надписи на нецензурные и псевдо-исторические: «Часто можно видеть различные нецензурные выражения, написанные на стенах, заборах и на чем-нибудь другом, которые не очень-то приятно читать. Бывают другие надписи, которые заносят людей в историю, например: “Здесь были мы! 2005-03-31”» (ответ на анкету Е. А. Самоделовой 2004 г.). Очевидно, юноша предполагает хронологическую первичность надписей по сравнению с рисунками, видит верховенство текстов над картинками. Безусловно, имеются и настенные надписи другой тематики, в том числе фольклорной; представлены также целые устно-поэтические произведения малых форм и цитаты из народной поэзии.

Если не сравнивать современные настенные надписи с палеолитическими наскальными рисунками, то яркие граффити, выполненные красящими струями из баллончиков с пульверизатором или хотя бы масляными красками, действительно появились сравнительно недавно, в середине 1990-х годов. В то время как словесные тексты проходят через весь XX век и перемещаются в XXI-й (за предыдущей историей детского граффити, к сожалению, никто не наблюдал).

История граффити как стиля живописи была перенесена из-за границы в Россию, в том числе в г. Рязань и Рязанскую обл. Сначала мастера граффити появлялись стихийно, по зову сердца. Предметами их рисунков были любые изображения, которые они считали для себя интересными в идейном и художественном плане. Рисунки сопровождались словесными текстами, органически вплетенными в общую схему изображения. Места нанесения граффити на вертикальные поверхности городского и сельского застроенного пространства избирались художниками по своему усмотрению.

Отношение к подобным граффити выразил Андрей Демин, 16 лет, ученик Зарёвской школы Михайловского р-на: «Ещё мне нравится, когда невзрачные гаражи делают просто красавцами, нарисовав на них какую-нибудь прикольную картину во всю стену» (ответ на анкету 2004 г.).

Однако властные структуры быстро воспользовались творческими порывами мастеров граффити и переориентировали их работу на заданные объекты, соответственно предложили подходящую тематику. Так, в Рязани в конце XX века граффити был украшен один из заводов, причем большая стена высокого промышленного здания оказалась разрисованной весьма профессионально (может быть, взрослыми художниками?). В мае 2005 г. на стене парка при филармонии, в центре которого расположен Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, проводился конкурс граффити, посвященный 60-летию Победы.

Словесное и рисуночное граффити (то есть состоящее из нарисованных слов, отдельных букв и цельных картинок) и в настоящее время существует в нескольких видах техник:

- 1) высекание по камню, кирпичу;
- 2) вырезание по дереву, пластику и т. д.;
- 3) нанесение одноцветных букв и линий карандашом, фломастером, шариковой ручкой и др.;
- 4) многоцветное рисование масляными красками, баллончиками с пульверизатором и т. п.

Интересное зрелище в плане разнообразия технических приемов граффити представлял собой многоэтажный кирпичный дом, выстроенный по немецкому проекту в XIX веке для семей инженеров и управленцев Ликеро-водочного завода (?) в г. Рязск летом 2006 г. За время существования дома из красного кирпича было высечено огромное количество коротких словесных надписей – так, что вся стена первого этажа, куда смогли дотянуться дети и подростки, испещрена ими. Очевидно, много поколений детей оставляло здесь зарубки на память. Многие надписи нельзя считать полноценными текстами: скорее, это увековечение личных имен, изъявление дружбы и любви юных пар (преподнесенное по традиционной схеме «мужское имя + женское имя = любовь/дружба») и т. п.

Другой яркий пример заполнения большей части внешнего пространства здания граффити представляли старинные Торговые ряды в г. Касимов летом 2009 г. На центральной площади г. Касимов находится три здания торговых рядов (между прочим, памятников архитектуры!), но местом для самовыражения подростков было избрано только одно. Очевидно, большого пространства протяженных торговых рядов хватило для самовыражения и творческого общения школьников-подростков. Также вероятно, что целью ведения подобных надписей было объединение подростков, а гипотетическое появление разрисованного и расписанного пространства еще на двух объектах, хотя бы и соседних, наоборот, вело бы к разъединению учащихся.

Надписи были выполнены разноцветными маркерами на стенах, деревянных дверях и колоннах. Условно тексты можно разделить на авторские стихотворения, строчки из фольклорных произведений и отдельные надписи-«подписи», порой представленные лишь именами и номерами сотовых телефонов.

Часть текстов со свадебной тематикой, состоящих из акrostихов, уже была проанализирована в монографии «Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты)» (2015) Е. А. Самоделовой, в главе 6 «Историческая изменчивость свадебного обряда и современная свадьба»¹.

Цвет маркера оказался важным для подростков. В частности, рядом с номером телефона и подписью – Юлька – было начертано небольшое высказывание, графически оформленное наподобие стихотворения: «Я не люблю розовый цвет, но больше маркёра чёрного цвета в магазине не было!!!»². В тексте отсутствовала запятая, которая была тут же подставлена черным цветом с ироничной надписью: «За ошибками надо следить!».

Тема первой любви являлась ведущей. Например, ей посвящено стихотворение, подписанное в скобках «Твоя Зая» и украшенное сердечком:

Я люблю тебя,
Мальчик мой любимый!
Не хочу тебя терять,
Ведь ты знаешь, милый.
Много бед преодолим <д.б.: преодолеем>,
Мы с тобою, солнце!
Я люблю тебя, малыш!
Ты же знаешь, котик!

Стихотворение оказалось перечеркнуто крестом: то ли любовь закончилась, то ли вмешалась соперница...

Тем не менее жизнеутверждающая сила любви звучит в целом ряде произведений, например: «Даже когда мы в разлуке с тобой, // В сердце моем ты всё время со мной!».

Сентенцией о частой несочетаемости любящего и любимого наполнено четверостишие:

Мы любим тех,
Кто нас не любит,

Мы губим тех,
Кто в нас влюблён!

Или еще одно произведение на тему неразделенной любви:

О любовь, дарующая боль,
Как жестока и прекрасна,
Ты летишь ко мне, как на пламя моль,
И в огнях моей души гибнешь не напрасно.

Ответом может служить рисунок сердца и горящей на его фоне свечи – с надписью: «Ради этого тоже стоит жить!!!».

О несчастной любви повествует стихотворение, подписанное – Настя и Оля:

Богинями мы были и остались...
Сводя безумство своих тел.
Пусть облизнутся те, кому мы не достались!
Пусть здохнут <д.б.: сдохнут> те,
Кто нас не захотел!!!

В юношеском трагическом восприятии мира любовь способна соседствовать с гибелью, что отражено в двустии: «Я хочу тебя убить! // Положить с собою рядом...»

Но тут же рядом появилась насмешливая надпись из разряда «черного юмора» – с указанием телефона: «Пишите, отвечу всем!» – и с изображением черепа Адама и костей. Или такое оптимистическое утверждение о персонаже, который, судя по строению фразы, вроде бы умер: «Курт жив. // Он прост<о> вышел покурить».

С мифологическими персонажами наподобие «чёрной жути» и «вѣхора», некогда распространенными на Рязанщине и нашедшими отражение в творчестве Есенина³, оказывается сродни текст: «Ужас ходячий. // Люди, не встречайтесь с ней» (первая строка, очевидно, с именем, густо вымарана).

Есенинские строки «Бродит *черная жуть* по холмам» (Есенин I, 154 – «Хулиган», 1919) и «Так испуганно в снежную выбель // Заметалась *звенящая жуть*... // Здравствуй ты, моя *черная гибель*, // Я навстречу к тебе выхожу!» («Мир таинственный, мир мой древний...», 1921 – Есенин I, 157) привлекают внимание абстрактностью и одновременно персонифицированностью варьирующихся образов всеобъемлющего хаоса, немотивированного зла и беспричинного страха, неподдельного ужаса.

Примерно в тот же период записана быличка о подобном мифическом персонаже: «Была в д. Асаново холера (Рязанск<ой> г<уб.>, Зарайского у.). По 10 человек умирало. На улице ночью от местечка Каменки (слыхали голос): “Батюшки, што нам делать? – Кто кричит? – Никто, – это *жуть кричит*”. Опахивали, не помогло»⁴ (д. Асаново Зарайского у. / р-на, 1928).

Отдаленной аллюзией на фольклорный жанр страшных историй является текст: «Внимание! // По городу ходят Биб и Боба <...>», причем имя Биб оказалось зачеркнутым, чуть выше него надписано другое имя – Веня.

Большую роль в граффити занимают имена-подписи, причем поданные в любовном свете и потому упрощенные, уменьшительно-ласкательные или даже служащие домашними прозвищами, ласковыми прозваниями любимых. Такие имена присутствуют в обращениях к любимым: «Чертёнок! Я тебя люблю!» (далее идет дата – 14.09.06 и зачеркнутая подпись – Ксюха, затем поставлены новые данные – 12.02.09, Таня). На здании Торговых рядов прочитываются имена как бы из мира животных или двойные – человечески-звериные: Мышон, Киса, Лера Кошечка и Ленуська Лисёнок. Встречаются и человеческие имена, но с браурными суффиксами: Настюха, Танюха, Натаха, выдающими задорный нрав девушек.

Некоторые тексты-обращения написаны на «олбанском языке», с нарочитым смещением литературной грамматики в сторону разговорной речи (да еще с включением графических значков-символов), причем такой нарочито искаженной, на которой не говорят люди:

Вофка
Ты самый лучший!!!
Я тебя о4сина люблю!!!
(♥ Твое солныффко!!!)

Или еще подобное обращение:

Мегавольт
Ты самый лучший
«Фалуниффка» Эля

Знаки, передающие чувства при обмене телефонными SMS-ками и электронными письмами по Интернету, тоже вошли в состав подписей (в том числе от имени персонажей мультфильмов) при переписке на здании Торговых рядов: «Привет Пчёлке и Карамельке! Привет!!! Пчёлк@» и «Прива! ☺ // Виталька + Ксюха // ♥ М@сяня». (Имя Масяня носит главная героиня из одноименного мультфильма.)

Уважение ко всем участникам переписки звучало в пожеланиях: «Скины, я вас love»; «Аня и Лена Forever»; «Самые классные девчёлки <так!> // Настя и Оля. // Пишите и не забывайте» (надпись заключена в рамку в форме сердца). В то же время отрицательная оценка доносится в высказываниях, как бы снимающих с адресатов высокий городской статус и принижающих их до деревенского быта, о котором дети-горожане могут знать лишь понаслышке (особенно это касается повседневной жизни колхозов, исчезнувших вместе с Советской властью): «Шалавы сельские» и «Саша М. шалава колхозная».

В надписях прозвучала гордость и за школы г. Касимов, и за отдельных учеников: «1 школа // супер-да // 2008 год»;

Ленуська, Лисёнок
и Машулька
лучшие из 2 школы!
7 «А», 8 «А».

Почти все надписи обильно уснащались рисунками, среди которых лидировали сердечки, причем они могли служить большими рамками для словесных текстов или, наоборот, быть маленькими и украшать собой нарративы и паремии, иногда даже образовывать подобие фона для вербального произведения. Одно сердечко представляло собой подобие человека с огромным улыбающимся лицом, тоненькими ножками и ручками, причем в левой руке находилась дамская сумочка; следовательно, человечек был женского пола.

Особенно хороши были графические рисунки памятников архитектуры, которые одновременно напоминали собой башни средневековых рыцарских замков, церкви с колокольнями и минареты. Иначе говоря, в таких рисунках заметно влияние компьютерных игр с героико-мифологической тематикой, романов-фэнтези и одновременно знакомого ландшафта г. Касимов с переплетением в нем русско-православной и татарско-мусульманской архитектуры. В более сложном рисунке еще была показана река, мост над ней и деревья около башни-церкви с флагом, имелась надпись на латинице – Kasimov. Глядя на такие рисунки, ощущаешь любовь художника-подростка к родному городу, гордость за него.

Другой тип рисунков представлял собой травестирированные изображения, подобные фигурам ряженных на Святки или на второй день свадьбы: человек оказывался одновременно и девушкой и юношей, совмещал женскую и мужскую одежду, имел подчеркнутые по-

ловые признаки, иногда изображенные поверх одежды (как это было принято при праздничном народном ряженье).

Еще один вид рисунков – это изображения прелестных девичьих головок с красивыми кудрями. Два рисунка оказались похожи друг на друга: это портреты девушек с широко распахнутыми ресницами удивленно смотрящего на мир глаза, второй глаз оказался прикрыт кудряшками прически. Возможно, неслучайно появилась надпись: «Один глаз на Кавказ», хотя и начертанная вдали от подобных изображений. Между тем такой тип изображения был широко распространен издавна: вспомним графические рисунки с милыми женскими головками в рукописях А. С. Пушкина!

Следующий тип изображений соответствует подписям, представленным именами животных или двойными – антропо-зооморфными; на таких рисунках, например, имеется кот (или кошка) в позе человека, со скрещенными на груди лапами.

Возвращаясь к вербальным текстам, отметим еще один их тип – юмористический, частично основанный на фольклорной и профессионально-литературной поэтике. Например, к типу «вредных советов» можно отнести такое четверостишие:

Пиво пей
И слушай Oi –
Вырастешь
Большой и злой!

Или еще – полемика с надоевшей рекламой здорового образа жизни:

Бросай курить,
Вставай на лыжи!
Заместо рака
Будет грыжа!

Известно, что граффити долго не живут, и на поверхностях стен Торговых рядов в г. Касимов в 2009 г. были видны покрашенные места с какими-то прежними текстами, иногда просвечивающими сквозь тонкий слой побелки.

Все приведенные выше надписи можно подразделить на два типа: 1) бытовые, повседневные, обычные (это формулы типа «личное имя», «характеристика человека»); 2) ритуальные, чей ритуализованный характер определяется содержанием, уникальным в жизни каждого человека и в то же время традиционно повторяющимся в жизни общества (это формулы типа «здесь был я такого-то числа»; «она + он = любовь / дружба» и др.).

В с. Морозовы Борки Сапожковского р-на в том же 2009 г. нам довелось увидеть многочисленные граффити, которыми была исписана и изрисована дверь в частную бревенчатую баню. Как оказалось, инициатором разрисовывания двери стала внучка-москвичка, приехавшая отдохнуть на летние каникулы к бабушке в село и собравшая вокруг себя сельских друзей. Следовательно, наблюдаемая традиция является московско-рязанской.

Вверху на дверях имелась надпись: «Борки – Forever!!!»⁵. Далее на всей поверхности двери в свободном порядке размещены следующие произведения: заповедь тюремного фольклора «Не верь, не бойся, не проси»; агитационные слоганы «Нет наркотикам!» и «Выбирай безопасный секс!». Отдельную тематическую группу о команде можно сформировать из произведений с фольклорной поэтикой, с жанровой ориентацией на речёвки и фанатские кричалки:

Сомнения пустые брось,
Нам вместе классно,
Скучно врозь.

Вместе мы сила,
Вместе команда,
Потому что мы банда.

Мы разные, поэтому мы вместе.

Также наблюдаются тексты о любви, апеллирующие к кинофильму «Бриллиантовая рука», поданные от мужского лица и дополненные фольклорной формулой:

Девушкам – мороженое –
Сначала холодные,
Потом тают,
Потом липнут.

Словесные надписи снабжены рисунками. Особенно выразительны два из них: это кисти девичьих рук с ярко накрашенными ногтями, которые различаются по цвету – черному и красному, с подписями – Даша и Рита.

В каком-то смысле граффити на двери бревенчатой бани корреспондируют с плакатом на магазине в с. Морозовы Борки Сапожковского р-на. Плакат отпечатан на цветном принтере, но на его полях уже появились ситуативные надписи карандашом и ручкой. Одна надпись гласит: «Взять чек в киоске»⁶, другая представляет собой номер мобильного телефона. Сам плакат называется «9 заповедей на каждый день». В плане взаимоотношений детей и взрослых представляют интерес два пункта: 6 «Чти детей своих. // Видеть в них не твое, а Божье создание, данное тебе в Радость и в Утеху, на Воспитание и на Испытание» и 8 «Почитай старость и родителей своих. // Помни: старость – это не награда. Это испытание. Это чистилище перед уходом в небытие, и все равны перед этим»⁷. Эти тексты – назидательно-религиозного содержания, однако не канонического православного.

Нам же они интересны тем, как перекликаются в поэтическом плане и в жанровом отношении со структурно-аналогичными произведениями, начертанными на плакате в школе г. Новомичуринск Пронского р-на, основанными на клише школьных речёвок.

Итак, плакат называется «Детская общественная организация “Родничок”»; содержит двусмысленный девиз (о нем так и сказано – «Наш девиз») – «Гореть самим – зажечь других»⁸ (хотя, конечно, авторы идеи отталкивались от известной в российской истории метафоры просвещения и не задумывались о конфликте огня и воды). Далее помещена «наша речёвка»:

Из струек родничка,
Текущих воедино,
Рождается река,
И в этом наша сила!⁹

Раздел «Доброе сердце» содержит «наш девиз», который представлен дважды – с разночтением: «Поможем, чем можем!» и «Мы поможем всем, чем можем!»¹⁰. Эти немного разнящиеся строчки напоминают варианты фольклорных произведений: вариативность – это суть бытования устно-поэтического народного творчества.

Раздел «Олимпийский огонь» представлен речёвкой-призывом:

Будешь сильным!
Будешь ловким!
Со спортивной
Подготовкой!¹¹

Следующий раздел своим названием подобен поговорке: «Дерзайте, вы талантливы!»¹² Сущность заглавия раскрывается в четверостишии, похожем на речёвку или фанатскую кричалку и начинающемся с анафор:

Талантливых людей на свете много,
Талантливых людей не перечесть.
У нас для них открытая дорога.
Талантливым у нас почёт и честь.

Последний раздел называется «Поиск» и основан на поговорке: «Без прошлого нет будущего»¹³.

Однако прямое родство с плакатом «9 заповедей на каждый день» из с. Морозовы Борки Сапожковского р-на имеет стенд «Законы жизни школы», и эти правила насчитывают 10 пунктов, которые посвящены исключительно проблемам нравственности и потому напоминают библейские заповеди:

1. Делай добро!
2. Люби и прощай людей!
3. Относись к людям так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе!
4. Бойся обидеть человека!
5. Найди свою цель в жизни!
6. Не ищи оправдания собственным слабостям и не ленись!
7. Познай себя и мир!
8. Лучше отдай своё, чем возьмёшь чужое!
9. Не теряй веры в себя!
10. Умей дарить радость людям!¹⁴

Каждая сентенция «Законов...» начинается глаголом в повелительном наклонении (иногда с отрицанием) и заканчивается восклицательным знаком, что должно бы по замыслу создателей подчеркнуть значимость каждого постулата.

Сопоставление всех таких разнородных самодельных «наглядных пособий» – от граффити до школьного стенда – демонстрирует единую информационную среду, в которой действуют общие законы самовыражения с определенной долей дидактики (наставничества и учительства), берущие истоки в библейских жанрах (притчи, заповеди) и фольклорных нарративных, паремийных и песенных жанрах (речёвки, кричалки, частушки и др.).

Повышенную ритуальность некоторым надписям придают начертание их на особых ритуальных атрибутах, иногда специально создаваемых для торжественного случая. Так, в г. Рязань в 2006 г. зародилась новая для Рязанской области свадебная традиция, продолжающая линию граффити: на Трубежной набережной напротив Кремля и памятника Есенину появились навешанные на чугунную ограду амбарные замки с надписями. Как бы замыкая брачный союз в кольцо, на замке часто проставляют имена новобрачных и дату свадьбы: «Саша и Лена. Свадьба 23.09.2006». Прогуливающиеся по набережной люди лицезреют забавную картину: к ограде прикручено множество металлических замков.

Очевидно, эта традиция была занесена в Рязань из Москвы, где через водоотводный канал перекинут пешеходный мост, соединяющий Лаврушинский переулок с Болотной площадью (площадью Репинского фонтана). Этот мост также примерно с 2006 г. увешан амбарными замками с любовными и свадебными надписями, а в 2007 г. кондитерская фирма «Рафаэлло» там вдобавок поставила еще и металлическое деревце, тоже предназначенное для размещения на нем замков (и уже унизанное ими). Летом 2007 года фирма «Рафаэлло» проводила рекламную акцию: предлагала пешеходам на мосту привязать на деревце алую ленточку с фирменным знаком; в итоге дерево заалело красивыми лентами. К 2010 г. на мосту «произрастало» уже 7 свадебных деревьев, а в дальнейшем их число возросло и часть из них «спустилась» на Болотную набережную.

Мировоззрение детей – особая проблема. Частично мировоззренческие особенности выражаются подростками в граффити, но это лишь малая часть детских воззрений на природу и человека, на свою роль в мире.

Мировоззрение детей и подростков градуируется по возрастам; современное представление о вселенной и своем месте в ней во многом отличается от традиционного, тем не менее в какой-то мере сохраняет классические и даже архаические черты. К области детского мировосприятия относится мнение о школе, важность которой определяется ее позиционированием как «второго дома». В высказываниях школьников разных классов о школе просматривается ряд стереотипов.

Школьники Зарёвской школы Михайловского р-на писали сочинения о школе будущего. Их мечты оформлены в разделе «Мысли» на школьном сайте в Интернете. Этот материал 2004 г. является показательным для сравнительно-исторического анализа.

Наиболее существенным стереотипом оказывается представление о школе как о рае. Этот стереотип-понятие наследует и в какой-то степени завершает семантическую линию «рай – земля обетованная – церковь-рай – дом-рай – школа-рай». В этом смысле стереотипность понятия «школа-рай» вполне закономерна. Однако возникает ряд вопросов: является ли «школа-рай» типичной для всех школьников или только для сельских, связанных более тесными узами со старшим «патриархальным поколением» и объединенных определенными общинными обычаями? Порождена ли идея «школы-рая» райской тематикой в росписях школьных стен, сознательно внедренной школьным художником?

Несколько фрагментов школьных сочинений содержат понятие «школа-рай», стереотипия которого включает в себе образы вечного лета, райского сада («экзотические цветы», «удивительные деревья», «тропические фрукты»), растущей на деревьях готовой еды («готовые булочки и пирожки», «разные аллеи со всякой пищей»). Вот образцы: «В моем представлении школа имеет вид бублика. В середине “бублика” школьный двор, в котором постоянно, и зимой, и летом, растут экзотические цветы. Зимой “дырка от бублика”, т.е. школьный двор, накрывается колпаком, изолирующим от морозов цветы. Школа одноэтажная и без лестниц. Пол состоит из двух движущихся в противоположные стороны дорожек» (2004, класс 9а, Даньшова Света); «Около школы растут удивительные деревья. На одной аллее готовые булочки и пирожки. На другой растут разные тропические фрукты. И так много разных аллей со всякой пищей» (2004, класс 9а, Першина Н). Удивительно, что здесь содержатся те же представления, что и в сатирической «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина, входящей в школьную программу по литературе для 5 класса!

Сказочный образ «волшебного помощника» нашел свое новое воплощение в механизированном образе. По фольклорной линии, ведя свое происхождение от волшебных сказок, этот образ дополнился чертами НЛО-навтов, инопланетян и космических пришельцев из модифицированных быличек. По литературной линии, он подвергся трансформирующему влиянию книжной фантастики о роботах и подчинился более широкой идее использования труда рабов, слуг, любой наемной силы. В основе образа лежит извечное стремление человека избавиться от нетворческой и рутинной, «черновой» и тяжелой физической работы. Вот типичные образцы:

«Директор в школе – робот» и «учительница-киборг ведет урок географии» (5в, Поздняков Кирилл); «Я хочу, чтобы... учителя так не уставали, а им в помощники пришли учителя-роботы» (2004, класс 8б, Чугунова Юлия); «За длинным столом в учительской сидят около семи роботов, которые проверяют тетрадки» (2004, класс 9а, Привалова Наташа); «Но где же первая учительница моя? Конечно, это тоже будет робот и управлять им будем мы, ученики из будущего» (2004, класс 8б, Швецова Людмила); «Техничек заменили бы на роботов, а учителей оставили бы, так как когда урок ведет живой учитель, а не бездушный автомат <...>» (2004, класс 8в, Растопчин Алексей); «Дежурить, мыть и убирать в школе будут роботы» (2004, класс 8б, Попов Игорь); «После учебного дня роботы приводят школу в порядок:

моют полы, проветривают классы, закрывают школу и становятся на свое место до утра» (2004, класс 8в, Долгов Дима); «Столовая будет размещена рядом с учительской. Еду будут разносить роботы» (2004, класс 9а, Киселева Лена).

Сказочный образ «волшебного предмета» трансформировался в сугубо техническое средство, почерпнутое из научно-популярной литературы или даже из реальности (особенно из мира электроники). Вот примеры: «<...> вместо доски голографический экран. Если дотронуться до доски указкой, на доске появится нужная тема», «Вместо учебников носят маленькие компьютеры, вместо тетрадей – карманные экранчики, дневники в школах отменили. Ребята подсказывают друг другу с помощью мозгового передатчика. Его вставляют в ухо» и «Мне хотели надеть на голову шлем виртуальной реальности» (2004, класс 5в, Поздняков Кирилл); «Вместо доски большой экран, вместо мела – электронный карандаш, на каждой парте установлен компьютер и маленький экран, аналогичный большому. Берешь карандаш, пишешь на своем экране, и это все воспроизводится на большом, провел рукой – и все стерлось» (2004, класс 9а, Губарев Вася); «Писать мы будем в собственный маленький компьютер, который будет у нас всегда в кармане, он будет выдавать любую нужную ученику информацию» (2004, класс 9а, Киселева Лена). Интересно, что в 2010-е годы эти мечты рязанских школьников воплотились в жизнь (по крайней мере, в Москве – с полной компьютеризацией школы).

Сказочный хронотоп также повлиял на координаты пространства и времени, в котором расположена «школа будущего». Пейзаж оказывается во многом технологичным, и его составляющими являются роботы, необычные машины и т.п. Важна возможность перемещаться во времени. Вот примеры: «В кабинетах истории будут стоять машины времени, чтобы учащиеся могли собственными глазами видеть важнейшие исторические события: появление человека на Земле, различные битвы, свержения царей» (2004, класс 8а, Тепцов А.); «На стенах в коридоре висят интересные картины, которые так и называются – “Умные портреты”. Например, подходишь к Толстому или Фонвизину, нажимаешь на кнопку, и портрет оживает, начинает с тобой разговаривать на любые темы...» (2004, класс 8б, Губарева А.).

Сказочные сапоги-скороходы, ковер-самолет в сознании детей и подростков преобразились в новое быстроходное транспортное средство, также летающее: «Во дворе школы стоят летающие велосипеды» (2004, класс 5в, Поздняков Кирилл); «Чтобы у каждого ученика вместо парт и столов воздушная подушка, которая перемещается бесшумно и плавно» (2004, класс 8в, Прошина А.); «На двенадцатом году обучения я хотел бы, чтобы нас учили ездить на межпланетных машинах» (2004, класс 8б, Живихин Женя). Интересно, что первый пример восходит к прототипу транспортного средства, особенно употребительного именно в сельской местности из-за удобства преодоления на нем небольших расстояний.

Обнаруживается ведущий свое происхождение от загадок и волшебных сказок стереотип – быстрота мысли. Известны загадка, которая входит в реестр волшебного-сказочных задач: «Что быстрее всего на свете? – мысль»; устойчивое выражение «со скоростью мысли».

Или еще пример о быстроте мысли и об обмене мыслями между участниками дискуссии или обучающимися (в данном случае): «На передней стене вместо доски висит огромный голографический экран. На него с помощью виртуального шлема можно проецировать свои мысли. Достаточно подумать о чем-то, и твои мысли окажутся на экране» (2004, класс 8в, Долгов Дима).

Психологизм детских фантазий проявляется в том, что роботы все-таки уподоблены людям, имеют половую принадлежность, повторяют их манеру поведения: «Но робот-охранник очень часто ловил нас и драл за уши незаметно от учителей и директора», «робот разозлился» и «робот забыла про меня» (2004, класс 5в, Поздняков Кирилл).

В мечты о будущем проникают названия школьных предметов, построенные по модели школьных жаргонизмов или даже совпадающие с ними: «<...> урок математики, или, как его сейчас называют – урок решалки» (2004, класс 5в, Поздняков Кирилл).

Интересно, что представления современных школьников о мире многовекторны. С одной стороны, мечты устремлены в будущее (отсюда фантастическое проектирование футурологической школы как компьютерно-космического комплекса). С другой стороны – управление школой осуществляется при помощи архаического мифологического персонажа, соответствующего местным народным традициям, – домового (!). Его статус прописан на сайте Зарёвской школы Милославского р-на: «Существует в школе даже специальная должность хранителя традиций – домовый Кузя, должность, уважаемая всеми – от перво-классника до директора. На должность домового избирается ученик 5-7 класса, чья внешность, характер наиболее подходит для этой роли. Приказы, распоряжения Кузи обязательны для всех, а на его проделки не положено обижаться. Но и ответственность на нем лежит большая – он обязан хранить верность традициям школы и не допускать ни малейших отклонений от них. Говоря современным языком, домовый Кузя – шеф протокола средней школы № 1» (сайт Зарёвской школы Михайловского р-на).

Образ домового Кузи заимствован из сказки Татьяны Александровой «Домовёнок Кузька» и его экранизации (4 фильма, 1984-1987) по сценарию Марины Вишневецкой и Валентина Берестова.

Из сообщения Андрея Демина, 16 лет, ученика этой школы, видно, что образ традиционного крестьянского домового все-таки существует в сознании детей и подростков: «Мне было около 10 лет. Я лег спать, как вдруг услышал шорох на полке, потом что-то спрыгнуло на пол и запрыгнуло ко мне на подушку. Я боялся шевельнуться, закричать, от напряжения пот лил с меня ручьём. А существо так и лежало у меня на подушке, через некоторое время я уснул. Утром все было нормально. Домашних животных у нас в то время не было. После этого я задумался о существовании домового (ответ на анкету 2004 г.)».

¹ См.: Самоделова Е.А. Традиционная и современная рязанская свадьба (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Часть 2 /Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2015. Вып. 56. Т. 2. Глава 6. С. 165-168.

² Здесь и далее: Записи автора. Фото [img_1120.jpg](#) – [img_1186.jpg](#) от 27.05.2009, г. Касимов.

³ См.: Самоделова Е.А. Фольклорные комментарии к произведениям Есенина: по материалам Этнологического архива Рязанской области // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. Часть III / Есенин в XXI веке. Вып. 6. М.; Константиново; Рязань: Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2018. С. 335-359; Самоделова Е.А. О фольклорно-этнографических истоках некоторых мотивов и образов в творчестве Есенина (по материалам этнологического архива и фольклорных экспедиций // Современное есениноведение. Рязань, 2018. № 2 (45). С. 36-52.

⁴ РИАМЗ. ЭА ОИРК. Ф. III/614. Кн. 20. Ед. хр. 491. Л. 31 (2) – Худзинская Л.А., сообщ. А. Н. Зиновьева. Запись 1928 г.

⁵ Здесь и далее – Записи автора, фото [img_5367.jpg](#) и след. от 23.07.2009, с. Морозовы Борки Сапожковского р-на.

⁶ Записи автора – фото [img_5732.jpg](#) от 24.07.2009, с. Морозовы Борки Сапожковского р-на.

⁷ Записи автора – фото [img_5732.jpg](#) от 24.07.2009, с. Морозовы Борки Сапожковского р-на.

⁸ Записи автора – фото [img_1455.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

⁹ Записи автора – фото [img_1456.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

¹⁰ Записи автора – фото [img_1457.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

¹¹ Записи автора – фото [img_1459.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

¹² Записи автора – фото [img_1460.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

¹³ Записи автора – фото [img_1461.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

¹⁴ Записи автора – фото [img_1463.jpg](#) от 20.09.2010, г. Новомичуринск Пронского р-на.

Заключение

Итак, фольклорно-этнографические, художественно-автобиографические и культурологические рязанские материалы позволяют сделать выводы о сфере употребления детской и материнской терминологии, о жанровых вариациях образа ребенка, о возрастной градации детских дефиниций, о разнообразии художественных средств в области поэтизации ребенка, об употреблении в прямом и переносном (иносказательном) смыслах лексики из «семантического пучка» понятийных обозначений дитяти, о жанрах детского и материнского фольклора в его региональной традиции.

Нуждается в исследовании условное «детское и материнское поле» в рязанской части Интернета.

Требуется изучить еще целый ряд архивов, в том числе архив Русского географического общества (СПб.), описанный Д. К. Зелениным (1916)¹, хотя его печатный каталог использован в настоящей монографии. Как уже говорилось в соответствующих главах, этот архив интересен тем, что он датирует первые (или одни из первых) описания народных ритуалов на Рязанской земле (напр., угощения бабкиной кашей после крещения ребенка, записанного священником Петром Крыловым в юго-восточной части Рязанского уезда в 1850 г.) и записи песен-потешек и колыбельных песен 1859 годом (собиратель Т. Т. Соловьев в г. Данков).

Данные Ученого архива РГО являются ценным свидетельством того, что на Рязанщине научный интерес к материнскому и детскому фольклору, к родильно-крестильной обрядности возник в середине XIX века, причем первыми собирателями стали лица духовного звания (священники, богословы и т.п.).

Опубликованные материалы присовокупили к числу первых собирателей фольклорно-этнографических сведений по теме материнства и детства в Рязанской губ. еще целый ряд представителей разных сословий и сфер профессиональной деятельности: помещиков (В. В. Селиванова, О. П. Семёнову-Тян-Шанскую), домашних учителей (П. В. Шейна), студентов (П. И. Якушкина, И. А. Худякова, А. В. Маркова).

В XX-XXI веках к ним добавились юнкера и школьники, учителя и вообще школьные работники, врачи и медицинский персонал в целом и т.п. Профессиональные фольклористы, этнографы (Н. И. Лебедева, Б. В. Горбунов, супруги А. В. и Е. А. Ефимовы, Т. А. Листова) и этномузыковеды (Н. Н. Гилярова) внесли свой научный и экспедиционно-собираТЕЛЬский вклад.

«Вторая волна» собирания детского и материнского фольклора прокатилась по Рязанщине в 1920-е годы. Замечательная объемная разножанровая фольклорная коллекция хранится в рукописном фонде Этнографического архива Общества исследователей Рязанского края (РИАМЗ, г. Рязань) и сразу же была отображена в «Описании рукописей Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края» А. А. Мансурова (вып. 1-3 и др., 1928-1930 и след.).

Далее последовал период относительного затишья в собирании детского фольклора, хотя с 1960-1970-х годов студенты Рязанского государственного педагогического института (ныне Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина) под руководством фольклористов В. К. Соколовой и В. П. Гришина, а в 1980-е годы – В. А. Чапышкина собирали рязанский фольклор (в том числе детский) во время летней студенческой фольклорной практики. Изданный по собранным материалам сборник «Устное народное творчество Рязанской области» (в серии «Ученые записки Рязанского государственного педагогического института», 1965)² включил сказки и другие фольклорные жанры.

Н. Н. Гилярова в книгах «Детский фольклор Рязанской области» (1992) и «Детский фольклор Рязанской области. Рязанская глиняная игрушка. Народные музыкальные инструменты России» (в соавторстве с коллекционером свистулек А. Н. Фрумкиным, 1994) сделала, очевидно, первые нотные записи колыбельных песен на Рязанщине³.

Энциклопедией детских игр региона можно считать сборник Б. В. Горбунова, А. В. Ефимова и Е. А. Ефимовой «Традиционные народные игры и забавы Рязанского края» (1994)⁴.

Отраслевой энциклопедический словарь «Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь» И. А. Морозова, И. С. Слепцовой (Кызласовой), Н. Н. Гиляровой, Л. Н. Чижиковой (2001)⁵ содержит много статей, посвященных детскому и материнскому фольклору, а также родильно-крестильной обрядности одного из районов Рязанской губ. / обл.

На архивном и лично собранном в 2002 году этнографическом материале построена глава 20 «Рождение детей в обрядах и обычаях. Культура материнства» Т. А. Листовой из коллективного труда «Русские Рязанского края: В 2 т.» (2009)⁶.

Требуют перевода из звукового в буквенный вид наши фольклорные записи, производившиеся в Рязанской обл. с 1982 г. Записи велись сначала на аналоговых магнитофоне и диктофоне, с 2006 г. – на цифровой аудио- и видеотехнике. Эти аудиофиксации содержат богатый материал по детскому фольклору, а также этнографические описания семейного быта и воспитания детей. В настоящем издании использована лишь небольшая часть фольклорных экспедиционных записей автора, отраженная в беловых тетрадях и полевых дневниках из личной коллекции.

Естественно, за два столетия собирания фольклорно-этнографических сведений о материнстве и детстве трансформировалось само поле исследования: изменились структура семьи и система взаимоотношений между поколениями взрослых и детей, модифицировалось влияние общества и школы на ребятишек, усилились миграционные процессы (из одной деревни в другую, из села в город и т.п.), расширился кругозор людей всех возрастов и проч.

Уроженец Рязанской губ. философ-самоучка Николай Федоров идею трактата «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» основывал на призыве Евангелия от Матфея: «Аще не будете, как дети, не внидете в Царствие Небесное» (Мф 18:3). Н. Федоров охарактеризовал ситуацию в дореволюционном обществе, когда взрослые должны уподобиться детям, чтобы почувствовать всеобщее родство и стать настоящими людьми:

«Дитя, не только не понимающее еще ни рангов, ни чинов, ни всех отличий, установившихся вне Царствия Божия, разрушивших родство, возникших на его развалинах, но и сознающее свое родство со всеми без различия положений или не знающее ничего, вне родства заключающегося, и потому готовое на услуги всем без соображения пользы, выгод, без всякого лицепрятия, дитя, обладающее такими свойствами, уясняет ученикам, почему Царство Божие принадлежит детям и чем они, взрослые, должны уподобиться детям, чтобы сделаться членами этого царства; уподобиться же детям – значит сделаться сыном человеческим или вновь родиться им»⁷.

Большинство так называемых «Богородичных икон» изображают Богоматерь с младенцем Христом, что поднимает тему материнства до божественных высот. Православные христиане постоянно лицезреют такие иконы в церквях и на домашних божничках, слушают во время божественной литургии сюжеты о материнской заботе Богородицы и взаимоотношениях с сыном, читают евангельские притчи.

Казалось бы, XXI век – постиндустриальный век с Интернетом и мобильной телефонной связью – должен был развернуть сознание образованных людей к реальной действительности. Однако многие старинные поверья, ритуалы и обычаи (в том числе связанные

с темой материнства и детства) не изжили себя, а продолжают стойко держаться у рязанцев и жителей других регионов, особенно в сельской местности.

Словом, несмотря на получившийся объемным двухтомный труд, изучение темы материнства и детства обязательно должно быть продолжено.

¹ См.: Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географического общества: В 3 вып. Пг.: Типогр. А. В. Орлова, 1916. Вып. 3. Стб. 990–1280, 4 с.

² См.: Устное народное творчество Рязанской области /Ученые записки Рязанского гос. пед. ин-та /Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. К. Соколовой и В. П. Гришина. Т. 38. М.; Рязань: Просвещение, 1965.

³ См.: Гилярова Н.Н. Детский фольклор Рязанской области /Рязанский этнографический вестник, 1992; Гилярова Н.Н., Фрумкин А.Н. Детский фольклор Рязанской области. Рязанская глиняная игрушка. Народные музыкальные инструменты России /Рязанский этнографический вестник, 1994. Изд. 2, доп.

⁴ См.: Горбунов Б.В., Ефимов А.В., Ефимова Е.А. Традиционные народные игры и забавы Рязанского края /Рязанский этнографический вестник, 1994.

⁵ Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь /Рязанский этнографический вестник. 2001. Вып. 28.

⁶ См.: Листова Т.А. Рождение детей в обрядах и обычаях. Культура материнства. Глава 20 // Русские Рязанского края: В 2 т. М.: Индрик, 2009. Т. 2. С. 118-165.

⁷ Федоров Н. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. С. 80-81.

Приложение 1.

Список условных сокращений библиографического характера и учреждений

ГЛИМ – Государственный литературный музей, отдел рукописей (г. Москва).

ГМЗЕ – Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, отдел фондов (с. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл.).

Есенин, том, стр. – Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука, 1995-2001. (Или 2-е стереотип. изд.).

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, отдел рукописей (г. Москва).

ИЭА – Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, отдел рукописей (г. Москва).

ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (г. Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека, отдел рукописей (г. Москва).

РГО – Русское географическое общество, архив рукописей (г. Санкт-Петербург).

РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, отдел рукописей (г. Рязань).

РОНМЦНТ – Рязанский областной научно-методический центр народного творчества.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.): Наука, 1965 (продолжается).

ССРНГ – Словарь современного русского народного говора: д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. М.: Наука, 1969.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка /Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

ШЭС – Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь /Рязанский этнографический вестник. 2001. Вып. 28.

Приложение 2.
Топонимический список мест записи фольклора и
фольклорно-этнографических событий

В Топонимический список внесены названия селений, городов, рек, уездов / районов Рязанской губ. / обл., упомянутые в 1-2 томах монографии. Помимо официальных названий, учтены народные названия. К топонимическим вариантам одного селения приведены перекрестные отсылки. Административно-территориальная принадлежность населенных пунктов дана в соответствии со временем, указанным в тексте монографии (в некоторых случаях дополнительно сообщаются современные или, наоборот, устаревшие сведения по районированию, если они тоже встречаются в двухтомнике).

Не указаны топонимы, не имеющие отношения к Рязанщине, хотя и упомянутые в монографии. Также не отмечены рязанские микротопонимы (названия сельских улиц, монастырей и т.п.), о которых шла речь в двухтомнике, поскольку они не относятся к так называемому «фольклорному паспорту» рассказчика или варианта устно-поэтического произведения.

- Абрахово – деревня Клепиковского р-на
- Авдотьино – деревня Шацкого р-на
- Агишево – село Шацкого р-на
- Агишевского крахмального завода поселок – поселок Шацкого р-на
- Агро-Пустынь (прежде Аграфенина Пустынь) – село Рязанского р-на
- Аделино – поселок Шиловского р-на
- Акишино – деревня Касимовского у.
- Аксень – деревня Ухоловского р-на
- Аксиньино – деревня Рязанского у. / р-на
- Акулово – деревня Дубровской вол. Касимовского у. / Клепиковского р-на
- Александровка – село Рязского р-на
- Александро-Прасковьянка (бывш. Глинки) – деревня Сапожковского р-на
- Алексеево – село Касимовского у.
- Алексеевское – сельцо Раненбургского у.
- Алёшино – деревня Сынтульской вол. Касимовского у.
- Алёшня – река
- Ал-Невск – народное название Александро-Невского – поселка городского типа, районного центра
- Алтухово – деревня Клепиковского р-на
- Анатолевка – деревня Шостынской вол. Касимовского у. / р-на
- Андрейково – деревня Клепиковского р-на
- Андроново – деревня Клепиковского р-на
- Анемнясево – село Погостынской вол. Касимовского у.
- Аристово – деревня Старожиловского р-на
- Архангельская вол. Рязанского у. / р-на
- Асаново – деревня Зарайского у.
- Асаново – деревня Рязанского у.
- Астромино – село Рязанского р-на
- Батыкóво – село Клепиковского р-на
- Бахметьево – село Александро-Невского р-на
- Бахметьево – село Сараевского р-на
- Белоомут – село Зарайского у.

-
- Береговое (бывш. Островое, Поляны, Чудилище, Самодуровка Песочинской вол.) – село Путятинского р-на
- Березняги – село Скопинского р-на
- Бессоновка – село Спасского р-на
- Богослов – народное название деревни Богословка Шацкого р-на
- Богословка – деревня Шацкого р-на
- Большие Озёрки (Озёрки) – село Сараевского р-на (см. Озёрки)
- Большое Агишево – село Шацкого р-на
- Большой Кусмор – село Касимовского р-на
- Большой Мутор – село Касимовского у.
- Борисково – деревня Клепиковского р-на
- Борисково – село Рязанского р-на
- Борки – деревня Старожиловского р-на
- Борки – село Касимовского у.
- Борки – село Рязанского у. / р-на
- Борки – село Шацкого р-на
- Борки – село Шиловского р-на
- Боршевое – село Милославского р-на
- Братиловое – деревня Алексеевской вол. Касимовского у.
- Булгаково – деревня Сынтульской вол. Касимовского у.
- Бусаево – село Клепиковского р-на
- Быковка (Быково) – деревня Пронского у.
- Быково (Быковка) – деревня Пронского у.
- Бычки – село Телятниковской вол. Сапожковского у. / Сараевского р-на
- Валово – деревня Архангельской вол. Рязанского у.
- Васино – село Путятинского (бывш. Сараевского) р-на
- Васютино – село Егорьевского у.
- Вельково – деревня Касимовского у.
- Веретье – село Спасского р-на
- Ветчаны – деревня Клепиковского р-на
- Вырково – деревня Касимовского р-на
- Выселки – деревня Рыбновского р-на
- Выжелес – село Спасского у. / р-на
- Вышгород – село Рязанского у.
- Вышетравинское – народное название села Вышетравино Рязанского у.
- Гавриловское – село Спасского р-на
- Гололобово – сельцо Зарайского у.
- Городецкое – деревня Старожиловского р-на
- Гремячка – село Данковского у.
- Григорьевское – деревня Кораблинского р-на
- Гулынки – село Пронского у.
- Данков – город, уездный и районный центр Рязанской губ. / Липецкой обл.
- Данковский у. (ныне р-н Липецкой обл.)
- Дарьино – поселок Кадомского р-на
- Демидово – село Шацкого р-на
- Дёмкино – село Чаплыгинского р-на Липецкой обл. (бывш. Раненбургского у. Рязанской губ.)
- Деулино – деревня Рязанского р-на
- Дмитриевка – деревня Сараевского р-на
- Дмитриево – деревня Клепиковского р-на
- Дмитриево – село Скопинского р-на

- Дмитрово – народное название деревни Дмитриевка Сараевского р-на
 Добрые Пчёлы – деревня Захаровского р-на
 Долгино – село Мурминской вол. Рязанского у. / р-на
 Дорофеево – деревня Ново-Покровской вол. Егорьевского у.
 Дубровичи – село Рязанского р-на
 Дубровки (деревня Отводная Дуброва, сельцо Отводная Дубровка) – село (?)
 Гиблицкой вол. Касимовского у.
 Дурновская волость Пронского уезда
 Дурное (ныне Октябрьское) – село Пронского у. (см. Октябрьское)
 Егорьевск – город, уездный центр (ныне районный центр Московской обл.)
 Елизаветинка – деревня Тырново-Слободской вол. Спасского у.
 Елатьма – поселок Касимовского р-на
 Епихино – деревня Старожиловской вол. Рязанского у.
 Ерахтур – село Касимовского у.
 Ерденово – деревня Бетинской вол. Касимовского у.
 Ермишинский р-н
 Ермолково – село Касимовского р-на
 Ермолково – село Скопинского р-на
 Ершовские выселки – деревня Клепиковского р-на (см. д. Исток)
 Ершово – деревня Старожиловского р-на
 Ерыгино – деревня Касимовского р-на
 Жёлобово – село Сараевского р-на
 Жолчино – село Зарайского у.
 Заболотное – село Данковского у.
 Завидово (Назарово) – деревня Чучковского р-на
 Загрядчино – деревня Раненбургского у.
 Залесное – деревня Касимовского р-на
 Занины Починки – село Касимовского у.
 Зарайск – город, уездный центр (ныне районный центр Московской обл.)
 Зарайский уезд
 Заря – поселок Михайловского р-на
 Земское – деревня Сынтульской вол. Касимовского у.
 Зимёнки – деревня Архангельской вол. Рязанского у.
 Ибердус – село Касимовского у.
 Ивановка – деревня Кадомского р-на
 Иванково – деревня Клепиковского р-на
 Ижевское – село Спасского у. / р-на
 Ильино – деревня Касимовского у.
 Инкино – деревня Касимовского р-на
 Инякино – село Шиловского р-на
 Исады – село Спасского р-на
 Исток – деревня Клепиковского р-на (см. Ершовские выселки)
 Истье – село Старожиловского р-на
 Кадом – город, районный центр (бывш. заштатный город Тамбовской губ.)
 Казачий Дюк – село Шацкого р-на
 Казачья Слобода – село Шацкого р-на
 Казмо-Демьянское – село Сапожковского у. (ныне с. Озёрки Сараевского р-на – см. Озёрки)
 Канино – село Сапожковского р-на
 Карево – деревня Пронского у.
 Касимов – город, уездный и районный центр

- Кердь – река, правый приток р. Проня
 Кипчаково – село Ряжского у. (ныне Кораблинского р-на)
 Кисьва – село Пронского у. / р-на
 Княжое – село Кораблинского р-на
 Колесниково – деревня Клепиковского р-на
 Колёсна – село Захаровского р-на
 Кочемары – деревня Касимовского р-на
 Клепиковский р-н
 Климушинка – деревня Пителинского р-на
 Колесниково – деревня Клепиковского р-на
 Колёсна – село Захаровского р-на
 Комаровка (ныне с. Ленино) – село Раненбургского у. / Новодеревенского р-на (ныне
 Александро-Невского р-на)
 Константиново – село Рязанского у. / Рыбновского р-на
 Константиново – село Шиловского р-на
 Константиновское (Константиново) – село Рязанского у. (см. Константиново)
 Корневое – село Скопинского р-на
 Коровка – село Сапожковского р-на
 Котелино – село Кадомского р-на
 Кочемары – деревня Касимовского р-на
 Кочемирово – село Кадомского р-на
 Красная Вершина – село Сараевского р-на
 Красная слободка – деревня Данковского у.
 Красное – село Абакумовской вол. Пронского у.
 Красное – село Сапожковского р-на
 Кривское – село Сараевского р-на
 Криуша – село Клепиковского р-на
 Круглое – село Данковского уезда
 Крутец – село, ныне Кадомского р-на
 Крыловка – деревня Шиловского р-на
 Кузьминки – деревня Раненбургского у.
 Кузьмино – деревня Касимовского у.
 Кузьминово – народное название с. Кузьминское Рыбновского р-на (см.
 Кузьминское)
 Кузьминск – народное название с. Кузьминское Рыбновского р-на (см. Кузьминское)
 Кузьминское – село Рязанского у. / Рыбновского р-на
 Кулики – село Шацкого р-на
 Култуки – деревня Клепиковского р-на
 Куровщино – село Ряжского р-на
 Курша – погост Клепиковского р-на
 Курша – река в Клепиковском р-не
 Кутловы Борки – село Сараевского р-на
 Кучино – деревня Ижевского р-на (бывш. Спасского у., ныне Спасского р-на)
 Лебяжье – село Раненбургского у.
 Ленино – село Новодеревенского / Александро-Невского р-на
 Лесное Ялтуново – село Шацкого р-на
 Лихунино – село Касимовского у.
 Лом – село Касимовского у.
 Ломакино – деревня Касимовского у.
 Лопатино – село Скопинского р-на
 Лоша – деревня Ухорского прихода Пронского у. / Кораблинского р-на

- Лоша – река, прежде называлась Лошица, левый приток р. Проня (см. Лошица)
Лошица – река, ныне называется Лоша, левый приток р. Проня
Лубянки – село Ухоловского р-на
Лукино – деревня Старожиловского р-на
Лукмос – село Сапожковского р-на
Лучинск – село Старожиловского р-на
Любовниково – село Касимовского р-на
Макковеево – село Касимовского у.
Малахово – село Касимовского у. / Клепиковского р-на
Малопроломский приход Шацкого у. Тамбовской губ. (ныне территория Шацкого р-на Рязанской обл.)
Малый Кусмор – село Касимовского р-на
Малый Мутор (Муторка (Бобровка)) – деревня Касимовского у. / р-на
Марьино – деревня Шацкого р-на
Матово – часть с. Константиново Рязанского у. / Рыбновского р-на
Мелекшинó – деревня Старожиловского р-на
Мелехово – село Касимовского у.
Мелехово – село Чучковского р-на
Мервино – село Троицкой вол. Рязанского у.
Мещёрская сторона – Клепиковский и Касимовский р-ны и часть Рязанского и Спасского р-нов
Михайловский уезд
Мишино – село Зарайского у.
Мишутино – деревня Шацкого у.
Можары – село Сараевского р-на
Мордвиново – село Ряжского у.
Морозовы Боркí – село Сапожковского р-на
Мосолово – село Спасского у.
Муняково – деревня Старожиловского р-на
Муравлянка – село Сараевского р-на
Муравлянка – село Скопинского р-на
Мураёвня – село Данковского у.
Муторка (Бобровка; позже Малый Мутор) – деревня Касимовского у. (см. Малый Мутор)
Нагайское – село Ряжского у.
Назарово – деревня Касимовского р-на
Назарово (Завидово) – деревня Чучковского р-на
Нармушадь – деревня Касимовского у.
Насилова – село Полянской вол. Пронского у.
Некрасовка – деревня Шиловского р-на
Немятово – деревня Клепиковского р-на
Неустроево – деревня Клепиковского р-на
Нефедово – село Киструсской вол. Спасского у.
Никита-Поляна – деревня Шацкого р-на
Никольские выселки (Дурное) – деревня / село Пронского у. (ныне с. Октябрьское Пронского р-на)
Никольское – село Сапожковского р-на
Никуличи – село Рязанского р-на
Новая – деревня Шацкого р-на
Новая Пустынь – село Шиловского р-на
Новики – село Спасского р-на

-
- Новое Батурино – деревня Зарайского у.
 Новокрасное – село Сапожковского р-на
 Новомичуринск – город Пронского р-на
 Новопанское – село Михайловского р-на
 Ново-Покровское – село Егорьевского уезда
 Ново-Чернеево (Новочернеево) – село Шацкого р-на
 Норино – деревня Клепиковского р-на
 Одоевщина – село Сараевского р-на
 Озериха – село Сараевского р-на
 Озёрки – село Сараевского р-на (б. Ряжского у.)
 Ока – река в Рязанской обл. и соседних областях
 Октябрьское (бывш. Никольские выселки, Дурное) – село Пронского р-на (см. Никольские выселки, Дурное)
 Ольховка – деревня Шиловского р-на
 Ореховка – деревня Шиловского р-на
 Островое (бывш. Поляны, Чудилище, Самодуровка Песочинской вол.; ныне Береговое) – село (ныне Путятинского р-на; см. Береговое)
 Островок – село Сараевского р-на
 Павловка – деревня Александро-Невского р-на
 Павловка – деревня в 6-ти верстах от с. Б. Мутор Касимовского р-на
 Павлово – деревня Клепиковского р-на
 Паники – село Сараевского р-на
 Панино – село Спасского р-на
 Пансурово – деревня Клепиковского р-на (см. Панцирово)
 Панцирово – деревня, ныне д. Пансурово Клепиковского р-на (см. Пансурово)
 Пáра – река
 Парахино – село Касимовского у. (ныне Владимирской обл.)
 Парышка – село Сапожковского р-на
 Перехваль – село Данковского р-на Липецкой обл. (бывш. Рязанской губ.)
 Перово – село Касимовского у.
 Петровичи – село Спасского уезда
 Печерниковские Выселки – село Пронского р-на
 Пителино – село, районный центр
 Пителинский р-н
 Плахино – село Захаровского р-на
 Погост Дощатый – село Зарайского у.
 Подлесная Слобода / Подлесное – село Рязанского у. / р-на
 Подосинки – деревня Раненбургского у.
 Полтевы Пеньки – село Кадомского р-на
 Польное Ялтуново – село Шацкого р-на
 Поляны (бывш. Островое, Чудилище, Самодуровка Песочинской вол.; ныне Береговое) – село (ныне Путятинского р-на; см. Береговое)
 Поляны – село Рязанского у. / р-на
 Поляны – село Скопинского р-на
 Пбщупово – село Рыбновского р-на
 Пригородные слободы г. Михайлов
 Пупкино – деревня Захаровского р-на
 Пустынь – село Касимовского у. / р-на
 Путятино – село Сапожковского у. (ныне центр Путятинского р-на)
 Пущино – деревня Сараевского р-на
 Радовицы – село Егорьевского у. / р-на (ныне Московской обл.)

- Раменки – село Рыбновского р-на
Ремизово – село Сараевского р-на
Ржавец – ручей в Пронском у.
Ровное – деревня Рязанского у.
Рождество Лесное – село Рязанского р-на
Рожново – село Зарайского у.
Роман-Дарки (Романовы Дарки) – село Шацкого р-на
Рудаково – деревня Касимовского у.
Руденка – деревня Раненбургского у.
Ряжск – город, уездный и районный центр
Рязанская Мещёра – территория части Рязанского и Спасского р-нов и
Клепиковского и Касимовского р-нов
Рязанский уезд
Рязань – город, губернский и областной центр
Рясы – село Мосоловской вол. Спасского у.
Саблино – село Сасовского р-на
Салтыки – село Ряжского р-на
Салтыково – деревня Пронского у.
Самодуровка (бывш. Островое, Поляны, Чудилище Песочинской вол.) – село
Путятинского р-на (см. Береговое)
Сапожок – село / город, уездный и районный центр
Сараевская волость Сапожковского уезда
Сараи – пгт, районный центр
Сасыкино – село Шиловской вол. Спасского у.
Свинчус – село Занинской вол. Касимовского у.
Сеитово – село Касимовского у.
Секирино – село Скопинского р-на
Селезнево – село Спасского у.
Селище – сельцо Касимовского у.
Семенск – село Пронского у.
Сергеево – деревня Клепиковского р-на
Сергиевка – деревня Дубровской вол. Касимовского у.
Сергиевка-2 – село Шиловского р-на
Симакино – деревня Касимовского у.
Смолеевка – село Ухоловского р-на
Собчаково – село Сапожковского р-на
Соколово – деревня Пителинского р-на
Солчино – деревня Рязанского у.
Сотницы – село Сасовского у.
Софийка – деревня Милославского р-на
Спас-Клепики – город (бывш. село), районный центр Клепиковского р-на
Старочернеево – село Шацкого р-на
Стафурлово – деревня Рязанского у.
Степаново – деревня Касимовского у.
Стóлпцы – село Старожиловского р-на
Студёнки – село Александро-Невского р-на
Сумерки – деревня Кадомского р-на
Сынтульская вол. Касимовского у.
Сысои – село Сараевского р-на
Сычовка – деревня Кадомского р-на
Тамышево – село Клепиковского р-на

- Тарадеи – село Шацкого р-на
 Татаркино – деревня Старожиловского р-на
 Телебукино – село Касимовского у.
 Темирево – село Пителинского р-на
 Тимошкино – село Шиловского р-на
 Токарево – село Касимовского у.
 Троица – село Спасского р-на
 Тума – поселок городского типа Клепиковского р-на
 Тюково – село Клепиковского р-на
 Уланова гора – деревня Касимовского у.
 Урдово – деревня Касимовского р-на
 Урицкое – деревня Спасского р-на
 Урусово – деревня Данковского у.
 Урядино – деревня Китовской вол. Касимовского у.
 Успенровка – деревня Шацкого р-на
 Ухолово – поселок городского типа, районный центр
 Ухоловский р-н
 Ухорь – село Пронского у.
 Фёдоровка – деревня Касимовского уезда / р-на
 Федосово – село Шацкого р-на
 Федотьево – село Спасского у. / р-на
 Федякино – деревня Клепиковского р-на
 Федякино – село Рязанского у. / Рыбновского р-на
 Цветки – деревня Шацкого р-на
 Цна – река в Сасовском р-не
 Часлово – деревня Гавринской вол. Касимовского у. (ныне Клепиковского р-на)
 Черёмушки – село Александро-Невского р-на
 Чернава (д. Черново) – деревня Ряжского р-на
 Чернава – село Милославского р-на
 Чёрная Речка – село Ряжского у. (ныне Сараевского р-на)
 Чермные – село Кадомского р-на
 Черная Слобода – село Шацкого р-на
 Чудилище (бывш. Островое, Поляны, Самодуровка Песочинской вол.; ныне Береговое) – село (ныне Путятинского р-на; см. Береговое)
 Чулково-Лихарево – село Скопинского р-на
 Чулково – село Скопинского р-на
 Шабаево – деревня Клепиковского р-на
 Шацкий у. Тамбовской губ. / р-н Рязанской обл.
 Шевырляй – село Шацкого р-на
 Шелемишево – село Скопинского р-на
 Шелковая – деревня Старожиловского р-на
 Шемякино – деревня Касимовского у.
 Шушпаново – деревня Рыбновского р-на
 Шушпаны – народное название д. Шушпаново Рыбновского р-на (см. Шушпаново)
 Темешево – село Шацкого р-на
 Шеянки – село Касимовского у.
 Шиловский р-н
 Шóстье – село Касимовского р-на
 Щербатовка – село Касимовского р-на
 Щурово – село Зарайского у. (?)
 Ялмонт (Ялмонти) – село Егорьевского у.

**Приложение 3.
Анкета по детскому фольклору (2004)**

Глубокоуважаемая администрация школы! Дорогие учителя!

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (при участии Института мировой литературы им. А. М. Горького) Российской академии наук готовит этнографическую энциклопедию Рязанской области¹ и просит вас принять посильное участие в анкетировании. Попросите школьников ответить на вопросы анкеты. Ответы присылайте по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Институт мировой литературы. Самоделовой Елене Александровне. Или по e-mail: helsa@rambler.ru. Надеемся на сотрудничество!

1. Ваш возраст, пол и место жительства.
2. В какие игры вы играете? Есть ли игры со словами? Приведите их.
3. Знаете ли считалки? Приведите примеры.
4. Какие загадки вы знаете?
5. Какие используете приметы на уроке, чтобы не вызвали к доске и не получили двойку?
6. Какие знаете страшные гадания и вызывания духов (Пушкина, Пиковой Дамы, Гнома и др.)? Расскажите о них.
7. Как пренебрежительно старшие дети называют младших? И наоборот: как младшие уважительно именуют старших детей? Кто придумывает прозвища?
8. Какие существуют у вас дразнилки?
9. Ведете ли альбомы со стихотворными пожеланиями, анкетами друзей? Что в них пишете, рисуете? Делаете ли секреты?
10. Рассказываете ли страшные истории? Страшные рассказы или страшные стихи? О чем они? Рассказываете их днем или ночью?
11. Знаете ли истории про колдунов, домового, дворного, русалку, водяного, конский волос, кикимору? Расскажите.
12. Пускают ли мальчики кораблики? Изготавливают ли их сами из подручного материала (щепок, коры, кусков дерева и т. д.)?
13. Запускают ли в небо бумажных змеев? Самодельных или покупных?
14. Делают ли самолетики из бумаги? А другие фигуры? Какие?
15. Делаете ли вы надписи на заборах, стенах? Какие? Что изображаете? Чем пишете или рисуете? Как называется этот стиль настенных рисунков и надписей?
16. Изготавливают ли мальчики деревянные тросточки, вырезают ли орнамент? Зачем это нужно? В какое время года?
17. Пасут ли мальчики лошадей, коров, овец, коз? Ездят ли в ночное?
18. Рыбачат ли мальчики? Ловят ли раков? Чем ловят (руками или снастями)? Изготавливают ли сами удочки и другие снасти?
19. Делают ли самодельные самокаты?
20. Умеют ли мальчики играть на гармошке? Делать дудки (из бересты, камыша и др.) и дудеть в них, или в коровьи рожки? Когда играют? Какие мелодии?
21. Строите ли шалаши или домики? Из каких материалов и зачем? На земле или на деревьях, внутри хозяйственных построек и домов? Что делаете в них?
22. Делают ли девочки кукол из травы, соломы, лоскутков и других подручных материалов?
23. Делают ли мальчики рогатки? В кого или во что стреляете?

24. Бывают ли у вас военно-патриотические игры «Зарница», «Орлёнок», «Казаки-разбойники»? Праздники военной тематики? Уроки мужества? Встречи с ветеранами? Возложение цветов к обелиску погибшим воинам? В какие дни? Кто инициатор?

25. Как отмечаете Новый год и Рождество? Были на празднике «Елки»? Сами наряжаете елку – настоящую или искусственную? Изготавливаете ли сами из бумаги, фольги елочные игрушки, гирлянды, снежинки и др.? Какие новогодние песни поете: «В лесу родилась елочка», «Авсень», «Коляда», «Рождество твое, славим тя» и др.? Обходите ли дворы с песнями? Угощают ли вас при таких обходах и чем?

26. Рядитесь ли до неузнаваемости? Во что? Кого из себя представляют костюмы ряженных? Что делаете?

27. Можно ли хулиганить на Святки? Затыкать домоход, закладывать калитку, запирают ворота, утаскивать сани и др.?

28. Празднуете ли Валентинов день? Как?

29. Дарите ли на 8 марта мамам, сестричкам, одноклассницам что-нибудь, сделанное самостоятельно? Что именно?

30. Отмечаете ли Хеллуин (Хеллоин)? Как?

31. Как отмечаете последний звонок?

¹ Русские Рязанского края: В 2 т. /Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Отв. ред. С. А. Иникова. М.: Индрик, 2009.

Содержание

Глава 38. Роль рассказывания сказок в воспитании детей.....	5-11
Глава 39. Воспитательная роль песенных и речитативных жанров детского фольклора: игры-потешки, скороговорки.....	12-23
Глава 40. Познавательная роль жанра загадок и вопрос о детском языке.....	24-46
Глава 41. Девичьи игры в куклы, в «школу», в «магазин», в «секретики».....	47-55
Глава 42. Мальчишеские игрушки и детские сооружения типа домика.....	56-66
Глава 43. Глиняные игрушки. Свистульки.....	67-77
Глава 44. Обычай конаться и бросать жребий перед началом игры.....	78-84
Глава 45. Считалка как жанр детского фольклора и предварение игры.....	85-106
Глава 46. Детские приговорки и заклички.....	107-110
Глава 47. Угрозы взрослых и жанр страшилки.....	111-119
Глава 48. Роль взрослых (старших) в организации игр детей и подшучивание над младшими (слабыми).....	120-122
Глава 49. Игры со словесными формулами.....	124-132
Глава 50. Подвижные игры без игровых атрибутов и с палками.....	133-142
Глава 51. Маневренные игры с костями животных, лаптями.....	143-151
Глава 52. Динамичные игры с мячом / шаром.....	152-161
Глава 53. Игры с закрыванием глаз или с прятаньем.....	162-170
Глава 54. Фантазийные и азартные игры и наказание за проигрыш.....	171-175
Глава 55. Военизированные игры.....	176-182
Глава 56. Детское геройство.....	183-189
Глава 57. Детские и подростковые посвятельные ритуалы.....	190-194
Глава 58. Праздничные подростковые забавы.....	195-201
Глава 59. Сезонные и повседневные развлечения подростков.....	202-209
Глава 60. Фольклорные жанры «молчанка» и «дразнилка».....	210-221
Глава 61. Прозвища: народная терминология, типология, история возникновения и наследования.....	222-227
Глава 62. Коллективные (групповые) и метафорически-абстрактные прозвища: способы образования и особенности функционирования.....	228-243
Глава 63. Индивидуальные прозвища: их морфология, происхождение и внедренность в фольклорные жанры.....	244-254
Глава 64. О семантике, генезисе прозвищ и их количестве у одного человека.....	255-268
Глава 65. Помощь родителям.....	269-277
Глава 66. Трудовое воспитание детей в сельском обществе.....	278-282
Глава 67. Сюжет о блудном сыне и символически-магическая роль ребенка в святочных гаданиях, на свадьбе и в вещих снах.....	283-289
Глава 68. Различные детские образы во взрослых обрядовых и поздних необрядовых песнях и плачах.....	290-293
Глава 69. Сюжет о гибели ребенка (детей) в песнях.....	294-302
Глава 70. Современные детские «анкеты».....	303-309
Глава 71. Девичьи (и юношеские) «альбомы» как предшественники «анкет».....	310-319
Глава 72. О граффити как самовыражении детей и о мировоззрении школьников.....	320-329
Заключение.....	330-332
Приложение 1. Список условных сокращений библиографического характера и учреждений.....	333

Приложение 2. Топонимический список мест записи фольклора и фольклорно-этнографических событий.....	334-341
Приложение 3. Анкета по детскому фольклору (2004).....	342-343

Рязанский этнографический вестник

